

Д. Х. МАРГУЛАН

К. А. АКИШЕВ

М. К. КАДЫРБАЕВ

А. М. ОРДЗБАЕВ

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
КАЗАХСТАНА

„НАУКА“ - АЛМА - АТА - 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» Казахской ССР
в 1966 году выпускает следующие книги
по истории, археологии и этнографии:

С. Н. Покровский. РАЗГРОМ ИНОСТРАН-
НЫХ ВОЕННЫХ ИНТЕРВЕНТОВ И БЕЗОГВАР-
ДЕНЦЕВ В КАЗАХСТАНЕ (1918—1920 гг.). На
русском языке. 20 л. Цена 1 р. 35 к.

А. С. Елагин. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИ-
ТЕЛЬСТВО В КАЗАХСТАНЕ В ГОДЫ ГРАЖД-
ДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918—1920 гг.). На русском
языке. 18 л. Цена 1 р. 41 к.

С. Нурмухамедов, В. Саюсыйо, Р. Су-
лейменов. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СОЦИАЛИ-
СТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В КАЗАХ-
СТАНЕ (1933— июнь 1941 г.). На русском язы-
ке. 20 л. Цена 1 р. 35 к.

КУЛЬТУРА И БЫТ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХ-
СКОГО КОЛХОЗНОГО АУЛА. На русском язы-
ке. 20 л. Цена 1 р. 35 к.

Э. А. Маташов. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЭТНО-
ГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСКОГО
НАРОДА. На русском языке. 15 л. Цена 1 р.
05 к.

Книги высылаются по предварительным заказам
наложенным платежом. Цены даны ориентировочно.

Заказы направляйте по адресу: г. Алма-Ата,
Шевченко, 28. Издательство «Наука» Казах-
ской ССР.

**ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
КАЗАХСТАНА**

А. Х. МАРГУЛАН, К. А. АКИШЕВ, М. К. КАДЫРБАЕВ, А. М. ОРАББАЕВ

ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

*Под редакцией академика
Академии наук Казахской ССР
А. Х. МАРГУЛАНА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР

В книге обобщены итоги многолетних археологических исследований Центрального Казахстана. Она состоит из двух частей. Первая посвящена памятникам эпохи бронзы, вторая — памятникам эпохи раннего железа.

В первом разделе на основе описания и изучения могильников и поселений дается периодизация памятников двух культур: андроновской и безымянской, освещаются вопросы хозяйства, быта и религиозных представлений местных племен.

Во втором разделе публикуются результаты раскопок 120 курганов, дается характеристика памятников двух исторических периодов: VII—VI и V—III вв. до н. э., исследуются вопросы хозяйства, культуры и этногеографии племен, населявших эту территорию в эпоху раннего железа.

Все памятники Центрального Казахстана рассматриваются в сравнении с памятниками культуры племен и народностей Алтая, Южной Сибири, Семиречья, Поволжья и южных районов России. Работа иллюстрирована. Рассчитана на научных работников — историков, преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов вузов.

*Светлой памяти первого президента
Академии наук Казахской ССР,
исследователя Центрального Казахстана,
академика
Камыша Имантаевича САТПАЕВА
посвящается этот труд .*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Центральный Казахстан — один из интереснейших районов нашей страны, он известен не только своими неисчерпаемыми природными богатствами, но и уникальными историко-культурными памятниками. Еще в древности казахский народ присвоил ему поэтическое название Сары-Арка (Желтеющий хребет). Под этим термином понимается обширное плоскогорье, окаймленное на юге Арало-Балхашской низиной, на западе — Каспийской равниной и Тургайской столовой страной, на севере — Западно-Сибирской низменностью и на востоке — долиной Иртыша. Геологи считают, что название Сары-Арка удачно передает геоморфологическое устройство и рельеф Центрального Казахстана¹.

Территория Казахского нагорья была известна и античным писателям, называвшим ее Аспазией, или Скифскими горами, из которых текли реки на юг, в Яксарт. По автору «Илиады», это была страна коневодов, «домтелей кобылиц и питающихся кобыльим молоком»². Археологические исследования последнего десятилетия подтверждают высказывания античных писателей и пол-

нее характеризуют быт древних племен Сары-Арки. Раскопки показывают, что начиная с эпохи поздней бронзы Центральный Казахстан был одной из крупных областей древнего скотоводства, населенной преимущественно овцеводами и коневодами, одновременно занимавшимися разработкой руд.

Древняя история Центрального Казахстана долго оставалась неизученной. Отрывочные сведения древних писателей и авторов раннего средневековья не раскрывают истории этой обширной страны. Даже в трудах средневековых писателей, начиная от Вильгельма Рубрика и кончая Абулгази Бахадуром, трудно найти какие-либо данные по истории Центрального Казахстана. Единственным и весьма важным источником для написания древней истории, и особенно истории бесписьменного периода Сары-Арки, являются археологические памятники, изучение которых позволит воссоздать исторический облик этой страны.

Предлагаемая работа написана на материале многолетних полевых исследований Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, организованной Институтом истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР под руководством А. Х. Маргудана. Это попытка создать первый научный

¹ Г. Ц. Медоев. Сары-Арка. (К топоонимике Центрального Казахстана). «Вестник АН КазССР», 1948, № 1.

² Гомер. Илиада. М. — Л., 1935, стр. 355.

труд по древнейшей истории Центрального Казахстана. В монографическом исследовании дается подробная характеристика редких и малоизвестных памятников Центрального Казахстана и на основе их изучения прослеживается процесс постепенного развития материального производства в эпоху бронзы и раннего железа, т. е. раскрывается история патриархально-родового общества от его зарождения до разложения и наступления периода образования племенных союзов и господства военной демократии.

Монография состоит из восьми глав. По характеру материалов она разделена на две части. Первая часть посвящена теоретической разработке истории пастушеских племен Центрального Казахстана эпохи бронзы. В ней говорится об одомашнении диких животных, зарождении скотоводства, рассматриваются вопросы ийлажного типа скотоводства и постепенного перехода его в пастбищно-кочевое. Во второй части излагается история развития кочевых племен Центрального Казахстана в период раннего железа (VII—IV вв. до н. э.). Книге предпослано обширное введение, в котором дана характеристика археологического исследования Центрального Казахстана.

В первой части монографии описаны памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Материал систематизирован по двум основным видам культуры бронзы — андроновской и бегазы-дандыбаевской. Эта хронологическая классификация обусловлена своеобразием памятников Центрального Казахстана как важнейшего центра древней металлургии. Исходя из этого, памятники раннеандоновской культуры объединены под названием «нуринский этап», а позднеандоновской — «атасуский». Такое наименование культура получила от рек Нуры и Атасу, в долинах которых были обнаружены наиболее яркие и типичные памятники двух этапов. Здесь же читатель найдет описание поселений, жилищ и жертвенных сооружений эпохи бронзы, о которых ранее не было известно.

Особенно интересна глава, посвященная культуре эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. В ней впервые описываются такие комплексы памятников, как Байбала II, Ортау II, Вугулы II, Айдарлы и другие, которые относятся ко времени перехода от пастушеского к кочевому скотоводству.

В монографию не вошел обширный материал из раскопок памятников Бегазы, Сангру I, III, Вельсар II и Вугулы III, требующий дополнительных исследований.

В заключительной главе первой части дается анализ специфики развития двух культур эпохи бронзы, рассматриваются вопросы хозяйства и общественного устройства, развития семейно-брачных отношений и верования; восстанавливается быт и одежда, планировка семейно-родовых поселений и конструкция жилищ. Самостоятельные параграфы посвящены добыче руд, методам плавки и литья, технике изготовления металлических, каменных и костяных орудий, оружия и предметов украшения. Большое внимание уделено изучению изменения форм глиняной посуды, эволюции орнаментики, технике изготовления и обжига керамических изделий.

Все историко-археологические выводы рассматриваются отдельно по каждому хронологическому этапу развития, как вытекающие из динамики развития материальной культуры. Отмечается, что на раннем этапе культуры бронзового века хозяйство племен развивалось в двух направлениях, как придомное пастушеское скотоводство и как примитивное земледелие мотыжного типа. Для первой половины позднего этапа (X—VIII вв. до н. э.) характерен переход к ийлажному скотоводству при сохранении оседлости, а для конца его — переход к кочевому скотоводческому хозяйству.

В этот период в обществе еще господствуют патриархально-родовые отношения, но уже выделяется большая патриархальная семья, а позднее — малая индивидуальная семья, возникают семейные общины, противостоящие роду. В семейно-брачных отношениях преоб-

ладает парный брак, одновременно происходит довольно быстрое развитие моногамии, что вызывается появлением индивидуальной собственности, а позднее зарождением и развитием частной собственности и института наследственности.

Изученные могильники и поселения не выходят из хронологических рамок двух историко-культурных периодов: андроновской культуры (II тысячелетие до н. э.) и бегазы-дандыбаевской (начало I тысячелетия до н. э.). Научный анализ памятников свидетельствует о близости их по культуре и времени федоровскому и алакульскому этапам андроновской культуры Приуралья, Южной Сибири и Приобья.

Сравнительное изучение памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана — бегазы-дандыбаевской культуры — позволяет заключить, что она синхронна известной карасукской и замараевской культурам Минусинской котловины, Алтая, Приобья и Зауралья.

Однако при всех сходных чертах этих двух культур эпохи бронзы Центрального Казахстана с культурами соседних территорий они имеют свои характерные особенности, которые проявились во внешнем виде памятников, форме и орнаментике посуды, в погребальном обряде и позволяют выделить их в самостоятельные культуры.

Центральный Казахстан был одним из основных районов становления и развития андроновских племен вообще. Скопление большого количества различных памятников этого времени (поселения, могильники, рудные разработки, жертвенные сооружения) на сравнительно локальной территории, их внешний вид, техника сооружения, уровень производства предметов материальной культуры говорят о высокой культуре, которую можно назвать классической андроновской. Племена Центрального Казахстана с их высокоразвитой культурой оказывали влияние на развитие культуры близлежащих районов, поэтому наиболее близкая аналогия и идентичность

культуры центральноказахстанской наблюдаются в памятниках эпохи бронзы Северного, Западного и Восточного Казахстана.

Во второй части монографии описаны уникальные памятники скифо-сакского времени, открытые и исследованные в последние годы в северо-восточных районах Центрального Казахстана.

В основу ее положен обильный материал раскопок могильников Тасмола, Карамурун, Нурманбет. Работу следует рассматривать как промежуточный итог наших знаний по древней культуре скотоводческих племен этого района в эпоху раннего железа.

Многочисленный и разнообразный материал раскопок и другие данные, относящиеся к Центральному Казахстану, позволили выделить на этой территории своеобразную культуру сакского типа, по характеру близкую семиреченско-тарбагатайским и алтайско-южносибирским памятникам этого времени и названную по местонахождению «тасмолинской». Внешним выражением ее является особый тип сооружений — курганы «с усами».

В первой главе второй части дана общая характеристика памятников исследуемого района, а затем они отнесены к двум этапам тасмолинской культуры. В конце главы приводится сравнительный материал по погребальным обрядам соседних и более отдаленных скотоводческих племен Монголии и Тувы, Алтая, Семиречья и Поволжья.

Во второй главе анализируется и классифицируется вещественный материал, разрабатывается хронологическая таблица и определяются место и время тасмолинской культуры среди других культур скифо-сакской эпохи евразийских степей. Основанием для этого служит разнообразный материал, условно разбитый на три основных категории: вооружение, конское снаряжение, предметы украшения и бытовой утвари. В начале главы дается краткий обзор состояния изученности проблемы скифской культуры и связанных с ней вопросов. В заключение подводится итог исследо-

важного археологического материала и на его основе определяются территориальные и хронологические особенности культуры Тасмола.

В третьей главе рассматриваются вопросы расселения племен по данным письменных источников, занятия и образ жизни древних скотоводов Сары-Арки, дается также характеристика бронзолитевному искусству и технике обработки таких материалов, как золото, кость, рог и т. д.

Книга обильно снабжена иллюстрациями, в том числе картами маршрутов экспедиции, распространения памятников эпохи бронзы и раннего железа, а также синхронными таблицами.

Первая часть написана А. Х. Маргуланом — предисловие, введение, глава II, § 3, глава III; А. Х. Маргуланом и А. М. Оразбаевым — глава IV; К. А. Акишевым — главы I, II и V; в главе II А. М. Оразбаеву принадлежит описание могильников Ботакара, Канаттас, Ельшибек, Егиз-Койтас, Жамбай-Карасу, Васбалдак, Алтынсу, Жанайдар и Вельсар, а М. К. Кадырбаеву — могильника Сангру II.

Вторая часть книги написана М. К. Кадырбаевым.

Иллюстрации выполнены художниками П. В. Агаповым, К. А. Власовым и Г. Б. Демченко.

При написании и подготовке к изданию данной работы были учтены ценные советы и пожелания ленинградских археологов, в частности сотрудников сектора Средней Азии и Казахстана. Считаю своим долгом выразить им искреннюю благодарность.

В полевых исследованиях Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция часто опиралась на поддержку местных общественных учреждений, в частности районных организаций Улутауского, Джезказганского, Жана-Аркинского, Шетского, Актогайского и Каркаралинского районов, а также областных организаций города Караганды. Руководитель и сотрудники экспедиции благодарны всем этим учреждениям. В работе экспедиции сезонно принимали участие Л. Р. Кыласов, Г. И. Пачевич, Т. Н. Сенигова, А. Г. Максимова, Х. А. Алпысбаев, Г. В. Кушаев, студенты Казахского государственного университета, Казахского педагогического института, Карагандинского педагогического института и другие. Нам хочется выразить большую признательность этим товарищам.

ЧАСТЬ 1

ПАМЯТНИКИ
ЭПОХИ БРОНЗЫ

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

По своим географическим условиям Центральный Казахстан (Сары-Арка) представляет собой складчатую страну, изрезанную многочисленными реками и обширными водоемами. Весьма своеобразно и морфологическое устройство этого района. На фоне беспредельного степного моря возвышаются многочисленные горные цепи, создавая причудливую картину горно-степного пейзажа. Наиболее известные из них: Каркаралы, Ваин-Аул, Улутау, Атасу, Кокшетау, Имантау, Жаксы-Жангыстау и другие, воспетые в веках народными певцами. Самой высокой точкой Арало-Иртышского водораздела на западе являются горы Улутау, а на востоке — горы Каркаралы (Кызыл-Арай). С гор сбегает множество рек. Одни текут на юг, в Арало-Балхашский бассейн, другие — на север, в бассейн Иртыша. Реки Сары-Су, Ишим, Нура, Тургай и другие сыграли огромную роль в культурной и экономической жизни древнего населения Центрального Казахстана. Благоприятные природные условия Сары-Арки — обширные пастбища, прохладный климат горных долин, наличие хорошей воды и руд — явились основными причинами поселения здесь древнего человека. Богатство недр полезными ископаемыми сделало Центральный Казахстан одним из важных центров древней металлургии. В этом районе шла интенсивная разработка медных, оловянных

и серебряных руд, причем местное население добывало металл не только для собственных нужд, но и для обмена (Геродот).

На протяжении многих веков Центральный Казахстан заселяли племена яркой самобытной культуры, оставившие здесь после себя многочисленные, порой грандиозные памятники, которые расположены в основном вдоль речных долин, на обширных межгорных впадинах и в ущельях, где имеются удобные поливные земли, сочные луговые травы и богатые залежи полезных ископаемых. Особый интерес вызывают памятники, относящиеся к эпохе бронзы и раннего железа.

Богатейшие и многообразные памятники Центрального Казахстана известны давно. О них в своих трудах упоминали еще восточные писатели, в частности арабские, иранские и среднеазиатские ученые X—XVI вв. (Ибн-Фадлан, Ал-Бируни, Ал-Идриси, Мухаммед-Хайдар). Знаменитый среднеазиатский ученый Ал-Бируни писал, что в стране кимаков есть «чудесный источник пресной воды; там — следы ноги, рук с пальцами и колен человека; следы ребенка и копыт осла»¹. По мнению Ал-Бируни, гуны

¹ Абу-Рейхан Ал-Бируни. Избранные произведения. I. Памятники мусульманских поколений. Перевод и примечания М. А. Салда. Ташкент, 1957, стр. 290.

леской повошкой, а горные районы Семиречья, Тарбагатай и Алтай — стол на четырех ножках. Очевидно, с помощью этих рисунков автор хотел передать образ жизни и быт местных племен.

объясняет высыханием степей Казахстана. «И ныне, — говорит он, — в тех местах поверхность постоянно изменяется постепенным высыханием почвы между нижним Сихоном, верхним Иртышом, Тоболом и Уралом»⁵.

Рис. 1. Наскальные рисунки в горах Калмак-Кырган.

Интересно, что севернее страны тангутов (собственно уйгуров) показана «Великая резиденция» Ван-Хана (керейтского). К сожалению, местонахождение древней резиденции Ван-Хана, отмеченное на карте Фра-Мауро, остается пока неизвестным.

Ссылаясь на эти карты, К. Риттер, а затем Ф. Вруко утверждали, что в XVII в. «река Сары-Су еще изливалась в Аральское море, а ныне в Телегуль, на расстоянии пятидневного пути от Арала». Однако Риттер не обратил внимания на замечание Фра-Мауро, что р. Сары-Су впадает в Малое озеро. Прекращение р. Сары-Су не доходя до Аральского моря (точнее — нижней Сыр-Дарьи) Риттер

Сейчас уже никто не оспаривает, что в древности реки Сары-Су, Чу и Тургай впадали в Аральское море. Их древние русла сохранились до наших дней и близко подходят к Сыр-Дарье в районе Кызыл-Орды.

Значительные материалы по археологии и исторической топографии Северо-Восточного и Центрального Казахстана рассеяны в исторических источниках Сибири XVI—XVII вв., и прежде всего в сибирских летописях, в отписках служилых людей, открывавших «новые земли», в опросниках сибирских воевод о

⁵ К. Ritter. *Erdkunde von Asien*. T. II, Berlin, 1834, S. 648.

землях и народах Казачьей Орды⁹, а также в записках путешественников XVI—XVII вв. Особого внимания заслуживают сведения летописи «Сказание о человецех, незнаемых в Восточной стороне» (первая половина XVI в.)¹⁰, летописи Саввы Есипова (1636 г.), «Сказания о чудесах (о первоначальном населении Сибири и Северного Казахстана)» и описания памятников раннего средневековья¹¹. В «Новом летописце» (XVII в.) впервые говорится о сибирских писаницах, о древних постройках в степи¹². Обширный историко-топографический материал содержится в книге Большому Чертежу¹³, Сибирских чертежных книгах С. У. Ремезова, а также в трудах летописца И. Л. Черепанова. Из многочисленных трудов С. У. Ремезова («Чертеж всей Сибири», «Чертеж Тобольской земли до Казачьей Орды» и др.) особый интерес для нас представляет его главный труд «Чертежная книга Сибири», написанная в 1701 г., а в ней «чертеж земли всей безводной и малопроходной каменной степи»¹⁴. Он составлен по распоряжению Петра I, на основе расспросных материалов, полученных от Ф. Скибина и М. Трошина, побывавших в ставке Таукехана в г. Туркестане в 1698 г.* В этом атласе показаны многие древние надписи и постройки в долине р. Ишима.

Позднее Г. Н. Потанин писал, что в «Атласе Ремезова» отмечены места древних городов или построек: на правом берегу Каратала, правого притока Тургай — «град пустой», на левом берегу Ишима,

между реками Тесир-гор и Тылкара — «город каменный», на реке Сары-Су — «мечеть» без собственного имени, «мечеть Булганана и мечеть Талмас-Ати», на Иртыше — «мечеть в урочище Кабалгасун», а также приведены надписи в долине Черного Иртыша и в горах Тарбагатай. Причем имеется «наображение, похожее на поле, усеянное костями, и подле надпись: «кости». Г. Н. Потанин думал, «не свидетельства ли это о местах военных побоев или о местах прежних обиталищ?»¹⁵.

Для исследователей исторической топографии Казахстана интересны и записки путешественников по Сибири XVII в., в частности записка посольства в Китай Ф. И. Вайкова (1654—1658 гг.). Он шел от Тобольска по северо-востоку Казахстана, вверх по Иртышу до Кара-Иртыша, а оттуда сухим путем добрался до Монголии и Китая. В записке имеются первые сведения об оросительной системе и поливном земледелии в верхнем Иртыше. Кроме того, Ф. И. Байков одним из первых упоминает об остатках древних архитектурных сооружений и поселений, о каменных палатах и хорах. Эта записка давно привлекала внимание ученых. Еще в середине XVIII в. она была опубликована Г. Ф. Миллером в изданиях Академии наук¹⁶, затем в полном или сокращенном виде она издавалась Н. И. Новиковым¹⁷, Г. И. Спаским¹⁸, Н. И. Ивановым¹⁹, Н. Сахаровым²⁰.

Ряд археологических и историко-топографических сведений о Северо-Восточном Казахстане можно найти в работе другого русского посланника в Китай

⁹ П. И. Небольсин. *Покорение Сибири*. СПб., 1849; *Сборник кн. Хилкова*. СПб., 1879; А. А. Титов. *Сибирь в XVII в.* М., 1890.

¹⁰ См. Древности. «Труды Московского археологического общества», 1890, кн. XIV.

¹¹ «Сибирские летописи». СПб., 1907, стр. 116.

¹² «Русская летопись по Никонову списку». Ч. 8, СПб., 1792; «Полное собрание русских летописей». Т. IV, вып. 1, СПб., 1910.

¹³ А. Махшеев. *Географические сведения книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае*. «ИРГО», 1878, т. XIV, вып. 1.

¹⁴ С. Ремезов. *Чертежная книга Сибири*, составленная в 1701 году. СПб., 1882.

* У В. В. Бартольда в 1694 г. Это, видимо, ошибка, так как Петр I тогда еще не был провозглашен царем.

¹⁵ Г. Н. Потанин. *Чертежная книга Сибири*, составленная тобольским сыном боярским Семеновым Ремезовым в 1701 г. «Журнал министерства народного просвещения», ч. 227, 1883, июль, стр. 316—319; А. И. Андреев. *Очерки по источниковедению Сибири*. М., 1960, стр. 193.

¹⁶ «Ежемесячные сочинения Академии», июль, 1755.

¹⁷ «Древняя Российская Византика», IV, 1798.

¹⁸ «Сибирский вестник», 1820, ч. X.

¹⁹ Н. И. Ивьяков. *Описание государственного разрядного архива*. М., 1882, стр. 387—429.

²⁰ Н. Сахаров. *Сказание русского народа*. Т. II, кн. 8, СПб., 1849, стр. 125—135.

(1675 г.)— Н. Г. Спафария²¹. Он проехал от Тобольска до Ямышева и далее, через Сибирь, в Китай. По возвращении в Москву Спафарий представил обширный географический труд, в котором имелось и описание берегов р. Иртыша, народов, живших по нему, а также «мечетей», где «стоят серебряные, медные и деревянные идолы»²². Примечателен и историко-географический труд «Описания Новые земли Сибирского государства»²³ Никифора Венюкова, посетившего Китай в составе посольства Н. Спафария. Говоря о топографии Северо-Восточного Казахстана, нельзя не отметить записки некоторых европейских путешественников по Сибири XVII в., в которых упоминаются древние памятники Казахстана. Мы имеем в виду труды Исаака Массы²⁴, Юрия Крижанича²⁵, Ибраида Идеса²⁶ и Николая Витзена²⁷. Помимо собственных наблюдений, Исаак Масса (1601—1609) и Николай Витзен при написании книг использовали сведения, полученные от различных лиц. Юрий Крижанич был сослан в Тобольск и долго жил там (1661—1676), по возвращении на родину он составил труд «*Historia de Sibiria*» (1680—1681), который в 1822 г. был опубликован Г. Н. Спасским²⁸, а в 1890 г. А. А. Титовым²⁹.

²¹ Ю. В. Арсеньев. Статейный список посольства Н. Г. Спафария в Китай (1675—1678). «Вестник археологии и истории», 1906, XVII.

²² Г. Н. Потанин. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. «Записки РГО по отделению этнографии», 1882, т. X, вып. 1, стр. 30—150.

²³ А. Н. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960, стр. 71.

²⁴ И. Масса. Краткое описание путей и рек, ведущих из Москвы на Восток. См.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Изд. 2-е, Иркутск, 1941, стр. 242—266.

²⁵ С. А. Велокуроев. Крижанич в России. М., 1902, стр. 197—200.

²⁶ Журнал путешествия Ибраида Идеса (1692). «Древняя Российская Византизма». Над. 2-е, ч. VIII и IX, 1799.

²⁷ N. Witsen. Nord en Oost Tartaryen. Amst. 1692.

²⁸ «Сибирский вестник», 1822, ч. XVII и XVIII, СПб.

²⁹ А. А. Титов. Сибирь в XVII веке. М., 1890, стр. 115—216.

Юрий Крижанич писал, что «...в Сибири повсюду встречаются неизвестные гробницы древних народов. Кладоскатели, занимаясь грабительством, нашед там-то серебряные, выкапывают иногда несколько серебра. Я сам видел выкопанные таким образом серебряные сосуды»³⁰.

Большой материал по археологии Северо-Восточного Казахстана имеется в книгах голландского географа и юриста Николая Витзена. В начале девятнадцатых годов XVII в., живя в Москве, он собрал богатый исторический и археологический материал. В 1692 г. Н. Витзен издал свой труд «Северо-Восточная Татария», в котором описал предметы быта и украшения, полученные из России от Петра I через посланников боярина Ф. А. Головина. Среди вещей были золотые и серебряные сосуды, шейные гривны, пряжки, подвески, кольца, пластинки (рельефы) с изображениями диких зверей и домашних животных, которые составили в первом издании его труда пять таблиц³¹. Коллекция его все время пополнялась. В 1705 г. он подготовил второе, дополненное издание. Однако лучшим считается третье, обновленное издание 1785 г., посвященное Петру I. Оно хорошо иллюстрировано и снабжено ста таблицами рисунков, выгравированных на меди. Эта книга не утратила своего значения и поныне³². Таблицами Н. Витзена пользуются и сейчас многие археологи и искусствоведы. Краткий перевод той части сочинения Н. Витзена, которая касается памятников археологии Сибири и Казахстана, сделан академиком В. В. Радловым³³. Н. Витзен пишет: «Недалеко от р. Тобола встречаются под горами особого рода весьма древние могилы, в которых была найдена металлическая утварь из серебра, меди и железа». И далее: «В некоторых

³⁰ См. «Сибирский вестник», 1822, ч. XVII, стр. 66.

³¹ В. В. Радлов. «Сибирские древности», 1888, т. I, вып. I, СПб., стр. 2.

³² С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962, стр. 7.

³³ В. В. Радлов. «Сибирские древности», 1894, т. I, стр. 127—134.

местностях можно видеть пришедшие в упадок старые стены и развалины бывших там, по-видимому, городов, и что там находим разные памятники»³⁴. Н. Витзен, пользуясь данными Ф. И. Байкова, Н. Г. Спафария, С. У. Ремезова и других путешественников и летописцев Сибири, вскользь говорит и о руинах Семи палат, Аблайкитского замка и других. Всесторонний анализ работ Н. Витзена, посвященных вопросам археологии, истории и этнографии народов Сибири, Казахстана и Средней Азии, дан Н. Ф. Катановым³⁵.

В наше время полный перевод книги на русский язык сделан В. Г. Трисманом, но издание еще находится в стадии научной подготовки³⁶.

В первой четверти XVIII в. к Казахстану и Средней Азии усилился интерес Петра I, считавшего казахские степи «воротами всем землям Азии». В связи с этим сюда было организовано несколько экспедиций: А. Бекевича-Черкасского в Хиву (1714—1717), Ф. Беневени в Вухару (1719—1725), И. Д. Вухгольца (1715—1716) и И. М. Лихарева (1720) к верховьям Иртыша, И. С. Унковского в Джунгарский Алатау (1723) и др. Помимо поисков месторождений золота и ознакомления с экономикой края, Петр I придавал огромное значение изучению и собиранию древностей. После того как ему было сообщено (1714 г.) о песочном золоте и кладях в степи, он приказал собирать на местах древние сокровища, приобретать археологические памятники и посылать их в Берг-коллегию или в Московскую и Петербургскую аптеки³⁷. Из «Дел кабинета Петра Великого» нам известно несколько его указов 1716 и 1718 гг.³⁸ Уже в январе 1716 г. от

М. П. Гагарина поступила первая коллекция золотых вещей: два золотых рельефа (бляхи) с изображениями львов, четыре небольшие бляхи с изображением диких зверей и другие. В декабре того же года из Тобольска была выслана вторая партия сибирской коллекции, или шесть «мест» золотых вещей³⁹.

Много золотых и серебряных вещей поступило от А. Н. Демидова, директора уральских и сибирских заводов, и его преемника В. И. Геннина. По указу от 1727 г. Геннину было велено «иметь старание в поисках всяких подземельных старинных вещей... в поиске и в покупке остоящих, тунгусских и татарских идолов и прочих чудесных старинных и всяких подземельных вещей: золотых, серебряных, медных, каменных и костяных... также каменья: сердолику, хрусталию и прочих цветов... и оные покупать на адешиные заводские деньги»⁴⁰.

Еще в 1718 г. Петр I издал два указа, в которых был определен размер вознаграждения за добытые из курганов вещи: за скелет древнего человека — тысячу рублей, за голову — пятьсот⁴¹.

О проведении раскопок курганов упоминается и в указе 1723 г. и в качестве специалиста по «бугровым» делам назван тобольский боярский сын Иван Буткеев, работавший еще при Гагарине. «Буткеев, — говорится там, — осматривал места и вершины, и камень, и урчища»⁴². Следовательно, вещи, найденные в курганах и присланные Гагариным, а затем Черкасским по указам Петра I, были собраны Буткеевым в разных местностях. Термины «и вершины, и камень» скорее напоминают ландшафт горных рек и мелкосопочников Центрального Казахстана, чем равнины Западной Сибири.

Петр I положил начало и научному изучению памятников культуры Сибири и Казахстана. В 1719 г. он послал в Си-

³⁴ В. В. Радлов. «Сибирские древности», 1888, т. I, вып. I, стр. 4.

³⁵ Н. Ф. Катанов. Витзен и его сочинения о России. Госархив Татарской АССР, ф. 969, оп. 1, д. 17.

³⁶ В. Г. Трисман. О русской этнографической карте XVII в. «Краткие сообщения Института этнографии», 1950, X, стр. 54—56.

³⁷ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I, стр. 11.

³⁸ В. В. Радлов. «Сибирские древности», 1902, т. II, вып. I. Приложения, стр. 53—55.

³⁹ С. И. Руденко. Указ. соч., стр. 11.

⁴⁰ В. В. Радлов. «Сибирские древности», т. II, стр. 54.

⁴¹ «Сборник исторического общества», т. XI, СПб., 1873, стр. 372.

⁴² В. В. Радлов. «Сибирские древности», т. II, стр. 33.

бирь «для изыскания всяких раритетов» доктора Мессершмидта. Мессершмидт прибыл в Тобольск в декабре 1719 г. и жил там до лета 1721 г. Здесь он познакомился с пленным шведом Таббертом, впоследствии известным в науке под фамилией Страленберг. За время пребывания в Тобольске Мессершмидт при участии Страленберга и местных сведущих людей ознакомился с исторической топографией Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана, занимался археологией междуречья Ишима и Иртыша, совершал длительные поездки и составил чертежи «чуждского» письма и др. Обо всем он писал в Петербург⁴³. В его рапортах интересны сообщения, что «промыслом откапывания золота и серебра, находимых в могилах, впервые занялись русские, жившие на Ишиме. Оттуда они продавались все далее и далее на восток, пока в своих поисках не дошли до Оби»⁴⁴. По этим данным, грабительские раскопки ишимцев происходили примерно в Северо-Восточном Казахстане, в районах, прилегающих к Кокчетавской и Павлодарской областям. Мессершмидт сообщает, что ишимцы иногда напрасно копают могилы язычников, «находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей фунтов по 5, 6 и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов»⁴⁵.

В 1721—1725 гг. Мессершмидт вместе со Страленбергом путешествовал по Западной и Восточной Сибири, плавал по Иртышу до Железинска, а на обратном пути побывал в верховье Тобола и на Южном Урале. Он провел ряд археологических раскопок, материал которых отправил в Петровскую кунсткамеру. В ходе работ Мессершмидт вел полевые дневники и составил записку по археологии Сибири с картами, рисунками и

указателем чертежей. Полезным и энергичным сотрудником экспедиции Мессершмидта был Ф. Страленберг, который проводил раскопки, помогал Мессершмидту в составлении чертежей, полевых дневников, зарисовывал находки и памятники древности⁴⁶.

Ф. Страленберг жил в Тобольске с 1711 по 1721 г. и за время пребывания в этом городе собрал много материалов по истории, географии, исторической топографии и археологии не только Западной Сибири, но и Северного и Центрального Казахстана. В 1723 г., вернувшись на родину, в Швецию, он опубликовал их в своей книге⁴⁷.

В этом труде имеется много сведений о памятниках Северного и Центрального Казахстана, о местонахождении отдельных археологических комплексов. Ф. Страленберг первым сообщает о писаницах в горах Итык (Едыге — одна из вершин гор Улуту), наскальных рисунках в горах Центрального Казахстана, Алтая и Сибири и описывает памятники древности в долинах рек Ишима и Иртыша. О надписях в Зауралье Ф. Страленберг говорит, что «эта такая прекрасная древность, какую трудно найти в другом месте»⁴⁸. Автор сожалеет о незнании местного языка, что затрудняло ему разбор надписей на камнях. Однако он и так прекрасно разобрался в них. По его мнению, «не подлежит сомнению, что не все эти знаки — руны, а что к ним примешан, может быть, другой род древних парфянских букв»⁴⁹. Особенно ценны упоминания Ф. Страленберга о каменных изваяниях и поселениях в Северо-Восточном Казахстане, открытых экспедицией генерала Лихарова. «Они нашли на Иртыше, — пишет Ф. Страленберг, — не только много древностей и старых языческих капищ, но и далее от этой реки, к западу, югу и юго-западу от Тобольска, между верховьями рек Тобола и Ишима (куда, впрочем, ходят немногие) встретили, как мне рассказы-

⁴³ Архив Академии наук, ф. 98, оп. 1, д. 20—21; оп. 2, д. 2—15; оп. 4, д. 36.

⁴⁴ В. В. Радлов. «Сибирские древности», т. I, стр. 10.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, стр. 5—9.

⁴⁷ Stralenberg. Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.

⁴⁸ Там же, стр. 50.

⁴⁹ Там же.

вали тобольские татары и русские, очень много вытесанных из камня изображений людей и животных. В тех же степях находятся развалины различных городов»⁵⁰. От многих памятников теперь сохранились одни лишь каменные ограды. Кроме этого, интересно сообщение Ф. Страленберга о курганах Павлодарского Прииртышья и близлежащих степей, в одном из которых была найдена золотая медаль (он приводит ее рисунок). Книга Ф. Страленберга, несмотря на недостатки и неточности, представляет известный интерес для ученых, изучающих историческую топографию и древнюю культуру племен Сибири и Казахстана. Она неплохо иллюстрирована. На многих рисунках изображены каменные изваяния, писаницы, бронзовые и железные изделия, найденные на территории Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана.

Как труды Мессершмидта о Сибири, так и работы Ф. Страленберга и Н. Витзена стали возможны только в результате заинтересованности Петра I в изучении востока страны. Благодаря его деятельности была собрана уникальная Сибирская коллекция памятников древнего искусства и культуры, теперь хранящаяся в Государственном Эрмитаже.

По мнению одного из знатоков древнего искусства С. И. Руденко, вещи на Сибирской коллекции Петровской кушетки «происходят из курганов, хищнически раскопанных в Западной Сибири в конце XVII и первой четверти XVIII в.»⁵¹ С. И. Руденко хотя и говорит, что «местонахождение этих курганов неизвестно», но все же уточняет, что «местность, где производились в первой четверти XVIII в. раскопки, по всем данным, была территорией, занимаемой ныне современным Северным Казахстаном и Алтайским краем». Эти выводы С. И. Руденко совпадают с данными Мессершмидта и Геклина, которые писали, что «важнейшие места находок золота рас-

положены под 50° северной широты», т. е. южнее Павлодара. Это примерно Павлодарское Прииртышье, Майский, Бескарагайский, Важи-Аульский, Каркаралинский и Абаевский районы.

В 1728 г. И. С. Унковский, возглавлявший русское посольство к джунгарскому хонтайше Цеван-Рабтану, в своем дневнике записал, что, «едуци в пути степью, видели множество разрытых бугров», которые землею не забросаны, и такие разрытые бугры видны по всей степи»⁵². Ф. Страленберг более конкретизирует местонахождение этих курганов. Выступив против неверной трактовки ученого Вебера, он отмечает, что идолы, минотавры (грифоны) и древние письмена были найдены не около Самарканда и не у Каспийского моря, а добыты в калмыцких степях, вверх по реке Иртышу, справа и слева, из древних кумирен и могильных насыпей»⁵³.

В первой четверти XVIII в. грабительские раскопки были прекращены, но, видимо, только на равнинах Западной Сибири, где все курганы уже были разрыты. В официальном указе от 1764 г. о прекращении грабительских раскопок сказано: «...дабы никто под жестоким наказанием в степь для бугрования не ездил»⁵⁴. И надо сказать, что памятники Центрального Казахстана в первой половине XVIII в. еще оставались почти нетронутыми бугровщиками, что засвидетельствовал Ф. Страленберг. Г. Ф. Миллер также отмечал, что «большая часть курганов в верховьях Тобола и на западной стороне Иртыша еще не разрыта»⁵⁵.

Сожалеем, что в Прииртышских, Красноярских и Нерчинских степях грабителями разорено «много хранилищ драгоценностей и редкостей, развясняющих

⁵⁰ Н. И. Веселовский. Посольство к хонтайше Цеван-Рабтану капитана И. Унковского. «Записки РГО по отделению этнографии», 1887, т. X, вып. 2, стр. 155—156.

⁵¹ В. В. Радлов. «Сибирские древности», 1891, т. V. Приложение, стр. 23, 25.

⁵² С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I, стр. 12.

⁵³ В. В. Радлов. «Сибирские древности», 1902, т. II. Приложение, стр. 109.

⁵⁴ В. В. Радлов. «Сибирские древности», 1891, т. V. Приложение, стр. 24.

⁵⁵ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I, стр. 11.

историю и быт прежних жителей», он считал, что желателен «тщательный надзор, чтобы снова не погубило неоценимое сокровище столь многих замечательных исторических памятников»⁵⁶. Однако это пожелание Г. Ф. Миллера, а позднее Г. И. Спасского и Абея Ремюза царское правительство не приняло во внимание и не взяло на себя заботу об охране исторических и археологических памятников. Они оставались безпризорными почти до 1918 г., до принятия специального закона Советским правительством.

В результате такого положения в грабительские раскопки включились не только крестьяне, но и купцы, чиновники, военные, горные инженеры и местное казахское население.

Вопреки своим вековым традициям не трогать древние памятники, казахи, соблазненные находками золотых предметов, стали также разрыть курганы. Так, например, у слияния рек Улкен- и Бала-Терсаккан ими был раскопан огромный курган Караоба высотой до 10 м. Когда в 1907 г. по долине Терсаккана проезжал агроном Н. Лебедев, он нашел этот курган разрытым. По его наблюдению, «наверху кургана обнаруживается громадная конусообразная яма глубиной до самого основания его. Говорят, здесь казахи искали золото, но нашли серебряное седло и кувшин»⁵⁷. Много подобных курганов встречается в Улутауской, Атасуской, Каркаралинской и Баян-Аульской степях. Большое число курганов в этих районах было разорено местными купцами: Ушаковым, Сорокиным. Найденные золотые и серебряные вещи шли на переплавку. Сбором материалов по географии, древней истории и археологии Казахстана и Сибири занимался известный русский историк В. Н. Татищев. Он, очевидно, хорошо знал тюркские языки, так как в его трудах имеются изречения, взятые из казахского, башкирского и татарско-

го языков. В. Н. Татищев первый поставил вопрос об огромном значении скотоводства в жизни древних народов. «При свадьбах и других великих праздниках,— писал он,— калмыки убивают прежде всего первородных скотов»⁵⁸. Этот обычай существовал у всех монгольских и тюркских племен, казахи таких жертвенных животных называли «тумса мал».

По всей вероятности, первая академическая экспедиция в 1733 г. в Сибирь под руководством крупного ученого Г. Ф. Миллера была организована не без содействия В. Н. Татищева. Материалы этой экспедиции, названной второй Камчатской, содержали интересные данные по археологии Сибири и Казахстана. В составе экспедиции были выдающиеся ученые того времени — профессора Г. Ф. Миллер, И. Гмелин, Л. Делакроер, геодезисты А. Красильников, А. Иванов, Н. Чекин, М. Ушаков, живописцы И. Беркан, И. Люрсеннус, студент С. Крашенинников и др. Позже к ним присоединился И. Фишер — известный историк Сибири. Маршрут экспедиции шел через Тверь, Казань, Екатеринбург. Из Тобольска путешественники отправились через Тару, Железинскую, Ямышевскую, Семипалатинскую крепости до Усть-Каменогорска, а оттуда через Варнаул, Кузнецк — в Сибирь. В 1740 г. И. Гмелин посетил Северный Казахстан и дошел до верховьев Яика (Урала). Высказывания И. Гмелина об археологических памятниках Казахстана рассеяны в его огромном четырехтомном труде, изданном на немецком языке⁵⁹, извлечения из которого на русском языке сделаны В. В. Радловым⁶⁰. Из трудов И. Гмелина видно, что он собрал значительный материал по археологии Казахстана, дал описание и зарисовки ряда памятников, в том числе древних надписей, наскальных рисунков, остатков древних построек.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Н. Лебедев. К вопросу о почвенно-сельскохозяйственных условиях Акмолинской обл. «Записки Западно-Сибирского отделения РГО», 1908, XXXIV, Омск, стр. 88.

⁵⁸ В. Н. Татищев. История Российская. Т. I, М.—Л., 1962, стр. 393.

⁵⁹ I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, th. I, Göttingen, 1751; th. II—IV, 1752.

⁶⁰ В. В. Радлов. «Сибирские древности», т. II, стр. 55—106.

Памятники Сибири и Казахстана изучал также академик Г. Ф. Миллер. Он собирал сибирские летописи, архивные документы, географические карты и чертежи, уникальные произведения этнографии и древнего искусства, археологические материалы. Г. Ф. Миллер провел широкую археологическую разведку вдоль Иртыша, дважды организовывал раскопки в районах Ямышевской крепости и около Усть-Каменогорска на Ульбе, обмерил и зарисовал древние адания в долине Иртыша: Калбасунскую башню, Семь палат, Аблайкитский замок и др. В результате он привез в Петербург огромный текстовый и графический материал по археологии Сибири и Казахстана. К сожалению, этот богатейший материал до сих пор не систематизирован, большая его часть не опубликована и хранится в разных архивах.

Г. Ф. Миллер собирался посетить Улутауские степи, осмотреть и изучить памятники Центрального Казахстана, в частности древние надписи и пирамиды в районе горы Итик. Но желание ученого осталось неосуществленным. Лишь в советское время знаменитая улутауская надпись, известная теперь под названием карсакпайской, была открыта в 1934 г. инженером-геологом К. И. Сатпаевым в горах Алтын-Шоки, составляющих северо-западные отроги Улутауских гор⁶¹. Легендарные писаницы и пирамиды, высокие каменные адания, известные у казахов под именем «дын» и «уйтас», находятся не на вершине Улутауских гор, а в предгорьях, на расстоянии друг от друга 15—60 км. Географическое представление Ф. Страленберга и Г. Ф. Миллера о расположении горы Итик между Иртышом и Ишимом было неверно, оно отражало лишь уровень развития науки того времени.

Описания древностей Сибири и Казахстана разбросаны в многочисленных изданиях и рукописных трудах Г. Ф. Миллера. Особое значение для изучения археологии Казахстана имеют его тру-

ды: «Исторические замечания», «Описание Сибирского путешествия», «Инструкция для адъюнкта Фишера», «Описание Сибирского царства», «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных».

«Исторические замечания» представляют собой предварительный отчет или путевые донесения, посланные в Сенат и в Академию наук. В отчете от 20 мая 1735 г. дано описание развалин древних поселений и сооружений, в частности Калбасунской башни, Семи палат, Аблайкитского дворца и нескольких древних аданий. Здесь же имеются сведения о раскопанных им курганах на Ульбе и между Ямышевской крепостью и Семипалатинском, древних рудниках и копях на Алтае и за Иртышом.

«Описание Сибирского путешествия» Г. Ф. Миллера составлено в виде дневника, в нем приведен маршрут от Ямышевской крепости до Семипалатинска. Большого внимания заслуживает написанная на немецком языке «Инструкция для адъюнкта Фишера», в которой изложены взгляды Г. Ф. Миллера на изучение исторических памятников Сибири и Казахстана. Русский перевод ее сделал В. В. Радловым и им же опубликован. В инструкции Г. Ф. Миллер поручает Фишеру изучить поселения и строения на Иртыше, древние рудники, остатки плавильных печей и трейгердов, осмотреть и дать описание писаниц на горе Итик, поставить вопрос об охране памятников, расположенных в степях к западу от Иртыша, в верховьях рек Ишима и Тобола, определить внешние формы (типы) курганов и других памятников; дает советы, каким методом вести раскопки, а также учет найденных материалов и др.⁶² Не менее интересны его труды «История Сибири»⁶³ и «Изъяснения о некоторых древностях, в могилах найденных»⁶⁴. Г. Ф. Миллер считал,

⁶² В. В. Радлов. «Сибирские древности», т. II, стр. 107—114.

⁶³ См. «История Сибири», т. I, М.—Л., 1937, стр. 169—170.

⁶⁴ См. «Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах», 1764, т. XX, декабрь, стр. 483—515.

что на Енисее люди долго не знали железа, а потому все делали из красной меди. На основании раскопок (в основном грабительских) он заключает, что «самые богатые погребения найдены при Волге, Тоболе, Иртыше и до реки Оби; посредственные — в степях реки Енисей, а самые бедные — по ту сторону озера Байкала»⁶⁵. Это мнение Г. Ф. Миллера в наше время опровергнуто раскопками курганов в Ильмевой пади, Суджинском могильнике, Пазырыкских и Ноин-Улинских погребениях и других памятников.

Кроме исследований Г. Ф. Миллера, И. Гмелина и Фишера, историческая топография Казахстана нашла некоторое отражение в записках и картах путешественников К. Миллера (1738, 1742)⁶⁶, Гладышева и Муравина (1740—1741)⁶⁷. В 1738 г. К. Миллер был отправлен В. Н. Татищевым по договоренности с ханом Абулханром в Ташкент для установления торговой связи со среднеазиатскими ханствами. Путь К. Миллера от Орска в Туркестан шел через Тургайские, Улутауские и Сары-Суйские степи, Западную Бетпак-Далу и низовья р. Чу. При вторичной поездке К. Миллер проинк через реки Чу и Талас в Каркаралинские и Ишимские степи. Записки К. Миллера до нас не дошли, имеются лишь короткие сообщения и карта его путешествия⁶⁸. Она издана Я. В. Ханьковым в 1850 г. и в «Атласе Оренбургской губернии» И. Красильникова⁶⁹.

⁶⁵ В. В. Радлов. «Сибирские древности», т. II, стр. 121.

⁶⁶ Я. В. Ханьков. О карте Миллерова маршрута от Орска до зюлгарских владений и обратно. «Географические известия», 1850, октябрь — ноябрь. Повт. изд.: В. И. Греков. Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 220.

⁶⁷ Я. В. Ханьков. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. «Географические известия», 1850, октябрь — ноябрь.

⁶⁸ См. Социония и переводы к пользе и усвоению служащие. Апрель, 1759.

⁶⁹ См. «Оренбургская губерния с прилегающими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографин» П. И. Рычкова, 1755 г., Оренбург, 1880.

Археологическое изучение Казахстана продолжила вторая академическая экспедиция в 1768—1774 гг., организованная с целью изучения истории, географии и этнографии народов Урала, Поволжья, Казахстана и Сибири. В экспедиции участвовали выдающиеся ученые того времени П. С. Паллас (1741—1811), И. П. Фальк, И. Г. Георги (1729—1802), П. И. Рычков, Х. Барданес и другие. П. С. Паллас совершил длительное путешествие по волжским степям, Казахстану и Сибири, после чего написал фундаментальный труд по естественной истории, географии и этнографии народов Поволжья, Казахстана и Сибири⁷⁰. П. С. Паллас дал более обстоятельное описание и историко-культурный анализ тех же памятников, о которых писали Н. Витазен, Ф. Страленберг, И. Гмелин и Г. Миллер. Говоря о происхождении каменных изваяний, он связывает наиболее древние из них с историей гузнов, а позднейшие — с ногайцами.

И. П. Фальк путешествовал самостоятельно с 1768 по 1773 г. по Северному и Центральному Казахстану. В его архиве хранится значительный материал по исторической топографии, полезный при разработке вопросов археологии и истории архитектуры Казахстана⁷¹. Значительный материал по исторической топографии Казахстана содержится в трудах И. Г. Георги⁷², сотрудника экспедиции И. П. Фалька и П. С. Палласа. Он побывал на Урале, в Кустанайской области, Северном Казахстане и на Алтае.

Действенным участником экспедиции И. П. Фалька был Х. Барданес. Это был первый ученый, пересекший Центральный Казахстан от Петропавловска до Аягуза. Он констатировал, что в казах-

⁷⁰ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I, СПб., 1773; ч. II, кн. 1—2, СПб., 1786; ч. III, СПб., 1788.

⁷¹ И. П. Фальк. Записки путешествия по Киргиз-Кайсацкой степи. ААН, разряд 99, оп. 1, л. 8; «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, СПб., 1824, стр. 446—450.

⁷² И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. I, СПб., 1779, стр. 129—130, 138—139.

ской степи много не так давно разрушенных городов. При речке Илик видны развалины города с четырьмя башнями и много больших и малых курганов⁷³. Х. Барданес хорошо знал архитектурные памятники и остатки древних поселений на р. Эмбе, в верховьях Ори, Тобола и в Тургайской степи. «При реке Аягуа, — писал он, — видны остатки большого каменного здания, кои киргизцы называют Ксу-Корпеш [Козу-Корпеш]»⁷⁴. Первое упоминание о памятнике Козу-Корпеш и Баян-Сулу мы встречаем в дневнике Волошанина⁷⁵, затем в записке И. Г. Андреева⁷⁶.

Значительный вклад в изучение географии, исторической топографии и археологии Казахстана был сделан замечательным ученым П. И. Рычковым. Вопросы археологии нашли отражение в ряде его работ, и прежде всего в «Топографии Оренбургской»⁷⁷. П. И. Рычков сам не был в Центральном Казахстане, но он одним из первых дал описание «развалин древних городов и строений», известных под названием «Татагай, Жубан-Ана, Белян-Ана»⁷⁸, и научную оценку баянаульских пещер⁷⁹, позднее изученных советским ученым-геологом П. Л. Дравертом. Как историка-экономиста П. И. Рычкова больше интересовали древние выработки, добыча и выплавка медной, свинцовой и оловянной руд⁸⁰.

Весьма интересный археологический материал разбросан в дневнике капитана

Н. П. Рычкова⁸¹, путешествовавшего в 1771 г. по Тургайским и Ишимским степям. Н. П. Рычков описывает памятники Улутауского и Атбасарского районов, упоминает об огромных валах на р. Ишме.

Н. П. Рычков был поражен в долине р. Кара-Тургай видом громадных курганов. Он писал: «... Огромное кладбище древних народов осыпано просто землей и поднято в высоту более 15, окружение же оного 135 сажень»⁸². Н. П. Рычков недоумевал, каким способом были сооружены эти насыпи, и восхищался: «какое великое число народа должно быть создателями сей громады». Он правильно датировал эти курганы, считая, что они воздвигнуты «в честь какого-нибудь скифского царя или героя»⁸³. В верховьях р. Тургай и в районе гор Арганаты Н. П. Рычков открыл другие типы памятников, в том числе старинное городище и развалины древних строений. По его описанию, городище — это укрепление, окруженное валами и рвом. Оно сооружено «наподобие четырехугольного замка... С восточной стороны видимы поныне земляные ворота», открывающие ход внутрь укрепления. Опыленные валы и рвы, «прежней глубины своей лишенные, свидетельствуют о древности сего места. На поверхности городища всюду валялись черепицы и камни»⁸⁴. В двух верстах южнее от городища Н. П. Рычков обнаружил остатки большого здания, сложенного из кирпича и плитнякового камня. «Вышина оного, простирающаяся поныне более девяти сажень, показывает, сколь огромно было сие здание в свое время»⁸⁵. Н. П. Рычков, видимо, не был восточнее гор Улутау и поэтому ничего не говорит об известных архитектурных памятниках на реках Кара- и Сары-Кенгир. Он упоминает лишь о Жан-Ане [Джубан-

⁷³ Х. Барданес. Поездка Христофора Барданеса в Киргизскую степь по поручению князя Фалька. «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, СПб., 1825, стр. 57.

⁷⁴ Там же, стр. 58.

⁷⁵ Н. М. Ядрикин. Маршрут атамана Волошанина в Кульджу в 1771 г. «ИРГО», 1883, т. XIX, вып. 4, стр. 313.

⁷⁶ И. Г. Андреев. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XII, СПб., 1796, стр. 23—25.

⁷⁷ П. И. Рычков. Топография Оренбургская. СПб., 1762.

⁷⁸ Там же, стр. 261—262; «Санкт-Петербургский вестник», 1818, ч. III, стр. 89.

⁷⁹ Там же, стр. 247.

⁸⁰ Там же, стр. 272—278; его же. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии. «Труды вольно-экономического общества», ч. 4, СПб., 1766.

⁸¹ Н. П. Рычков. Дневные записки путешественника капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 году, СПб., 1772, стр. 44—81.

⁸² Там же, стр. 60.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, стр. 64.

⁸⁵ Там же.

Ане] на р. Сары-Су⁸⁵. Чрезвычайно интересны его описания заброшенной древней оросительной системы в долине р. Кара-Тургай. «На сих обильных полях, — пишет он, — видимы остатки древних нив или хлебопахотных мест, кои были наводняемы прочно приведенными каналами из источника Кара-Тургай». Казахи передавали Н. П. Рычкову, что все это оставили им в наследство древние ногайцы⁸⁷.

Из более поздних памятников Н. П. Рычков отмечает мавзолей хана Абулхайра, а также описывает изваяния, найденные в казахских погребениях⁸⁸.

С конца XVIII в. путешественники чаще стали посещать Центральный Казахстан. Нам известны маршруты капитана И. Г. Андреева, Телятников и Безносикова (1796), горных чиновников М. Поспелова и Бурнашева (1800), Путинцева (1811), Ф. Назарова (1813), Н. И. Потапина (1829) и др. В своих записках они в той или иной степени затрагивали вопросы археологии Центрального Казахстана. В рукописной записке капитана И. Г. Андреева, составленной в 1785 г., помимо сведений по этнографии, географии и политической истории Казахстана, содержится значительный материал по археологии и исторической топографии Семипалатинского, Чингизского и Каркаралинского районов, включая Семиречье. Рукопись И. Г. Андреева хранится в архиве Всесоюзного географического общества⁸⁹. Ее неполное издание осуществлено в 1796 г.⁹⁰

Некоторые сведения об исторических памятниках Центрального Казахстана имеются в журнале Телятникова, посланного вместе со специалистом по горному делу Безносиковым в Среднюю Азию по приглашению ташкентско-

го владельца осмотреть прииски возле Ташкента и научить ташкентцев горному делу. Путь Телятникова и Безносикова проходил в меридиональном направлении из Ямышевской крепости в Туркестан, через пустыню Ветпак-Далу и Сузак. Проезжая через верховья р. Нуры, они осмотрели древние выработки на р. Алтынсу, расположенные в горах Шешен-Кара. Телятников сообщает, что от оз. Ботагара (теперь пос. Ульяновское) «в двух верстах к NO при небольшом бугорке — медный рудник, где и разработка чудская видна»⁹¹.

В 1800 г. от Ямышевской крепости в Ташкент через Каркаралинские, Сары-Суйские степи и низовья Чушли горные чиновники Поспелов и Бурнашев. «Во многих местах Кайсацкой степи, — сообщали они, — особенно около речки Нуры, находятся курганы древних народов... По уверению кайсаков, в некоторых из них находятся и металлические вещи»⁹². Другим видом памятников, которые они описали, являются «большие гранитные камни [изваяния], врытые в землю, с грубыми изображениями человеческого лица — мужчины и женщины»⁹³.

Некоторые данные по археологии Тургайской степи и Северного Приаралья содержатся в наблюдениях Гавердовского, записанных им во время его поездки в Вухарское ханство (1803—1804)⁹⁴. Об археологических комплексах Центрального Казахстана сообщает и Филипп Назаров — переводчик Отдельного сибирского корпуса, сопровождавший

⁸⁵ См. Собрание сочинений Ч. Валиханова, т. III, Алма-Ата, 1964, стр. 275.

⁸⁶ «Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году». Изд. Я. Ханькова. «Вестник РГО», 1851, кн. I, стр. 19.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ «Журнал, веденный святой его и. в. поручиком Гавердовским, колонновожатым Илановым и Богдановичем во время следования их через Киргиз-Кайсацкую степь в провинцию Бухарию, 1804». ЦГВИА, ф. ВУА, л. 19208; [Гавердовский]. Обзорные Киргиз-Кайсацкой степи, ч. I и II (Дневник). ЦГВИА, ф. ВУА, л. 19209; Г. Гавердовский. Обзорные Киргиз-Кайсацкой степи. Архив ЛОИИ, колл. рукописных книг, колл. 115; «Общее обозрение Киргиз-Кайсацкой степи Гавердовского». «Сибирский вестник», 1823, ч. III, стр. 43—60.

⁸⁹ Там же, стр. 73.

⁹⁰ Там же, стр. 58, 65.

⁹¹ Там же, стр. 81.

⁹² И. Г. Андреев. Описание Средней орды киргиз-кайсаков (1785). Архив Всесоюзного географического общества, разр. 64, оп. 1, д. 14; Г. Н. Потапин. Орудония капитана Андреева о Средней киргизской орде. «ИРГО», 1875, т. XI, вып. 2.

⁹³ И. Г. Андреев. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. «Новые ежемесячные сочинения», 1796, ч. CXV.

кокаидских посланников. Его путь шел из Петропавловска в Ташкент через долины рек Ишима, Сары-Су и через Западную Ветпак-Далу. Возвращался Назаров по Семипалатинской дороге. Он пересек Центральный Казахстан через Восточную Ветпак-Далу, верховья рек Моинты и Сары-Су и обратил внимание, что «кайсаки Чанчар-Каракисецкой волости вывозят на тракт и приходящим караванам выработанный свинец в слитках, который они доставят поблизости гор сих в большом количестве»⁹⁵.

Большой интерес представляют также наблюдения другого путешественника, хорунжего Н. И. Потанина, проехавшего от Семипалатинска до Сузак через Каркаралтинские степи и Восточную Ветпак-Далу. Н. И. Потанин несколько уклонился к югу, к оз. Балхаш, благодаря чему осмотрел в районе Кокчетавских, Темирчинских и Кызыл-Арайских гор каменные изваяния, чудские могилы или памятники эпохи бронзы, в том числе циклопические каменные ограды типа Бегазы⁹⁶.

В первой половине XIX в., в связи с новой политической обстановкой в стране и образованием новых административных округов, возрос интерес к древностям окраин России, в частности Центрального Казахстана. Этими вопросами занялись в основном офицеры и крупные чиновники, такие, как С. В. Броневский, Л. Н. Гери, Набоков, Дарто, Фролов, В. Старков, М. Красовский и др. С тех пор археологическое изучение Казахстана и Алтая было связано с геологическими исследованиями этих районов. В работах горных инженеров и геологов В. Ф. Германа, И. П. Шангина, Г. Розе, В. Ледебура, А. Гумбольдта, Влангали и позднее в трудах Татаринова, А. И. Габриеля, Д. М. Богословского, К. И. Григоровича, Г. Д. Романовского, Н. А. Давидовича-Нищенского и других

можно найти большой материал по археологии Центрального Казахстана. Геологов больше интересовали древние рудники, отвалы медных и свинцовых выработок, древние каменоломни, пещеры, наскальные рисунки, древние оросительные системы и т. д. В разработке этих вопросов участие принимали академики К. М. Вэр и Л. Гельмерсен⁹⁷. Из горных инженеров одним из первых в 1815 г. посетил Центральный Казахстан В. Ф. Герман. Он обследовал старинный свинцовый рудник Джебей (теперь Коргасын), расположенный в северном предгорье Улутау. Имел задание разведать месторождения меди и свинца в верховьях Тургая, экспедиция В. Ф. Германа прошла от Уйской крепости до гор Арганаты и верховьев р. Кара-Тургая. Познакомившись с памятниками верховьев Тургая, В. Ф. Герман высказал мнение, подобное точке зрения Н. П. Рычкова, что в долине Кара-Тургая имеются значительные остатки оседлой культуры, которые часто встречаются в горных долинах северного предгорья Улутауского хребта⁹⁸.

Историческим памятникам долины р. Кара-Тургая, гор Арганаты и северного Улутауского предгорья посвящена специальная статья сотрудника экспедиции Г. Генса, опубликованная Г. И. Спасским⁹⁹. В ней Г. Генс говорит об «остатках зданий и целых поселений, о развалинах замков, крепостей, служивших убежищем для владельцев».

Он был восхищен видом улутауских и арганатинских курганов и писал: «Можно ли вообразить, чтобы горы, возвышающиеся от горизонта до 25 или более сажень, были сделаны руками человеческими для прикрытия брэнного праха? Иногда в степи, гладкой, как мор-

⁹⁵ Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. СПб., 1821, стр. 27.

⁹⁶ Н. И. Потанин (хорунжий). Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830). Над. с предисловием и замечаниями П. Савельева. «Вестник РГО», 1836, ч. 18, СПб.; ААН, ф. 23, оп. 1, д. 9, л. 12.

⁹⁷ См. серию изданий под их редакцией под названием: *Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches. St.-Petersbourg. Bd. 1—7, 1840—1845.*

⁹⁸ В. Ф. Герман. Извлечение из описания экспедиции в Киргиз-Кайсацкую степь. «Вестник Европы», 1816, № 14.

⁹⁹ [Г. Генс]. Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи. (Извлечение из описания Киргиз-Кайсацкой степи Г. Генса). «Сибирский вестник», 1822, ч. XX, кн. 10—12, стр. 141—148.

ская поверхность, показываются уединенные холмы, покрытые зеленым дерном, представляя путешественнику великолепный вид и внушая невольное почтение к покоящемуся праху»¹⁰⁰. Интересные записки В. Ф. Германа и Г. Генса еще полностью не опубликованы и хранятся в разных архивах¹⁰¹. По утверждению Я. В. Ханькова, у Г. Генса была записная тетрадь о маршрутах через Бетпак-Далу и памятниках Центрального Казахстана, заполненная со слов Муртазы Файзуллина¹⁰². Г. Генс, будучи председателем Оренбургской пограничной комиссии, интересовался дневником Муртазы Файзуллина, неоднократно пересекавшего Центральный Казахстан в 1807—1833 гг. с караванами, ходившими из Петропавловска в Ташкент. Перевод дневника Файзуллина на русский язык теперь хранится в архиве Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР, в фонде проф. Н. И. Веселовского¹⁰³. Пометки на полях говорят о том, что эта рукопись раньше принадлежала Чокану Валиханову. В этом дневнике имеются любопытные данные о неизвестных памятниках Центрального Казахстана.

Большой интерес представляют описания горным инженером И. П. Шангиным памятников Центрального Казахстана. Он начинал свой путь от Петропавловска и пересек Кокчетавские, Атбасарские, Акмолинские и Каркаралинские степи строго по меридиану, до Северного Балхаша. На этом громадном

пространстве И. П. Шангин видел большое количество разновременных археологических памятников. Некоторые из них до наших дней не сохранились.

И. П. Шангин первый сообщил о своеобразном памятнике в Центральном Казахстане, сложенном из больших гранитных плит. «Кайсаки почитают сию могилу,— писал он,— остатком после народа, еще далеко до пришествия монголов здесь обитавшего, который известен им из преданий под именем «мык». Ни о происхождении сих мыков, ни о переселении их или порабощении каким-либо народом, ни о последовавшей от сего перемены названия ничего они не знают»¹⁰⁴. И. П. Шангин делает вывод, что «сей народ, кажется, есть тот же самый, который населял некогда обширное пространство земли между Иртышом, Обью и Енисеем и который называют чудью»¹⁰⁵.

Большое количество памятников эпохи бронзы И. П. Шангин обнаружил в нынешней Кокчетавской области, в горах Вайкошкар, возле озера Джолдыбай и т. д. В горах Имантау он нашел «обширные чудские копи, произведенные в глинисто-сланцевой невысокой горе... Огромные отвалы, вмещающие множество различных видов медных и серебряных руд, свидетельствуют, что рудник сей составлял богатый источник промышленности трудившихся над разработкою его»¹⁰⁶. Значительные чудские выработки медных руд И. П. Шангин открыл в Улутауском районе, в верховьях р. Терсаккан, в горах Аулиетау, в трех верстах от ключа Янтели-Су. Размер выработок в длину 120, в ширину от 6 до 15 сажен¹⁰⁷. Немало древних выработок медных и свинцовых руд И. П. Шангин обнаружил в Каркаралинской степи, в частности в горах Корпетай, на Бесчоки, где рудные куски содержали серебро, медь и свинец. На Бесчоки была откры-

¹⁰⁰ Там же, стр. 147—148.

¹⁰¹ «Журнал, содержащий наблюдения, сделанные в походе от Уйской крепости до свинцового прииска, находящегося в Киргиз-Кайсацкой степи (Дневник штаб-капитана Генса). ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18526; Г. Генс. Журнал наблюдения при походе к свинцовому руднику в Киргизской степи, 1816. Архив ЛОИИ. Коллекция рукописных книг, колл. 115; «Общие замечания касательно части Киргиз-Кайсацкой степи, заключающейся между Орской крепостью, озером Аксаком, свинцовой горой». ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19210.

¹⁰² Я. В. Ханьков. Поездка Поспелова и Бурнашева. «Вестник РГО», кн. 1, 1851, стр. 20, 47—51.

¹⁰³ «Повествования Муртазы Файзуллина (1845) о некоторых местах Средней Азии». Архив ЛОИА АН СССР, ф. 18, д. 76.

¹⁰⁴ И. П. Шангин. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргиз-Кайсацкой степи в 1816 году. «Сибирский вестник», 1820, ч. X, стр. 13.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, ч. XI, стр. 23—24.

¹⁰⁷ Там же, стр. 76, 83.

та и древняя промывальня¹⁰⁸. Огромные рудничные отвалы И. П. Шангина встретил в долине р. Алтыгису, впадающей в Нуру. Здесь им найден изумрудно-зеленый аширит, или диоптаз, содержащийся в пустотах и трещинах крутопадающих известняков¹⁰⁹. На р. Ишиме (в Атбасарской степи) он обратил внимание на большой каменный вал шириной около сажени. Хотя время «сравнило его с землей, но высота его была значительная. Кладки правильные, из камней четырехугольных порфировых»¹¹⁰.

И. П. Шангин ошибочно полагал, что, возможно, вал соорудила экспедиция Вековича-Черкасского. Но это неверно, так как маршрут Вековича-Черкасского (1714—1715), шедшего в Хиву, проходил не через Центральный Казахстан, а через Астрахань и Мангышлак.

И. П. Шангин описывает и другие крепостные сооружения и поселения, расположенные в бассейне р. Ишима. На р. Аккайрак, впадающей в Ишим, он видел остатки шести древних укреплений, из которых четыре находились на расстоянии около 100 сажень одно от другого, пятое и шестое — в 2,5 верстах от них¹¹¹. В его дневнике имеется описание улутауских пещер Айдахарлы и великолепных архитектурных памятников долины рек Нуры, Джаксы и Джаман-Конга¹¹². На р. Нуру он осмотрел «ряд древних архитектурных сооружений, в частности Ботакай [Ботагай] — развалины древнего города, простирающиеся к Нуру». На левом берегу Нуры были обнаружены развалины другого здания, «признанного храмом». «Оно построено из кирпича, внутри него находятся столпы, покрытые алебастровой штукатуркой, равно как и стены... Вблизи сего храма приметны следы другого подобного, а далеко в восточную и западную сто-

роны находится множество развалившихся зданий»¹¹³. Таким образом, по характеристике И. П. Шангина, долина р. Нуры была древним культурным оазисом.

Записки путешествия И. П. Шангина по Центральному Казахстану неоднократно публиковались в виде извлечений в «Вестнике Европы»¹¹⁴, затем в «Сибирском вестнике» и «Горном журнале». Однако значительная часть его рукописей еще хранится в архивах¹¹⁵.

Рукописными материалами И. П. Шангина, касающимися древних рудников и других памятников, впоследствии пользовались многие ученые, в том числе П. П. Семенов-Тянь-Шанский при составлении своего географического словаря¹¹⁶. Особенно частыми стали поездки ученых в Центральный Казахстан с 1822 г., т. е. после ликвидации ханской власти в Средней орде. С 1822 по 1841 г. в степи побывали выдающиеся ученые А. Гумбольдт, Г. Розе, В. Ледебур, Г. С. Карелин, А. И. Шренк. Естествоиспытателей и горных инженеров интересовали прежде всего древние выработки медных и свинцовых руд. Их во многих местах Центрального Казахстана нашли Г. Розе и В. Ледебур¹¹⁷. Путешествуя по восточным окраинам казахской степи, Г. С. Карелин обратил внимание на древнее архитектурное сооружение Козы-Корпеш и Ваян-Сулу¹¹⁸. Такие же сведения имеются и в записках Г. Чихачева,

¹⁰⁸ Там же, стр. 1.

¹⁰⁹ И. П. Шангин. Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсацкой Средней орды. «Вестник Европы», 1816, ч. 88, № 14, стр. 124—128; № 16, стр. 296—303; ч. 89, № 17 и 18, стр. 110—128.

¹¹⁰ «Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней орды штаб-Колывано-Вокресенских заводов бергшварцнера Ивана Шангина, 1816», ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18539.

¹¹¹ П. П. Семенов. Географический статистический словарь Российской империи. Т. I, СПб., 1863, стр. 31 (городище Ал-Кайрак), стр. 157 (городище), стр. 161 (древние чудские развалины в 3 км от ключа Джантельсу и др.).

¹¹² Gustav Rose. Reise nach dem Ural, dem Altai und dem Kaspiischen Meer, t. 1, Berlin, 1837, S. 510; V. Leдебур. Reise durch das Altaigeberge, t. II, Berlin, 1837, S. 427.

¹¹³ «Извлечения из отчета Г. С. Карелина». См. «Отечественные записки», июнь, 1847.

¹⁰⁸ Там же, ч. X, стр. 14, 17, 26.

¹⁰⁹ «Горный журнал», 1883, ч. IV, № 12, стр. 383; Г. Д. Романовский. Краткий очерк исследований восточной части Киргизской степи Западной Сибири. СПб., 1903, стр. 26—32.

¹¹⁰ И. П. Шангин. Указ. соч., стр. 39.

¹¹¹ Там же, стр. 74.

¹¹² Там же, стр. 140.

Геригросса, Е. П. Ковалевского и других. Геригросс и Е. П. Ковалевский кратко сообщают о памятниках Устюрта, рек Сагиза, Эмбы и Большого Борсука. «Кайсацкие могилы, — пишут они, — похожи на так называемые чудские могилы, находящиеся преимущественно в южной части Томской и Енисейской губерний»¹¹⁹. Большое количество разрушенных древних городов, особенно на Сыр-Дарье, позволило им сделать вывод, что «край этот кипел некогда народонаселением и деятельностью»¹²⁰.

С двадцатых годов XIX в. археологией Казахстана и Сибири стали заниматься ученые-востоковеды: Х. М. Френ, Г. И. Спасский, П. С. Савельев, Абель Ремюза и Ю. Клапрот. Они первые поставили вопрос о научном изучении и значении памятников культуры и искусства, об их охране.

Х. М. Френ изучал древности восточных окраин России¹²¹ и посвятил им ряд работ, не утративших своего значения и поныне. Из многочисленных трудов по археологии и эпиграфике известный интерес представляют его работы о древних могилах Южной Сибири, монетах улуса Джучиева и почетных титулах в Золотой Орде¹²². Частично они построены на материалах, полученных Френом от своих корреспондентов из Казахстана.

Одним из энтузиастов и неутомимых собирателей восточных древностей был Г. И. Спасский.

Он опубликовал много интересных статей по археологии Сибири и Казахста-

на, в которых высказал свое мнение о культуре степных племен, попытался определить типы памятников и дать их научную классификацию. Особенно интересны его работы «О древних сибирских начертаниях», «Путешествие по Сибири», «Записки о сибирских древностях», «О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими», «Замечания о древностях в Киргиз-Кайсацкой степи» и др.¹²³ Г. И. Спасский посвятил несколько работ памятникам долины Иртыша и Центрального Казахстана. В статье «Древности Сибири» он разбирает вопрос об историко-культурном значении больших курганов и каменных оград. «Нельзя без удивления смотреть на оные высокие насыпи, подобно холмам возвышающиеся над гробницами, и на огромные камни из гранита, порфира, яшмы и других пород, около них поставленные». Он замечает, что, наверняка, каменные плиты были доставлены из отдаленных мест, ибо в окрестных «горах вовсе нет одинакового с ними свойства камней»¹²⁴. Г. И. Спасский ставит задачу об охране древностей.

Археологические памятники Центрального Казахстана подробно описаны в его работе «О древних развалинах в Сибири». В ней он говорит также об остатках оседлой культуры в долинах Ишима и Нуры, о городищах, валах и рвах, нередко встречаемых в речных долинах Сары-Арки. «Городища сии, — пишет он, — состоят иногда из двух земляных или каменных невысоких валов, параллельно между собой идущих и разделенных двумя рвами, иногда валы и рвы выведены полукругом... Сии последние встречаются наиболее за Иртышом в Киргиз-Кайсацкой степи»¹²⁵. Архитектурным памятникам долин рек Нуры и Конга посвящена работа «О

¹¹⁹ Е. Ковалевский и Геригросс. Описание западной части Киргиз-Кайсацкой степи. «Горный журнал», 1840, ч. IV, стр. 334.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Дорн. Академик Френ и его ученая деятельность. «Ученые записки Академии наук», т. III, вып. 3, СПб., 1855, стр. 431.

¹²² Х. М. Френ. О древних могилах с надписями известного времени, найденных в Южной Сибири. «Memoires de l'Academie imper. des Sciences. VI ser., t. IV, St. Peterb., 1837; его же. Монеты ханов улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832; его же. О происхождении, свойстве и употреблении почетных титулов и прозваний, даваемых ханам Золотой Орды. Казань, 1814.

¹²³ «Сибирский вестник», 1818, ч. I, стр. 82; ч. II, стр. 52—110; ч. III, стр. 28—64; 1822, ч. XX.

¹²⁴ Г. И. Спасский. Древности Сибири. «Сибирский вестник», 1818, ч. I, стр. 148.

¹²⁵ См. «Сибирский вестник», 1818, ч. III, стр. 52—53.

древностях Киргиз-Кайсацкой степи». Итогом многолетней работы Г. И. Спасского по археологии Сибири и Северо-Восточного Казахстана является его труд «О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей», в котором он изложил свою точку зрения о происхождении культуры степных племен и дал определение типов памятников. В этой работе Г. И. Спасский характеризует прежде всего каменные изваяния и надписи на камнях, которые связывает с историей гунинов или монголов. Однако открытие орхонской письменности показало ошибочность суждений его, а также Палласа и других.

Особый интерес представляют работы Ремюза. На русском языке Г. И. Спасским была опубликована одна глава известного его труда, посвященная разбору древних надписей, обнаруженных на территории Казахстана и Сибири. В ней поднимался вопрос и об охране археологических памятников, надписей, наскальных рисунков, каменных изваяний и других.

Абель Ремюза и Г. И. Спасский придавали большое значение изучению рунических письмен, утверждая, что знание этой письменности «может пролить величайший свет на исторические вопросы»¹²⁸. Г. И. Спасский открыл немало орхонских и уйгурских надписей, девять из них в пещере на Иртыше, в 12 км от Бухтарминской крепости и около Зырянского рудника. О некоторых рунических надписях ему сообщали корреспонденты. Часть надписей для расшифровки он отправил к востоковеду Абелью Ремюзу. Однако Ремюза был занят дешифровкой орхонского письма и разбором надписей не занимался.

Об орхонском письме, найденном на Иртыше, Абель Ремюза говорил, что по начертанию оно сходно с северными рунами и, без сомнения, было в употреблении у того народа, который у китайцев известен «под именем усунь и который за 100 лет до Р. X. обитал на землях, ле-

жащих к западу от Иртыша и оз. Зайсан». Полемизируя с теми, кто сомневался в существовании уйгурского письма, Ремюза писал: «Нам известно, что по обыкновению всех азиатских народов они в разных частях своих владений ставили пещи, т. е. каменные обелиски с надписями на двух или трех языках. Открыть хотя один из них — и надпись этого рода лучше разрешила бы все кардинальные вопросы истории, чем голые рассуждения или догадки, которыми старались заменить недостаток памятников»¹²⁷.

В трудах другого востоковеда-археолога П. С. Савельева, в частности в статьях «О жизни и трудах Доржи Ванзарова»¹²⁸, «Древности Мангышлакского полуострова» (по материалам М. И. Иванова)¹²⁹, можно найти ряд интересных положений, полезных при написании истории и истории культуры Казахстана. По замечанию П. С. Савельева, «Мангышлак когда-то был важным пунктом между Хорезмом и Итилем. Остатки цветущей эпохи Мангышлака сохранились в виде развалин каменных укреплений, зданий и могильных памятников». П. С. Савельев занимался расшифровкой надписей и родовых тамг, относящихся к XII—XIII вв. Он особо выделял тамги племени кереев и кипчаков, открытые на Мангышлаке, и пришел к выводу, что «эти два поколения (кипчаки и керей), кочующие ныне в Киргизской степи, имели некогда пребывание на Мангышлаке»¹³⁰.

Ценный материал по историческим памятникам Центрального Казахстана был собран экспедицией академика А. И. Шренка, проводившего географические, ботанические и топографические исследования в степях в 1840—1843 гг. А. И. Шренк трижды пересекал Центральный Казахстан и Бетпак-Далу с се-

¹²⁷ Там же, стр. 176; Абель Ремюза. Сибирские надписи. О некоторых древних начертаниях и надписях, в Сибири найденных. См. «Азиатский вестник», 1825, апрель, стр. 287.

¹²⁸ «Записки археологического общества», 1857, т. IX, стр. 12—73.

¹²⁹ Там же, 1852, т. IV, стр. 88—93.

¹³⁰ Там же, стр. 92.

¹²⁸ Г. И. Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей. «Записки РГО», 1857, кн. 12, стр. 173.

вера на юг и обратно и исследовал архитектурные памятники долины рек Ишима и Сары-Су с их притоками. Он первый дал научное описание знаменитой писаницы Тамгалытас¹³¹. Памятники Улутуа, Сары-Су и Ишима, вероятно, были известны А. И. Шренку по трудам С. У. Ремезова, Ф. Страленберга, Г. Ф. Миллера, Н. П. Рычкова и И. П. Шапгина, он с большим интересом проверил их данные на местности и многое уточнил. Из его исследований огромное значение имеет топографическое описание гор Улутуа, долины рек Ишима, Кенгира и Сары-Су. Ч. Ч. Валиханов придавал большое значение трудам А. И. Шренка, считал его первым серьезным исследователем Казахстана¹³².

К сожалению, из большого научного наследия академика А. И. Шренка издано немного, и то на немецком языке¹³³. На русском языке опубликован его небольшой отчет о путешествии в 1840—1843 гг.¹³⁴ Основная масса его рукописей до сих пор хранится в архиве¹³⁵. Из рукописей А. И. Шренка для истории культуры Казахстана важное значение имеют его работы: «Путешествия и исследования по зоогагарским киргизским степям в 1840—1843 гг.» (Reisen und Forschungen in der Soongarischen Kirg. Steppe. Dritte Reise in Jahre 1842), затем «Улутауская горная группа в своем топографо-географическом положении» (Das Ulutau-Gebirge in seinen topografisch-geographischen Verhältnissen), «Заметки исторического содержания» (Notizen historischen Inhalts), «Заметки по топографии и этнографии».

Большинство рукописей академика Шренка снабжено хорошими рисунками

с древних надписей, наскальных изображений. В Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР хранится его коллекция древних предметов (бронзовый нож, бронзовые долота, втульчатый наконечник копья, бронзовые стрелы, бронзовый кинжал и др.)¹³⁶. Эта коллекция была известна В. И. Каменскому¹³⁷. Часть коллекции была описана Д. Н. Левом¹³⁸ и другими. В архиве А. И. Шренка имеются рукописи участников его экспедиций — топографа Нифантьева, толмача Фролова и урядника Лобанова, в трудах которых также содержатся материалы по археологии Сары-Су и Ветпак-Далы¹³⁹. По описанию топографа Нифантьева, горы Центрального Казахстана весьма богаты рудами всякого рода и, «как уверяют кайсаки, в них весьма много древних копей, искусно обрабатываемых». В результате первой топографической съемки 1840 г. Нифантьевым была составлена «Карта юго-западной части Киргизской степи».

Для изучения исторических памятников Центрального и Северо-Восточного Казахстана немаловажное значение имеют труды А. Влангали, М. Красовского и Л. Мейера, которые долго жили в Казахстане и хорошо знали географию, топографию и историю этих районов. Основными объектами их исследований были древние рудники, особенно их ин-

¹³¹ МАЭ. Коллекция А. И. Шренка (1856). № 35.

¹³² См. письмо В. И. Каменского акад. С. Ф. Ольденбург. Архив Академии наук СССР, ф. 207, оп. 2, д. 249; О А. И. Шренке см.: «Обозрение путешествий и географических открытий». «Вестник РГО», 1851, кн. 1, стр. 113; М. Богданов. Обзор экспедиций и естественноисторических исследований Арало-Каспийской области. «Труды Арало-Каспийской экспедиции», вып. 1; А. П. Федченко. Путешествие в Туркестанский край. Т. II, ч. VI, вып. 3, СПб., 1874.

¹³³ Д. Н. Лев. К истории горного дела. «Труды Института антропологии и этнографии АН СССР», 1934, вып. 2, стр. 34.

¹³⁴ Нифантьев. Топографическое описание южной части Киргизской степи (1843). ААН, ф. 317, оп. 1, д. 48; его же. Топографическое описание юго-западной части Киргизской степи. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20656; Фролов. Дополнение (толмача Фролова) к описанию Киргиз-Кайсацкой степи Левшина. ААН, ф. 317, оп. 1, д. 51; Лобанов (урядник). Описание юго-западной части Голодной степи (1841). ААН, ф. 317, оп. 1, д. 47.

¹³¹ А. И. Шренк. Путешествия и исследования по зоогагарским киргизским степям в 1840—1843 гг. ААН, ф. 317, оп. 1, д. 7, л. 389.

¹³² Ч. Ч. Валиханов. Сочинения, СПб., 1904, стр. 45, 46, 224.

¹³³ A. Schrenk. Bericht über eine im Jahre 1840 in die Ostliche Deungarische Kirgisen Steppe unternommene Reise. См. в кн.: «Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches». St.—Peterb., 1845.

¹³⁴ Я. В. Ханьков. Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. «Вестник РГО», 1851, ч. I, кн. 1, стр. 46—47.

¹³⁵ ААН, ф. 317, оп. 1, д. 7, 13, 25, 26.

тересовали вопросы хозяйственного освоения металла древними обитателями Центрального Казахстана. В своем капитальном труде А. Влангали сообщает, что «народ, обитавший прежде в этой части Средней Азии, вероятно, имел понятие о рудах, потому что во многих частях степи встречаются огромные разности, в которых находились рудные месторождения»¹⁴⁰. Он говорит о преемственности традиции в разработке рудных месторождений и утверждает, что и «нынешние кочевые обитатели степи выкапывают только, где находят, свинцовый блеск и, выплавив из него металл, употребляют его на пули»¹⁴¹. Особо отметил А. Влангали мавзолей Козы-Корпеш и Баян-Сулу. «Почти на половине дороги, — пишет он, — между Копалом и Арасаном находится отдельная гора Баян-Джурюк, или Баяново сердце. Она называется так потому, что составляла любимое место кочевков Баян-Сулу, столь знаменитой своими романтическими приключениями с Кузу-Курпечем, могилы которых показывают в небольшом расстоянии от Аягуза»¹⁴².

Вопросы археологии Казахстана нашли отражение в трудах ученых-офицеров С. В. Броневского¹⁴³, М. И. Иванова¹⁴⁴, П. К. Услара¹⁴⁵, Сильвергельма¹⁴⁶, В. Старкова¹⁴⁷, А. Н. Грена¹⁴⁸, М. И. Венюкова¹⁴⁹, Л. Мейера¹⁵⁰, М. Красовского¹⁵¹, А. И. Макшеева¹⁵², А. К. Гейнса¹⁵³, Н. Г. Залесова¹⁵⁴ и многих других. Ите-

ресна судьба П. К. Услара — впоследствии известного исследователя истории, этнографии и языков кавказских народов. Во время мятежа К. Касымова он попал в плен и четыре месяца жил в ауле, кочевавшем на р. Сары-Су и в горах Улутау. В своей записке П. К. Услар знакомит с бытом казахов, а также с археологическими памятниками Улутауского района. Он сообщает: «Недалеко от Улутау, по течению Кенгира, есть много других могильных памятников, которых великолепие славится в целой степи и которые воздвигнуты в честь некоторых»¹⁵⁵. Он записал легенду о реке Джеты-Кыз, получившей свое наименование от семи каменных изваяний, изображавших девушек-красавиц.

Много сведений по археологии Центрального Казахстана имеется в записках генерала С. В. Броневского, управлявшего степью после принятия устава о сибирских казахах. В 1825 г. С. В. Броневский совершил поездку по Баян-Аульским и Каркаралинским степям от Омска до Аягуза. Обратный путь его проходил по Акмолинским, Атбасарским и Кокчетавским степям. Во время

¹⁴⁰ В. Старков. Краткое обозрение Киргизской степи. Памятная книжка Тобольской губернии на 1861—1862 гг., Тобольск, 1862, стр. 13, 34 (о сваянковой пещере на одной из вершин гор Улутау).

¹⁴¹ А. Н. Грен. От форта № 1 до форта № 2. Из путевых заметок. «Инженерный журнал», 1862, № 4, стр. 127—152.

¹⁴² М. И. Венюков. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868.

¹⁴³ Л. Мейер. Описание Киргизской степи Оренбургского ведомства. СПб., 1865, стр. 284—288.

¹⁴⁴ М. Красовский 2. Область сибирских киргизов, ч. III, СПб., 1868, стр. 254—264.

¹⁴⁵ А. И. Макшеев. Географические сведения книги Большого Чертежа о Киргизских степях и Туркестанском крае. «ИРГО», 1878, № 1, стр. 1—30.

¹⁴⁶ А. К. Гейнс. Киргизские очерки. «Военный сборник», 1866, т. XLVII, СПб., стр. 169; 1866, № 6, стр. 317—318, 334, 339; его же. Путешествие в Туркестан. Дневник 1866 г. Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Т. II. СПб., 1898, стр. 87—89, 263—266.

¹⁴⁷ Н. Г. Залесов. Письма из степи. «Военный сборник», 1864, № 6.

¹⁴⁸ [П. К.] Услар. Четыре месяца в плену в Киргизской степи, стр. 170.

¹⁴⁹ А. Влангали. Геоэтнографические поездки в восточной части Киргизской степи в 1849 и 1851 гг., ч. I, СПб., 1851, стр. 2.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ См.: «Горный журнал», 1853, ч. III, стр. 206—207.

¹⁵² С. В. Броневский. Записки о киргиз-казахах Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 41—43.

¹⁵³ М. И. Иванов. Поездка на полуостров Мангышлак в 1846 году. «Записки РГО», 1847, кн. 2.

¹⁵⁴ [П. К.] Услар. Четыре месяца в плену в Киргизской степи. «Отечественные записки», 1848, ч. LX, стр. 1—57.

¹⁵⁵ Сильвергельм. Военно-статистическое обозрение Российской империи, 1852, т. XVIII, ч. III; «Киргизская степь Западной Сибири», стр. 53 (о надписях Тамгалы-жар в низовьях р. Сары-Су).

поездки он наблюдал жизнь казахского народа, изучал исторические памятники, в том числе древнюю оросительную систему. В своей работе он говорит об остатках древней оседлой культуры в долинах рек Сары-Су, Нуры и в Каркаралинских горах¹⁵⁶. Татагай (Вотагай) он считал «остатками великого города при устье реки Нуры, 30 верстами выше впадения ее в озеро Кургалджин... Обширность города полагается более 10 верст. Еще около 1745 года, как удостоверят топографическое описание Оренбургской губернии, видны там были большие четырехугольные палаты, неподобие замка, окружностью на 300 сажен, одно целое капище, или мечеть, и весьма много развалившихся каменных строений»¹⁵⁷. Высказывания С. В. Броневского о Вотагае явно преувеличены. При обследовании этих памятников в 1947 и 1949 гг. мы, кроме остатков небольших поселений и обширных гробниц, ничего свидетельствующего о развалинах «великого города» не нашли. Авторы XVIII и первой половины XIX в., вероятно, приняли гробницы за остатки большого города.

О Джуван-Ане и Белен-Ане С. В. Броневский пишет, что это «два развалившихся довольно обширных города в пределах р. Сары-Су»¹⁵⁸. На р. Конге им найдено «капище-храм изрядной архитектуры из обожженного кирпича; тут же вблизи находится и древнее укрепление, а в вершинах реки Нуры — также капище из зеленого обожженного и муравленого кирпича. При горе Яман-Карт видны остатки древнего укрепления, а в 5 верстах от урочища Вес-Шоки сохранилась башня на высокой горе»¹⁵⁹. От этих памятников теперь ничего не сохранилось.

Особое внимание С. В. Броневский обратил на исторические памятники Каркаралинского и Аягузского округов. Он так их описывает: «... На равнинах...

существует много каменных укреплений в виде эллипса. Они развалились все до основания... Они суть большие и малые, но фигурою одни другим совершенно подобны. При въездах во внутренность стен были по две круглые башни, на середине же двора врыты толстые плиты камней для стрельбы из-за оных»¹⁶⁰. Это не что иное, как концентрические кольцевые или эллипсоидные ограды из вертикальных, врытых в землю плит эпохи бронзы. Их очень много вокруг Каркаралинских гор, и некоторые из них своей циклопической формой напоминают позднейшие крепостные сооружения. Громадный каменный вал, пересекающий горные долины воле г. Каркаралинска, С. В. Броневский и другие ученые приняли также за крепостные сооружения. По С. В. Броневскому, эта стена, «преграждающая проход на обширную долину, проведена из дикого плитного камня в 7—5 аршин высоты и в 3 аршина толщины. Это укрепление, простирающееся на несколько верст в окружности, построено, конечно, первобытными обитателями степи»¹⁶¹.

В горах Кент, в 40 км к юго-востоку от Каркаралинска, С. В. Броневский осмотрел знаменитый Кзылкенский замок и первым дал его обстоятельное описание. Это двухэтажное здание, имеющее в плане крестообразную форму, сложено из дикого камня на известковом растворе. Стены его оштукатурены, на верхнем этаже находились обходная галерея и фронтон, поддерживаемый четырьмя деревянными колоннами. С. В. Броневский нашел следы красной краски, которой была окрашена деревянная часть здания, в том числе и деревянные колонны. Но потолков уже не было, они давно обрушились. Он замечает, что казахи обожествляют это место и совершают там жертвоприношения. С. В. Броневский сделал пробную раскопку в основании здания, «приказав очистить пол от завалившегося потолка, но ничего не находил»¹⁶². Он производил также археологические раскопки в горах Кент и око-

¹⁵⁶ С. В. Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», 1830, ч. 43, стр. 251—252.

¹⁵⁷ Там же, стр. 251.

¹⁵⁸ Там же, стр. 252.

¹⁵⁹ Там же, стр. 250.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же, стр. 249.

¹⁶² Там же, стр. 248.

ло Каркаралинска. «Поиски мои, — писал он, — в древних курганах около сего места вознаграждены отысканием золотых серег с бирюзой и рода женской гребенки из чистого золота, очень хорошей работы. Поднято также несколько медных обломков от конской сбруи и оружия, много разбитых узорчатых горшков из обыкновенной глины, без рисунков и надписей»¹⁶³. Эти вещи были отправлены «в кабинет графа П. П. Румянцева», тогдашнего канцлера России, где находятся они теперь — нам неизвестно.

Судя по описанию, С. В. Броневский копал курганы двух эпох — поздней бронзы и раннего железа. В его записках дается характеристика разных типов памятников: архитектурных сооружений, оседлых поселений, каменных изваяний, курганов и древних выработок.

Исторической топографии Казахстана посвятил специальную главу в своем труде А. И. Левшин¹⁶⁴. При написании он ознакомился с данными С. В. Броневского, Ф. Назарова, Пospelова, Бурнашева, Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и обоих Рычковых.

Обширный материал по археологии Центрального Казахстана разбросан в записках М. Красовского¹⁶⁵. В своих работах, посвященных археологическим памятникам Центрального Казахстана, он использовал материалы собственных наблюдений и рукописи, известной под названием «Топографические описания Степной местности», составленной офицерами Сибирского казачьего войска. М. Красовский поставил вопрос о научном изучении исторических памятников Центрального Казахстана и выдвинул проблему о происхождении и типах памятников. Но его рассуждения в большинстве своем полемичны и неверны¹⁶⁶.

¹⁶³ Там же, стр. 248—249.

¹⁶⁴ А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих орд и степей, ч. I, СПб., 1832, стр. 202—214.

¹⁶⁵ Записка поручика Красовского «Общий взгляд на юго-западную часть сибирских киргизов». ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 11, д. 6; Записка поручика Красовского «Очерк бассейна р. Сарысу». ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 13, д. 3.

¹⁶⁶ М. Красовский. Область сибирских киргизов, стр. 254—264.

Эти недостатки присущи трудам многих авторов, писавших об археологии Казахстана в дореволюционное время.

Несомненной заслугой офицеров Генерального штаба является публикация топографических материалов и составление генеральных карт отдельных областей Казахстана и Западной Сибири.

В топографической съемке территории Казахстана принимали участие лучшие геодезисты и топографы того времени — Нифантьев, Я. В. Ханьков, Ю. В. Толстой¹⁶⁷, К. Струве¹⁶⁸ и другие. В результате совместных усилий людей разных специальностей были составлены карты Семиреченского и Заилийского краев¹⁶⁹, территории между реками Чу и Сыр-Дарьей¹⁷⁰, Приаралья и Тургайской степи, озера Иссык-Куль¹⁷¹ и, наконец, Сводная (генеральная) карта Киргизской степи и Средней Азии.

Таким образом, к середине XIX в. уже был накоплен некоторый материал по археологии Центрального и Северо-Восточного Казахстана, позволяющий хотя бы в общих чертах нарисовать историческое прошлое области. Но не могло быть и речи о подлинно научном изучении археологических памятников края, так как исследования велись на низком уровне. Можно сказать, что до второй половины XIX в. (до В. В. Радлова) не было настоящих исследователей-археологов, изучением исторических памятников этого района занимались любители, которые имели весьма смутное представление о методике полевых археологических работ. В самой науке, изучающей древности, еще не были разработаны такие важные вопросы, как методика раскопок и фиксации, хронологическая и типологическая классификация памятников, метод сравнительного анализа материалов отдельных районов. Сло-

¹⁶⁷ Я. В. Ханьков и Ю. В. Толстой. Список мест северо-западной части Средней Азии. «Записки РГО», 1855, кн. X.

¹⁶⁸ К. Струве. Результаты барометрической нивелировки. «Вестник РГО», 1858, ч. 26.

¹⁶⁹ См. «Записки РГО», 1861, кн. 2.

¹⁷⁰ Там же, 1862, кн. 3.

¹⁷¹ «Отчет РГО за 1853 г.» СПб., 1853.

вом, при научных раскопках не вели дневника раскопок с подробным описанием инвентаря, не составляли полевых чертежей и картографических материалов, ничего не фиксировали на фотографиях.

Фактически изучение древностей до середины XIX в. сводилось к простой регистрации и учету памятников. Исследователи того времени не задавались целью решать исторические проблемы и делать какие-либо широкие выводы социального и историко-культурного характера. Тем не менее среди работ этих ученых имеются довольно серьезные труды, не утратившие своего значения до наших дней. Это прежде всего работы П. С. Палласа, П. И. Рычкова, И. П. Шангина, Г. И. Спасского, А. И. Шренка.

Во второй половине XIX в. археологическое изучение Казахстана было поставлено на более научную основу. Огромную роль в историко-географическом изучении Казахстана сыграли труды молодых ученых П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханова, Г. Н. Потанина и несколько позднее — Н. М. Ядринцева, акад. В. В. Радлова и П. И. Лерха. Работы этих ученых отличались не только свежестью мыслей, но и глубоким знанием истории, географии и исторической топографии Казахстана. Они выдвинули много проблемных вопросов, важных в теоретическом отношении, их интересовали не отдельные сведения о памятниках, а все связанное с ними. На основе наблюдений и раскопок они попытались классифицировать памятники по периодам (В. В. Радлов), увязать их с историей племен, населявших в далеком прошлом территорию Казахстана. В этом отношении интересны записи молодого Ч. Валиханова. Он был страстно увлечен исследованиями археологических памятников Центрального Казахстана и Семиречья и собирался написать специальную работу на эту тему¹⁷². Его точка зрения на исторические памятники Казахстана кратко изложена в работах «Географический очерк Заилийского

края»¹⁷³, «Дневник поездки на Иссык-Куль»¹⁷⁴ и «Очерки Джунгарии»¹⁷⁵. В них он стремился определить главнейшие типы памятников. По его мнению, в Центральном Казахстане имеются такие комплексы памятников: 1) старые рудники, ныне брошенные (около Джезды-Кенгира); 2) покинутые пашни (в урочище Тюндюгюр); 3) ограды, составленные из вертикально врытых плит; 4) каменные изваяния; 5) большие курганы; 6) архитектурные постройки раннего средневековья¹⁷⁶.

Из памятников Семиречья большое значение Ч. Валиханов придавал остаткам древних городских поселений, отмечал историко-культурное значение открытия разрушенных городских стен, находок гончарных водопроводных труб, монет, а также жерновов, осмотренных им на Малой Алматинке. Большое впечатление на него произвели обширные памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Он писал: «На пути из Каркаралов в Актая встречается множество гробниц, составленных из плит, вертикально и плотно сжатых между собой, с одной стороны находятся двери. Подобные галереи есть в Большой Орде»¹⁷⁷. Речь идет, вероятно, о кольцевых, прямоугольных и квадратных оградах, сложенных из больших гранитных плит, поставленных на ребро. Большинство оград сохранилось до наших дней. Они относятся к разным периодам эпохи бронзы и встречаются на огромном пространстве от Иртыша до гор Улутау.

Интересные высказывания о памятниках Центрального Казахстана, особенно о древних разработках, оседлых поселениях, имеются в трудах П. П. Семенова-Тян-Шанского, в частности в его географическом словаре. П. П. Семенов-Тян-Шанский, частично обобщив данные Миллера, Гмелина, Палласа, Шангина, Валиханова и других, написал ряд статей о древних памятниках Центрального

¹⁷² Там же, т. III, 1964, стр. 29—38.

¹⁷⁴ Там же, т. I, стр. 230—235, 253—255.

¹⁷⁵ Там же, стр. 399—400.

¹⁷⁶ Там же, т. III, стр. 38.

¹⁷⁷ Там же, стр. 36.

¹⁷² Ч. Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. I, Алма-Ата, 1961, стр. 400.

Казахстана¹⁷⁸. Кроме того, он первый поставил вопрос об организации Географическим обществом крупных экспедиций в отдаленные районы России. В связи с этим возрос интерес к древностям Центрального и Северо-Восточного Казахстана. Значительную роль в этом сыграли Русское географическое общество, Восточное отделение Русского археологического общества, Московское археологическое общество и Археологическая комиссия. В этих организациях работали крупные ученые и исследователи: А. С. Уваров, Н. Е. Забелин, Д. Н. Анучин, А. А. Спицын, В. А. Городцов¹⁷⁹. А. С. Уваров особенно интересовался каменными изваяниями и мегалитическими постройками Южной Сибири и Казахстана. Он считал, что чаще всего дольмены встречаются в Азиатской части России, и, следовательно, «наша страна была, вероятно, колыбелью народа-дольменов»¹⁸⁰, т. е. колыбелью культуры эпохи бронзы в целом. А. С. Уваров поставил вопрос о перевозке некоторых каменных изваяний из степи в Московский исторический музей, в том числе и памятников, находящихся воле гробницы Козы-Корпеш и Баян-Сулу. Но его намерение не было осуществлено.

¹⁷⁸ P. P. Semenov. Die Gräber den Kirgisen. Mittheilungen Gesellschaft in Wien., 1871.

¹⁷⁹ А. С. Уваров. Мегалитические памятники в России. Древности. «Труды Московского археологического общества», 1876, т. VI, вып. 3; 1878, т. VII, вып. 3; Д. Н. Анучин. О некоторых каменных изделиях из Сибири. «Труды VI археологического съезда в Одессе», 1886, т. I; его же. К истории искусства и верований у приуральной чуди. «Материалы по археологии восточных губерний России, собранные и изданные Московским археологическим обществом», вып. III, М., 1890; А. А. Спицын. Случайные находки близ Семипалатинска. «Известия Археологической комиссии», 1904, вып. 12, СПб., стр. 76—77; его же. Некоторые находки медного вена. «Известия Археологической комиссии», 1909, вып. 29, стр. 65—67; В. А. Городцов. Скальные изображения в Тургайской области. «Известия Археологической комиссии», 1918. Приложение к вып. 66. (Хроника и библиография, вып. 32); его же. Скальные рисунки Тургайской области. «Труды Гос. ист. музея», 1926, вып. 1, стр. 37—70.

¹⁸⁰ А. С. Уваров. Указ. соч., стр. 274.

Кроме этого, центральные археологические учреждения на страницах своих журналов время от времени публиковали статьи и сообщения об археологических находках¹⁸¹ или раскопках, произведенных на территории бывших Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Семиреченской областей¹⁸².

Вскоре после своего основания (1859 г.) Археологическая комиссия поставила перед собой задачу широкого археологического исследования территории Казахстана. С этой целью в Северо-Восточном Казахстане побывал В. В. Радлов¹⁸³, а в низовьях Сыр-Дарьи и Семиреченском крае — П. И. Лерх¹⁸⁴. По возвращении П. И. Лерх опубликовал интересные статьи¹⁸⁵ и значительный труд¹⁸⁶, в которых впервые была описана древняя оседлая культура Южного Казахстана. Большой вклад в изучение древностей Центрального и Северо-Восточного Казахстана сделал акад. В. В. Радлов. Он первым применил подлинно научный метод к изучению археологических памятников Сибири и Казахстана и дал сравнительно верную их классификацию и периодизацию.

¹⁸¹ Случайные находки из Акмолинской области. «Отчет Археологической комиссии за 1895 г.», СПб., 1897, стр. 52, 178—179; то же. «Отчет Археологической комиссии, 1907 г.», СПб., 1910, стр. 124, 136; Случайные находки из Семипалатинской области. «Отчет Археологической комиссии за 1900 г.», СПб., 1902, стр. 123, 148; Случайные находки из Тургайской области. «Отчет Археологической комиссии за 1901 г.», СПб., 1903, стр. 256—257; то же. «Отчет Археологической комиссии за 1903 г.», СПб., 1907, стр. 138, 163.

¹⁸² Раскопки в Акмолинской области. «Отчет Арх. ком. за 1894 г.», СПб., 1898, стр. 30—31, 154; то же за 1911 г., СПб., 1914, стр. 70—100; то же за 1913—1915 гг., СПб., 1918, стр. 177—178; Раскопки в Семипалатинской обл. «Отчет Арх. ком. за 1898 г.», СПб., 1901, стр. 59—60, 172; то же за 1890 г., СПб., 1892.

¹⁸³ В. В. Радлов. «Сибирские древности», 1888, № 3, СПб.

¹⁸⁴ «О командировании титулярного советника П. И. Лерха для исследования развалин при устье и долине р. Сыр-Дарьи, об открытии кирпичи при развалинах Джаманта». ЦГВИА, ф. 400, 1868, оп. 258/908, д. 25.

¹⁸⁵ «Археологическое путешествие П. И. Лерха». «ИРГО», 1869, т. V, отд. II, стр. 371—374.

¹⁸⁶ П. И. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870.

В 1862 г. В. В. Радлов впервые исследовал памятники бронзового века, обнаруженные им в Каркаралинском округе и недалеко от Аягуза, дал их научное описание¹⁸⁷. В окрестностях Семипалатинска он вскрыл несколько гробниц эпохи бронзы и в одной из них обнаружил медный нож. Подобные ножи он находил в Барабинской и Кулундинской степях, а Уйфальви — в Акмолинской и Каркаралинской степях¹⁸⁸.

В. В. Радлов придавал большое значение освоению человеком первого металла и употреблению его для изготовления предметов обихода. Он считал, что Алтай, Саяны и казахские степи были районами разработки месторождений меди, олова и золота, и отмечал, что древние рудокопы шли по направлению рудных жил и добывали металл открытым способом. При проходке шахт для безопасности они делали крепёжные подпорки. Однако шахты нередко обваливались и их засыпало. В. В. Радлов находил в древних копиях скелеты рудокопов и при них кожаные мешки, наполненные рудой. Он обнаружил остатки медеплавильных печей в Западном Алтае, на р. Шульбе (ниже Лениногорска) и в Каркаралинских степях¹⁸⁹.

Изучение древних рудников позволило В. В. Радлову сделать такие выводы: «Многочисленность чуждских копей, большое распространение разработки руд и обильное добывание меди дает нам право заключить, что народ этот добывал медь не только для своего употребления, но добытым металлом производил еще обширную торговлю. Ремесло рудокопа, должно быть, было здесь в большом почёте»¹⁹⁰.

Интересно деление В. В. Радловым наконечников копий бронзового века на два типа: сердцевидный и в виде ланцета. Последний он считал типичным для

казахских степей. Основываясь на данных сравнительного анализа, он утверждал, что кельты Алтая и степей Казахстана совершенно сходны и по форме отличаются от кельтов долины Енисея¹⁹¹.

Заслуживает внимания данная В. В. Радловым классификация и периодизация археологических памятников северо-восточного района Казахстана и Южной Сибири. Историю культуры этих районов он делил на периоды: медный, или век бронзы, древнейший железный век, новейший железный век и раннее средневековье¹⁹². Такая периодизация была шагом вперед в изучении археологии. В. В. Радлов уже четко разграничил памятники бронзового века и курганы периода железа. Курганы ранних кочевников он отнес к двум этапам: древнейшему железному (теперь раннескифское время — VIII—IV вв. до н. э.) и позднему железному.

На основе изучения большой серии памятников Южной Сибири и Казахстана В. В. Радлов заключает, что «в древности в этих плодородных странах жило многочисленное население, достигшее уже известной степени культурного развития»¹⁹³. Он сожалеет, что основная масса памятников потеряна для науки, они давно разрушены грабителями.

Исследования В. В. Радлова по археологии Центрального и Северо-Восточного Казахстана были опубликованы в его двухтомном монографическом труде на немецком языке (*Aus Sibirien*, 1886), затем в «Сибирских древностях»¹⁹⁴.

Наряду с большими достоинствами в работах В. В. Радлова имеются и ошибки. Это касается классификации курганов ранних кочевников и датировки архитектурного памятника Козы-Корпеш и Ваки-Сулу. Он написал: «... Без сомнения, представляет большой интерес киргизский памятник, может быть XVII или XVIII столетия». В. В. Радлов завышает датировку этого сооружения, он не учи-

¹⁸⁷ В. В. Радлов. Сибирские древности. На путевых записках по Сибири. Перевод с немецкого А. А. Вобрицкого. СПб., 1896, стр. 12.

¹⁸⁸ Там же, стр. 13; Uifalvy de Mezö-Kovezd, Ch. E. Xe Syr-Daria, le Zer., le Pays de Sept — Revières et la Sibirie Occidentale (Exped. Scientifique Française, t. II), Paris, 1879, табл. 1—2.

¹⁸⁹ В. В. Радлов. Указ. соч., стр. 14—15.

¹⁹⁰ Там же, стр. 14.

¹⁹¹ Там же, стр. 18—19.

¹⁹² Там же, стр. 23, 26, 34.

¹⁹³ Там же, стр. 10.

¹⁹⁴ «Сибирские древности», 1888—1894, т. I, вып. 1—3; 1902, т. II, вып. 1.

тывает подобного типа памятники, встречающиеся довольно часто на территории Казахстана и нередко с каменными изваяниями, установленными возле них. В Казахстане их встречается два типа: первый — это высокое конусообразное сооружение (типа Козы-Корпеш), которое в народе называют *дынг* (башня), второй — сооружение юртообразной формы — *у́дгас* (каменный дом). Оба типа относятся к памятникам древней каменной архитектуры Казахстана доисламского периода. Эти формы сооружений описывал еще Рубрук, проезжавший в 1253 г. через Семиречье и Центральный Казахстан.

Значительный вклад в изучение археологии Казахстана внесли также русские ученые Н. М. Ядринцев¹⁹⁵, Н. И. Веселовский¹⁹⁶, В. В. Бартольд¹⁹⁷, художники П. Кошаров, М. С. Знаменский и М. С. Дудин. В Оренбургской и Тургайской степях в это время успешно работали Ф. Д. Нефедов¹⁹⁸, Р. Г. Игнатьев¹⁹⁹, А. П. Аниховский²⁰⁰ и другие, исследовавшие памятники эпохи бронзы.

¹⁹⁵ Н. М. Ядринцев. Описание сибирских курганов и древностей. Древности. «Труды Московского археологического общества», 1883, т. IX, вып. 2—3; его же. Начало оседлости. «Сибирский сборник». СПб., 1885, стр. 139—178; [его же]. Археологическая коллекция М. С. Знаменского. «ИРГО», 1882, т. 18, вып. 2, стр. 22—23; его же. Археологический альбом М. С. Знаменского. «Восточное обозрение», 1884, № 25.

¹⁹⁶ Н. И. Веселовский. Черновые заметки о раскопках сибирских курганов. ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 227; его же. Записки о скифских раскопках. Там же, д. 235.

¹⁹⁷ В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. «Записки Академии наук. Серия VIII», 1897, т. I, № 4.

¹⁹⁸ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. «Материалы по археологии восточных губерний», т. III, М., 1899, стр. 1—43.

¹⁹⁹ Р. Г. Игнатьев. Городища и курганы Оренбургской губернии. «Известия Археологической комиссии», 1903, вып. 5, СПб., стр. 96—122; «Труды первого археологического съезда в Москве в 1869 г.», т. I, М., 1871, стр. 153—158.

²⁰⁰ А. П. Аниховский. Раскопки древних курганов в Тургайской обл. «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. 14, 1905, стр. 66—79; его же. Древние курганы в Кустанайском уезде Тургайской обл. Там же, стр. 52—65.

Н. И. Веселовский и В. В. Бартольд сыграли немаловажную роль в разработке ряда теоретических вопросов археологии восточных окраин, в организации экспедиций и публикации археологических материалов. Н. И. Веселовский высказал мнение, что «кочевая культура не представляет переходной ступени от звероловства в оседлую жизнь, а составляет самостоятельное явление, как и культура оседлых»²⁰¹. Он считает, что кочевая и оседлая культуры развивались параллельно в одну и ту же эпоху и являлись лишь двумя формами хозяйства одной и той же общественной формации.

Другой ученый, Н. М. Ядринцев, доказывал, что кочевое скотоводство существует только в условиях обширных пастбищных угодий, а при сокращении их радиус кочевания постепенно уменьшается и кочевник становится оседлым²⁰².

Для изучения археологии Центрального Казахстана известный интерес представляют наблюдения замечательного ученого, друга Л. Н. Толстого, профессора Харьковского университета А. И. Якоби, сделанные им во время путешествия по этому району в начале 70-х гг. XIX в.²⁰³ Исследованием памятников и сбором материалов занимались многие местные корреспонденты. В числе их были С. И. Гуляев, П. Никитин, И. А. Армстронг, Н. А. Абрамов, Е. Малахов, позднее В. П. Никитин и др.

С. И. Гуляев ставил перед центральными научными учреждениями вопрос о необходимости изучения древностей Казахстана²⁰⁴. П. Никитин (в архивных документах ошибочно Неготин) — гор-

²⁰¹ Н. И. Веселовский. Черновые записки о кочевках. ЦГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д. 388, л. 3.

²⁰² Н. М. Ядринцев. Начало оседлости..., стр. 142—144.

²⁰³ А. И. Якоби. Поездка в киргизские степи Западной Сибири. «Сборник сочинений по судебной медицине и т. д.», т. I, 1874, стр. 220—315.

²⁰⁴ С. И. Гуляев. Заметки об Иртыше и странах, им орошаемых. «Вестник РГО», 1851, ч. III, кн. 1, стр. 1—88; его же. Записки о некоторых древностях в Киргизской степи. «Вестник РГО», 1853, кн. 3, стр. 7; его же. О древностях, открываемых в Киргизской степи. «Вестник РГО», 1853, ч. VIII, отд. 7, стр. 22—25.

ный инженер, в 1856—1857 гг. побывал в Семиречье и Прибалхашье и описал археологические памятники этих районов²⁰⁵. Интересные сообщения о древностях г. Семипалатинска и Каркаралинского округа сделал И. А. Армстронг²⁰⁶. Его исследования продолжили Н. А. Абрамов²⁰⁷, Е. Малахов²⁰⁸. Сведения о памятниках Центрального Казахстана: каменных изваяниях и постройках средневековья — можно найти в сообщениях В. П. Никитина²⁰⁹.

Из работ археологов-любителей конца XIX в. известный интерес представляют наблюдения горного инженера М. Копалова. Он попытался классифицировать памятники Центрального Казахстана и разделил их на шесть групп. Это могилы обычного типа, ребровые камни (т. е. андроновские ограды), кривые линии (остатки древних плотин), холмы (курганы), рудники и укрепления. М. Копалов подробно исследовал древние выработки. Он писал: «... чудские ямы в сте-

пи видеть можно везде. В наше время они представляют более или менее заметные углубления: по степени их обвалов должно полагать, что некоторые из них завалены»²¹⁰. По наблюдениям М. Копалова, древних выработок особенно много на юге Акчатавской и Моинтинской волостей Каркаралинского уезда и по левую сторону р. Нуры (выработки Алтын-Су), около гор Уста. Как и другие исследователи, М. Копалов считает, что топливом при выплавке руды служил степной кустарник: вереск, байлыш, саксаул и др.

Вопросами древнего горного дела интересовались многие ученые-геологи и горные инженеры. Обстоятельную работу о древнем горном деле Сибири и Северо-Восточного Казахстана написал П. С. Паллас²¹¹.

Значительную роль в археологическом изучении Центрального и Северо-Восточного Казахстана сыграли отделы Русского географического общества: Западно-Сибирский, Семипалатинский и Оренбургский²¹². Они были научными центрами на окраинах дореволюционной России. Кроме того, некоторую работу по охране памятников прошлого вели другие научные организации, в частности Оренбургская ученая архивная комиссия, Общество истории, археологии и этнографии при Казанском университете, Археологический музей Томского университета и Туркестанский кружок любителей археологии, которые периодически на страницах своих журналов помещали статьи и сообщения об археологических исследованиях в северных областях Казахстана.

Особенно велики заслуги по охране и учету памятников, сбору материалов и созданию научного фонда членов-

²⁰⁵ П. Неготин. Описание памятников древностей Алатауского округа (1857) с приложением письма автора и отзыва акад. В. П. Вильяма. Архив Всесоюзного географического общества, разр. 69, оп. 1, л. 5; Ср. описание памятников древностей, найденных близ города Копала инженер-поручиком Неготиным. «Вестник РГО», 1857, кн. XIX, стр. 81.

²⁰⁶ И. А. Армстронг. Семипалатинские древности. «Известия Археологического общества», 1861, т. II, вып. 4, СПб., стр. 202—207; Ср. «Изв. Арх. об-ва», 1859, т. I, вып. 5, СПб., стр. 295—296; «Изв. Вост. отд. РАО», 1859, т. I, вып. 3, стр. 76.

²⁰⁷ Н. А. Абрамов. Древние курганы и укрепления в Семипалатинской и Семиреченской областях. «Известия Вост. отд. РАО», 1872, т. VII, вып. 2—3, стр. 60—63; его же. Краткое описание каменного памятника Козу-Курпеч. «Изв. Вост. отд. РАО», 1858, т. I, вып. 2, стр. 55—60; его же. «Известия Археологического общества», 1859, т. I, стр. 247—250.

²⁰⁸ Е. Малахов. Могилы Семипалатинской области. «Изв. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XI, вып. 3; «Труды антропологического отдела», т. IX, вып. 1, СПб., 1888, стр. 24—27.

²⁰⁹ В. Никитин. Памятники древности Каркаралинского уезда. «Записки Археологического об-ва. Новая серия», т. VII, вып. 1—2, СПб., 1896; его же. Краткое описание памятников древностей Семипалатинской обл. «Известия Археологической комиссии», 1902, вып. 2, стр. 103—111.

²¹⁰ М. Копалов. Памятники старины Киргизской степи. «Записки Уральского об-ва любителей естествознания», т. XIII, вып. 1, Екатеринбург, 1891, стр. 20.

²¹¹ П. С. Паллас. Рассуждение о старинных рудных копях в Сибири и их подобии с венгерскими, различающимися от копей римских. «Академические известия», СПб., 1780.

²¹² «Анкета об охране памятников старины». Издание Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1914.

сотрудников Западно-Сибирского и Семипалатинского отделов Русского географического общества. В 1878 г. по поручению Западно-Сибирского отдела совершил поездку в Кокчетавский уезд И. Я. Словоцов и дал описание некоторых археологических памятников Северного Казахстана²¹³. В начале 80-х годов в Центральном Казахстане побывали сотрудники Западно-Сибирского отдела Ф. Н. Усов и И. Козлов. После поездки они опубликовали совместную статью²¹⁴. В 1893 г. на р. Чаглинке, недалеко от г. Кокчетав, производил раскопки курганов эпохи бронзы А. В. Селиванов. Однако они не дали существенных результатов²¹⁵. В 1895 г. по Бетпак-Дале проехали военный врач г. Акмолинска Л. Кузнецов и переводчик Атбасарского уездного начальника Х. Бекходжин и осмотрели знаменитую надпись на песчаниках Тамгалы-Тас²¹⁶.

Большой интерес к археологическим памятникам Центрального Казахстана проявил А. Н. Седелников, который первым попытался обобщить материал по этому району²¹⁷. Подобным образом систематизировал археологические памятники бывшей Семипалатинской области местный ученый Н. Я. Кошкин — политический ссыльный, занимавшийся историей, экономикой и культурой до-революционного Казахстана. Из его материалов наиболее интересны описания памятников Каркаралинского и Баян-

Аульского районов²¹⁸, в которых он побывал в 1901 и 1902 гг. Н. Я. Кошкин пишет, что все древние памятники около Баян-Аула казаки называют чудскими, а казахи — калмыцкими²¹⁹. Сам Н. Я. Кошкин не высказал своего мнения по этому вопросу. Местные ученые еще не были знакомы с исследованиями В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева, Н. И. Веселовского и В. В. Бартольда. Общие достижения науки конца XIX в., в частности открытия Н. М. Ядринцева и В. В. Радлова на р. Орхоне, сделавшие переворот в науке, местным ученым еще долго оставались неизвестными. Поэтому их исследования не отличаются большой точностью. Н. Я. Кошкин дает описание знаменитых баянаульских и каркаралинских пещер, наскальных рисунков в горах Абралы (Тулпартас) и Чунак, берет на учет камни с надписями и рисунками в горах Дегелен, выявляет остатки крепостной стены в горах Торе-Кашкан, около которой находит плитки из обожженного кирпича с надписями²²⁰. Вслед за С. В. Броневским, инженером М. Копаловым он осматривает огромный «крепостной» вал на холмах возле Каркаралинска²²¹, назначение которого до сих пор остается неизвестным. Мы не раз осматривали этот грандиозный вал и пришли к выводу, что, вероятно, это естественное нагромождение камней в результате каких-то тектонических явлений или естественные сбросы. Из наблюдений Н. Я. Кошкина нас привлекают его описания грабительских раскопок купца А. Ф. Сорокина. Он отмечает, что А. Ф. Сорокин раскапывал чаще всего курганы с каменными изваяниями и большие плиточные ограды типа Бегазы. Эти памятники находились в урочищах Куркели и Ермектас.

²¹³ И. Я. Словоцов. Путевые заметки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд. «Записки ЗСО РГО», 1881, кн. III, Омск, стр. 30—38. Имеется повторное издание с картой. См. «Записки ЗСО РГО», 1897, кн. XXI.

²¹⁴ Ф. Н. Усов, И. Козлов. Археологические заметки. «Записки ЗСО РГО», 1882, кн. IV, Омск, стр. 39—41.

²¹⁵ Архив Ленинградского отделения Института археологии, 1894, ф. 1, д. ИИАК, № 64.

²¹⁶ Л. Кузнецов. О надписи на камне Тамгалы-Тас в пустыне Бетпак-Дала в Атбасарском уезде Акмолинской губернии. «Записки Семипалатинского отдела РГО», 1927, вып. XVI.

²¹⁷ А. Н. Седелников. Киргизский край. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В. П. Семенова, т. XVIII, СПб., 1903.

²¹⁸ Н. Кошкин. От Павлодара до Каркаралинска. Памятник книжка Семипалатинского областного статистического комитета на 1901 г. Вып. V, Семипалатинск, 1901. (Приложение), стр. 1—55; его же. О памятниках старинной Семипалатинской области. «Зап. Семипалатинского подотдела РГО», вып. I, 1905, стр. 1—32.

²¹⁹ Н. Кошкин. От Павлодара до Каркаралинска, стр. 49—50.

²²⁰ Там же, стр. 24—25, 49, 51.

²²¹ Там же, стр. 50.

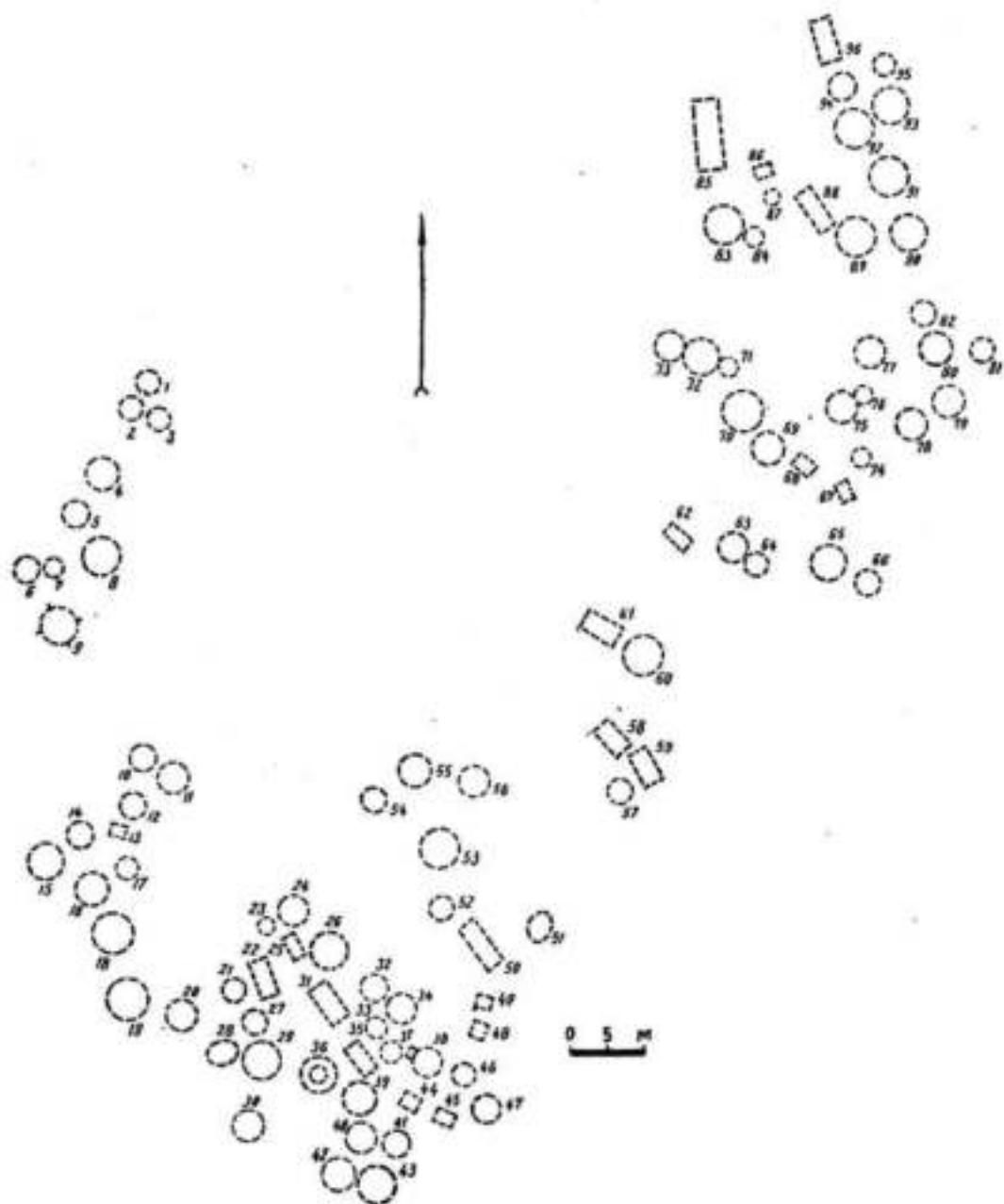

Рис. 2. План большого андроновского комплекса в долине реки Кобдык, горы Аулие-Кылтау.

Н. Я. Коншин насчитал в урочище Куркели до десяти круглых в плане курганов. Они были образованы из плит, положенных на ребро. Внутри кругов находились каменные ящики. В них А. Ф. Сорокин обнаружил «черные кушпины из обожженной глины, очень тонкой работы, с узором посредине», и золотую серьгу с растробом, весом около 4 золотников. Из описания Н. Я. Коншина видно, что А. Ф. Сорокин раскапывал поздние андроновские ограды²²².

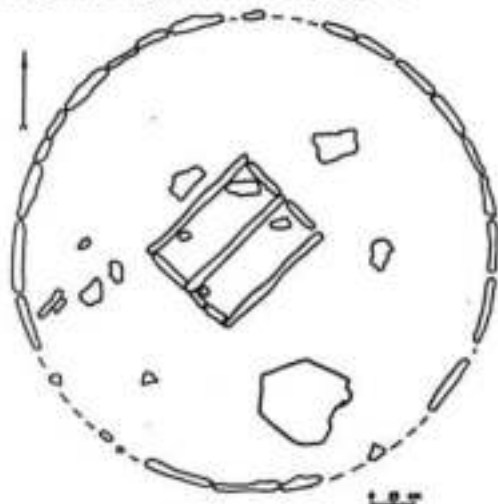

Рис. 3. План круглой ограды из комплекса Кобдык.

На Ермектасе (Кши-Ермектас) А. Ф. Сорокин откапывал «какие-то калмыцкие сооружения, похожие на остатки крепости с развалившимися стенами из каменных глыб и такими же загонами...» Загоны имели то круглую, то четырехугольную форму и были окружены стенами из поставленных на ребро камней²²³. При раскопке он нашел медные позолоченные крестовидные блики с дырочками. По свидетельству Н. Я. Коншина, все находки А. Ф. Сорокин отправил в Омск, в музей Западно-Сибирского отдела Русского географического общества.

²²² Там же, стр. 34.

²²³ Там же, стр. 33.

В начале XX в. местные археологи-любители стали больше интересоваться памятниками древности. Примером этого является записка Ф. Н. Педашенко, в которой он дает научное описание андроновского погребения, случайно обнаруженного им в окрестностях гор Семипалатинска²²⁴. Уникальные коллекции орудий труда и предметов быта эпохи бронзы были собраны братьями А. Н. и В. Н. Белослюдовыми на Семипалатинских дюнах, в Каркаралинских и Прибалхашских степях. Их сборы частично опубликованы А. А. Спицыным, М. П. Грязновым, А. А. Формозовым и С. С. Черниковым²²⁵. Однако большая часть этой коллекции еще не издана и хранится в Музее антропологии и этнографии Академии наук СССР (Ленинград)²²⁶.

С конца XIX в. ученые разных профилей стали исследовать памятники не только плодородных долин гор и рек Центрального Казахстана, но и глубинных районов, особенно пустынь и полупустынь бывшей Акмолинской области. С этого времени Ветпак-Дала стала научным объектом изучения. Естественноисторические условия вслед за академиком А. И. Шренком охарактеризовал Н. Н. Валкашин, проехавший через пустыню в 1880 г. от Акмолинска до Туркестана²²⁷. В 1883 г. Западную Ветпак-Далу посетил акмолинский уездный на-

²²⁴ Ф. Н. Педашенко. Реферат Педашенко об археологических находках в окрестностях г. Семипалатинска. «Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела РГО», Семипалатинск, 1903, стр. 14—28.

²²⁵ А. А. Спицын. Археологический альбом. «БРАО», 1915, т. XI, стр. 225—250; П. П. Грязнов. Казахский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казак», III. Л., 1930, рис. 3, 5, 13, 18; А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. «КСИММ», 1951, XXXIX; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.—Л., 1960, стр. 70, рис. 13.

²²⁶ Музей антропологии и этнографии, отд. археологии. Коллекция братьев Белослюдовых, № 3211.

²²⁷ Н. Н. Валкашин. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и китайскими владениями. «Записки ЗСО РГО», кн. III, Омск, 1881.

чальник В. К. Герн. Он посвятил ее географии и истории интересную статью²²⁸. Некоторые сведения по географии, истории и археологии пустынных районов Центрального Казахстана содержатся в исследованиях геодезиста Ю. А. Шмидта, экономиста Л. К. Чермака²²⁹, гидротехника А. Н. Соловьева²³⁰ и горного инженера А. А. Козырева²³¹. В 1886—1889 гг. Ю. А. Шмидт исследовал бассейн р. Сары-Су и Ветпак-Далу. Занимаясь в основном астрономическими и геодезическими вопросами, он интересовался археологией, особенно Улутауского района, долин рек Кенгир, Сары-Су и Западной Ветпак-Далы. Материалы Ю. А. Шмидта нашли свое отражение в его капитальном труде²³². В эти же годы топографами П. В. Степановым²³³, Н. К. Духовским, Р. М. Закржевским²³⁴ и Богдановым была проведена генеральная съемка пустыни Ветпак-Далы и прилегающих к ней районов. Об археологических памятниках пустынных районов Центрального Казахстана говорится и в

статье Н. С. Воронца²³⁵. Она осмотрела несколько серий наскальных рисунков на реках Буланты и Влеуты, некоторые камни с изображениями привезла в Москву и передала В. А. Городцову. К сожалению, Н. С. Воронец спутала местонахождения изображений. Ее ссылка на р. Лак-Пай неверна, в этом районе нет такой речки, но есть старая зимовка казаха Лакпая, находящаяся на правом берегу р. Буланты, недалеко от местонахождения наскальных рисунков, и 20 км ниже Байконура. Эти изображения позднее осмотрел К. И. Сатпаев и назвал Байконурскими²³⁶.

Об археологических памятниках Сары-Су и пустынных районов Центрального Казахстана имеются сведения в работах ботаников и почвоведов, в частности В. И. Смирнова²³⁷, В. Ф. Семенова²³⁸, М. Д. Спиридонова²³⁹, А. Н. Стасевича²⁴⁰, агронома Б. А. Скалова, а также Д. П. Севастьянова²⁴¹. Археологи особенно ценят наблюдения замечательного исследователя пустыни Ветпак-Дала

²²⁸ В. К. Герн. Поездка на реку Чу, к ее устью, через пустыню Ветпак-Дала в сентябре 1883 г. «Записки ЗСО РГО», 1884, кн. X, Омск.

²²⁹ Л. К. Чермак. Оседлые киргизы-земледельцы на р. Чу и заметки о пути через Голодную степь. «Записки ЗСО РГО», кн. XXVII, Омск, 1900.

²³⁰ А. Н. Соловьев. Из наблюдений на юге Акмолинского уезда. «Ежегодник по геологии и минералогии России», 1904, т. VII, стр. I—III.

²³¹ А. А. Козырев. Гидрологическое описание южной части Акмолинской области. СПб., 1911; его же. Краткий гидрологический очерк Казахстана. М.—Л., 1927. [Здесь использован его отчет «Материалы по исследованию Голодной степи (Ветпак-Дала)»].

²³² Ю. А. Шмидт. Очерки Киргизской степи и югу от Арало-Иртышского водораздела в Акмолинской области. «Записки ЗСО РГО», 1894, кн. XVII, вып. 2, Омск.

²³³ П. В. Степанов. Ветпак-Дала и степи, к ней прилегающие (доклад). «Юбилейный сборник ЗСО РГО», Омск, 1902, стр. 82; его же. О поездке в 1889 г. в Голодную степь (доклад). «Отчет ЗСО РГО за 1898 г.», Омск, 1899, стр. 17—18.

²³⁴ См. Астрономические определения подполковника Закржевского от пикета Эскенейского на Успенский рудник к северному берегу озера Балхаша и до г. Пишпека. «Записки Военно-топографического отдела», ч. 21, СПб., 1891.

²³⁵ Н. С. Воронец. Изображения на скалах, найденных на границе Тургайской и Сыр-Дарьинской областей на реке Лак-Пай. «Русский антропологический журнал», 1917 (1916), т. 39—40, № 3—4, стр. 57—60.

²³⁶ См.: А. Х. Маргулан, Е. Н. Агеева. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР. «Изв. АН КазССР», серия археологическая, 1948, вып. 1, стр. 131.

²³⁷ В. И. Смирнов. Растительность в области рек Сары-Су и Коп Акмолинской области. «Труды почвенно-ботанической экспедиции», ч. II, вып. 2, СПб., 1912.

²³⁸ В. Ф. Семенов. Ботанические работы в Акмолинской обл. в 1912 и 1913 гг. «Известия Томского технологического института», 1913, XXXII, № 4; его же. От Омска до Перовска через Акмолинскую степь. «Труды Сибирской сельскохозяйственной академии», 1922, № 1.

²³⁹ М. Д. Спиридонов. Киргизские пустынные степи. «Сибирская природа», 1922, № 1, 2.

²⁴⁰ А. Н. Стасевич. Район между реками Сары-Су и Коном в Акмолинском уезде. Предварительный отчет переселенческого управления за 1908 г., Омск, 1909.

²⁴¹ Д. П. Севастьянов. По степям Атбасарского уезда (доклад). «Отчет ЗСО РГО», 1910, стр. 23—28; его же. Некоторые данные о древностях Атбасарского уезда по наблюдениям 1910 года от Атбасара до Улутау. «Отчет ЗСО РГО за 1911 г.», стр. 19—20.

В. А. Селевина²⁴², открывшего ряд стоянок эпохи древнего и новокаменного века, сведения геолога Д. И. Яковлева²⁴³, в 1927—1931 гг. исследовавшего пустыню, данные проф. А. В. Мухли²⁴⁴ и др.

Однако эти ученые главным образом регистрировали памятники и не производили никаких археологических раскопок, за исключением нескольких в южных и западных областях Центрального Казахстана. Первое важное археологическое открытие в Центральном Казахстане было сделано горным инженером А. А. Козыревым²⁴⁵. В 1904 г. он исследовал интересный курган в урочище Караагач, расположенном в 50 км севернее районного центра Жана-Арклинского района — Атасу. Курган, датированный позднегуннским временем (III—IV вв.), содержал богатое женское погребение. В нем были найдены головной убор невесты (типа казахского саукеле), или золотой венчик с карнасом конической формы, золотые серьги, подвески (бляхи), ювелирные украшения, пояс, бокал из тонкого стекла, свидетельствующий о культурной и торговой связи племен Центрального Казахстана с племенами черноморского побережья Крыма. Анализ золота из кургана показал, что в сплаве преобладало серебро, чистого золота было лишь 40 проц. Рядом со скелетом женщины лежал неполный костяк лошади, головой обращенный к ее ногам. Здесь же обнаружено каменное изваяние. К сожалению, А. А. Козырев не дал его подробного описания и рисунка.

Некоторые ученые отрицают связь изваяния с погребением. Однако археологические раскопки последних лет под-

твердили точку зрения А. А. Козырева. Погребение в насыпи кургана каменного изваяния было, по религиозным представлениям племен того времени, частью обряда захоронения. В этом убеждает нас тот факт, что изваяние найдено в кургане на глубине 90 см, притом под слоем угля. По-видимому, по обычаю того времени его подвергли очищению огнем.

В 1955 г. при раскопке одного кургана в комплексе Весоба нами тоже было обнаружено каменное изваяние, лежащее в центре кургана, головой на запад. Оно находилось на глубине 70 см (верх кургана имел небольшое углубление), у северной наружной стены погребальной камеры. Изваяние вытесано из мелкозернистого розового гранита и отличается от изваяний более позднего времени схематичностью и очень грубой отделкой. По форме оно напоминает женские изваяния Центрального Казахстана VI—VIII вв.

А. А. Козырев подробно описал раскопки караагачского кургана. Однако он неточно датировал памятник и в то же время отклонил неверную версию о принадлежности подобных захоронений калмыкам²⁴⁶.

Археологический материал, накопленный до XX в., был систематизирован И. А. Кастанье в его труде, изданном в 1910 г. Оренбургской ученой архивной комиссией²⁴⁷. В этот свод вошли материалы П. С. Палласа, П. И. Рычкова, А. И. Левшина, Г. И. Спасского, С. И. Гуляева, В. В. Радлова, А. А. Козырева, В. П. Никитина, Н. Я. Кошнина и др. Сведения были сгруппированы в главах по областям, а внутри разграничены по рубрикам: курганы, городища, надгробные сооружения, древние рудники, каменные изваяния, камни с надписями или изображениями, пещеры и т. д. Помимо археологических материалов в

²⁴² В. А. Селевин. Введение в естественно-историческое изучение Бетпак-Далы. Труды САГУ. Серия XII-а. География, вып. 12, Ташкент, 1935, стр. 3—8.

²⁴³ Д. И. Яковлев. Голодная степь Казахстана. «Труды Казфизматла АН СССР», вып. 13, Алма-Ата, 1941.

²⁴⁴ А. В. Мухли. Бетпак-Дала. Алма-Ата, 1948.

²⁴⁵ А. А. Козырев. Раскопки кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. «Известия Археологической комиссии», 1905, вып. 16, СПб., стр. 27—36.

²⁴⁶ См.: А. Н. Бернштам. Находки у оз. Борового в Казахстане. «Сборник МАЭ», т. XIII, Л., 1940, стр. 25.

²⁴⁷ И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1911.

сборник включены отрывки из письменных источников и казахские народные предания, содержание которых в той или иной степени было связано с каким-либо историческим памятником. Весь материал прокомментирован составителем и зачастую имеет ссылки на источники.

Подводя итоги археологического изучения Центрального Казахстана до Великой Октябрьской революции, надо сказать, что все же эта громадная территория оставалась почти неизученной. В условиях царской России не могло быть и речи о широком и планомерном изучении далеких окраин империи. В течение XIX и в начале XX в. здесь преуспевали кладовщики, которые фактически разрушали и уничтожали ценнейшие памятники древнего искусства. Охрана памятников была организована очень слабо.

***

Планомерное и подлинно научное изучение археологических памятников Центрального Казахстана стало возможным только после Великой Октябрьской социалистической революции. В советское время наука, обогащенная идеями марксистско-ленинской философии, получила бурное развитие, она начала отвечать практическим задачам современности. Археология стала помогать в познании древнейшей истории нашей Родины, особенно в изучении ее бесписьменного периода, она приобрела большое теоретическое значение в разработке истории развития человеческого общества.

С 30 гг. XX в. почти во всех районах Центрального Казахстана идет строительство. Продолжается оно и сейчас. В настоящее время здесь сооружается канал Иртыш — Караганда, проводится железная дорога Караганда — Каркаралинск, застраиваются города Караганда, Темир-Тау, Сарань, Джезказган, Балхаш и т. д.

Учитывая это, крупные научные учреждения страны поставили перед собой задачу организовать широкие археологические исследования в Центральном Казахстане, чтобы своевременно зафик-

сировать и исследовать наиболее важные уцелевшие памятники.

В этой связи большое значение приобрело изучение древней культуры эпохи бронзы, в период которой произошло первое крупное общественное разделение труда и стали использоваться металл. Начало изучению эпохи бронзы было положено (1910 г.) В. И. Каменским. Он провел широкие археологические раскопки на Иртыше и исследовал значительное число андроновских оград к северо-западу от г. Усть-Каменогорска, на р. Кзылсу, около зимовки Койчубаева — Малый Койтас, в урочище Караузек и на Караджале, в 30 км к северу от Кокпекты. В. И. Каменский обнаружил богатые погребения эпохи бронзы, давшие обломки оригинальной керамики из красной глины, обработанной гребенчатым штампом. Некоторые сосуды были с ковровым орнаментом в виде геометрических фигур меандра, фестонов, каннелюр, косых заштрихованных треугольников, зигзагов и т. д. В. И. Каменский нашел здесь еще предметы обихода и металлические украшения: спиральные кокусы от браслета, бронзовые серьги с раструбом, бронзовые спиральные колечки, бронзовый кинжал, медные, орнаментированные подвески и бляхи, большинство которых было обложено тонкими золотыми листками²⁴⁸.

Позднее этот район исследовал С. С. Черников, но не высказал ничего конкретного о датировке могильника Койтас. По его мнению, могильник Койтас был создан «в относительно небольшой промежуток времени»²⁴⁹. Но вряд ли кто согласится с этим выводом. Малый Койтас нельзя брать оторванно от других подобных комплексов. Такое заключение С. С. Черникова по этому комплексу скорее является результатом несовершенства самой периодизации памятников эпохи бронзы, которая, по нашему

²⁴⁸ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казах», III, Л., 1927, стр. 200, рис. 22; стр. 209, рис. 25.

²⁴⁹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. «МИА», 1960, № 88, стр. 14.

мнению, еще нуждается в уточнении, особенно учитывая многообразие типов памятников этой культуры в Центральном и Восточном Казахстане.

Материалы раскопок В. И. Каменского частично опубликованы С. А. Теплоуховым²⁵⁰, М. П. Грязновым, С. С. Черниковым. Но основной материал — его полевой отчет, фотографии, зарисовки, чертежи и коллекции — хранится в Музее антропологии и этнографии²⁵¹.

В 1911 г. в Северном Казахстане, недалеко от Петропавловска, Ю. В. Арсентьевским была исследована серия кольцевых оград эпохи бронзы. Раскопки дали также иркий материал²⁵².

Планомерное изучение древностей Казахстана, в том числе и памятников эпохи бронзы, началось только в советское время. Многолетние исследования на Енисее (1922—1925 гг.) позволили С. А. Теплоухову дать периодизацию бронзовой культуры Сибири и северо-восточных районов Казахстана. Он ввел в археологию термин «андроновская культура», возникший в связи с открытием первых памятников этой культуры у деревни Андроновы, близ Ачинска (1914). Хотя С. А. Теплоухов был убежден, что андроновская культура была распространена далеко за пределами Западной Сибири и Северного Казахстана, однако он до конца не смог преодолеть устаревших взглядов, господствовавших особенно в немецкой литературе, согласно которым бронзовая культура считалась специфическим явлением Минусинской котловины. Впоследствии эта точка зрения была отвергнута. Первые материалы по этому вопросу дали исследования 1926 г. М. П. Грязнова в Актюбинских степях и на Южном Урале. Ему удалось исследовать ряд комплексов, в частности Киргильды I, II, Кунакбай-Сай, Урал-Сай, и получить характерный материал по

культуре бронзы Казахстана, в результате чего — установить западную границу распространения андроновской культуры далеко за пределами Минусинской котловины. Выявленный материал позволил М. П. Грязнову сделать некоторые прогнозы и для районов Центрального и Северо-Восточного Казахстана. Он писал: «Особенно много следует ожидать от Казахстана, оставшегося до самых последних дней совершенно не изученным в палеоантропологическом отношении. Наши познания о культурах бронзовой эпохи еще ничтожны. Между тем нам известны на территории казахских степей многочисленные месторождения меди и множество древних «чудских» разработок ее, которые должны указывать на существование здесь хорошо развитой бронзовой культуры, игравшей крупную роль в общем ходе развития доисторических культур Евразии и оставившей глубокие следы в культурах более поздних насельников Казахстана, к которым относятся и сравнительно недавно пришедшие казахи»²⁵³.

Далее, развивая свою мысль о культуре бронзы Казахстана, он делает вывод, важный в теоретическом отношении, что «раскопки погребений и стоянок бронзовой эпохи, произведенные в различных пунктах казахских степей, дадут возможность не только восстановить далекое прошлое Казахстана, но и, быть может, заставят взглянуть совсем иными глазами на древние культуры других областей»²⁵⁴.

Теоретические положения и выводы М. П. Грязнова, С. В. Киселева²⁵⁵, К. В. Сальникова²⁵⁶ брались за основу учеными-археологами при дальнейших исследованиях памятников культуры бронзы и ранних кочевников Казахстана. Для теоретического осмысления ар-

²⁵⁰ М. П. Грязнов. Указ. работа, стр. 215.

²⁵¹ Там же.

²⁵² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. «МИА», 1949, № 9.

²⁵³ К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948; его же. Бронзовый век Южного Зауралья (андроновская культура). «МИА», 1951, № 21.

²⁵⁰ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927.

²⁵¹ МАЭ. Отдел археологии, колл. № 1726, 1728.

²⁵² См. «Отчет Археологической комиссии за 1911 г.». Архив ЛОИА, 1911, ф. 1, д. 74 и 89.

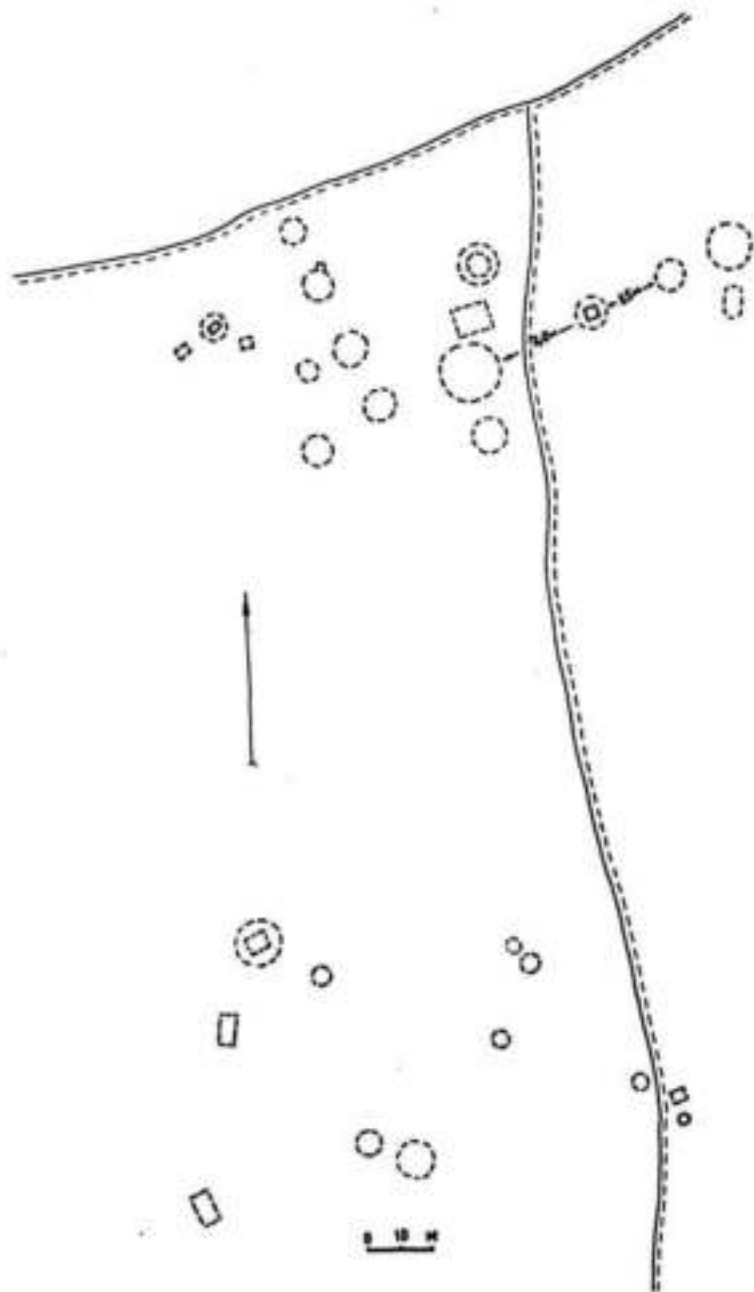

Рис. 4. План андроновских памятников в горах Дулат-Койтасм.

хеологических материалов Центрального Казахстана и сравнительного их изучения большое значение имели и общие работы, проведенные в соседних областях: на Южном Урале, в Западной Сибири, Средней Азии. Мы имеем в виду раскопки А. Я. Тугаринова, Б. Н. Гракова, П. А. Дмитриева, Г. Н. Сосновского, С. П. Толстова, А. Н. Бернштама, О. А. Кривцовой-Граковой, И. В. Смирнова, Г. В. Подгваецкого, Д. Н. Эдинга, М. Н. Комаровой, С. С. Черникова, В. Н. Чернецова, М. А. Итиной, А. А. Формозова²⁵⁷ и многих других. Эти ученые принимали живое участие в теоретической разработке вопросов происхожде-

ния и развития культуры как эпохи бронзы, так и ранних кочевников. Они считали, что эти культуры возникли и развились прежде всего в южных широтах нашей страны.

В археологическом изучении Центрального Казахстана принимал большое участие академик К. И. Сатпаев²⁵⁸, тогда главный геолог треста «Атбасарцветмет». Занимался в основном геолого-разведочными работами, К. И. Сатпаев интересовался вопросами археологии и древней металлургии²⁵⁹ Улутауского, Джекказганского и Амангелдинского районов, открыл много памятников в окрестностях гор Улутау, в горах Аршаты и в верховьях Тургай, исследовал каменные изваяния на р. Джетькыз, архитектурные памятники — на р. Джиланчик (Сырлы-Там), наскальные рисунки — на правом берегу р. Буланты.

Важной находкой К. И. Сатпаева является плита с надписью Тимура, обнаруженная на юго-западном склоне горы Алтын-Шоки. Эта гора находится в 30—40 км на северо-запад от главного хребта Улутау. Здесь проходила древняя караванная дорога из Средней Азии на Южный Урал. По просьбе академика И. А. Орбели плита была перевезена в Ленинград и выставлена в одном из залов Эрмитажа. Надпись была высечена в 1391 г. во время первого похода Тимура в Дешти-Кипчак²⁶⁰.

Одновременно с К. И. Сатпаевым в Баян-Аульском и Кокчетавском районах работал геолог П. Л. Драверт. В 1926 г. у оз. Боровое он обнаружил стоянку. П. Л. Драверт нашел фрагменты глиняной посуды и каменных орудий из роговика, кремнистого сланца и других

²⁵⁷ А. Я. Тугаринов. Андроновские могилы. «Сибирская живая старина», 1926, № 1, Новосибирск; В. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. «Изв. ГАИМК», 1935, вып. 110; П. А. Дмитриев. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы. «МИА», 1951, № 21; его же. Шингирская культура на восточном склоне Урала. Там же; Г. Н. Сосновский. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. «ПИДО», 1934, № 2; С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции Академии наук СССР в 1952 г. «ВДИ», 1953, № 2; А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». «МИА», 1950, № 14; О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. «МИА», 1955, № 46; И. В. Смирнов. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. «Советская археология», 1949, XI; его же. Археологические исследования в Западном Казахстане. «ТИИАЭ АН КазССР», т. I. Археология. Алма-Ата, 1956; Г. В. Подгваецкий. Могильник эпохи бронзы близ г. Орск. «МИА», № 1. Археологические памятники Урала и Приуралья. М.—Л., 1940; Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. «Труды ГИМ», вып. X, М., 1940; М. Н. Комарова. Черепа бронзовой эпохи по левым притокам р. Урал. Сб. «Казани», III, Л., 1927, ее же. Томский могильник. «МИА», № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири, т. I, М.—Л., 1952; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. «МИА», 1960, № 88; его же. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. «КСИИМК», 1954, ЛП; В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. «МИА», 1953, № 35; М. А. Итина. Памятники неолита и бронзового века в Средней Азии. (Автореферат диссертации), М., 1951; А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. «КСИИМК», 1951, ХХХIX.

²⁵⁸ К. И. Сатпаев. Некоторые археологические данные в пределах Джекказганского района (рукопись). Архив ИИАЭ АН КазССР, ф. 2, д. 56; его же. Доисторические памятники в Джекказганском районе. «Народное хозяйство Казахстана», 1941, № 1.

²⁵⁹ К. И. Сатпаев. Вопросы развития цветной и черной металлургии в районе Карагандинского бассейна. «Народное хозяйство Казахстана», 1929, № 6—7.

²⁶⁰ См. Каракапайская надпись Тимура. «Труды Отдела Востока Эрмитажа», т. 2, Л., 1940, стр. 185—187.

пород. В 1928 г. вместе с писателем Г. Долматовым он обследовал и описал известную писаницу на потолке грота у оз. Джасыбай. Здесь же он выявил андроновское поселение, собрал значительное количество фрагментов керамики и микролитических орудий, разбросанных по всей прибрежной полосе²⁶¹.

В 20-х гг. Ю. А. Орлов и П. И. Преображенский вели раскопки андроновских оград близ дер. Ефимовки в Кокчетавском уезде, на левом берегу Ишима²⁶². Интересная группа андроновских оград была раскопана в 1929 г. Б. П. Ждановым близ курорта «Воровое» и на Аккуле. Этот материал опубликован А. М. Оразбаевым²⁶³, коллекция и полевая документация хранятся в Музее антропологии и этнографии и в архиве Ленинградского отделения Института археологии Академии наук СССР²⁶⁴.

Начиная с 1927 г. обследованием археологических памятников Центрального Казахстана занимался Л. Ф. Семенов, ученый краевед. До войны он зарегистрировал все известные памятники этого района, а позднее стал изучать только древности эпохи бронзы²⁶⁵.

²⁶¹ П. Драверт. Грот с писаницей на озере Джасыбай в окрестностях Баян-Аула. «Известия ЗСО РГО», 1930, т. VII, Омск; ср.: Георгий Далматов. Жемчужина Казахстана. «Смена». (Ленинград), 1928, № 191.

²⁶² С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Табл. VII, рис. 22 и 23; табл. IX, рис. 9 и 10.

²⁶³ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «ТИАЭ АН КазССР», т. 5, Археология. Алма-Ата, 1958.

²⁶⁴ Архив ЛОИА, 1930, ф. 2, № 177.

²⁶⁵ Л. Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Актюбинского округа. Алма-Ата, 1930; его же. Стоянка эпохи бронзы Суук-Булак. «ТИАЭ

Краткий обзор археологических памятников и находок в Кокчетавском районе сделан в работе М. Н. Лентовского. В ней он использовал материалы раскопок проф. П. И. Преображенского и Ю. А. Орлова, а также отзывы М. П. Грязнова²⁶⁶.

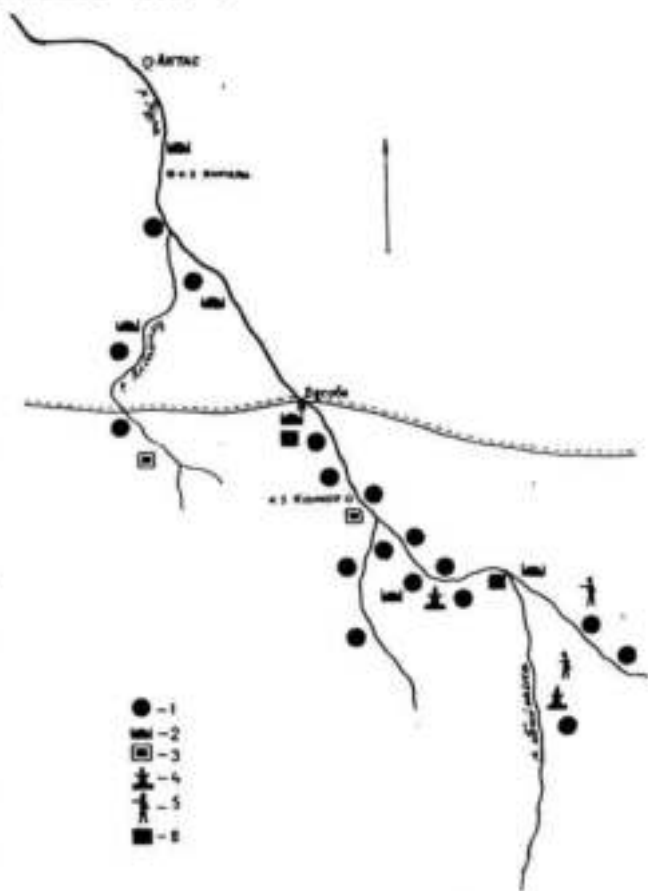

Рис. 5. Карта расположения памятников эпохи бронзы в долине верхнего р. Нура: 1 — андроновские ограды; 2 — курганы с кольцевыми оградками раннебронзовского времени; 3 — разнообразности памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана; 4 — менгиры; 5 — наскальные изображения; 6 — поселения.

АН КазССР», т. I, Археология, Алма-Ата, 1956.

²⁶⁶ М. Н. Лентовский. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР. Кокчетав [1930].

Первые крупные археологические раскопки в Центральном Казахстане были проведены только в 1933 г. В этом году Государственная Академия истории материальной культуры организовала в Карагадинскую область экспедицию под руководством опытных ученых П. С. Рыкова и М. П. Грязнова. В ней участвовали известные археологи М. И. Артамонов, И. В. Сеницын, М. Н. Комарова, А. Н. Рогачев и Н. К. Араютов. Эта экспедиция, названная по местонахождению Нуриной, работала в 80 км к западу и юго-западу от г. Караганды и провела четыре разведочных маршрута: два по р. Нуре, один — по Шерубай-Нуре и один — в верховьях рек Джаксы и Джаман-Сары-Су. Обследовав местность в радиусе около 1500 км, археологи сосредоточили свою работу на объектах, расположенных в долинах рек Нуры и Шерубай-Нуры и, прежде всего, находившихся поблизости от совхоза «Гигант». Они исследовали в основном те памятники, которым угрожало полное или частичное разрушение. Экспедиция зафиксировала здесь памятники андроновской культуры эпохи поздней бронзы и курганы с «усами» (дорожками). Курганы с дорожками — уникальные памятники Центрального Казахстана. Они характеризуют этап самобытной культуры, генетически связанной с культурой эпохи поздней бронзы (Бегазы и Дандыбай). Их изучение до сих пор является одной из основных археологических проблем Казахстана.

Нуриная экспедиция изучила также в комплексе Дандыбай ныне широко известное погребение в кургане 11, давшее материал, близкий андроновской культуре, но отличный от нее сложной формой погребальных сооружений, инвентарем, своеобразием керамических сосудов и их ornamentацией. Эта культура по типологическим признакам синхронна карасукской культуре в Южной Сибири и представляет собой позднейший этап развития культуры бронзы в Центральном Казахстане. В этом же кургане были найдены самые ранние втульчатые бронзовые наконечники стрел, являю-

щиеся прототипом бронзовых стрел раннескифского времени.

Подробный отчет Нуриной экспедиции с кратким изложением итогов работ был опубликован в 1935 г.²⁶⁷

Памятникам эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана, и в частности анализу материалов из кургана Дандыбай 11, посвящена специальная работа М. П. Грязнова, в которой автор ставит своей задачей установить синхронность и тождество памятников карасукской культуры в Южной Сибири и дандыбай-бегазинской культуры в Центральном Казахстане²⁶⁸. Он доказывает, что они развивались одновременно и дандыбай-бегазинская культура является локальным вариантом карасукской культуры. Однако локальное и территориальное различие при внешнем сходстве, специфические особенности памятников дандыбай-бегазинской культуры говорят о том, что она формировалась самостоятельно. Поэтому было бы несправедливо считать ее вариантом карасукской культуры. Вопрос о взаимном влиянии этих культур пока еще не решен.

Об археологических памятниках Центрального и Северного Казахстана говорится и в других работах М. П. Грязнова. В одной из них он дает теоретическое обобщение условий перехода от поздней бронзы к кочевому скотоводству²⁶⁹ и приводит данные о возникновении и развитии в скифское время²⁷⁰ самобытной

²⁶⁷ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). «Известия ГАИМК», вып. 110, Археологические работы Академии на новостройках, т. II, М.—Л., 1935.

²⁶⁸ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. «СА», 1952, XVI.

²⁶⁹ М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. «КСИИМК», 1956, LXIV; его же. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. «КСИЭ», 1955, XXIV; его же. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы. «КСИЭ», 1957, XXVI.

²⁷⁰ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. «КСИИМК», 1956, LXI; его же. Дрежнейшие памятники героического злата народов Южной Сибири. «Археологический сборник», вып. 3, 1961.

клада на юге²⁷⁸. Эти открытия явились главнейшими вехами, указавшими пути дальнейшего изучения истории и культуры кочевых племен Казахстана, Средней Азии, Алтая и Южной Сибири.

Из других исследований по археологии прямое отношение к памятникам древности Центрального Казахстана имеют работы О. А. Кривцовой-Граковой²⁷⁹, изучавшей в тридцатых годах в Кустанайской области поселения эпохи бронзы — Алексеевское и Садчиковское. В 1937 г. в Восточном Казахстане работал С. С. Черников, исследуя памятники эпохи бронзы и ранних кочевников.

В 1940 г. по инициативе Карагандинского областного краеведческого музея в Карагандинской области побывал профессор Московского университета С. В. Киселев. Он провел разведочное археологическое обследование в ауле Бесоба, расположенном на левом берегу р. Нуры, в 80 км к западу от Каркаралинска, и удивился многообразию памятников андроновской культуры. С. В. Киселев выделил особую группу памятников, состоявших из больших курганов с кольцами, выложенных камнями по основанию. Он раскопал также несколько андроновских оград и ящиков²⁸⁰.

В 1945—1948 гг. ряд интересных открытий в Джезказганском районе сделал Н. В. Валухинский. Он собрал большой археологический материал по древнему горному делу и металлургии, а также каменному веку. По обследованию Н. В. Валухинского, одним из важных центров древней металлургии района было урочище Милекудук, в нем сохранились остатки производственного помещения, следы медеплавильных печей, шлаки и громадная масса руды. Хими-

ческий анализ показал, что она содержит от 8 до 14 проц. меди. Н. В. Валухинский обнаружил огромное количество орудий труда древних рудокопов, в частности каменные рудодробилки, тигли, формочки для литья, а также керамику с гребенчатым орнаментом, предметы домашнего обихода из меди, серебра и бронзы, всего до двадцати тысяч предметов. Эта уникальная коллекция говорит о том, что в древности Джезказган был крупнейшим центром металлургического производства. Большой заслугой Н. В. Валухинского является организация в 1947 г. в Джезказгане геологического музея, половину коллекции которого составляют археологические памятники. Энергичную помощь в организации музея оказывали К. И. Сатпаев, В. И. Штифанов, тогдашний директор Джезказганского медеплавильного комбината Т. Ф. Харламов. В Джезказганский музей поступила значительная часть коллекции геологического кабинета К. И. Сатпаева, до этого находившаяся в Карсаклае.

Исключительно важное значение для исследования памятников Северного, Северо-Восточного и Центрального Казахстана имели археологические работы в районе освоения целинных земель в 1954—1956 гг. В результате их были открыты десятки новых памятников, раскопаны сотни курганов разных эпох²⁸¹.

Особым этапом в изучении древностей Центрального Казахстана и первыми крупными планомерными археологическими работами являются исследования послевоенных лет. С 1946 г. и позже их проводит Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция Академии наук КазССР, руководимая академиком А. Х. Маргуланом. Главная задача экспедиции — проведение в широких масштабах многолетних разведочных и стационарных раскопочных работ по исследованию памятников разных эпох. В результате последовательной и плано-

²⁷⁸ O. M. Dalton. The treasure of the Oxus with other objects from anient Persia and India. London, 1905; изд. 2. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental Metalwork. London, 1926.

²⁷⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могилки. Труды ГИМ, 1948, XVII; ее же. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). «МИА», 1951, № 21, стр. 152—181.

²⁸⁰ Коллекция хранится в Карагандинском областном музее.

²⁸¹ К. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. «ТИИАЭ АН КазССР», 1959, т. 7; Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. Отчет о работе Павлодарской экспедиции. Там же.

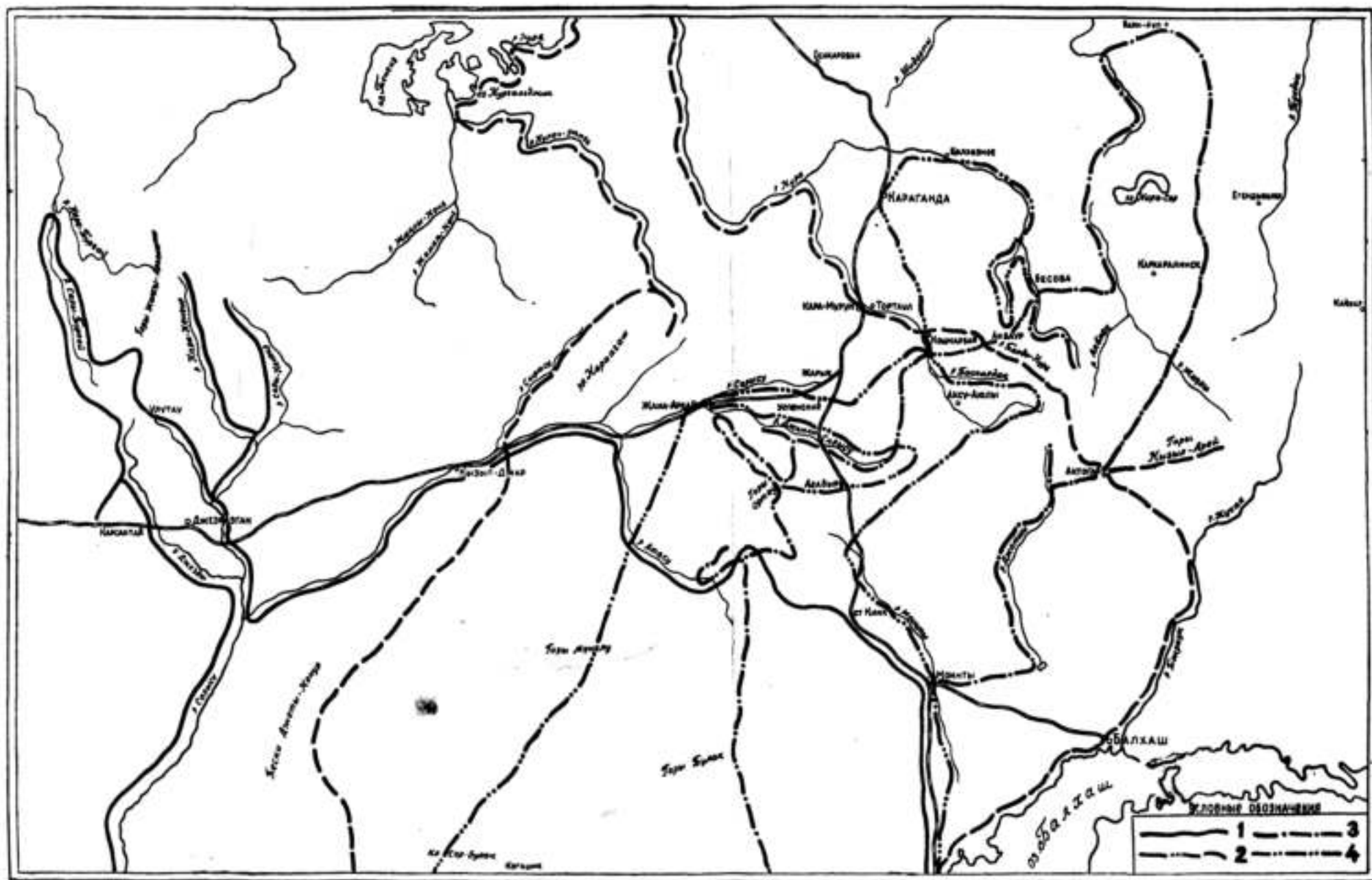

Рис. 7. Карта маршрутов Центрально-Казахстанской археологической экспедиции: 1 — маршруты в 1946 г.; 2 — маршруты в 1947 г.; 3 — маршруты в 1955 г.; 4 — маршруты в 1956 г.

мерной работы в последнее десятилетие было открыто много новых и интересных объектов, помогающих разрешить узловые вопросы раннеметаллической культуры не только Центрального Казахстана, но и других районов Советского Союза. К крупным достижениям Центрально-Казахстанской археологической экспедиции следует отнести открытие и изучение комплексов Вегазы, Саугру, Айшрак, Вугулы I, II, III, Аксу-Аюлы, Ортау, Вельсар и многих других. Особо следует отметить обнаружение поселений эпохи бронзы, до недавнего времени не известных в Центральном Казахстане. За последнее десятилетие выявлено около 30 поселений, из них наибольший интерес по своей конструкции представляют Атасуские (I, II), Вугулинские (I, II, III), Акбаур, Тагибай-Булак.

Большие успехи достигнуты в изучении культуры Центрального Казахстана в эпоху раннего железа. Наиболее ярко она представлена комплексом Тасмола, изученным М. К. Кадырбаевым на трассе канала Иртыш — Караганда. Раскопки тасмолинского комплекса дали первоклассный материал, свидетельствующий о высоком уровне развития прикладного искусства древних скотоводов Центрального Казахстана. Особенно уникальны золотые скульптурные фигуры хищных животных из породы кошек, переданные в спокойной, величавой, отдыхающей позе. В кургане с дорожками (Канаттас) найдена золотая диадема, инкрустированная цветными камнями. Это редкий памятник ювелирного искусства древности.

Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция состояла из трех отрядов. Первый, руководимый А. М. Оразбаевым, занимался раскопками андроновских оград; второй во главе с начальником экспедиции А. Х. Маргуланом исследовал памятники эпохи поздней бронзы и переходного этапа от бронзы к ранним кочевникам; третий отряд, возглавляемый М. К. Кадырбаевым, изучал культуру ранних кочевников. Кроме них в работах экспедиции в разные годы принимали участие

Л. Р. Кыласов (1948), К. А. Акишев (1951—1952), Г. И. Палевиц, А. Г. Максимова, Т. Н. Сенигова, Г. В. Кушаев, Х. А. Алпыспаев, художники П. В. Агапов и К. А. Власов, а в качестве лаборантов, коллекторов и художников — студенты Казахского государственного университета, Казахского педагогического института и Алма-Атинского художественного училища.

После предварительной разведки основные свои работы Центрально-Казахстанская экспедиция сосредоточила в Жана-Аркинском, Шетском, Актогайском и Каркаралинском районах.

Топография обследованной местности очень разнообразна, но все же преобладают речные долины и межгорные впадины, в них расположено много разновременных памятников. Чтобы определить южные границы распространения культуры бронзы и раннего железа, в пустыни и полупустыни Центрального Казахстана, в частности в Улутаский и Жезказганский районы, были организованы специальные маршруты. Основные работы экспедиции велись в такой хронологической последовательности.

В 1946 г. была проведена широкая разведка по р. Сары-Су и ее притокам, в результате чего обнаружили и исследовали большое количество наскальных рисунков, каменных изваяний, архитектурных памятников, надписей, родовых тамг, а также древнюю оросительную систему²⁸².

В 1947 г. с целью установления трассы древнего караванного пути²⁸³ и определения памятников эпохи бронзы и раннего железа была продолжена разведка

²⁸² А. Х. Маргулан. Археологические разведки в бассейне р. Сары-Су. «Вестник АН КазССР», 1947, № 7; его же. Архитектурные памятники в долине реки Кенгир. «Вестник АН КазССР», 1947, № 11; его же. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутасу. «Вестник АН КазССР», 1948, № 2; его же. Археологические разведки в Центральном Казахстане. «Известия АН КазССР», серия историческая, 1948, вып. 4.

²⁸³ А. Х. Маргулан. Древние караванские пути через пустыню Ветпак-Дала. «Вестник АН КазССР», 1949, № 1; его же. Историко-топографический фон Восточной Ветпак-Дала. «Вестник АН КазССР», 1950, № 6.

в северной и северо-западной частях Ветпак-Далы. Здесь выявили обширные комплексы: Айшрак, Дарат, Сангру, Уйтас (Караузек), поселения Атасу I, II, Бугулы I, II, III. В этом же году было на-

В 1949 г. в низовьях рек Нуры и Шерубай-Нуры и оз. Кургальджи были исследованы в основном памятники поздних кочевников (могильники Джартас, Ботагай и остатки средневековых посе-

Рис. 8. Остатки платформы эпохи бронзы, горы Жаман-Керегетас.

часто изучение важного комплекса Бегазы (ограда 4). Результаты полевых исследований года частично были опубликованы в «Известиях Академии наук Казахской ССР»²⁸⁴.

В 1948 г. возобновились раскопки могильника Бегазы, которые выявили памятники двух периодов: андроновского и эпохи поздней бронзы (плиточные ограды 2 и 3).

В этом же году были зафиксированы и обмерены местные архитектурные памятники. В работе этой экспедиции принимали участие археолог Л. Р. Кызласов²⁸⁵ и архитектор П. Н. Рагулин²⁸⁶.

²⁸⁴ А. Х. Маргулан. Отчет о работе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1947 год. «Известия АН КазССР», серия археологическая, 1949, вып. 2.

²⁸⁵ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. «КСИМК», 1950, XXXII, стр. 126—136.

лений, описанные еще П. И. Рычковым и И. П. Шангиним). Наши поиски памятников эпохи бронзы в низовьях р. Нуры не увенчались успехом. Лишь недалеко от пос. Киевка, при впадении р. Кундызды в р. Нуру, были обнаружены следы поселения эпохи бронзы. Результаты полевых исследований этого сезона освещены в работах А. Х. Маргулана²⁸⁷ и М. Е. Массона²⁸⁸.

²⁸⁶ А. Х. Маргулан. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. «Известия АН КазССР», серия археологическая, 1951, вып. 3; его же. Архитектурные памятники района рек Кенгир и Сары-Су. «КСИМК», 1949, XXVIII.

²⁸⁷ А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV века в долине р. Нуры. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 248—261.

²⁸⁸ М. Е. Массон. Серебряные монеты из погребений могильника в бассейне р. Нуры. Там же, стр. 262—265.

В 1951 г. в верховьях р. Талды-Нуры, в 7 км на юго-восток от Кызылтауского совхоза, производились раскопки андроновских могильников Вылкылдак I и II. Основной задачей экспедиции было получить материал о начальных этапах развития андроновской культуры в Центральном Казахстане. По всей береговой линии р. Талды-Нуры (120 км) было зафиксировано множество памятников эпохи бронзы: курганы, ограды, менгиры, рудные выработки, жертвенные места и поселения, расположенные одно от другого на расстоянии от 2 до 5 км.

Особенно много памятников эпохи бронзы выявлено в ущельях горы Котыр-Кзылтау. Поселения Акбаур и Шортанды-Булак обнаружены именно здесь, а Вайбала и Сенкебай — на обрывистом берегу р. Талды-Нуры.

В 1952 г. археологические раскопки несколько расширились: были исследованы могильники Айшрак I, II на р. Атасу, Аксу-Аюлы I, II и Вугулы I, II (Кенжебай, Кусмурун) в бассейне р. Шерубай-Нуры и продолжены работы в комплексах Бегазы I и II.

Материалы исследований этих лет обобщены в диссертации К. А. Акишева, в которой дана систематизация и хронологическая классификация памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана²⁹⁰.

После некоторого перерыва в 1955 г. ЦКАЭ возобновила свои работы. В этом году были изучены интересные комплексы Сангру I и III, являющиеся третьими по счету памятниками эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана после Дандыбая и Бегазы. Материал из комплексов Сангру I и III, а также из Ортауской группы, расположенной в 80 км к северу от верховьев р. Атасу, намного расширил наше представление о культуре эпохи бронзы Центрального Казахстана и позволил поставить вопрос об изучении переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннескифскому времени.

²⁹⁰ К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. (Автореферат). Л., 1953.

Одновременно было начато исследование Атасуского поселения, весьма уникального по своей культуре и конструкции жилого помещения. Стены полуземляного помещения были обложены крупными гранитными плитами, плотно пригнанными одна к другой. Впоследствии точно такая же конструкция дома была обнаружена в поселениях Вугулы I и II. Научные результаты археологических исследований 1955 г. освещены в статьях²⁹¹ и изложены на XXV конгрессе востоковедов в Москве²⁹¹.

Основной целью полевых работ в 1956 г. было выявление доандроновских и раннеандроновских памятников. Раскопки проводились в горах Толагай, в долинах рек Жамбай-Карасу и Васбалдак, где были изучены в основном памятники нуринаского этапа андроновской культуры.

В этом же году на территории колхоза им. Орджоникидзе Шетского района были исследованы и так называемые курганы «с усами».

В 1957 г. экспедиция работала в Северной Бетпак-Дале двумя отрядами и ставила своей задачей выяснить южную границу распространения культуры бронзы и раннего железа Центрального Казахстана. Один отряд занимался раскопками памятников андроновской и бегазы-дандыбаевской культур, а другой — курганов ранних кочевников. Были исследованы андроновские могильники Ельшибек, Бельасар²⁹² и курганы «с усами» в урочище Кинксу и Ельшибек, а также курганы ранних кочевников и памятники эпохи бронзы возле аула Канаттас на р. Нуртай.

Материалы, накопленные экспедицией по культуре скотоводческих племен, лег-

²⁹¹ А. Х. Маргулан. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. «Вестник АН КазССР», 1956, № 3; его же. (В коллективной статье «Итоги археологических работ в Казахстане в 1955 году»). «Известия АН КазССР», серия истории, экономики, философии и права, 1956, вып. 3.

²⁹² А. Х. Маргулан. Открытие новых памятников культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана. М., 1960.

²⁹³ А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959.

Рис. В. Менгиры из долины р. Атасу.

ли в основу диссертации М. К. Кадырбаева²⁰³.

В 1959—1961 гг. велись широкие археологические раскопки на трассе канала Иртыш—Караганда. Были вскрыты курганы ранних кочевников Тасмола, найденный в них материал говорит о высокой и самобытной культуре кочевых племен Центрального Казахстана в раннескифское время. Здесь же в урочищах Тасмола и Нурманбет были открыты и обследованы андроновские памятники.

В 1961—1963 гг. проводились работы по выявлению и изучению поселений эпохи бронзы. В результате разведки обнаружено до 30 поселений, со многих из них сняты планы, в частности с поселений: Атасуского, Ортауского (долина р. Жаман-Узен), Бугулинских I (Кусмурун), II (Шопа), III (Карсакпай), Аксу-Аюлинского, Акбаур, Вайбала и Шортанды-Булак, Карашоки и Жамантас, Кара-Томар (горы Далба), Тагибай-Булак (горы Аулие-Кзылтау).

Из многочисленных зафиксированных поселений тщательно исследованы пока Улутауское, Бугулинское II, Атасуское, Суук-Булак и Каркаралинское II.

В Атасуском поселении обнаружены остатки 30 жилых строений. Из них изучено лишь одно большое жилище (№ 17), найдены два зольника, мастерская по выплавке руды. На поселениях, вне жилых строений, были заложены четыре шурфа для установления общей границы и выявления различных материалов поселения. В будущем материал с поселений позволит получить полное представление о культуре, быте, хозяйстве и строительной технике обитателей Центрального Казахстана периода эпохи бронзы.

Стационарным работам всегда предшествовала разведка, а затем топографическая съемка памятников. Особенно плодотворны были результаты археологических разведок в Северной Ветпак-

Дале, где было открыто множество памятников эпохи поздней бронзы: комплексы могильников (горы Тайаткан и Шунак), аллеи менгиров (Аксай, Сартабан), жертвенные места (Боксай), курганы, ограды, рудные разработки и поселения.

Из этих памятников наиболее многочисленны погребальные ограды различной геометрической формы из вертикально врытых камней. Встречаются и курганы с кольцом из гранитных плит на насыпи. Долина р. Атасу и окружающие ее горные равнины (Кзылтас, Дарат, Сангру, Огузтау и др.) очень насыщены такого типа памятниками.

Из атасуских комплексов наиболее крупные — Тельжан, Караузек (Уйтас), Дарат, Сангру, Акшоки, Мурджык, Айшрак, Аксай (Айдарлы), Сартабан, Косагала. Вся площадь обширного лога Караузек, находящегося в горах Кзылтас, в 15 км на восток от Косагала (метеостанция на р. Атасу), занята многочисленными оградями эпохи бронзы. Их насчитывается здесь до 300, они сооружены в разное время и поэтому различны по величине и внешнему очертанию. Огромное скопление погребальных сооружений в одном месте и притом на широкой живописной равнине, окруженной горами, создает вид большого некрополя, или «города мертвых».

По типу каменных сооружений атасуские памятники относятся к двум основным этапам развития бронзовой культуры в Центральном Казахстане: атасускому и дандыбай-бегазинскому. В данной местности пока еще не встречены памятники более ранней эпохи (доандроновские и раннеандроновские), столь типичные для Ишимских, Баян-Аульских и Каркаралинских степей и Южной Сибири.

Следующие обширные комплексы памятников эпохи бронзы расположены к востоку и северо-востоку от верховья р. Атасу, в долинах горных цепей: Актау (Каркап), Кзылтау, Алабас, Ортау и Аба.

Наиболее крупные из этой группы памятников — Ортауские, находящиеся в

²⁰³ М. К. Кадырбаев. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э. — VI в. н. э.). Автореферат. Алма-Ата, 1959.

40 км к западу от ст. Агадырь. Для них характерны сооружения двух типов: кольцевые и четырехугольные ограды без насыпи и большие курганы с кольцом из вертикально врытых плит гранита. Оба вида типичны для горно-степно-

Южнее этой группы, в 20 км к юго-западу от ст. Кинк, находится разрушенный комплекс Ушкызыл. Юго-восточнее его расположена группа Айртау. По типу сооружений она синхронна памятникам Бегазы и Дандыбай.

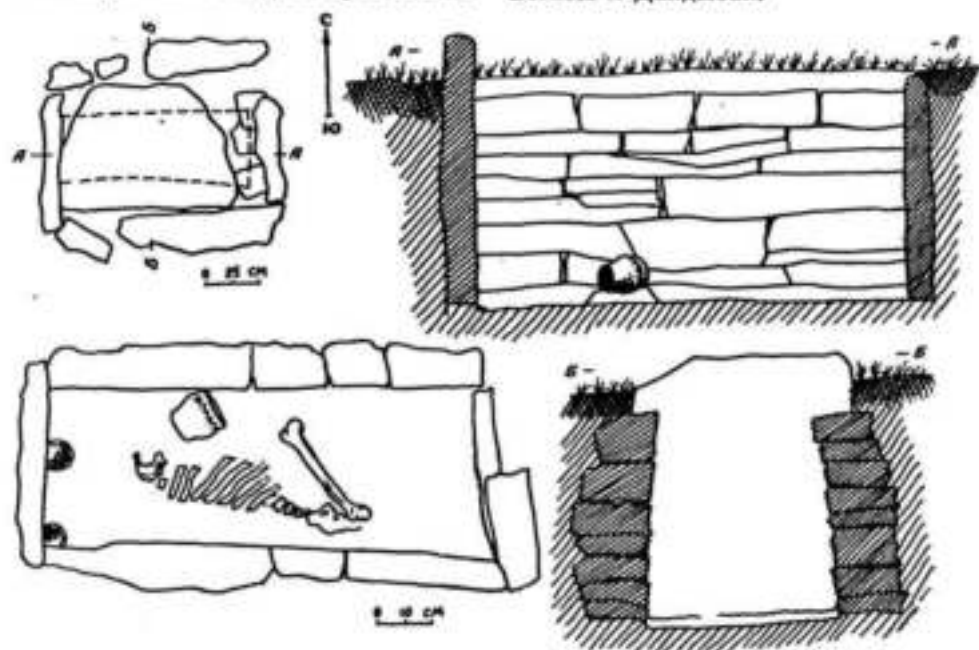

Рис. 10. План и разрезы андроновского каменного ящика Турткуль.

го ландшафта. Ограды без насыпи являются гробницами атасуского этапа андроновской культуры.

Особый научный интерес представляют большие курганы с кольцевой оградой у основания насыпи. Они отражают ту перемену, которая произошла в культуре и экономике андроновских племен Центрального Казахстана при переходе от позднего андрона к бегазы-дандыбаевской культуре. Один из ярких памятников этого типа исследован вблизи пос. Аксу-Аюлы.

Ортауские группы являются как бы связующим звеном между западным (Джезназган, Атасу) и восточным (Каркаралы и Баян-Аул) районами бронзово-й культуры Центрального Казахстана.

Восточнее горы Ортау и ст. Агадырь памятников эпохи бронзы становится все больше. Их много в верховьях р. Жаксы-Сары-Су (Укрек), в горах Бугулы, Тагылы, Маутан, Караджал, в долинах притоков рек Нуры, Жарлы, Токраун и др. В речных долинах памятники всегда расположены вдоль берегов, как правило, на расстоянии 3—5—10 км друг от друга. Это особенно характерно для таких рек, как Шерубай-Нура, Талды-Нура, Акблек (приток р. Жарлы). Лишь в долине р. Акблек они тянутся сплошными рядами на протяжении 80 км. В долине р. Шерубай-Нуры андроновские памятники приурочены к населенным пунктам Каргалы, Еибекши, Аксу-Аюлы, Кармыс, Кошкарбай, Кызылгой, Тортаул, Кара-Мурун, Дандыбай.

Подобным образом расположены памятники эпохи бронзы и в долине р. Талды-Нуры (см. рис. 6). Многочисленные андроновские комплексы имеются и в верховьях р. В. Нуры, в долинах ее притоков: Байганы, Акбастау, Карасу. Здесь находятся такие крупные комплексы, как Карашоки, Шлым, Мусуркеп-Жартасы, Койлыбай-Сенгир, Копыртобе, Камкор, Молалы, Жамантас, Бесоба, Косшоки, Караоба, Жетимшоки и др.

Как установлено, андроновские погребения, как правило, сопровождают поселения и находятся на таком же расстоянии друг от друга, на каком и поселения. Это свидетельствует о значительной населенности речных долин Центрального Казахстана в эпоху бронзы. Помимо речных долин большое количество памятников эпохи бронзы обнаружено в горах Толагай, Бугулы, Койтас, откуда берут свое начало реки Жаксы, Жаман-Сары-Су и малые притоки р. Шерубай-Нуры.

Больше всего памятников эпохи бронзы сосредоточено в районе Каркаралинских и Ваия-Аульских гор. Это разнообразные ограды, дольмены, кромлехи. Они очень массивны. В них найдены более совершенной и изящной формы керамические, бронзовые и костяные изделия, которые подтверждают, что богатые лугами и рудными месторождениями горные районы были основными очагами развития бронзовой культуры Центрального Казахстана.

Грандиозные комплексы памятников эпохи бронзы обнаружены также к югу и юго-западу от Каркаралинских гор, т. е. в долинах рек Жарлы (Акблек), Абас, Талды, Казангап, Токраун, Джамчи, Мониты.

Наиболее интересные памятники каркаралинской южной группы сосредоточены в районе рудников Кзылеспе, Каскаайгыр, Акжал, Акшатау, гор Бектауата, Кзылтас, Кенелы (Аноба, Соркудук), Тесиктас, Саяк. Особенно насыщены памятниками эпохи бронзы и раннего железа верховья р. Джамчи, долина небольшой речки Нуртай (обширные комплексы Шокпартас, Кзылшоки, Карабие,

Канаттас, Курулыс, Жиланшоки, Актан). Сюда же надо отнести не менее интересные группы Карасай, Темир-Астау, Бозжон, расположенные у западного и северо-западного подножия гор Корпестай, в верховьях р. Карасай. Много памятников в верховьях р. Токраун, в долине Узунбулак, около аула Карагаш, на территории колхоза им. Кирова, около древних рудников Самембет, Берккара, Кушоки.

Обширные комплексы памятников эпохи бронзы имеются в горах Кызыл-Арай, Бегазы, Кент, Темирчи, Кокшетау и Абралы.

Из них наиболее интересны комплексы Бегазы, расположенный в живописной речной долине, могильники Аккойтас и Каракойтас в горах Кокшетау.

В Ваия-Аульском районе наибольшее количество памятников эпохи бронзы и раннего железа сохранилось в горах Далба, Желтау (Жумарткалы), Аулие-Кзылтау (Кобдик, Мергентас, Коргантас, Жантайма, Тагибай-Булак, Жапалак), в долинах р. Ащису (Сары-Жарык), Алка-Мерген, Тондук (Большая Борлы). Северо-восточную границу андроновских памятников Ваия-Аульского района замыкает комплекс Нурманбет, открытый в долине р. Шидерты, недалеко от Экибастуза.

Обследованием установлено, что южная граница распространения культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана проходит по северу Ветпак-Далы (Джеты-Конур, горы Тайаткан, Шунак, долины рек Ватпакеу и Шажагай). В самой Ветпак-Дале ее следов, кроме древних разработок, пока не обнаружено. Минював огромное пространство этой пустыни, единичные памятники степной культуры встречаются в долинах среднего и верхнего течения р. Чу, в предгорьях Каратау, Тянь-Шаня и в Семиречье²⁰⁴.

²⁰⁴ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. «СА», 1949, XI; его же. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. «МИА», 1952, № 26.

Западная граница бронзовой культуры Центрального Казахстана идет по меридиану Жезказган, Улутая, Арганаты, верховья р. Терсакаан. Ее варианты на севере мы находим в бассейне р. Ишима и в долинах ее притоков (Моилды, Дамсы, Шортанды, Кайракты, Аршалы, Жабай, Вурулук). В районе Жезказгана эта культура отмечена многочисленными выработками эпохи бронзы, из которых наиболее крупными были Кресто, Петро, Златоуст, Милекудук и некоторые другие.

К западу от Улутая, в долинах рек Джиланчик, Большого Тургай и около оз. Челкар-Тенгиз, пока не обнаружены какие-либо памятники эпохи бронзы. Непрерывной цепью они тянутся от Жезказгана и Улутая на восток и юго-восток и доходят до берегов Иртыша. Памятники эпохи бронзы встречены также в Целиноградской (древние выработки Тургай, Жолымбет, Вестобе) и Кокчетавской (оз. Боровое, р. Чаглинка, Степняк) областях.

Распространившись на территории Северо-Восточного Казахстана, культура эпохи бронзы далее продвинулась на северо-запад, до пределов Южного и Юго-Восточного Зауралья. Самые крайние пункты ее на севере находятся в районе лесостепей.

На западе и северо-западе андроновская культура имеет свои очаги в районе верхнего Тобола, южнее и юго-западнее г. Кустаная (Алексеевское и Садчиковское поселения), около г. Орска, самая западная ее граница проходит по верховьям р. Урала и бассейну р. Илек.

Обилие многообразных и разновременных памятников эпохи бронзы в Центральном и Северо-Восточном Казахстане свидетельствует о том, что наряду с Алтаем, Енисеем и Южным Уралом этот район был одним из центров распространения бронзовой культуры на востоке нашей страны. Для этой культуры характерны пять типов памятников: 1) поселения и стоянки с остатками жилых и хозяйственных построек; 2) древние рудники; 3) остатки оросительных сооружений; 4) менгиры и изваяния; 5) каменные ограды и курганы.

Полевые работы показали, что в долинах рек — Ишима, Сары-Су, Нуры — памятники эпохи бронзы внешне отсутствуют, как правило, они сосредоточены прежде всего по берегам их притоков. Однако из этого не следует, что в эпоху бурного развития скотоводства и металлургии богатые долины основных рек Центрального Казахстана не были освоены. Все данные говорят о том, что они были также густо заселены. Отсутствие внешних признаков андроновских погребальных сооружений в долинах крупных рек объясняется тем, что памятники были разрушены эрозией или человеческой рукой, а сами захоронения еще хранятся в почве и пока не обнаружены²⁹³. Это подтверждают многочисленные находки во время земляных работ. На р. Сары-Су в годы строительства Жезказганской железной дороги рабочие не раз наталкивались на подземные камеры, состоящие из оград и каменных ящичков, сложенных из плоских гранитных плит. В ящичках были скелеты людей, керамические сосуды, бронза. Такие ящички обнаружены в районе станций Жарык, Жана-Арка и Тугускен. В центре пос. Жана-Арка при закладке фундамента здания на глубине 40 см были найдены массивные каменные ящички. В 1946 г. нам удалось обследовать один из таких ящичков. Он оказался типичным погребением эпохи бронзы. В нем находился целый, красиво орнаментированный глиняный сосуд. При земляных работах жители пос. Жана-Арка нередко выявляют обломки керамики и кости домашних животных. Создается впечатление, что пос. Жана-Арка расположен на месте стоянки эпохи бронзы. Аналогичные находки сделали Н. В. Валункиным на ст. Жарык и нами в населенных пунктах Дерпсалы, Тортаул и Кара-Мурун. Возможно, в древности они также были стоянками.

Культурные слои эпохи бронзы обнаружены геологами на р. Ишиме, около

²⁹³ К. В. Никифорова. Геоморфология и геологическое строение Прииртышской впадины. «Труды ГИН», вып. 141, 1963, стр. 23—31; «Геология СССР». Под ред. Н. Г. Кассина, т. XX, ч. I, М.—Л., 1941, стр. 561.

Целинограда, на р. Нура, ниже Темир-Тау и на северо-восточной окраине Казахского нагорья. Глубина нахождения их разная и зависит от мощности пойменных отложений²⁹⁶. На р. Сары-Су она колеблется от 40 см до 1,5 м, в низовьях Нуры увеличивается²⁹⁷. В северо-восточной части Казахского нагорья (долины рек Шидерты и Уленты) геолог Никифорова определила мощность пойменных отложений 1—2—6 м. «В основании современного пойменного покрова, — пишет она, — встречаются многочисленные остатки керамики и домашних животных»²⁹⁸. Подобные остатки были выявлены впоследствии в андроновских комплексах в горах Вугулы (I), на реках Ата-су, Аксу-Аюлы, Талды-Нуры, Корпetail и др.

Карта распространения памятников эпохи бронзы показывает, что племена андроновской культуры и их преемники —

племена дандыбай-бегазинской — были жителями степных просторов и горных ущелий. Подобно своим потомкам, они чаще обитали в местах, богатых пастбищами. Именно в местности с таким природным ландшафтом встречено огромное количество памятников эпохи бронзы и раннего железа.

Заканчивая обзор археологического изучения Центрального Казахстана, следует отметить, что в первой половине второго тысячелетия здесь зародилась и затем развивалась высокая по тому времени культура, следы которой сохранились в виде остатков поселений, рудников, поминальных сооружений и надгробных памятников.

Широкое развитие древней культуры в Центральном Казахстане было обусловлено природными богатствами этой страны. Наличие обширных пастбищных угодий, степных речек с чистой водой сделало этот район одним из важных центров древнего скотоводства, а многочисленные месторождения руды — крупнейшим центром древней металлургии. На базе этих двух основ общественного производства, соединенного с огородным земледелием, и развивалась та яркая и самобытная культура, изучению памятников которой посвящена данная работа.

²⁹⁶ Н. Г. Кассин. Материалы по палеогеографии Казахстана. Алма-Ата, 1948, стр. 223; его же. О древних долинах Центрального Казахстана. «Проблемы советской геологии», 1936, т. VI, № 1, стр. 78.

²⁹⁷ Н. А. Штрейфс и С. Е. Колотухина. Геологическое строение гор Ортау-Куснурун. «Труды ГИН», вып. 101, 1943, стр. 83.

²⁹⁸ К. В. Никифорова. Указ. соч., стр. 23.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ КУЛЬТУР
ЭПОХИ БРОНЗЫ

Со времени открытия А. Тугариновым в 1914 г. первого могильника эпохи бронзы у дер. Андроновое, близ Ачинска, прошло столетие¹. В течение этого полувекового периода культура племен бронзового века степной и лесостепной полосы нашей страны постоянно изучалась. Планомерные и систематические работы привели к открытиям новых, не известных науке памятников эпохи бронзы: поселений, рудных разработок, могильников, кладов и случайным находкам во все новых и новых районах и пунктах огромного, своеобразного по географическим условиям района, простирающегося от Енисея до Урала в широтном и от Омска до Тянь-Шаня — в меридиональном направлениях.

Большая научная значимость истории материальной культуры племен эпохи бронзы в общем процессе исторического развития народов нашей страны и самостоятельность культуры этих племен явились причинами того, что число исследователей, занимающихся археологией бронзового века, все время росло.

В настоящее время на археологическую карту распространения памятников этого периода нанесены сотни могильников, несколько десятков поселений, места ру-

додобычи и металлоплавки, постоянно увеличивается количество раскопанных памятников. В результате проведенных исследований накоплен огромный фактический материал, частично обобщенный в многочисленных капитальных трудах, научных статьях, заметках и отчетах. Наиболее полная библиография литературы по эпохе бронзы дана в работе С. С. Черникова².

Во многих из них рассматриваются вопросы не только истории культуры, но и классификации и хронологии изучаемых памятников.

И это не случайно, так как археологический материал только тогда становится историческим источником, когда он хронологически четко расклассифицирован по этапам развития. После этого этапы археологической культуры начинают выступать как определенные периоды развития истории племен — создателей культуры. Сама материальная культура является прямым отражением соответствующего уровня развития производительных сил древнего общества.

Первым достижением в изучении культуры эпохи бронзы было разделение ее на андроновскую и карасукскую.

¹ А. Я. Тугаринов. Андроновские могилы. «Сибирская жизнь старина», 1926, № 1, стр. 153—158.

² С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. «МИА», 1960, № 88. Приложение 6.

Начало классификации памятников изучаемого периода положил С. А. Теплоухов. Еще в 1923 г. он выделил особую культуру эпохи бронзы Минусинской котловины и ввел термин «андроновская культура»³. Позднее он же дал характеристику этой культуре, обосновал ее относительную датировку и определил место среди афанасьевской и карасукской культур⁴.

Деление эпохи бронзы на андроновскую и карасукскую культуры просуществовало два десятилетия, пока не был накоплен новый материал. В 1948 г. К. В. Сальников разделил андроновскую культуру Зауралья на три этапа: федоровский (сер. II тыс. до н. э.), алакульский (XI—IX вв. до н. э.) и замараевский (VIII—VII вв. до н. э.)⁵, что явилось большим вкладом в изучение культур бронзовой эпохи степного типа.

Эта классификация памятников эпохи бронзы Зауралья нашла много сторонников, поддержавших и применивших ее при датировке памятников своего района исследования. В основном она была принята советской археологической наукой.

Однако необходимо отметить, что наиболее слабым местом классификации К. В. Сальникова была датировка отдельных этапов и отнесение замараевской стадии к андроновской культуре⁶.

Позднее, после получения новых данных, К. В. Сальников пересмотрел датировку алакульского этапа и определил хронологическую границу ее развития XIV—

XI вв. до н. э.⁷ Эта новая дата алакульского периода механически передвинула и хронологию замараевского этапа на X—VIII вв. до н. э.

Точку зрения К. В. Сальникова о замараевском этапе как последнем, скифском этапе андроновской культуры разделили не все исследователи. О. А. Кривцова-Гракова, согласившись с К. В. Сальниковым, что андроновская культура на западе доживает до скифской⁸, однако высказалась против выделения на основе керамики с налепным валиком особого, третьего (замараевского) этапа андроновской культуры. Она отмечает две стадии андрона — раннюю (до появления сосудов с валиком) и позднюю (посуда с налепным валиком), считая, что в андроновских памятниках все типы глиняной посуды сосуществуют и подразделяются, как правило, по назначению. По ее мнению, сосуды с валиком являются хозяйственной и кухонной посудой⁹.

В 1958 г. А. М. Оразбаев на основе сравнения изученных им памятников с зауральскими выделил три этапа развития эпохи бронзы в Северном Казахстане: федоровский, алакульский и замараевский. Однако в отличие от К. В. Сальникова и О. А. Кривцовой-Граковой замараевский этап он считает уже самостоятельной культурой, бытовавшей в Зауралье, Западном и Северном Казахстане одновременно с карасукской культурой на Енисее и бегазы-дандыбаевской — в Центральном Казахстане¹⁰.

М. П. Грязнов и М. Н. Комарова придерживаются аналогичной точки зрения¹¹.

³ С. А. Теплоухов. Отчетная выставка этнографического отдела за 1923 г. Русский музей. Пг., 1924, стр. 10.

⁴ С. А. Теплоухов. Андроновская культура. Сибирская Советская энциклопедия. т. I, Новосибирск, 1929, стр. 115; его же, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. «Материалы по этнографии», 1929, т. IV, вып. 2, Л., стр. 41—62.

⁵ К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Первое Уральское археологическое совещание. Пермь, 1948, стр. 21—26.

⁶ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. «МНА», 1951, № 21, стр. 116—117.

⁷ К. В. Сальников. Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. «Башкирский археологический сборник», Уфа, 1959, стр. 44.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 163.

⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение (раскопки 1948 г.). «МНА», 1951, № 21, стр. 148.

¹⁰ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «ТИНАЗ АН КазССР», т. 5, 1958, стр. 276—279.

¹¹ М. Н. Комарова. Относительная хронология памятников андроновской культуры. Государственный Эрмитаж. «Археологический сборник», вып. 5, Л., 1962, стр. 74.

В настоящее время на всей огромной территории степной и лесостепной полосы СССР керамика так называемого замараевского типа обнаружена лишь в четырех могилах (Черняки, 36 и 37¹², Аккуль, 3 и Боровое, 1¹³) и шести поселениях. Из них в Алексеевском и Садчиковском поселениях замараевская керамика найдена вместе с алакульской; в Замараеве и в Ново-Бурино — вместе с федоровской и алакульской, и лишь в Елизаветинском* и Аксуате, где раскопки не проводились, материал случайного сбора дал только замараевскую керамику¹⁴.

В последние годы в Центральном Казахстане частично раскопаны пять поселений (Атасу, Бугулы, Суук-Булак, Каркаралы, Улугау), большинство из них археологи склонны датировать замараевским временем.

Таким образом, если следовать за сторонниками замараевской культуры, то большая часть исследованных поселений окажется принадлежащей замараевским племенам, но в то же время почти неизвестны (кроме 4) их захоронения, и наоборот, большинство исследованных (свыше 100) могильников оставлено андроновскими племенами, но мы не знаем (кроме Кипеля и Тасты-Бутака) их поселений, дающих «чистую» андроновскую керамику.

Было бы неверно объяснять это простой случайностью. Возможно, права О. А. Кривцова-Гракова, считающая замараевскую керамику хозяйственной посудой андроновских племен.

Мы привыкли судить об андроновской керамике по нарядным сосудам из погребений и не учитываем того, что в могилу ставили бытовую, но, бесспорно,

нарядную столовую посуду. Безусловно, что хозяйственная и кухонная посуда была различной емкости, разнообразнее по форме, проще по орнаментовке и грубее по изготовлению, чем столовая.

Так как эти три вида посуды: столовая, хозяйственная и кухонная — одновременно употреблялись в быту, то и в культурных наслоениях их должны были находить вместе, что и отмечают почти на всех исследованных поселениях. Однако нельзя не согласиться с тем, что керамика с валиком появляется в конце андроновской культуры, но этого пока недостаточно для выделения самостоятельной культуры.

В. С. Сорокин в работе, посвященной могильнику Тасты-Бутак I, исходя из того, что на поселениях Береговском I и Тастыбутакском посуды с валиками среди алакульской керамики не обнаружено, склонен думать, что она знаменует собой наступление третьего, замараевского этапа андроновской культуры¹⁵.

В настоящее время памятники бронзовой эпохи Восточного Казахстана изучены довольно хорошо, и в этом прежде всего заслуга С. С. Черникова. Первую попытку систематизировать материалы и хронологически классифицировать памятники этого региона сделала А. Г. Максимова. Все имеющиеся в ее распоряжении материалы она разделила на два периода: ранний (федоровский) и поздний (синхронный карасукской культуре)¹⁶.

С. С. Черников весь материал из Восточного Казахстана, в том числе и изученный А. Г. Максимовой, отнес к андроновской культуре, которую разделил на четыре этапа: Усть-Буконский (XVIII—XVI вв. до н. э.), Канайский (XVI—XIV вв. до н. э.), Мало-Красноярский (XIV—IX вв. до н. э.) и Трушниковский (IX—VIII вв. до н. э.)¹⁷.

¹² М. Н. Комарова. Там же, стр. 73.

¹³ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан, стр. 271—272.

* С. С. Черников — исследователь Елизаветинского поселения — опровергает утверждение, что на этом поселении встречается только замараевская посуда, доказывает, что и здесь керамика смешанная — алакульского и замараевского типов. (См.: С. С. Черников. Восточный Казахстан, стр. 103).

¹⁴ М. Н. Комарова. Относительная хронология, стр. 71.

¹⁵ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. «МИА», 1962, № 120, стр. 87.

¹⁶ А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «ТИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1960, стр. 87.

¹⁷ С. С. Черников. Восточный Казахстан..., стр. 94—103.

Как отмечают М. П. Грязнов в редакторском предисловии к книге С. С. Черникова и В. С. Сорокин в рецензии на нее, относительная хронология памятников, предложенная С. С. Черниковым, вызвала серьезные возражения некоторых исследователей¹⁸.

Большое внимание хронологии памятников эпохи бронзы Южной Сибири и Хорезма уделяют в своих фундаментальных трудах С. В. Киселев¹⁹ и С. П. Толстов²⁰.

Вопросам относительной хронологии памятников андроновской культуры специально посвящен монографический труд М. Н. Комаровой.

В своей работе М. Н. Комарова, обобщая материалы из всех районов распространения андроновской культуры, дает характеристику федоровского и алакульского этапов, выделяет замараевскую культуру и рассматривает локальные отличия их в отдельных районах. Она стремится доказать существование только двух этапов андроновской культуры во всех районах ее распространения, а замараевской — в Зауралье, Западном и Северном Казахстане²¹.

Такое положение сейчас сложилось по вопросу об относительной хронологии памятников эпохи бронзы в соседних с Центральным Казахстаном районах.

Перейдем к классификации памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана.

Благодаря планомерным и систематическим раскопкам ЦКАЭ в 1947—1962 гг. был накоплен большой и интересный материал по культуре племен эпохи бронзы. Он позволил если не решить, то хотя бы поставить ряд вопросов о хозяйстве и быте, общественных отношениях и верованиях местных древних племен. Выявленный материал вместе с накопленным ранее дал возможность классифи-

цировать андроновские памятники по хронологическим этапам развития культуры.

Исследования культуры племен эпохи бронзы, обитавших в Центральном Казахстане и в других сопредельных ему районах, в эти годы не внесли принципиальных изменений в предложенную классификацию, лишь уточнили ее и подкрепили новыми материалами.

Еще в 1952 г. культура Центрального Казахстана эпохи бронзы была разделена на андроновскую и карасукскую (дандыбаевскую)²². В 1953 г. К. А. Акишев выделил в андроновской культуре два этапа: федоровский и алакульский, а культуру поздней бронзы назвал дандыбаевской²³.

В течение десяти лет после первой классификации памятников изучение и накопление нового материала по эпохе бронзы Центрального Казахстана непрерывно продолжались. Были открыты и раскопаны десятки погребений, а также несколько поселений как в самой Сары-Арке, так и в сопредельных ей западном, северном, восточном и южном районах Казахстана.

Новые материалы позволили полнее осветить не только социально-экономические и историко-культурные вопросы развития общества, но и выявить особенности памятников, которые отличают этапы развития культуры Центрального Казахстана от федоровского и алакульского в Зауралье.

Мы считаем необходимым с учетом специфики памятников разделить андроновскую культуру изучаемого региона на два этапа: нуринский и атасукский (название дано по рекам Нуре и Атасу, где сосредоточены наиболее характерные памятники этих периодов), а культуру поздней бронзы назвать бегазы-дандыбаевской, по широко известным памятникам Дандыбай и Бегазы.

Возможно, с накоплением дополнительных данных будет выделен третий, пере-

¹⁸ См. «СА», 1963, № 3; М. Н. Комарова. Относительная хронология..., стр. 63.

¹⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

²⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948.

²¹ М. Н. Комарова. Относительная хронология..., стр. 69.

²² М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. «СА», 1952, XVI, стр. 129—162.

²³ К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Л., 1953, Автореферат.

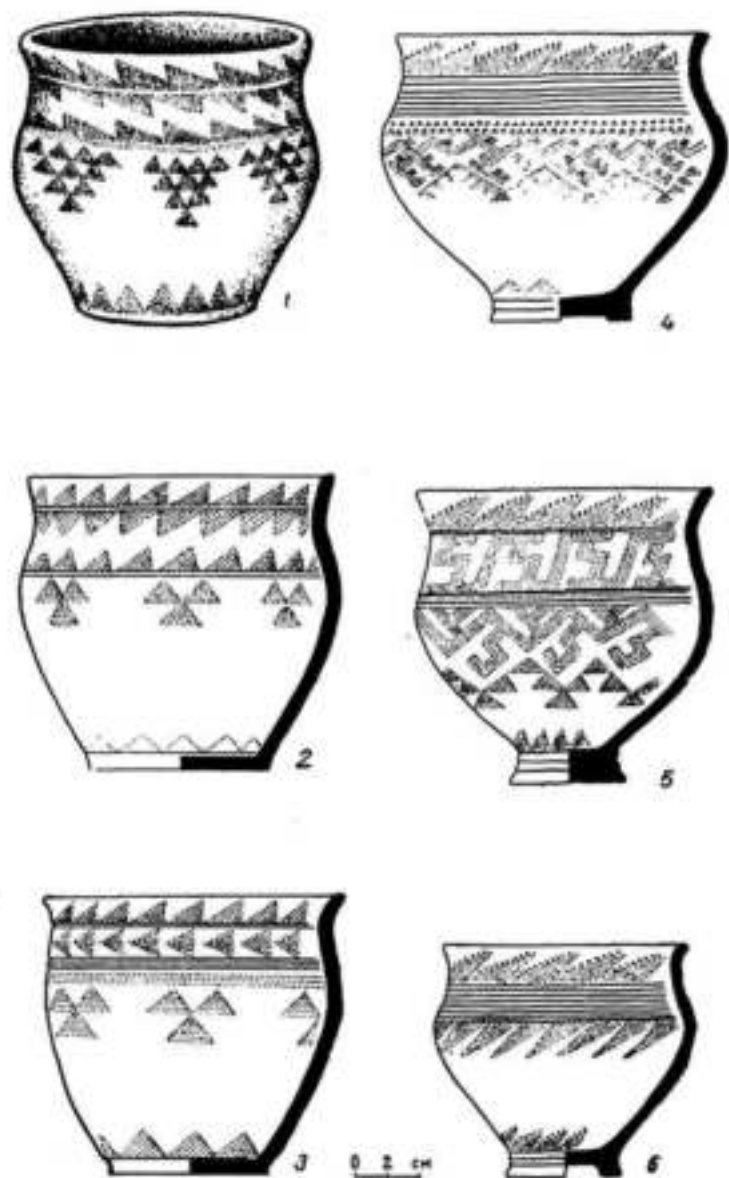

Табл. I. Керамика нуринаского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана: 1 — Бегалы; 2, 3 — Каяктас; 4—6 — Вугулы I.

ходный этап андроновской культуры от атасуской к поздней бронзе.

Нуринский и атасуский этапы андроновской культуры Центрального Казахстана в общих чертах синхронны и близки по культуре федоровскому и алакульскому этапам Зауралья, а бегазы-дандыбаевская культура — карасукской культуре Минусинской котловины.

Первыми памятниками нуринского времени в Центральном Казахстане явились погребения, открытые в 1952 г. в могильниках Бугулы I, Акшатау и Дандыбай I. По инвентарю и обряду захоронения они отличаются от остальных памятников андроновской культуры Карагандинской области.

Изучение полученного материала и сравнение с инвентарем синхронных памятников других районов Казахстана, Урала, Сибири позволяет заключить, что Бугулы I, Дандыбай I, Акшатау наиболее близки к курганам у с. Федоровки (Челябинск), которые К. В. Сальников отнес к раннему, федоровскому периоду андроновской культуры²⁴.

Погребения нуринского этапа имеют ряд отличительных черт. Основной их особенностью является трупосожжение, которое характерно для всех трех могильников. Исключение составляют погребения в ограде 9 (Бугулы I), где из трех могил только в одной — детской — было сожжение, а в двух — взрослых — труположение. Обряд сожжения трупа произведен где-то вне могильной ямы.

В ограде 3 (Бугулы I) покойник был сожжен около могильной ямы, об этом свидетельствуют зольное пятно с остатками костей и следы прокала от костра. Место кремации завалено плитами гранита. Покойник сжигался без одежды, о чем можно судить по бронзовым украшениям и металлическим изделиям (зеркало и бусы), которые сохранили свою форму и не имеют следов действия огня.

Однако надо отметить, что в погребениях нуринского времени, в отличие от федоровских, преобладает неполное тру-

посожжение. Наряду с мелкими обломками кальцинированных костей в них встречаются фрагменты или целые кости (лопатки, позвонки), не тронутые огнем. Вряд ли это парные захоронения, когда обычно один из трупов сжигали, а другой погребали без сожжения.

Бугулинские могилы отличаются от синхронных погребений особенно керамикой. В них преобладает один тип посуды, для которой характерна завершенность форм. Это изящные «лазовидные» горшки с красивым зонально расположенным орнаментом и иногда с поддоном, который придает им стройность. Плечико сосудов плавно переходит в меру надутое тулово. Его шейку сплошным полем покрывает орнамент. Иногда вторая зона у дна также орнаментирована. Некоторые бугулинские сосуды не имеют себе подобных среди андроновской посуды других мест, хотя большинство из них по форме и орнаменту более всего напоминает федоровские горшки Челябинска²⁵.

Остальные отличительные черты погребений нуринского этапа могут быть сведены к следующим: среди костей домашних животных преобладают кости лошади, иногда овцы. Обычно состав костей в могиле один и тот же. В Центральном Казахстане это череп и кости конечностей лошади, а в районе Челябинска — ребра, лопатки и кости таза. И здесь, и там погребения всегда сопровождают один или два сосуда. Бронзовые и другие изделия встречаются редко.

Погребальные сооружения в большинстве случаев имеют небольшую насыпь высотой от 0,2 м, иногда до 1 м. По основанию кургана проходит круглая или четырехугольная ограда, составленная из плит, врытых на ребро. Покойника хоронили в прямоугольной грунтовой яме, перекрытой гранитными плитами. В бугулинской группе почти у каждого погребения с западной стороны могильной ямы стоит плита, обращенная плоскими сторонами по линии с востока на

²⁴ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья..., стр. 109—116.

²⁵ Там же, рис. 3.

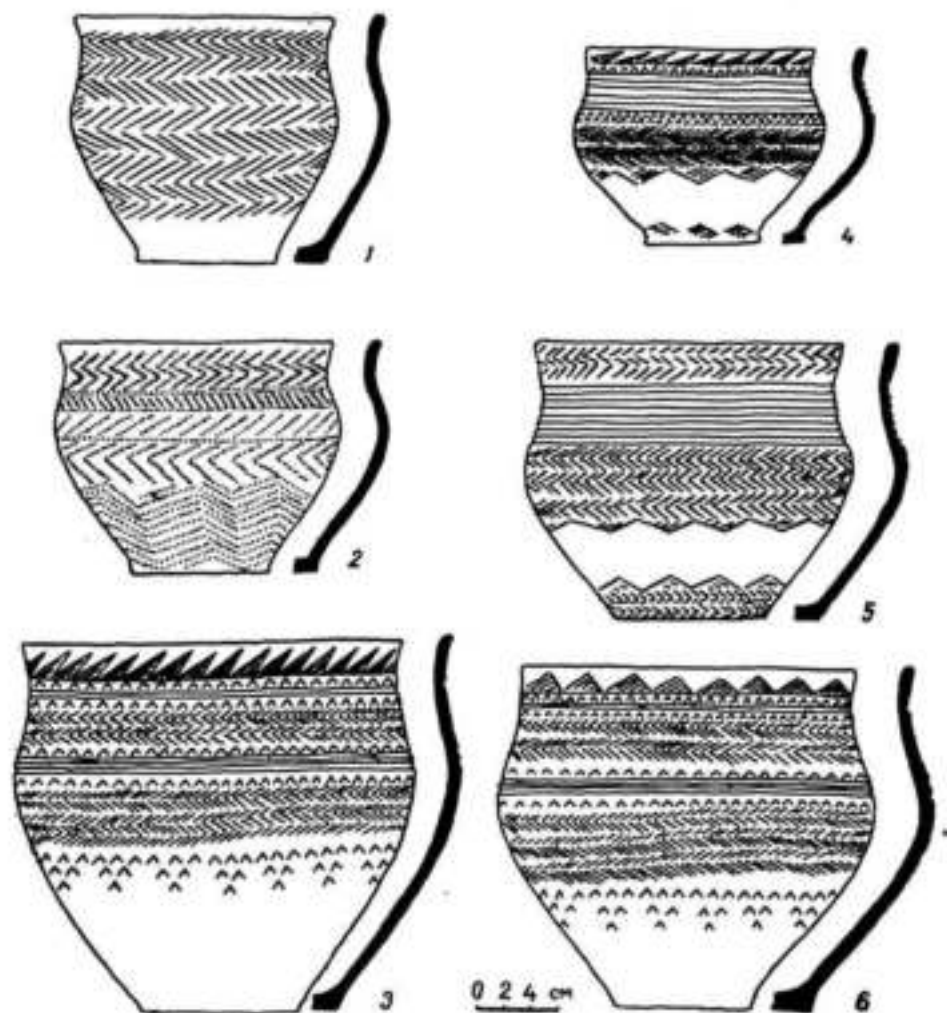

Табл. II. Керамика нуринаского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана. Могильник Акмола: 1, 2, 4 — ограда 23; 3, 6 — ограда 15; 5 — ограда 19.

запад. По-видимому, это изголовная стена.

Во всех могильниках нуринаского времени (Вугулы I, Акшатау, Ботакара, Дандыбай) в отличие от федоровских погребения находятся в склепе (цисте). Цисты, видимо, характерны только для захоронений раннего этапа андроновской культуры, чаще всего в них находят остатки от трупосожжения. В последующие периоды эпохи бронзы их сменяют каменные ящики.

В других районах распространения андроновской культуры погребения в цисте известны в могильнике близ улуса Орак в Хакасии. И здесь захоронению в цисте предшествует трупосожжение. Кроме того, найденные сосуды по форме и даже деталям орнамента соответствуют бугулинской посуде Центрального Казахстана²⁶. Подобное погребение в цисте обнаружено в могиле Канай 7, датируемой также ранним этапом андроновской культуры Восточного Казахстана²⁷.

Большая часть памятников, исследованных экспедицией, относится к развитому периоду андроновской культуры, по нашей классификации — к атасускому. Так как мы выделяем их в особый этап, это обязывает нас дать подробную характеристику данному периоду исторического развития.

Культура племен Центрального Казахстана атасуского этапа генетически связана с культурой нуринаского и является ее историческим продолжением. Имея с ней много общих черт, говорящих о преемственности, она выступает в то же время как новый этап в жизни населения, возникший в результате дальнейшего развития производительных сил общества, которое привело к изменениям социальным, к переменам в быту и в религиозных представлениях.

Более развитое общество атасуского времени позволяло содержать больше скота и несколько увеличить посевные площади. О расширении хозяйства свиде-

тельствуют частые находки на стенках сосудов остатков растительной пищи (Айшрак, Былкылдак I), а в могилах — костей домашних животных. Соответственно возможностям увеличились масштабы горных работ, выросла добыча меди и олова. Из них начали изготавливать больше орудий, оружия и предметов украшения. С этого времени они становятся постоянным сопровождающим инвентарем погребений.

Более обеспеченная жизнь привела не только к росту населения, что подтверждается многочисленностью памятников этого периода и большим количеством погребальных сооружений в каждом могильнике (до 100 и более могил), но и к усложнению бытовых условий. В связи с расширением потребностей появляются типы посуды, которые отличаются друг от друга назначением, употреблением в быту и, следовательно, формой, размером и орнаментом, аккуратностью изготовления.

Внутри рода, члены которого некогда были равны, происходит имущественная дифференциация, обусловленная возникновением неравенства, большие патриархальные семьи начинают выступать как самостоятельные хозяйства, противостоящие роду. Их стремление к обособлению, к некоторому отчуждению от рода проявляется в сооружении на общем кладбище семейных усыпальниц. Такие захоронения отличаются от могил рядовых членов рода большими размерами и богатством в них инвентаря. Иногда в одной могиле находят металлические вещи и по 6—8 сосудов (Былкылдак I, 8; Айшрак, 4; Аксу-Аюлы I, 2). Начало обособлению отдельных семей положили семьи вождей, военачальников.

Изменения в хозяйстве и общественном строе составляют те особенности, которые отличают атасуский этап андроновской культуры от предшествующего. Однако эти два этапа имеют ряд преемственных, сближающих их черт. Культура атасуского этапа является естественным продолжением нуринаского этапа, их преемственность особенно хорошо прослеживается на керамических изделиях.

²⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 75, табл. VIII, рис. 6—9.

²⁷ С. С. Черников. Восточный Казахстан..., стр. 32, 98.

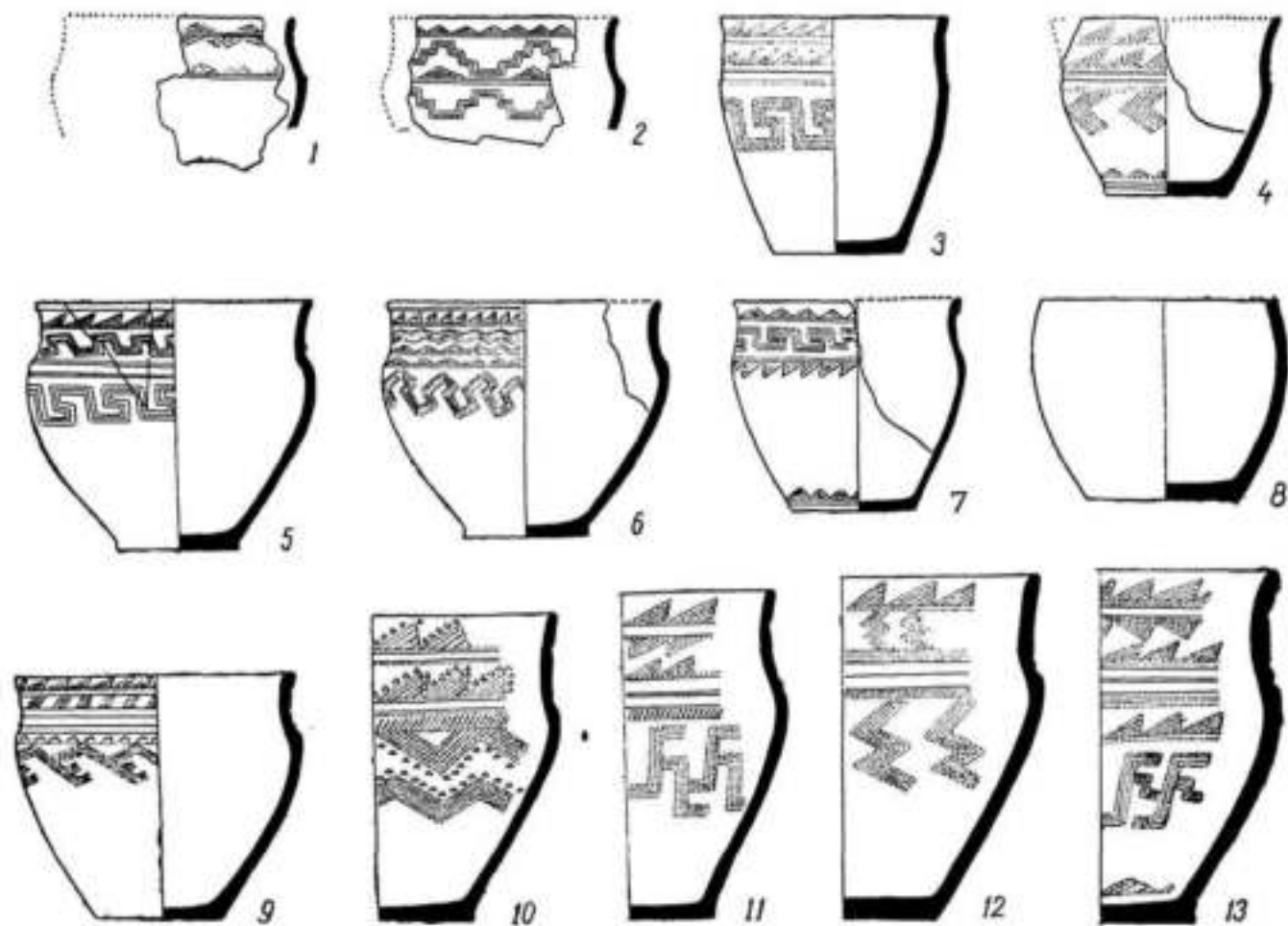

Табл. III. Керамика атасусского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана. Айшран: 1 — ограда 12; 2, 7 — ограда 4; 3, 4, 9 — ограда 11; 5 — ограда 1; 6 — ограда 2; 8 — курган-ограда 12; 10 — ограда 10; 11 — ограда 3; 12 — ограда 6; 13 — ограда 5.

Нуринские сосуды с округлым плечом типа Вугулы I часто встречаются и среди посуды атасуского этапа. В остальном атасуская культура своеобразна и выступает как следующая, более высокая ступень культурных достижений древнего общества.

Большинство исследованных в Центральном Казахстане памятников эпохи бронзы относится к атасускому времени. Отличительные особенности атасуской культуры, выявленные в могильниках этого периода, могут быть сведены к следующим.

Все могильники состоят из плоских оград в виде кругов, четырехугольников, овалов, обрамленных врытыми на ребро гранитными плитами, выступающими над поверхностью земли от 10 до 80 см.

Умерших обычно погребали в ящиках, составленных из четырех каменных плит и ориентированных так же, как и ограды, с востока на запад. Большинство ящиков прикрыто двумя — четырьмя гранитными плитами. Иногда вместо каменных ящиков покойника хоронили в раме, сбитой из четырех бревен (Былылдак I, 1—2; II, 5), или же в грунтовой яме (Былылдак I, 4—6 и 11).

В парных погребениях умершие находились преимущественно в отдельных ящиках или в спаренных (с одной общей стенкой), но в одной ограде (Айшрак, Бегазы). Известен только один случай (Дандыбай, 2), когда два костяка (мужской и женский) лежали в одной могиле.

Для атасуского времени в отличие от нуринских могильников характерен обряд труположения, хотя изредка в захоронениях встречаются и кальцинированные кости (Бегазы, 5, 7; Айшрак, 10, 11). Определить положение покойника удалось не во всех раскопанных могилах, но бесспорно, что были традиционными положение и ориентировка костяков. Покойника хоронили скорченным, преимущественно на левом боку, с согнутыми в локте руками и головой на запад, иногда на юго-запад и северо-запад. Из всех раскопанных могил, в которых было установлено положение ко-

стяка, в большинстве из них погребенные лежали на левом боку, и только в шести — на правом. В парных захоронениях положение покойника зафиксировано в двух случаях — в Айшраке, 2 и Дандыбае, 2. В них умершие также найдены в скорченном состоянии и лицом друг к другу. Покойников, как правило, сопровождают 1—3 сосуда, поставленные в юго- и северо-западных углах могилы. Если имеется три горшка, то один всегда стоит напротив груди, у центральной части северной стенки ящика. Все найденные сосуды трех типов: горшки с округлым плечом, горшки с уступом и баночной формы. Большинство из них украшено зубчатым и гладким штампом.

Если на нуринской посуде с округлым плечом орнамент покрывает сплошным полем шейку и плечико, то на сосудах с уступом атасуского этапа он располагается тремя зонами: на венчике, плечике и у дна (изредка). По венчику идет цепочка ромбов или треугольников вершинами вверх, бывает и второй (нижний) ряд из таких же треугольников, но вершинами вниз. Плечико и верхняя часть тулова обычно украшены орнаментом из треугольных фестонов меандрового узора и других элементов. Третья зона у дна украшена параллельными каннелюрами или треугольниками вершинами вверх. В орнаменте сосудов нуринского типа преобладают косые треугольники, а атасуского — равнобедренные и прямоугольные. Шейка сосудов с уступом зачастую не украшена, а у посуды с округлым плечом, наоборот, всегда украшена.

Среди другого сопровождающего инвентаря в могилах постоянно встречаются металлические изделия, преимущественно предметы украшений, а также раковины, клыки хищных зверей, иногда окрашенные в красный цвет. Из костей домашних животных преобладают кости овец (трубчатые кости, ребра), иногда попадают и кости лошади (черепа, лопатка, кости ног), редко — коровы. Отличительной чертой атасуских памятников также является увеличение, по

сравнению с предшествующим этапом, количества больших патриархально-семейных усыпальниц, их имеется по двести в каждом исследованном могильнике. Исключение составляют могильники Былмылдак II и III, которым присуща круглая форма надмогильных сооружений, характерная больше для нурынского этапа. В первом из них обнаружена многокамерная ограда 4. Однако ни формой, ни размером она не отличается от остальных 60 таких же кольцевых оград. Раскопками установлено, что в ней была погребена мать с четырьмя детьми. По ряду признаков, а также учитывая соотношение баночной посуды и горшков (64,5:35,5 проц.), эти могильники надо датировать раннеатасуским этапом андроновской культуры. Кольцевые же оградки являются наиболее архаическим типом надмогильных сооружений.

До недавнего времени памятники эпохи поздней бронзы в степях Центрального Казахстана были почти неизвестны.

Открытый еще в 30-х гг. курган 11 (Дандыбай) долго оставался единственной могилкой, давшей инвентарь, близкий по времени карасукскому. Однако этот яркий материал некоторые исследователи считали не самобытным, а появившимся в результате влияния карасукской культуры минусинских племен или передвижения целых групп карасукского населения в глубь степей Казахстана²⁶.

Тогда же М. П. Грязнов из немногих исследованных могильников выделил погребения, относящиеся к карасукскому времени. Одним из них был Дандыбай. По мере накопления нового материала (раскопки плиточных оград Бегазы) стала очевидной одновременность Дандыбая и Бегазы. Первые исследователи Бегазинского могильника (А. Х. Маргулан и Л. Ф. Кызласов), установив по инвентарю близость этих двух могильников, неожиданно датируют их раннескифским временем²⁷. Бегазинские материа-

лы позволили М. П. Грязнову выделить в Центральном Казахстане культуру, синхронную карасукской²⁸.

М. П. Грязнов считает бегазы-дандыбаевскую культуру локальным вариантом карасукской. Совершенно справедливо, на наш взгляд, не соглашаясь с мнением С. В. Киселева, О. А. Кривоной-Граковой и М. Н. Комаровой²⁹, он утверждает, что эта культура возникла не в результате проникновения в Центральный Казахстан карасукских племен Южной Сибири, а сложилась на месте на основе развития андроновской культуры самого Центрального Казахстана³⁰.

Раскопки экспедиции в 1955—1962 гг. дали новый яркий материал, характерный для культуры поздней бронзы. Исследованный в 1952 г. могильник Вугулы II оказался открытой третьей точкой Центрального Казахстана, который по найденному инвентарю датируется карасукским временем бронзового века. В последующие годы были открыты и изучены еще более обширные могильники, как Сангру, Айдарлы, Вугулы III, Бельсар II, Аккойтас, Каракойтас, в которых нашел отражение высший этап развития самобытной и оригинальной культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. К этому времени относятся не только грандиозные погребальные сооружения, но и некоторые поселения (Улутау, Суук-Булак, Каркаралинское). Несмотря на близость этих могильников с минусинскими, мы считаем себя вправе назвать их памятниками бегазы-дандыбаевской культуры, желая этим подчеркнуть, что она имеет целый ряд отличительных черт, своеобразных и специфических для данной территории. Несомненно, что она возникла не в результате переселения племен карасукской культуры Минусинска или забайкальско-монгольских племен культуры плиточных могил, а в результате

²⁶ С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 143, 178; О. А. Кривоной-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 153.

²⁷ См. «КСИМК», 1950, XXXII, стр. 136.

²⁸ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа.

²⁹ М. Н. Комарова. Относительная хронология..., стр. 75—76.

³⁰ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа..., стр. 159—161.

прогрессивного и последовательного развития культуры атасуского этапа.

Основными признаками, которые выделяют бегазы-дандыбаевские памятники в самостоятельную культуру и отличают их от памятников андроновской культуры, являются: 1) надмогильные сооружения (типа Бегазы, Сангру, Вугулы III); 2) глиняная посуда и 3) бронзовые наконечники стрел, бронзовые бляхи крестообразной формы и др. Рассмотрим отдельно каждый из них.

Для могильников бегазы-дандыбаевской культуры характерны разнообразие форм и небрежность в выполнении надмогильных сооружений.

Бегазы-дандыбаевские памятники отличаются прежде всего большой величиной оград и каменных ящиков.

Внешние очертания могил как бы грубеют. Различна и конструкция погребальных сооружений. В Дандыбае это каменная четырехугольная кладка с перекрытием из бревен, в Бегазах — большие облицованные ограды из громадных плит гранита, а в Вугулах — большие ящики из гранитных плит, иногда и грунтовые ямы.

В бегазы-дандыбаевских могильниках отсутствуют сдвоенные и строенные ограды, а также большие патриархально-семейные сооружения. На смену им приходят одиночные сооружения типа Дандыбай и Бегазы. Вишительный внешний вид и богатый инвентарь таких могил, как Дандыбай, 11, Бегазы, 1, 2, 5, не оставляют сомнения в том, что они принадлежали родоплеменной знати.

В остальных погребениях, например во всех десяти раскопанных могилах Вугулы, кроме сосудов, не было обнаружено никаких предметов материальной культуры. Из-за разграбленности могильников положение и ориентировку погребенных удалось установить только в одной могиле, в Вугулы, 5. В ней покойник лежал с подогнутыми ногами, на левом боку, головой на запад.

Бегазы-дандыбаевских памятников теперь зафиксировано очень много. Они настолько своеобразны, что уже не возникает сомнения в их принадлежности к особой промежуточной культуре, стоя-

щей между атасуским этапом и культурой ранних кочевников. Вследствие этого бегазы-дандыбаевская культура имеет одновременно элементы сходства с культурами андроновского этапа и ранних кочевников. В то же время в бегазы-дандыбаевской культуре много элементов, которые отличают ее от них, что ярко проявилось в дандыбаевской посуде — основном критерии датировки.

Бегазы-дандыбаевская посуда имеет шесть форм: горшок с прямым венчиком и шаровидным туловом; горшок с округлым плечом; кубковидный сосуд; чаша, горшок с наклепной ручкой; горшок с узким высоким горлом и шаровидным туловом.

Характерными для этого времени являются горшки с прямым венчиком и шаровидным туловом. Дно у них преимущественно плоское, изредка — выпуклое. Как архаический элемент в нижней части шейки иногда бывает уступ, причем он на некоторых горшках выражен резче, чем на атасуской посуде с уступом.

Значительные изменения претерпевает техника нанесения орнамента, появляются новые мотивы в рисунках.

Орнамент в виде крупных меандровых и треугольных фестонов покрывает все тулово горшка. Из других мотивов рисунка следует сказать о различных комбинациях ногтевого оттиска, небольших зацепках двумя пальцами, ромбовидном узоре, расположенном в шахматном порядке, мозаике из угловых оттисков штампа и др. Встречаются сосуды, орнаментированные по тулову подковоидным и роговидным гладким штампом. У бегазы-дандыбаевских сосудов орнамент очень разнообразный, потому трудно выделить рисунок, наиболее характерный для этой посуды, но вместе с тем форма и орнамент ее своеобразны и типичны именно для горшков карасукского времени.

Наконечники стрел в бегазы-дандыбаевских памятниках встречаются двух типов: листовидные шпильчатые (Дандыбай, 11), иногда с шипом (Бегазы, 2), что сближает их со скифскими, и трехлопастные черешковые (Бегазы, Алепаул).

Оба типа получают широкое распространение в скифо-сакское время.

Таким образом, сравнив основные характерные черты памятников андроновской культуры и поздней бронзы Центрального Казахстана, можно заключить, что бегазы-дандыбаевская культура — это этнографически новая культура, знаменующая собой конец бронзовой эпохи и наступление эпохи раннего железа.

Следовательно, в X—VIII вв. до н. э. в обществе андроновских племен Центрального Казахстана произошли коренные изменения, совершился переход от пастушеского и являжного хозяйства к кочевому скотоводческому, что явилось причиной зарождения этнографически новых культур: бегазы-дандыбаевской и тасмолинской (по классификации М. К. Кадырбаева) эпохи раннего железа.

В соседних основных регионах развития общества эпохи бронзы в результате подобных социально-экономических изменений и достижений андроновской культуры также возникли новые культуры: карасукская, майэмйрская, тагарская в Южной Сибири, замараев-

ская, савроматская, сарматская в Зауралье.

Происхождение этих археологических культур от одной общей основы, единый андроновский этногенез их создателей обусловили близость культур, бытование предметов аналогичных форм, существование сходных или одинаковых обычаев, а в прикладном искусстве одного стиля — «скифского звериного».

Андроновским, а позднее андроновским по антропогенезу племенам принадлежит основная роль в создании культуры саков Семиречья и Южного Казахстана. Они принесли на территорию Средней Азии и Юга Казахстана самобытную культуру: бронзовые орудия и оружие (вислобушные топоры, пальставаобразные тесла, ятульчатые долота, массивные ножи, наконечники стрел), своеобразные погребальные сооружения (каменные ящики и ограды), западную ориентировку в захоронениях, а также андроновский антропологический тип. Вследствие этого в настоящее время можно утверждать, что на огромной территории древнего Казахстана шел на андроновской основе единый этногенетический процесс.

ПАМЯТНИКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА§ 1. НУРИНСКИЙ ЭТАП АНДРОНОВСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

ГРУППА АКШАТАУ

К памятникам нуринаского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана относится группа Акшатау, расположенная в 2 км к западу от рудника Акшатау. Могильник состоит из шести оград и семи курганов, вытянутых цепочкой с севера на юг на 600 м. Причем весь могильник как бы делится на три группы. Южная группа, состоящая из трех оград, находится на расстоянии 140 м от средней, насчитывающей три кургана и одну ограду. В северной имеется четыре кургана и две ограды, разрыв между ней и средней группой — 70 м. В сезоне 1949 г. были исследованы две ограды (12 и 13), лучше сохранившиеся по своему внешнему виду, чем другие.

Ограда 12 имеет форму правильного круга (диаметр 6 м), выложенного по краю обломками камня в один ряд по ширине. В центре было разбросано несколько таких же камней. Ограда почти никакой насыпи не имеет (высота 5 см). В середине круга во время раскопок обнаружено несколько лежащих плашмя плит. Под ними находился склеп в виде цисты квадратной формы. Размер его: длина с внешней стороны — 1,22 м, с внутренней — 1,5 м, ширина северо-восточной стороны снаружи — 0,7 м, с юго-западной снаружи — 0,85 м, соответственно внутри — 1,02 и 1,05 м. Высота кладки — 1 м.

Склеп ориентирован с юго-запада на северо-восток. В нем кроме мелких истлевших обломков костей найдены фрагменты сосудов, орнаментированных зубчатым штампом. Судя по черепкам от венчика и дна, сосуды имели плоское дно и слегка отогнутый наружу венчик, линия перехода плечика в тулово была закруглена. Орнамент в виде косых прямоугольников покрывал сплошным полем шейку и плечики сосудов. Погребальные сооружения и керамика довольно типичны для нуринаского этапа культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана.

Ограда 13 несколько овальной формы, которую можно угадать по небольшим обломкам камней на поверхности. Внутренняя площадь круга приподнята на 10 см. Диаметр ограды с севера на юг — 5,2 м, с востока на запад — 6 м. Внутри круга найдена каменная кладка, образующая контур прямоугольной цисты, вытянутой с запада на восток.

При раскопке под дерновым слоем обнаружена каменная плита длиной более 1 м, плотно прикрывавшая могилу. Погребальное сооружение — типа склепа (циста) — сложено из плоских каменных плит горизонтальной кладкой. Внутренняя сторона цисты гладкая, каждая плита тщательно пригнана к другой. Склеп книзу значительно рас-

Табл. IV. Керамика из группы Акшатау.

ширятся, ориентирован с запада на восток. Его размер: длина снаружи — 1,4 м, внутри — 1,54 м; ширина снаружи — 1 м, внутри — 1,2 м. Высота каменной кладки склепа — 1 м. Общая глубина могилы — 1,1 м.

Рис. 11. Аншатау. Вид погребальной камеры (цисты) из ограда 13.

Разборка стен кладки показала, что плиты скреплены между собой вязкой зеленоватой глиной. В склепе найдено несколько фрагментов сосуда с прямым, слегка отогнутым наружу венчиком. Переход шейки в тулово плавный. По венчику сосуд украшен косыми гребенчатыми полосками, вокруг шейки пальцем нанесены пять параллельных каннелюр. Циста давно ограблена. Поэтому, кроме фрагментов керамики, ничего не обнаружено.

От скелета сохранились отдельные обломки костей рук, ног и позвонков.

ГРУППА ВУГУЛЫ I

Это обширный комплекс, он исследован в 1952 г. Могильник расположен в 6—7 км к западу от долины р. Шерубай-Нуры, в 40 км к северо-востоку от станции Жарык, у подножия известной в Центральном Казахстане горы Вугулы.

Большое количество курганов всех времен, находящихся здесь, свидетельст-

вует о том, что предгорье Вугулы еще в древности было облюбовано человеком для жительства.

Описываемый могильник относится к одной из архаических групп памятников. В нем насчитывается 57 различных могильных сооружений: это прямоугольные и квадратные ограды, каменные кольца, курганы-ограды, курганы с каменной выкладкой по насыпи, с концентрическими оградями из положенных плашмя плит и т. д. Некоторые из них имеют насыпь высотой от 20 до 70 см.

Следует отметить, что из вертикально стоящих плит-оградок наиболее высокие находятся на западной стороне. Часть оград разрушена и разобрана населением ближайшего совхоза для хозяйственных нужд.

В могильниках Вугулы I за полевой сезон 1952 г. раскопано 13 погребений.

Ограда 1 имеет круглое очертание, диаметр — 8,5 м и невысокую насыпь — 20 см. На ней выложены три концентрических круга из камня, положенного в два ряда. Во внутреннюю выкладку вписано прямоугольное сооружение, вытянутое с севера на юг. Оно сложено из каменных плит среднего размера. При раскопке внутри прямоугольной выкладки под дерновым слоем найдены кости передней ноги лошади. Погребение произведено в цисте прямоугольной формы, ориентированной длинной осью с востока на запад. Размер: длина — 1,7 м, ширина — 1,3 м, глубина — 1,07 м. Циста сооружена из небольших плоских каменных плит, положенных плашмя одна на другую. Внутренние стенки очень ровные, каменные плиты тщательно подобраны. Северная и западная стенки состоят из целых плит. Западная часть цисты перекрыта большой каменной плитой.

В склепе обнаружены остатки сожженного скелета, зола с древесным углем и бронзовая пронизка.

Ограда 2 безнасыпная, представляет собой прямоугольник, обозначенный на поверхности врытыми на ребро плитами и вытянутый с северо-запада на юго-

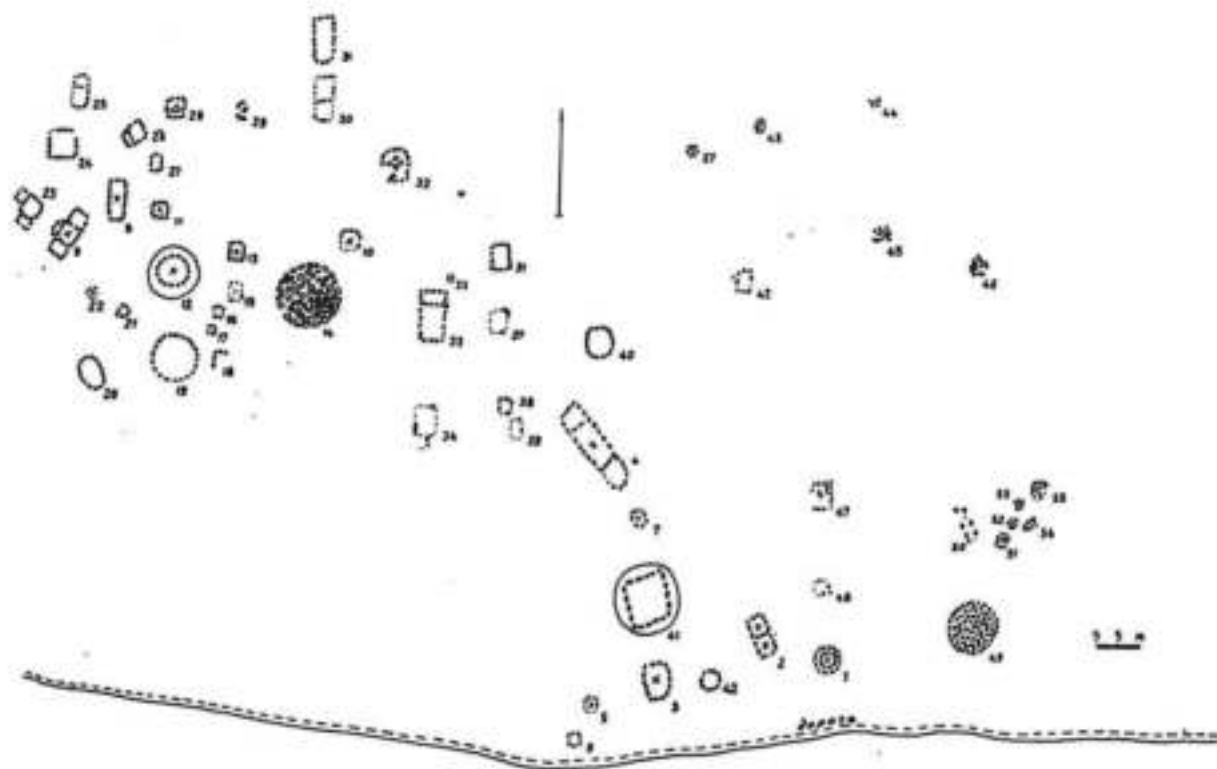

Рис. 12. План комплекса Вугулы I (разные типы могильных сооружений идровоского времени).

восток. В середине ограда разделена перегородкой из каменных плит на две части. Длина ограды — 8,6 м, ширина — 5 м. В северо-западном углу ее южной половины под дерновым слоем найден череп лошади. В грунтовой могильной яме обнаружены фрагменты сосуда, орнаментированного по шейке параллельными каннелорами, а также кальцинированные кости (ребро, позвонки). В северной половине ограды, в центре погребальной ямы, в куче лежали ребра, кости ног и таза. Здесь же был поднят фрагмент горшка с елочным орнаментом. Глубина обеих ям — 1,65 м.

Ограда 3 безнасыпная, обрамлена каменными плитами, крытыми на ребро, имеет форму прямоугольника, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Размер ее — 7,5×5,4 м. При раскопе в юго-восточной части ограды было обнаружено много массивных каменных плит, лежащих в беспорядке. Под ними находилась квадратная (118×115 см) циста, ориентированная углами по странам света. Циста до глубины 95 см была заполнена золой с кусочками угля, обломками сожженных костей человека. Здесь же найдено около полсотни бронзовых бусин и круглое бронзовое зеркало.

В северо-восточной части ограды, где также было много плит, никаких признаков погребальной ямы не обнаружено. На глубине 1,52 м зафиксировано небольшое зольное пятно (размер 20×20 см) слоем 13 см, содержащим кальцинированные человеческие кости. Возможно, труп сожгли не в могиле, а где-то в стороне, так как следов кострища в ней нет. Затем погребли лишь остатки костей после кремации. Вероятно, на месте выявленного зольного пятна и был совершен обряд трупосожжения.

Ограда 4 расположена в центре могильника и является одним из самых крупных сооружений комплекса. По плану прямоугольной формы, вытянута по направлению с северо-запада на юго-восток. Она сложена из гранитных плит, врытых в землю вертикально. Край плит кое-где выступают над уровнем дневной поверхности на 30—80 см. Со-

оружение состоит из центральной ограды, северной и южной пристроек, отделенных от нее стенами, сложенными также из вертикально стоящих плит. Общая длина ограды — 22,3 м, ширина — 6 м.

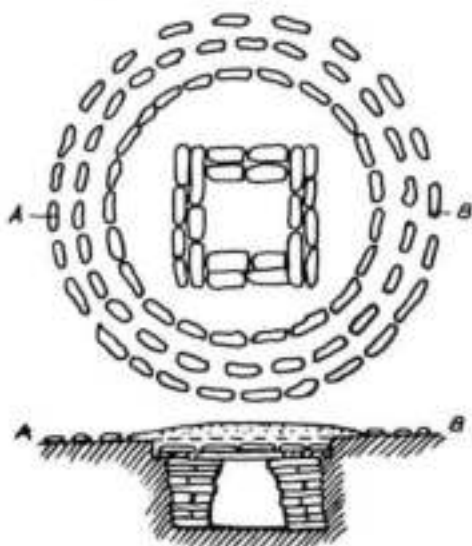

Рис. 13. Бугулы I. План и разрез андроновской ограды I.

Ограда безнасыпная, имеет шесть погребальных камер, три из них — в центральной ограде, две — в южной пристройке и одна — в северной. Все захоронения совершены в прямоугольных грунтовых ямах, за исключением одного. В северной пристройке сооружен каменный ящик. Длина погребальных камер — 1,2—1,75 м, ширина — 0,9—1 м, глубина — 0,9—1,6 м. Могилы, кроме двух (4 и 6), прикрыты сверху каменными плитами от 2 до 4. Для всех камер характерно полное трупосожжение. Всего в ограде обнаружено 11 сосудов, из них шесть целых. Все сосуды — типа горшка, красиво орнаментированы. Из трех сосудов, найденных в могиле 4, два — горшки с поддоном.

В могилах 2 и 6 обнаружено по два горшка, в остальных камерах — по одному. В основном горшки находились в

северо-западном углу погребальной камеры; лишь в северном каменном ящике (камера 1) горшок стоял в северо-восточном углу. Из других предметов найдены 50 крупных бронзовых проносок

× 0,9 м, глубина — 1,25 м. Основная оградка имела две ямы, в них погребены взрослые. Оба костяка лежали скорчено, на левом боку, головой на запад. В пристройке захоронены остатки дет-

Рис. 14. Бугулы I. Вид андроновской погребальной цисты из оградки 5.

(могила 2), кости барана (могилы 1, 3 и 6). Во всех погребениях имелась зола и древесный уголь.

Ограда 9 — многокамерное сооружение, прямоугольной формы, ориентирована с запада на восток. К ее северной стороне примыкает пристройка, длина которой равна ширине основной оградки. Общая длина сооружения — 11,2 м, ширина — 3,5 м. Ограда выложена плитами, самая большая плита находится у ее юго-западного угла. Ограда безнасыпная. Однако центр ее несколько возвышается над окружающей местностью, высота насыпи — до 30 см.

Снаружи ограда окаймлена неглубоким ровиком, по-видимому, образовавшимся вследствие выброса земли на насыпь. На площади оградки открыто три погребения в четырехугольных грунтовых ямах. Размер грунтовых камер — 1,3 ×

ских костей, подвергнутых сожжению. В этой оградке обнаружено два сосуда с прекрасным елочным орнаментом, покрывающим всю верхнюю часть тулова и шейку. Кроме сосудов найдено еще пряслице, сделанное из фрагмента старого горшка, с орнаментом в виде каянелюр.

Ограда 10 имеет кольцевую форму (диаметр 4 м), выложена плитами положенными камнями. Погребение совершенно в прямоугольной яме, вытянутой с запада на восток. Размер ямы — 1,35 × 1,1 м, глубина — 1,1 м. В середине могильной ямы обнаружен слой золы с мелкими обломками пережженных костей человека. В юго-западном углу стоял сосуд, ориентированный по венчику, шейке и плечу елочным рисунком. В юго-западной и центральной частях могилы найдены череп и кости конеч-

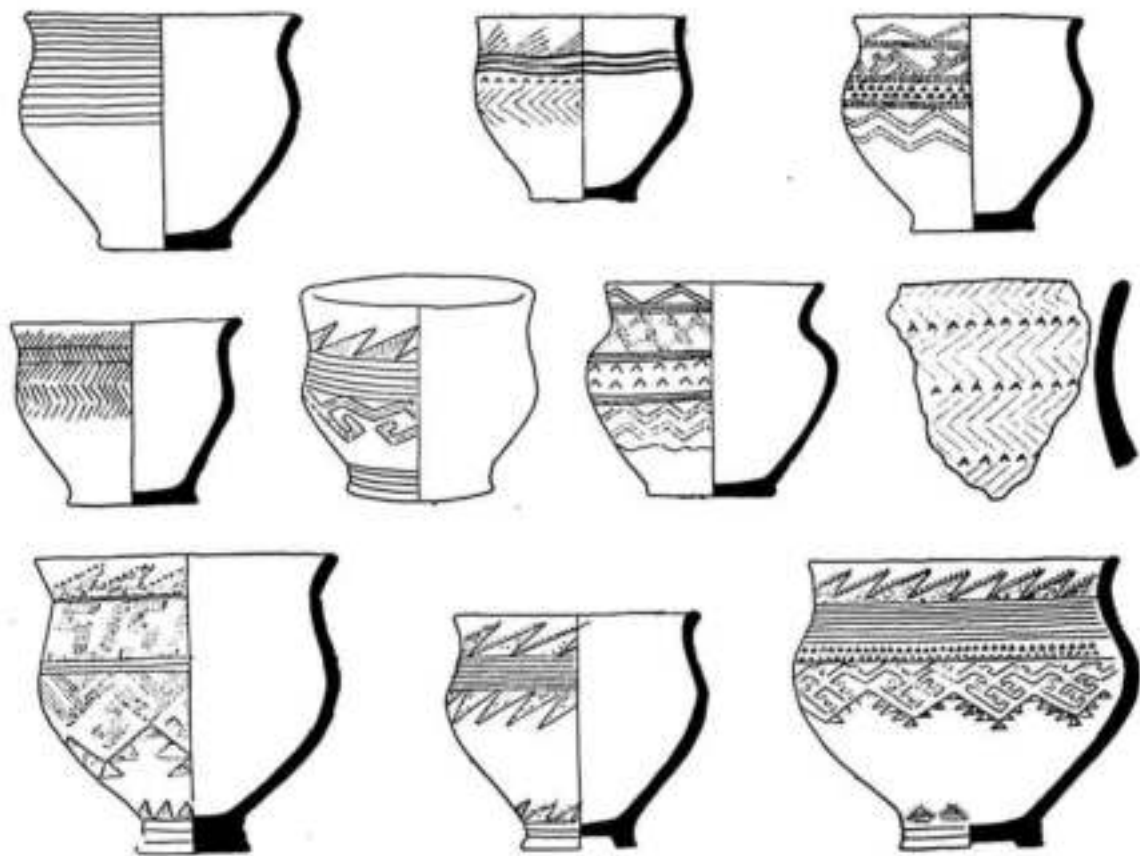

Табл. V. Керамика нуринского этапа ахдроновской культуры Центрального Казахстана. Вугулы I.

стей лошади. На глубине 1 м в северо-западном углу лежал раздавленный сосуд, приготовленный из темно-красной глины с примесью дресвы. Сосуд плоскостонный, баночной формы, край

Ограда 12 имеет форму правильного круга, выложенного камнями, уложенными плашмя в два ряда. Диаметр ограды — 5,3 м. Остатки от неполного трупосождения были погребены в прямоугольной

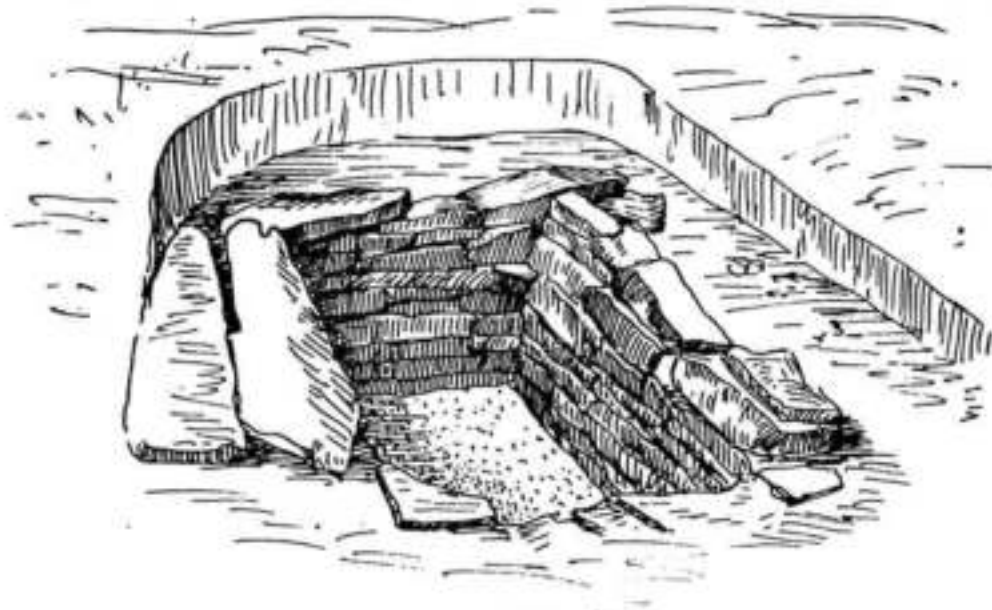

Рис. 15. Вугулы I. Вид андроновской погребальной цисты из ограды 12.

венчика чуть отогнут наружу. Елочный орнамент нанесен крупным размашистым штампом и покрывает венчик, шейку и плечо сосуда.

Ограда 11 представляет собой квадратную площадку, составленную из небольших каменных плит, уложенных плашмя. Ограда ориентирована сторонами по странам света. Размер ее — $3,5 \times 3,5$ м. При раскопке в центре ее обнаружены небольшой кусочек медного шлака и череп лошади, лежащий мордой на юго-восток, лбом на запад. В могильной яме прямоугольной формы (размер $1,5 \times 1$ м, глубина 1,17 м), вытянутой с запада на восток, найдены два сосуда и пережженные кости человеческого скелета. Один горшок стоял в северо-западном углу, другой — в юго-западном. Оба сосуда не орнаментированы, тесто в изломе кирпичного цвета.

цисте, ориентированной с запада на восток. Она аналогична цистам оград 1 и 3.

В тринадцати раскопанных оградах выявлено 11 целых сосудов и 7 во фрагментах. Все они — типа горшка. В каждой могильной яме обнаружено по 1—2 сосуда.

Комплекс Вугулы I является одним из наиболее ярких памятников нуринаского этапа культуры андрона Центрального Казахстана.

ГРУППА БАЯБАЛА I

Могильник находится в Карагандинской области, на правом берегу р. Талды-Нуры, в 5 км к западу от колхоза имени Розы Люксембург. Долина, где он расположен, тянется на 20 км в длину, ширина ее около 3 км.

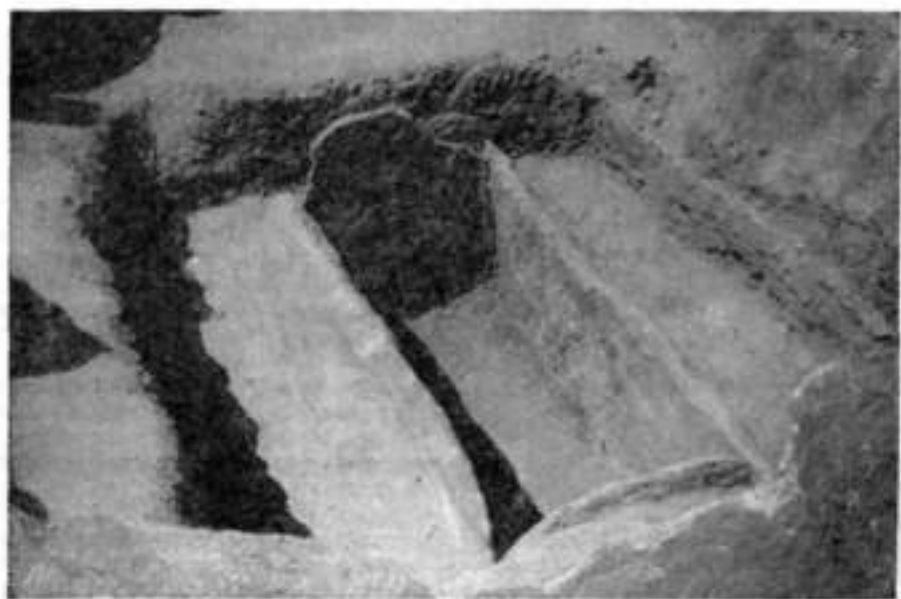

Рис. 16. Байбала I. Андроновские погребения в кольцевой ограде I.

Вся долина занята памятниками разного времени, разбросанными группами. Байбала состоит из двух групп памятников. Одна — более ранняя — относится к нуринскому этапу, другая — к переходной форме бегазы-дандыбаевской культуры.

Группа Байбала I представляет собой круглые, без насыпи, ограды. В сезоне 1955 г. в ней были исследованы две ограды.

Ограда 2 круглой формы, сооружена из камней, вкопанных на ребро. Диаметр — 3,4 м. В середине ограды находился каменный ящик, размером 1,9×0,75 м, глубиной 80 см, ориентированный длинной осью с востока на запад. Ящик закрывали лежащие в беспорядке плиты. При его расчистке были найдены обломки гладкостенной керамики из грубого теста и кальцинированные человеческие кости.

Ограда 3 круглой формы, сооружена из плиточных камней, вкопанных на ребро. Диаметр — 3 м. В середине ее, на

Рис. 17. Байбала I. Глиняный сосуд из ограды 3.

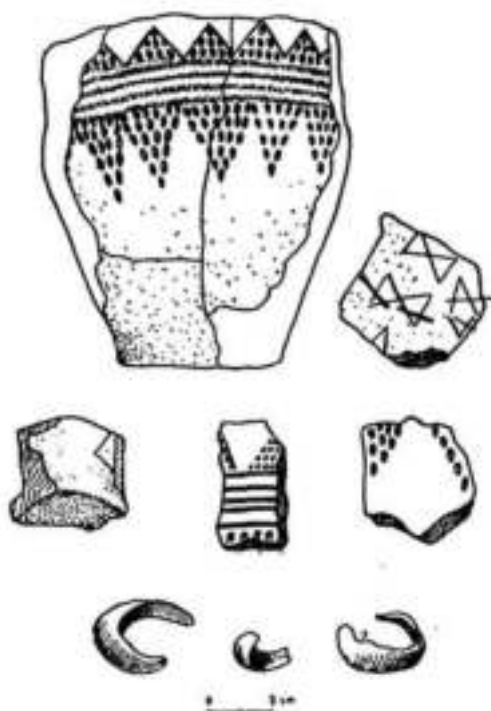

Табл. VI. Керамика и бронзовые кольца нуринского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана. Байбала I.

глубине 30 см, обнаружен ящик. Размер его — 1,85×0,70 м, глубина — 60 см, длинной осью он ориентирован с востока на запад. Часть плит перекрытия отсутствовала. Под плитами, на глубине 40—60 см от верхнего края боковой стенки ящика, найдены обломки керамики двух сосудов и черепа, кости рук и ног человека.

При исследовании оград этого комплекса оказалось, что ограды 2 и 3 совершенно аналогичны по конструкции и размеру сооружения, ориентировке каменных ящиков.

Однако обряды захоронения в них различные. В одном и том же комплексе зафиксировано одновременно и трупосожжение (ограда 2), и труположение (ограда 3), причем скелет в последней был в скорченном положении. Такое различие нельзя считать случайностью. По-

добное наблюдалось и в других могильниках. Это позволяет утверждать, что для Центрального Казахстана этого времени, очевидно, характерна разнообразность захоронений, связанная в свою очередь с каким-то особым положением погребенного в обществе племен андроновской культуры.

ГРУППА КОСАГАЛ

Группа андроновского времени Косагал расположена на правом берегу р. Атасу, около метеорологической станции, в 60 км на юго-восток от рудника Каражал. Многие захоронения размыты полводьями. Из обширной группы сохранилось лишь 15 оград. Все они сложены в виде круга из гранитных плит, врытых на ребро. Диаметр кругов — от 6 до 11 м. В центре находятся могильные ящики размером от 1,6 до 1,9 на 0,9 или 1 м. Ориентировка ящиков продольной осью — с северо-запада на юго-восток. Группа изучена в 1950 г. Теперь, в связи с постройкой плотины на реке, ее сравнивали с землей.

Недалеко от Косагала, возле старой зимовки Тельжана, у западного подножия горы Камлтас, расположены более значительные комплексы андроновских памятников: Караузек, Уйтас и Тельжан. Здесь же встречены стелы, каменные изваяния и курганы тюркского времени.

В группе Косагал в западном конце могильника нами исследована одна ограда, она находилась на краю обрыва реки. Сверху камней не было, сохранилась лишь круглая яма, из которой выступали верхние края каменных ящиков. Диаметр круга — 6,5 м. В яме обнаружены два каменных ящика, ориентированных с северо-запада на юго-восток. Размер южного большого ящика — $1,9 \times 0,9$ м, высота — 0,6 м, северного (малого) — $1,05 \times 0,6$ м. При раскопках плит, перекрывавших ящики, выявлено не было, иногда попадались лишь их обломки.

Малый ящик оказался пустым, поэтому выяснить обряд погребения и характер инвентаря в нем не удалось. Раскоп,

доведенный до материкового грунта, был прекращен на глубине 0,6 м.

Грунт, в котором находился ящик, был такой же, как и в месте погребения малого ящика, т. е. глина с большой примесью дровя и щебенки. Он был более влажный и менее плотный. При исследовании этого ящика обнаружены остатки труположения в виде истлевших костей ребер, пальцев рук и ступни, позвонков. На глубине 0,6 м в юго-западном углу ящика лежал на боку раздавленный сосуд, повернутый дном к западному углу. Сосуд — баночной формы,

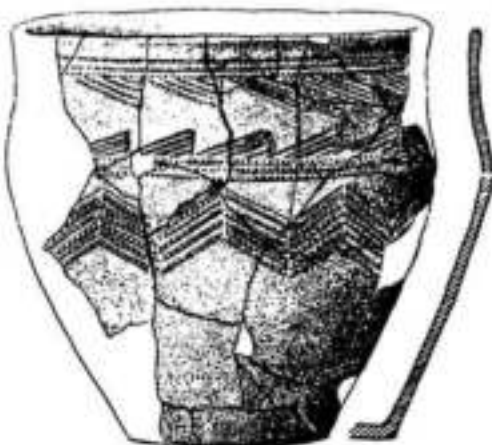

Рис. 18. Косагал. Глиняный сосуд из этой группы.

изготовлен из очень плохой глины с большой примесью кварцевой дровя, черно-красного цвета, слабого обжига. Он имел прямой, несколько утолщенный венчик. Орнамент из гребенчатого штампа покрывал шейку, плечо и часть тулова примерно до середины. Орнамент разнообразный: заштрихованные линии в нижней части венчика, косые треугольники, обращенные вершинами вниз, на шейке, косые треугольники и заштрихованные линии на плече, заштрихованные зигзаги на тулове. Размер сосуда: высота 12 см, диаметр венчика 12,5 см, дна — 6 см.

Рядом с ним найдены обломки черепа, несколько костей пальцев рук и локтевой сустав, по-видимому, правой руки.

Кости очень плохой сохранности, рассыпались при прикосновении щеткой. Ребра скелета располагались у южной стенки ящика. Судя по ним, труп лежал на левом боку. Несколько позвонков было обнаружено в разных местах, а кости пяток и некоторые кости пальцев ног и ступни — в южном углу ямы. Часть костей кисти руки находилась у северо-восточной стены ящика. Видимо, эта группа самая ранняя и относится к нурынскому этапу андроновской культуры Центрального Казахстана.

КОМПЛЕКС КАНАТТАС

Могильник Канаттас находится в долине р. Нуртай, в 60 км к северо-западу от районного центра Актогай Актогайского района. Он занимает площадь с юга на север 100 м, с запада на восток — 60 м. Могильные памятники сохранились в виде каменных оград прямоугольной, квадратной и круглой формы. Ограды сложены из гранитных плит четырехгранной формы горизонтальной кладкой. Некоторые из них по внешнему виду напоминают курганы с расплывшейся насыпью. Всего здесь насчитывается 14 оград эпохи бронзы и один курган с «усами» (рис. 19).

В могильнике раскопано семь оград, содержавших девять могил.

Ограда 2 квадратной формы, ориентирована по странам света, размер — $3,4 \times 3,4$ м.

Внутри нее обнаружен каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,40 \times 0,8$ м, глубиной 1 м, ориентированный на запад.

Юго-восточный угол ящика был накрыт большой плитой. Вероятно, эта плита когда-то закрывала всю могилу. Вокруг ящика была навалена груда камней. На дне могилы лежали мелкие обломки пережженных костей человека и черепки глиняного сосуда.

Ограда 3 круглой формы (рис. 20), сооружена из гранитных плит, врытых на ребро, диаметром с севера на юг — 4,5 м, с востока на запад — 3,3 м.

В северо-восточной части ограды камни располагались друг от друга на расстоянии 1,2 м, а в юго-западной части — 2 м. Они были немного сдвинуты с первоначального места и лежали в стороне от ограды. Внутри нее находился каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,40 \times 0,75$ м, глубиной 85 см, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Ящик был покрыт плитами, из которых сохранилось лишь две. Поверх продольной плиты юго-восточной стенки ящика плашмя друг на друге лежали еще узкие плиты длиной 1,45 м, шириной 25 см. Они увеличивали высоту стенки. На дне могилы находился скелет женщины. Судя по поясничным позвонкам, скелет лежал на левом боку. Левая рука погребенной была положена поперек грудной клетки, ближе к правому плечу, а правая согнута в локте. Ноги сильно согнуты. Череп не найден, видимо, он выброшен грабителями.

Ограда 5 прямоугольной формы, размер — $4,6 \times 4,3$ м. Внутри нее обнаружен каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,50 \times 0,70$ м, глубиной 90 см, ориентированный с востока на запад. Ящик был покрыт двумя большими плитами. На дне могилы подняты мелкие обломки пережженных костей человека. На глубине 60 см в западной части могильной ямы найдена крышка, а ниже на 10 см — черепок от глиняного горшка. Очевидно, каменная крышка была предназначена для горшка и когда-то его закрывала.

Ограда 10 прямоугольной формы, ориентирована длинной осью с востока на запад. Размер ее — $4,4 \times 3,8$ м. Внутри ограды находился каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,45 \times 0,60$ м, глубиной 80 см, ориентированный с востока на запад, с незначительным отклонением на север. Ящик был покрыт большой плитой, но не весь. В западной части плита отсутствовала. На дне могилы собраны мелкие обломки пережженных костей человека и черепки глиняного горшка. По венчику горшка шел желобчатый орнамент.

Вокруг ящика были навалены камни. С северной стороны, недалеко от ограды,

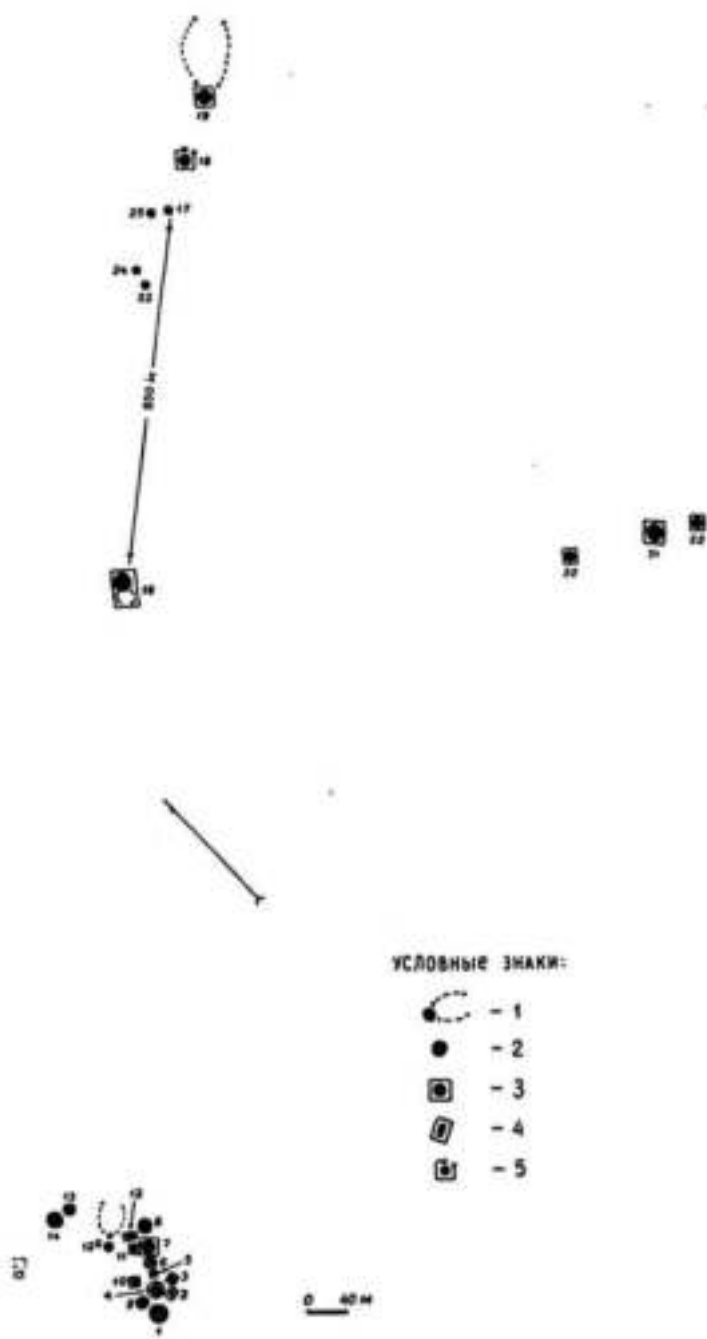

Рис. 19. План андроновского комплекса Канаттас: 1 — курганы с «усами», 2 — наемные курганы, 3 — раскопанные курганы, 4 — раскопанные ограды, 5 — мазары.

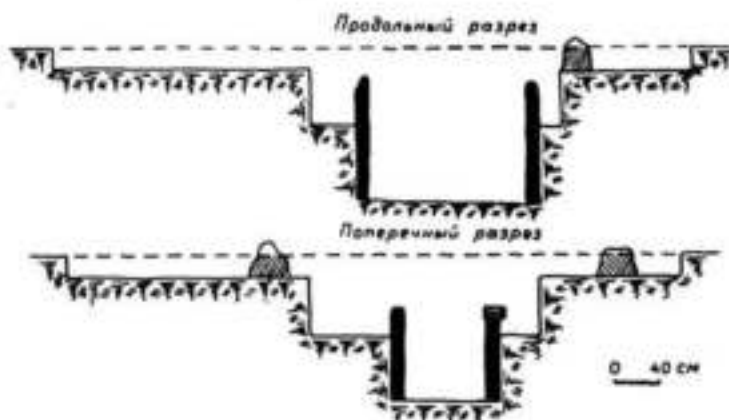
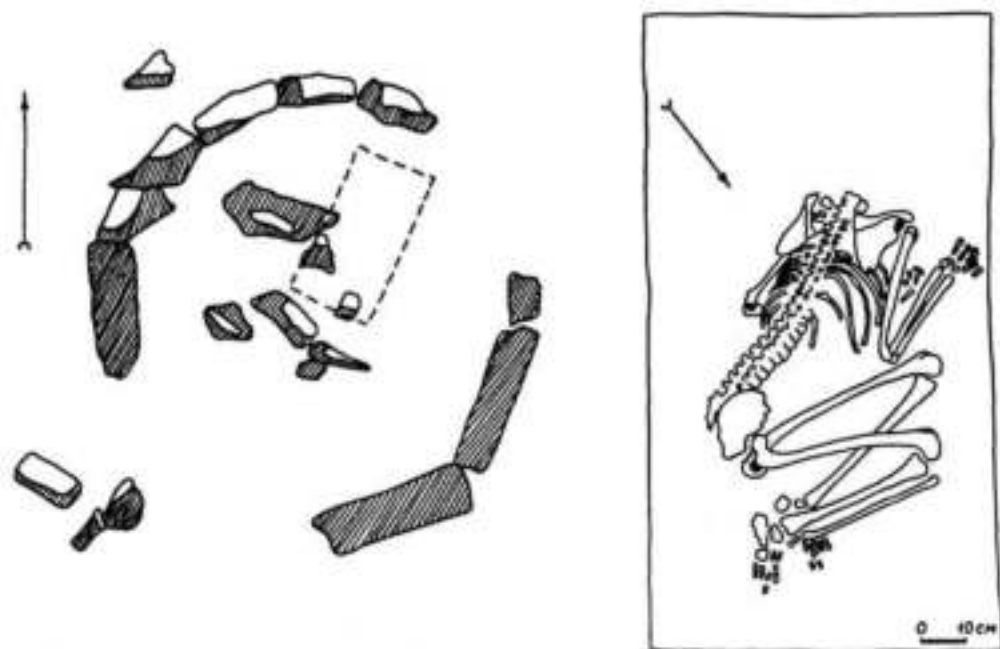

Рис. 20. Канаттас. План, разрезы андроновской кольцевой ограды 3 и обряд погребения в ней.

лежали камни, очевидно выброшенные из внутреннего круга.

Ограда 11 прямоугольной формы, размер — $3,9 \times 2,9$ м, ориентирована длинной осью с юга на север. Внутри ограды обнаружены два каменных ящика.

Ящик 1 (северный) прямоугольной формы (рис. 22, 1), размером $1,40 \times 0,70$ м, глубиной 85 см, ориентирован с востока

На дне ее, ближе к южной стенке, покоился скелет человека.

Судя по расположению костей, погребенный был захоронен в сидячем положении. Череп находился с западной стороны скопления костей. У западной стены могилы, недалеко от скелета, лежал орнаментированный горшок с закругленным плечиком.

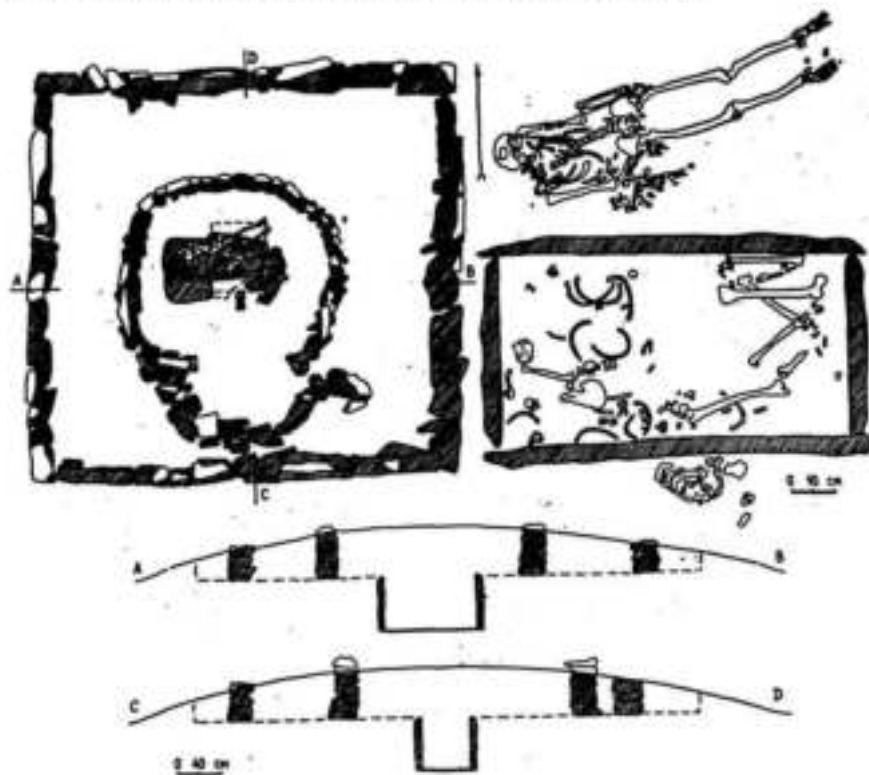

Рис. 21. Канаттас. План и разрезы польцевой ограды 7.

на запад. Восточная часть могилы была покрыта большой плитой. На дне могилы лежали мелкие обломки пережженных костей.

Ящик 2 (южный) прямоугольной формы (рис. 22, 2), размером $1,15 \times 0,60$ м, глубиной 80 см, ориентирован с востока на запад. Поверх продольных (южной и северной) плит ящика плашмя было положено несколько плит. Кроме того, могила была покрыта еще двумя плитами.

Ограда 12 квадратной формы, размером $4,50 \times 4,60$ м, ориентирована с юго-запада на северо-восток. С северной стороны ограды плит не было. Южная и часть восточной стороны, начиная с юго-восточного угла, сложены из плиточных камней. Высота южной стенки — 50 см, юго-восточной части — 36 см, остальные огорожены одним рядом длинных камней размером от 15×20 до 35×60 см, положенных плашмя.

Внутри ограды имелось еще одно сооружение прямоугольной формы, южная и часть восточной стены которого также были сложены из плиточных камней. Высота южной стены — 1 м, восточной (юго-восточный угол) — такая же, но и

бросаны мелкие обломки пережженных костей человека. В юго-восточном ее углу найдены бедренная и малая берцовая кости, не подвергшиеся действию огня. Ящик 2 (южный) прямоугольной формы, размером 1,40×0,70 м, глубиной

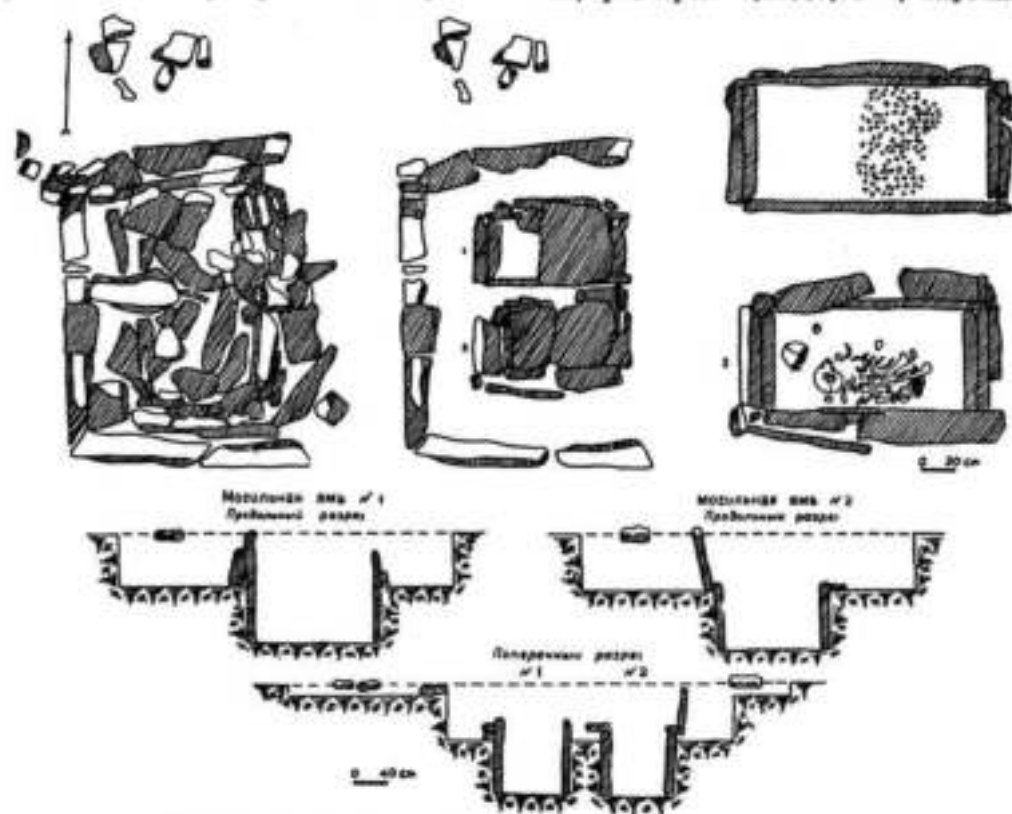

Рис. 22. Канаттас. План и разрезы вилроновской ограды 11.

северу она снизилась до 20—25 см. Высота западной стены (юго-западный угол) — 70 см, а северной — 35 см.

Часть сохранившейся стены с северной стороны достигает менее 20—25 см. Камней в северо-восточном углу внутренней ограды не было. Внутри сооружения находилось два ящика.

Ящик 1 (северный) прямоугольной формы, размером 1,40×0,70 м, глубиной 90 см, ориентирован с востока на запад. Он был покрыт двумя плитами. На дне могилы, по всей ее площади, раз-

бросаны мелкие обломки пережженных костей человека. В юго-западном углу ее стоял глиняный горшок.

КОМПЛЕКС ВОТАКАРА

Могильник находится в Ульяновском районе Карагандинской области, в 8 км к западу от пос. Ульяновского, в 0,5 км к северу от р. Нуры. Он тянется с запада на восток примерно на километр, состоит из оград эпохи бронзы (49) и курганов ранних кочевников (9) (рис. 23). Ограды сооружены из камней, положен-

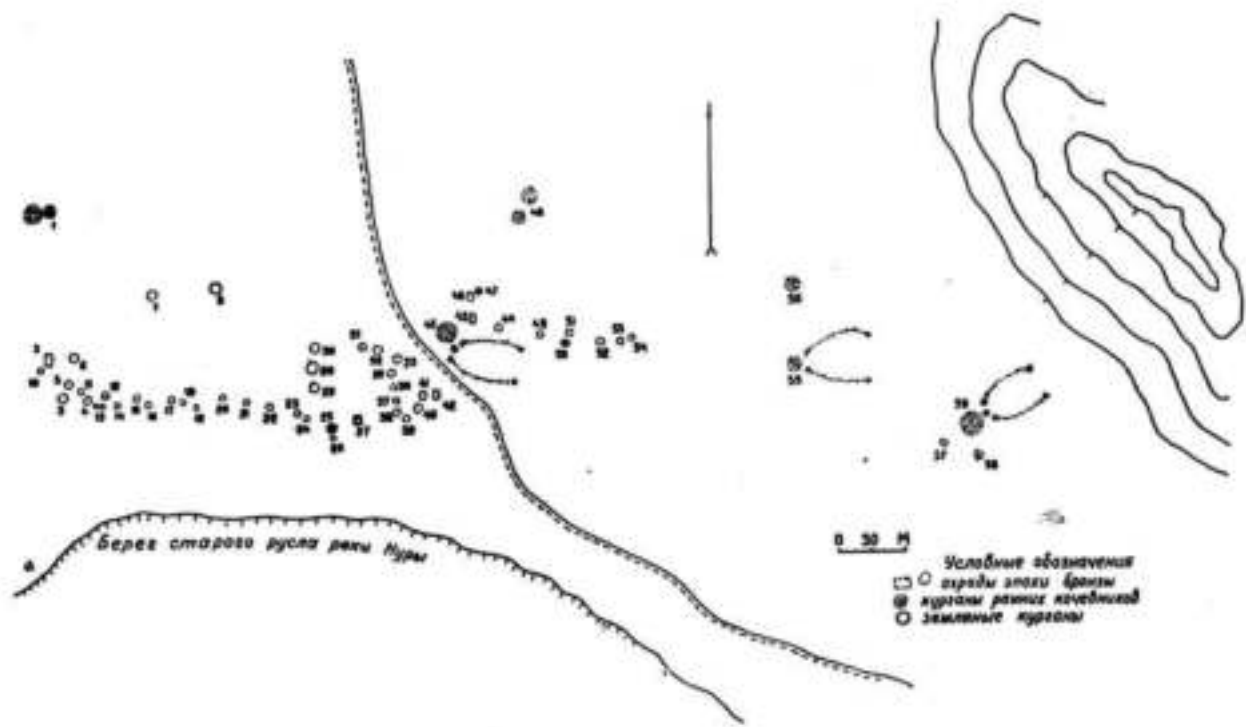

Рис. 23. План комплекса Ботанара на р. Кура.

ных плашмя в один или два круга. Некоторые из них имеют невысокую кладку — 15—20 см. Раскопано семь оград (3, 6, 10, 11, 13, 13а, 26).

Ограда 3 (рис. 24) расположена в юго-западной части могильника. Она представляет собой концентрический круг,

ной стенки, на глубине 25—30 см, найдены коренные зубы человека и мелкие обломки костей. В юго-западном углу погребальной камеры, на глубине 20 см, лежал астрагал барана, на глубине 40 см — берцовая кость человека. При дальнейшей расчистке камеры выясни-

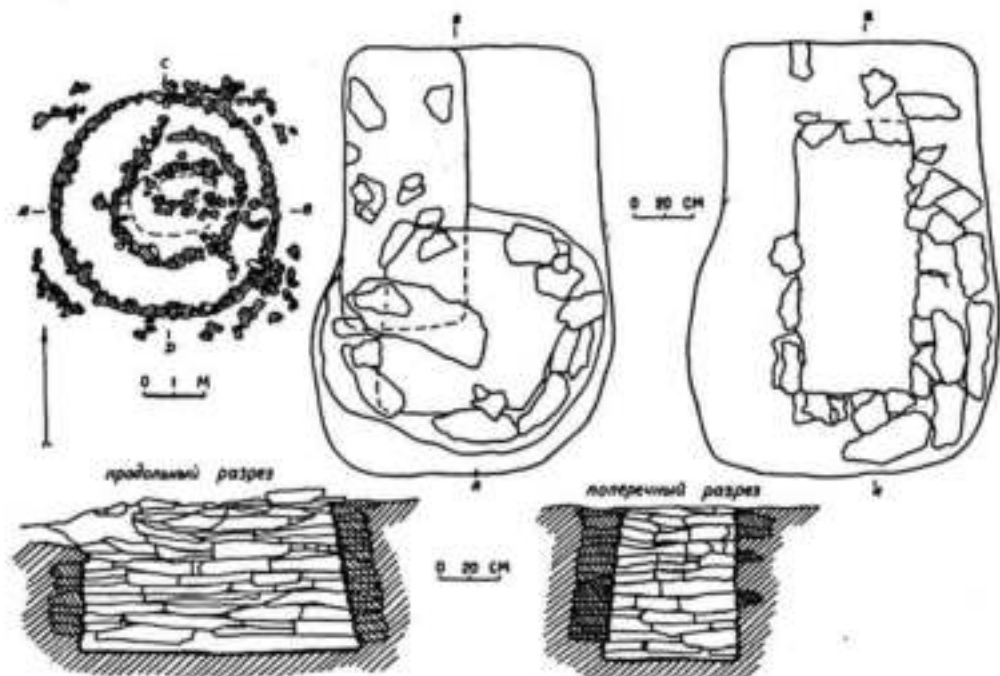

Рис. 24. Ботакара. План и разрезы андроновской ограды 3.

сложенный из гранитных и песчаниковых плит. Диаметр наружного круга с севера на юг — 7,5 м, с запада на восток — 7,8 м. Высота кладки наружной стены — 25—35 см, ширина — 30—60 см. Диаметр вписанного круга по внутреннему обмеру с востока на запад — 3,7 м, с севера на юг — 3,6 м. Высота кладки стен внутреннего круга — 25—40 см. В центре второго круга находилось овальное сооружение из плиточных камней, ориентированное длинной осью с востока на запад. Ширина сооружения на северной стороне — 40 см, на южной — 25 см. Внутри него обнаружена могильная яма. В ней у юж-

лось, что погребенный был захоронен в цисте, сооруженной из небольших каменных плит. Сохранились ее южная, западная и северная стены. Высота южной стены — 115 см, западной — 110 см, ширина северной стены — 35 см. Восточная стена цисты была сильно разрушена при ограблении, осталась кладка высотой лишь 45 см. В северо-восточном углу сохранилось только две плиты. Размер цисты: длина южной стены — 1,9 м, северной — 1,95 м, ширина западной стены — 1,15 м, восточной по двум ямы — 95 см. Ширина кладки стен цисты — 30—35 см. Глубина ямы от дна до верхнего края цисты — 1,1 м. Из изме-

рений ясно, что циста имела форму трапеции. В северо-восточной части могильной ямы, где находился грабительский лаз, были разбросаны кости ног: малая и большая берцовая — правой, обе берцовые кости и часть ступни — левой. Циста ориентирована продольной осью с востока на запад. В юго-восточном ее углу, на глубине 40 см, обнаружена кремневая терка.

На такой же глубине найдены четыре зуба человека и кости барана. На глубине 85 см лежали еще два зуба погребенного. Цисту закрывала большая плита. Вокруг нее было много камней. В цисте совершен обряд трупоположения, никаких следов трупосождения нет.

Ограда 6 сооружена в виде круга из камней, сложенных горизонтальной кладкой. Диаметр ограды с севера на юг — 4 м, с востока на запад — 4,75 м. Внутри ограды, на глубине 60 см, выкалено четырехугольное сооружение — циста. Размер ее — 2,6×2,2 м. Сверху она была закрыта двумя большими гранитными плитами. Причем стыки плит плотно пригнаны друг к другу, а зазоры между ними заполнены мелкими обломками камней. Снаружи плита обложена другими плитами, положенными плашмя. Длина цисты с запада на восток — 1,6 м, ширина с севера на юг — 0,85 м (по дну больше на 10—20 см), высота — 85 см. В цисте на глубине 50 см стали попадаться сожженные кости человека и кости коровы, барана, лошади. У северной стенки обнаружена кучка сожженных человеческих костей, занимавшая площадь 60×30 см. У восточной части цисты, на глубине 20—25 см, лежали нижние челюсти барана, обломки глиняного сосуда.

Ограда 10 (рис. 25) сооружена из темно-красного плиточного гранита, положенного плашмя. Диаметр с востока на запад — 4,1 м, с севера на юг — 3,5 м. С восточной и северо-восточной стороны ограды сохранилась кладка высотой 30—40 см. На северной, западной и южной сторонах камни положены лишь в один ряд. Ширина кладки — от 25 до 40 см. В ограду вписано овальное сооружение из небольших плиточных камней.

В центре его, на глубине 40 см, обнаружен каменный ящик, перекрытый большими плитами размером 132×77×17 см. У края ящика с восточной стороны лежали нижняя челюсть лошади, обломок кости барана и позвонок. Ящик ориентирован с востока на запад. Его размер с юга на север — 64 см, с востока на запад — 1,75 м, глубина — 73 см. У северного наружного края ящика между плитами найдена головка голенной кости барана, а в юго-восточной части раскопа, возле ящика — обломки трубчатой кости барана. Ограда давно разграблена, поэтому других находок нет.

Ограда 11 круглой формы, сооружена из больших камней размером от 32×22 до 60×40 см. Диаметр с севера на юг — 2,6 м, с востока на запад — 2,7 м. Камни ограды были положены вплотную друг к другу. Внутри ограды заложен раскоп размером 1,45×1,2 м, глубиной 1,2 м. В могильной яме никаких вещей не обнаружено.

Ограда 13 представляет собой тройной концентрический круг, сложенный из плит, уложенных плашмя. Диаметр наружного круга с севера на юг — 4,2 м, с востока на запад — 4,2 м. Размер второго круга с севера на юг — 2,7 м, с запада на восток — 3,1 м. В центре третьего круга, на глубине 60 см, найден каменный ящик, покрытый каменными плитами. Размер ящика — 155×75 см, высота — 80 см. Он ориентирован с востока на запад. При расчистке в его западной части обнаружены человеческие кости, что говорит о трупоположении. В юго-западном углу зафиксирован древесный уголь, там же стоял глиняный горшок. Высота его — 20 см, диаметр по венчику — 17,5 см, по дну — 12 см. Край венчика слегка отогнут наружу. Плечико горшка округлое. На его верхнюю часть нанесен узор из прямоугольных треугольников вершинами вверх, заштрихованных двумя насечками. Под треугольниками проведены два узких желобка, еще ниже проходит цепочка равнобедренных треугольников, заштрихованных четырьмя насечками.

В средней части тулова под рядами треугольников гладким штампом или па-

лочкой сделаны насечки в виде елок. Около дна также имеется узор из равнобедренных треугольников вершинами вверх, заштрихованных насечками. Других находок не было.

не 20 см, выявлена грунтовая могила без облицовки каменными плитами, ориентированная длинной осью с востока на запад. Размер камеры — 1,5 × 0,9 м, глубина — 70 см. На глубине

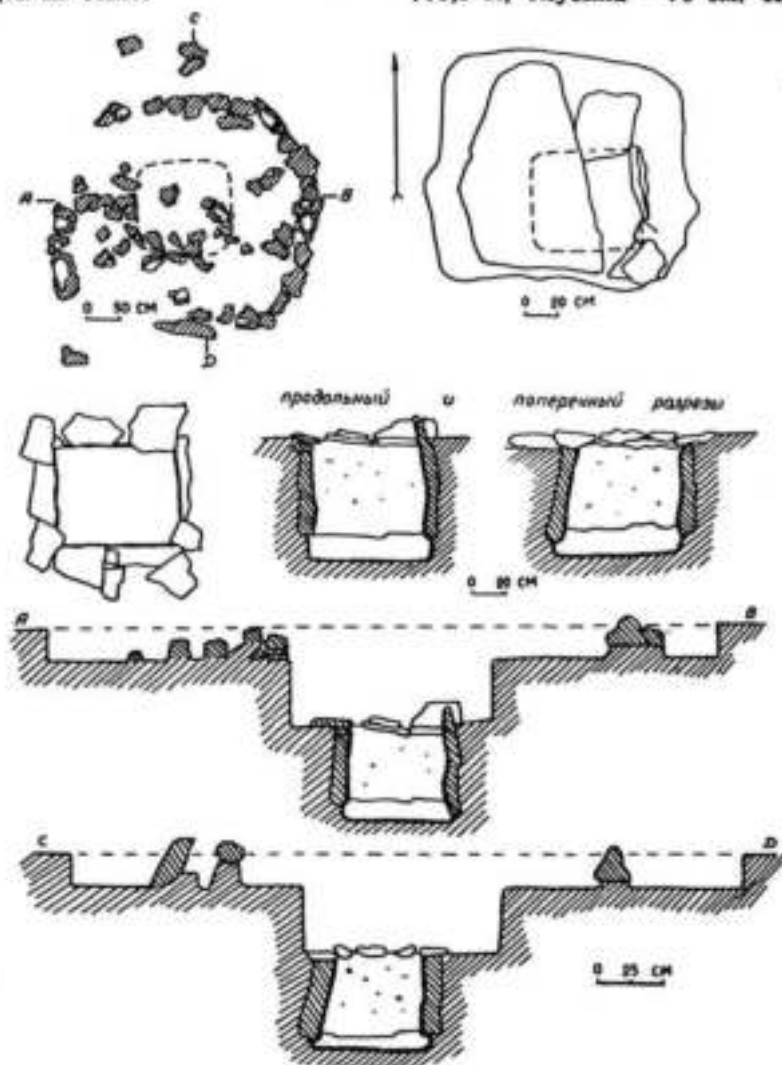

Рис. 25. Ботанара. План и разрезы андроновской ограды 10.

Ограда 13а двойная concentрическая, имеет овальную форму, сооружена из небольших камней. Диаметр ее с запада на восток — 3,5 м, с юга на север — 2,3 м. В центре второго круга, на глубине

40—45 см, в юго-западной части могильной ямы, найдены фаланга большого пальца, ребра, позвонки, кости рук человека, обломки керамики и мелкие бронзовые предметы.

Ограда 26 двойная концентрическая, овальной формы, ориентированная длинной осью с северо-востока на юго-запад. Размер с северо-востока на юго-запад — 3,9 м, с северо-запада на юго-восток — 3,4 м. Камни ограды с южной и восточной сторон установлены на ребро, на северной и западной лежат плашмя. Длина внутренней ограды — 1,7 м, ширина — 1,2 м. Камни второго кольца на

западной и восточной сторонах вплотную примыкают к внешнему кольцу. При снятии верхнего слоя, на глубине 20 см, обнаружена нижняя челюсть барана.

Внутри второго кольца находилась грунтовая могила размером 1,5×0,70 м, глубиной 1,10 м. В ней зафиксированы истлевшие человеческие кости и обломки керамики.

§ 2. АТАСУСКИЙ ЭТАП АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КОМПЛЕКС АЙШРАК

Могильник находится на левом берегу р. Атасу, недалеко от центральной усадьбы отгонного участка Айшрак Жана-Аркинского района, в 95 км на юго-восток от рудника Каражал. Он вытянут с

севера на юг на 105 м, с запада на восток — на 360 м и состоит из 100 могил. Погребальные сооружения обозначены гранитными плитами, врытыми на ребро в виде кругов, овалов, прямоугольников, квадратов, трехлепестковых розеток и т. д. (рис. 26).

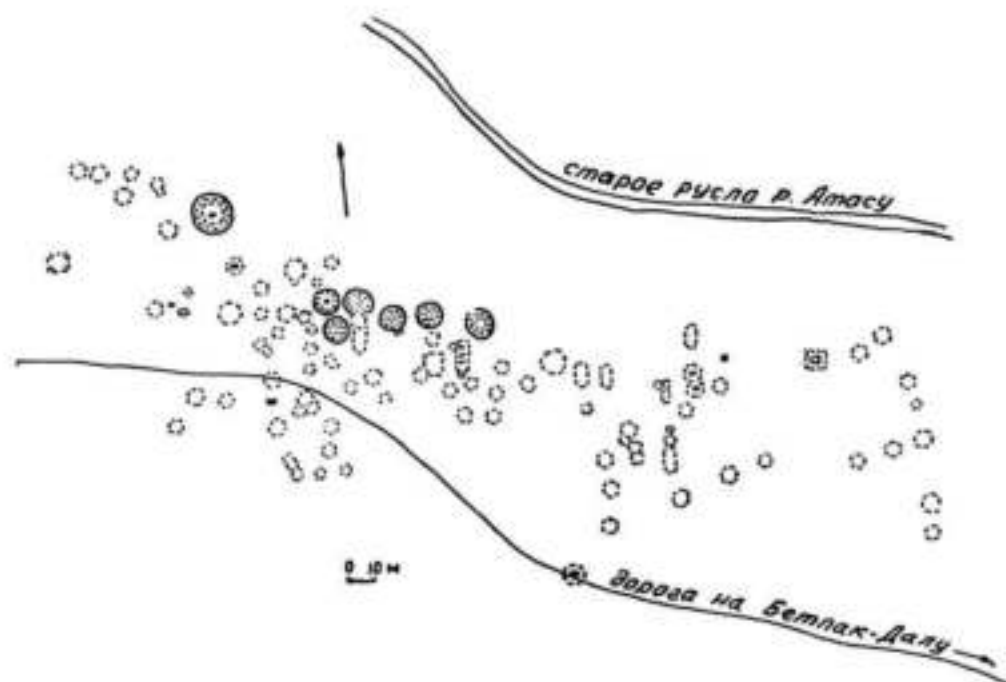

Рис. 26. План комплекса Айшрак на р. Атасу. Разные типы могильных сооружений андроновского времени.

В северо-западной части могильника де-вятнадцать курганов-оград расположены це-почкой. Каждый из них на вершине имеет выкладку из мелких плит, положе-нных плашмя. Для выкладки был употреблен белый кварц, выходы кото-рого находятся на левом берегу р. Ата-су, в горах Кабантау и Акшоки.

На вершине почти всех курганов-оград обнаружены воронки, на дне которых отчетливо видны разграбленные ящики. Внешняя ограда некоторых курганов проходит не строго по основанию насы-пи, а на некотором расстоянии от нее. Курган-ограда 12 с южной стороны имел квадратную пристройку.

При раскопке пристройки в ней найде-ны костяк подростка, захороненного в ящи-ке, головой на запад. Он лежал на левом боку, с согнутыми и прижатыми к жи-воту ногами. Кости рук почти касались лица. В северо-западном углу ящика стоял горшок.

В юго-восточной части могильника на-считывается несколько оград, выложен-ных глыбами белого кварца, обычно их девять.

В середине могильника расположены два насыпных кургана. На севере группа подходит к старому руслу р. Атасу, их разделяет расстояние в 50 м. В южной части через могильник проходит дорога в Ветпак-Далу. С помощью разведочных маршрутов по р. Атасу установили, что в долине реки имеется много могильни-ков, аналогичных описываемому. Наи-более крупные из них — Дарат, Сангру, Мыржик, Аксай, Тельжан, Косагал и особенно Уйтас (Караузек). Вполне воз-можно, что отдельные комплексы — это родовые кладбища племен эпохи брон-зы, обитавших в этих местах.

Ограды в могильниках довольно массив-ны. Плиты, образующие их, выступают на 20—50 см над поверхностью земли. Погребальные сооружения очень свое-образны и оригинальны. Для них харак-терно разнообразие форм сооружений, увеличение числа больших многокамер-ных патриархально-семейных усыпаль-ниц, и прежде всего в спаренных и двух-этажных ящиках. Захоронения в спаре-нных и двухэтажных ящиках — одна

из особенностей культуры атасуского этапа. Из раскопанных оград в семи (1—3, 6, 7, 10 и 12) было парное погребе-ние в спаренных ящиках. Почти во всех оградах могильные ящики прикрыты двумя — четырьмя гранитными плита-ми. Все это свидетельствует об обогаще-нии форм андроновской культуры Цент-рального Казахстана, о высшем этапе ее развития. Поздний андрон выступает явно не только в группе Айшрак, но и в других комплексах, расположенных в долине р. Атасу. Это позволило более развитый этап андроновской культуры Центрального Казахстана, синхронный алакульскому в других районах, выде-лить в особый, атасуский.

В 1952 г. в Атасу было исследовано 13 оград и курганов. Приведем описание пяти оград и трех курганов.

Ограда 1 овальной формы, выложена блоками белого кварца, вытянута с се-веро-запада на юго-восток. Размер ее — 5,8×4,8 м. В центре ограды находилось два больших могильных ящика из вертикально поставленных гранитных плит, ориентированных с северо-запада на юго-восток. Южная стенка первого (се-верного) ящика была общей со вторым (южным). В северном ящике в юго-восточной части, ближе к середине мо-гилы, обнаружены мелкие обломки кост-ей человека со следами сожжения и древесные угольки. Основная масса угля скопилась в юго-западном углу. Тут же найдены фрагменты тонкостенного со-суда с великолепным треугольным и меандровым орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом. Черепки вто-рого сосуда с таким же, но гладко штам-пованным рисунком обнаружены в сере-дине ящика. Длина ящика — 2 м, шири-на — 1 м и глубина — 1,2 м.

Южный ящик оказался «пустым». В нем лежало несколько мелких фрагмен-тов от донной части сосуда из северной могилы. Вероятно, они попали сюда при грабительской раскопке. Размер ящи-ка — 1,8×1 м, глубина — 1,2 м.

Ограда 2 по форме и ориентировке схо-жа с описанной. Она составлена из гра-нитных плит, врытых на ребро. Длина ее — 6,4 м, ширина — 5,2 м. В ограде

Рис. 27. Айшрак. Вид погребальной ограды 1 после снятия верхнего слоя.

были заключены два спаренных каменных ящика, вытнутых с востока на запад. В обеих могилах погребенные лежали лицом друг к другу, в скорченном положении, головой на запад.

Северный ящик большой, трапециевидной формы. Его западная стенка — 2,1 м, восточная — 1,55 м, боковые — 1,8 м, глубина могилы — 1,2 м. В ящике найдены фрагменты двух сосудов, пара височных колец, закрученных в полтора завитка и покрытых листовым золотом, обломок бронзового браслета со спиральной головкой, пронизка с вдавленным елочным орнаментом, фрагмент круглой орнаментированной бляхи-нашивки, бронзовая обойма, 11 раковин, шесть клыков хищника с отверстиями и около 200 бронзовых и стеклянных бусин, среди них одна бусина — пронизка из кости. Судя по множеству предметов украшения, здесь была захоронена женщина.

В южном ящике обнаружены фрагменты сосуда с красивым геометриче-

ским и меандровым орнаментом, выполненным мелкозубчатым штампом, и две раковины. Одна была с большим круглым отверстием посередине. Размер ящика — 1,8 × 0,97 м, глубина — 1,14 м.

Ограда 3 вытнута с севера на юг. Из плит, обрамляющих ее, сохранилась только одна, врытая в восточной части. В западной и южной частях ограды вырисовывается контур ямы на месте, где когда-то лежали плиты, теперь выкопанные местными жителями. По этим признакам можно представить форму ограды в виде прямоугольника. В ее центральной части находилось два спаренных ящика, ориентированных с запада на восток. В южном ящике обнаружены в куче кости скелета человека. В северо-западном углу могилы стоял горшок с богатым рисунком, нанесенным гребенчатым штампом. Размер ящика: северная и южная стороны — 2 м, западная — 0,95 м, восточная — 0,88 м, глубина — 1 м.

Размер северного ящика — $2 \times 0,85$ м, глубина — 1 м. В этом ящике, кроме нескольких фрагментов орнаментированного сосуда, ничего не найдено.

ломки. Два ящика (6 и 10) оказались пустыми.

Плиты, перекрывавшие сверху ящики, сохранились только в четырех могилах

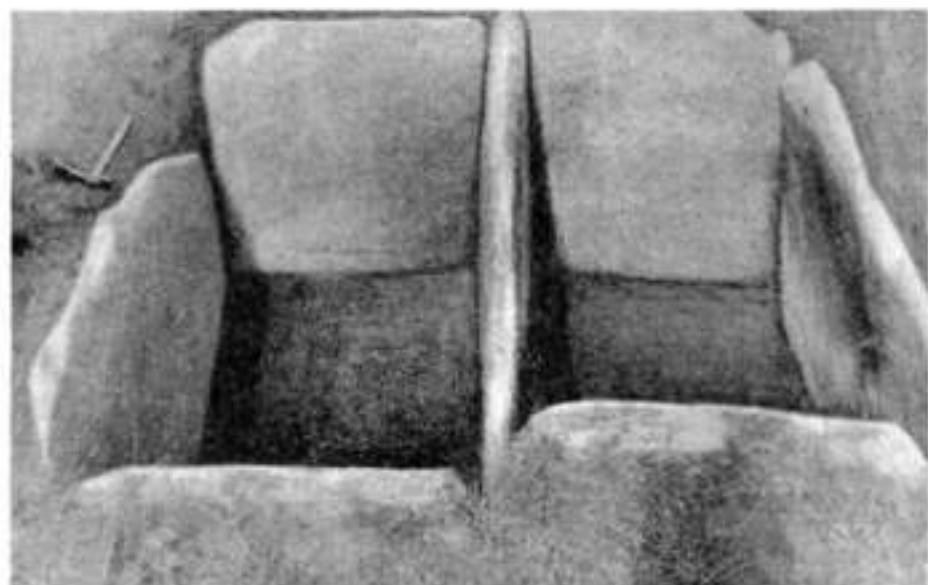

Рис. 28. Айшрак. Спаренные ящики из ограды 3.

Интересным памятником этого могильника является *ограда 4*, она прямоугольной формы, вытнута с севера на юг. Размер ее — 11×4 м.

К ограде примыкают три пристройки, из которых две находятся у западной стороны и одна, побольше — у южной. В процессе раскопки сооружения, включая и пристройки, обнаружено 10 каменных ящиков: шесть (1—6) в основной ограде, два (7, 8) в южной пристройке и по одному (9, 10) в двух западных. Все могилы, за исключением десятой, которая вытнута с севера на юг, ориентированы с востока на запад.

Положение костяка удалось установить лишь в двух могилах, в детском погребении 7 и в ящике 4. В них покойники лежали в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. В остальных ящиках собраны разрозненные кости или полустлевающие об-

(1, 3, 4, 7). Каждая из них была закрыта двумя плитами, в остальных плиты были сдвинуты грабителями и валялись около ящиков или внутри них.

Особенно богато инвентарем женское погребение 4. Размер могилы — $2 \times 1,1$ м, глубина — 1,4 м. В ней обнаружены височное кольцо спиралью, половина бронзового браслета со спиральной конической головкой, четырехгранное шило и игла, четыре привески удлиненной формы, пять бронзовых обойм, два клыка хищника, две раковины, свыше 400 бронзовых и стеклянных бусин.

Ящик 1 — самый южный в основной ограде. Его длина — 1,43 м, ширина — 0,65 м, глубина — 1,25 м. В северо-западной части найдено пять бронзовых наконечников стрел листовидной формы, два из них — от втульчатых стрел, остальные — черешковые. Еще один на-

конечник, но меньше размером, обнаружен в детском погребении 7. Кроме стрел в первом ящике встречены фрагменты сосуда, костяная поделка и полукруглая бляшка-нашивка.

Ограда заключала в себе два каменных ящика, причем южный был ориентирован с юго-востока на северо-запад, а северный — с северо-востока на юго-запад. В южном ящике была погребена жен-

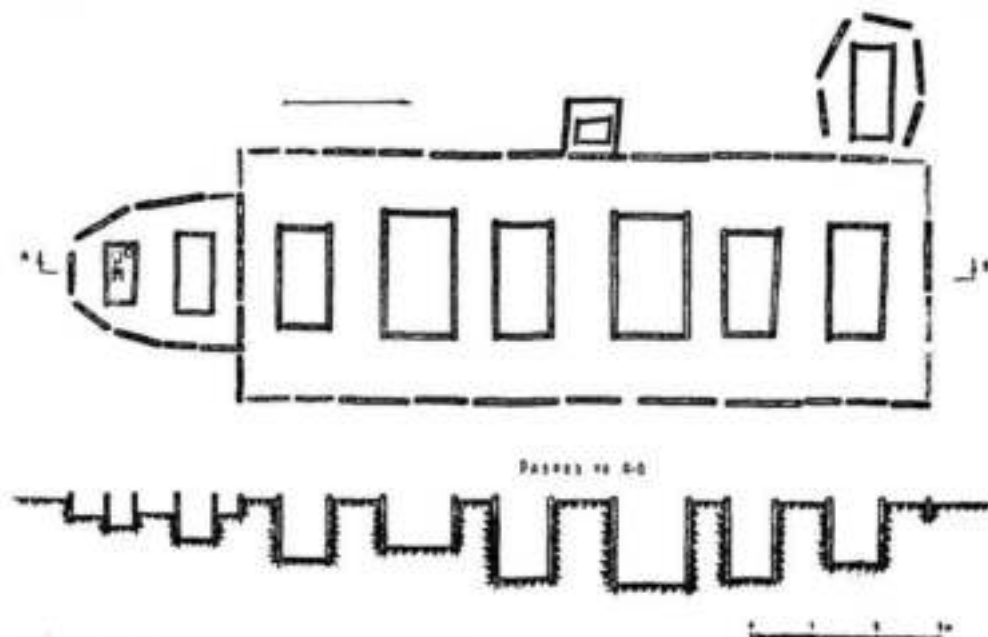

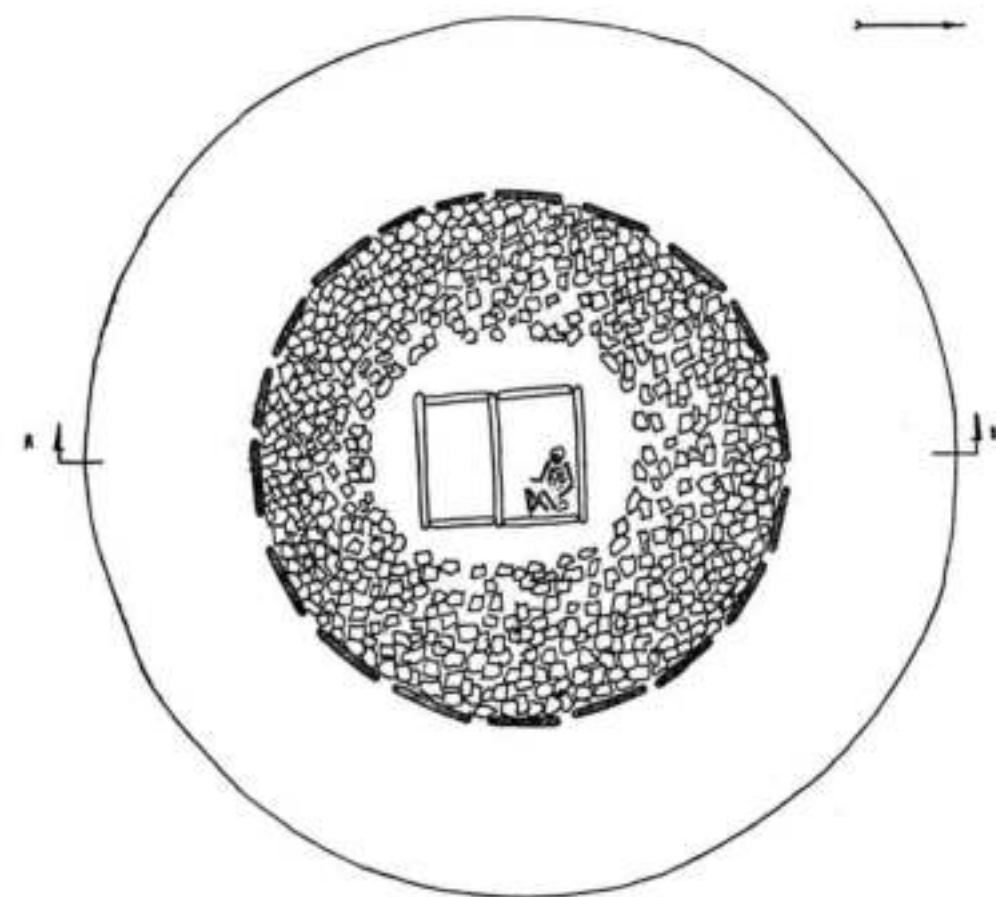
Рис. 29. Айшрак. План и разрез ограды 4.

В остальных могилах ограды кроме черепков сосудов собраны височные кольца, обтянутые золотым листом (3), головка очковидной подвески (2), три накладки (с обоймы), просверленные клыки, раковины, а также множество бусин. Всего в могилах ограды найдено 12 сосудов, все во фрагментах, кроме одного, по три в ящиках 2, 3, 5, по одному — в ящиках 1, 7, 9.

Ограда 5 имеет форму правильного круга, составленного из врытых на ребро гранитных плит. Диаметр ее — 4,3 м. При расчистке ограды прямо под дерновым слоем обнаружены фрагменты сосуда и половина бронзового браслета со спиральной головкой. Вероятно, они были выброшены при грабеже могилы. Об ограждении можно судить также по десятку гранитных плит, разбросанных по всей площади ограды.

щина, она лежала в скорченном положении, на правом боку, головой на восток. Большой обломок черепа найден в юго-западном углу могилы. В противоположном углу находился раздавленный сосуд с орнаментом из сочетаний треугольников и меандра, выполненным мелкозубчатым штампом. Основная часть скелета и другая половина черепа были не потревожены. По ним и была установлена ориентировка погребенного на восток. На костях рук сохранилось по две пары браслетов. В этом же ящике обнаружены очковидная подвеска, два бронзовых, круглых в сечении кольца (во фрагментах), раковина *Carbicula fluminalis* и трубчатые кости барана.

В северном ящике кости скелета были разбросаны по всей могиле. Здесь по-

Разрез по А-Б

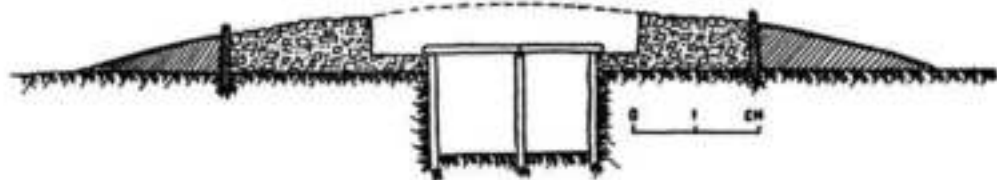

Рис. 30. Айшрах. План и разрез ограды 6.

добраны черепки двух сосудов с орнаментом и три-четыре бусины.

Курган-ограда 6, диаметр — 14,6 м, высота — 1 м. В нем находился спаренный ящик, его средняя стенка лежала на дне могилы. У северной стороны ящика, на правом боку, головой на запад, в скорченном положении, лежал костяк. Судя по инвентарю, это была женщина. У ног погребенной стоял горшок. Здесь же найдены каменная терка и костяное пряслице.

Второе пряслице, сделанное из речной гальки, обнаружено под плечевой костью правой руки. В области шейных позвонков лежало ожерелье из 20 бусин, изготовленных из перламутра, а также медистого и белого змеевика.

Кроме этих вещей в ящике находились фрагменты двух сосудов и две бронзовые скрепки, которыми, вероятно, были скреплены сосуды. Размер ящика — 1,18 × 2,70 м, высота — 1,6 м.

Курган-ограда 7, диаметр — 11 м, высота — 0,65 м. По основанию его выложена оградка из блоков кварца, на вершине имеется площадка из камня с грабительской воронкой посередине. В глубине ее видны плиты могильного ящика. Внутри него, как выяснилось, находился второй ящик. Ящики имели общую южную стенку. Северные стенки их стояли под некоторым углом друг к другу, и в промежутке между ними, в северо-восточном углу, найдена часть скелета барана. У западной стороны внутреннего ящика обнаружены трубчатые кости, копыта, зубы и позвонки коровы.

У северо-восточной стороны могилы выявлены кости ступней с фалангами пальцев и обломки голени человека, которые не были потревожены. По ним можно приблизительно установить ориентировку погребенного. Покойник лежал на спине, с вытянутыми ногами, головой на запад или юго-запад. В могиле найдены также фрагменты сосуда, ничем не отличающегося от андроновских горшков, несколько бронзовых бусин и костяная пронизка. В средней части могилы прослежен слой земли с древесным углем, толщиной до 15 см. Высота ящика — 75 см.

Курган-ограда 12 по основанию обрамлен гранитными плитами, врытыми на ребро кольцом. Диаметр кургана — 11 м, высота — 0,5 м. На вершине имеется каменная круглая площадка. К южной стороне оградки примыкает прямо-

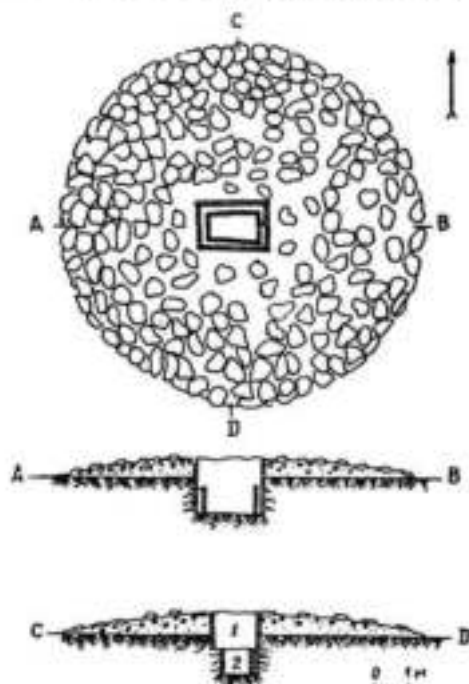

Рис. 31. Айшрак. План и разрезы оградки 7 с двухэтажными ящиками: 1 — захоронение животных, 2 — погребение человека.

угольная площадка. Захоронения произведены в двух спаренных ящиках, ориентированных с востока на запад. По-видимому, позднее в них были сооружены два внутренних ящика. Плиты, составляющие внешнюю и внутреннюю могилы, вплотную подходят друг к другу. У южных ящиков западная и восточная плиты — общие, а у северных — только одна (западная).

При расчистке северного ящика на глубине 33 см обнаружены фрагмент андроновского сосуда с меандровым и геометрическим орнаментом, нанесенным гладким штампом, и обломок черепа че-

ловека. На этой же глубине в восточном углу могилы найдена трубчатая кость. Это все, что осталось от основного погребения, которое было нарушено впускным. Костяк впускного погребения по-

костью таза. Ноги захороненного, видимо, стояли коленями вверх, но потом упали и приняли согнутое боковое положение. С левой стороны у изголовья лежали кости барана. В северо-западном

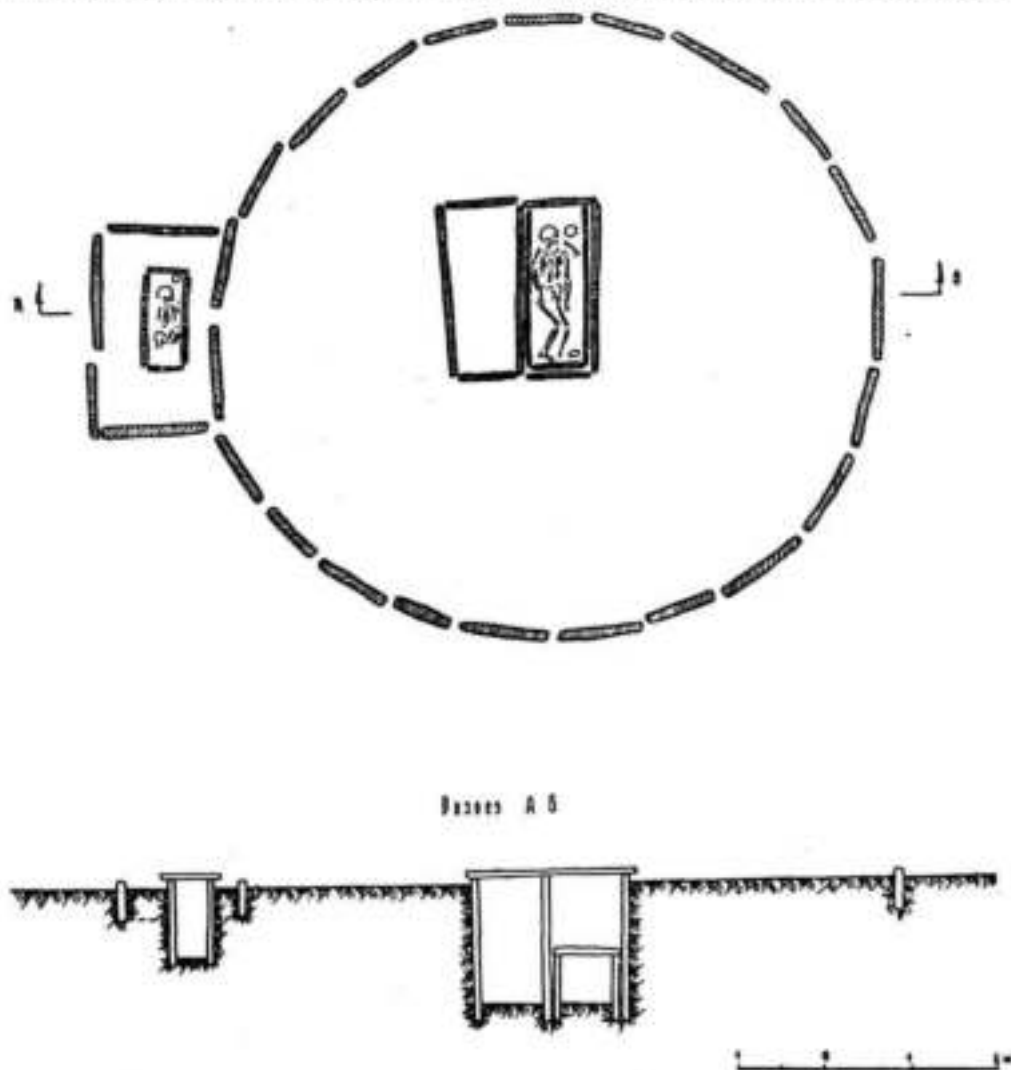

Рис. 32. Айшрак. План и разрез ограды 12.

воисла на глубине 55 см. Он лежал на спине, головой на запад. Левая рука была вытянута вдоль туловища, а правая согнута в локте, кисть ее находилась под

углу могилы стоял неорнаментированный горшок. У ног покойника найдена небольшая терка, сделанная из речной гальки.

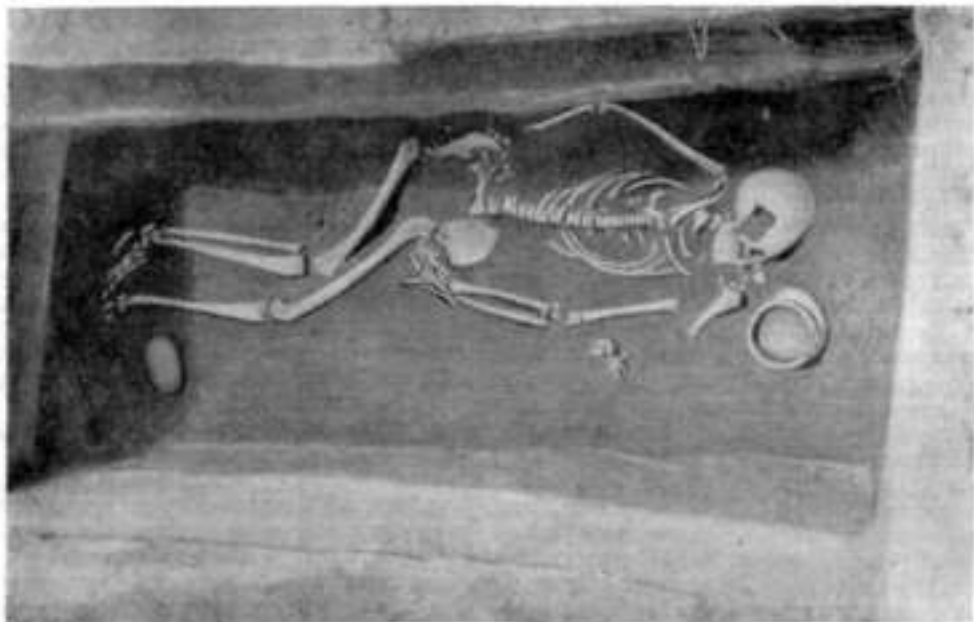

Рис. 33. Айшрак. Обряд погребения в ограде 12.

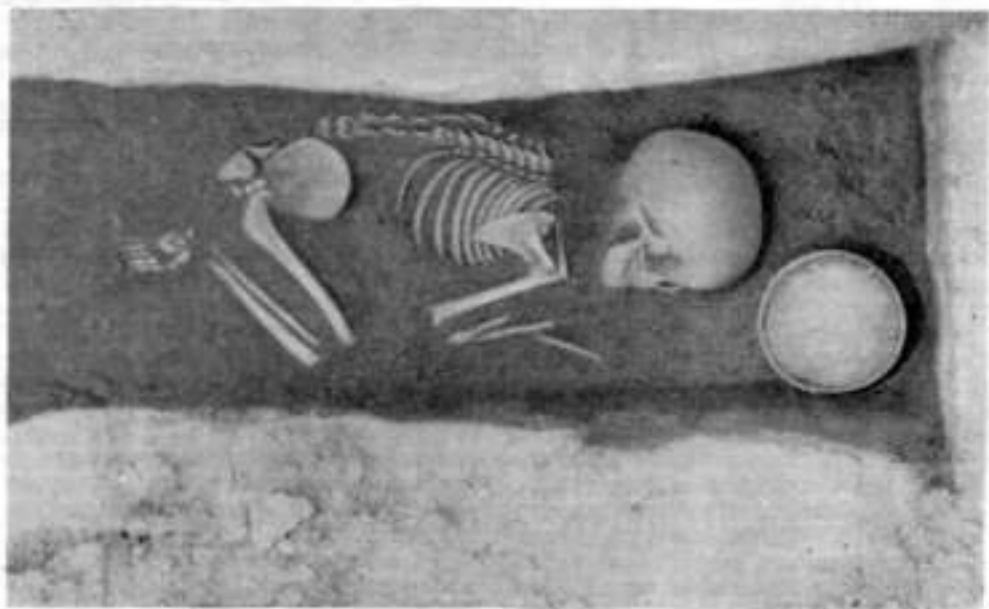

Рис. 34. Айшрак. Обряд погребения в южной пристройке ограды 12.

В южном ящике, у западной стенки, обнаружены обломок черепной кости и два позвонка человека. По всей могиле разбросаны черепки сосуда с треугольным орнаментом, выполненным мелкозубчатым штампом.

КОМПЛЕКС САНГУ II

В 1958 г. второй отряд Центрально-Казахстанской археологической экспедиции исследовал курганы в урочище Сангу II. Оно находится в 4 км от урочища Дарат Жана-Аркского района Карагандинской области и представляет собой долину, ограниченную с севера на юг невысокими гранитными увалами. Северо-восточная и юго-западная ее части заболочены. Всего в долине насчитывается пять курганов, три из них с каменными градами. Все курганы, за исключением первого, находятся в северной части долины. В 100 м к северо-западу от кургана однокомпактной группой расположен могильник эпохи бронзы, отдельные оградки которого доходят до основания кургана. Другой такой же могильник зафиксирован в 80 м к юго-западу от кургана 3.

В комплексе Сангу II раскопано четыре оградки с насыпью (1, 2, 3, 4) и три без насыпи (5, 6, 7), находящиеся у северо-западного основания кургана 1.

Приводим описание некоторых из них. Ограда 1 сооружена из плит, врытых на ребро, имеет прямоугольную форму. Длина ее с севера на юг — 10 м, с запада на восток — 6,5 м. Ограда была под насыпью ранних кочевников. Благодаря этому инвентарь погребения и покойник остались нетронутыми — редкий случай в археологической практике. В ограде обнаружено семь каменных ящичков, составленных из гранитных плит, расположенных в два ряда с СЗ на ЮВЮ. В западном ряду было четыре ящичка, в восточном — три. Ящички ориентированы длинной осью с востока на запад, с небольшим отклонением на юг. Верхние края их выступали над поверхностью на 15—20 см. Длинные стенки у основания были подперты обломками камней.

Ящик 1. Сложен из четырех отесанных плит, размер — 2×1 м, глубина — 0,8 м.

На дне, у западной торцевой стенки, лежали три глиняных сосуда: два — на боку, один — вверх дном. Один сосуд приземист, с широкой горловиной, округлым плечиком и плоским дном. Орнамент покрывает всю его внешнюю поверхность и состоит из заштрихованных треугольников, зигзагообразных полос, выполненных техникой гребенчатого штампа, желобчатых линий и вдавлений подтреугольной формы. Второй сосуд — больше размером. Венчик, шейку и верхнюю половину тулова украшает орнамент из косоугольных и равнобедренных треугольников, S-образных фигур, желобчатых линий. Затем отделка в виде цепочки мелких заштрихованных треугольников возобновляется у дна.

Третий сосуд — небольших размеров, стройнее двух первых, он не орнаментирован и имеет одно сквозное отверстие (4 мм) в нижней части венчика.

У северной стенки ящичка выявлен слой полупережженных костей погребенного (площадь 80×25 см). Среди них найдены четыре чеканные полушаровые бронзовые бляшки с отверстием в центре и по краям, две пронизки, состоящие из спаянных бронзовых бусин, и кусочек фаланговой кости животного с отверстием, сделанным с помощью двух наклонных зарубок.

Ящик 2. Сложен из четырех плит, размер — 2,2×1,1 м, глубина — 0,8 м. В западной части ящичка сохранилось перекрытие — массивная гранитная плита (1,2×0,6×0,08 м). У северной стенки ящичка обнаружен слой полупережженных костей человека (площадь 80×30 см). Других находок нет.

Ящик 3. Сложен из четырех плит, размер — 2×1,15 м. Плиты перекрытия сломаны, часть из них лежит на дне ящичка. В северо-западном углу найдены два сосуда, один разбитый. Целый сосуд орнаментирован заштрихованными треугольниками, Z-образными фигурами двух сочетаний, подтреугольными вдавлениями. Как и второй сосуд из ящичка 1, он отделан лишь в верхней половине тулова и придонной части.

Второй сосуд отличается от первого наличием уступа, отделяющего шейку от

тулова. Судя по сохранившимся обломкам, орнамент располагается на этом сосуде в той же последовательности, в какой и на первом. Он состоит из косоугольных и равнобедренных треугольников и широкой полосы гребенки, расположенной по плечико. Дно сосуда украшено меандровидной фигурой в виде свастики.

В центральной части ящика обнаружен слой полупережженных костей человека (площадь 25×10 см).

Ящик 4. Состоит из трех плит. Южная сторона открыта и примыкает к северной плите ящика 3. Размер — $1,2 \times 0,8$ м. На дне, в южной половине ящика, имелись небольшие кучки полупережженных костей. Других находок нет.

Ящик 5. Состоит из двух длинных плит, отбитых у восточного и западного концов. Торцовые плиты разрушены. Перекрытие из плит сломано и осело на дно ящика. В восточной части найдены два сломанных сосуда и бронзовая поделка непонятного назначения. Один сосуд с округлым плечиком орнаментирован заштрихованными треугольниками вершинами вверх и вниз и полосой меандровидных фигур. Отделки нет на нижней части горловины и в нижней половине тулова. Другой сосуд имеет четко выраженный уступ, отделяющий шейку от тулова. Орнамент в виде равнобедренных и косоугольных треугольников, зигзагообразных и прямых линий нанесен на шейку, верхнюю половину тулова и дно. В восточной половине ящика, на дне, в двух местах сохранились пятна от полупережженных костей человека.

Ящик 6. Состоит из трех плит. Западная торцовая плита и частично северная разрушены. Ширина ящика — 1,2 м. Перекрытие сохранилось в восточной половине ящика. У торцовой плиты найдены кости скелета человека (ребра, правая берцовая и левая бедренная кости, три позвонка) и кусочек железа, по-видимому, от пластинчатого ножа. Они попали сюда из верхнего погребения раннекочевнического времени. На дне ящика, в разных местах, лежали обломки глиняного сосуда такой же формы и с

таким же орнаментом, что и первый сосуд из ящика 5, и костяная поделка.

Ящик 7. Состоит из четырех плит, размер — $1,8 \times 1$ м. Перекрытие разрушено. На дне, у восточной торцовой плиты, стояло три глиняных сосуда. Причем самый малый находился внутри другого, неорнаментированного сосуда, с короткой шейкой, переходящей в крутое плечико. Малый сосуд — баночной формы, украшен в средней части зигзагообразной полосой вдавлений круглой палочкой и двумя линиями желобков. Третий сосуд по форме близок к первому из ящика 1. Орнамент его из равнобедренных заштрихованных треугольников вершинами вниз и вверх, двух зигзагообразных полос гребенки покрывает низ венчика и плечико сосуда. Северо-западную половину дна ящика занимает слой (площадь 80×30 см) полупережженных костей, среди которых найдены 64 плоскоцилиндрические бронзовые бусины. Других находок не обнаружено.

В результате раскопок этого памятника выявлен случай вторичного захоронения раннекочевнического времени над андроновской оградой эпохи бронзы. Процесс сооружения кургана над оградой совершался примерно следующим образом. В невысокой насыпи внутри ограды выкапывалась неглубокая могильная яма. Затем сверху сооружалась каменная насыпь, а с восточной стороны пристраивался малый курган, в котором погребали коня и ставили глиняный сосуд. Подобные находки были зафиксированы в данном захоронении.

В связи с тем, что раскопки кургана с каменными оградками дали материал двух разных эпох, были заложены три раскопа в оградах 4, 5, 6 и 7, расположенных вблизи кургана 1, для выяснения связи нижнего погребения с могильником эпохи бронзы.

Ограда 4 находится в 200 м на северо-запад от кургана 1, имеет насыпь из земли и камня, диаметром 6 м, высотой 0,4 м. Под насыпью (глубина 0,8 м) обнаружены остатки разрушенной кольцевой кладки из плашма положенных в три ряда друг на друга камней. От нее

сохранились только южная и, частично, восточная сторона. В центре кладки, на правом боку, с полусогнутыми ногами, головой на юго-запад, лежал скелет человека. Его левая рука была согнута в локте, а правая находилась под туловищем. В изголовье найдены позвонки барана. Ноги погребенного располагались у юго-восточного угла цисты прямоугольной формы (1,65×1,5 м), сложенной из плотно подогнанных, отесанных каменных плит. Толщина стенок — 0,3 м, внутри они гладкие, снаружи — неровные. Цисту перекрывали массивные каменные плиты, осевшие впоследствии на дно. На дне сооружения (глубина 1 м), в юго-восточном углу, найдены череп, бедренные и берцовые кости, кости рук и четыре позвонка. По расположению костей можно предположить, что умерший был погребен в сидячем положении. Около него стояли два глиняных сосуда изящной вазовидной формы, украшенные косугольными треугольниками, желобками, меандровидными сочетаниями и т. д.

Ограда 5 прямоугольной формы, сооружена из вертикально вкопанных плит. Ориентирована длинной осью с запада на восток, с небольшим отклонением на север. Длина оградки — 4,3 м, ширина — 3,8 м. Верхние края плит северной стороны выступают над поверхностью на 5—10 см, плиты других сторон разрушены и находятся под землей. Внутри оградки найден ящик, размер — 2×1,2×0,9 м, составленный из вертикальных плит, ориентированный в том же направлении, что и оградка. Часть перекрытия ящика осела на дно. На дне, у западной стенки, стояло три глиняных сосуда, два из них украшены. Рядом лежали два бронзовых кольца с раструбом на конце, два браслета с длинными спирально-коническими «рогами» (по три на каждом браслете), обломки бронзового лентовидного браслета и две плоские бусины.

В западной половине ящика обнаружен слой красной краски (охра) вперемежку с полусожженными костями погребенного. Один сосуд украшен по венчику равнобедренными треугольниками из

гребенки и желобком, а другой — по шейке и плечу пятью желобками, полосой косой гребенки и треугольниками вершинами вниз.

Ограда 6 круглой формы, диаметр — 3,5 м, сложена из плашмя положенных камней. Внутри оградки, ближе к южной стороне, обнаружен каменный ящик из вертикальных плит (0,8×0,7 м), ориентированный длинной осью с запада на восток. На дне (глубина 0,7 м) были разбросаны ребра, позвонки погребенного. С юго-западной стороны к оградке примыкал еще один ящик такого же размера, ориентированный длинной осью с юго-запада на северо-восток. На дне ящика (0,6 м) лежал скелет ребенка (5—7 лет), головой на запад, на спине, с поджатыми ногами, упавшими в левую сторону.

Слева от черепа стоял глиняный сосуд, орнаментированный по шейке и плечу четырьмя желобчатыми линиями и елочными оттисками гладкого штампа.

Исследованные памятники этой группы дали два конструктивно различных типа погребальных сооружений: ящики, сложенные из целых плит и окруженные оградой из вертикально вкопанных или положенных плашмя плит, и ящики, сложенные горизонтальной кладкой из каменных плит и без оград. Смешанным был и обряд погребения: неполное трупосождение и трупоположение. Глиняная посуда — в основном трех типов, с округлым и уступчатым плечиками и баночной формы. Но все же большинство сосудов — с округлым плечиком. Орнамент на сосудах выполнен в основном гребенчатым, и лишь в одном случае (ограда 6) — гладким штампом. Часть сосудов не украшена. Исходя из внешнего облика сосудов, казалось, что их надо отнести к иуринскому этапу. Они, как и сосуды из памятников Вугулы I, имеют округлые плечики, плавно переходящие в меру вздутую тулову, богатый орнамент, выполненный гребенчатым штампом, сплошным полем покрывающий шейку, плечико и иногда дно. К этой датировке склоняет и обряд погребения — трупосождение, зафиксированное в большинстве раско-

панных памятников (ящики 1—7, ограда 4). Однако сосуды этих погребений отличаются тем, что имеют уступ, четко отделяющий шейку от тулова, характерный только для керамики атасуского времени и не встречающийся в нуринской.

У посуды атасуского этапа орнамент из заштрихованных равнобедренных треугольников и различных сочетаний меандра покрывает венчик, плечико, реже — дно сосуда, а то время как у нуринской — только шейку, плечико и тулово. Обряд погребения — труположение скорченное — также получает широкое распространение в атасуское время. Особенности керамики и обряда погребения говорят о совмещении в исследованных памятниках признаков двух этапов андроновской культуры Центрального Казахстана — нуринского и атасуского.

Значительный интерес представляет и остальной инвентарь. Совершенно уникальна пара браслетов из ограды 5. Каждый из браслетов представляет собой выпукло-вогнутую пластинку с закругленными концами и конусовидными выступами в виде «рога» длиной 3,5—4 см.

В каждый браслет вкладывалась еще одна выпукло-вогнутая пластинка с таким же конусовидным выступом, но только на одном конце. Получившийся таким образом двупластинчатый браслет, третий «рог» которого находился в промежутке между окончаниями внешней пластины, имел три конусовидных выступа. Подобных браслетов с двумя конусовидно-спиральными завитками собрано немало. Особенно их много в Казахстане. Несколько браслетов найдено в Центральном Казахстане (Айшрак, ограда 4), в Западном Казахстане (погребения по рекам Киргильды и Терекле)¹, в Восточном (Семиралатинская область, ур. Малый Койтас)². Такие же браслеты обнаружены Б. В. Соколовым

и О. А. Кривцовой-Граковой в Алексеевском могильнике³.

Бликие к ним по форме браслеты найдены также В. Н. Граковым близ г. Орска, а К. В. Сальниковым и П. Д. Рау — в Челябинской и Саратовской областях⁴. Аналогий можно привести еще много. Упомянем лишь браслет с конической спиралью из Томского могильника⁵ и напомним о широком распространении в могильниках кобанской культуры на Северном Кавказе спиралевидной техники украшений различных предметов, в том числе и браслетов⁶.

Все браслеты, за немногим исключением, изготовлены сходным техническим приемом: это отковка на твердой основе и вытягивание концов в спираль, обладающую амортизирующим свойством. Такими были кобанские, алексеевские, атасуские, киргильдинские, малокойтаские, алакульские и другие браслеты. Пластинки сангрусских браслетов обработаны подобным техническим приемом, но концы сглажены. Они в монолите были вытянуты на конус, ковкой округлены, а затем украшены неглубоким желобком, имитирующим спираль. Однако эти окончания, выполняя ту же декоративную роль, что и спиральные концы, утяжеляли браслеты и придавали им грубый вид.

Единственной, наиболее близкой по технике изготовления аналогией сангрусского браслета являются браслеты, найденные в погребении у с. Исхандер, в верховьях р. Чирчик⁷.

М. Э. Воронец датирует эти браслеты XII—XI вв. до н. э.⁸ Примерно к этому же времени относятся браслеты со спи-

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, 1948, стр. 111, рис. 37, 1, 2.

² Там же, стр. 109.

³ А. В. Адрианов. Томский могильник. «ОАК», 1899, рис. 31.

⁴ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. «Материалы по археологии Кавказа», 1900, т. VIII.

⁵ М. Э. Воронец. Браслеты бронзовой эпохи музея истории Академии наук Узбекской ССР. «Труды ИИА АН УзССР», т. 1, 1948, стр. 66, рис. 1.

⁶ Там же, стр. 66.

¹ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казах». Л., 1927, стр. 205, рис. 24, 1.

² Там же, стр. 209, рис. 25, 5.

ральными завитками. Сангрусские браслеты, вероятно, более древние и датируются атасусским этапом андроновской культуры Центрального Казахстана.

Новые находки свидетельствуют о бытовании в андроновское время двух типов браслетов: со спиральными завитками и «рожками». Насколько последний вариант широко распространен, покажут дальнейшие исследования. Во всяком случае, в Центральном Казахстане и в районе Ташкента они имели хождение.

Бронзовые серьги с раструбом на конце, найденные в ограде 5, — типичное украшение андроновских племен. Они известны в Северном⁹, Западном¹⁰ Казахстане, на Оби и в Хакасии. Этот тип украшений, являясь наиболее ранним, встречается, как правило, в погребениях с керамикой нуринаского этапа¹¹. Остальной инвентарь (круглые нашивные бляшки с выдавленным орнаментом, браслеты без роговидных выступов, плоские, спаянные вместе бусы) более характерен для атасусского этапа эпохи бронзы.

Обряд погребения, анализ сопровождающего инвентаря показывают, что захоронения могильника Сангру II трудно датировать тем или иным этапом. Хронологическая амплитуда их колеблется в пределах позднекурунского и раннеатасусского времени.

КОМПЛЕКС ВЫЛКЫЛДАК I

Могильник находится на левом берегу р. Вылкылдак, в верховьях р. Талды-Нуры, в 35 км на северо-восток от пос. Аксу-Аулы Карагандинской области.

Группа исследована в 1951 г. В ней насчитывается 70 оград, сооруженных в виде кругов и овалов из гранитных плит, врытых на ребро, без насыпи, и отдельных ящичков без оград. Плиты выступают над дневной поверхностью на 10—40 см. Среди оград имеется несколько больших

оград прямоугольной формы с пристройками.

К северо-западной и юго-восточной сторонам могильника примыкают два кургана с каменной насыпью. Один из них, расположенный на юго-востоке, — так называемый курган «с усам». В 20 м на запад от основного могильника находится шесть оград, как бы составляющих отдельную группу. Они отличаются от остальных как внешним видом погребальных сооружений, так и обрядом захоронения и инвентарем. Эти ограды представляют собой концентрические круги, выложенные из плит гранита, положенных плашмя.

За полевой сезон 1951 г. в основном могильнике Вылкылдак I было вскрыто 14 оград и один курган «с усам». Мы дали подробное описание девяти оград (1, 2, 4, 5, 8—10, 12, 14), они выделяются среди других более ярким и интересным инвентарем.

Ограда 1 имеет форму почти правильного круга, составленного из гранитных плит, врытых на ребро. Диаметр ее с севера на юг — 4 м, с запада на восток — 4,5 м. В северо-западной части ограды, на глубине 40 см, обнаружен крупный фрагмент сосуда. Погребение совершено в деревянной раме из четырех плах, ориентированной с запада на восток. Размер рамы — 2×1 м, высота — 1 м. Она находится в грунтовой яме прямоугольной формы. Пространство между стенками ямы и сторонами рам заполнено небольшими каменными блоками. Могила разграблена, поэтому кости таза, ног, позвонки, ребра валялись в беспорядке в центре могилы. Здесь же стояло два горшка, один из них орнаментирован зубчатым штампом. Кроме этих сосудов найдены фрагменты еще нескольких горшков. Внешняя поверхность их покрыта толстым слоем сажи. На одном из черепков имеется отверстие, служившее для подвешивания горшка над костром. Плоское дно одного из сосудов украшено прорезью в виде елочки.

Ограда 2 по конструкции могильной ямы и положению костяка повторяет ограду 1. Она овальной формы, вытянута с севера на юг на 4,6 м и с запада на

⁹ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, табл. V, 14, а; 20.

¹⁰ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи..., стр. 209, рис. 25, 7.

¹¹ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан..., стр. 250.

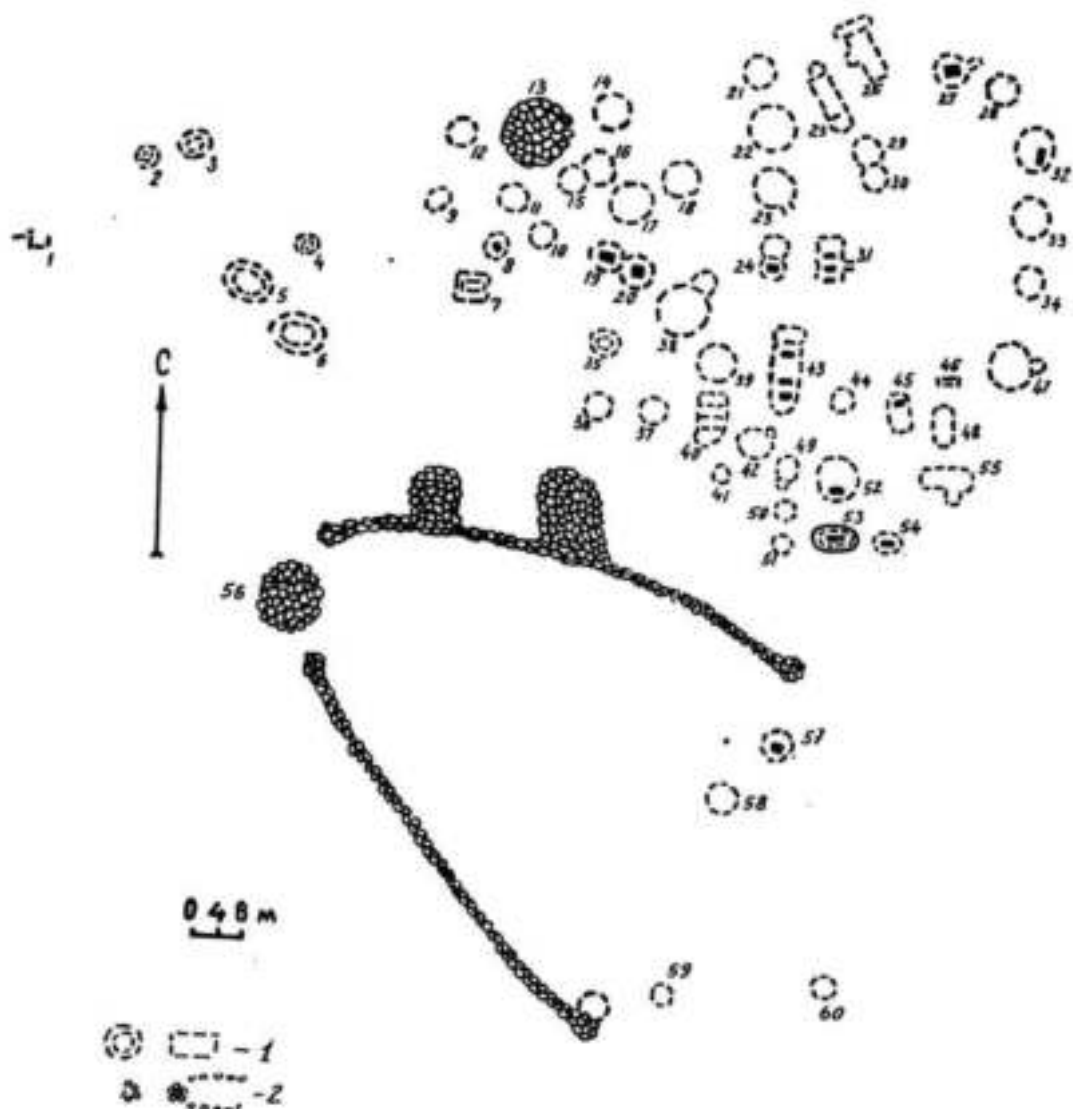

Рис. 35. План комплекса Былтыддан I в долине р. Талды-Нур.

восток — на 4,1 м. В могиле кроме костей человека обнаружены часть деревянной пуговицы с круглым отверстием посередине, костяное кольцо, обломок бронзовой накладки и фрагменты трех сосудов. Стенки горшков покрыты сажей и у одного на шейке имеются круглые отверстия для подвешивания над огнем.

Все сосуды орнаментированы в виде треугольников, ломаных линий, каннелюр и насечек.

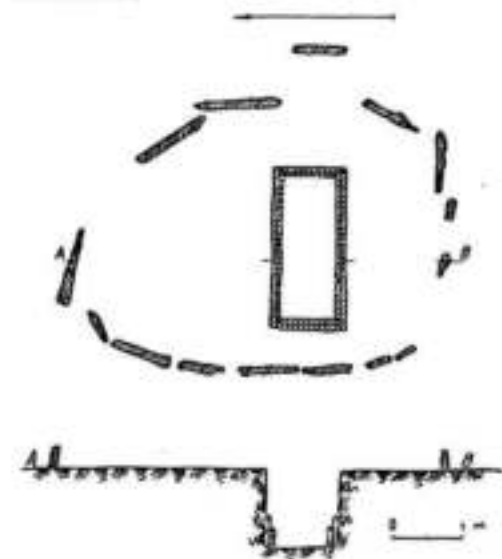

Рис. 36. Вылымдан I. План и разрез ограда 2.

Ограда 4 овальной формы, сооружена из крупных гранитных плит, установленных на ребро, вытянута с запада на восток. Ее диаметр — 3,70 м. В центре находилась грунтовая камера, ориентированная с запада на восток. Она была облицована деревянной рамой, о чем свидетельствуют истлевшие остатки бревна. При расчистке камеры, на глубине 70 см, обнаружена лобная часть черепа. На дне ее найдены три горшка, которые отличаются друг от друга формой и орнаментом. Орнаментальная композиция сосудов очень своеобразна.

Один горшок — небольшого размера, высота — 12 см, диаметр дна — 6 см. Боль-

шая часть венчика и шейки отбита, хорошо сохранилась лишь одна сторона. Сосуд сделан из красной глины с примесью мелкозернистого песка. Вся поверхность его покрыта размашистым геометрическим узором, нанесенным зубчатым штампом в виде треугольников, полос и зигзагов с насечками. Второй горшок больше, несколько вытянут, высота — 18 см, диаметр венчика — 18 см. Орнамент расположен зонами: на шейке — зигзаги, на плечике — три пунктирные линии, на тулове — фестоны, около дна — треугольники вершинами вверх. Наиболее интересен третий горшок. Он был раздавлен плитой. Его высота — 25 см, диаметр дна — 14 см. Край венчика сильно отогнут наружу, горшок с уступом. Поверхность сосуда почти вся украшена геометрическим орнаментом, выполненным линейным штампом. Орнамент размещен зонально: по венчику идет цепочка ромбических мотивов, затем миниатюрные треугольники, обращенные вершинами вверх, по шейке — меандры, по плечу — два ряда миниатюрных треугольников вершинами вверх, по тулову — два ряда размашистых зигзагов и около дна расположен один ряд заштрихованных треугольников вершинами вверх. Промежутки в ромбической цепочке, в зигзагах и треугольных рядах заполнены особыми линиями. На тулове горшка имеется своеобразный рисунок.

Кроме керамики, других предметов не обнаружено.

Ограда 5 округлой формы, сооружена из каменных плит, поставленных на ребро. Размер ее с юго-востока на северо-запад — 3,09 м, с северо-востока на юго-запад — 3,90 м. Внутри ограды, на глубине 25 см, в северо-западном углу, обнаружен небольшой сосуд, лежавший вверх дном. На его венчике имеется орнамент из ромбической цепочки, а на нижней части шейки — ряд заштрихованных треугольников вершинами вверх. Под ними шли два ряда каннелюр, далее ряд заштрихованных треугольников вершинами вниз. В месте перехода шейки в тулово сделан уступ. Венчик горшка слегка отогнут наружу, диаметр

венчика — 13,5 см, диаметр дна — 7 см, высота — 14 см. У юго-западной стены ящика найден другой почти целый сосуд, орнаментированный двумя рядами заштрихованных треугольников. Один ряд треугольников расположен вершинами вниз, другой — вершинами вверх.

падном углу ограды, прямо под дерновым слоем, обнаружены фрагменты раздавленного сосуда, в котором, очевидно спустя какое-то время после захоронения, была принесена дополнительная пища покойникам. Сосуд имеет баночную форму, орнаментирован гладким

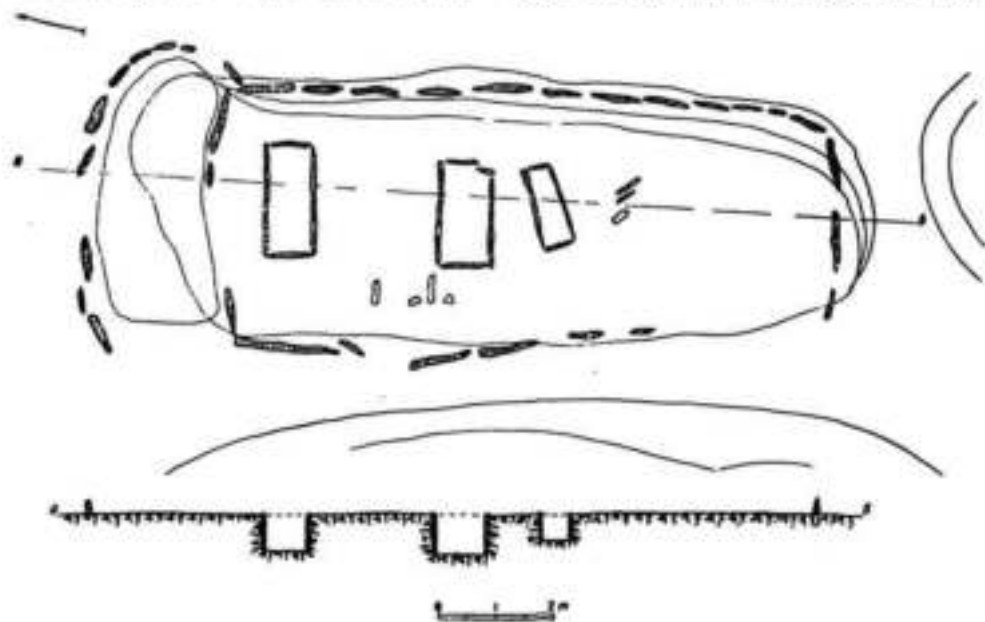

Рис. 37. Былхидан I. План и разрез адроновской многокамерной ограды 8.

На дне ящика лежали кости нижних конечностей погребенного. Судя по их положению, человек был захоронен скорченным, на левом боку, головой на запад. Размер ящика: длина — 2 м, ширина — 1,20 м, высота — 1 м. Ориентирован с востока на запад.

Ограда 8 относится к многомогильным сооружениям, как и ограды 10 и 14. Она имеет форму прямоугольника с закругленными углами и вытянута с севера на юг. Размер ее — 14×4,5 м. К северной стороне ограды примыкает овальная пристройка. Внешние очертания памятника воспроизводят вскрытые на ребро гранитные плиты. В ограде имеется три захоронения в каменных ящиках. Костяки не сохранились, за исключением отдельных мелких обломков. В юго-за-

пштампом в виде геометрических узоров. На венчике размещены заштрихованные треугольники вершинами вниз, ниже треугольников — анзаги. Рядом с этим горшком найдены еще три горшка, по форме и орнаментации совершенно тождественные первому. В трех могилах зафиксировано 17 сосудов, из них 9 целых. Все сосуды — баночного и горшечного типа, причем преобладает баночный тип (64 проц.).

Кроме посуды в ящиках были бронзовые изделия, преимущественно предметы украшения: две круглые орнаментированные бляхи с отверстием для прикрепления к одежде, спиральное височное кольцо и обойма, покрытые листовым золотом, и множество бронзовых и пастовых пронизок и бусин.

Четвертый ящик этой ограды, находившийся в пристройке, пострадал от грабителей, в нем ничего, кроме мелких фрагментов сосуда, не обнаружено.

Ограда 9 представляет собой кольцо из врытых на ребро плит, диаметр ее с севера на юг — 3,65 м, с востока на запад — 3,9 м. К южной стороне ограды примыкает второй круг, но несколько меньший размером. Диаметр его с севера на юг — 2,8 м, с востока на запад — 3,1 м.

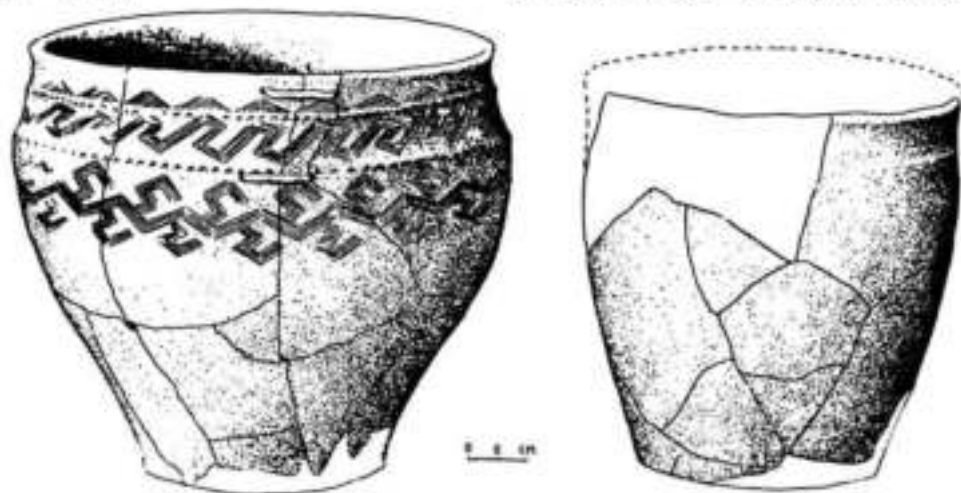

Рис. 38. Былмылдак I. Керамика из оград 6 и 9: левый сосуд — ограда 9, правый — ограда 6.

В большой ограде покойник захоронен в прямоугольной грунтовой яме. Как можно судить по костям ног и таза, он лежал на левом боку, с согнутыми ногами, головой на запад.

В южной пристройке человек погребен в каменном ящике. Определить положение костяка не удалось, так как кости скелета были разбросаны по всей могиле. Среди них подобрано несколько бронзовых и «стеклянных» бусин. Размер каменного ящика: длина — 1,7 м, ширина — 0,8 м, высота — 0,9 м. Всего в обеих могилах найдено семь сосудов: четыре в северной яме и три в южном ящике. Два сосуда в местах трещин стянуты медными скрепками. Почти на всех сосудах орнамент нанесен линей-

ным штампом, в узорах преобладают косые, заштрихованные треугольники, меандры, фестоны.

Ограда 10 — сложное сооружение из гранитных плит, врытых на ребро. Она состоит из сравнительно большой центральной ограды квадратной формы, к которой с четырех сторон примыкает по одной пристройке, имеющей форму полукруга, что придает сооружению в плане крестообразный вид. Размер ограды с севера на юг — 10,8 м, с востока на

запад — 11 м. Из всего комплекса были раскопаны центральная ограда, северная и южная пристройки. Западная и восточная пристройки несколько потревожены, а потому остались неисследованными. Раскопкой установлено, что в каждой ограде имелось по одному погребальному ящику.

Наиболее крупной является центральная ограда (4,2 × 3,4 м), в ней каменный ящик, самый большой по размеру (250 × 110 см). Он сделан из четырех цельных хорошо обработанных плит, плотно пригнанных друг к другу. При расчистке его обнаружен плохо сохранившийся череп лошади. В могиле южной пристройки найдена лопатка. В ящиках собраны фрагменты восьми сосудов и не-

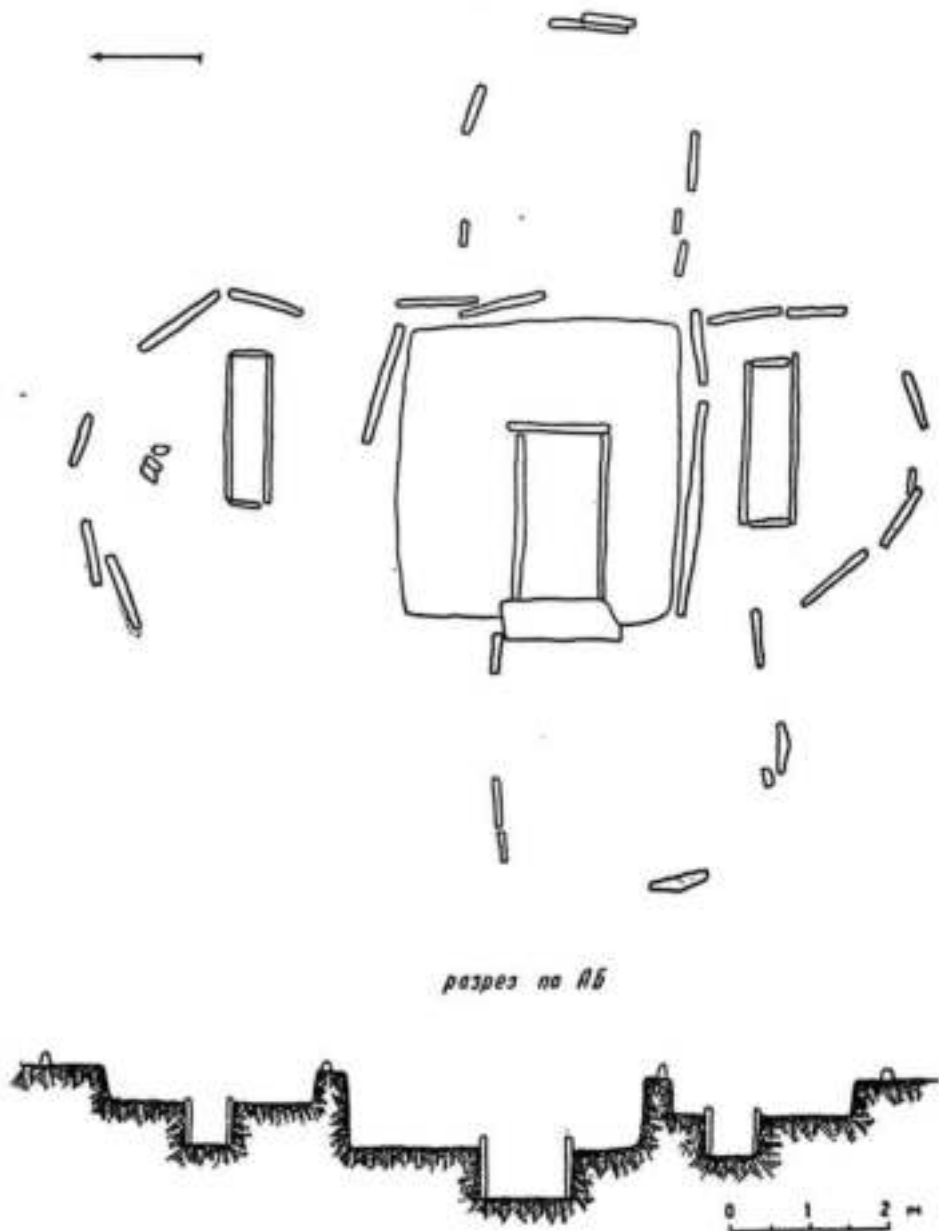

Рис. 39. Выжмылек I. План и разрез ограды 10.

сколько бронзовых и «стеклянных» бусин. Кости погребенных истлели, поэтому встретились лишь мелкие бесформенные обломки. Исходя из характера и формы сооружения, в центральной ограде, вероятно, был погребен глава большой патриархальной семьи, а в пристройках — его потомство.

Ограда 12 круглой формы, сооружена из больших гранитных плит, установленных на ребро. Диаметр с запада на восток — 6,6 м, с юга на север — 6,8 м. Плиты ограды выступают над поверхностью земли на 10—65 см. В середине ее, ближе к южному краю, выявлен каменный ящик, ориентированный с запада на восток. Размер его — 1,1×1,85 м, высота — 75 см. Ящик перекрыт гранитными плитами строго прямоугольной формы. В нем обнаружены истлевший человеческий скелет, много пастовых и бронзовых бусин цилиндрической формы. Здесь же найден большой глиняный сосуд, орнаментированный геометрическим узором, состоящим из косых треугольников, обращенных вершинами вниз, цепочкой ромбических фигур и т. д. Орнамент выполнен гребенчатым штампом.

Ограда 14 имеет форму прямоугольника, сложена из массивных гранитных плит, поставленных на ребро, вытянута с севера на юг на 6,7 м, с запада на восток — на 4,5 м. К западной и восточной сторонам ее пристроены небольшие ограды, напоминающие вход в жилище.

После снятия верхнего слоя земли показали очертания трех каменных ящиков трапецевидной формы, ориентированных с северо-востока на юго-запад.

Ящик 1 (северный) — самый большой из них и имеет размер 2,57×1,27 м, высоту 0,8 м. Его восточная часть несколько уже западной, головная равна 1,15 м. Ящик составлен из четырех пригнанных друг к другу плит. В нем кроме разрозненных костей и их обломков обнаружены фрагменты толстостенного сосуда с резным орнаментом, три клыка хищника, окрашенные в красный цвет, с отверстиями на одном конце, и бронзовая ребристая пронизка.

Ящик 2 (центральный) составлен, как и первый, из четырех гранитных плит. Длина его — 1,9 м, ширина — 0,95 м. В нем найдены разрозненные кости подростка и около десятка бронзовых бусин.

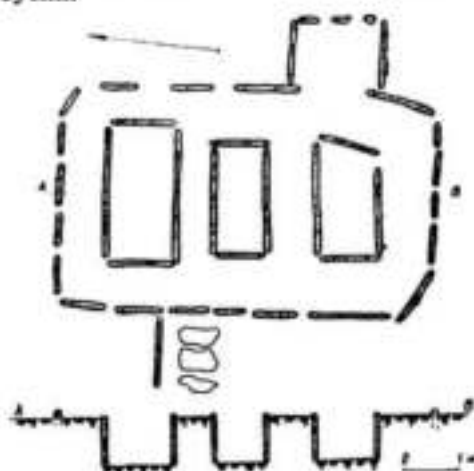

Рис. 40. Выкладан I. План и разрез ограды 14.

Ящик 3 (южный), длина — 1,98 м, ширина западной части — 1,13 м, восточной — 1 м. В ящике кроме отдельных обломков костей человека лежали два раздавленных орнаментированных сосуда, клык волка, окрашенный в красный цвет, и раковина *Carbicula fluminalis*. В центральной части ящика, ближе к его западной стороне, обнаружен бронзовый обоюдоострый кинжал с кованым черешком, приспособленным для насадки на рукоятку. Кинжал имел продольный валик длиной 15 см, шириной 3,4 см.

Кроме этих оград была раскопана еще одна концентрическая выкладан из группы, расположенной к западу от основного могильника. Погребенный находился в каменном ящике, ориентированном с юго-востока на северо-запад. Сверху ящик прикрывали две большие гранитные плиты. Костяк покоился на спине, с вытянутыми ногами, головой на запад. Правая рука была согнута в локте и пальцы касались скелета барана, лежавшего у северной стенки ящика.

Табл. VII. Керамика комплекса Вылымдан I: 1 — ограда 1; 2 — курган 2; 3—4 — ограда 2; 5 — ограда 6.

В северо-западном углу стоял горшок грубой, небрежной работы с орнаментом из парных вдавлений палочкой по тулову. Поперек бедренной кости покойника была положена баранья лопатка со сле-

кылдак I, в 600 м от него. В группе насчитывается 60 сооружений, преимущественно в виде круглых, овальных и прямоугольных оградок, составленных из плит гранита, врытых на ребро. Пли-

Табл. VIII. Керамика из комплекса Вылкылдак I, ограда 8.

дами изношенности от долгого употребления. Как известно, баранья лопатка была принадлежностью шаманов. Они пользовались ею при гадании. Перед лобной частью черепа стояли две небольшие каменные ступки, которые, видимо, употреблялись для растирания красок.

Несомненно, погребения в концентрических выкладках не имеют ничего общего с захоронениями основного могильника Вылкылдак. По-видимому, они более позднего происхождения. Интересно, что поздние обитатели степей Центрального Казахстана часто заимствовали обряд погребения у племен эпохи бронзы (каменные ограды, ящики, ориентировка головой на запад).

КОМПЛЕКС ВЫЛКЫЛДАК II

Могильник расположен на правом, возвышенном берегу р. Вылкылдак (или Казангай), напротив могильника Выл-

ты выступают над дневной поверхностью на 5—20 см. Многие из них взяты местными жителями на хозяйственные нужды. За два полевых сезона раскопано семь могил: в 1951 г.—1—3 и в 1952 г.—4—7. Приведем подробное описание пяти оград (1—4 и 7).

Ограда 1 круглой формы, сооружена из гранитных плит, поставленных на ребро. Она имела незначительную насыпь, диаметр — 5,75 м. В центре ограды находился каменный ящик, характерный для андроновского времени Центрального Казахстана. Плиты его хорошо обтесаны. Размер ящика — 2×1,2 м, высота — 0,85 м. Длинной осью он ориентирован с востока на запад. В ящике обнаружены скорченный костяк человека на левом боку, бронзовая подвеска с орнаментом в виде звездочки и целый сосуд. Ниже шейки сосуд украшен четырьмя прочерченными полосками.

Ограда 2 представляет собой правильный круг, диаметр ее — 5 м. Она обозначена врытыми плитами, которые выступают над поверхностью на 30—70 см. Погребение совершено в каменном ящике, закрытом тремя массивными гранитными плитами. Могила ориентирована с востока на запад. После снятия дернового слоя у западной стенки ящика обнаружены череп лошади и кости передних ног. Внутри ящика были найдены мелкие обломки костей — остатки костяка человека, фрагменты двух орнаментированных гладким штампом сосудов с уступом на плечике.

Ограда 3 обрамлена врытыми на ребро плитами. Имеет форму овала, вытянутого с востока на запад на 5,8 м и с севера

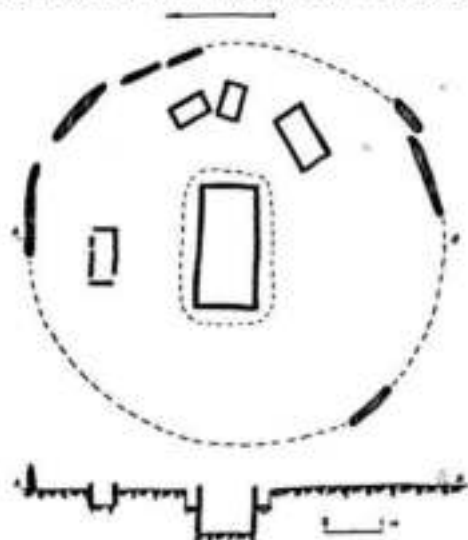

Рис. 41. Выкмыдак II. План и разрез ограды 7.

на юг — на 5 м. Плиты ограды выступают над поверхностью на 25—75 см. В южной части выявлен каменный ящик размером 1,53×0,55 м. В нем головой на юго-запад лежал скорченный костяк ребенка. Перед его лицом, в северо-западном углу могилы, стояло два небольших сосуда с красивым, расположенным зонально зубчатым орнаментом. Дно одного из них украшал рисунок свастики, выполненный тем же штампом. Оба

горшка были с небольшим поддоном и на грани плечика имели уступ. У одного горшка орнамент на шейке состоял из цепочки ромбиков и треугольников вершинами вниз. Треугольники украшали также плечики и дно сосуда. У второго горшка орнамент был более сложный. По шейке и плечикам размещались парные треугольники вершинами вниз (или двойные флажки), по тулову — меандры, у дна — каннелюры.

Ограда 4 имеет форму овала, вытянутого с запада на восток на 3,6 м. Со всех сторон, за исключением северо-западной, она обставлена каменными плитами, выступающими над поверхностью на 30—55 см. Могильный ящик, выявленный в ней, был ориентирован с юго-запада на северо-восток, сверху юго-западный и северо-восточный концы его прикрывали две гранитные плиты. В ящике обнаружены обломки человеческого черепа, пропитанные окисью меди, фрагменты двух орнаментированных сосудов, несколько силикатных, или так называемых стеклянных, бусин, бронзовая обойма и две лапчатые подвески, вырезанные из тонкой листовой бронзы.

К свободной от плит части ограды примыкали еще два ящика, вырисовывающиеся на поверхности земли. Они были ориентированы с запада на восток. Влишний к ограде содержал детское погребение (размер 74×35 см). Никаких предметов материальной культуры в нем не обнаружено. В другом ящике собрано несколько фрагментов грубо изготовленного сосуда с двойной каннелюрой на шейке.

Ограда 7 представляет собой большое кольцо из врытых на ребро плит, выступающих над поверхностью на 30—40 см. Диаметр ее — 7,2 м. На площади ограды прослеживаются плиты пяти каменных ящиков. В центре находился большой ящик (размер 2,4×1,1 м), с северной и восточной сторон его веером располагались четыре детских ящика. Размеры самого большого и самого малого ящика такие: 1,14×0,5 м и 0,6×0,4 м.

В центральном ящике обнаружены фрагменты двух сосудов и трубчатая кость

лошади. Оба сосуда — баночной формы с орнаментом в виде цепочки ромбов, фестонов треугольника, каннелюр, нанесенных гладким штампом. В двух детских ящиках найдено также по два сосуда, остальные оказались «пустыми», если не считать двух бусин в одном из них.

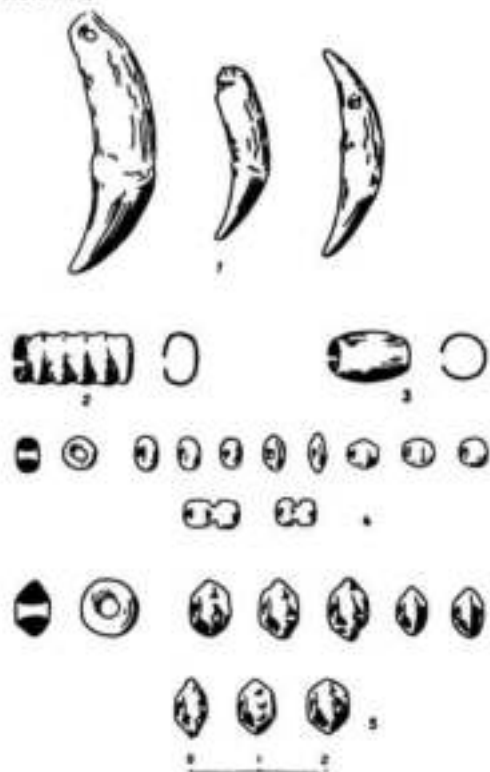

Табл. IX. Украшения андроновского времени: 1 — сверленные клыки хищника, 2—5 — бронзовые бусины, Вылкылдак I, ограда 14.

Таким образом, ограда 7 относится к многокамерным семейным сооружениям. Но она, как мы видели, отличается от аналогичных памятников, исследованных в других могильниках, в частности в Вылкылдаке I. Обычно подобные сооружения являются семейными усыпальницами и выделяются среди других размером, формой, а также богатством инвентаря. В этом же могильнике установить разницу между ограда-

ми трудно. Вероятно, в ограде 7 была захоронена мать со своими детьми. Если учесть размер ящичков, то в них были погребены дети разного возраста. Разная глубина могил и отклонения от обычной ориентировки говорят о разновременности захоронений.

КОМПЛЕКС ВЫЛКЫЛДАК III

Могильник находится также на правом берегу реки, в 500 м к востоку от Вылкылдака II. Состоит из 10 круглых каменных оградок. В 1951 г. здесь были раскопаны ограды 1 и 2, а в 1952 г. — 3 и 4.

Устройство погребений ничем не отличается от сооружений соседнего могильника. Все ящички, за исключением детского захоронения (ограда 2), были закрыты каменными плитами.

Дадим описание оград 1 и 3.

Ограда 1 имеет форму овала, вытянутого с севера на юг на 4 м и с востока на запад — на 3,3 м. Она выложена плитами, некоторые из них отсутствуют. При снятии дернового слоя, около восточной стенки ящичка, обнаружен раздавленный сосуд без орнамента. Ящичик размером 1,7×0,8 м ориентирован с востока на запад. При расчистке его найдены фрагменты еще одного сосуда, орнаментированного в верхней части венчика косыми вдавлениями, круглая бронзовая бляха, пара спиральных головок от очковидного браслета или перстня, фрагменты бронзового кольца, три клыка хищника, окрашенные в красный цвет, и несколько десятков пронизок.

Ограда 3 обрамлена гранитными плитами, крытыми на ребро. Диаметр ее — 5,3 м. Погребальный ящич с западной стороны покрыт одной плитой, с восточной — двумя. Размер его — 2×1 м. В нем кроме разрозненных костей человека найдены большой фрагмент сосуда, орнаментированный мелкозубчатым штампом в виде треугольников и меандровых узоров, спиральная головка очковидного браслета, несколько бусин и небольшой кусочек меди.

Ни в одной из могил положение костяка определить не удалось, так как встречались лишь мелкие обломки костей.

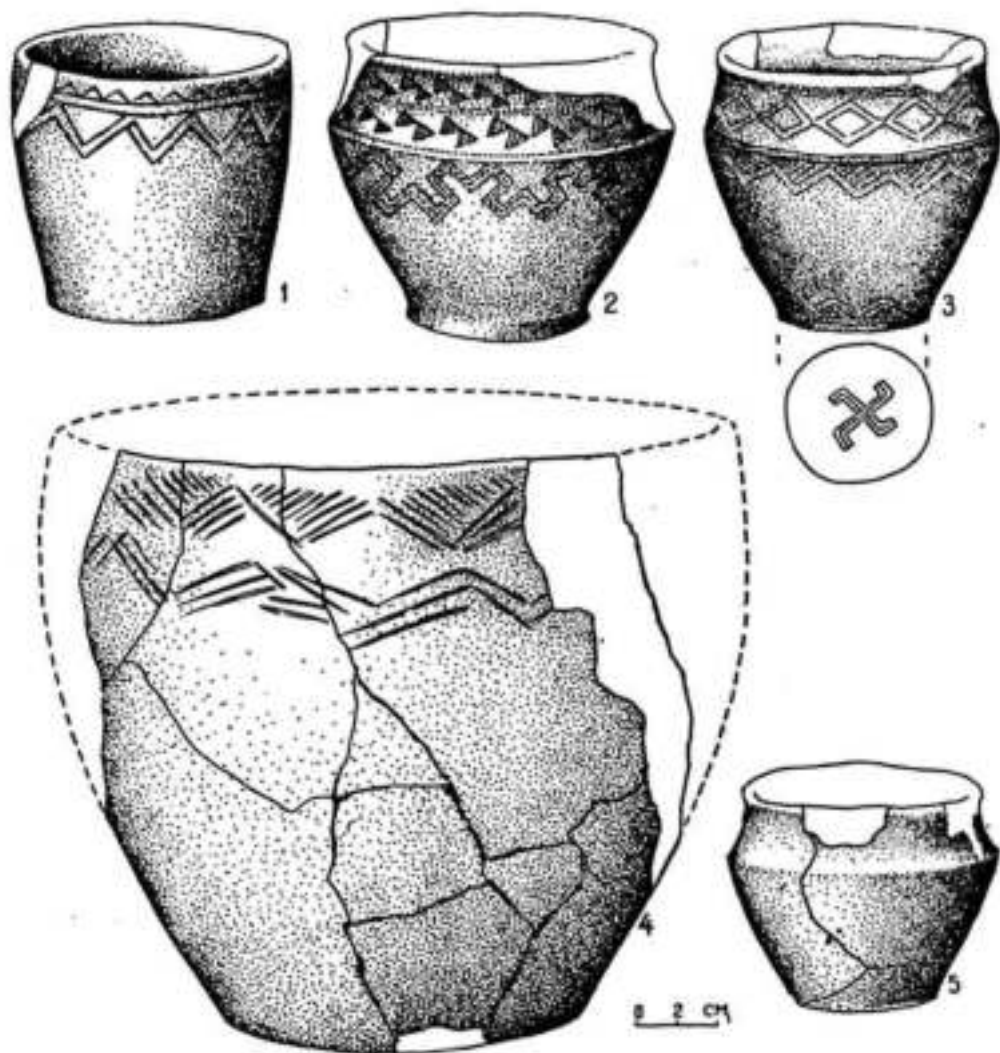

Табл. X. Керамика комплекса Вылымдан II и III: 2-3 — Вылымдан II, ограда 3; 4 — ограда 1; 1 — Вылымдан III, ограда 1; 5 — ограда 2.

КОМПЛЕКС ШЕРУБАЙ-НУРА

Могильник расположен на левом берегу р. Шерубай-Нуры, в 30 км на ЮЮВ от пос. Аксу-Аюлы. В группе имеется 21 ограда.

Значительное число памятников, расположенных в береговой полосе, смыто водой. Некоторые из них видны в обрыве яра. Из трех раскопанных оград две были наполовину подмыты во время весеннего половодья.

Могильник вытянут с северо-запада на юго-восток на 94 м и с юго-запада на северо-восток — на 72 м. Все ограды — круглой или удлинненно-овальной формы, составлены из врытых на ребро гранитных плит, выступающих над дневной поверхностью на 8—10 см. В центре группы, ближе к ее западной стороне, находится курган (диаметр 20 м) с оградой из плит, поставленных на ребро и опоясывающих основание насыпи. Такой же курган, но меньше (диаметр 15 м) расположен в юго-восточной части могильника. Им заканчивается комплекс.

Ограда 1 имеет форму круга диаметром 5 м. От плит, которыми она была выложена, осталось только три. В сохранившейся северной половине ограды находился каменный ящик размером 1,1×0,45 м, вытянутый с востока на запад.

В нем лежал скорченно, на левом боку, головой на запад, детский костяк. В средней части ящика, напротив грудной клетки погребенного, стоял большой сосуд, орнаментированный по верху тулова, по венчику и шейке цепочкой треугольников и ромбов, нанесенных гладким штампом.

Второй сосуд, без орнамента, найден в юго-западном углу ящика, около чрепа.

Ограда 3 представляет собой круг, обрамленный гранитными плитами. На южной стороне имеется квадратная пристройка. Общая протяженность ограды — 10,94 м. Внутри нее обнаружено два ящика из обработанных гранитных плит. Западные концы ящиков почти вплотную примыкают друг к другу, а восточные располагаются на расстоя-

нии 1,5 м один от другого. Южный ящик оказался «пустым». В северном обнаружены кости ног и таза человека, сохранившиеся в анатомическом порядке. Судя по ним, покойник лежал на левом боку, скорченно, головой на запад. Около ступней найдено большое количество бронзовых и стеклянных бусин, которыми, по-видимому, была украшена обувь погребенного. В северо-западном углу могилы стоял горшок с грубым орнаментом из треугольников и параллельных линий, выполненным гладким штампом. Длина ящика — 2 м, ширина в западной части — 0,87 м, в восточной — 0,75 м. Другой ящик несколько меньше — 1,9—0,85—0,70 м.

Надо отметить, что в парных погребениях могильников исследуемого района часто встречаются «пустые» ящики. Возможно, они являются прототипом спаренных ящиков, встречаемых в таких могильниках Центрального Казахстана, как Айшрак и Бегазм. В этих ящиках, несомненно, погребались муж и жена, после смерти одного из них сооружались сразу две смежные камеры. В данном случае какое-то обстоятельство помешало позднее умершему супругу попасть в предназначенный для него по обычаю ящик, и он остался пустым.

ГРУППА КАРАСАЯ

Комплекс находится на левом, возвышенном берегу р. Карасая, в 64 км на северо-запад от пос. Актогай. В могильнике имеется 32 ограды круглой формы. Плиты их видны на поверхности земли. От многих сооружений сохранилось только по 1—2 плиты. Здесь в 1951 г. было раскопано две ограды.

Ограда 1 круглой формы, сложена из гранитных плит, поставленных вертикально. Диаметр ее с севера на юг — 4,1 м, с запада на восток — 3,8 м. В южной половине ограды находился погребальный ящик, ориентированный с ЮВВ на СЗЗ. Длина его — 2,1 м, ширина западной стороны — 1,1 м, восточной — 1 м. Собраны мелкие обломки костей человека. В северо-западном углу могилы стоял большой сосуд, верхний край его орнаментирован параллельны-

ми полосами. Второй сосуд — с красным меандровым узором, нанесенным мелкозубчатым штампом, стоял в юго-западном углу ящика. В нем находились кости барана. Дно сосуда украшено

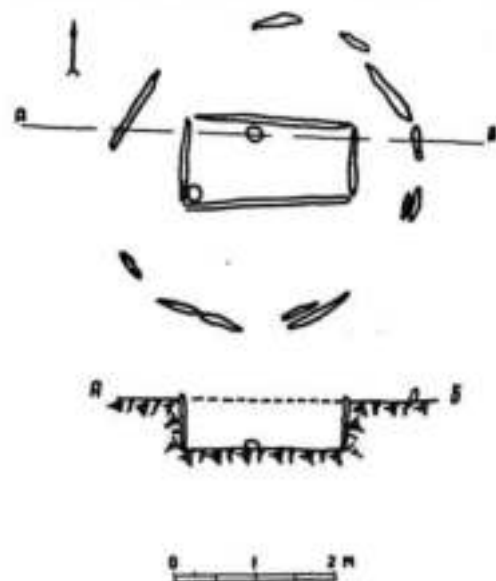

Рис. 42. План и разрез ограды 1 из группы Карасай.

тамгой из трех пересекающихся вдавленных гребенчатого штампа. Кроме того, в могильном ящике найдена раковина *Carbicula fluminalis*.

Ограда 2. Сохранилось лишь несколько плит, опоясывающих ее. Поэтому представить первоначальную форму ограды невозможно. От костей скелета, лежавшего в каменном ящике, остались лишь мелкие обломки. Могильный ящик вытянут с востока на запад. Размер его — 2,45 × 1,20 м. В северо-западном углу могилы находился раздавленный сосуд, на дне которого лежали кости барана. Около горшка собраны обломки костей черепа человека, пропитанные медной зеленью. Недалеко от них подняты фрагменты бронзовой пластинки. Погребенный, судя по обломкам черепа, был ориентирован головой на запад. В ящике найдены фрагменты еще двух сосудов.

Все горшки излучны по форме и покрыты великолепным ковровым орнаментом, нанесенным прорезью или мелкозубчатым штампом.

ГРУППА ТЕМИР-АСТАУ

Комплексе находится в верховьях р. Карасай, в ур. Темир-Астау, в 15 км к востоку от могильника Карасай I. Он состоит из 27 сооружений, преимущественно круглых колец и овальных оград, вытянутых с севера на юг или с небольшим отклонением на восток и запад. В северо-западной части могильника имеется курган с каменной насыпью, а в юго-восточной — обширная группа менгиров (Волжон). Памятники обрамлены гранитными плитами, поставленными на ребро. Плиты выступают над дневной поверхностью на 10—25 см. Во многих могилах плиты ящика выходят наружу. Большинство оград разграблено, о чем свидетельствуют раскопанные ящики и валяющиеся около них фрагменты керамики. Часть плит разобрана местными жителями для изготовления ручных жерновов — обломки камня лежали на месте разрушенных оград. В могильнике в 1951 г. было вскрыто два каменных ящика. Ограды их теперь на поверхности не видны. Один каменный ящик был вытянут длинными сторонами с запада на восток на 1,85 м, ширина западной стороны — 1 м, восточной — 0,8 м. Кстати отметим, почти во всех могильниках ящики в большинстве имели форму трапеции с более широкой головной (западной) стороной. При расчистке ящика до 0,6 м кроме мелких обломков человеческих костей обнаружены крупный фрагмент баночного сосуда с весьма оригинальным орнаментом по венчику, обломок четырехгранного шила, несколько бронзовых бусин биконической формы и пять наконечников стрел, четыре из них — костяные черешковые и один — бронзовый ступчатый. Второй ящик сооружен из четырех обработанных и пригнанных друг к другу плит розового гранита. Длина его — 1,95 м, ширина западной стороны — 1,37 м, восточной — 1,3 м. Высота ящи-

ка — 0,55 м. При раскопке в нем выявлены фрагменты баночного сосуда с орнаментом и мелкие обломки костей. Несколько мелких фрагментов этого же сосуда найдено на поверхности около ящика, видимо, они были выброшены при грабеже.

Оба костяка были повернуты головой на юго-запад. Найдено также большое количество бронзовых ребристых пронизок, бусин и бляшка-нашивака.

Ограда 3 имеет форму круга, но плохо сохранившегося. В ее северо-западной части четко прослеживаются три дет-

Рис. 43. Керамика из группы Карасай.

ГРУППА КАРАБИЕ

Могильник расположен в ур. Карабие, у юго-восточного подножья горы Корпетай, в 40 км к северо-западу от пос. Актотай. Он тянется с северо-востока на юго-запад на 100 м и с северо-запада на юго-восток — на 60 м. Памятник состоит из 26 круглых (основная форма) и овально-вытянутых оград. На этой же возвышенности недалеко от него находятся курганы с каменной насыпью ранних кочевников-скотоводов.

Ограды обрамлены гранитными плитами, поставленными на ребро, и выступают над уровнем дневной поверхности на 10—20 см. Раскопано в 1952 г. три ограды.

Ограда 1 имеет форму овала, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Длина ее — 4 м, ширина — 2,5 м. В центре сооружения параллельно друг другу располагались два могильных ящика. В северном ящике была погребена женщина с ребенком. Она лежала скорченно, на левом боку, а ребенок — на правом, в так называемом утробном положении.

Возможно, это погребения матери с детьми, подобные захоронениям в Вылмылдаке II.

При раскопке одного из детских погребений (размер ящика 0,5×0,3 м), ориентированного с запада на восток, в его северо-западном углу обнаружен небольшой горшок, орнаментированный двойным рядом ногтевого отпечатка по венчику и плечу. Встречены мелкие фрагменты истлевших костей. Здесь же был вскрыт второй детский ящик, вытянутый с севера на юг. В нем кроме мелких костей скелета лежал небольшой фрагмент баночного сосуда.

КОМПЛЕКС АКСУ-АЮЛЫ I

Могильник расположен в 2 км к северу от пос. Аксу-Аюлы. Это большой комплекс памятников, создаваемый на протяжении всего периода эпохи бронзы. Сосчитать все ограды не удалось, так как значительная территория могильника занята современным казахским кладбищем. С восточной стороны к группе примыкает мазар, сложенный

из саманного кирпича. У его входа вкопана надгробная плита с выбитым арабским текстом. Около этого памятника имеются казахские овалы выкладки (могилы). Здесь сохранилось до 40 оград

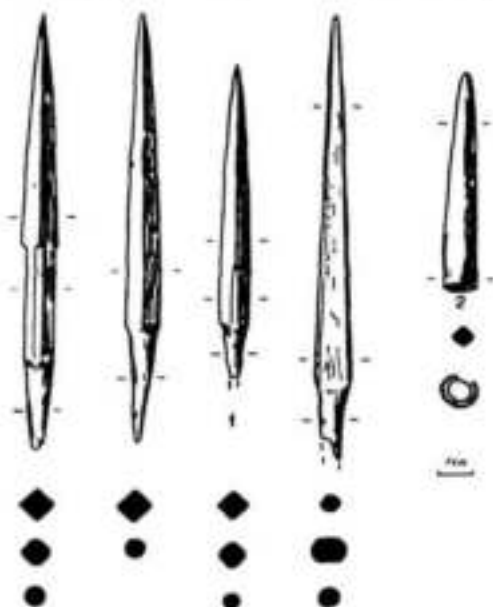

Рис. 44. Костяные наконечники стрел и бронзовый жезл из Темир-Астау.

эпохи бронзы. Половина из них представляет собой большие курганы с кольцевой оградой у основания насыпи. Это особая группа памятников, характерная только для Центрального Казахстана. Курганы-ограды относятся к завершающему этапу андроновской культуры.

Традиционных андроновских оград осталось всего около двадцати, все они — в основном прямоугольной формы. Оградки обрамлены каменными плитами, врытыми на ребро. Плиты выступают над поверхностью на 5—15 см.

В могильнике в 1952 г. было раскопано четыре оградки прямоугольной формы. Ограда 1 расположена в северо-восточной стороне группы, рядом с казахским кладбищем. Это четырехугольной формы оградка, ориентированная с ЮЗЗ на

СВВ и составленная из врытых на ребро плит, выступающих над поверхностью на 4—15 см. Размер ее — $2,9 \times 2$ м.

В процессе раскопок в середине оградки обозначились контуры каменного ящика (размер 195×75 см), ориентированного с юго-запада на северо-восток. В ящике, на глубине 50 см, обнаружены плохо сохранившиеся кости человеческого скелета. Судя по ним, покойник погребен в скорченном положении, на правом боку, головой на юго-запад. Кисти рук лежали перед лицом. Кроме костей, в могиле ничего не было.

Ограда 2 имеет форму прямоугольника, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Она составлена из гранитных плит, врытых на ребро. Часть плит не сохранилась. Размер оградки — $9,6 \times 3$ м. Она разделена плитами-перегородками на три неравные части. Внутри оградки — пять каменных ящиков, в трех из них погребены дети (1, 2, 5).

Ящик 1 размером 50×18 см принадлежал грудному ребенку. В нем найдены мелкие фрагменты черепа и трубчатых костей. В северо-западном углу ящика стоял неорнаментированный сосуд баночной формы. В отличие от остальных ящиков, которые были ориентированы с юго-запада на северо-восток, он имел ориентировку с северо-запада на юго-восток. Впрочем, для могильников Центрального Казахстана не обязательна строгая ориентировка детских погребений с запада на восток или с юго-запада на северо-восток. Она присуща только захоронениям взрослых. В детских же погребениях могут быть самые неожиданные отклонения, что было зафиксировано в могильниках Вылкылдак II, Карабие, Айшрак.

Ящик 2 примыкает к северо-западной стороне ящика 1; он прикрыт двумя большими плитами. Размер его — 153×45 см, высота — 55 см. В нем собраны фрагменты орнаментированного сосуда и трубчатые кости барана. От скелета человека сохранились лишь истлевшие обломки.

В детском ящике 5 обнаружены два баночных сосуда без орнамента и трубчатая кость барана. От костяка ничего

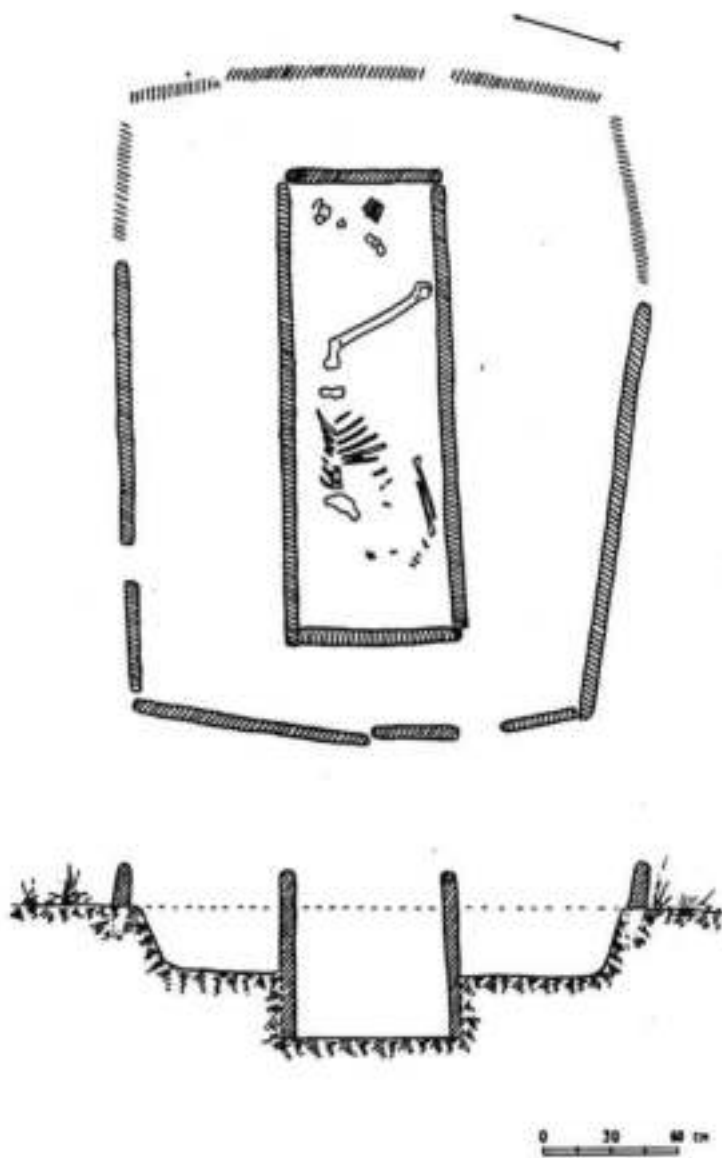

Рис. 45. Аксу-Аюлы I. План и разрез ограды 1.

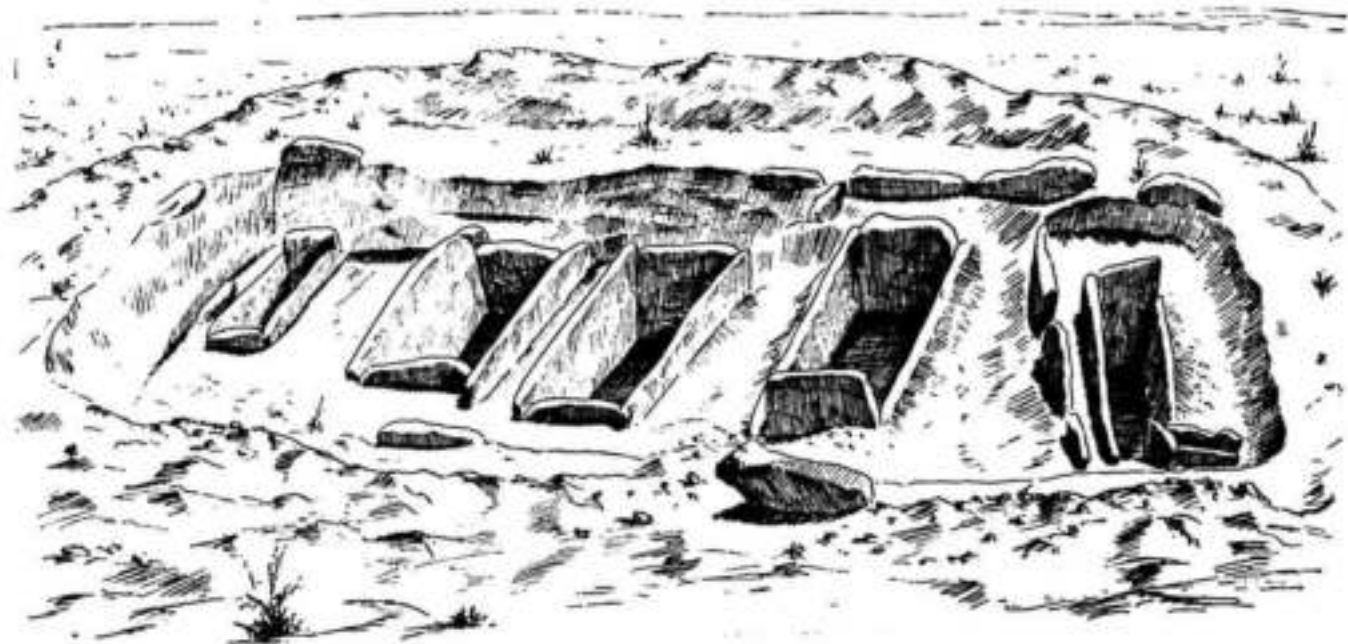

Рис. 46. Аксу Аюлы I. Вид погребальных ящиков из ограды 2.

не осталось, кроме беловатой полосы, идущей с запада на восток. По-видимому, костяк лежал на левом боку, головой на юго-запад. Размер могилы — 93×44 см.

Ящик 3 самый большой в ограде, размер его — 184×74 см. От костяка сохранилась лишь куча разрозненных костей в середине могилы. В разных местах ящика подобраны фрагменты орнаментированного гладким штампом сосуда. По его венчику проходят две параллельные каннелюры, а ниже, по верху тулова — цепочка из крупных заштрихованных треугольников вершинами вниз.

Около костей обнаружено шесть бронзовых привесок, из них четыре целые, четыре лапчатые привески, как в Быкылдаке II, 4, и две ромбовидные, вырезанные из тонкого бронзового листа.

Ящик 4 длиной 145 см, шириной 87 см. При расчистке его найдены в разных местах фрагменты четырех сосудов. Кости скелета, за исключением мелких обломков, не сохранились. У юго-восточной стороны ящика найдены очевидная подвеска и пара спиральных височных колец, покрытых листовым золотом.

Подобные подвески и кольца широко распространены в могильниках андроновской культуры других районов.

Ограда 3 имеет прямоугольную форму, вытянута с северо-запада на юго-восток. Размер ее — $5,15 \times 3,8$ м.

Большая плита, поставленная на ребро, делит ограду на две почти равные половины. В каждой находится по одному могильному ящику. Северный ящик, размером 200×75 см, ориентирован с юго-запада на северо-восток. Костяк в нем лежал скорченно, головой на юго-запад. На нижней части голени обнаружено 75 бронзовых пронизок и бусин. На костях голени сохранились следы от интенсивной окраски медной зеленью. По-видимому, верхняя часть обуви была украшена бронзовыми бусами.

В западной половине ящика найдены фрагменты высокого орнаментированного сосуда. Верх его тулова украшен пятью параллельными ломаными линиями, выше проходит цепочка из за-

штрихованных равнобедренных треугольников, касающихся вершинами оснований других треугольников. Эти два узора разделяет полоса из двух линий. На венчике также имеется полоса из заштрихованных равнобедренных треугольников.

Южный ящик, размером 166×67 см, ориентирован с северо-запада на юго-восток. При расчистке его обнаружены мелкие обломки человеческих костей и фрагменты двух высоких орнаментированных сосудов.

Ограда 4 обрамлена гранитными плитами, поставленными на ребро, имеет вид прямоугольника с закругленными углами и вытянута с юго-запада на северо-восток. Размер ее — $3,6 \times 3$ м.

В ограде находился только один каменный ящик, ориентированный с запада на восток. Длина его — 193 см, ширина — 80 см, высота — 50 см. При расчистке ящика подобраны раздробленные кости скелета и несколько фрагментов толстостенного сосуда.

Ограда 5 круглой формы, сооружена из плит, врытых на ребро. Диаметр ее — 4,3 м.

Сразу же под первым слоем, в 30 см от южной стенки, обнаружен фрагмент полукруглого браслета, а у северной стенки — крупные фрагменты венчика и боковины сосуда. По краю венчика нанесен орнамент: сначала две параллельные линии, затем один ряд заштрихованных равнобедренных треугольников. Орнамент сделан гладким штампом.

Ограда содержит два каменных ящика. Ящик 2 разрушен и ограблен. Сохранилась лишь его северо-восточная плита.

Ящик 1. При его расчистке, на глубине 30 см, в западной части стоял сосуд с четко выраженным ребром и орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом.

Далее, у южной стены, на глубине 50 см, найдена спирально-коническая головка бронзового браслета, а у восточной — целый спирально-конический браслет, надетый на руку. Недалеко от него лежал аналогичный браслет. На глубине 60 и 30 см от северной стенки была

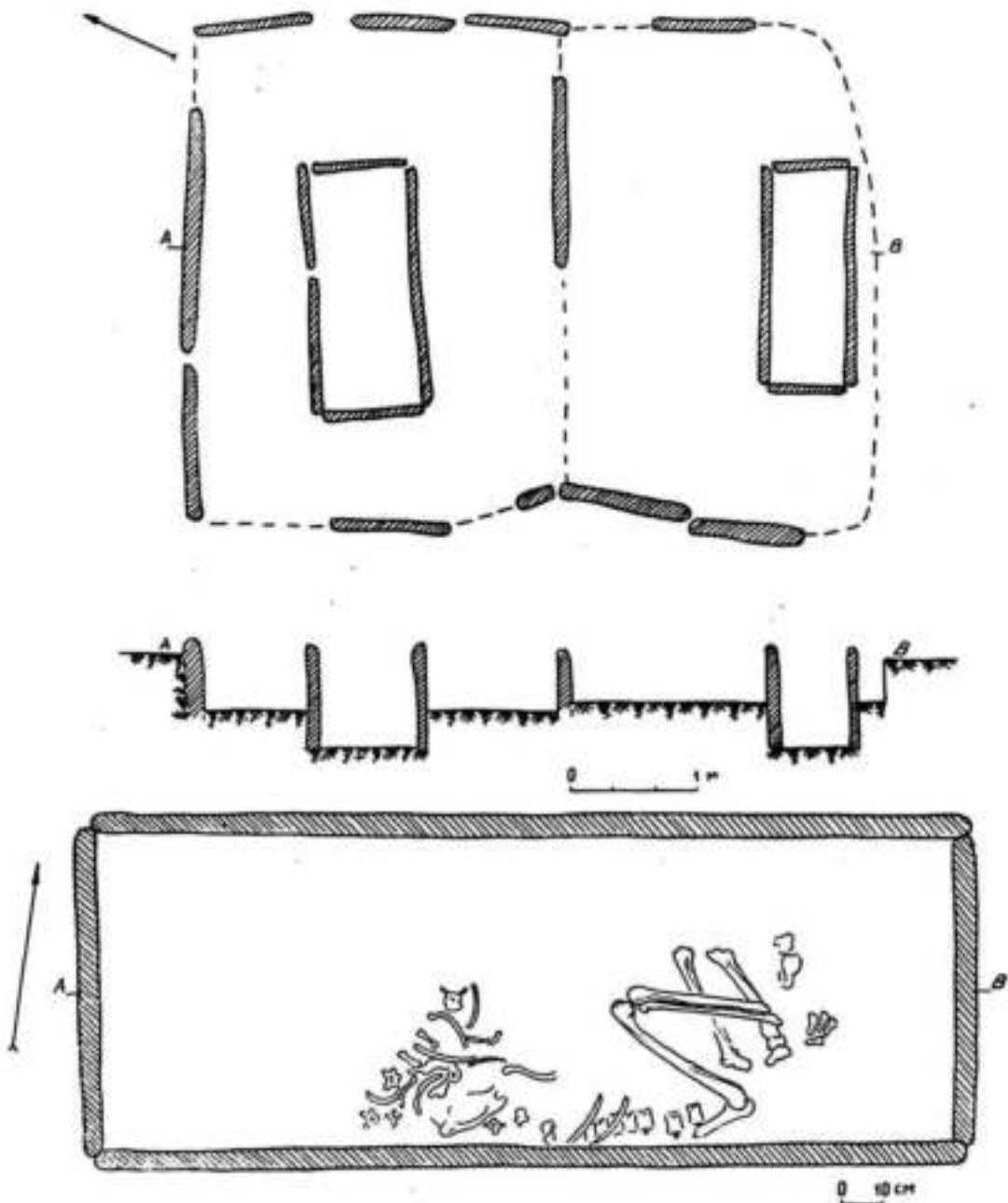

Рис. 46а. Аксу-Аюлы I. План, разрез и обряд погребения ограды 3.

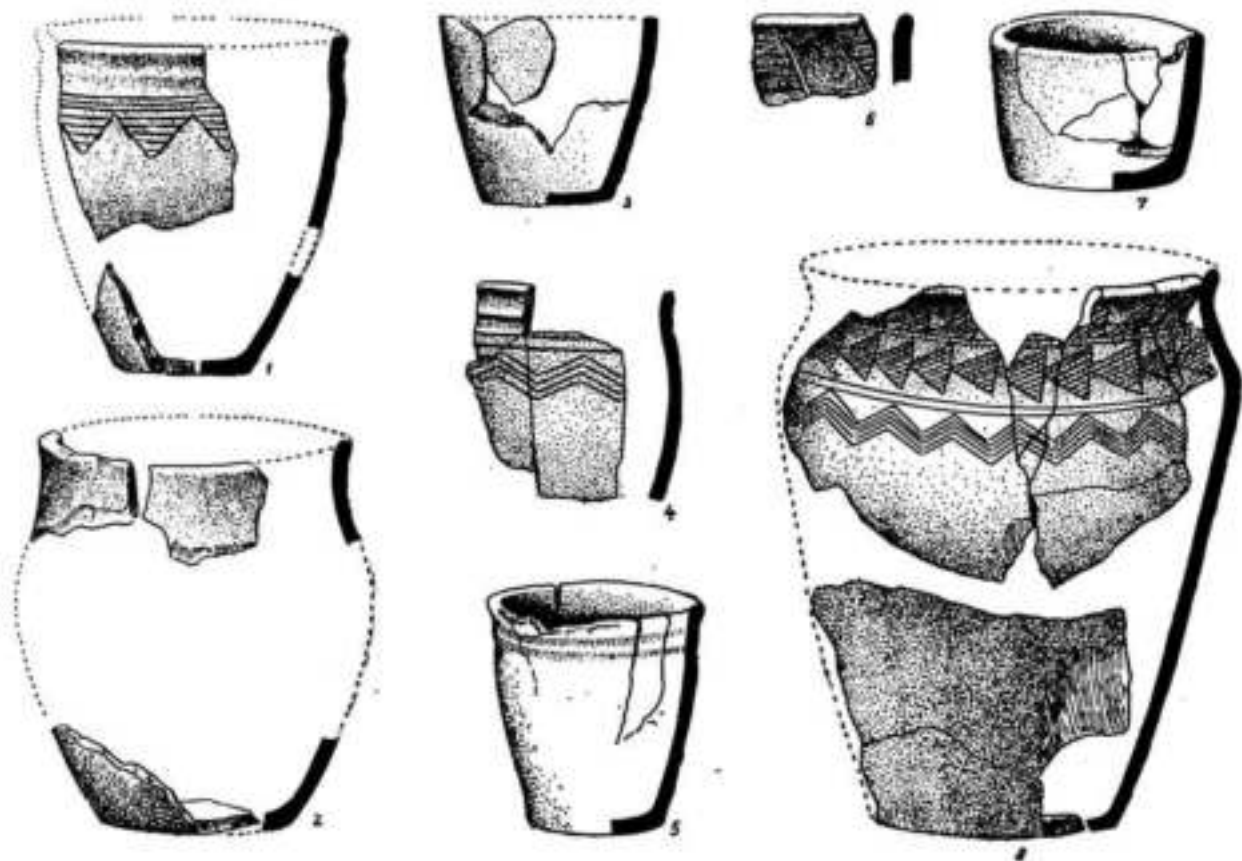

Табл. XI. Керамика из Аксу-Аюлы I: 1, 3, 4, 6, 7 — ограда 2; 2, 5, 8 — ограда 3.

поднята спиральная головка браслета. У восточной стенки, на глубине 50 см, выявлена раковина, служившая украшением. В северо-восточном углу ящика обнаружены ребра, трубчатые кости и че-

лиями. Благоприятные для жизни природные условия — богатые пастбища, обилие воды и трав — сделали равнину Бегазы издревле излюбленным местом обитания человека.

Табл. XII. Украшения: 1 — бронзовое зеркало, Вугулы I; 2 — бронзовые подвески, Аксу-Аюлы I, остальные украшения из Былмылдана I.

реп человека. В западной части ящика собраны отдельные кости ребенка и взрослого.

По-видимому, в ящике была погребена мать с ребенком. Ящик имеет длину 155 см, ширину в западной части — 87 см, в восточной — 80 см.

КОМПЛЕКС БЕГАЗЫ

Бегазинский могильник расположен на высокой террасе правого берега р. Бегазы, в котловине, окруженной со всех сторон горами, в 40 км на юго-восток от пос. Актогай. Он отличается разнообразием погребальных сооружений. В нем сосредоточены могилы начиная с эпохи бронзы и кончая поздними кочевниками и современными казахскими погребе-

Хотя материалы комплекса Бегазы неоднократно публиковались, однако необходимо дать его подробное описание. Могильник вытянут с севера на юг на 570 м и с запада на восток — на 240 м.

Для бегазинских памятников андроновского времени характерны массивные, больших размеров каменные ящики и плиты, образующие ограды. Уже в этих оградах появляются элементы, говорящие о переходе к следующему, более совершенному этапу — к культуре Бегазы-Дандыбая. Начало перехода хорошо прослеживается на оградах 12 и 13. Кроме Бегазы массивные андроновские памятники атасуского этапа встречаются в долине р. Атасу, в Северной Бетпак-Дале (группа Бельасар), в Каркаралинских и

Рис. 47. План комплекса Бегазы: 1 — кольцевые ограды андроновского времени, 2 — квадратные ограды андроновского времени, 3 — плиточные ограды, 4 — курганы с насыпью из камня и глины, 5 — курганы с каменным набросом (раскопаные), 6 — казахские мазары XV—XVII вв., 7 — казахские надгробные сооружения XVII—XVIII вв.

Ваия-Аульских горах, т. е. основных центрах развития андроновской культуры в Центральном Казахстане.

Бегазинские памятники по внешнему виду можно разделить на три типа.

1. Каменные четырехугольные ограды (25 шт.), составленные из гранитных плит, врытых на ребро и выступающих над поверхностью на 50—80 см. Размер оград — от 3×2 до 9×7 м.

2. Каменные круги (16 шт.), выложенные поставленными на ребро плитами с наклоном внутрь, с насыпью высотой от 20 до 70 см. На ней иногда имеется второе кольцо. Плиты, составляющие ограду, возвышаются над поверхностью на 30—70 см. Диаметр кругов — от 4,5 до 13,5 м.

3. Квадратные плиточные ограды из поставленных на ребро громадных гранитных плит с «тамбуром» с восточной стороны из длинных врытых вертикально и положенных плашмя плит. Всего в могильнике 6 плиточных оград. Пять из них компактно расположены в северо-восточной части могильника, шестая — в южной, в 460 м от группы плиточных могил. Размер самой малой — 4×3 м и самой большой — 16×16 м. Четыре ограды (1—4) имели насыпь высотой от 50 см до 1,5 м. Плиты, опоясывающие ограды, выступают над поверхностью до 2,4 м.

В восточной части могильника еще находится курган с кольцевой выкладкой у основания насыпи. Диаметр его — 30 м, высота — 1,5 м, диаметр выкладки — 22 м. К северо-восточной окраине группы примыкают два кургана с каменной насыпью.

На площади могильника расположены два саманных мазара и множество современных казахских могил.

Комплекс состоит из 57 погребальных сооружений, не считая современных могил. Из них 41 относится к атасускому этапу, шесть — к бегазы-даидыбаевскому и десять — к более позднему периоду. В 1947—1949 гг. и в 1952 г. Центрально-Казахстанской экспедицией было раскопано 20 сооружений, в том числе шесть плиточных могил и 14 каменных кругов и оград.

Ограда 1 представляет собой прямоугольник из врытых на ребро гранитных плит, ориентирована углами по странам света. Размер ее — $3 \times 2,6$ м. Плиты возвышаются над землей на 50 см.

При раскопке в центре ограды обнаружены крупные гранитные плиты, перекрывающие каменный ящик. Ящик состоит из четырех цельных, подогнанных друг к другу плит, вытянут с ЗЮЗ на ВСВ. Размер его — 145×88 см.

В юго-западной части ящика в куче лежали кости скелета подростка, в северо-восточной — взрослого. Здесь же найдены 6 медных спешившихся буеи и наконечник черешковой каменной стрелы.

Ограда 2 (почти квадрат) обрамлена большими плитами серого гранита и ориентирована с запада на восток. Плиты возвышаются над поверхностью на 30—50 см и наклонены внутрь до 30° .

После снятия плит, перекрывавших могилу, обнаружен прямоугольный каменный ящик из четырех хорошо обработанных гранитных плит. Размер его — $1,85 \times 85$ см. Западная и восточная плиты его имеют Т-образную форму и закраинами заходят сверху на северную и южную стены ящика.

В северо-восточном углу могилы обнаружен череп, лежащий вниз теменем. В противоположном углу находились кости таза. Вдоль восточной стены располагались остальные кости скелета. Ориентировку покойника установить не удалось. Среди костей найдена медная нашивная бляха со штампованным рисунком в виде кружков. В западной половине ящика собраны фрагменты горшка, орнаментированного треугольниками, нанесенными зубчатым штампом.

Ограда 3 концентрическая, имеет форму круга, составлена из больших гранитных плит, стоящих вертикально и возвышающихся над поверхностью на 30—80 см. Диаметр ее — 10 м. Плиты подходят вплотную друг к другу, они наклонены к центру на 45° .

Внутри круга находится вторая кольцевая ограда. Она также огорожена врытыми на ребро, с наклоном внутрь, большими гранитными плитами, которые возвышаются над поверхностью на 20—

Рис. 48. Вид андроновских погребальных оград на комплексе Бегаам.

80 см. Диаметр внутренней ограды — 6 м. Она имеет насыпь высотой 65 см, состоящую из земли со щебнем и обломками камней. При разборке насыпи внутренней ограды под плитами, перекрывавшими могилу, обозначились контуры прямоугольного ящика, ориентированного с ЗЮЗ на ВСВ. Длина его — 2 м, ширина — 1,17 м, высота — 1,45 м. В ящике найдены кости скелета, за исключением костей таза, а также черепа, и фрагменты керамики с треугольным орнаментом, выполненным гребенчатым штампом. У запад-юго-западной стороны могилы был вкопан каменный столб высотой 97 см.

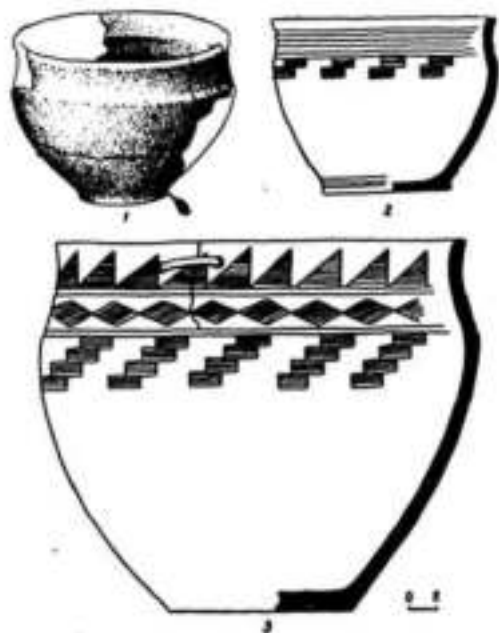

Рис. 49. Керамика Центрального Казахстана: 1 — могильник Шерубай-Нура, ограда 1, 2—3 — могильник Ветаны, ограда 1.

Ограда 4 выложена поставленными на ребро плитами, выступающими над поверхностью на 60—85 см. Они наклонены внутрь на 25—30°. Ограда имеет несколько неправильную форму круга, ее диаметр с севера на юг — 4,6 м, с запада на восток — 5 м.

Погребальный ящик сверху перекрыт двумя большими плитами. Одна из них — восточная — была сдвинута в сторону и стояла на ребре.

Каменный ящик размером 157×85 см, высотой 1 м ориентирован с запада на восток. В нем встречались разрозненные кости скелета и фрагменты двух сосудов. Один горшок орнаментирован.

Ограда 5 имеет форму правильного круга (диаметр 5,1 м), составлена из больших гранитных плит, врытых на ребро (с наклоном внутрь 30—35°) и выступающих над дневной поверхностью на 0,8—1,1 м. Ограда имеет насыпь высотой 50 см, состоящую из глины с большой примесью песка, щебня и битого камня.

В центре ограды из четырех хорошо обработанных гранитных плит сооружен ящик, вытянутый с запада на восток. Длина его — 185 см, ширина — 93 см, высота — 80 см. В нем обнаружены разрозненные кости скелета, фрагменты двух сосудов и четыре бронзовые свернутые из проволоки бусины.

Ограда 6 состоит из двух concentрических прямоугольников, обозначенных крупными плитами гранита, врытыми на ребро. Снаружи она окружена еще одним рядом больших плит, положенных плашмя.

Внутренняя ограда построена на расстоянии 35—40 см от внешней, она оказалась могильным ящиком. Ящик сложен из четырех плит, самые большие — западная и восточная, их длина соответственно — 2,1 и 1,8 м. Таким образом, все сооружение вытянуто с запада на восток.

При раскопке внутренней ограды сразу же под дерновым слоем найдены разрозненные кости человеческого скелета. На глубине 80 см начался материковый грунт.

Ограда 7 состоит из сооружения круглой формы и трех пристроек, расположенных в ее северо-восточной части. Все сооружения составлены из гранитных плит, врытых на ребро и выступающих над дневной поверхностью на 15—20 см. Диаметр основной ограды — 4,5 м.

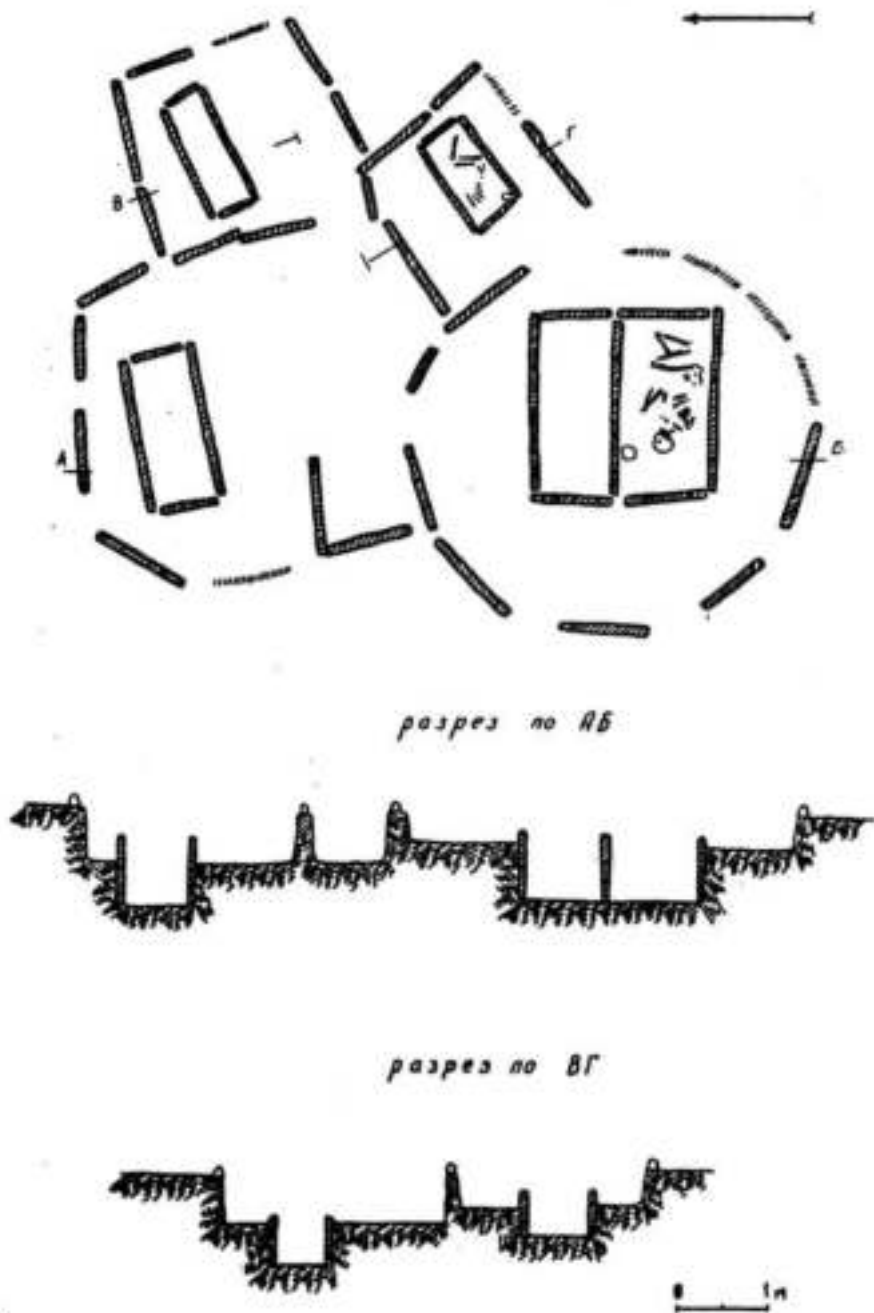

Рис. 50. Веганы. План и разрезы андроновской ограды 7.

В центральной ограде обнаружено парное погребение в двух спаренных ящиках, ориентированных с запада на восток.

В южном, большем по размеру ($2 \times 1,2$ м), погребен мужчина, на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Позвоночник у него искривлен, руки и ноги согнуты, кисти рук находятся перед лицом. В северо-западном углу стояло два сосуда. Один из них раздавлен, среди его фрагментов найдены три бронзовые скрепки (вероятно, сосуд чинили). Северный ящик — длиной 2 м, шириной — 1 м. В центре его в беспорядке лежали кости женского скелета. Здесь же подняты бронзовое височное кольцо и фрагменты двух сосудов.

заяная из тонкого листа бронзы. Длина ящика — 195 см, ширина — 85 см и высота — 80 см.

Во второй пристройке погребен ребенок. По костям ног, таза и позвонокам, сохранившим анатомический порядок, удалось восстановить его ориентировку. Костик лежал на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. Руки покойника были согнуты и находились перед лицом. В юго-западном углу ящика стоял целый горшок, без орнамента. Рядом с ним найдены фрагменты аналогичного сосуда. Здесь же были подняты три подвески, две украшены тремя рядами ложной полузерни, выдавленной с обратной стороны, и четырехугольная накладка.

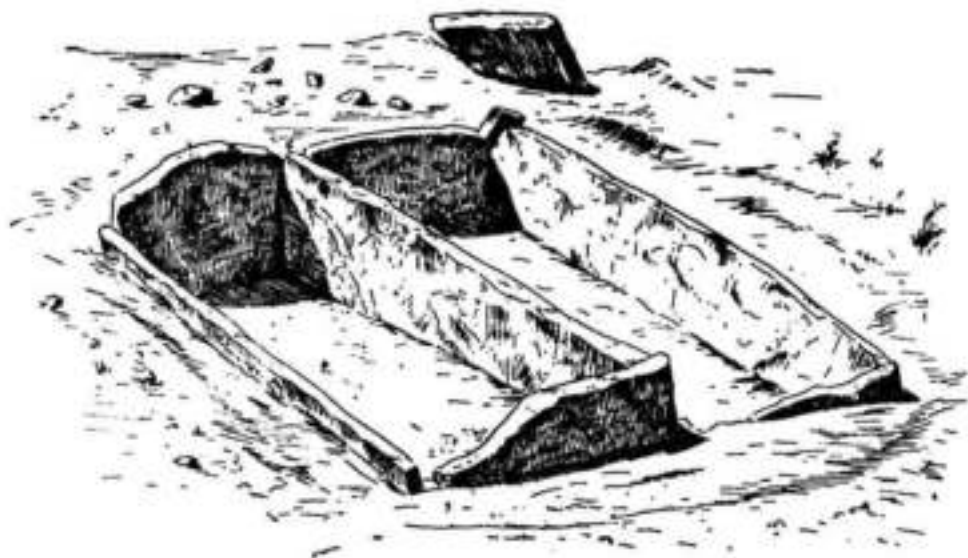

Рис. 51. Бегазы. Спаренные ящики из ограды 7.

В каждой пристройке было по одному могильному ящику, ориентированному с юго-запада на северо-восток.

В первой пристройке с западной и восточной сторон могила была прикрыта плитами. Кости скелета были разбросаны по всему ящику.

Собраны фрагменты четырех сосудов, найдено несколько бронзовых бусин и продолговатой формы подвеска, выре-

Размер ящика — 108×63 см, высота — 53 см.

В ящике третьей пристройки, кроме одного позвонка человека, никаких вещей не оказалось. Длина его — 134 см, ширина западной стенки — 53 см, восточной — 46 см и высота — 66 см.

Ограда 8 обрамлена гранитными плитами, поставленными на ребро. Размер ее — $2,75 \times 2,65$ м.

В центре ограды находился каменный ящик, ориентированный с запада на восток, с небольшим отклонением на юг. Длина его — 153 см, ширина западной стенки — 72 см, восточной — 46 см, высота — 50 см. В нем обнаружены кости ног и таза, сохранившиеся в первоначальном положении. По ним можно установить, что покойник погребен на левом боку, головой на запад, с согнутыми под углом 45° ногами. Предметов материальной культуры нет.

Ограда 9 имеет очертания прямоугольника с закругленными северным и северо-западными углами, вытянута с северо-запада на юго-восток. Размер ее — 3,95×2,4 м.

При раскопке прямо под дерновым слоем, в юго-западной части ограды (вне ящика), обнаружены фрагменты 4—5 сосудов. Судя по фалангам пальцев ног и одной бедренной кости, покойник был погребен в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-запад. Здесь же найдены кости барана и несколько бронзовых и пастовых бусин. Длина ящика — 164 см, ширина — 62 см и высота — 68 см.

Ограда 11 круглой формы, диаметром 4 м. Внутри нее находится еще одна ограда, причем юго-западные стороны их вплотную подходят друг к другу. Ограды составлены из плит, врытых на ребро, которые выступают над поверхностью на 30—55 см. Плиты, образующие внешнюю ограду, несколько наклонены к середине сооружения.

В центре внутренней оградки расположены два спаренных ящика, ориентированных с запада на восток.

В северной могиле, размер 160×50 см, по-видимому, была погребена женщина. Причем отдельные фрагменты костей сохранили следы огня. Среди разбросанных костей найдены обломок бронзовой подвески и несколько пастовых пронизок и бусин.

Южный ящик больше первого, его размер 200×75 см. Из остатков скелета в восточном конце его обнаружена большая берцовая кость, которая лежала поперек ящика. Судя по ней, костяк лежал на левом боку, головой на запад. В се-

веро-западном углу могилы поднята большая бронзовая серьга, обтянутая тонким листовым золотом. Высота ящиков — 90 см.

Ограда 12 сооружена из гранитных плит, поставленных на ребро, и имеет форму прямоугольника, вытянутого с запада на восток. Размер ее — 6,5×5,3 м. В центре имеется небольшая насыпь — около 20 см. Некоторые плиты оградки — более 2 м и выступают над поверхностью до 85 см.

При раскопках внутри ограды обнаружено второе сооружение овальной формы, размером 3,1×2,4 м. В центре его находился погребальный ящик длиной 184 см и шириной 74 см, ориентированный с запада на восток. В нем обнаружены кости правой ноги человека, по которым была определена ориентировка погребенного, лежавшего скорченно, на левом боку, головой на запад.

После снятия дернового слоя, в юго-восточном углу второй оградки, поднят фрагмент тонкостенного сосуда. Венчик горшка прямой. Тулово покрыто сплошным подковообразным орнаментом, нанесенным либо наполовину расщепленной камышинкой, либо трубчатой костью птицы. Сосуд по форме, орнаменту и тесту имеет прямые аналоги с горшками бегазы-даудыбаевского типа, особенно из ограды 5 этого же могильника. В описываемой ограде вне ящика, сразу под дерновым слоем, найден череп человека. Очевидно, он попал сюда случайно.

Ограда 13 сооружена в виде квадрата из крупных гранитных плит, поставленных на ребро, и вытянута с запада на восток. Часть оградки выложена двумя рядами плит, выступающих над поверхностью на 60—80 см. Размер ее — 6×5,7 м. Ограда имеет насыпь высотой до 50 см.

При раскопке, на глубине 20 см, обозначились контуры прямоугольной формы могилы, три стенки которой (северная, восточная и южная) выложены плитняком. Высота кладки — 0,5—1 м. Размер ямы с запада на восток — 3 м, с севера на юг — 2,7 м. В ней находились плиты, составляющие могильный ящик. Запад-

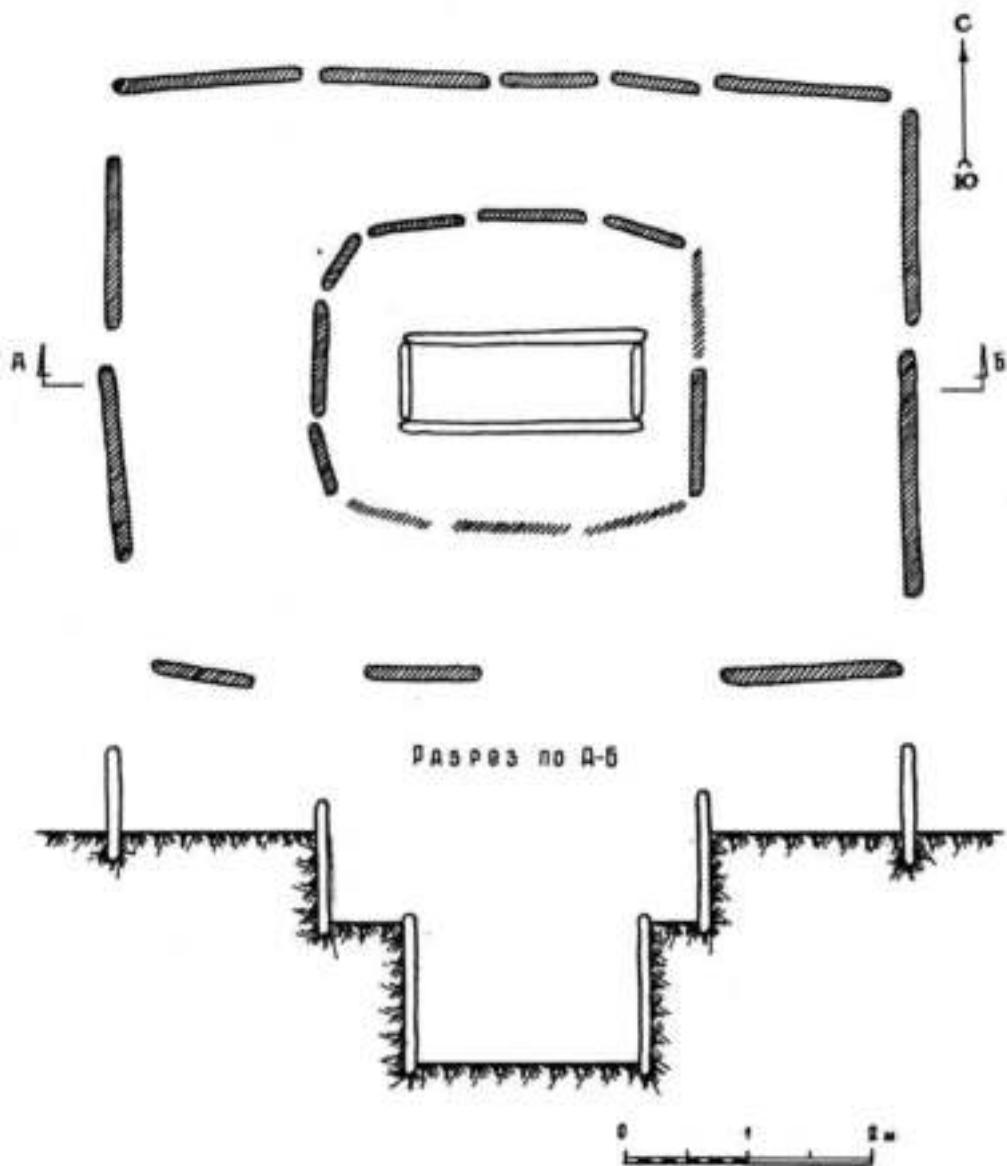

Рис. 52. Вегалы. План и разрез ограды 12.

ная часть его была открыта, а восточная закрыта двумя большими плитами, лежащими одна на другой. По ним и проходила восточная стенка кладки, закрывавшая половину ящика. Стенки плит, а

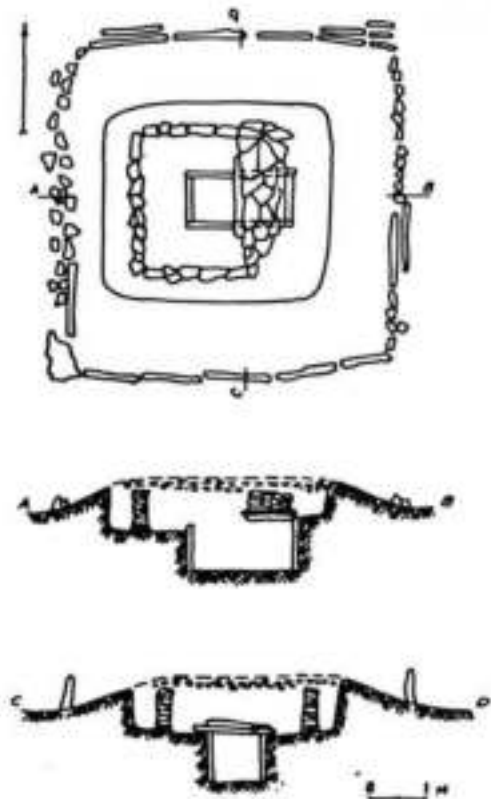

Рис. 53. Бегзавы. План и разрез ограды 13.

также щели между восточной стенкой ящика и нижней плитой, перекрывающей его, замазаны красновато-коричневой, с примесью дресвы, глиной.

Могильный ящик длиной 180 см, шириной 70 см, высотой 87 см ориентирован строго по странам света. В северо-западном его углу встречены фрагменты горшка с прорезным орнаментом. Черепки этого сосуда были обнаружены также сразу под дерновым слоем.

В западной половине могилы собраны обломки кальцинированных костей человека.

КОМПЛЕКС ЕЛЬШИВЕК

Могильник расположен в 20 км к юго-западу от ст. Киник, в южной равнине предгорий Уш-Кызыл, входящих в горные системы Тайаткан и Шунак, которые примыкают к Северной Ветпак-Дале. Комплекс Ельшибек занимает площадь длиной с юго-запада на северо-запад 600 м, шириной 200—250 м. Он расположен воле родника на несколько приподнятой площадке. Здесь же находится и развалившийся казахский мазар. Могильные сооружения сохранились в виде каменных оград прямоугольной, квадратной и круглой формы с одним или несколькими ящиками внутри ограды. Большой частью ограды сделаны из гранитных плит, врытых на ребро, иногда из небольших глыб, положенных плашмя вокруг ящика. Всего в могильнике насчитывается 120 оград атасуского этапа эпохи бронзы и один курган эпохи ранних кочевников. Мы дадим описание только четырех оград, более или менее уцелевших, по которым можно получить полное представление о культуре андрона Северной Ветпак-Далы.

Ограда 39 круглой формы, диаметр ее с севера на юг — 6,40 м, с востока на запад — 7,40 м. Внутри ограды находится каменный ящик прямоугольной формы, размером 1,70×1×0,20 м при высоте 55 см, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Плиты ящика частично выступали над поверхностью земли на 15—25 см. На дне могилы в беспорядке лежали кости погребенного и черепок горшка. У северо-западной и юго-западной стенок, с наружной стороны ящика, обнаружены две плиты размером 1×0,40×0,80 м и 1×0,55×0,80 м. Очевидно, ими когда-то был закрыт каменный ящик. Кроме них у внешних стенок найдены камни, служившие подпорками.

Ограда 66. От нее сохранились лишь две плиты, одна с северной стороны ящика, другая — с южной. Внутри ограды выявлен каменный ящик прямоугольной формы, размером 1,80×70 см, высотой 60 см, ориентированный с востока на запад. На дне ящика собраны кости чело-

века (обломок бедренной кости, фаланги пальцев, правая ключица, крестец и левое крыло таза).

Ограда 69 неправильной квадратной формы, размером $3,7 \times 3,6$ м, ориентирована с востока на запад, с небольшим отклонением на юг. Внутри нее находилось два параллельно расположенных каменных ящика, ориентированных так же, как и ограда.

Ящик 1 (северный) прямоугольной формы, размером $1,60 \times 70$ см, высотой 60 см. На дне его, у западной стены, стояло три орнаментированных горшка. Один целый, с поддоном, два других — плохой сохранности. Здесь же поднято пять аргиллитовых бусин, четыре раковины моллюска, бронзовая подвеска с пунсоным орнаментом, три подвески: из фаланг джейрана (одна) с просверленными отверстиями и корсака (две). Часть костей скелета валялась в беспорядке в западной части могилы.

Ящик 2 (южный) прямоугольной формы, размером $1,7 \times 65$ см, высотой 60 см. На дне его собраны ребра, позвонки, ключица человека, черепки орнаментированного горшка, аргиллитовая бусина, клыки и резец корсака. За ящиком, с восточной стороны, лежали две небольшие плиты, вероятно когда-то перекрывавшие его. Судя по костям, в могиле был погребен подросток.

Ограда 73 (рис. 56) неправильной круглой формы, относится к типу многокамерных. Диаметр ее с севера на юг — 4,3 м, с востока на запад — 4 м. Внутри ограды находились пять каменных ящиков (два больших и три малых).

Ящик 1 обнаружен в северо-западной части ограды. Размер его — 80×50 см, высота — 45 см. Сверху он закрыт гранитной плитой и ориентирован с северо-востока на юго-запад, с большим отклонением на юг. На дне могилы, в юго-западном углу, стоял небольшой орнаментированный горшок. В восточной части ящика подняты обломки черепа и сильно истлевшие кости погребенного. Среди них найден кусочек бронзы, а около горшка — четыре аргиллитовые бусины. В центральной части могилы лежали две раковины.

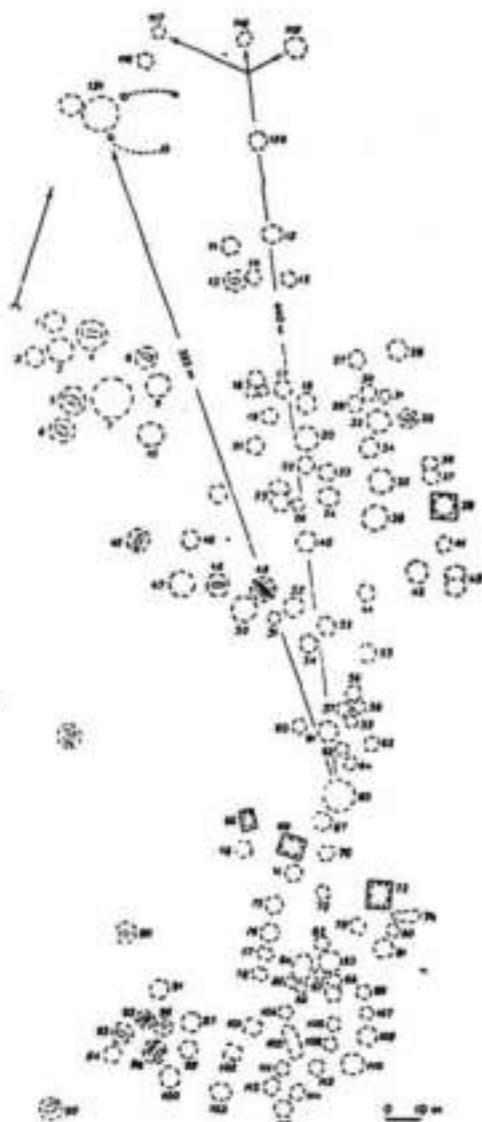
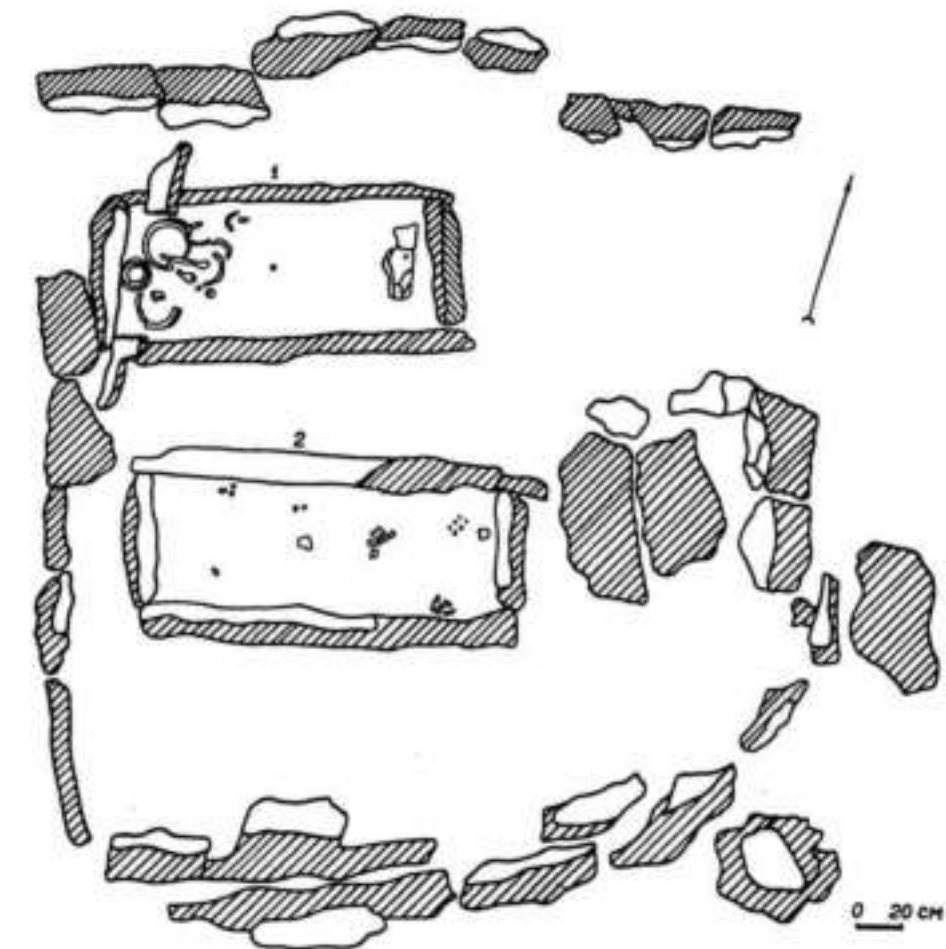

Рис. 54. План комплекса Бельшибек (Северная Восток-Дала).

Ящик 2 находился в западной части ограды, между большими ящиками. Размер его — 80×50 см, высота — 50 см. Могилка ориентирована с востока на запад, с некоторым отклонением на юг. На дне ее, в северо-западном углу, стоял орнаментированный горшок. Рядом с

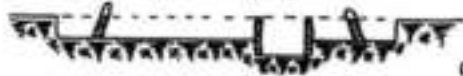

Могильная яма № 1

Продольный разрез

Поперечный разрез

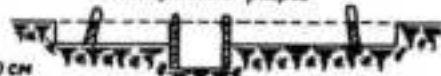

Могильная яма № 2

Продольный разрез

Поперечный разрез

0 60 см

Рис. 55. Ельшибен. План и разрезы ограды 69.

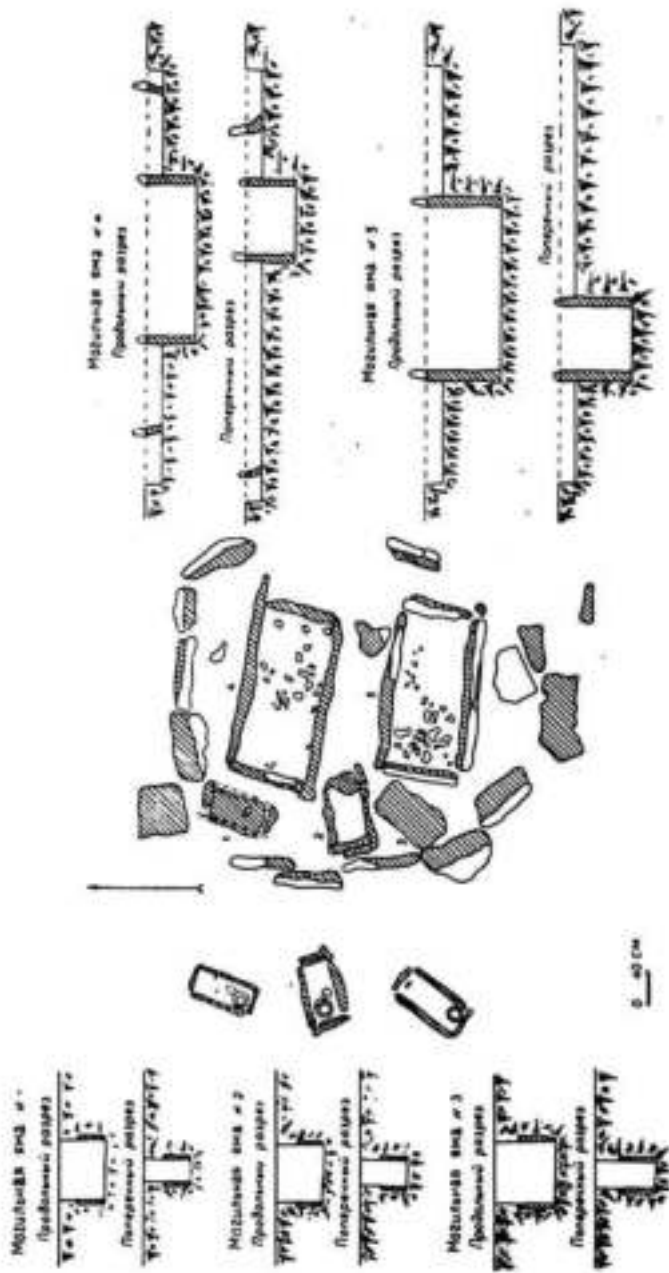

Рис. 56. Елшнбек. План и разрезы ограды 73.

ним подобраны плохой сохранности кости детского черепа.

Ящик 3 обнаружен в юго-западной части ограды. Размер его — 90×30 см, высота — 45 см. Ящик сверху накрыт плитой (90×50 см) и ориентирован с востока на запад. На дне его, в юго-восточном

глубины 35 см до дна могилы встречались орнаментированные черепки обожженного горшка и мелкие кости. На некоторых костях имеются следы огня. Очевидно, обрядом захоронения местных племен было неполное трупосожжение. На глубине 60 см, в юго-запад-

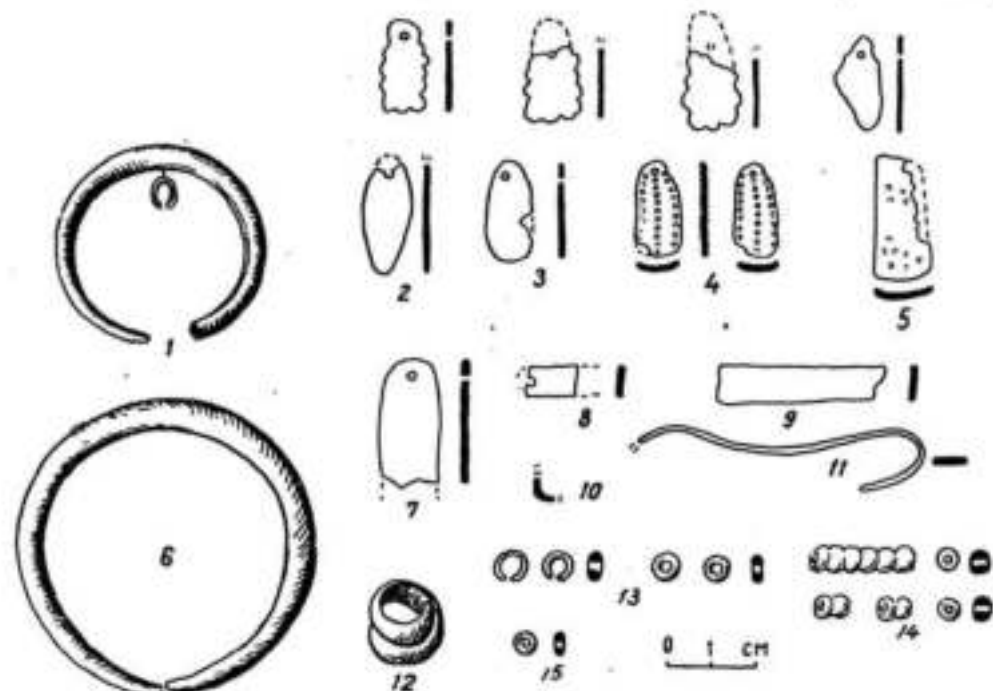

Табл. XIII. Украшения андроновского времени из комплекса Вегазы: 1, 6 — браслеты, покрытые листовым золотом, ограда 5, 2—5 — бронзовые привески, ограда 1, 7 — ограда 5, 8—11 — обломки бронзовой пластинки, скреплявшие сосуд, ограда 1, 12 — височное кольцо, ограда 4, 13 — бронзовые бусы, ограда 1, 14—15 — стеклянные бусы, ограда 1.

углу, стоял небольшой орнаментированный горшок.

Ящик 4 располагался в северо-восточной части ограды. Размер его — 190×85 см, высота — 75 см, он ориентирован с востока на запад, с незначительным отклонением на север. Плиты его на 10—15 см выступали над поверхностью земли. На дне ящика, у юго-западной стенки, найдены спекшиеся бронзовые пластинки, в центральной части — мелкие кости скелета погребенного и фрагменты глиняного горшка. С

ном углу ящика, найдена бронзовая бузина биконической формы и костяная трехгранная поделка — пронизка с резным орнаментом.

Ящик 5 сооружен в юго-восточной части ограды, ориентирован с востока на запад. Размер его — 180×85 см, высота — 80 см. На дне могилы обнаружены лопаточные кости, фаланга пальца и одна пережженная кость, а также черепки глиняного горшка. На глубине 50 см собраны обломки орнаментированных горшков. В юго-западном углу ящика

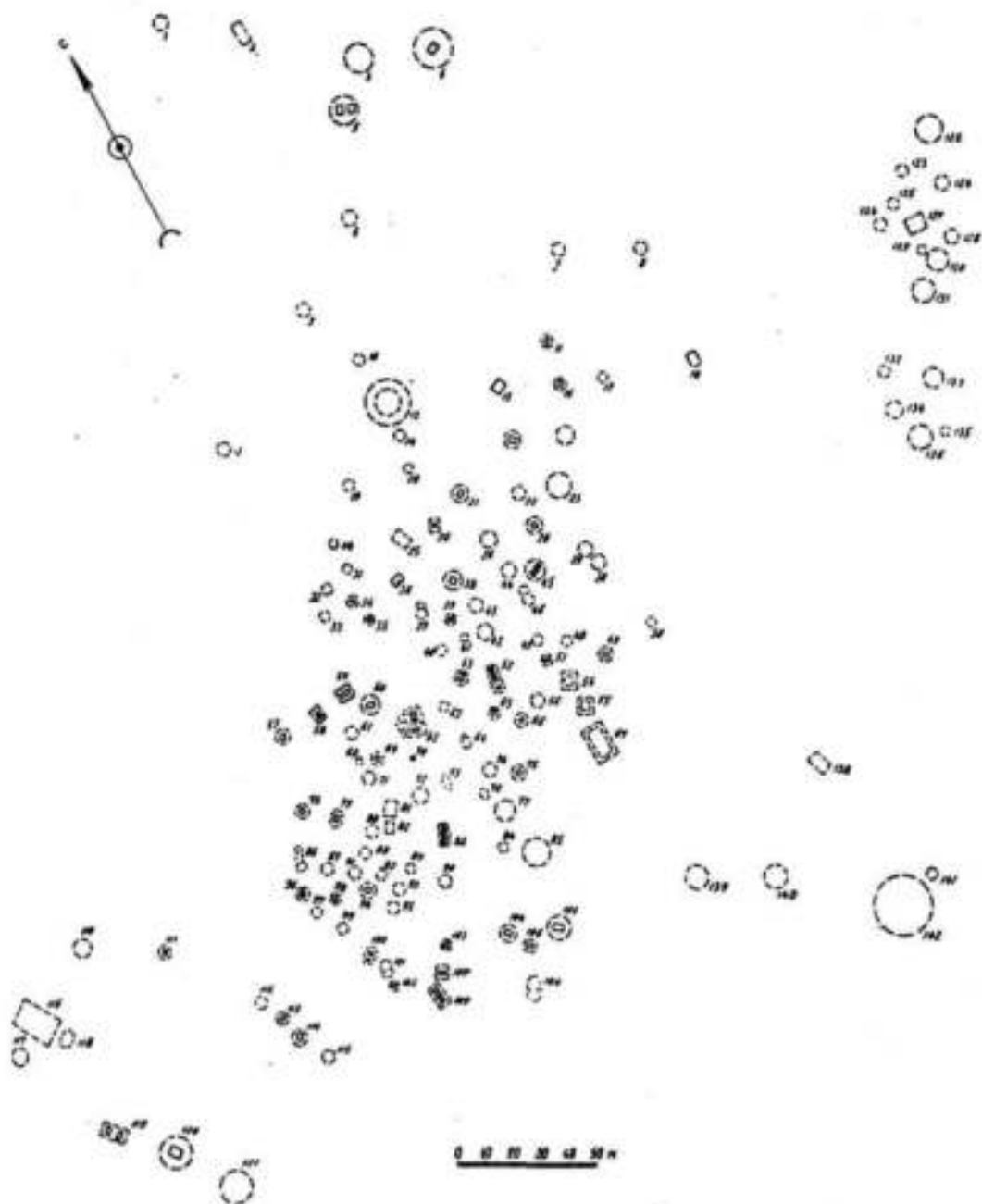

Рис. 57. Общий план комплекса Волгасар (Северная Ветляк-Дала).

найлены раздавленная бронзовая бусина, древесные угольки и несколько кальцинированных косточек. На глубине 60 см подняты обломки большой берцовой кости, ребра, фаланги пальцев рук и ног, обломки позвонков и аргиллитовая бусина. Судя по останкам, в этой могиле обрядом захоронения было также неполное трупосожжение.

КОМПЛЕКС ВЕЛЬСАРА

Могильник находится в 6 км на юго-восток от комплекса Ельшибек, на северной равнине горы Тайаткан. Эта большая группа памятников относится к двум периодам эпохи бронзы Центрального Казахстана: атасускому и бегазы-дандыбаевскому. Погребальные сооружения сохранились в виде каменных оград прямоугольной, квадратной и круглой формы, некоторые из них с поперечными перегородками. Внутри оград имеется один или несколько ящиков, плиты их часто выступают над поверхностью от 10 см до 1 м.

Ящики сооружены из массивных плит размером в среднем $1,6 \times 1,2$ м и перекрыты еще более массивными плитами. Ограды могильника в основном составлены из гранитных и сланцевых плит, врытых на ребро. В этой группе встречается особый тип могильного сооружения, который по внешнему виду напоминает курганы с кольцевой оградой из вертикальных плит и расплывшейся насыпью. Кроме того, попадаются огромные квадратные и прямоугольные ограды бегазинского типа со стенами, возвышающимися над землей на 0,8—1,2 м. В комплексе имеется 145 оград эпохи бронзы и один курган раннекочевнического времени.

В 1957 г. были раскопаны две ограды, содержавшие семь каменных ящиков. Приводим описание двух оград.

Ограда 58 круглой формы (рис. 58), диаметром с севера на юг 2 м, с востока на запад — 2,1 м. Внутри нее находился каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,1 \times 0,5$ м, высотой 0,55 м, ориентированный с востока на запад. Плиты его частично выступали над поверхностью земли. На дне могилы най-

ден плохо сохранившийся детский скелет, который лежал на левом боку, скорченно, головой на запад, кости рук находились у самого лица. На правой руке, у запястья, был надет выпукло-вог-

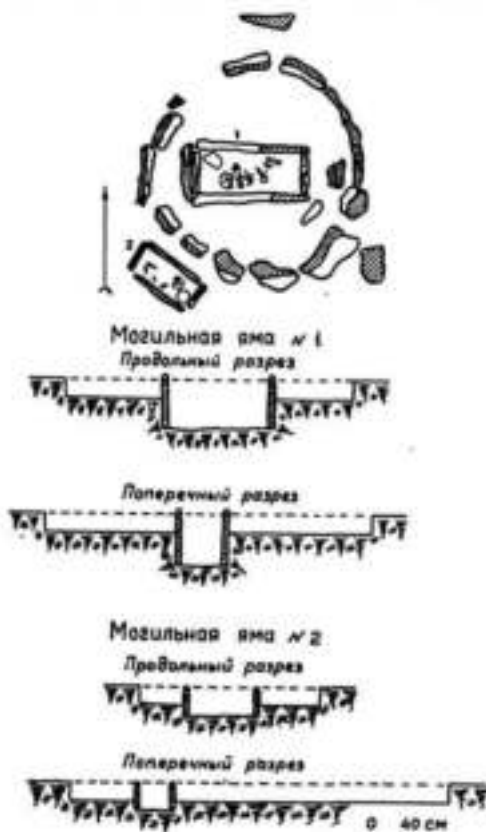

Рис. 58. Вельсар. План и разрезы ограды 58.

нутый (пластинчатый) браслет. На его концах имелись небольшие прямоугольные отверстия. В северо-западном углу могилы поднят большой обломок глиняного сосуда красноватого обжига. Очевидно, он заменял глиняную чашку. К юго-западной стороне ограды примыкал маленький каменный ящик размером 70×30 см, высотой 35 см, ориентированный с юга-востока на северо-запад. В нем лежал скелет ребенка, на правом боку,

скорченно, головой на юго-восток. Скелет очень плохой сохранности. В юго-восточном углу стоял небольшой орнаментированный горшок, покрытый небольшой круглой сланцевой плиткой. Ограда 59 круглой формы, диаметром 3,15 м. Внутри ограды обнаружен каменный ящик прямоугольной формы, размером 115×50 см, высотой 55 см, ориентированный с востока на запад. На

КОМПЛЕКС ЕГИЗ-КОЙТАС

Могильник состоит из двух групп. Первая находится на левом берегу в верховье р. Токраун, в 3 км к югу от горы Егиз-Койтас. Она занимает площадь длиной с юго-запада на северо-восток 150 м, шириной 95 м. Большинство могильных сооружений сохранилось в виде каменных оград прямоугольной и круглой формы.

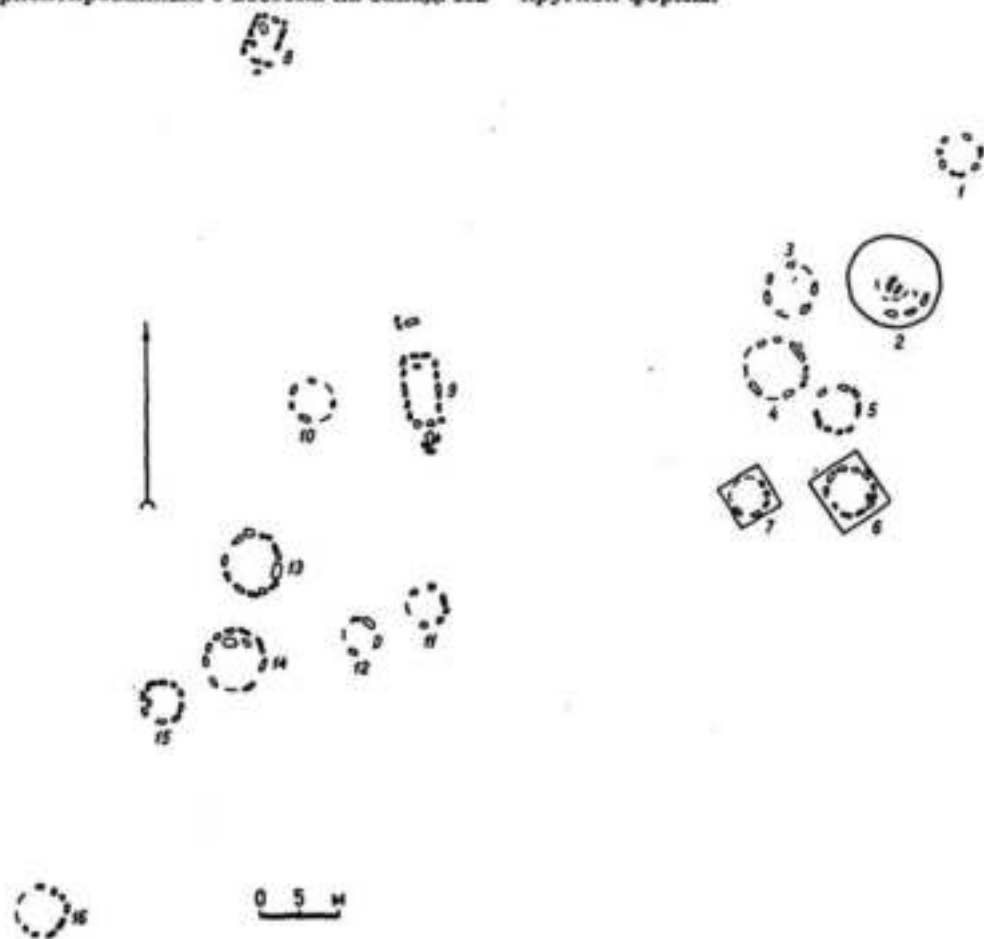

Рис. 59. План андроновской группы Егиз-Койтас на р. Токраун.

дне могилы в беспорядке валялись мелкие кости скелета человека. В юго-западном углу лежал разбитый череп ребенка. Судя по нему, погребенный был положен головой на запад.

Они составлены из гранитных плит, врытых на ребро. Одна ограда (2) имеет небольшую насыпь. Всего в группе насчитывается 16 оград (рис. 59). Вторая группа расположена также на левом бе-

реку р. Токраун, в 400—500 м к югу от первой группы. Она тянется с юго-востока на северо-восток на 320 м полосой шириной 200 м. Могильные сооружения, как правило, круглой формы, и лишь одна ограда — прямоугольной. Всего в этой группе имеется 38 оград эпохи бронзы и два кургана раннекочевнического времени, один из них с «усами». В первой группе могильника Егиз-Койтас нами раскопаны две ограды. Ограда 6 круглой формы, диаметр ее — 6 м. Внутри нее находилась грунтовая могильная яма прямоугольной формы,

размером 2,3×1,5 м, глубиной 1,1 м, ориентированная с востока на запад. На дне могилы, ближе к северо-западному углу, в беспорядке валялись кости скелета погребенного. Около северо-западного угла обнаружено множество аргиллитовых бусин и черепки глиняного горшка. По краю венчика горшка гладким штампом был нанесен орнамент в виде зигзага. Рядом с костями найдены обломки дерева. Очевидно, яма была обложена брусьями.

Ограда 7 прямоугольной формы, диаметр ее — 5 м. Некоторых плит на юго-

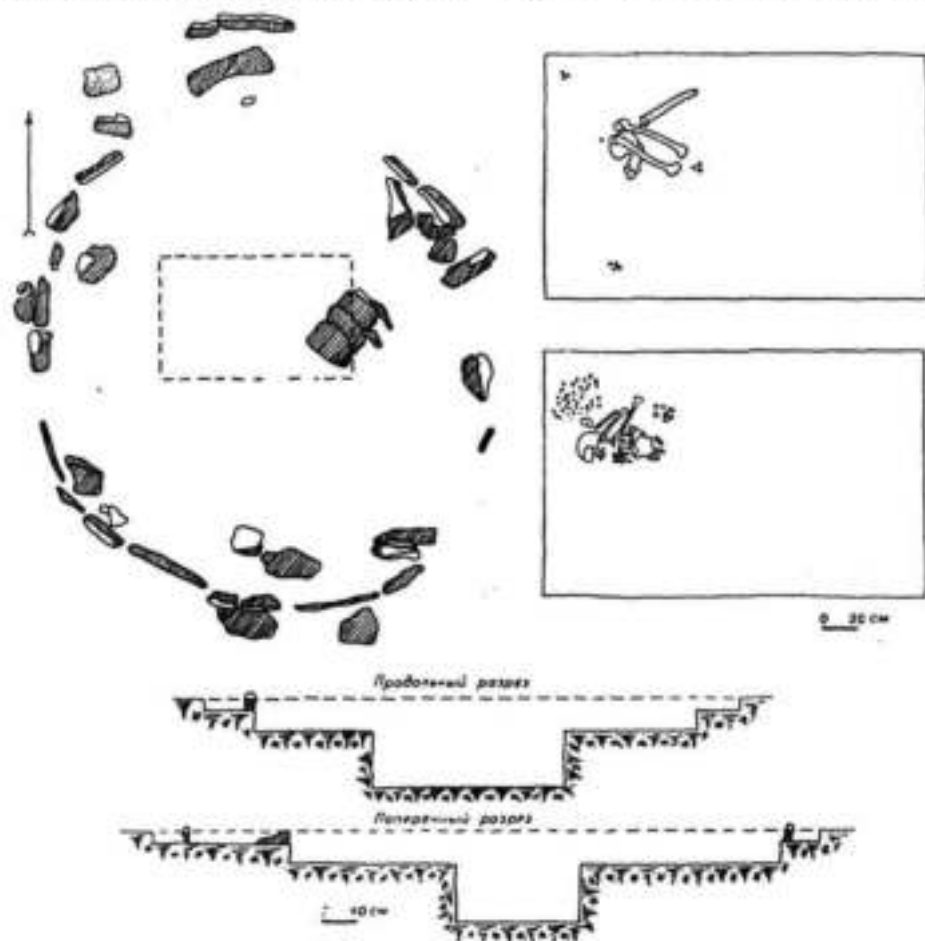

Рис. 60. Егиз-Койтас. План и разрезы ограды 1.

западной стороне ограды не было. Внутри нее находилась грунтовая погребальная камера прямоугольной формы, размером $2,2 \times 1,16$ м, глубиной 60 см, ориентированная с востока на запад. На дне могилы, в северо-западной ее части, в беспорядке лежали кости скелета человека, среди которых собраны обломки глиняного горшка. В северо-восточном углу камеры подняты две продолговатые подвески с отверстиями на противоположных концах для нашивки, украшенные пунсоным орнаментом.

КОМПЛЕКС ЖАМБАВ-КАРАСУ

Могильник находится в Карагандинской области, в 30 км к югу от рудника Кешоки. Он состоит из 3 групп. Группа I (40 оград) располагается на левом берегу р. Жамбай-Карасу и занимает площадь с запада на восток длиной 90 м, шириной 52 м. Вторая и третья группы разместились на правом берегу речки, расстояние между ними 1—1,5 км. Вторая группа насчитывает 20 оград, третья — 10. Могильные сооружения во всех трех группах сохранились в виде каменных оград прямоугольной, круглой, квадратной и овальной формы, с одним или несколькими ящиками, погребенными в земле. Ограды сооружены из гранитных плит, врытых на ребро.

Группа II разместилась на площади длиной с юго-запада на северо-восток 68 м, шириной 26 м. В ней раскопано семь оград.

Ограда 1 неправильной круглой формы. Диаметр ее с севера на восток — 4,2 м и с востока на запад — 4 м. Внутри ограды обнаружено два каменных ящика.

Ящик 1 прямоугольной формы, размером 60×40 см, высотой 25 см, ориентирован с северо-востока на юго-запад. На дне его, в юго-западном углу, стоял маленький сосуд баночной формы, с резным треугольным орнаментом. Скелет погребенного не сохранился.

Ящик 2 прямоугольной формы, размером $1 \times 0,40$ м, высотой 30 см, ориентирован с востока на запад. На дне его найдены раздавленный глиняный сосуд, два астрагала, кости барана. В западной

части ящика лежал череп человека, без нижней челюсти. Остальные кости погребенного отсутствовали.

Ограда 2 неправильной круглой формы, диаметром с севера на юг 3,2 м и с востока на запад 3,6 м. Внутри нее, в северо-западной части, находился каменный ящик прямоугольной формы, размером $1 \times 0,90$ м, высотой 50 см, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Он был покрыт плитой. На дне могилы, в юго-западном углу, стояло три сосуда с уступами на грани шейки и плечика. В центральной части ящика подняты обломки ребра и позвонок, а также раковины с просверленными отверстиями.

Ограда 3 круглой формы, диаметр ее — 6 м (рис. 62). В юго-восточной части ограды камни отсутствовали. Внутри нее обнаружен каменный ящик прямоугольной формы, размером $2 \times 0,7$ м, высотой 60 см, ориентированный с северо-востока на юго-запад. Ящик был покрыт несколькими плитами. На дне могилы, в юго-западном углу, стояло три глиняных горшка плохой сохранности. Скелет погребенного лежал на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. На кости предплечья были надеты бронзовые браслеты, на голеностопный сустав — язки бронзовых бус, употреблявшихся в качестве «ножных браслетов». Между стеной ящика и тазовыми костями погребенного лежали круглые орнаментированные бронзовые нашивные подвески, клыки хищных животных с просверленными отверстиями. У пяточных костей найдены раковины с просверленными отверстиями. В сосудах обнаружены кости животных.

Ограда 4 прямоугольной формы (рис. 63), размер ее — $3,20 \times 2,35$ м, длинной осью ориентирована с востока на запад. Внутри нее находилось два каменных ящика.

Ящик 1 прямоугольной формы, размером $1,75 \times 0,65$ м, высотой 45 см, ориентирован с северо-востока на юго-запад. На дне его покоился скелет человека. В юго-западной части ящика собраны еще обломки глиняного горшка.

Ящик 2 прямоугольной формы, размером $1,10 \times 0,80$ м, высотой 40 см, ориен-

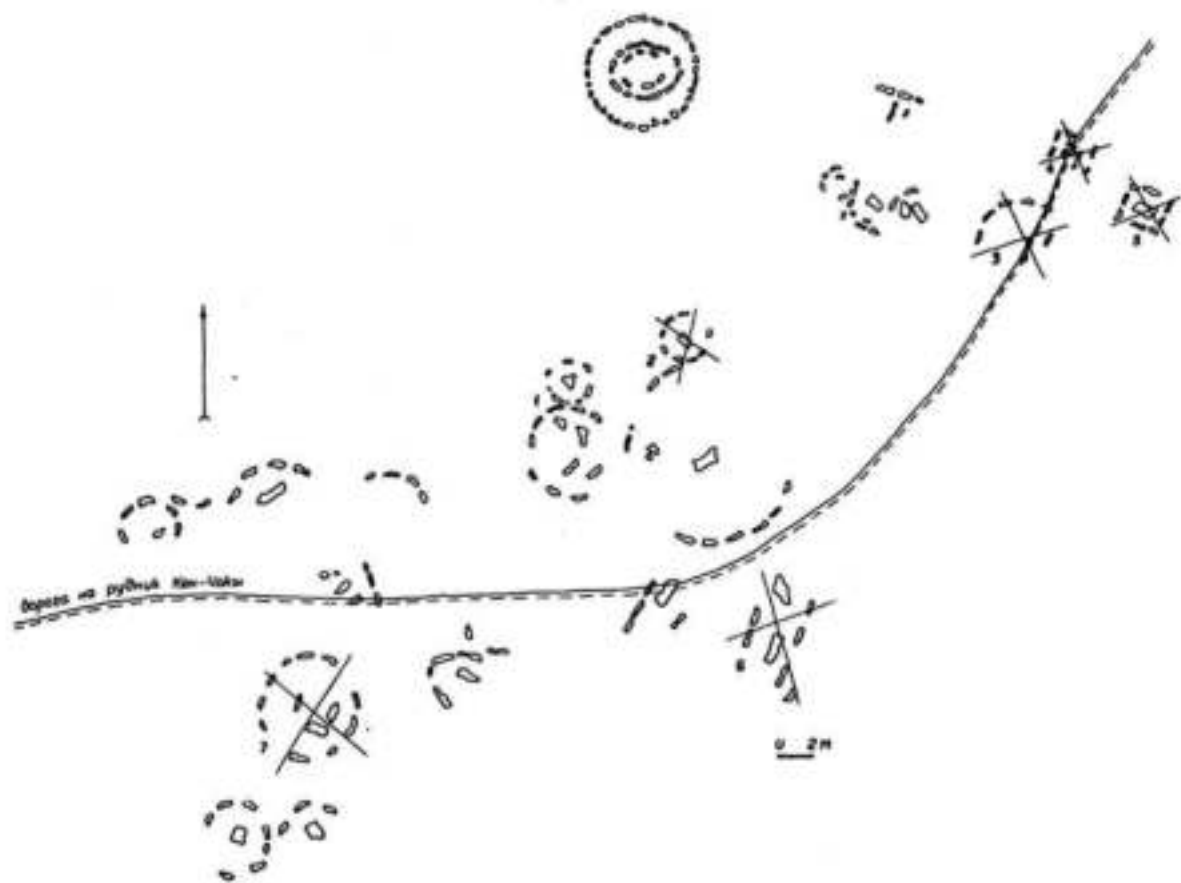

Рис. 61. План комплекса Жамбай-Карасу.

тирован с северо-востока на юго-запад. На дне его лежал скелет погребенного, на левом боку, скорченно, головой на юго-запад. В западном конце ящика стояло два глиняных горшка баночной формы, без орнамента. Около костей рук найдена круглая нашинная бляшка с двумя отверстиями на противоположных краях, орнаментированная путем сильного выдавливания выпуклостей с обратной стороны.

Ограда 6 прямоугольной формы, размером $6,40 \times 2,40$ м, ориентирована длинной осью с севера на юг. Внутри нее выявлено пять каменных ящиков.

Ящик 1 прямоугольной формы, размером $2 \times 0,75$ м, высотой 60 см, ориентирован с востока на запад. На дне могилы зафиксированы кости погребенного и обломки глиняного горшка, орнаментированного треугольниками и прямыми линиями, нанесенными по верхнему

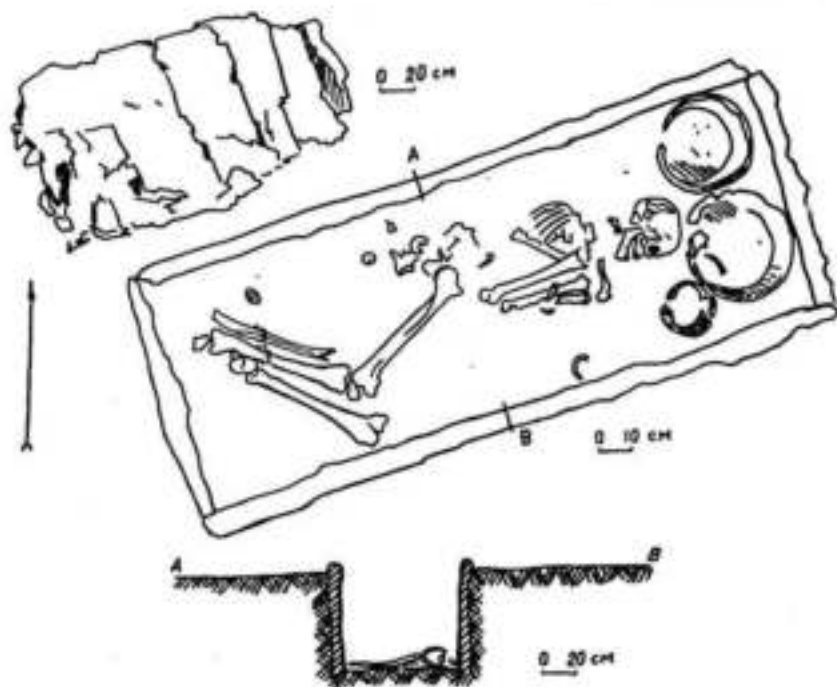

Рис. 62. Жамбай-Карасу. Разрез и обряд погребения в ограде 3.

Ограда 5 квадратной формы, размером $3,60 \times 3,60$ м. Внутри нее обнаружен каменный ящик, ориентированный с востока на запад, с незначительным отклонением на юг, и покрытый плитами. Сохранились восточная и западная плиты, средняя отсутствовала. На дне могилы, у западной стенки, стояло два орнаментированных горшка. Диаметр венчика первого — 32 см, второго — 15 см. В центре ящика в беспорядке лежали кости погребенного.

краю тулова. Здесь же найдены кости и зуб барана, а также ракушки и пастовые бусы.

Ящик 2 прямоугольной формы, размером $1,60 \times 0,70$ м, высотой 50 см, ориентирован с востока на запад. На дне его лежал погребенный, на левом боку, скорченно. Грудная часть скелета, до спинных позвонков, нарушена грабителями, нижняя конечность, поясничные позвонки, ключевая кость и часть ребер не потревожены. Череп не было, кости рук

валялись в беспорядке. В западном конце ящика среди костей найдены пастовая бусина и обломки глиняного горшка. Сосуд имеет ярко выраженный венчик, вогнутое горлышко и плоское дно,

Ящик 3 прямоугольной формы, размером $1,5 \times 0,50$ м, высотой 40 см, ориентирован с востока на запад. На дне могилы лежала часть скелета человека. Судя по сохранившимся костям нижней

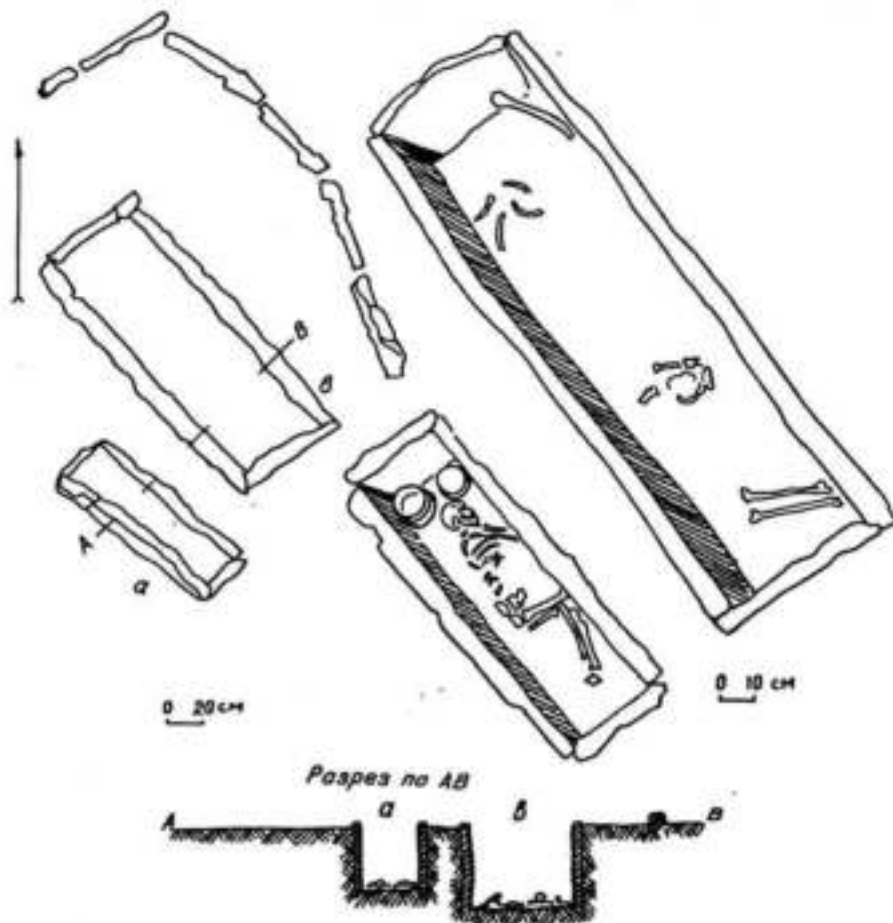

Рис. 68. Жамбай-Карасу. Разрез и обряд погребения в ограде 4.

ребра его резко выступают. Горшок украшен геометрическим орнаментом из заштригованных треугольников, прямых и ломаных линий. В верхней части тулова треугольники расположены вершинами вниз, на шейке — вниз и вверх. Между вершинами треугольников проведена зигзагообразная полоса. Орнамент нанесен гладким штампом.

конечности, погребенный был захоронен на левом боку, головой на запад. Других находок нет.

Ящик 4 прямоугольной формы, размером $2 \times 0,75$ м, высотой 50 см, ориентирован с востока на запад. На дне могилы собраны обломки берцовой кости. Скелет лежал на левом боку, головой на запад. В западном углу обнаружены

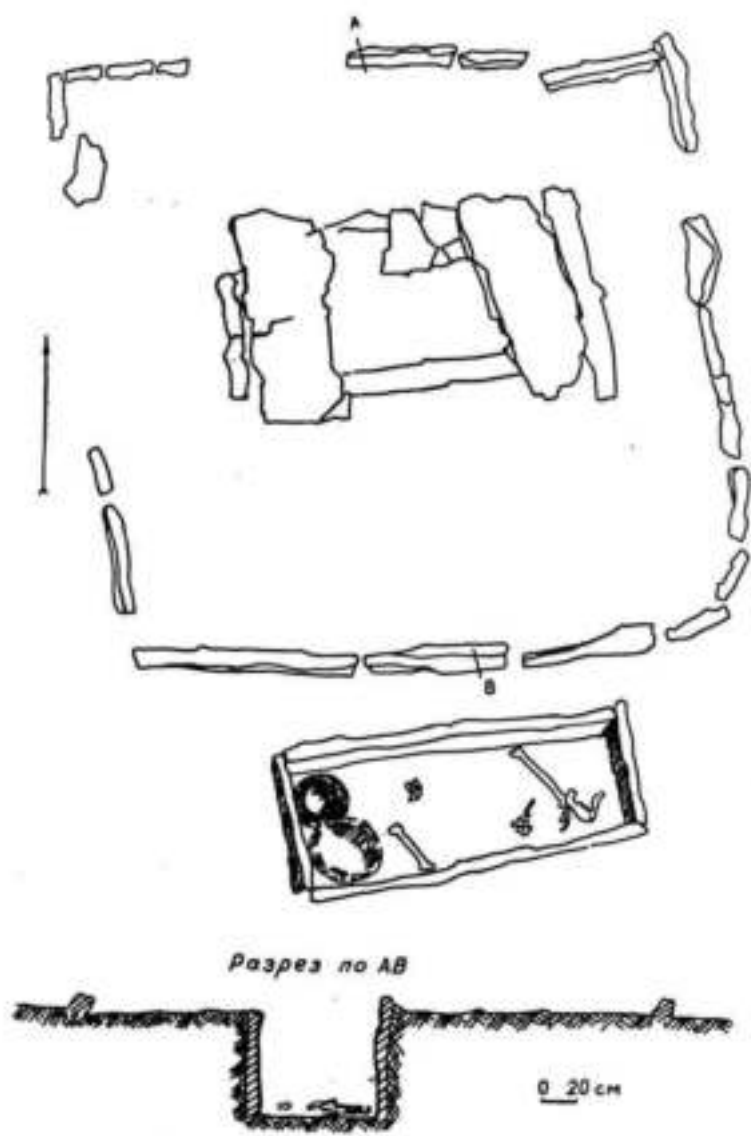

Рис. 64. Жамбай-Карасу. Разрез и обряд погребения в ограде 5.

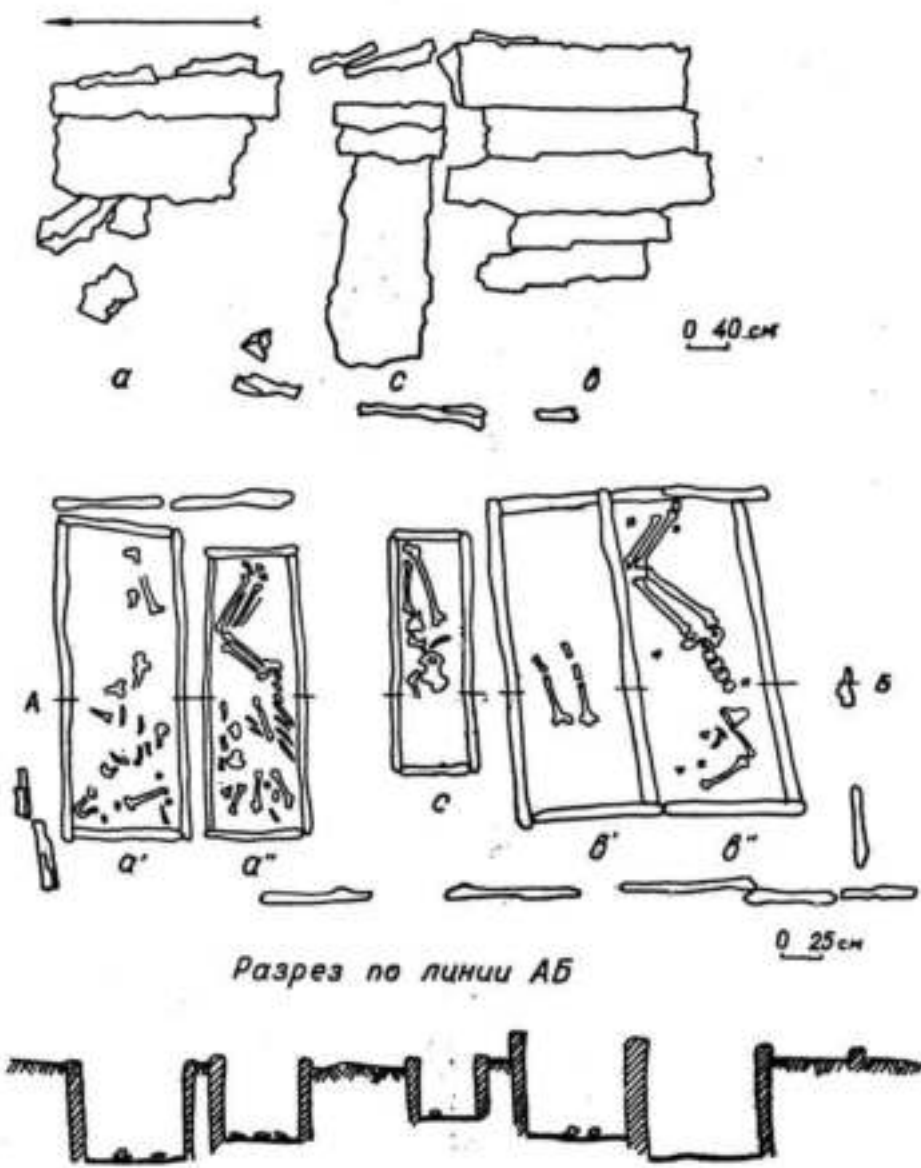

Рис. 65. Жамбай-Карасу. План и разрез многокамерного погребального сооружения в ограде 6.

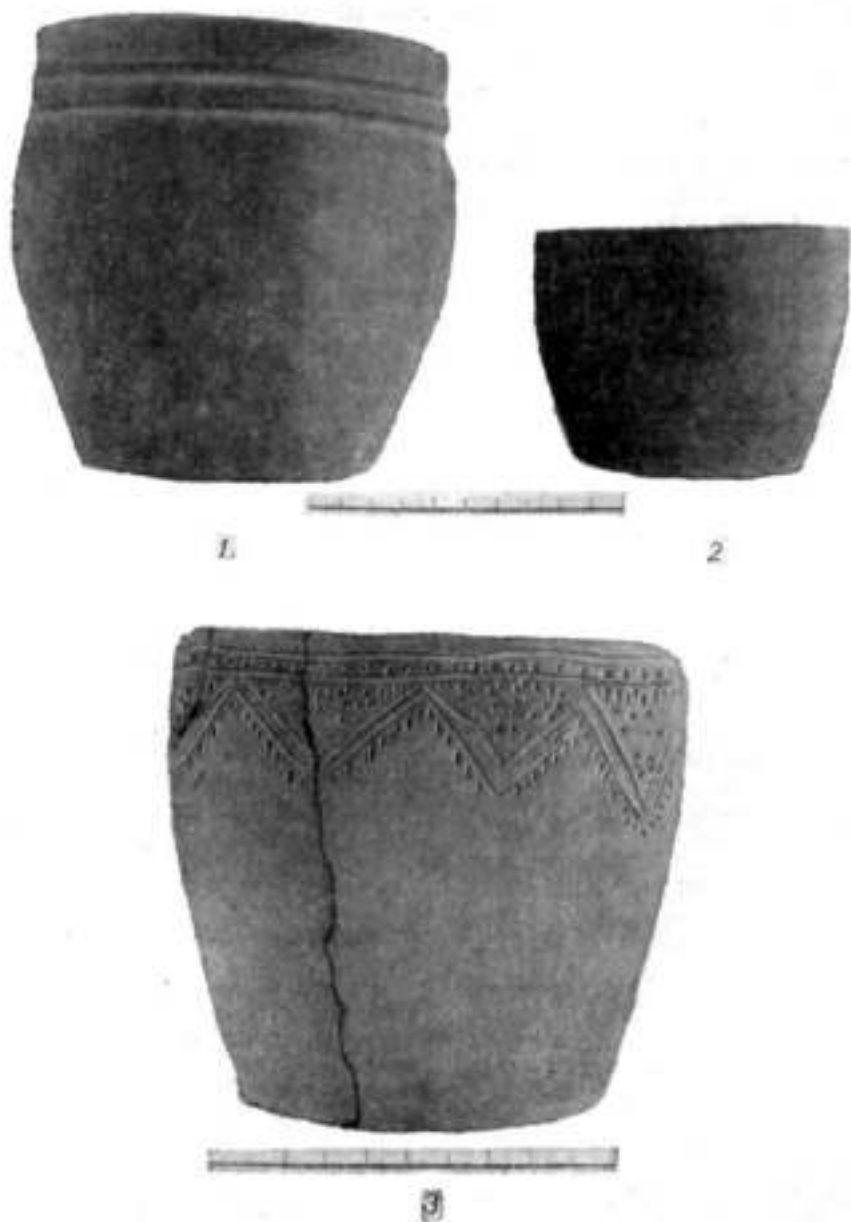

Рис. 66. Керамика из комплекса Жамбай-Карасу: 1 — ограда 2; 2 — ограда 4; 3 — ограда 1.

фрагменты глиняного горшка. На его венчик сверху были нанесены две зигзагообразные линии, образующие цепочку треугольников вершинами вниз. Между зигзагами проходила неорнаментированная полоса, характерная для сосудов второго этапа андроновской культуры.

Ящик 5 прямоугольной формы, размером $2 \times 0,80$ м, высотой 60 см, ориентирован с востока на запад. На дне могилы нашли лишь часть скелета человека, разрушенного до поясничных позвонков. Череп отсутствовал. Кости конечностей, таза и поясничные позвонки лежали в анатомическом порядке. Покойник был погребен в скорченном положении, на левом боку, головой на запад. В юго-западной части ящика подняты обломки глиняного горшка, орнаментированного аналогично сосуду из ящика 4. В области кистей рук найдена раковина с просверленным отверстием. Около поясничных позвонков обнаружены золотые поделки, а у берцовых костей — раковина с отверстием. У голеностопного сустава собрано девять бусин, очевидно, из кости бус.

Ограда 7 круглой формы, диаметр ее — 7 м. Внутри нее зафиксирован каменный ящик прямоугольной формы, размером $1,75 \times 0,90$ м, высотой 1,45 м, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Ящик первоначально был покрыт каменными плитами, об этом свидетельствует одна плита, сохранившаяся в его восточном конце. При расчистке ящика ничего не обнаружено.

КОМПЛЕКС ВАСБАЛДАК

Могильник находится в Карагандинской области, в 10 км от пос. Аксу-Аюлы, на правом берегу р. Васбалдак, северо-восточнее горы Тасшоқы. Он состоит из трех групп.

Группа I расположена в 5 км к северо-востоку от фермы совхоза им. Орджоникидзе. Она занимает площадь с северо-запада на юго-восток длиной 164 м, шириной 84 м. Могильные сооружения сохранились в виде каменных оград круглой, квадратной и прямоугольной формы с пристройками, в которых со-

держалось по одному или несколько ящиков. Всего в этой группе насчитывалось 32 ограды. Нами раскопана лишь одна большая ограда.

Ограда 1 круглой формы, диаметром 8 м. Внутри нее обнаружено пять ящиков.

Ящик 1 прямоугольной формы, размером $1,70 \times 0,80$ м, высотой 40 см, ориентирован с востока на запад, с небольшим отклонением на юг. На дне могилы, в западной и юго-западной частях, собраны обломки трубчатых костей плохой сохранности. В северо-восточной части ящика найден венчик сосуда. На шейке его были процарапаны вкось линии. Грани шейки и плечиков украшены незаштрихованными треугольниками.

Ящик 2 прямоугольной формы, размером $2,40 \times 1,10$ м, высотой 80 см, ориентирован с востока на запад. На дне могилы выявлено несколько истлевших обломков костей погребенного. В восточной части ящика подняты обломки керамики. Других находок нет.

Ящик 3 прямоугольной формы, размером $1,65 \times 0,82$ м, высотой 60 см, ориентирован с северо-востока на юго-запад. В ящике ничего не найдено.

В юго-восточной части ограды обнаружена детская могила, в ней стоял глиняный горшок высотой 13 см, с диаметром венчика 13 см, диа — 7 см. Горшок имеет круглое плечико, плоское дно. На грани плечика и тулова была нанесена цепочка треугольников вершинами вниз. В юго-западной части ограды выявлен маленький ящик размером 80×50 см, высотой 45 см, ориентированный с юго-востока на северо-запад. В северо-западном углу найден банкообразный сосуд (диаметр венчика — 12 см, диа — 7 см, высота — 14 см), орнаментированный сверху одним рядом горизонтальных елок. По краю дна сделаны прямые насечки.

При снятии дернового покрова в северо-западной, северо-восточной и южной сторонах собраны обломки глиняного сосуда. В восточной части ограды обнаружен целый банкообразный сосуд, украшенный по венчику треугольниками.

Орнамент выполнен зубчатым штампом. Высота сосуда — 13 см, диаметр по венчику — 13 см, по дну — 10 см.

Группа II состоит из 39 оград и находится в 12 км к востоку от фермы совхоза им. Орджоникидзе. Она занимает площадь с востока на запад длиной 272 м, шириной 80 м. Могильные сооружения сохранились в виде каменных оград прямоугольной, овальной и круглой формы.

Группа III насчитывает 19 оград, расположена в 3 км к востоку от второй груп-

Внутри него, в северо-западном углу, лежали обломки глиняного сосуда. Венчик его до плечика орнаментирован шестью желобками. По плечу и верхней части тулова проходит зигзагообразные линии. В юго-западном углу поднята бронзовая бусинка. Костей погребенного не обнаружено. Могила разграблена.

КОМПЛЕКС ЖАНАЙДАР

Могильник расположен в 300 м на юго-запад от старой зимовки Жанайдар, у

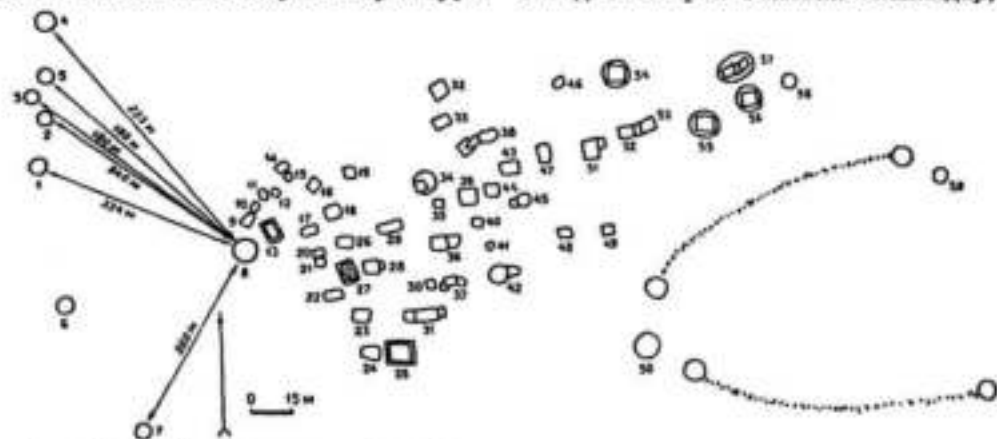

Рис. 67. Общий план комплекса Жанайдар.

пы и занимает площадь с востока на запад длиной 76 м, шириной 50 м. Все могильные сооружения имеют круглую форму, только три — прямоугольную. Камни оград вкопаны на ребро и выступают над поверхностью на 10—20 см.

КОМПЛЕКС АЛТЫНСУ

Могильник находится в Ульяновском районе Карагандинской области. Он тянется с северо-запада на юго-восток и занимает площадь длиной 140 м, шириной 72 м. Он состоит из 20 оград. Могильные сооружения — в виде каменных оград прямоугольной, круглой и квадратной формы. Сверху некоторые квадратные и овальные сооружения выложены камнями. В группе была раскопана одна ограда. В ней находился каменный ящик размером 95×80 см, высотой 1 м, ориентированный с востока на запад.

подножья небольших холмов. Северо-западнее зимовки находится юртообразное каменное сооружение Уйтас Ибрайхан, сложенное из плиточных камней. В одном километре южнее группы Жанайдар, в долине р. Шолак-Кани, зафиксированы гуинские курганы. При раскопке одного из них в 1946 г. были обнаружены подбойное погребение, скелет с деформированным черепом и керамика, характерная для гуиннов. В могильнике насчитывается до 50 оград (рис. 67). Все они сооружены из сланцевых плит, поставленных на ребро, в виде круга, прямоугольника или квадрата. Исследовано три ограды (13, 25, 27), описание которых мы приводим.

Ограда 13 прямоугольной формы, сооружена из сланцевых плит, ориентирована длинной осью с юго-востока на северо-запад, отклонение от севера на запад 30°.

Размер ее с юго-востока на северо-запад — 4,36 м, с северо-востока на юго-запад — 3,1 м. Внутри ограды, на глубине 20 см, в северо-восточной части лежала плита, рядом стояла другая. На глубине 45 см, в центре, оконтурилась могильная яма, а в юго-восточной части ограды были найдены обломки богато орнаментированного горшка с плоским дном. Край венчика и верхнюю часть украшали три параллельные линии, а шейку — меандровый орнамент. Рисунок был выполнен гребенчатым штампом. Горшок имел резко выраженный уступ. В юго-западной части камеры, на той же глубине, собраны обломки другого горшка со слегка отогнутым венчиком. На его шейке проведены две зигзагообразные линии, а в середине зигзагов уголками сделаны поперечные насечки. На грани шейки и плечика имелся небольшой уступ. По верхней части плечика проходили насечки, ниже — две параллельные линии — желобки, а затем цепочка равнобедренных треугольников вершинами вниз. Треугольники были заштрихованы прямыми линиями. Горшок плоскодонный.

Размер могильной ямы — 2,1 × 0,9 м, глубина — 0,7 м. У северо-восточной стенки, на глубине 60 см, обнаружено несколько позвонков погребенного. В северо-западной части могилы, на глубине 40—45 см, найдены кости барана, а в углу — два височных кольца. На одном сохранилась обкладка из золотой фольги. Могила ограблена.

Ограда 25 (рис. 68) прямоугольной формы, размер ее с юго-запада на северо-восток — 6,5 м, с юго-востока на северо-запад — 5,1 м. Внутри ограды выявлены две могильные ямы, ориентированные так же, как и ограда.

Могила 1 подпрямоугольной формы, с закругленными углами. Размер ее — 2,5 × 1,1 м, глубина — 0,7 м. При тщательной зачистке ямы ничего не обнаружено.

Могила 2 овальной формы, размер ее в юго-восточной части — 1 м, в северо-западной — 80 см, глубина — 75 см. В восточной половине ограды, на глубине 50 см, найден коренной зуб человека, в

центральной части собраны обломки глиняного сосуда — два фрагмента от тулова и венчика. По краю венчика нанесены гребенчатым штампом две параллельные линии, ниже — цепочка треугольников. На фрагменте тулова имеется меандровый орнамент, выполненный гребенчатым штампом. На дне ямы, в северо-восточной части, найдено семь бронзовых бусин.

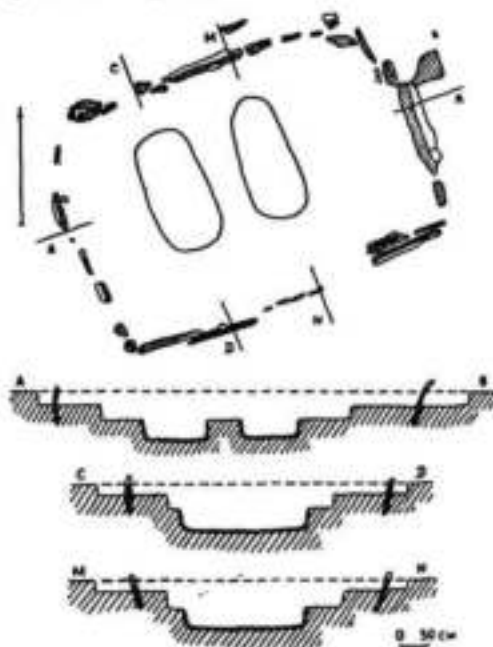

Рис. 68. Жанайдар. План и разрезы ограды 25.

Ограда 27 прямоугольной формы, сооружена из сланцевых плит, ориентирована длинной осью с юга на север, с отклонением 20° на запад. Размер ее с востока на запад — 6 м, с юга на север — 5,54 м. Камни ограды вкопаны на ребро. В северной и северо-восточной частях, на глубине 45 см, лежали плиты. Под ними была обнаружена могильная яма, ориентированная с севера на юг, с небольшим отклонением на запад.

В южной части ограды, на глубине 35—40 см, найдены обломки двух глиняных горшков. Судя по ним, один сосуд светло-серого цвета сделан лучше, чем дру-

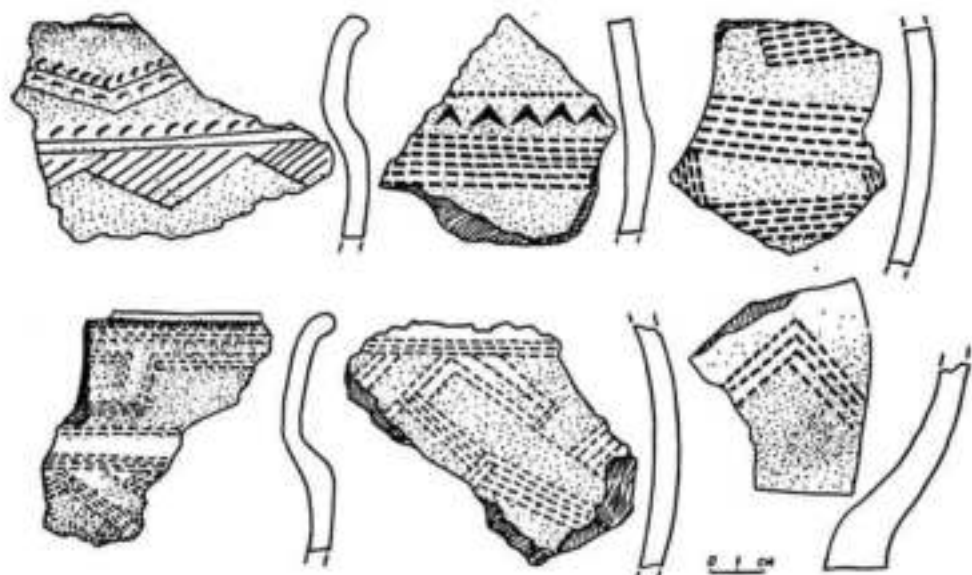

Табл. XIV. Керамика переходного этапа от андрона к бегазы-даңдыбаевскому времени Центрального Казахстана. Группа Жанайдар, ограда 13.

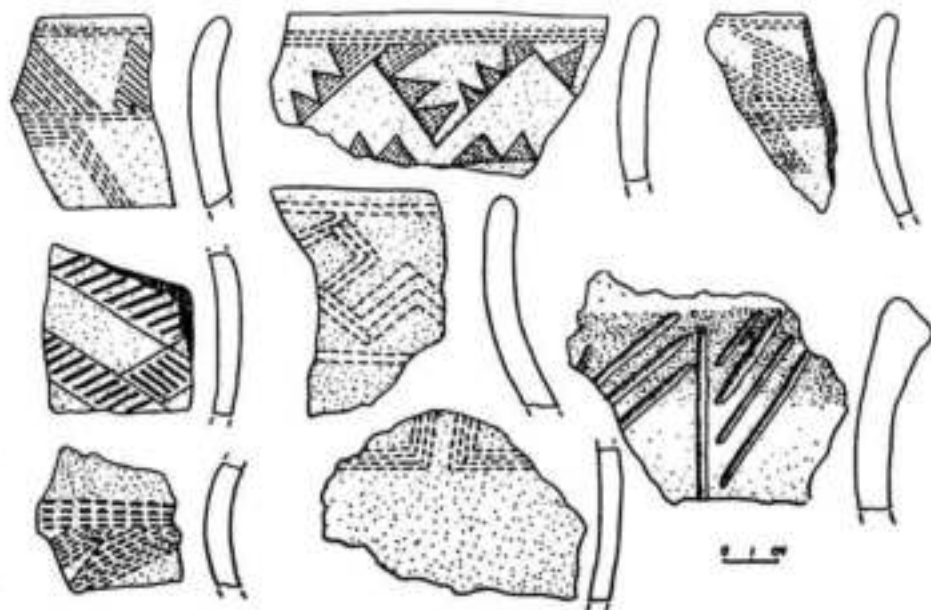

Табл. XV. Керамика переходного этапа от андрона к бегазы-даңдыбаевскому времени Центрального Казахстана. Группа Жанайдар, ограды 25, 27.

гой. Он хорошо обожжен, толщина его стенок — 6 мм. По краю венчика проходят две параллельные линии. На шейку сосуда нанесен меандровидный орнамент, ниже его расположены параллельные линии. Орнамент выполнен гребенчатым штампом. Судя по венчику, горшок имел круглое плечико. Меандровый рисунок с поперечной насечкой имеется на внешней и внутренней поверхности горшка. В северной части ограды, на

глубине 35—40 см, в слое над могильным пятном подняты обломки венчика и тулова глиняного сосуда с таким же орнаментом, как на горшке из южной ограды. На одном из обломков хорошо виден уступ.

В северной части ямы, на глубине 65 см, обнаружен обломок кости нижней конечности. Размер погребальной камеры — 1,1×0,6 м, глубина — 1 м. На дне ямы ничего не найдено.

§ 3. ЖЕРТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Среди многочисленных и разнообразных памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана особый интерес представляют жертвенные сооружения, устройство которых связано с древними ре-

Наиболее интересные из них расположены в долинах горных рек Боксай и Сартабан, недалеко от основных мест обитания племен, памятники которых в виде поселений и обширных погребаль-

Рис. 69. Темир-Астау. План жертвенных сооружений.

лигиозными обрядами андроновских племен.

Андроновские жертвенные места всегда находятся на открытой равнине, несколько приподнятой над окружающей местностью, в стороне от поселений и погребений. В большинстве случаев это круглые сооружения, выложенные грубыми каменными глыбами, положенными плашмя, иногда в виде овала или круга неправильной формы. Число каменных глыб в них всегда постоянное — 8—9. В предгорьях Улутау, изредка на берегах Атасу, встречаются жертвенные круги из глыб белого кварца, которые своим блеском привлекают внимание.

Жертвенные места изучены нами в разных районах Центрального Казахстана.

ных полей находятся в долине р. Атасу или у подножья гор, окружающих эту реку.

Много жертвенных сооружений обнаружено в долинах рек Нуры, Карасу, Жарлы и притока последней — Акблек, расположенных против западного подножья Каркаралинских гор.

Жертвенное место — это вырытый в земле круг глубиной от 40 до 80 см, диаметром от 1,5 до 3 м. Верхние края ямы обычно обложены крупными каменными глыбами. Размер жертвенных кругов почти всегда один и тот же, как и других сооружений эпохи бронзы. Каждый жертвенный круг с восточной стороны имеет ход, обозначенный широким разрывом, и дорожку, выложенную галеч-

ником (Боксай на р. Атасу). Исследования нескольких жертвенных кругов в разных местах Центрального Казахстана позволили выяснить обрядовое значение этих памятников и установить размер жертвоприношений. При раскопке жертвенных кругов часто находили орудия труда, в частности каменные мотыги, терочники, зернотерки и другие предметы. В жертвенных местах на Боксае выявлены мощные слои угля и золы, а также органические остатки (видимо, молочной пищи) толщиной до 40 см. В жертвенном сооружении на р. Нуре (аул Бесоба, урочище Жамантас), в его северо-западной части, на глубине 30 см, были обнаружены две загадочные фигурки, вылепленные из алебаstra с примесью кварцевого песка. Одна из фигур имела форму массивного бронзового серпа длиной 6 см, шириной 3 см, другая — параболического треугольника. Оба предмета, видимо, имитировали дорогие орудия труда, которые на самом деле принести в жертву было не под силу. Здесь же подняты каменный пест продолговатой формы и фрагменты керамики двух плоскодонных сосудов.

Следует отметить, что в эпоху поздней бронзы Центрального Казахстана в мес-

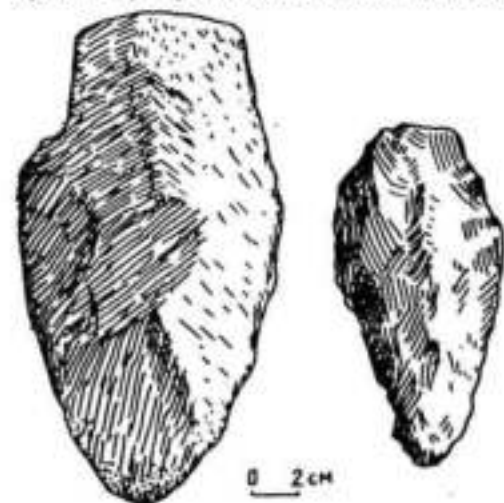

Рис. 70. Каменные орудия, найденные у основания менгира в долине р. Шопы в горах Бугуты.

тах древних андроновских жертвенных кругов стали возводить своеобразные алтари — круглые менгиры из громадных гранитных плит, которые ставили на ребро. При раскопке одной из групп менгиров (Темир-Астау) зафиксировано большое скопление золы и угля. Вокруг сооружения грунт был сильно прокален. Все это свидетельствует о большом обрядовом значении как жертвенных кругов, так и менгиров, которые позволяют получить представление об идеологии племен, живших в разные периоды эпохи бронзы Центрального Казахстана. Теперь дадим описание некоторых жертвенных сооружений Центрального Казахстана.

ЖЕРТВЕННЫЕ КРУГИ БОКСАЙ

Жертвенные места расположены на правом берегу горной речки Боксай, в 2 км к северо-западу от фермы совхоза им. Сакина Сейфуллина. В группе имеется 12 жертвенных кругов, из них раскопано два: первый и второй.

Жертвенный круг 1 — по плану круглое сооружение, основание которого до 40 см засыпано землей. С юго-восточной стороны имелся вход прямоугольной формы, выложенный крупными гранитными плитами. Диаметр круга — 2,2 м, длина входа — 1,5 м, ширина выкладки — 1,3 м. Котлован окаймлен большими прямоугольной формы гранитными плитами (7 шт.) Размер малых — 65×38 см, больших — 90×30 см. Исследованием установлено, что верхний гумусовый слой достигал 16 см, далее располагался слой мусора с большими вкраплениями органических остатков. Он доходил до материкового грунта и имел толщину около 40 см. Ясно, что это были остатки жертвенной пищи, перемешанные с золой и углями. Костей животных не обнаружено. Других находок также не было. Раскопка закончена на глубине 60 см.

Жертвенный круг 2 расположен рядом с первым и сооружен подобно ему. Но он несколько больше, его обрамляют 9—10 камней. Диаметр круга — 2,4 м, длина входа — 0,9 м, ширина — 1,4 м.

Вход обращен также на юго-восток. В юго-западной части круга сделано нишеобразное углубление прямоугольной формы, высотой 50 см, шириной 70 см. Выявлено также два слоя: гумусно-дерновой, толщиной до 15 см, и грязной массы с большой примесью органических остатков, толщиной 35—40 см, что говорит о многократном совершении об-

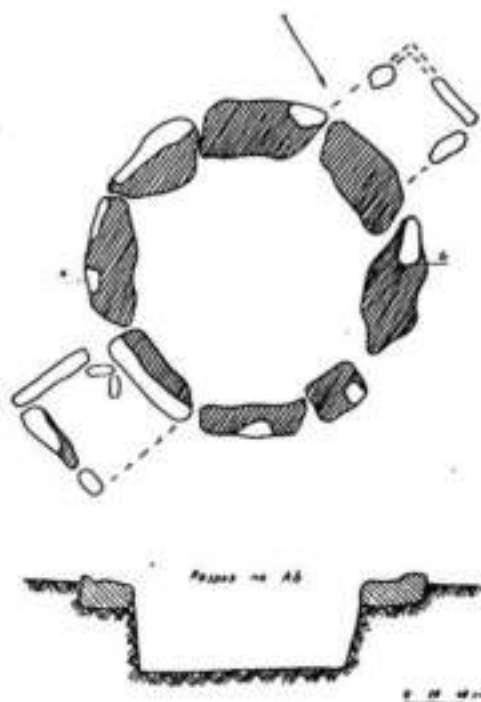

Рис. 71. Воксай. План и разрез жертвенника 2.

ряда с огнем. При тщательном исследовании площади круга никаких остатков материальной культуры не обнаружено. Лишь у входа в круг была поднята зернотерка с курантом, сделанная из красного песчаника. Обе части большого размера (одна — длиной 42 см, шириной 15 см, другая — длиной 27,5 см, шириной 12 см), овальной формы, с незначительным углублением на внутренней рабочей поверхности. Величина зернотерки подтверждает ее назначение. Жертвенные сооружения на р. Атасу сохранились лучше, чем в других районах

Центрального Казахстана. Дальнейшее их изучение пополнит наши знания о культуре эпохи бронзы Сары-Арки.

ЖЕРТВЕННЫЕ КРУГИ ТАЛДЫ

Жертвенные места находятся в 9 км к юго-востоку от г. Каркаралинска, на дороге в Кентские горы. В группе имеется три сооружения. Они округлой формы, сложены из глыб камня и расположены цепочкой с северо-запада на юго-восток. Лучше сохранился крайний, юго-восточный круг, в нем насчитывается восемь камней. Диаметр его с юга на север — 4 м, с запада на восток — 3 м. Камни кругов несколько смещены, но все же круги не потеряли свою форму. Центральный круг состоял также из восьми камней, причем два лежали в стороне. Его диаметр — 2 м. Северо-западный круг (диаметр 2,5 м) сложен из девяти камней, два из них сдвинуты с первоначального места.

ЖЕРТВЕННЫЕ КРУГИ КАРАСУ

Они находятся на левом, возвышенном берегу р. Карасу, в 28 км к востоку от центральной усадьбы бывшего колхоза им. Розы Люксембург. В группе имеется шесть жертвенных кругов, которые тянутся цепочкой с востока на запад. Особенностью их является то, что в центре каждого круга врыт менгир. За исключением двух, все жертвенники имеют форму круга, диаметр их — от 2,5 до 5 м.

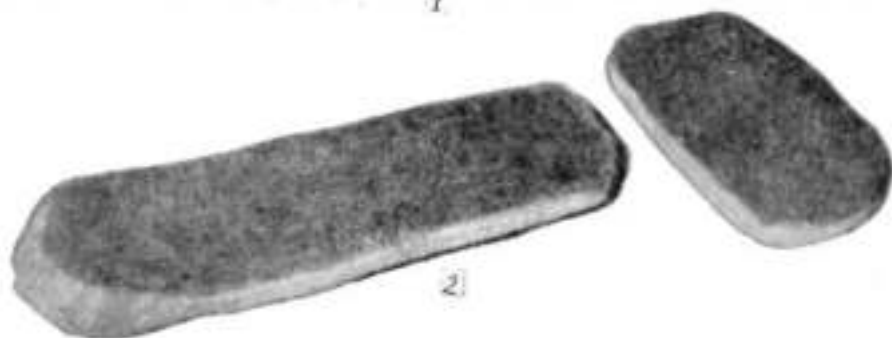
Жертвенный круг 1 (диаметр 1,2 м) составлен из девяти камней, положенных плашмя. Размер камней — от 20×15 см до 35×20 см. С восточной стороны сделан вход, в этом месте камней нет. В центре жертвенника стоял менгир высотой 1 м, шириной 0,6 м, толщиной 0,2 м. Никаких вещей не обнаружено.

Жертвенный круг 2 неправильно-круглой формы, самый большой в этой группе. Диаметр его — 2,5 м. Размер камней — от 30×20 см до 45×20 см. Он давно погребен, некоторые камни, составляющие круг, сдвинуты с места. Их насчитывается восемь. Менгира в центре жертвенника нет, от него сохранилась лишь яма.

1

2

Рис. 72. Бонсай: 1 — внешний вид жертвенника 2, 2 — зернотерки на жертвеннике 2.

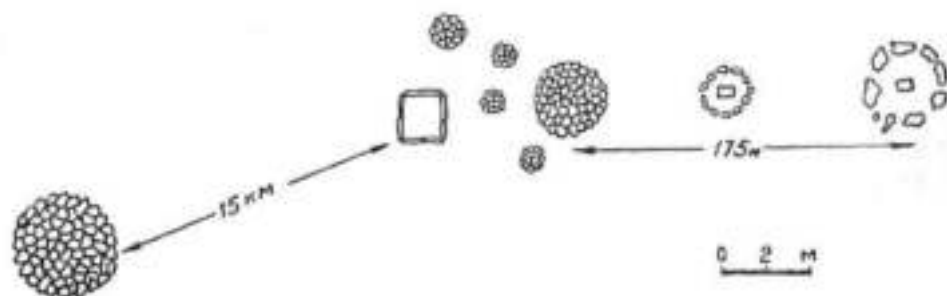

Рис. 73. План андроновских жертвенных сооружений из долины р. Карасу.

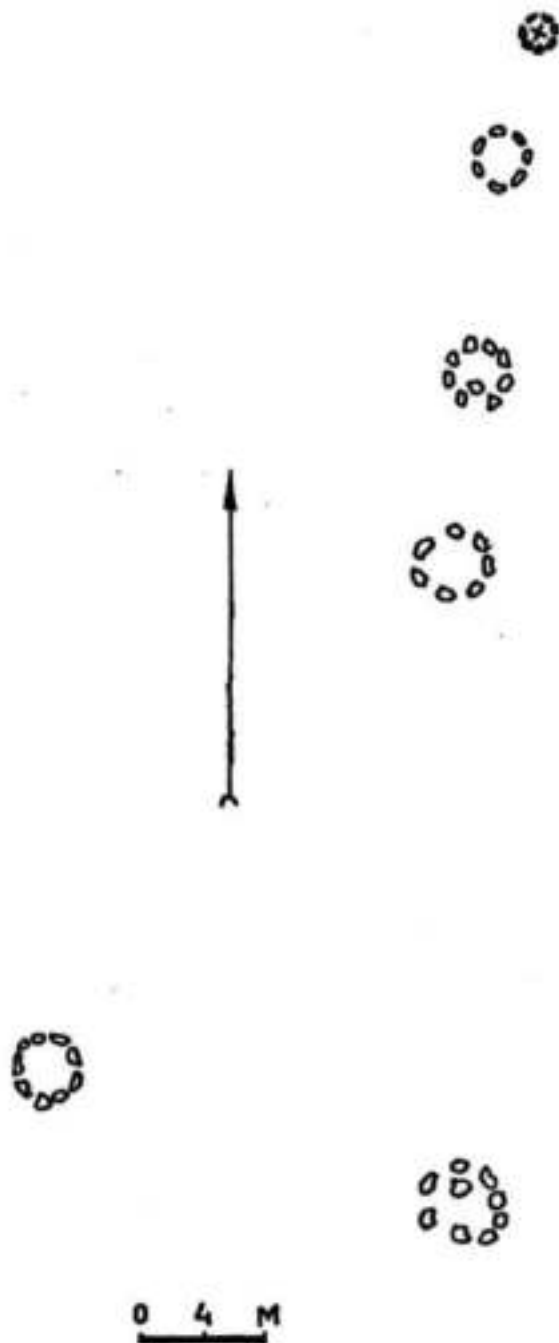

Рис. 74. План мегалитических жертвенных сооружений на долине р. Жары.

Вторая группа жертвенных кругов находится в низовьях р. Карасу, недалеко от ее впадения в р. Нуру. Но она сильно пострадала от человеческих рук, камни многих жертвенников разобраны, от них сохранились лишь глубокие ямы, а в одном круге — большой менгир.

ЖЕРТВЕННЫЕ КРУГИ КАЛМАК-КЫРГАН

Они встречаются в Баян-Аульском районе, у юго-восточного подножия горы Калмак-Кырган, возле большой дороги

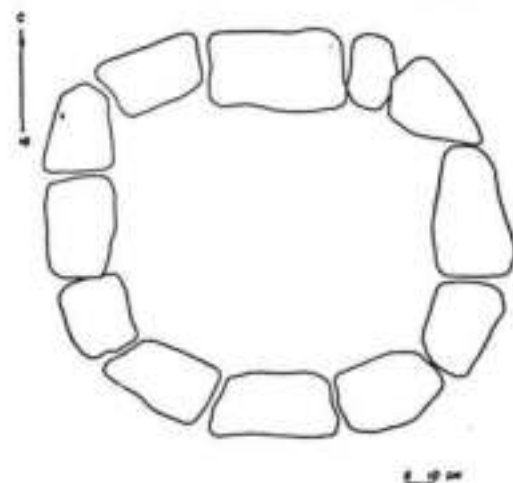

Рис. 75. План андроновского жертвенного сооружения 1 из долины р. Жарлы.

из Баян-Аула в Семипалатинск. В группе уцелело лишь четыре жертвенника. Они выложены огромными глыбами гранита. Диаметр маленького круга — 2,45 м, большого — 5 м. Камни имелись

только у двух кругов. Круг 1 обрамляют восемь камней. Находок не было.

ЖЕРТВЕННЫЕ КРУГИ ЖАРЛЫ

Группа расположена на правом, возвышенном берегу р. Жарлы, протекающей на западе Каркаралинских гор. В ней насчитывается шесть каменных кругов, которые с ССВ на ЮЮЗ как бы образуют цепочку. Лишь один круг на южном конце расположен несколько западнее. Возможно, на этом месте когда-то были еще жертвенники. Сохранившиеся сооружения имеют четкую круглую форму, наподобие андроновских кольцевых оград. В каждом круге имеется семь — девять камней. Вход у всех сделан с южной стороны.

Жертвенный круг 1 сооружен из массивных каменных глыб. Диаметр его — 2,40 м. Размер камней — от 35×45 см до 1×0,55 м. Исследована внутренняя площадь сооружения. Раскоп проведен до материкового грунта, т. е. до глубины 80 см. Находок не было.

Жертвенный круг 2 овальной формы, сооружен из массивных каменных глыб. Длина его — 1,79 м, ширина — 1,55 м. Размер камней — от 30×15 см до 50×30 см. Внутренняя площадь исследована до материкового грунта, до глубины 85 см. Предметов не обнаружено.

Жертвенный круг 3 неправильно-круглой формы, сооружен из массивных глыб. Длина его — 2 м, ширина — 1,90 м. Размер камней — от 45×30 см до 60×35 см. Исследована внутренняя площадь. Раскоп доведен до материкового грунта, до глубины 90 см. Ничего не найдено.

БЕГАЗЫ-ДАНДЫБАЕВСКАЯ КУЛЬТУРА

§ 1. ПАМЯТНИКИ РАННЕБЕГАЗИНСКОГО ВРЕМЕНИ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

В Центральном Казахстане особо надо выделить обширную группу памятников, знаменующую собой новый этап развития культуры бронзы, возникший в результате тех глубоких изменений, которые произошли в жизни древне-андроновских племен Центрального Казахстана в период наивысшего их развития, т. е. в конце второго тысячелетия до нашей эры (XIII—XII вв.). Эти памятники, имея черты преемственности с сооружениями прошлой эпохи, в то же время сильно отличаются от классических андроновских оград большим размером, иной формой и иным погребальным обрядом. Незуоченность памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана стала некоторой помехой в развитии археологической науки, она породила такое суждение, что в Казахстане не было завершающего этапа культуры бронзы, соответствующего карасукской культуре в Южной Сибири. Андроновская культура непосредственно предшествовала местной культуре раннескифского времени. Этого мнения придерживались О. А. Кривцова-Гракова¹, С. В. Киселев² и С. С. Черников³.

Теперь, после открытия и изучения наиболее ярких памятников эпохи поздней бронзы, как Бегазы, Сангу I, III, Вугулы III, Дандыбай, Ортау II и многих других комплексов, закономерность в последовательности развития культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана, начиная начальной стадией и кончая высшей, стала очевидной. Предположения, высказанные ранее, вновь обсуждаются и уточняются. Многие кардинальные вопросы эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана нашли свое правильное освещение в работе М. П. Грязнова⁴.

Несмотря на это, некоторые ученые и сейчас не желают различать разные исторические этапы, объединяют их под общим названием андроновская культура. Очень настойчиво защищает эту точку зрения С. С. Черников, который хотя формально и признает различия между андроновской и бегазы-дандыбаевской культурами Центрального Казахстана, однако при теоретической разработке вопросов хронологии относит все памятники к андроновской культуре. В своей последней работе С. С. Черников пытается доказать, что андронов-

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Алесеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», XVII, 1948, стр. 153.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. «МИА», 1949, № 9, стр. 57, 93.

³ С. С. Черников. Древняя металлургия и

горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, стр. 69.

⁴ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. «СА», 1952, XVI, стр. 130.

ская культура непосредственно переходит в культуру ранних кочевников, без всякого промежуточного этапа, подготавливавшего условия перехода к кочевому скотоводству. Он пишет: «Андроновская культура, когда-то яркая, самобытная и сильная, изживает себя, переходя в культуру ранних кочевников»⁵. Периодизация эпохи бронзы еще окончательно не установлена. Уточнение ее крайне необходимо, особенно если учесть многообразие и разновременность памятников Центрального Казахстана, многие из которых не известны в других областях распространения памятников бронзово-железной культуры. Некоторые комплексы, например Ортау II, Аксу-Аюлы II, Бесоба, Карашоки, Вельсар II и другие, нельзя отождествлять с алакульскими памятниками, ибо по характеру керамики, бронзовых изделий, и особенно типу погребальных сооружений, курганы с кольцевой оградой не могут относиться к алакульскому времени. Они — продукт культуры переходного этапа от позднего андрона к бегазы-даидыбаевскому времени. Однако С. С. Черников датирует их алакульским периодом, беря за образец сарыкольский курган⁶.

При этом он отмечает, что в данном кургане найдены сосуды только федоровского времени. Следовательно, он не может быть образцом для хронологической классификации комплексов Ортау, Вайбала, Аксу-Аюлы, Бесоба. Анахронизм сарыкольского кургана объясняется тем, что в нем был найден горшок, не современный этому кургану, а более древний. Вероятно, его взяли из андроновских ящиков и вначале хранили дома, как реликвию, а затем положили в курган вместе с умершим.

Большие курганы с кольцевой оградой в основании отличаются от традиционных андроновских памятников как инвентарем, так и формой устройства.

Для убедительности приведем краткий сравнительный анализ этих сооружений.

⁵ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. «МИА», 1960, № 88, стр. 117.

⁶ Там же, стр. 98—99.

Для раннеандоновских памятников характерны могильные сооружения в виде кольцевой ограды из вертикально врытых каменных плит без насыпи. В центре ее расположен прямоугольный каменный ящик, перекрытый двумя-тремя плоскими плитами гранита, ориентированный с юго-запада на северо-восток. В нем захоронен в скорченном положении человек, на левом боку, против лица стоят ритуальные горшки, часто баночной формы. Из украшений типичны крупные медные бусы, клыки хищных животных, раковины.

Памятники позднего андрона более обширны и разнообразны. Они представлены круглыми, овальными, прямоугольными или квадратными оградками и их комбинациями и часто смыкаются, образуя сооружения с пристройками. Ограды сложены из массивных гранитных плит, врытых на ребро, в большинстве случаев они без насыпи, изредка с небольшой, не более 20—30 см. Такие ограды являются усыпальницами патриархально-родовых общин андроновских племен Центрального Казахстана. В каждой нередко имеется от 5 до 12 и более ящиков, в которых лежат останки членов одной большой семьи, обязательно скорченно, на левом боку. Ящики по форме разнообразны, но чаще в виде трапеции.

Для позднего андрона характерны также каменные ограды с двумя камерами, в которых погребены муж и жена. Они лежат также скорченно, лицом друг к другу, один на левом боку, другой на правом. Это весьма устойчивый погребальный обряд, существовавший в период классического андрона.

Совершенно иначе устроены большие курганы с кольцевой оградой из огромных гранитных плит, врытых на ребро. Это не родовые погребения патриархально-родовых общин, а гробницы наиболее выдающихся членов патриархально-родового общества. Появление подобного типа захоронений с обширными внутренними сооружениями связано с теми изменениями, которые наметились в жизни племен Центрального Казахстана в результате возникновения у

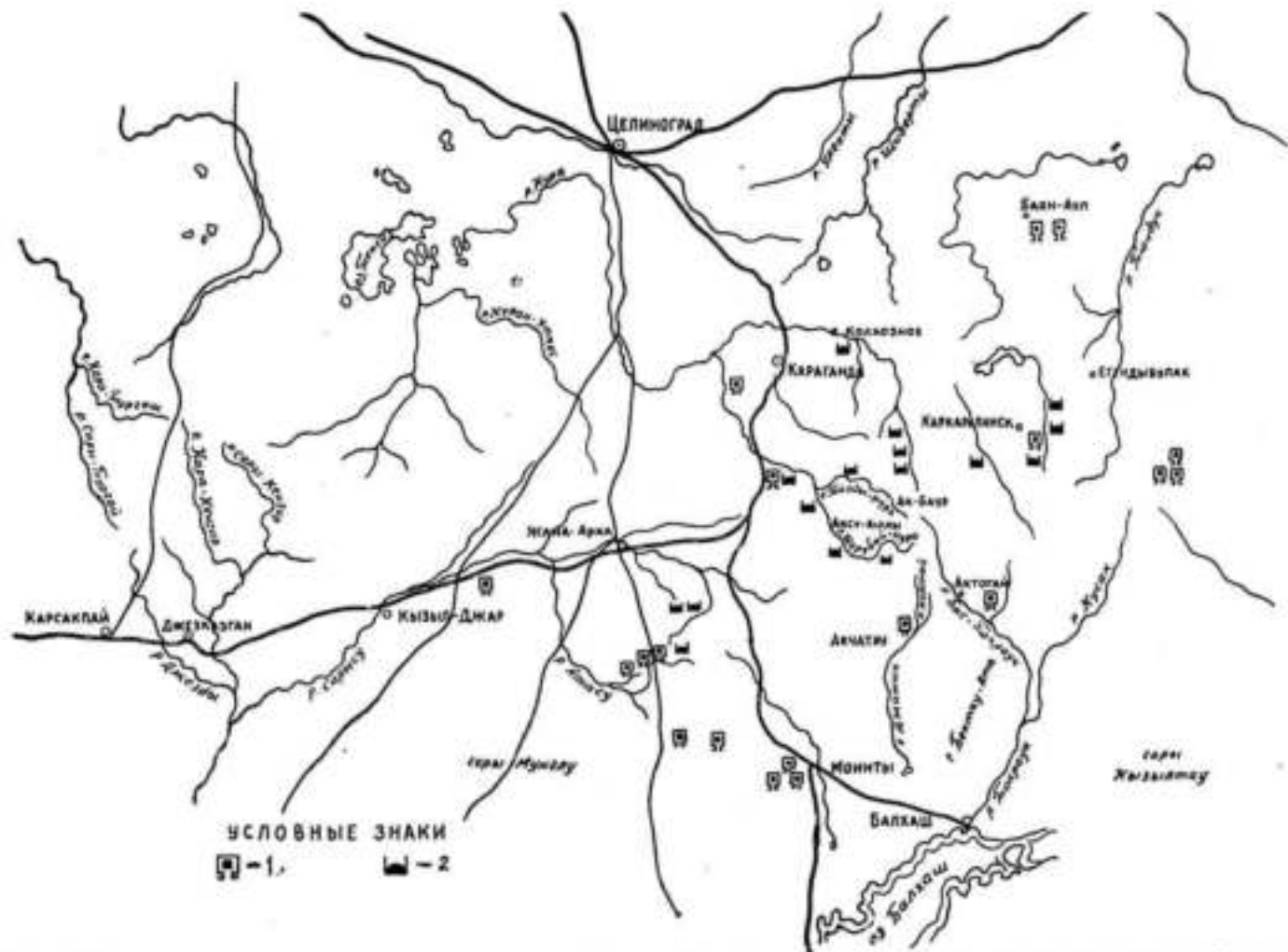

Рис. 76. Карта распространения памятников эпохи поздней бронзы в Центральном Казахстане: 1 — плиточные ограды типа Бесазы, 2 — нургаи с плиточной оградой.

них имущественной дифференциации в период позднего андрона (XIII—XII вв. до н. э.) и знаменовали собой переход к следующему этапу. Памятники этого времени хорошо представлены в комплексах Аксу-Аюлы II, Вугулы III, Байбала II, Весоба, Ортау II и т. д.

Надо сказать, что переходная культура, сохраняя андроновскую традицию в керамическом производстве (Айшрак II, Аксу-Аюлы II, 3), в то же время содержала в себе элементы нового, которые проявляются наиболее ярко в культуре Бегазы. Эту трансформацию быстро уловил один из известных исследователей эпохи бронзы С. В. Киселев. Он писал: «В Западной Сибири в позднеандроновское время замечается та же тенденция, что и в конце срубной культуры. Появляются крупные курганы, насыпавшиеся, очевидно, над выдающимися членами рода. Нам удалось исследовать такие курганы в местности Весоба, под Каркаралинском. Они, несомненно, по своему значению аналогичны погребениям представителей племенной знати конца срубной культуры, вроде раскопанного П. С. Рыковым десятиметрового кургана в урочище «Три брата» близ Степного. Они предвосхищают пышные погребения племенной знати скифской архаики»⁷. Из этого сравнения видно, что в курганах с кольцевой оградой нет ничего присущего андроновской культуре. Это особые памятники, типичные только для Центрального Казахстана, знаменующие собой переход от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому времени. Они не укладываются в понятие «алакульский этап», к которому их пытаются отнести. Сама хронология «алакульского этапа» вызывает много сомнений. К. В. Салыников датирует его XI—IX вв. до н. э., С. С. Черников — XII—VIII или XI—IX вв. до н. э. Направляется вопрос, когда же существовала культура Карасука, Бегазы-Дандыбая. Такая периодизация совершенно неприемлема для хронологической классификации культуры эпохи бронзы

Центрального Казахстана, особенно позднеандроновского времени.

Изучение большого числа многообразных и разновременных памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана позволило разделить ее на следующие основные этапы:

- 1) энеолит (медно-каменный период), XVIII—XVII вв. до н. э.;
- 2) ранний андрон (XVI—XV вв. до н. э.) — в Центральном Казахстане нурынский этап;
- 3) поздний андрон (XIV—XIII вв. до н. э.) — в Центральном Казахстане атасуский этап;
- 4) переходный этап от андрона к поздней бронзе (XII—XI вв. до н. э.);
- 5) бегазы-дандыбаевский этап (X—VIII вв. до н. э.).

Многолетние исследования памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана показывают, что культура бронзы развивалась в течение тысячелетий, постоянно претерпевая изменения. Начавшись в энеолите, она прошла через несколько исторических этапов и достигла своего расцвета в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры. Хронологическая последовательность развития этой культуры хорошо прослеживается на памятниках, отличающихся друг от друга по типу сооружений и инвентарю. Наиболее четко она видна на памятниках раннего андрона (группа Акштатау, Вотакара, Вугулы I и др.) и позднего андрона (Центральный и Северо-Восточный Казахстан). С андроновской культурой генетически связаны комплексы переходного этапа (Аксу-Аюлы II, Байбала II, Ортау II, Весоба) и поздней бронзы (Бегазы, Дандыбай, Вугулы II, III, Сангру I, III и др.). Следует отметить, что культура эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана развивалась в тесной взаимосвязи с родственными ей культурами в Южном Зауралье (замараевская культура), а также на Алтае и Енисее (карасукская культура). Археологические находки в виде керамики, бронзовых орудий и украшений говорят о большом сходстве бытовых предметов и орудий труда в этих областях, разделенных огромными

⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири..., стр. 63.

степными пространствами, и тем самым подтверждают тесную культурную и экономическую связь между древними племенами. В обмене существенную роль играет казахстанский палеометалл (медь, олово, бронза, золото).

Но в памятниках культуры эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана много и своеобразных черт, отличающих ее от родственных культур, например от культуры Карасука на Енисее, для которой характерен резкий скачок при переходе от андроновского этапа⁸.

Последовательный и преемственный переход от одной ступени к другой, от простой, примитивной формы производства к более сложной, в частности при изготовлении керамических и бронзовых изделий, составляет главную особенность бронзовой культуры Центрального Казахстана.

Культура поздней бронзы Центрального Казахстана отличается от карасукской грандиозностью своих сооружений и четкостью архитектурно-планировочной основы (Ортауское поселение, циклопические сооружения Аксу-Аюлы II, Вугулы III, Ортау II, Бегазы, Бельасар II и др.). Неправильны высказывания некоторых исследователей, что в надгробных памятниках бегазы-дандыбаевского времени нет четкости и аккуратности в выполнении строительных приемов, какие характерны для алакульских сооружений. Напротив, строительная техника в бегазинское время развивается дальше, возникает идея тектонического решения большего пространства, идея более сложной конструкции четкой геометрической кладки с помощью изоляционных материалов (сухой раствор), идеи трамбовки, подпорок, пирамидального перекрытия и др. Этих приемов в период андроновской культуры совсем не знали. Большое многообразие, грандиозность каменных сооружений, яркость и усложненность орнаментальных узоров керамического искусства, массивность бронзовых и золотых изделий являются типичными чертами культуры эпохи поздней бронзы Централь-

ного Казахстана. Поскольку многие из них трудно выявить в других областях распространения бронзовой культуры, то вполне возможно, что этот древний металлургический центр был главным очагом развития бронзовой культуры. Обратимся к материалам раскопок.

Из памятников эпохи поздней бронзы Казахского нагорья нами исследовано 20 могильников и четыре поселения (Ортауское, Удутауское, Суук-Булак и Каркаралинское II). В могильных комплексах раскопано 50 оград, из них 12 курганов переходного этапа (Аксу-Аюлы II, Ортау II, Вайбала, Весоба, Бельасар) и 28 бегазинского и более позднего времени (Бегазы, Вугулы III, Кусмурун, Дарат, Сангру I, III, Айдарлы, Дандыбай, Аккойтас, Каракойтас и т. д.). Однако дать их полную характеристику не представляется возможным. Остановимся на описании только некоторых могильников.

КОМПЛЕКС АКСУ-АЮЛЫ II

Исследованный в 1952 г. комплекс Аксу-Аюлы II представляет собой памятник переходного этапа от позднего андрона к бегазы-дандыбаевскому периоду культуры Центрального Казахстана. В керамике он еще сохраняет андроновскую традицию, а в надгробных сооружениях представляет новый тип погребений — прообраз Бегазы и Дандыбая. Памятник расположен в 3 км к северу от пос. Аксу-Аюлы, бывшего районного центра Шетского района. Комплекс состоит из 36 сооружений разного времени, 24 из них относятся к андроновскому периоду и 12 — к переходному. Последние расположены несколько обособленно в юго-западной части комплекса и выделяются огромной величиной по сравнению с безнасыпными андроновскими оградками. Группа Аксу-Аюлы II — серия однотипных курганов, для которых характерны кольцевые ограды в основании насыпи из крупных гранитных плит, врытых на ребро. Совершенно тождественные по форме, они отличаются друг от друга только величиной. В сезоне 1952 г. было раскопано всего три кургана, в которых обнаружены лишь

⁸ Там же, стр. 143.

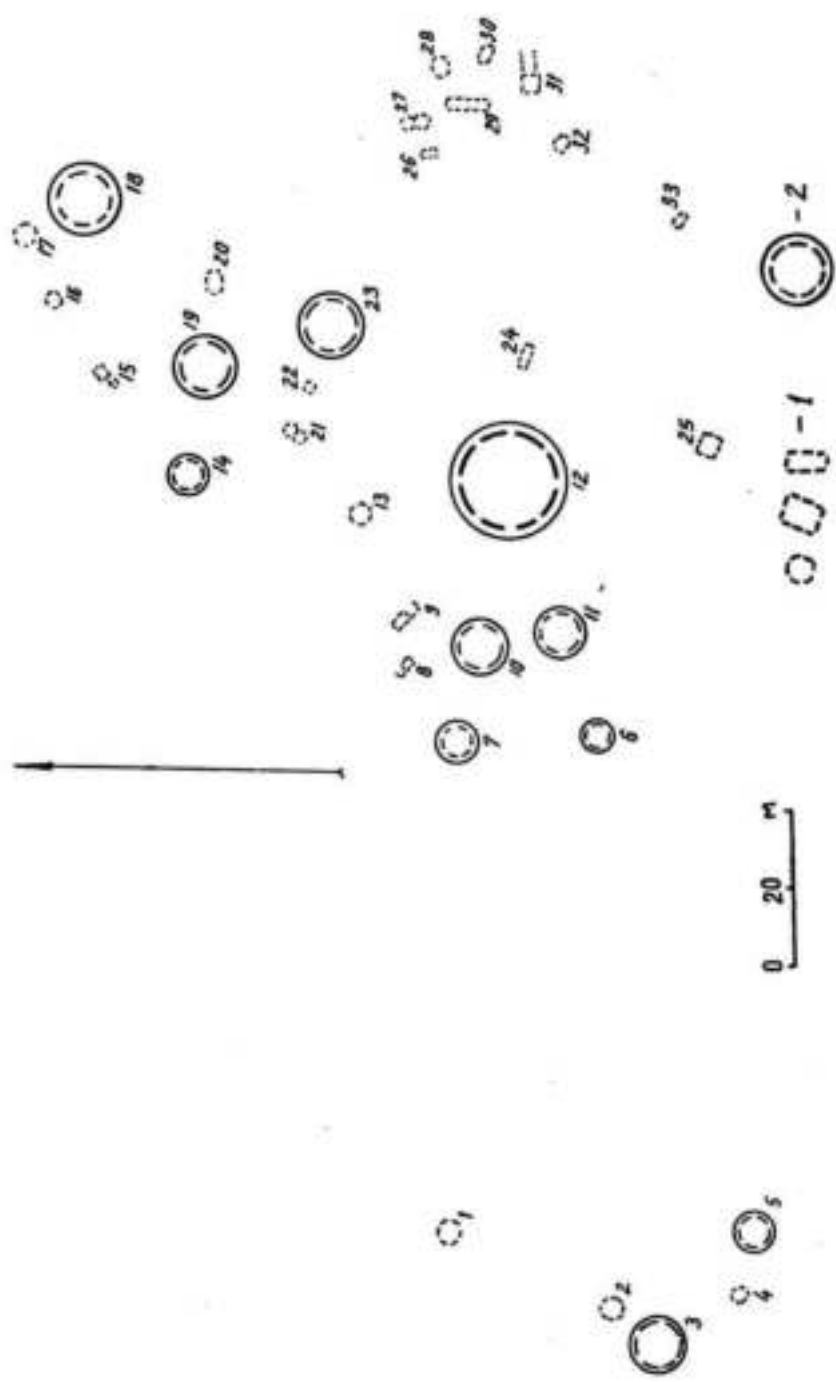

Рис. 77. План комплекса Аксу-Аюлы II.

скелеты животных (верблюжонка, ягненса, барана).

Курган 1 — концентрическая двойная ограда квадратной формы, снаружи 7×7 м. Она выложена крупными плитами прямоугольной формы с помощью горизонтальной кладки. Внутренняя ограда прямоугольной формы, сложена из крупных плит, врытых на ребро, верхние концы их выступают над поверхностью на 25—30 см. В центре внутренней ограды находился большой гранитный ящик, ориентированный длинными сторонами с запада на восток и отличающийся от обычных андроновских

ящиков своей величиной ($2,3 \times 1,7$ м). Концентрические ограды и ящик по характеру совершенно однотипны таковым на курганов 2 и 3 этой серии. Погребение давно разграблено, никаких находок не было.

Курган 2 имеет шаровидную насыпь, диаметр его — 17,5 м. На уровне первого штыка в центре кургана показался контур концентрической, почти квадратной формы ограды, сооруженной из крупных гранитных плит. Длина ее сторон с запада на восток — 10 м, с севера на юг — 9 м. Она ориентирована по сторонам света. Стены ограды сложены

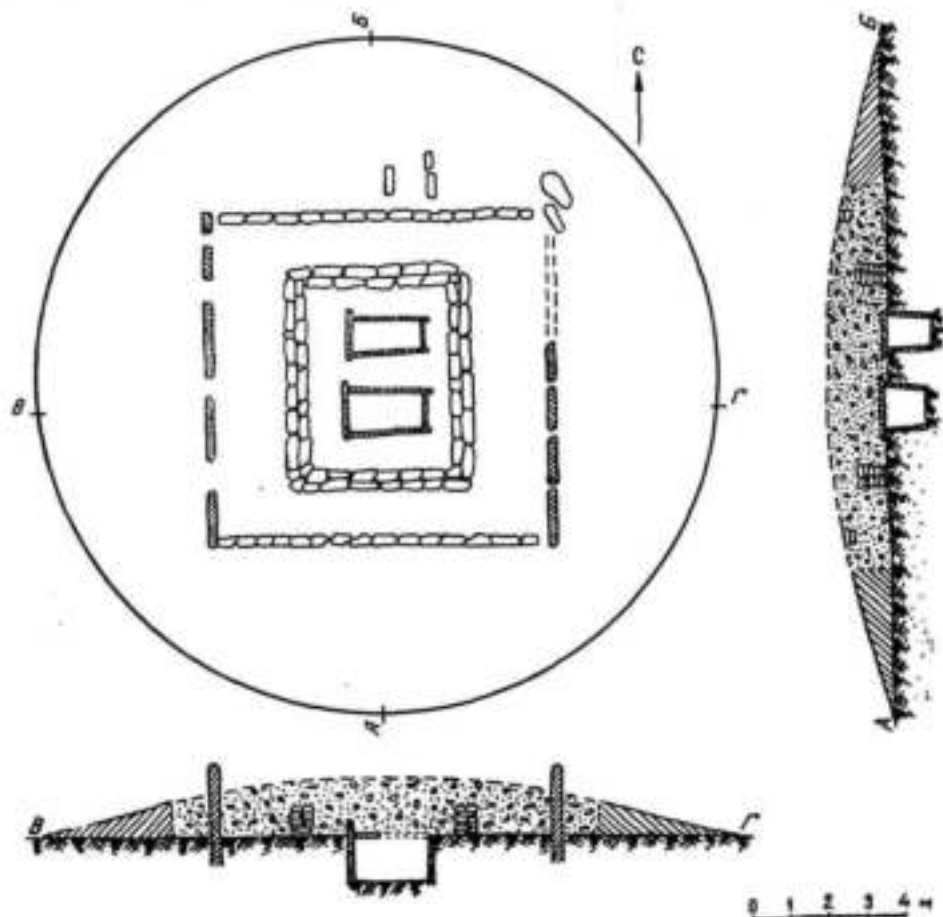

Рис. 78. Аксу-Аюлы II. План и разрезы кургана 2 с кольцевой оградой.

неодинаково. Северная и южная — горизонтальной кладкой из специально подобранных гранитных и порфириных блоков, имеющих форму параллелепипеда. Кладка выполнена по прямой линии техникой в один камень, довольно прочно связывающей вертикальные швы и придающей стройность стенам. Западная и восточная стороны выложены крупными гранитными плитами, врытыми на ребро.

Судя по сохранившимся остаткам, плиты выступали из грунта до 80 см. Большая часть их отбита и использована на различные нужды. Размер плит: высота — от 85 до 205 см, ширина — от 68 до 120 см. В 14 м на северо-восток от кургана вкопан сторожевой камень (вроде изваяния у кургана 3), с небольшим наклоном к югу. Плита прямоугольной формы, высотой 50 см, шириной 60 см.

Конструкция такого типа кургана до сих пор была не известна, поэтому исследование этой серии курганов представляло большой научный интерес. Копали послойно, сносил поквадратным методом насыпь*. На глубине 60 см стал вырисовываться контур второй внутренней ограды, сооруженной из плит параллелепipedной формы, сложенных горизонтальной кладкой. Ограда имела прямоугольную форму и была ориентирована длинной стороной с юга на север. Ее размер с севера на юг — 4,8 м, с запада на восток — 3,6 м, высота — 50 см.

В центре ограды было обнаружено два каменных ящика, сложенных из вытесанных гранитных плит и ориентированных длинными сторонами с запада на восток. Причем на западной стороне плиты возвышались над плитами других стенок на 30 (северный ящик) и 45 см (южный ящик). Оба ящика перекрыты крупными плитами. Северный значительно меньше южного. Его размер — 1,6 × 0,78 м. В нем в беспорядке лежали большие фрагменты кальцинированных костей человека, также был обнаружен

раздавленный горшок, изящный по форме и нарядный по орнаментации. Горшок имел шаровидное тулово, чуть отогнутый наружу венчик и конический поддон. Эти черты впоследствии становятся типичными для керамики Бегазы-Дандыбая. Однако на сосуде еще господствуют мотивы геометрического орнамента андроновской керамики, нанесенного мелким гребенчатым штампом. Рисунок из прямых заштрихованных треугольников покрывает венчик горшка, шейку украшают каннелюры и валики, а верхнюю часть тулова — меандр. Конический поддон также отделан каннелюрами и наклепными валиками.

Южный ящик больше северного. Длина его северной стены — 2,15 м, южной — 2,15 м, западной — 1,05 м, восточной — 0,96 м. В западной части ящик был перекрыт гранитной плитой длиной 1,36 м, шириной 0,65 м, с отверстием подтреугольной формы, образовавшимся, вероятно, вследствие механического трения стебля растения. На дне ящика обнаружены небольшие кусочки древесного угля, обломки сожженных костей, а также фрагменты глиняного сосуда без орнамента, который по форме очень близок безорнаментной посуде комплекса Айдарлы и Бегазы (ограда 6). В западной части ящика, на глубине 65 см, были подняты две каменные терки из порфира. Одна из них отесана по бокам и заглажена с внутренней стороны. Обе толщиной 6 см. Такие же терки найдены в ограде 3 могильника Вылкылдак I, относящейся к эпохе поздней бронзы. Ничего другого выявить не удалось.

Курган 3 самый большой в комплексе. Он имеет огромную насыпь (бугор) сферической формы, диаметром 30 м, высотой 1,8 м. Вершина кургана несколько уплощена грабительским лазом и выветриванием. Позднее она заросла диким шиповником и травой. Насыпь опоясывает кольцевая ограда из огромных плит, врытых на ребро с некоторым наклоном внутрь, выше шлейфа на 3 м. Многие плиты отбиты и в беспорядке лежат у подошвы кургана. Сохранилось

* Раскопкой кургана 2 руководил Г. И. Паченко.

всего 18 плит. Диаметр кольцевой ограды — 24,3 м. На поверхности насыпи всюду валялись крупные плиты. В 17 м от кургана, на северо-востоке, находилось каменное изваяние антропо-

При разборке насыпи, на глубине 40 см, в центре обозначился контур очень массивного каменного сооружения, сложенного из гранитных и сланцевых плит различного размера: $0,4 \times 0,6$; $0,5 \times 0,9$;

Рис. 79. Ансу-Аюлы II. Вид кургана 3 с кольцевой оградой.

морфного типа, с неясными чертами человеческого лица. Оно представляло собой похное изображение, очень грубой работы, без деталей человеческой фигуры, и стояло лицом на юго-запад, т. е. к кургану. Высота изваяния от древнего горизонта — 1,20 м, ширина головы — 35 см, туловища — 66 см, у основания — 60 см. Перед изваянием врыта на ребро очень массивная каменная плита (менгир) длиной 1,2 м, шириной 69 см, толщиной 30 см. Около нее заложен раскоп размером $1,5 \times 3$ м, глубиной 60 см. Однако под плитой ничего не обнаружено. Чтобы определить конструкцию этого памятника, исследование проводилось по квадратной сетке. После расчистки, сразу под дерновым слоем, стали попадаться отдельные каменные плиты, разбросанные грабителями по всей площади раскопа.

$0,8 \times 1$ м. Плиты для постройки здания были доставлены с гор Аюлы. Раскопка производилась на всей площади сооружения. На глубине 45 см, в северной части раскопа, были собраны небольшие куски древесного угля. Ближе к центру появился мощный слой золы, который с глубиной увеличился и затем покрыл всю площадь внутренней ограды. Причем в центре он был больше, а по краям сходил на нет, т. е. встречался только в черте внутреннего помещения и прекращался на грани коридора, отделявшего внутреннюю ограду от наружной. В куче угля можно различить куски обуглившегося дерева, сечением 8—19 см, частично сгоревшие ветки кустарника и стебли камыша. Вероятно, слой золы в 30 см образовался в результате сгорания кровли во время пожара. По его мощности можно судить о виде и коли-

честве использованного для перекрытия материала. Под зольным слоем, ближе к центру, был обнаружен большой каменный завал. Камни завала и плиты

бронзы (XII—XI вв. до н. э.). Сооружение находилось в земле, под огромной насыпью диаметром 30 м, высотой 1,8 м. Благодаря такой защите стены построй-

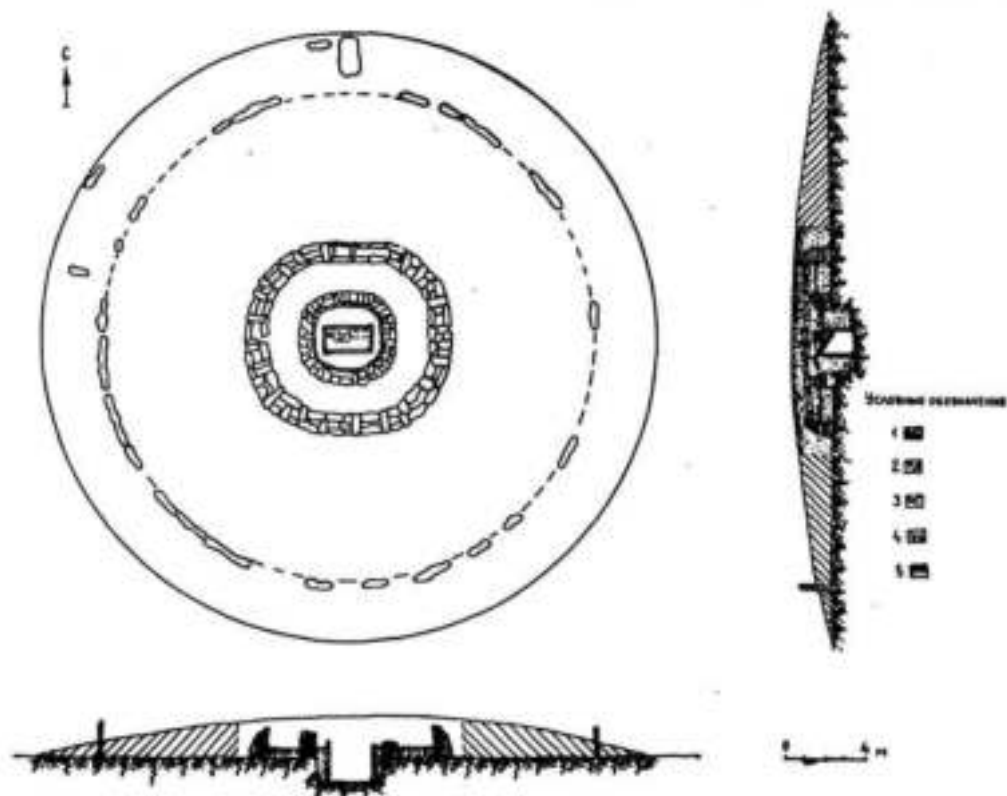

Рис. 80. Аксу-Аюлы II. План и разрезы кургана 3 с кольцевой оградой: 1 — гумусовый слой, 2 — каменный завал, 3 — скопления угля, 4 — бутылка, 5 — материк.

ящика были покрыты копотью, а ямки между плитами заполнены золой и углем. Очевидно, пожар произошел вскоре после ограбления кургана, когда деревянные части перекрытия еще не пришли в ветхость. Об этом говорит широкий пролом, сохранившийся в верхней части юго-западной стены и весь покрытый копотью. Вследствие этого разрушения юго-западная стена сооружения несколько ниже других уцелевших стен.

Гробница Аксу-Аюлы является мощной циклопической постройкой, которая была возведена в переходный этап эпохи

ки хорошо сохранились и позволяют воссоздать ее своеобразную конструкцию.

В результате исследований выяснилось, что сооружение состояло из трех концентрических кольцевых оград, из которых первая (наружная), и самая большая, была сложена из крупных плит гранита, врытых на ребро. Она проходила по основанию насыпи, ее размер: диаметр — 24,5 м, высота вертикально стоящих плит — 1,2—1,6 м. Причем плиты несколько наклонены внутрь площадки. Это характерный строительный

прием, в основе которого лежит идея сокращения расстояния между пролетами при возведении перекрытия. В данном случае его не было, пространство между оградами, как бы являясь коридором шириной 11 м, оставалось открытым и было лишь засыпано землей. В этом сложном сооружении кровлю имела только внутренняя ограда, как и на Дандыбае, 11.

Аксу-Аюлы — одно из самых крупных сооружений эпохи поздней бронзы и самое высокое здание, исключая Бегазы, 1 и 2.

Третья малая ограда, вписанная во вторую, имеет в плане подпрямоугольную форму и закруглена на углах. Площадь ее достигает 15 м² (4,45×3,40). Как и вторая ограда, она вытянута с запада на восток и построена той же техникой, но

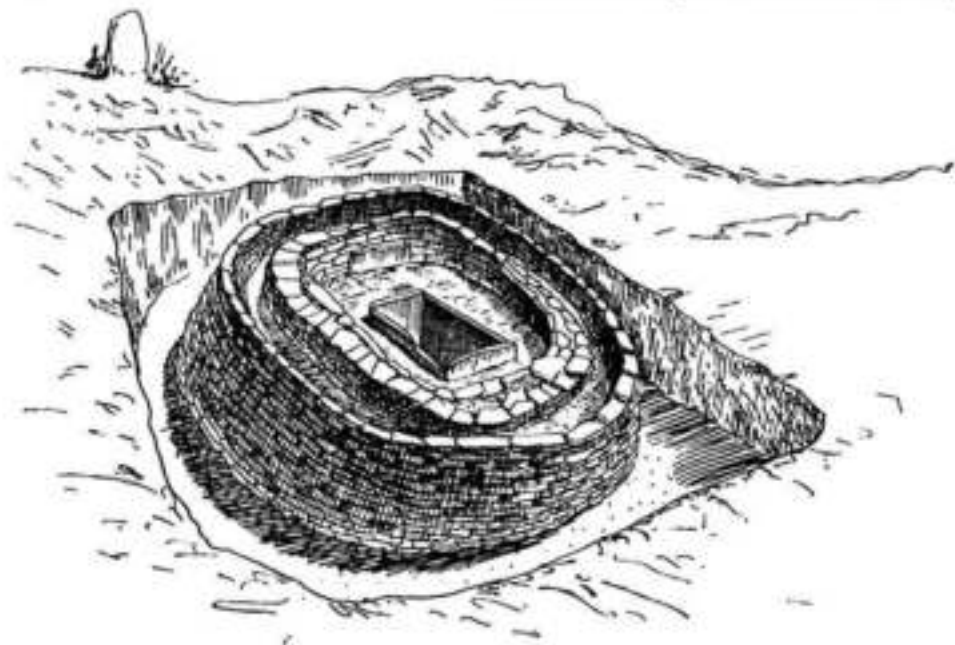

Рис. 81. Аксу-Аюлы II. Общий вид двойных стен гробницы из кургана 3.

В центре насыпи, в 11 м от первой кольцевой ограды, находилась вторая, циклопическая ограда, имевшая в плане подковообразную форму, близкую к кругу. Она сложена техникой горизонтальной кладки из крупных, специально подобранных прямоугольных плит. Размер ограды (по внутреннему обмеру) с запада на восток — 7,9 м, с севера на юг — 7,6 м, сохранившаяся высота — 1,5 м. Ширина кладки у основания — 1,9 м и более. Причем кладка начиналась прямо с дневной поверхности того времени. Она аналогична кладке позднейших казахских сооружений. Таким образом,

лишь с той разницей, что в западную и восточную стены с внутренней стороны втиснуто по одной огромной плите, поставленной на ребро. Размер плит — 0,5×1,8 м. Сверху на ней еще лежали 4—5 рядов камней. Вероятно, такая установка плит была связана с каким-то древним обрядом, восходящим к обожествлению высоких каменных столбов (менгиров). Кроме того, плиты имели конструктивное значение, на них приходилась основная нагрузка от перекрытия здания. К тому же вертикально установленные плиты являлись пережиточной формой андроновских оград, всегда составленных из плит, врытых на ребро.

Рис. 82. Аксу-Аюлы II. Детали стен сооружения из кургана 3: слева — часть северной и северо-восточной стен, справа — укладка плит.

Таким образом, внутренняя ограда представляет собой помещение, окруженное двойными каменными стенами. В центре помещения обнаружен большой каменный ящик прямоугольной формы, характерный по величине и форме для периода поздней бронзы. Он находился в грунтовой яме площадью $2,5 \times 1,45$ м, глубиной 1,6 м. В типичных андроновских памятниках ящики такой величины не встречались. Он отстоял от стен внутренней ограды на 1—1,2 м, от второй — на 3,5—4 м. Обходный коридор (пространство) между обеими стенами был шириной 1,8 м.

Ящик ориентирован продольной осью с запада на восток. Он плотно перекрыт двумя огромными гранитными плитами. Одна размером $1,85 \times 1,2 \times 0,14$ м закрывала восточную половину ящика, другая размером $1,46 \times 1,36 \times 0,2$ м — западную. Таким образом, наиболее крупной была западная плита. По бокам ящика, в центре сооружения, лежали огромные гранитные плиты, некогда стоявшие вертикально и служившие центральной опорой крыши здания. Вся площадка постройки утрамбована и покрыта смесью глины, гравия, песка и щебня слоем около 50 см. Эта бутовка опирается прямо в стенные опоры, выполняя по существу роль контрфорса. Подобным образом закреплено основание всего сооружения. Оно обеспечило устойчивость стен и других опор, на которые ложилась тяжесть всего ступенчатого перекрытия.

Особую устойчивость наружным и внутренним стенам придавала забутовка пола обходного коридора. Вымосткой из гравия, щебня и глины был залит и пол погребальной камеры. Вскрытие ящика показало, что он наполовину пустой, слой пыли или мягкой развевистой лёссовой земли начинался на глубине 60 см. После снятия лёссового пласта, на глубине 1 м, стали встречаться мелкие угольки с золой, попавшие сюда через грабительский пролом в перекрытии. Стенки ящика, свободные от мусора, сильно закопчены. Все это лишний раз доказывает, что гробница была ограблена еще в древности, до пожара сооружения.

С точки зрения строительной техники большой интерес представляет возведение каменных стен с помощью горизонтальной кладки. Стены Аксу-Аюлинской гробницы являются одновременно и несущей (внутренняя ограда), и ограждающей конструкцией. Они отличаются от стен андроновских оград формой, величиной и техникой выполнения кладки. Исследуемый объект производит впечатление массивного циклопического сооружения. Для придания зданию прочности при кладке использовали большие каменные плиты размером от $40 \times 35 \times 5$ см до $120 \times 80 \times 7$ см. Они были различной формы: прямоугольной, квадратной и параллелепипедной.

Вертикальный разрез стен показал, что крупные плиты находятся в нижних рядах кладки, а малые — в верхних. Разумеется, форма и величина камней повлияли на тип кладки и толщину стен. Внизу стены шириной до 1,2 м, сверху — 40 см.

Весьма своеобразна техника кладки стен. Нижняя их часть состоит из плоских каменных плит, положенных в два ряда, прямо на грунт. Пространство между ними заполнено осколками камней. Вторая стена сооружена из сквозных тычков шириной во всю толщину стены. Тычки уложены через один-два ряда, а иногда чередуются с ложковыми камнями в одном и том же ряду, создавая полную перевязку. Следует отметить, что в верхнем ряду плиты лежали наружу, т. е. сквозными тычками.

Внутренние стены возведены из больших и среднего размера камней, прочно соединенных между собой глиной. Для заполнения пустот, возникших вследствие различной формы камней, использованы осколки камней, которые вместе с глинистой массой придают прочность кладке. Облицовкой служат камни или плиты, имеющие форму прямоугольного параллелепипеда. Перевязка закругленных углов осуществлена с помощью длинных каменных блоков, которые прочно сцепляют вертикальные швы.

Внизу стены строго вертикальны, а выше несколько наклонены внутрь помещения, как бы нависают. Это характерный

прием строительной техники людей эпохи поздней бронзы, в котором уже видны зачатки решения ложного свода посредством кладки с напуском, широко распространенной в позднейших сооружениях.

Перекрытие здания не сохранилось. От него остались лишь обгоревшие обломки, которые позволили установить, что оно было деревянное и от одной стены до другой покрытое слоем из лозы, камыша и других местных растительных пород.

Отпечатки этих материалов имеются и на плоских плитах, которые закрывали каменный ящик.

Эти данные и вся конструкция стен, выполненная кладкой с напуском, не оставляют сомнения в том, что перекрытие гробницы Аксу-Аюлы возводилось на основе системы пирамидально-ступенчатой рамы из бревен. Такая кровля была изучена М. П. Грязновым в Дандыбае, 11. По реконструкции М. П. Грязнова, основа крыши в Дандыбае, 11 представляла собой пирамидальный бревенчатый сруб с четырьмя звеньями, накрытый сверху бревенчатым же накатом из 12—14 бревен⁹. Пирамидальной формы перекрытие строили путем укладки бревен каждого нового звена на 15—20 см ближе к центру сооружения, т. е. методом напуска, характерным для позднейшего ложного свода, примененным при постройке юртообразных каменных сооружений типа Уйтас и Дынг. С нашей точки зрения, никакого бревенчатого наката в современном значении этого термина ни в Дандыбае, 11, ни в гробнице Аксу-Аюлы II не было, вместо бревен использовали лозу, камыш и траву, а сверху засыпали землей. Со временем здание разрушилось и было занесено землей, на его месте образовался огромный курган двухметровой высоты. Сооружение Аксу-Аюлы II находит себе аналогию в могильниках Ортау II, Вельасар, Весоба и Бегазы. Особенно много общего у гробницы Аксу-Аюлы с памятником Дандыбай, 11. Различаются они

лишь тем, что в Дандыбае сооружение не имеет кольцевой ограды у основания насыпи, к тому же оно менее массивно и устойчиво. Однако в керамике Аксу-Аюлы еще сильна традиция гончарного искусства андроновского времени, особенно в орнаменте. К сожалению, мы нашли только несколько фрагментов двух горшков.

Еще до вскрытия ящика в разных местах погребальной площадки были собраны фрагменты неорнаментированной керамики. В коридоре между стенами подобраны кости барана и лошади — вероятно, остатки трапезы после окончания работы над сооружением гробницы или после поминок. У южной стены ящика, на глубине 1,45 м, найдены фрагменты прекрасного кувшина очень изящной формы. Это обломок венчика, боковины и дна сосуда. Большой фрагмент этого же сосуда обнаружен снаружи ящика. Кувшин строго пропорционален (диаметр венчика — 18 см, тулова — 20 см, дна — 8 см, высота — 16 см), красиво орнаментирован и имеет конический поддон. Высокий венчик его слегка отогнут наружу, корпус несколько вытянут, но тулова близко к шаровидной форме. Орнамент покрывает венчик, шейку и верхнюю часть тулова. Венчик украшен заштрихованными косыми линиями, под прямым углом к которым проведена прямая линия, вместе они образуют условный треугольник, ниже располагаются каннелюры или желобчатые углубления. Шейку сосуда опоясывает изящный меандр, далее повторяется линия каннелюр, на плечике имеется линия круглых ямок величиной с горошину. Таким образом, сюжет орнамента еще близок сюжетам андроновской керамики, но техника выполнения его совершенно новая. Это крупный гребенчатый штамп с поперечными зарубками, характерный для посуды эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Им выполнены все треугольные и меандровые сюжеты. Новым является и линия из круглых ямок, такой рисунок встречается только в керамике Бегазы, Сан-

⁹ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане..., стр. 132.

гру, Дандыбая, 11¹⁰. По типу сосуд очень близок дандыбаевскому¹¹ сосуду 12 и бегазинскому второму из ограда 5. Все это говорит о том, что аксуаюлинская керамика, имея генетическую связь с

фрагментов керамики, никаких вещей при костяке не оказалось.

Очевидно, это впускное погребение, о чем говорит очень хорошее состояние костяка. Но обряд погребения — вытя-

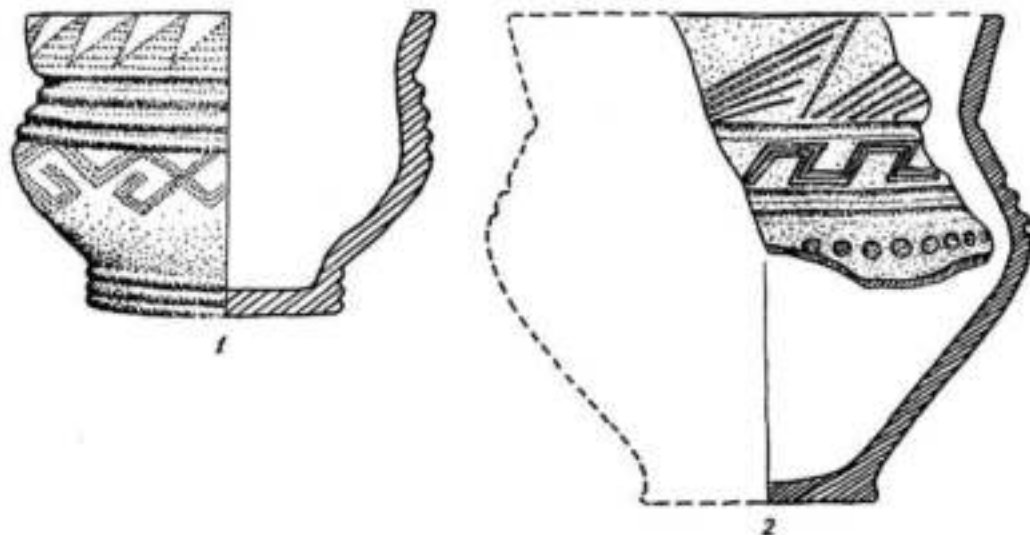

Рис. 83. Керамика из комплекса Аксу-Аюлы П: 1 — из кургана 2, 2 — из кургана 3.

андроновской, в то же время знаменует собой начало новой культуры, окончательно оформленной позднее в бегазинском этапе культуры бронзы Центрального Казахстана.

На дне ящика обнаружен прекрасно сохранившийся костяк рослого человека, лежавшего вытянуто на спине, головой на запад, лицом вверх. Длина скелета — 1,88 м. Судя по костяку, это был мужчина среднего возраста атлетического телосложения. Руки вытянуты вдоль туловища, пальцы ног обращены на восток. Кости правой руки потревожены грызунами. На левой плечевой кости имеется нарост, образовавшийся, вероятно, в месте ранения.

Покойник лежал вдоль северной стенки ящика, громадная южная половина ящика пустовала. Кроме отдельных

нудое труположение на спине — был встречен еще в Дандыбае, 11, 12, в Сангру I, 12, Айшраке, 7* и Бегазы, в плиточной ограде 5. В последней зафиксировано вытянутое положение остатков ног, пальцы ступней были обращены на восток. В группе Айшрак обнаружен костяк, лежавший вытянуто на спине. В Сангру I скелет был вытянут с северо-запада на юго-восток. Признаков скорченности проследить не удалось. Вместе с тем в ограде 3 этого же комплекса найден целый скорченный костяк, что характерно для андроновского времени. Смешение погребальных обрядов в одной и той же группе говорит о переломе, происшедшем при переходе от позднего андрона к бегазинскому этапу, когда древний патриархально-родовой обычай постепенно стал отмирать.

* Причем в ограде 7 ящики расположены необычно, один над другим. В нижнем ящике погребен человек, в верхнем находились кости б-рана и коровы.

¹⁰ Там же, стр. 142, рис. 10.

¹¹ Там же, стр. 143, рис. 11.

Ящик с погребениями животных. В группе Аксу-Аюлы II особый интерес представляет ящик с погребениями животных. В настоящее время внешняя ограда не сохранилась. Вполне возможно, что плиты, ее составлявшие, давно вахты на постройку. Остались лишь следы ям. Ящик прямоугольной формы, размером $2 \times 0,7$ м, ориентирован длинной осью с запада на восток. Он глубоко опущен в грунт и найден лишь благодаря чуть выступающим краям.

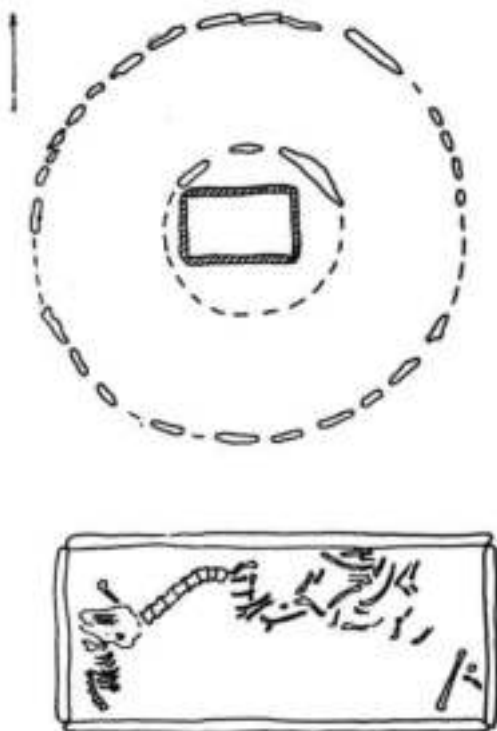

Рис. 84. Аксу-Аюлы II. План и погребение верблюдка в ограде 4.

Ящик сложен из очень массивных, гладко отшлифованных гранитных плит, которые подверглись разрушению солонцеватой почвой. Западная и восточная плиты выступают от краев ящика соответственно на 18 и 15 см. Между ними имелось перекрытие из крупных гранитных плит. При расчистке ящика, на глу-

бине 58 см, у основания головной плиты обнаружены кости барана и целый костяк ягненка, а в центре ящика — целый чуть согнутый костяк верблюжонка. Он лежал на левом боку, мордой на запад, лбом на юго-запад, спиной на юг, ногами на север. От черепа шли волнообразные шейные позвонки, четко выделялись два горба и длинный ряд позвонков спинного хребта, от которого расходились ребра и трубчатые кости ног. У головы верблюжонка обнаружена баранья лопатка. Спинай верблюжонка примыкал к южной стене ящика, а ногами упирался в северную. За исключением черепа и шейных позвонков, его кости истлели. Но скелет лежал нетронутым, его сфотографировали и зарисовали. Вследствие солонцеватости грунта костяки ягненка и барана плохо сохранились. Костяк ягненка найден скорченным в юго-западном углу ящика. Он лежал также на левом боку, головой на юг, ногами на запад, хвост находился у головы верблюжонка.

После снятия костяков животных под ними обнаружены кости (рук, ног) ребенка и бронзовые бусы. Погребение молодых животных вместе с ребенком встречено впервые в памятниках эпохи бронзы. В типично андроновских захоронениях этот обряд пока не зафиксирован. Он возник, видимо, в эпоху поздней бронзы и более характерен для периода кочевых скотоводов. Погребение верблюжонка в комплексе Аксу-Аюлы свидетельствует о том, что в эпоху позднего андрона произошло одомашнивание верблюда. Об этом говорит целый ряд находок костей верблюда при раскопках кургана 2 и ограды 5 этого же комплекса.

Ограда 5 в плане представляет собой прямоугольное сооружение. Она сложена из вертикальных плит, врытых на ребро. На углах ее помещены более высокие плиты, как бы сторожевые камни. К ограде с южной стороны примыкает небольшая пристройка, напоминающая тамбур бегазинских оград. Она ориентирована по странам света. Ее площадь — $3,5 \times 4,3$ м. Никаких погребальных камер или следов челове-

ского погребения в ней не обнаружено. На дне найдены лишь кости животных: лошади, верблюда и барана. Вероятно, ограда 5 была предназначена для погребения жертвенных животных, в том числе и верблюда. Кости верблюда встречены не только в памятниках Центрального Казахстана, но и при раскопке известного Алексеевского поселения¹², карасукского памятника в Южной Сибири¹³. Эти факты подтверждают, что в эпоху поздней бронзы верблюд у племен Центрального Казахстана становится одним из основных средств передвижения.

КОМПЛЕКС ОРТАУ II

По форме устройства погребальных сооружений, отчасти и по керамике комплекс Ортау II тождествен группе Аксу-Аюлы II. Он состоит также из курганов с кольцевой оградой в основании. Но внутри ограды имеется не две вписанные одна в другую стены, как в Аксу-Аюлы, 3, а только одна, она ограждает большой каменный ящик, расположенный в центре сооружения. Таких оград в группе Ортау насчитывается 20. Они относятся не к позднему андрону, или атасускому этапу андроновской культуры Центрального Казахстана, а, подобно Аксу-Аюлы II, являются памятниками переходного этапа от позднего андрона к бегазы-даңдыбаевскому времени, или к раннему этапу бегазинской культуры.

Из этой группы нами исследовано три больших кургана, все они разграблены в древности. Дадим их краткую характеристику.

Курган 1 самый большой в этой группе, его диаметр — 36 м, диаметр кольцевой ограды — 28 м, высота — 3,2 м. Вертикальные плиты, составляющие ограду, сохранились гораздо лучше, чем в кургане 3 Аксу-Аюлы II (рис. 79). Внутри ограды находилось каменное сооружение, имеющее в плане форму овала, вы-

тянутого с запада на восток. Размер внутренней площади — 3,5×3 м, ширина кладки — 0,5 м, сохранившаяся высота — 1,5 м. Кладка стен выполнена

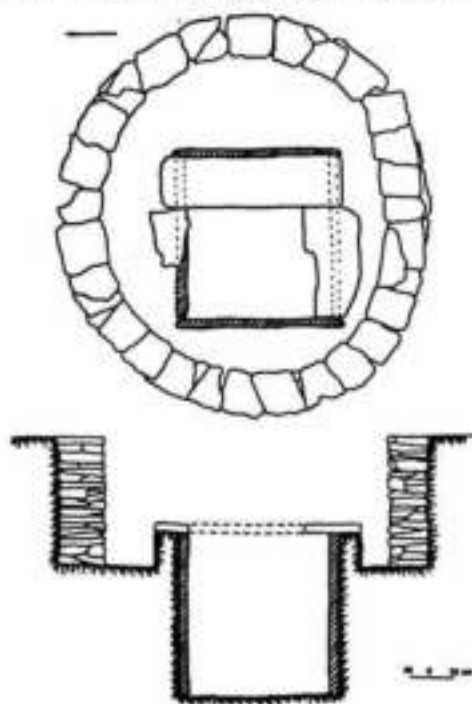

Рис. 85. Ортау II. План и разрез каменной гробницы из кургана 1.

той же техникой, какой и аксуаюлинское сооружение, т. е. применена сухая кладка из двух рядов камней, которые чередуются сквозными плитами, уложенными по всей ширине кладки тычком или торцами наружу. Междурядные ямки и пустоты заполнены мелкими обломками камней и глиной, а в качестве подушки использован сухой раствор. Кладка в Ортау II отличается тем, что стены у основания и наверху — одинаковой толщины. Срез стены показал, что в нижнем ряду лежат более крупные плиты в один камень, а поверх них по системе в «полтора кирпича» сложены в два ряда прямоугольные плиты. В центре сооружения находился давно ограбленный большой каменный ящик,

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 102.

¹³ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 83.

спущенный в земляную камеру глубиной 1,8 м. Ящик почти квадратной формы, площадью 1,5×1,8 м. Плиты, составляющие его стены, хорошо отшлифованы и плотно пригнаны одна к другой. Сооружение напоминает куб. Поскольку курган давно ограблен, то на дне ящика никаких следов погребения человека и предметов материального производства не обнаружено.

Рис. 86. Ортау II. Вид каменной гробницы из кургана 1.

Курган 2 расположен рядом с первым и аналогичен ему, лишь немного меньше. Внутренняя ограда в плане овальной формы, вытянута с запада на восток, площадью 3,75×4,5 м; кладка стен мощная, шириной и высотой более одного метра. Большой каменный ящик расположен в центре ограды и ориентирован продольной осью с запада на восток, его размер — 1,5×2 м, высота — 1,2 м. Он опущен в грунт не на большую глубину, край ящика выступал над уровнем земли на 40 см. Боковые стороны ящика закреплены бутовкой из обломков мелких камней, гравия и щебня. Таким образом, техника сооружения кургана точно такая же, как и в гробнице Аксу-Аюлы.

На дне ящика зафиксированы истлевшие остатки человеческого скелета, потревоженного грабителями. Определить точно положение костяка трудно. В юго-западном конце ящика обнаружен

довольно массивный литой однолезвийный бронзовый нож с черенком. По форме он отличается от обычных андро-

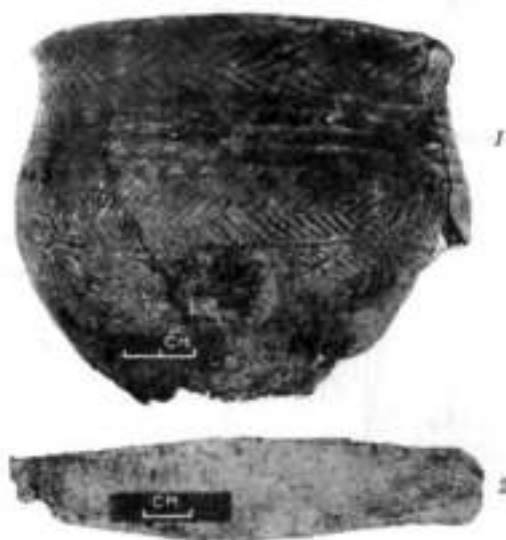

Рис. 87. Ортау II. Вещи из курганов эпохи бронзы: 1 — глиняный сосуд из кургана 3, 2 — бронзовый нож из кургана 2, 3 — каменная терка из кургана 3.

новских ножей казахстанского и южносибирского типа. Близкую аналогию этот нож находит в серии ножей зама-

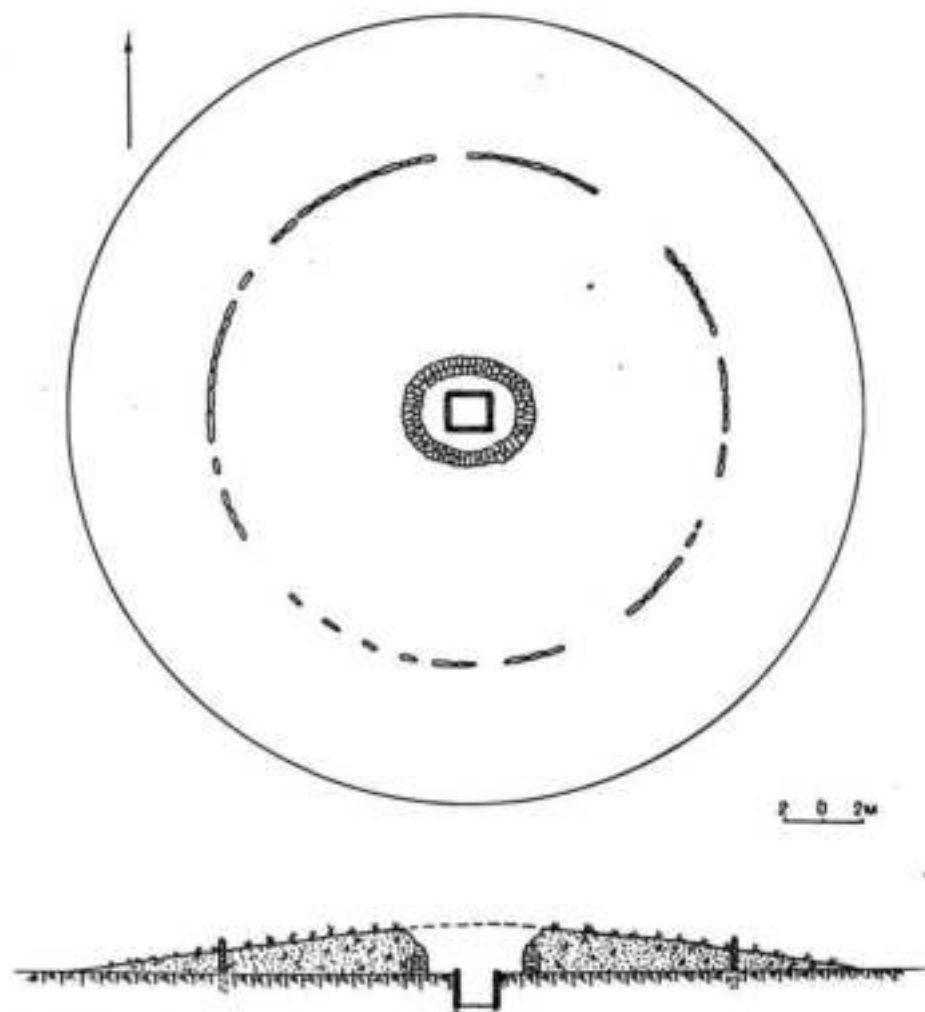

Рис. 88. Ортау II. План и разрез кургана 2.

раевского времени из Кокчетавской области¹⁴ и карасукского времени в Бийской области, в дер. Волково, и в Кулундинской степи¹⁵. Других находок в кургане не было.

¹⁴ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958, табл. X, 4—7.

¹⁵ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. «МИА», 1953, № 48, рис. 15, 1, 2, 6; табл. V, 25.

Курган 3. Он подобен описанному. Его диаметр — 31 м, диаметр кольцевой ограды — 20 м, длина внутреннего сооружения с запада на восток — 3,75 м, с юга на север — 3,5 м, толщина кладки — 50 см. Курган сильно разрушен, от стен внутренней ограды сохранились только нижние ряды. В центре находился большой каменный ящик объемом $2 \times 1,8 \times 1,8$ м. При расчистке были найдены большая каменная терка и почти

Табл. XVI. Керамика из комплекса Орту II.

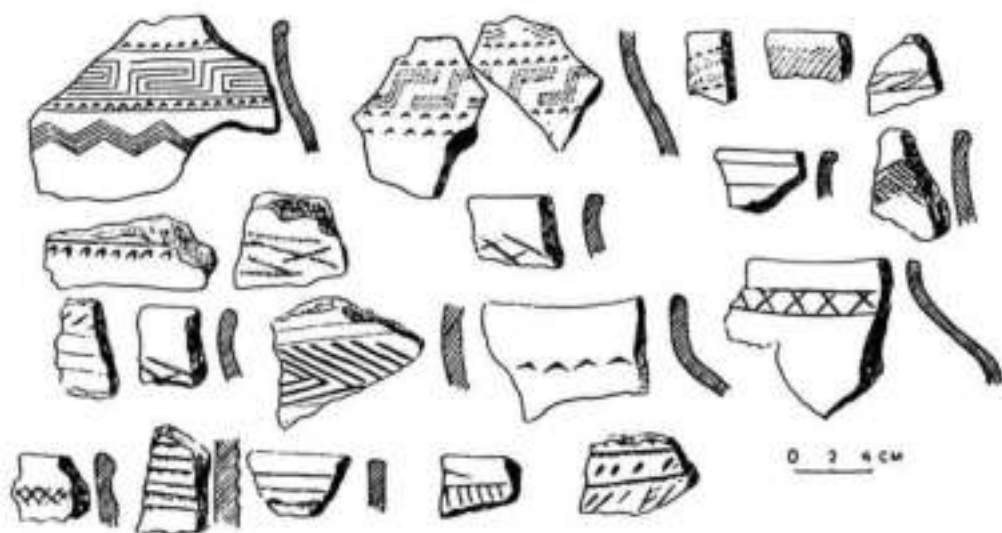

Табл. XVII. Керамика из комплекса Орту II.

целая половина горшка. Терка сделана из крупного каменного обломка весом около 1,5 кг, размером 18×18 см. Вероятно, она была предназначена для растирания красок или дробления камней.

Горшок, найденный в грунте, очень своеобразен. Он отличается стройностью и изяществом формы, затейливостью орнаментальных линий. Вместо традиционных треугольных сюжетов, характерных для андроновской керамики, в

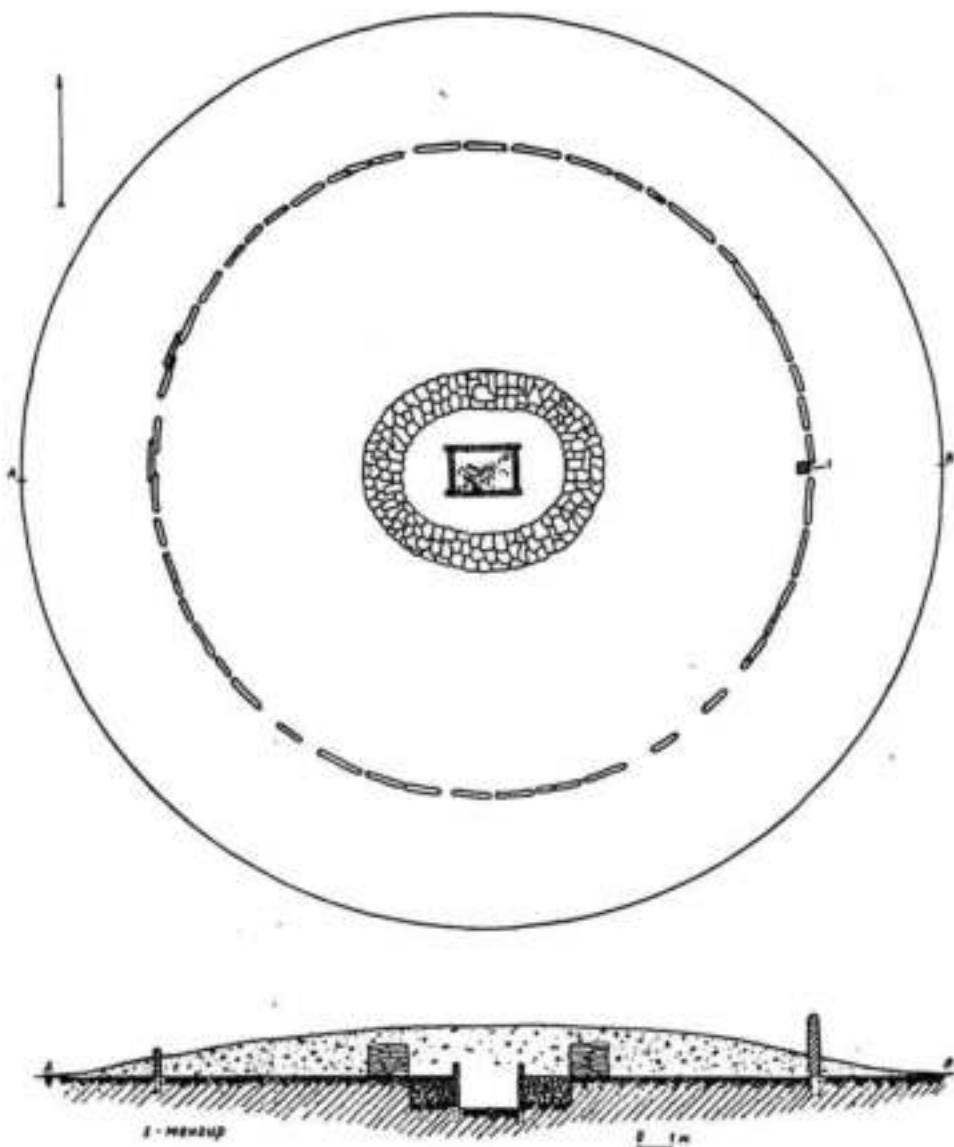

Рис. 89. Вайбала II. План и разрез кургана 1 с кольцевой оградой.

орнаменте ортауского горшка преобладают елочные мотивы, нанесенные крупным гребенчатым штампом с поперечными зарубками. Эта техника была распространена в эпоху поздней бронзы.

Таким образом, ортауская группа курганов с кольцевой оградой дает такие же материалы, что и Аксу-Аюлы II, и подобно ей характеризует переходный этап от позднего андрона к бегазинской культуре.

шлейфа насыпи до кольца — 8 м. Пространство между внешней кольцевой и внутренней оградой, так называемый обходный коридор, шириной около 10 м. Внутренняя ограда в плане представляет собой овал, вытянутый с запада на восток, площадью $6,15 \times 7$ м. В центре ограды находился каменный ящик, обычный для этой серии, ориентированный с запада на восток, размером $1,55 \times 2,3$ м, высотой 1,6 м. Он перекрыт крупными плитами гранита и отстоит

Рис. 90. Вайбала II. Вид кургана 2 с кольцевой оградой.

КОМПЛЕКС ВАЙБАЛА II

Могильник находится на р. Талды-Нура, в ауле Вайбала Шетского района Карагандинской области. В нем имеется 12 курганов с кольцевой оградой. Раскопан самый большой из них. Он расположен в южной части комплекса, ближе к андроновским оградкам. Курган круглой формы. Диаметр его — 28 м, высота — 1,8 м, диаметр кольцевой ограды — 20 м, расстояние от

стен ограды на 1,1—1,2 м. Таким образом, между ящиком и внутренней оградой также имелся обходный коридор. Исследования показали, что курган давно разграблен. Человеческие кости найдены в разных местах, череп не обнаружен. На дне ящика оказались обломки керамики без орнамента. По ним датировать курган нельзя, но по структуре сооружений Вайбалу II можно отнести к типу памятников комплексов Аксу-Аюлы, Ортау и Бесоба.

Рис. 91. Тип погребальных склепов раннебронзового времени: верхний — из комплекса Вайбала II, ограда 1, нижний — из комплекса Ортау II, ограда 1.

КОМПЛЕКС АЙДАРЛЫ

Из памятников эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана известный интерес представляет комплекс Айдарлы, обширный по количеству сооружений и разнообразный по их форме. Он расположен в широкой долине Аксай, на правом берегу р. Атасу, в 7 км на северо-запад от аула Айшрак. На другом берегу реки находится большая группа андроновских памятников Айшрак. В группе Айдарлы насчитывается до сотни памятников, относящихся к разному времени. Они разбросаны по всей долине большого лога Аксай, начиная от его истока до впадения в р. Атасу. Самой значительной группой здесь являются концентрические квадратные ограды с огромными каменными ящиками в грунте. Все ограды безнасыпные. От безнасыпных андроновских оград они отличаются большим размером и геометрической четкостью планов. Ограды составлены из вертикальных плит гранита, врытых на ребро. В некоторых оградах плит нет, они взяты для строительных нужд.

Ограда 1. В ней сохранился лишь большой каменный ящик, к тому же без восточной стенки. Он квадратной формы, ориентирован продольной осью с запада на восток, размером $1,6 \times 2$ м. Расчистка установила, что ограда разорена грабителями, условия почвы также не благоприятствовали сохранности памятника. Порошкообразная масса человеческого скелета обнаружена в разных местах. Фрагменты керамических сосудов встречены также в разных местах и разных слоях. На дне ящика найдены крупные обломки трех сосудов. Один стоял у основания головной плиты, другой — в западном конце северной стены, третий — ближе к южной стенке. Все горшки вылеплены из грубого теста, без орнамента, плоскодоонные, венчики прямые, с изгибом ближе к шейке, имеют вздутые бока и острые плечики, которые резко переходят в несколько суженный поддон. При всей грубости сосудов их силуэт производит неплохое впечатление. По форме они находят аналогию в керамике поселений

эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана и Южного Урала.

Ограда 2. Сохранился также только большой каменный ящик, вокруг которого остались ямы от вертикальных плит. Ящик сложен из целых гранитных плит размером $2,6 \times 1,5$ м и вытнут с запада на восток. Плиты перекрытия отсутствуют, найдены лишь отдельные их обломки. Ограду перекапывали неоднократно и только на стыке северного и западного углов обнаружили раздавленный горшок без орнамента, сходный по форме с горшками из ограды 1. Никаких других предметов материального производства выявить не удалось. Погребение разграблено.

Ограда 3. Устройство ее сходно с описанными оградами. Но она сохранилась несколько лучше других. Ограда в форме квадрата с четко обозначенными сторонами, площадью $6,5 \times 10$ м, сложена из вертикальных плит, врытых на ребро. Внутри нее находился большой гранитный ящик такой же квадратной формы, размером $1,9 \times 1,4$ м, высотой 1,08 м. Плиты, перекрывавшие его, имели величину $1,5 \times 2,09$ м. Полная разборка ограды показала, что она полностью ограблена, большинство человеческих костей лежало не в ящике, а валялось рядом с ним. Череп не обнаружен, предметов обихода также не было.

Ограда 4 расположена в юго-восточной части комплекса Айдарлы. Она сравнительно большая, имеет прямоугольную форму, площадь — $4,6 \times 5,3$ м. Стороны ее составлены не из громадных вертикальных плит, как у других оград этой группы, а из сравнительно небольших каменных плит, уложенных горизонтально. Ограда ориентирована продольной осью с севера на юг. Сохранились ее западная стена, частично — южная и северная. В центре ограды выявлена грунтовая камера, края которой выложены крупными плитообразными камнями, причем более крупные плиты положены с западной и северной сторон ящика, с южной камней совсем не было. На дне камеры, ближе к восточной стене, обнаружен совершенно ист-

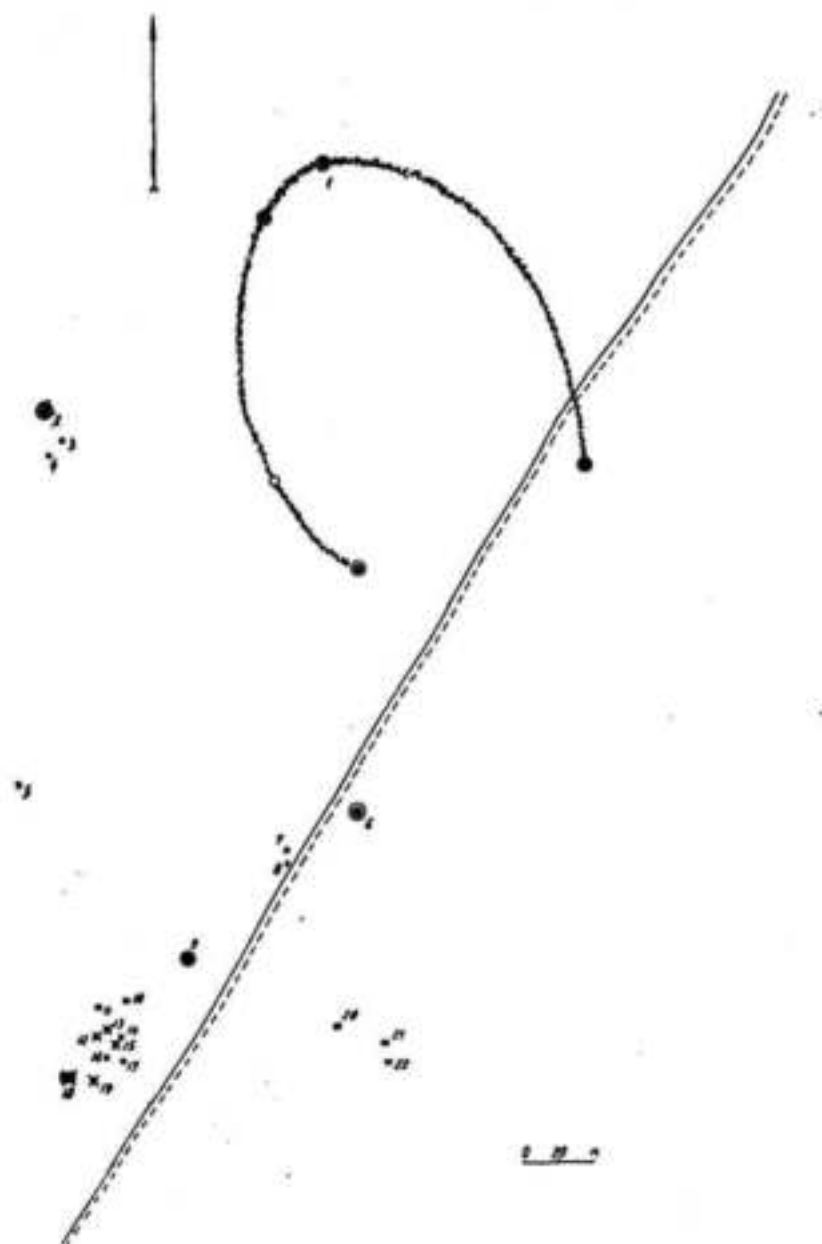

Рис. 92. План памятников эпохи поздней бронзы Айдарлы на р. Атасу.

ленший костяк человека, лежавший на спине, вытянуто, головой на юг, ногами на север. От черепа остался лишь белый порошок, тут же собраны зубы, которые свидетельствуют о том, что здесь был захоронен пожилой человек. Камера, видимо, была рассчитана на двоих, но ее западная половина оказалась пустой. На дне ее подняты обломки грубой керамики, подобной керамике этой группы.

Ограда 5 является типичным сооружением эпохи поздней бронзы. Она составлена из вертикальных плит, врытых на ребро, в виде концентрической ограды квадратной формы, площадью $3,3 \times 3,4$ м. и ориентирована сторонами по странам света. Внутри нее выявлен большой каменный ящик величиной $2 \times 2,3$ м. Фрагменты керамики и человеческие кости были встречены в разных местах и на разной глубине — результат ограбления. На дне ящика, у северо-восточной стенки, сохранились кости ног человека. Они вытянуты. В разных местах ящика и вне его найдены фрагменты двух горшков. На некоторых из них имелся орнаментальный узор, выполненный крупным гребенча-

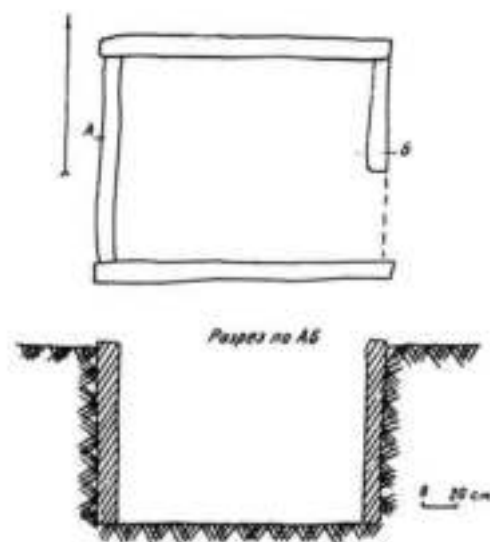

Рис. 93. Айдарлы. План и разрез ограды 3.

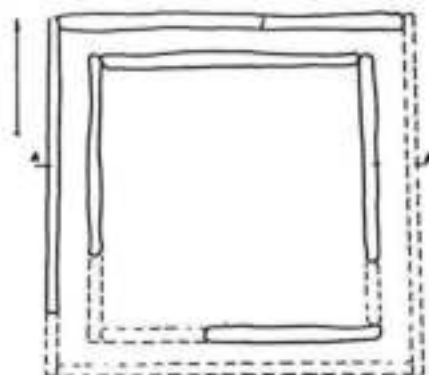

Рис. 94. Айдарлы. План и разрез ограды 5.

тым штампом, характерным для сосудов эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Керамика из ограды 5 Айдарлы своей формой и орнаментацией сходна с керамикой Бегазы-Дандыбаш и Сангру I.

Много неорнаментированных сосудов обнаружено в оградах 1 и 5, они аналогичны сосудам без орнамента из плиточной ограды 6 (Бегазы). Создается впечатление, что они однотипны (табл. XVIII).

Не менее большой интерес в группе Айдарлы представляет форма погребальных сооружений и обряд погребения, которые совершенно отличаются от андроновских и имеют много общего с дандыбаевскими, бегазинскими и сангрукскими памятниками, относящимися к эпохе поздней бронзы Центрального Казахстана. Форма погребальных сооружений Айдарлы очень сходна с таковыми в памятниках группы Кусмурук (Вугулы II). Это массивные квадратные ограды из гранитных плит, врытых на ребро, ящики из целых гра-

нитных плит квадратной формы, с большой глубиной, нередко до полутора метров и более. Эти особенности погребальных сооружений типа Айдарлы, Аксу-Аюлы и других совершенно отли-

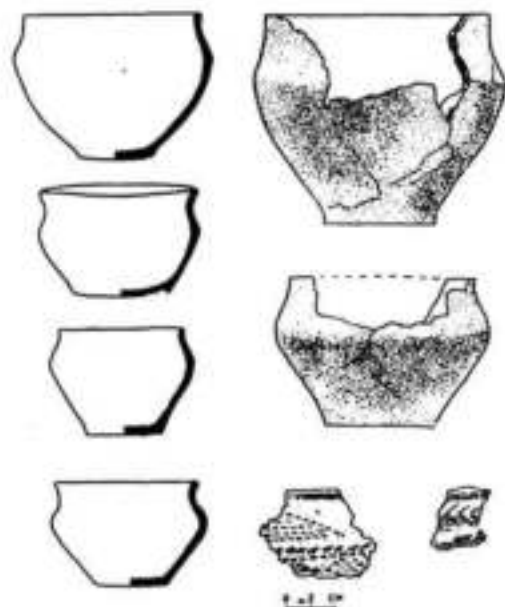

Табл. XVIII. Керамика эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Айдарлы, ограда 1.

чают их от традиционных андроновских и свидетельствуют о возникновении и развитии другой формы культуры, достигшей своего расцвета в бегазинское время.

КОМПЛЕКС КУСМУРУН (ВУГУЛЫ II)

В 1952 г. исследован обширный комплекс эпохи поздней бронзы Кусмурун (Вугулы II). Он расположен у северо-восточного подножья горы Вугулы, против одной из ее вершин Кусмурун, на берегу небольшой горной речки Шопы. Комплекс находится в 80 км к югу от г. Караганды. Природа здесь довольно красивая и богатая. Вероятно, этим объясняется огромное скопление в данной местности мелкоротивных памятников разной эпохи, расположенных

отдельными группами (Вугулы I, II, III). Здесь протекает небольшая горная речка, берущая начало с главных вершин гор Вугулы, которая, пройдя 6—8 км на север, впадает в р. Шерубай-Нуру, против урочища Кзылгой.

Кусмурун (Вугулы II) — весьма обширный комплекс, состоящий из различных по типу и времени сооружений.

В нем сохранилось до 60 памятников, раньше их было больше, многие из них смыты весенними потоками. Как видно из плана, основная масса сооружений относится к эпохе поздней бронзы (XII—X вв. до н. э), остальные — к эпохе ранних кочевников. Памятники можно разделить на следующие типы сооружений.

1. Небольшие четырехугольные каменные ограды из плит, врытых вертикально в землю. Размер оград — $4,5 \times 3,5$ м; $4 \times 2,8$ м; $3,2 \times 2,8$ м. Внутри них имеются большие ящики, сложенные из массивных гранитных плит, также врытых вертикально в землю, выступающих краями над древней поверхностью на 40—50 см. Размер ящиков — $2 \times 1,5$ м; $2 \times 1,2$ м; $2,2 \times 2$ м.
2. Массивные четырехугольные ящики, сложенные из врытых в землю вертикальных плит гранита, но без внешней ограды. Последние, видимо, давно убраны. Они таких же размеров, как и ящики предыдущего типа.
3. Большие четырехугольные ящики из гранитных плит, установленных на ребро, с пристройкой или тамбуром с одной стороны, в большинстве — с южной или юго-западной. Размер ящиков — $3,6 \times 1,6$ м, пристройки — $1 \times 0,8$ м.
4. Большие четырехугольные ограды из массивных гранитных плит, поставленных на ребро. По углам имеются врытые вертикально камни высотой 1,45 м, а в юго-восточном углу — большая плита, имитирующая изваяние животного (бараний камень). Размер бараньего камня: высота — 1,7 м, ширина — от 30 до 50 см. Размер ограды — 8×7 м.
5. Невысокие курганы с кольцевыми выкладками из плит на насыпи, высо-

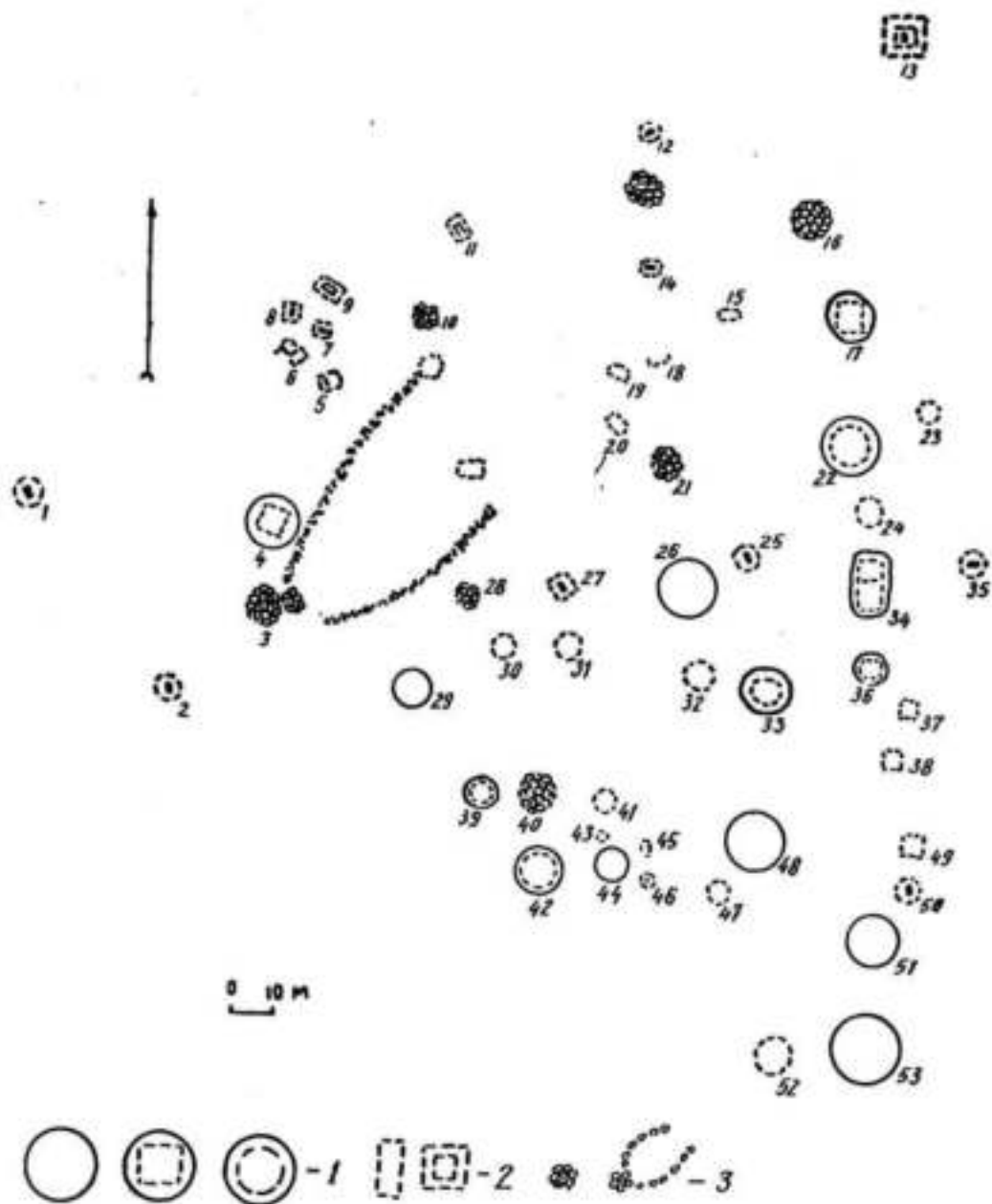

Рис. 95. План комплекса Вугузы II. 1 — курганы, 2 — ограды, 3 — курганы с «усами».

той от 0,4 до 1 м, диаметром от 5 до 12 м.

6. Округлые курганы, на вершине с кольцами из камней, положенных плашмя на насыпи.

7. Курганы с concentрическими квадратными оградами, внутри которых помещены большие каменные ящики. Ог-

ми размером 7×6 м и пристройками прямоугольной формы, напоминающими входы бегазиских оград.

10. Плоская каменная насыпь округлой формы, по краю обрамленная камнями, положенными плашмя.

11. Плоские каменные выкладки с кольцевым обрамлением по краям. В цент-

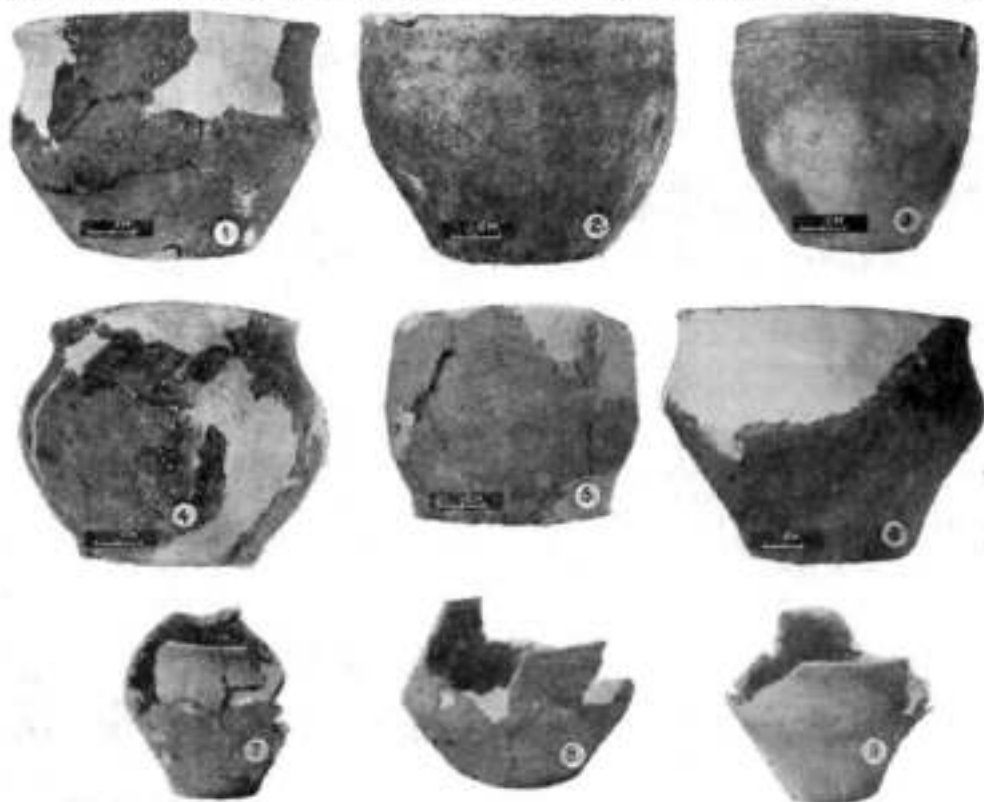

Табл. XIX. Керамика эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана. Айдарлы.
1—3 — ограда 1, 4—9 — ограда 5.

рады выложены плитами среднего размера, положенными плашмя. Диаметр кургана — 12—15 м, высота — 0,8—1 м.

8. Округлые курганы высотой 80—90 см, с кольцевыми оградами из камней, положенных плашмя у основания.

9. Невысокие курганы, в центре с квадратными или прямоугольными ограда-

ми. В центре находится массивный ящик из крупных удлиненных блоков, поставленных на ребро. Размер ящика — 1,4×1,6 м, ограда — 3,7×4,8 м.

12. Каменная насыпь округлой формы, высотой 80 см, диаметром 10 м. В основании она выложена камнями. В восточной половине кургана, рядом с насыпью, расположен другой курган, также с каменной насыпью, но меньшего

размера. От него к востоку дугообразно тянутся дорожки, выложенные камнями («усы»).

В этом комплексе исследовано 12 объектов. В результате установлено, что большинство из них являются вариантами сооружений одной и той же эпохи поздней бронзы, и только небольшая часть (плоские каменные выкладки и курганы «с усами») относится к эпохе ранних кочевников.

Ограда 1 имеет квадратную форму и сложена из плит, врытых вертикально. Площадь ограды — $2,9 \times 2,9$ м. В центре ее находится большой гранитный ящик квадратной формы, размером $1,75 \times 1,85$ м. Против юго-восточного угла ящика, за оградой, стоит каменный столб высотой около 1 м, шириной 40 см. Он несколько наклонен к северо-востоку. Ограда ориентирована углами по странам света. При раскопке, на глубине 50 см, в середине ящика найден почти целый горшок, украшенный геометрическим узором. Сосуд — ручной лепки, он имеет шаровидную форму, красиво изогнутый венчик и плоский поддон на изгибе. Между шейкой и венчиком сделан рельефный валик. Обжиг средний, излом темного оттенка. Орнамент нанесен особым штампом в виде пальметки или бараньего рога, он покрывает всю поверхность сосуда. На той же глубине, в северо-западном углу ящика, собраны обломки трубчатых костей барана, в юго-западном углу поднят крупный обломок черепа. Остальные обломки черепа найдены на глубине 85 см в другой части ящика. При дальнейшей расчистке, на глубине 70 см, в северо-западном углу обнаружен глиняный сосуд, стоявший дном вверх. Он шаровидной формы, плоскодонный, с прямым венчиком. По шейке проходит орнамент, выполненный своеобразным штампом в виде пересекающихся линий. Хаотичное расположение материала свидетельствует о том, что погребение давно ограблено, других предметов материальной культуры не выявлено. Глубина ящика — 95 см, высота боковых плит — 90 см — 1 м.

Ограда 3 расположена в северной части комплекса. Она сложена из крупных гранитных плит, врытых на ребро, и ориентирована длинными осями с запада на восток. Внутри нее стоял ящик. Его размер — 4×4 м. Он составлен из целых довольно больших гранитных плит, установленных вертикально, размером $1,8 \times 2$ м. Наиболее высокой и массивной плитой является восточная. По свежим изломам видно, что края плит отбиты недавно. Они выступают над поверхностью земли на 20—60 см. В результате разборки ограды поквратно-последовательным методом в северо-западном углу ящика, на глубине 50 см, были обнаружены обломки трубчатой кости барана и фрагменты красного сосуда с дугообразной шейкой. Керамика довольно хорошего качества, светлорусоватого цвета, почти равномерно обжигана. Орнамент состоял из удлиненных косых треугольников и меандра, выполненных мелким зубчатым штампом и ямками параболической трапеции. Каждый узор был отделен двумя параллельными линиями-полосами, сделанными зубчатым чеканом. Венчик украшали треугольники, обращенные вершинами вверх, шейку — узор, приближающийся по типу к меандру. Сосуд имел слегка отогнутый высокий венчик, слегка округленные бока (тулово), видимо, плоское дно. Дальнейшая расчистка показала, что дно ящика было заполнено землей, перемешанной с галькой и мелкими обломками камня. Все это было плотно сцементировано. Глубина ящика от края поверхности — 60 см, высота северной стены — 75 см, восточной — 1,5 м. Раскопка доведена до чистого материкового грунта. Кроме керамики, других находок не было.

Ограда 5 представляет собой кольцевую выкладку из крупных каменных блоков и валунов, не имеющую определенной формы. Она концентрическая, размером с запада на восток — 5 м, с севера на юг — 3,7 м. В западном конце ее стояла большая плита (сторожевой камень), врытая на ребро. Раскопки

Рис. 96. Бугулы II. Вид погребальных ящиков эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана.

проведены поквратно на всей площади выкладки.

В ограде обнаружена погребальная камера, внутри с прямоугольным ящиком, ориентированным продольной осью с запада на восток, т. е. по оси эллипсоида. При расчистке ограды и ящика, на глубине 65 см, у южной стенки камеры выявлены кости человека. На этой же глубине, у северной стенки, собраны фрагменты плохо сохранившегося глиняного сосуда, очень плохого по качеству лепки. Верхняя половина сосуда, от шейки до тулова, была покрыта елочным орнаментом, нанесенным крупным гребенчатым штампом с поперечными зарубками. По форме и технике орнаментации сосуд находит большую аналогию в керамике Дандыбая¹⁶ и Бегазы, а также в карасукской керамике Южной Сибири¹⁷.

Ограда 6 находится в северо-западном конце комплекса, в обособленной группе. В плане она представляет собой квадрат площадью 3,5×4 м и сложена из вертикально врытых гранитных плит, края которых выступают над поверхностью на 45—70 см. Внутри нее, на глубине 80 см, стоял каменный ящик размером 2×2,2 м. В ящике на разной глубине стали попадаться фрагменты сосуда. Судя по ним, он имел слегка отогнутый венчик, плоский поддон, округлые бока и не был орнаментирован. Диаметр дна — 7,5 см. На дне сосуда имелся отпечаток сегментовидного знака (тамги), опрокинутого радиусом основания вверх. Здесь же собраны крупные фрагменты другого, почти целого сосуда, изготовленного из глины светло-каштанового цвета с примесью дресвы и вкрапленный кварцевого песка. Обжиг слабый, излом черного цвета, тесто рыхловатое. Высота сосуда — 12 см, диаметр венчика — 14 см, дна — 8 см. Он относится к типу плоскодонных сосудов с легким изгибом шейки. Но венчик у него почти прямой, вытянутый. Снаружи на дне поставлен кон-

центрический кружок в виде солярного знака. Орнамент сосуда в виде трех пересекающихся линий выполнен гребенчатым штампом (табл. XXI, 3). Он очень своеобразен и самобытен. Подобные узоры встречаются в керамике поздней бронзы Центрального и Северного Казахстана¹⁸, особенно Бегазы и Дандыбая¹⁹, а также обнаруживают некоторое сходство с посудой карасукской культуры Енисея²⁰.

На дне ящика подняты фрагменты третьего сосуда, вылепленного из теста хорошего обжига, светло-каштанового цвета, имеющего в изломе коричневатый оттенок. Сосуд шаровидной формы, с прямым венчиком, легким изгибом шейки. Вадутые бока его резко переходят в плоский поддон. Орнамент в виде острых углов выполнен гладким штампом и покрывает всю верхнюю часть корпуса. Он нанесен в несколько рядов вокруг тулова и плечика. Этот орнамент напоминает ковровый узор, он чрезвычайно оригинален по своему композиционному построению и является одним из образцов яркости и самобытности гончарного искусства местных племен эпохи бронзы Центрального Казахстана (табл. XXI, 2). Точно такой же сосуд, но с несколько другим рисунком был найден в Дандыбае²¹. Вся керамика описанной ограды по типу и технике нанесения орнамента аналогична дандыбаевской и бегазинской.

На дне ящика обнаружены еще обломки трубчатых костей человека, но по ним трудно судить об обряде погребения. Ящик давно ограблен, поэтому других находок не было.

Ограда 7 расположена в центре комплекса. Она представляет собой прямоугольную площадку, вытянутую с запада на восток, размером 2,9×3,5 м. В середине площадки находится большой каменный ящик прямоугольной фор-

¹⁶ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 290, табл. VIII, 1.

¹⁷ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 137, рис. 5.

¹⁸ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 73, табл. XIII, рис. 25.

¹⁹ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 140, рис. 8, 9.

¹⁶ М. П. Грязнов. Памятник карасукского этапа в Центральном Казахстане, рис. 5, 3.

¹⁷ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 73, табл. XIII, 7, 17, 23.

мы, размером $1,8 \times 1,25$ м. Он сложен из четырех целых плит гранита, врытых на ребро. Верхние края плит выступают над поверхностью земли на 10—35 см. При расчистке ограды, в северо-западном углу ящика, на дне обнаружен несколько вытянутый глиняный сосуд. Сверху он прикрыт небольшой сланцевой плитой округлой формы. Его высота — 12,5 см, диаметр венчика — 14,5 см, дна — 8,5 см. Сосуд сделан из хорошей глины с незначительной примесью дресвы, в изломе — обжиг черного цвета. На шейку сосуда нанесен орнамент в виде сплошных зигзагов, выполненных крупным гребенчатым штампом. Мотивы геометрических зигзагов часто встречаются в керамике культуры бронзы, особенно карасукского времени, в Южной Сибири²². Рисунок зигзагов на керамике группы Кусмурун очень своеобразен, по технике ориентации он сходен с керамикой Дандыбал²³. Зигзаги проведены очень четко, рельефно (табл. XXI, 5), по форме и орнаментации найденный сосуд близок керамике поздней бронзы из поселений Кокчетавской области²⁴.

На дне ящика выявлены истлевшие и потревоженные кости скелета человека. Это одна пара конечностей и нижняя челюсть. Кроме сосуда, других предметов материального производства не обнаружено.

Курган-ограда 8 имеет шаровидную форму и каменную выкладку в центре. Диаметр его — 15,8 м, высота — 0,85 м. Несколько выше шлейфа на насыпи заметны очертания каменной выкладки трапециевидной формы из плит, положенных плашмя. Ограда ориентирована длинными осями по странам света, с небольшим отклонением к северо-западу. Размер западной стороны — 8 м, северной — 9,8 м, южной — 9,5 м, восточной — 9,5 м. На вершине кургана, на глубине 50 см, обнаружена еще

внутренняя ограда, вписанная во внешнюю. Промежуток между ними — обходной коридор шириной 1,5—2,2 м.

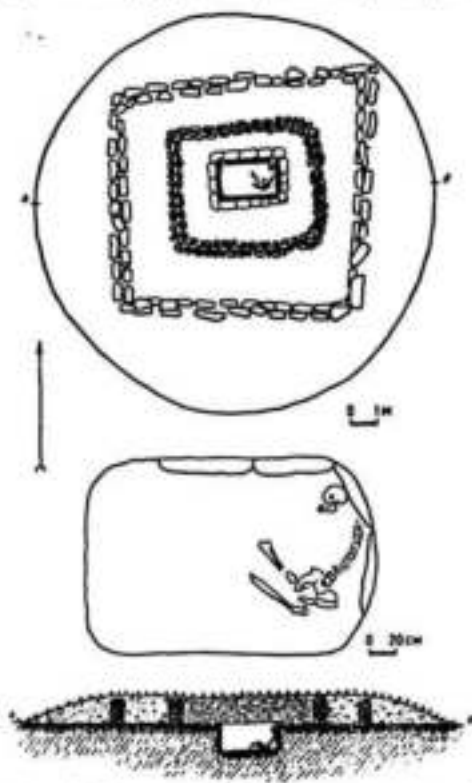

Рис. 97. Бугулы II. План и разрез кургана 8.

Внутренняя ограда по плану очень близка квадратно-трапециевидной форме, углы ее несколько закруглены. Длина северной стороны равна 3,9 м, южной — 3,6 м, западной — 4,45 м, восточной — 4,10 м. Таким образом, ограда самой меньшей стороной обращена на юго-запад. По всей поверхности насыпи разбросаны крупные каменные плиты, самые большие лежали в центре. Размер плит — $1,10 \times 1,55$ м, 95×85 м, $1,5 \times 1,10$ м, $1,8 \times 1,35$ м. Возможно, когда ими была перекрыта внутренняя ограда. При дальнейшей расчистке послойно-поквадратным методом в центре внутренней ограды выявлена погребальная камера подквадратной формы. Она вы-

²² С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 65, табл. X, рис. 9; стр. 73, табл. XIII, рис. 1.

²³ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 137, рис. 5, 3.

²⁴ А. М. Оразбаев. Указ. соч., табл. XII, 2.

ложена большими прямоугольными плитами с небольшими разрывами между камнями горизонтальной кладкой. В центре ее обнаружены огромные гранитные плиты, служившие перекрытием.

Камера имеет вид прямоугольного ящика, ориентированного сторонами по странам света. Длина сторон с запада на восток — 2,2 м, с севера на юг — 1,5 м. Между оградами в разных местах, на глубине 55 см, найдены кости животных, они были положены в галерею после совершения трапезы по случаю окончания строительства сооружения.

крупный человек большого роста. Кроме костяка, никаких предметов домашнего обихода не найдено.

Курган-ограда 8 представляет значительный интерес по своей планировке и форме сооружения и является уникальным памятником Центрального Казахстана. Он аналогичен сооружениям Аксу-Аюлы II, Ортау II и Байбала II.

Ограда 9 прямоугольной формы, размером 4,2×3,5 м, ориентирована длинной осью с северо-запада на юго-восток. В центре, на глубине 80 см, имеется большой каменный ящик, размер его — 1,57×1,1 м. Стены ящика выступают

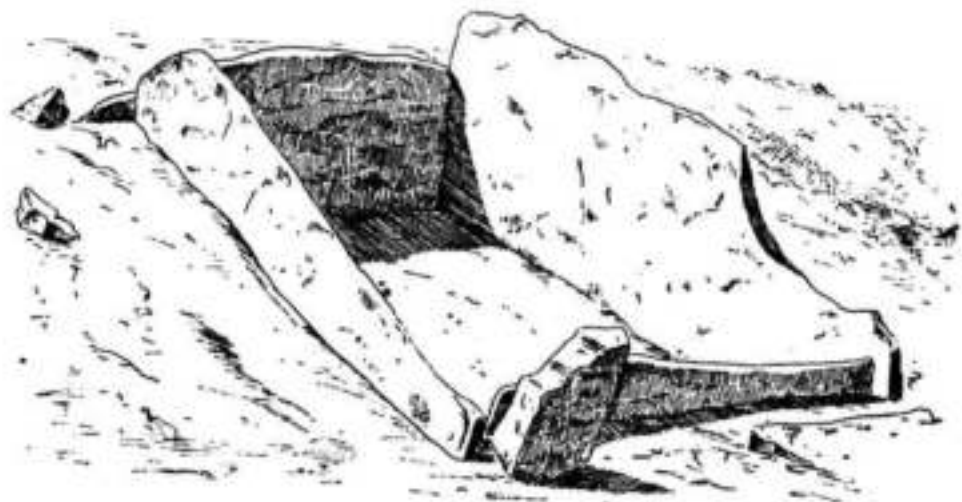

Рис. 98. Вугулы II. Погребальный каменный ящик 9.

На глубине 1,6 м выявлен неполный костяк человека: позвоночник, тазовые и берцовые кости, а также кости ног. У северо-восточного угла камеры поднят человеческий череп довольно плохой сохранности. Человек был захоронен в сидячем положении, в юго-восточном углу, с поджатыми к груди ногами. При разложении трупа голова и туловище упали в правую сторону, таз остался на месте, а осевшие позвонки образовали небольшую дугу. Череп большой, довольно массивный, зубы хорошей сохранности. Судя по скелету, это был

над поверхностью земли от 30 до 50 см. Снаружи западного угла ограды лежал сторожевой камень длиной 1,78 м, шириной 20 см. Прослежено, что в этой группе у всех оград в углах врыты вертикально большие камни. Такие камни типичны для оград эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана и памятников карасукского времени Южной Сибири. Кости скелета человека найдены в разных местах и в разных слоях ограды. На дне ящика (глубина 75 см) подняты фрагменты глиняного сосуда ручной лепки из теста с примесью толченого

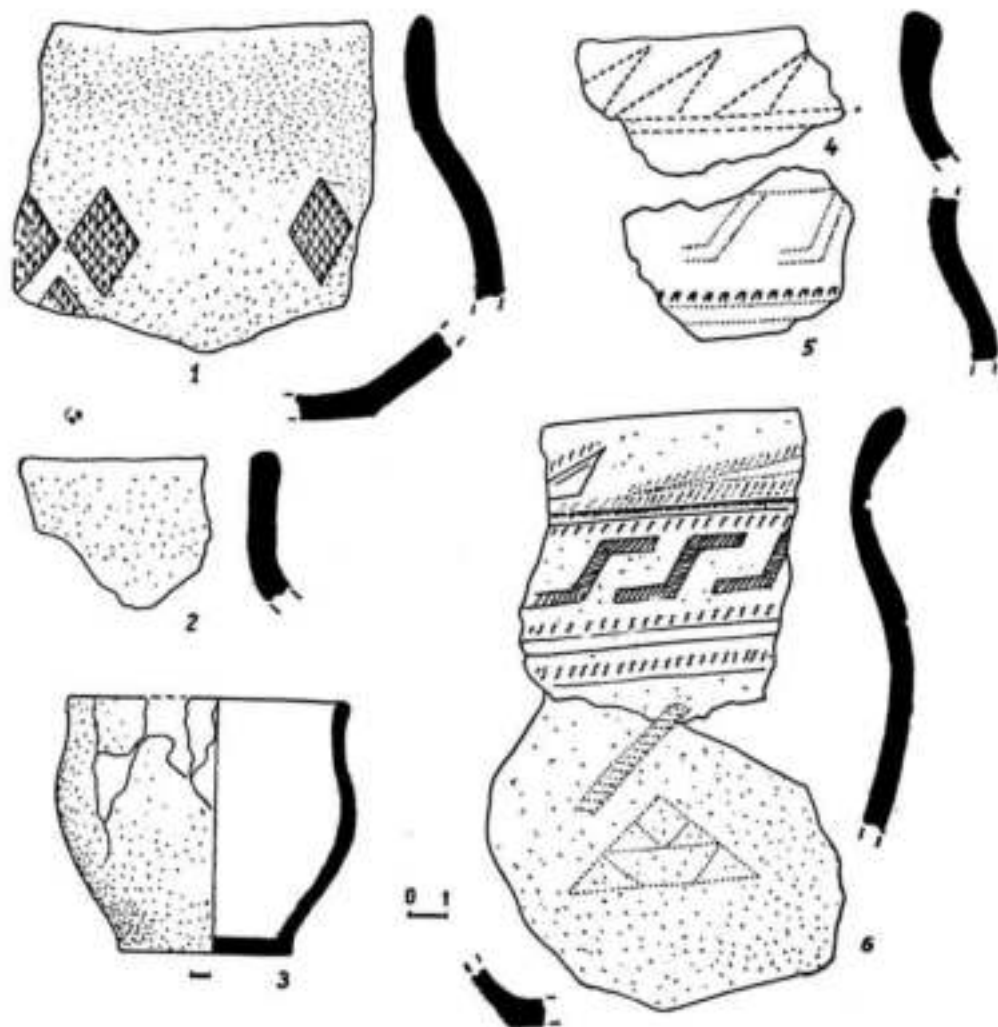

Табл. XX. Керамика эпохи поздней бронзы из Центрального Казахстана. Вугулы II.
 1 — ограда 10, 2, 3, 6 — ограда 11, 4, 5 — ограда 3.

гранита и полевого шпата. Поверхность его красновато-серого цвета, следовательно, он сравнительно хорошего обжига. Сосуд был шаровидной формы, характерной для этой группы, с прямым невысоким венчиком и легким изгибом шейки. Сферонидные бока его, закругляясь, переходили в уплощенное дно (табл. XXI, б). На шейку гладким штампом нанесен орнамент, имитирующий форму заштрихованных треугольников.

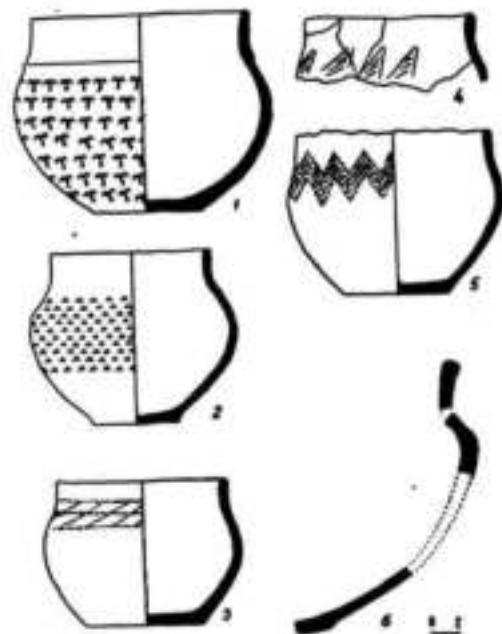

Табл. XXI. Керамика эпохи поздней бронзы из Центрального Казахстана. Вазулы II: 1 — ограда 1, 2—3 — ограда 6, 4 — ограда 10, 5 — ограда 7, 6 — ограда 9.

Подобные сосуды типичны для оград Бегазы и Дандыбая. Своеобразная лепка донной части не позволяет отнести их к плоскодонным сосудам. Этот тип посуды встречается и в комплексе Кусмурун, что дает возможность датировать описанную группу памятников бегазы-дандыбаевским временем культуры бронзы Центрального Казахстана.

Ограда 10. Сохранился лишь огромный ящик, сложенный из гранитных плит.

Ограда, в которую когда-то он был заключен, видимо, давно разобрана. Ящик расположен рядом с ящиком другой ограды. Вместе они составляют важный объект комплекса Кусмурун. Он ориентирован углами почти по сторонам света, прямоугольной формы и размером $2,4 \times 1,45$ м. На наружных углах его стояли вертикальные каменные столбы. После снятия дернового слоя был найден фрагмент очень изящного сосуда, обломки которого затем были обнаружены в разных слоях раскопа. Техника изготовления сосуда — обычная для этой группы: тесто с примесью мелкой дресвы, обжиг средний, излом темный. Но его отличает от других горшков группы высокий прямой венчик и вытянутость корпуса. Легкий изгиб шейки аналогичен формам изгиба других сосудов комплекса Кусмурун. Другой особенностью горшка является оригинальный орнамент, нанесенный мелким чеканом в виде больших ромбов. Внутри ромбов проведены параллельные линии, которые в сочетании как бы образуют маленькие равнобедренные треугольники. Однако форма сосуда и орнамент не имеют сходства с андроновской керамикой. Горшок из ограды 10 находит большую аналогию прежде всего в керамике эпохи бронзы Центрального Казахстана²⁵. Ромбический орнамент описанного типа — один из любимых мотивов керамики Дандыбая²⁶, а также карасукского времени Южной Сибири²⁷.

Ограда 11. На месте ее обнаружен большой каменный ящик со входом с юго-западной стороны. По структуре она несколько напоминает плиточные ограды Бегазы. Ящик расположен в центре северо-западной группы комплекса, несколько к северу от кургана 8. Размер его — $2,6 \times 1,8 \times 1,1$ м, входа — $1 \times 0,9$ м. Ящик перекрыт огромными плитами весом $1,5$ — 2 т, размером $2,2 \times 1,45$ м. При

²⁵ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 137, рис. 5, 8.

²⁶ Там же, рис. 5, 5; рис. 8, 7.

²⁷ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 64, табл. X, рис. 6, 10.

разборке его, на глубине 78 см, встречены фрагменты четырех сосудов, из которых три имеют геометрический орнамент, один не орнаментирован. Все горшки сделаны из теста со значительной примесью толченого кварца и блесков шпирита. В изломе они густооранжевого цвета. Конструкция ящичка и форма керамических сосудов свидетельствуют о том, что эти ограды относятся к эпохе поздней бронзы, т. е. к бегазы-дандыбаевскому времени.

Особый интерес представляют фрагменты крупного глиняного сосуда светло-оранжевого оттенка, с высоким горлом и шаровидным туловом. Как у всех со-

судов этой группы, у данного горшка (табл. XX, б) орнамент занимает всю его верхнюю часть. Он нанесен гребенчатым штампом несколькими полосами: по венчику идут вытянутые несколько стилизованные косые треугольнички, затем — каннелюры, ниже — линия ногтевого орнамента в виде запятых, далее на шейке расположены прямоугольные фигуры в виде стилизованных обломков меандра, под ними проходит линия запятых и каннелюр. Сосуд своей формой и прекрасной орнаментацией сходен с горшком б керамики Дандыбал²⁸.

²⁸ М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 140, рис. 8, б.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Еще десять лет назад считали, что на территории Центрального Казахстана нет поселений эпохи бронзы, и смотрели на эту степную страну как на «необитаемое Средиземное море». Однако широкие разведки и тщательные исследования Центрально-Казахстанской археологической экспедиции под руководством А. Х. Маргулана в 1955 и 1956 гг. в корне изменили мнение по этому вопросу. Стоило выявить и изучить только одно поселение, как оно стало важным ключом к открытию других и число их постепенно умножилось. Всего в разных районах Центрального Казахстана сейчас зафиксировано до 30 поселений, со многих из них инструментально сняты планы¹. Наиболее крупные и интересные по конструкции жилища поселений расположены в долинах рек Атасу, Нуры и в горных ущельях. Простой подсчет в районах Центрального Казахстана дает следующую картину: на р. Атасу три поселения (Дарат, Атасу, Сартабан), в северных предгорьях Толагай — одно (Жамбай-Карасу), в горах Вугулы — три (Карсакпай, Вугулы I и II), на р. Талды-Нуре — пять (Сенкебай, Шортанды-Булак, Вайбала, Акбаур I и II), на р. Ше-

рубай-Нуре — три (Дерпсалы, Дулат-Койтасы, Кармыс), на р. Сары-Су — два (Жана-Аркинское и Каип-Тоган), в верховьях р. Вольшой Нуры — два (Жамантас, Карашоқы), на р. Кундузды, в районе ее впадения в р. Нуру, — одно, в горах Ортау — два (Жаман-Узень и ферма № 2 Ортауского совхоза), в горах Улутау — два (Джангабыл и Улутауское), около рудника Акжал² — одно, в черте города Караганды — одно (Майкудук), три поселения — возле Каркаралинска (Суук-Булак, Каркаралинское I и II) и три (Кара-Томар, Ермектас, Тагибай-Булак) — в Баян-Аульском районе. В последние годы некоторые из них при проведении земляных работ разрушены. Эта участь постигла поселения в черте г. Джезказгана (Милекудук) и Караганды (Улутауское и Жана-Аркинское). При рытье ям и закладке фундамента домов жители станции Жана-Арка и поселка Улутау часто находят кости животных, обломки керамики, а иногда и каменные орудия, характерные для эпохи бронзы Центрального Казахстана. Почти полностью уничтожены поселения Дарат в долине р. Атасу и Суук-Булак возле г. Каркаралинска.

¹ А. Х. Маргулан. Отчет Центрально-Казахстанской археологической экспедиции за 1955 г. «Известия АН КазССР», серия историческая, 1956, вып. 3, стр. 103—106.

² С. В. Лопатин. Археологические памятники в Центральном Казахстане. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 1, 1956, стр. 265—266.

Поселение Суук-Булак мы посетили еще в 1955 г., когда видны были очертания и контуры остатков жилых строений. Поселение неоднократно осматривали местные краеведы: учительница В. Е. Янецкая и бывший директор Карагандинского музея Л. Ф. Семенов³. Они собрали здесь подъемный материал, который теперь находится в Карагандинском музее. Шурфы, заложенные на Суук-Булаке в 1955 г., дали еще более богатый материал в виде обломков керамики, костей животных, орудий труда и шлака, свидетельствующего о выплавке меди на поселении. Это позволяет утверждать, что племена, обитавшие в эпоху бронзы в Центральном Казахстане, подобно племенам других районов распространения культуры бронзы, жили оседло и селились в речных долинах и межгорных равнинах, где имелись запасы топлива и источники воды. Богатые лугами поймы рек и сочные пастбища предгорий позволяли племенам эпохи бронзы заниматься пастушеским скотоводством и огородным земледелием. Стоянки эпохи поздней бронзы обнаружены за пределами речных долин, они встречаются в отдаленных от речных бассейнов местностях, например в оазисах Северной Ветпак-Далы (стоянка Муңглы, недалеко от рудника Чалкия), в полупустынном районе Джезказгана (Милекудук). В Северной Ветпак-Дале племена эпохи бронзы могли обосноваться только при условии наличия грунтовой воды и устройства колодцев. Других источников воды и прежде здесь не было. Увеличение общественных стад и рост населения явились первыми толчками к хозяйственному освоению пустыющих земель полупустыни. К концу эпохи бронзы часть племен оставляет речные долины Центрального Казахстана и осваивает оазисы пустыни и полупустыни, где единственным источником водоснабжения были колодцы. Об этом говорят обширные комплексы памятников

эпохи бронзы, расположенные в Северной Ветпак-Дале (Вельсар, Ватпаксу, Чалкия, Муңглы, Жеты-Конур) адали от естественных водных источников. Эти весьма крупные комплексы памятников лишены раз доказывают, как дорожили племена эпохи бронзы хорошими пастбищами. В условиях казахских степей пастбища и водопой всегда были основой скотоводства. В хозяйственной жизни древних племен громадное значение имели не только открытые водные бассейны, как реки Атасу, Сары-Су, Нура, Ишим и Токраун, но и грунтовые воды (Жеты-Конур).

Не менее важную роль в жизни племен Центрального Казахстана эпохи бронзы играл выбор места под поселение, защищенного от холодных ветров и суховея. Такими местами для них были горные ущелья или укромные берега степных рек или озер. Интересно, что поселения эпохи бронзы часто встречаются там, где позднее казахи устраивали свои зимовки. Видно, что при выборе места для стоянок и поселений как древние, так и поздние скотоводы исходили из тех же соображений, т. е. защиты себя от зимней стужи и чтобы вокруг поселений была вода и запасы топлива.

По наличию многочисленных поселений, древних выработок, остатков оросительных сооружений, а также множеству погребальных памятников Центральный Казахстан — самая густонаселенная страна в эпоху бронзы. Он был не только обжитой страной, но главным пунктом зарождения и развития культуры бронзы, центром древней металлургии. Это подтверждают сами памятники своей высокой строительной техникой, мощностью и грандиозностью (Аксу-Аюлы II, Вугулы III, Бегазы, Сангру I, Вельсар). Аналогичного типа сооружений мы не находим ни в одном районе распространения культуры бронзы на территории нашей страны.

Поселения эпохи бронзы в Центральном Казахстане довольно крупны и оригинальны. В одном большом поселении бывает от 30 до 80 жилых и хозяйственных строений (Вугулы I, Шортанды-Бу-

³ Л. Ф. Семенов. Стоянка эпохи бронзы Суук-Булак. «Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР», т. 1, 1956, стр. 263.

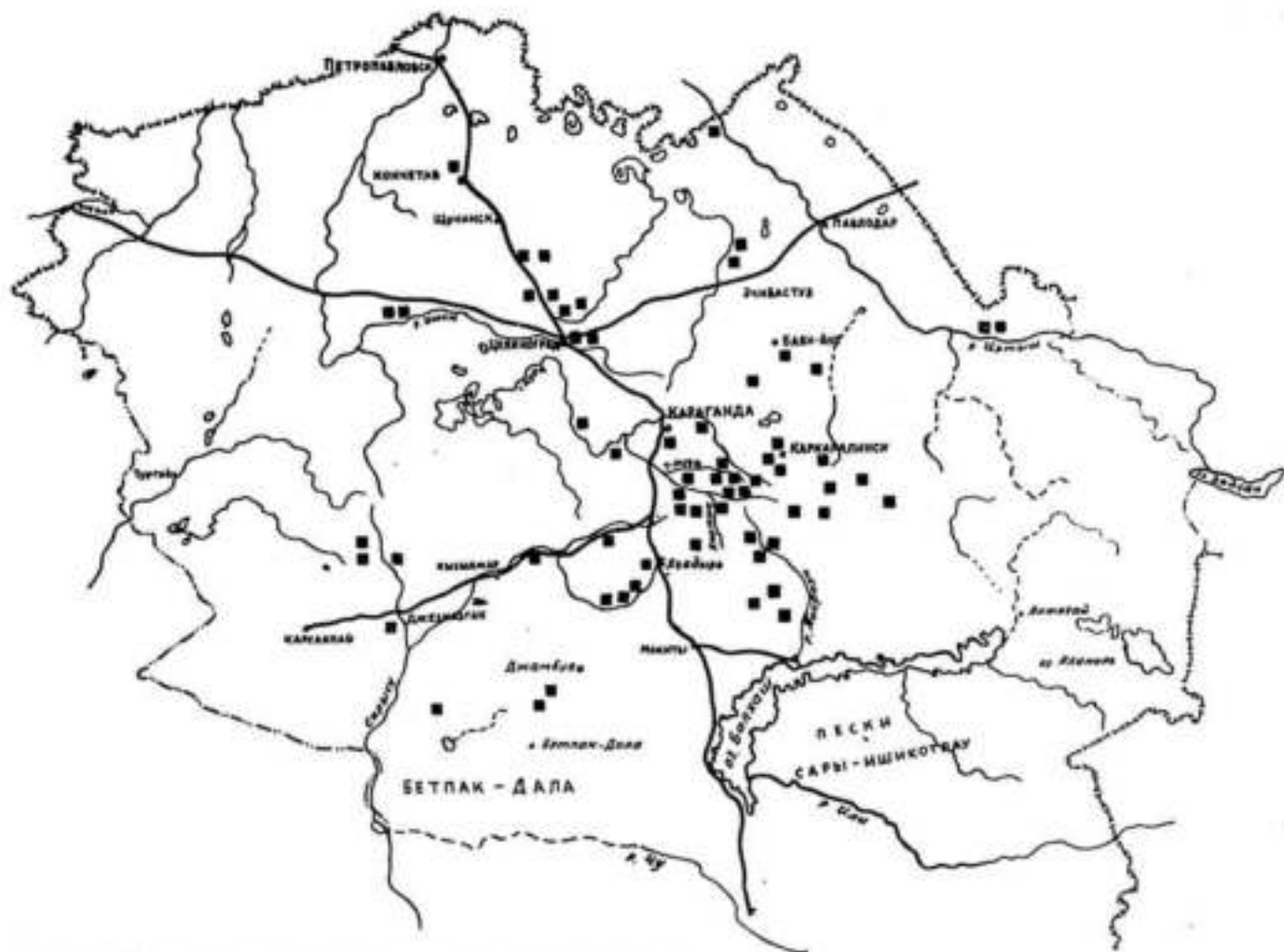

Рис. 99. Карта поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана.

лак, Атасу). Стены жилых помещений нередко облицованы громадными плитами гранита, поставленными вертикально (жилище № 4 поселения Атасу).

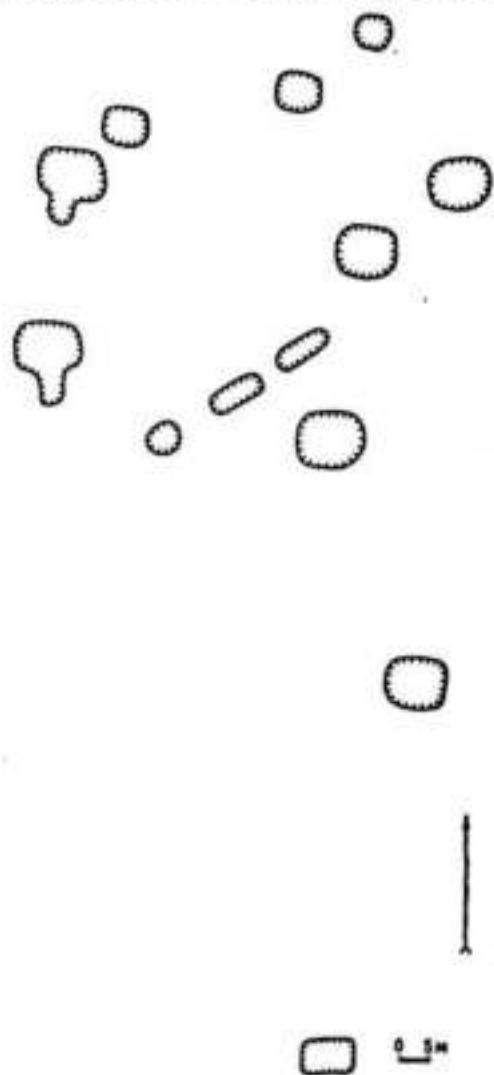

Рис. 100. План поселения андроновского времени в долине р. Жамбай-Карасу.

Формой эти плиты напоминают современные крупнопанельные железобетонные блоки. Найти поселения опытному исследователю не так трудно. Обычно

верхние края облицовочных плит выступают из земли, а контуры жилых строений имеют форму западины подросшей густой травой. Такие места казахи называют Казан-Шуныкыр, когда очень много западин — Мын-Шуныкыр (тысяча котлованов). Судя по всему, в Центральном Казахстане прослеживаются два типа поселений: крупные, расположенные в речных и горных долинах, и малые, находящиеся вне речных бассейнов. Кроме того, можно выделить еще временные стоянки, встречаемые на дальних пастбищах или в районах добычи руды (рудник Акжал, Милекудук).

В основном поселения эпохи бронзы представляют собой группы жилых и хозяйственных построек, количество которых в каждом селении варьирует от 10 до 40 и более, а в самых крупных насчитывается до 80, площадью в 2—3,5 га (Вугулы I).

Планировка поселения еще не имеет очерченной основы, но в ней предусмотрена охрана общественного стада от ночного нападения хищников. План поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана своей схемой очень напоминает план позднейшего кочевого стана. Группа жилых и хозяйственных построек расположена по кругу, в центре имеется открытая внутренняя площадка, которая, несомненно, предназначена для размещения скота (поселения Атасу, Шортанды-Булак, Акбаур, Жамбай-Карасу). Это подтверждается остатками обугленного кизяка, прослеженными на площадках поселений Атасу и Шортанды-Булак. Кроме того, поселение расширилось только путем строительства сооружений за чертой селения, центральная площадка его оставалась свободной.

Жители Центрального Казахстана довольно хорошо разбирались в строительных делах. Это видно из подбора строительных материалов, техники кладки каменных стен и ориентировки сооружений. Жилища большей частью ориентированы продольной осью с запада на восток, т. е. в направлении господствующих

щих ветров, дующих в Центральном Казахстане.

Из тридцати поселений, выявленных на этой территории, к настоящему времени изучено полностью или частично десять, остальные взяты на учет и с них сняты топографические планы.

В 1955 г. А. Х. Маргулан исследовал Атасуское поселение. Вместе с поселением Дарат оно является южной границей поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана. В том же году были выявлены два поселения в горах Ортау, расположенные в 80 км к северу от Атасуского поселения. В одном из них (Жаман-Узень) обнаружен длинный дом, интересный своим оригинальным устройством и четкой формой прямоугольного плана⁴.

В 1956 г. А. Х. Маргулан обследовал поселения Вугулы I и II. На поселении Вугулы II была изучена (при участии Т. Н. Сениговой) часть жилища, стены которого были обложены плитами гранита так же, как и в жилище Атасуского поселения. В том же году заложены шурфы на поселениях Вайбала, Шортанды-Булак и Акбаур, расположенных в долине р. Талды-Нуры на небольшом расстоянии (10—15 км) друг от друга и в 70 км на восток от поселений Вугулы I и II. В 1961 г. А. Х. Маргулан и А. М. Оразбаев провели широкое исследование поселения Улутау, в 1962 г. — поселений Суук-

Булак и Каркаралинского (II). В 1963 г. А. М. Оразбаев продолжил раскопки на поселении Вугулы II. К настоящему времени накоплен большой археологический материал, позволяющий поставить

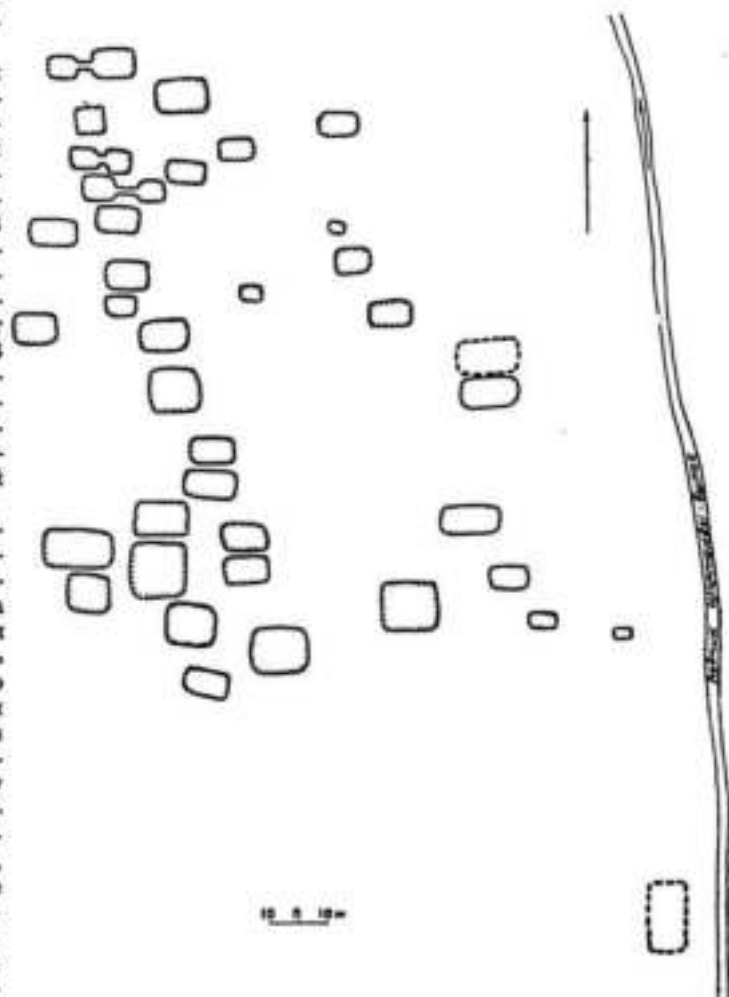

Рис. 101. План поселения бронзового времени из долины р. Шортанды-Булак.

вопрос о хозяйстве, культуре и быте племен Центрального Казахстана эпохи бронзы.

Наряду с Центральным Казахстаном в эпоху бронзы сравнительно заселены

⁴А. Х. Маргулан. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959, стр. 24, рис. 12.

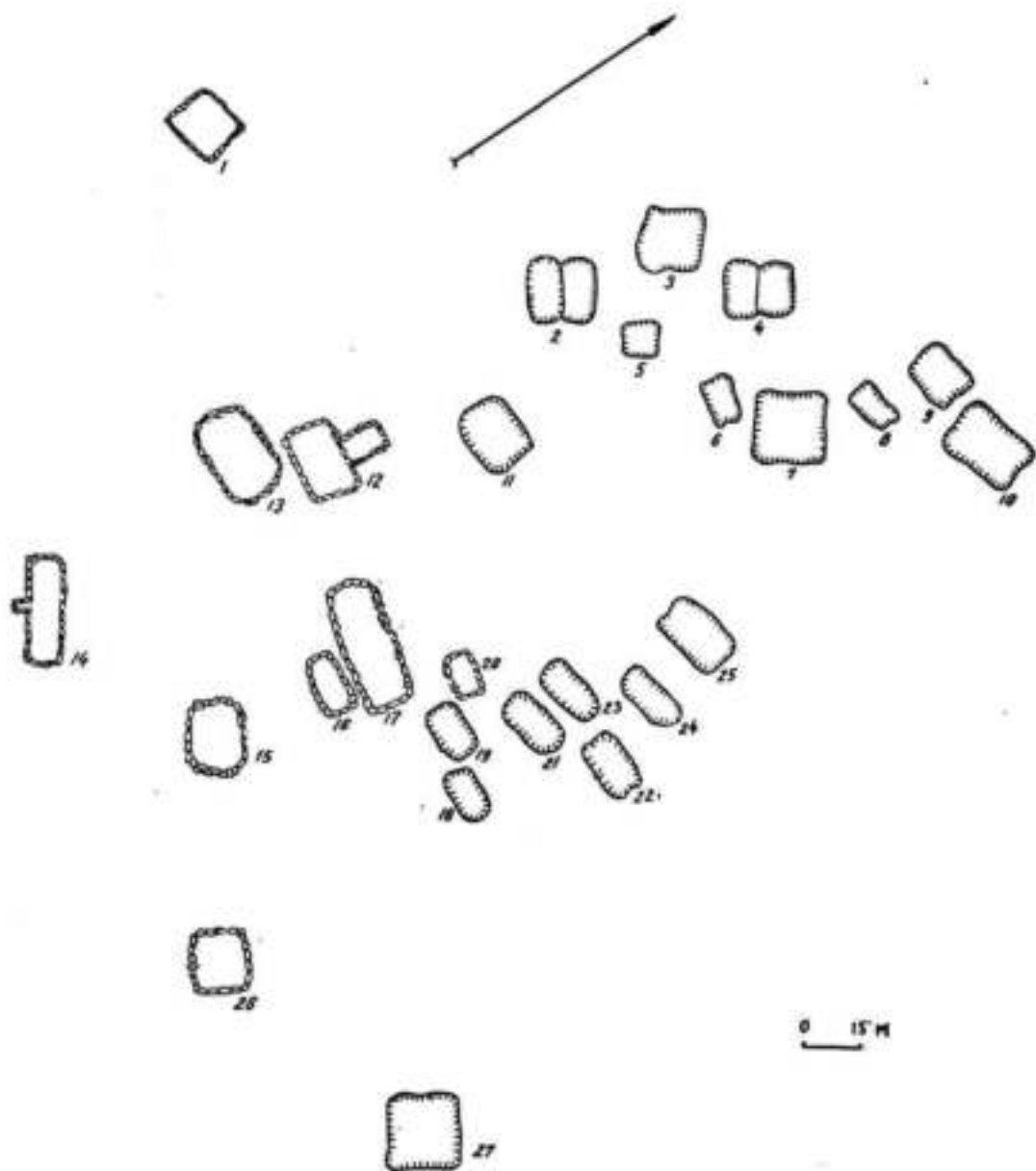

Рис. 102. План поселения эпохи бронзы Акхаур II на долине р. Талды-Нуры.

были северные, северо-западные и восточные области Казахстана, а также прилегающие к ним районы соседних областей. Об этом говорят сохранившиеся до наших дней могильники, жертвенные места, поселения, древние выработки и др.

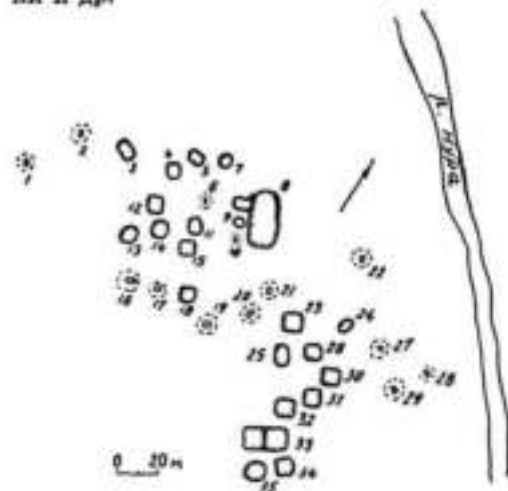

Рис. 103. План поселения андроновского времени Аксу на р. Шерубай-Нуре.

Первое поселение в степях Казахстана было раскопано еще в 30-х годах О. А. Кривцовой-Граковой в Кустанайской области и названо по местонахождению Алексеевским. Это неожиданное открытие позволило надеяться на то, что в районах распространения памятников эпохи бронзы имеются и поселения. Лучшим доказательством этого явилось открытие той же О. А. Кривцовой-Граковой в 1948 г. другого поселения — Садчиковского, исследования которого расширили наше представление о культуре бронзы Казахстана и дали богатый материал. Оба поселения расположены в плодородной долине Верхнего Тобола, к юго-западу от города Кустаная. Итоги работы О. А. Кривцовой-Граковой по исследованию этих поселений опубликованы в ее двух монографического типа работах⁶.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ».

В 1947—1956 гг. в Восточном Казахстане, в долине Верхнего Иртыша, С. С. Черниковым и А. Г. Максимовой была открыта группа поселений эпохи бронзы, в том числе Малая Красноярка, Усть-Нарым, Канай и Тушниково. Результаты исследований освещены в ряде статей и работ этих археологов⁷.

В 1959—1961 гг. в Актобинской области, в верховьях р. Каргалы-Илек, В. С. Сорокин исследовал поселение Тасты-Бутак⁷, которым было положено начало изучению культуры поселений эпохи бронзы этого района. Оно является также западной границей андроновской культуры. В 1961 г. А. М. Оразбаевым в Кокчетавской области было изучено поселение Чаглинка⁸, расположенное в долине одноименной реки, в 80 км к северу от г. Кокчетав.

Ряд поселений эпохи бронзы в Западном Казахстане, в долинах Большого и Малого Узеней (поселение Джангабыл) и около Камыш-Самарского озера обследован И. В. Силициным. Поселение Джангабыл интересно тем, что его культура перекликается с культурой населения Алексеевского поселения. По И. В. Силицину, аналогия имеется прежде всего в обычаях джангабыльцев устраивать жертвенные места, затем в типе поселений. На основе этого И. В. Силицины сделал вывод об этническом единстве населения Узеней, Тобола и всего Южного Приуралья⁹.

вып. XVII, М., 1948, стр. 55—163; ее же. Садчиковское поселение. «МИА», 1951, № 21, стр. 152—181.

⁷ С. С. Черников. Отчет о работе Восточно-Казахстанской археологической экспедиции 1947 года. «Известия АН КазССР», серия археологическая, 1950, вып. 2, стр. 37—58; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. «МИА», 1960, № 88, стр. 20—91; А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1957, Алма-Ата.

⁸ В. С. Сорокин. Тасты-Бутакское поселение. Отчет экспедиции за 1959—1961 гг. Архив ИИАЭ АН КазССР.

⁹ А. М. Оразбаев. Отчет Северо-Казахстанского археологического отряда за 1961 г. Архив ИИАЭ АН КазССР.

⁹ И. В. Силицины. Археологические исследования в Саратовской области и в Западном Казахстане. «КСИИМК», 1952, XLV, стр. 65.

Как известно, по исследованиям М. П. Грязнова, О. А. и В. Н. Граковых, К. В. Сальникова, Г. В. Подгаецкого, В. С. Сорокина¹⁰ и Е. Е. Кузьминой¹¹, андроновская культура на западе доходит до верховьев рек Урала и Илека. Если согласиться с И. В. Силицыным, устанавливающим этническую связь между племенами Узеней, Тобола и Южного Приуралья, то западная граница андроновской культуры может быть расширена до Узеней. Однако этот вопрос требует проведения дальнейших исследований в районах Узеней, в бассейне среднего и нижнего течения р. Урала и Камыш-Самарского озера. Таким образом, поселения эпохи бронзы открыты и изучены на всей территории

Казахстана, за исключением южных областей. Этот факт говорит о том, что андроновская культура в своей основе — культура северных степей; она зародилась именно в этом районе и развилась на основе пастушеского скотоводства и разработки медной руды. На этой обширной территории жили, вероятно, родственные племена, связанные единством обычаев, хозяйственных и культурных привычек, быта и религиозного обряда. Поэтому не случайно, что такие же жертвенные места, которые были изучены О. А. Кривцовой-Граковой в верховьях р. Тобола и И. В. Силицыным в долине Узеней, встречаются и в Центральном Казахстане, притом гораздо чаще, чем в Западном.

§ 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛЫХ ПОСТРОЕК

Исследования поселений эпохи бронзы на территории Центрального Казахстана в последние годы расширили наше представление о строительстве жилищ в период расцвета культуры бронзы, открыли не известные до сих пор приемы строительной техники и тем самым позволили более точно воспроизвести типы конструкций и форму построек того времени. Остатки жилых, хозяйственных и других сооружений Центрального Казахстана хорошо сохранились.

Сравнительное изучение типов жилищ и поселений в разных районах Казахстана и смежных с ним областях говорит о различных приемах строительства жилищ при общем их сходстве. Одни и те же андроновские племена в одно и то же время устраивали для себя в одном случае землянки, в другом — полуземлянки, в третьем — полуземлянки с мощными стенами, облицованными огромными гранитными плитами. Такое различие, видимо, объясняется неравномерным

развитием отдельных племен, живших друг от друга на больших расстояниях, и наличием местного строительного материала. Одни племена строили прочные и теплые жилища, как на Атасуском поселении, другие удовлетворялись очень примитивными, первобытными землянками.

Андроновские племена Центрального Казахстана отличались высокой строительной культурой, они оставили после себя довольно грандиозные памятники каменной архитектуры, не известные в других районах распространения андрона. Это еще раз убеждает в том, что Центральный Казахстан в древности был ведущим в экономическом отношении районом. Все сооружения эпохи бронзы, как жилые, так и мелиоративные, весьма своеобразны, они имеют четкую планировку в виде квадрата, прямоугольника, эллипсоида или сочетают все эти формы. Строительные приемы при возведении жилых и погребальных сооружений обычно одинаковы. Основанием строения всегда служит грунтовая яма или котлован глубиной до 80 см. Стены котлована закрепляют горизонтальной кладкой или облицовкой из камня.

¹⁰ В. С. Сорокин. Тасты-Бутажское поселение.

¹¹ Е. Е. Кузьмина. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области. «Вопросы археологии Урала», вып. 2, Свердловск, 1962.

Специфической особенностью жилых строений эпохи бронзы Центрального Казахстана является то, что большинство из них облицовано крупными гранитными плитами, поставленными на реб-

в виде узкого коридора, глубиной около одного метра (Атасу). Подобными ходами нередко сообщаются и зольники. Жилые постройки, соединенные друг с другом ходами-коридорами, в плане

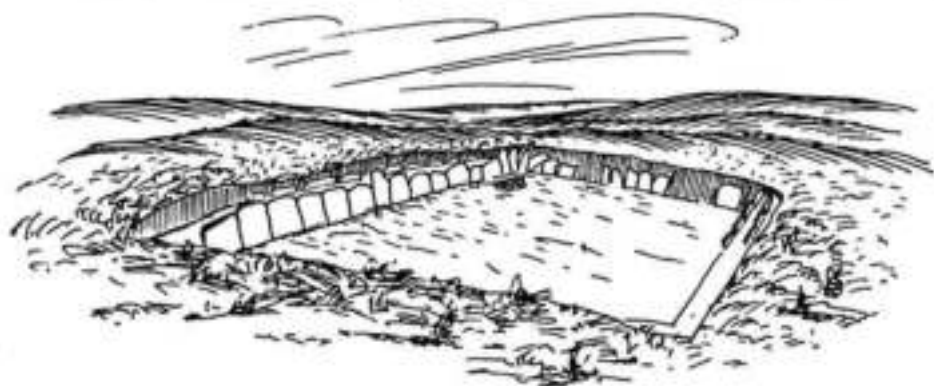

Рис. 104. Детали стен жилища № 4 из Атасуского поселения.

ро, причем как с наружной, так и с внутренней стороны. Для облицовки стен подобраны хорошо обработанные гранитные плиты прямоугольной формы, плотно пригнанные друг к другу, размером от $80 \times 40 \times 6$ до $140 \times 90 \times 8$ см. Жилища с каменной облицовкой стен изучены в Атасуском, Вугулинском, Байбалыкском, Акбаурском поселениях и в поселении Тагыйбай-Булак Баян-Аульского района. Полуземлянки с каменной облицовкой стен в последние годы выявлены в Западном Казахстане¹² и в Оренбургской области¹³.

Жилые постройки в поселениях Центрального Казахстана довольно обширны. Самые малые занимают площадь 50 м^2 , средние — $100-140 \text{ м}^2$, большие — $220-250 \text{ м}^2$. Распространены в этих поселениях два типа жилища: полуземлянка и наземное жилое строение. Стены полуземлянки, как было сказано, обычно были укреплены каменной облицовкой (Атасу, Вугулы, Вайбала и другие). Некоторые землянки соединены между собой ходом, сделанным в земле

имеют форму восьмерки (Атасу, Шортанды-Булак). В Атасуском поселении, таким образом, связано между собой от двух до четырех домов.

Особый интерес по своей планировке представляют жилые постройки Вугулинского поселения I и поселения Акбаур. Они имеют четкую конфигурацию, различимую простым глазом. Другой особенностью этих поселений являются многокамерные жилые строения, объединенные в общем плане. Их насчитывается от двух до пяти. Полы во всех жилых сооружениях только земляные.

Во всех жилищах Центрального Казахстана, изученных нами, зафиксированы каменные очаги, являющиеся неотъемлемой частью строений (Атасу, Вугулы II, Суук-Булак, Каркаралинское). В одних жилищах они сохранились лучше, в других — хуже. В наилучшем состоянии оказался очаг жилища № 4 Атасуского поселения. Он сложен из плоских плитообразных камней, имеет продолговатую форму и состоит из трех округлой формы ячеек, используемых строго по назначению. Одна из них была предназначена для плавки руды. Об

¹² В. С. Сорокин. Тасты-Бутакское поселение.

¹³ Е. Е. Кузьмина. Указ. работа, стр. 9.

этом говорит большое количество шлаков и слитков меди, найденных у очага.

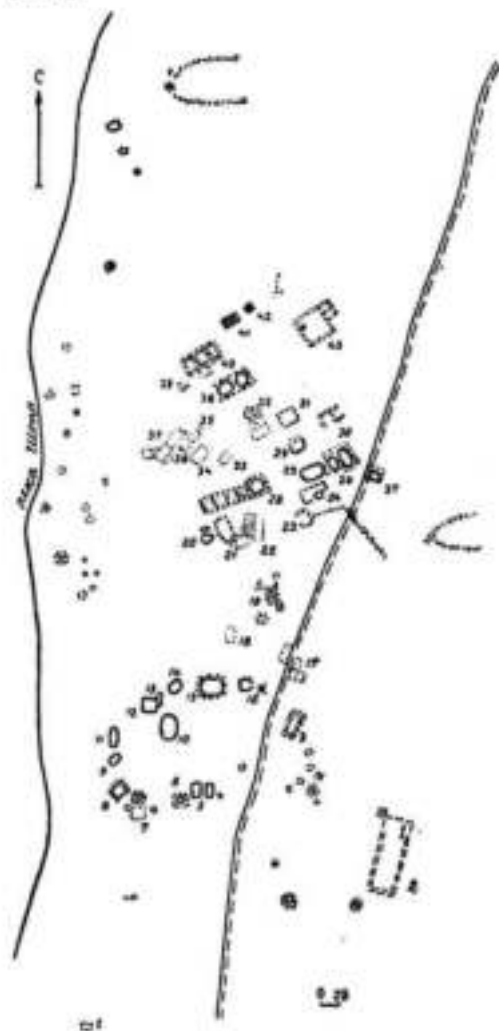

Рис. 105. План поселения Вугулы I эпохи бронзы.

Из анализа жилищ Атасуского и Вугулинского поселений видно, что андроновские племена Центрального Казахстана жили в прочных, хорошо утепленных помещениях. Суровый климат заставлял их закладывать нижнюю

часть жилища в земле, обкладывая ее камнями и затем засыпать. Вместе с тем в бегазы-дандыбаевское время люди начали строить жилища на поверхности. Это видно по остаткам жилых строений на поселениях Улутауском, Каркаралинском II и Суук-Булаке. Жилища их — все надземные. Они имели иную конструкцию, чем сооружения Атасуского и Вугулинского поселений. Надо учесть то, что Улутауское и Каркаралинское поселения находились в зоне древнего лесного массива. Это позволило древним обитателям Центрального Казахстана наряду с каменными постройками развивать и деревянную конструкцию срубного, каркасного или плетеного типа. Остатки подобных жилищ прослежены в поселениях Суук-Булак и Каркаралинском II. В них сохранились следы от стеновых столбов, составлявших деревянную основу прямоугольного жилого сооружения с каменными очагами в центре. В Суук-Булаке в культурном слое и у входа в жилище было обнаружено большое количество раздробленной железной руды, приготовленной для плавки. Это свидетельствует о том, что насельники Центрального Казахстана в бегазы-дандыбаевское время уже освоили плавку железной руды.

Таким образом, в поселениях эпохи бронзы Центрального Казахстана жили скотоводы и рудокопы, занимавшиеся разведением лошадей, крупного и мелкого скота, добычей и обработкой руды. Конструкция их сооружений и внутренняя планировка указывают, что в них обитали патриархально-родовые семьи, каждая вела коллективное хозяйство.

Исследованиями установлено, что при сооружении жилищ жители эпохи бронзы Центрального Казахстана применяли различную конструкцию стен — в виде каменной облицовки, каменной кладки, а также деревянной основы каркасного, срубного и плетеного типа.

О конструкции кровли жилых строений данных пока нет. Прослежены лишь ямы от центральных опорных столбов, однако они встречаются не везде. Этот

вопрос можно решить с помощью материала, собранного на раскопах крупных погребальных сооружений типа Бегазы, Бугулы III, Аксу-Аюлы II и Дандыбай. В них сохранилась часть конструкции кровли, которая, видимо, сходна с конструкцией кровли жилища. Судя по ней, кровлю как жилых, так и хозяйственных помещений строили разными способами.

Но несомненно одно: опорой кровли были столбы (каменные в погребальных сооружениях и деревянные в жилых и хозяйственных постройках), на которых удерживалось пирамидально-ступенчатое покрытие, составленное из бревенчатых прямоугольных рам и возвышавшееся в виде усеченного конуса над центральной частью жилища.

Возле жилых помещений находились мастерские для плавки руды и обработки металла, загон для скота, а также различные постройки хозяйственного назначения (поселения Атасу, Бугулы I, II, Шортанды-Вулак). Для составления полной картины жизни насельников поселений эпохи бронзы необходимо продолжить дальнейшие планомерные исследования и стационарные раскопки в Центральном Казахстане.

АТАСУСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение расположено в живописной долине горной речки Мынбайсай, одного из притоков р. Атасу. По берегам ее растут береза, осина, арча и другие деревья. Речка получила свое название по имени казаха Мынбая, зимовка которого находилась в месте впадения ее в р. Атасу. Долина реки со всех сторон, кроме юго-восточной, окружена горами, которые защищали жившие здесь племена от холодных ветров и зимней стужи. Во многих местных живописных ущельях древние жители устраивали жертвенники, которые сохранились и до настоящего времени в виде круглых сооружений.

Поселение представляло собой несколько возвышенную площадку со множеством западин, кое-где на ней выступали края облицовочных плит. Возвышение образовалось в результате куль-

турного напластования, и особенно выходов из зольника. Площадь поселения заросла густой травой, достигающей высоты 1,5 м. Оно было случайно обнаружено кузнецом Касымом Абильдахановым, часто ходившим сюда за медными слитками, которые он подбирал на территории древней мастерской, названной им «заводом». Он откопал на этом «заводе» около 1,5 кг меди в слитках.

Атасуское поселение — одно из крупных поселений эпохи бронзы Центрального Казахстана. Оно занимает площадь 15 тысяч м². На нем выявлены остатки 35 жилых и хозяйственных строений, контуры которых хорошо видны на поверхности земли. Из них 22 относятся к жилым помещениям. В 1955 г. инженер-маркшейдер Т. Омаров снял буссолью и вычертил план поселения. Из плана следует, что жилые строения в Атасуском поселении были разного размера. Самые малые — 80 м², средние — 150 м² и большие — 250 м². Некоторые жилища соединялись между собой узким длинным ходом в виде коридора. У каждого жилого помещения имелся большой зольник, ориентированный длинной осью с севера на юг. Узкими длинными коридорами сообщались не только соседние жилища, но и некоторые зольники. Огромное скопление кухонных отходов в зольниках говорит о том, что Атасуское поселение существовало в течение многих десятков лет.

Вся площадь поселения буквально изрезана многочисленными канавами и равни, имевшими хозяйственное значение. К сожалению, т. Омаров не занес канавы на планшет. Углубления в черте поселения — это бывшие ходы-коридоры между соседними жилищами, а за его пределами — остатки древнего арыка, по которому шла вода в производственные помещения.

Вся территория поселения усеяна обломками керамики, костей животных, рудодробильных орудий и шлаками. Еще до раскопки здесь был собран большой подъемный материал, характеризующий культуру и быт насельников Атасуского

поселения. Много находок выявлено на площади мастерской по выплавке медной руды.

В Атасуском поселении исследованы одно жилище (№ 4), мастерская по вып-

ную конфигурацию трудно. На месте мастерской теперь имеется углубление в форме подпрямоугольного овала. Длина его — 10 м, ширина — 4,9 м. Благодаря мощному слою неорганических

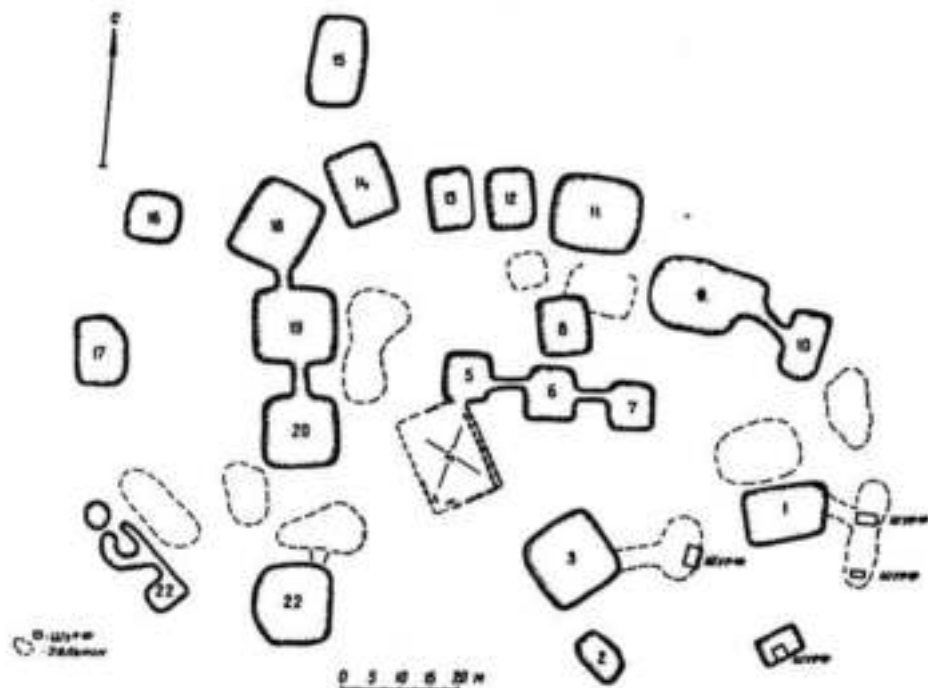

Рис. 106. План Атасуского поселения эпохи бронзы из Центрального Казахстана.

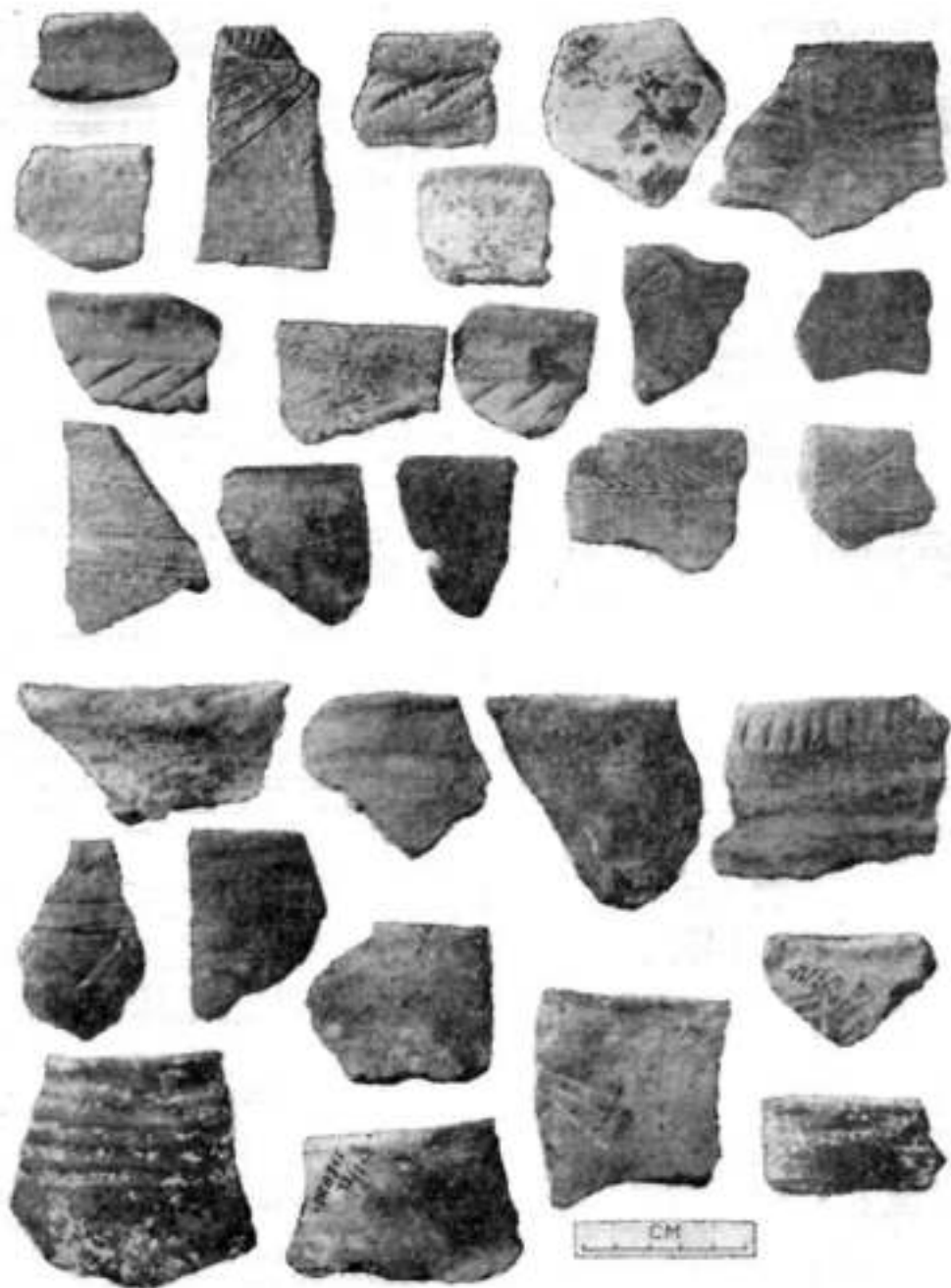
лавке руды и два зольника. За чертой поселения было заложено четыре шурфа, которые дали значительный материал в виде костей животных и каменных орудий.

Дадим описание мастерской. Она расположена на восточной окраине поселения в пойме небольшого сая (Шолаксай), содержащего воду только весной. У устья сая сохранились остатки древней плотины или запруды, с помощью которой собирались здесь весенние воды. Мастерская была связана с жилищем длинным ходом, о чем говорит узкая канава, соединяющая их.

Площадь мастерской неоднократно раскапывалась кузнецом Абилдахановым и поэтому восстановить ее первоначаль-

ных веществ (золы, угля, медных шлаков, осколков раздробленной руды) на территории мастерской до сих пор нет растительного покрова. На этой голый поверхности блестели крупницы медного порошка, остатки окисленной руды. В толще культурного слоя попадались медные шлаки, медные плиты, обломки медного шила, фрагменты керамики и др.

Раскопка, проведенная послойно-поквадратным методом, установила, что мастерская является легким каркасным сооружением и не имеет капитальных стен, характерных для жилых помещений этого поселения. Основанием ее служит большой котлован глубиной до 1 м. От перекрытия ничего не сохранилось.

Таба. XXII. Керамика Атисуноского поселения.

Вероятно, оно имело форму конического шалаша. В центре котлована, на глубине 50 см, обнаружены остатки горня для плавки руды. К сожалению, он разрушен. Это была круглая яма диаметром 40 см, глубиной 60 см. Вокруг нее найдено большое количество медного шлака, остатков окисленной руды и топлива (слой золы и угля). Особенно много угля и золы было в центре ямы, где мощность обугленного слоя доходила до 30 см. В слое попадались пережженные кости, которые, вероятно, употреблялись как топливо. Однако основным топливом были дрова. Встречено много кусков обугленного дерева и, кроме того, поднята обугленная корка кирпича. Все это говорит о том, что наряду со скотоводством в жизни насельников Атасуского поселения имело большое значение рудное дело.

Для выяснения характера поселения и хозяйственного быта его жителей нами были произведены неполные раскопки двух зольников.

Зольник 1. Он находится в юго-восточной части поселения против жилого помещения (№ 1), с которым соединен узким ходом-коридором, и ориентирован продольной осью с севера на юг. Размер его: длина — 20 м, ширина на севере — 4 м, на юге — 2,2 м. На зольнике сделано два поперечных среза: один, величиной 3,5×1,2 м, — в северной половине, другой, размером 2×1 м, — в южной. Цвет зольника — пепельно-серый. Верхний дерновый слой его имеет комковатую структуру и очень редкий растительный покров типа грубой солончаковой полыни. Мощность зольного отложения — 1,3 м, причем верхний слой смешан с пылью, песком и галечником. Находок в нем очень мало. Значительные отложения хозяйственного и кухонного мусора встречены на глубине от 20 см до 1 м. Этот слой темно-бурого цвета, насыщен жировыми налетами и солью. Слой, близкий к материковому грунту, несколько профильтровался, поэтому имеет светло-бурый оттенок. Кухонных отбросов здесь гораздо меньше, чем в верхнем слое. Большинство находок обнаружено во втором горизонте.

Это обломки керамики, медные шлаки, кости животных — лошади, коровы, овцы, преимущественно фаланговые. Выявлены также череп небольшого азерька (хорька) и косточка, пропитанная медной окисью. Следует отметить, что зольник содержит мало костей животных. Это объясняется тем, что жители поселения дорожили этим материалом и использовали его преимущественно для хозяйственных целей. Малое число керамических находок также говорит о том, что поселенцы Атасу бережно относились к этому виду домашнего скарба.

Зольник 2 находится возле жилища № 3, с которым соединен узким ходом длиной 8 м. Как все другие зольники, он вытянут с севера на юг, имеет в плане форму удлиненного овала. Его размеры: длина — 15 м, ширина — 9 м. В центре зольника заложен шурф (4×2 м). Вероятно, этот зольник принадлежал более обеспеченному хозяйству, чем первый, или мастеру поселения. Это видно из того, что сразу после первого штыка в нем стало встречаться много обломков керамики, каменных орудий и костей домашних животных. Здесь же подняли кусок медной руды с ошлакованной поверхностью. Структура зольника 2 такая же, как и первого. Верхний, комковатый слой — незначительный, смешан с раздувным материалом, следующий, культурный — мощный. В нем собран основной материал. Среди костей домашних животных преобладают кости барана, лошади и коровы. Помимо ошлакованной руды здесь выявлено значительное количество пережженных костей, дно каменной льячки ладьевидной формы, каменный шарик, тонкие каменные плитки прямоугольной или квадратной формы. Большой интерес представляют кусок окисленной медной руды весом около 500 г, обломки каменных рудодробильных орудий. Собрано много обломков керамики, фрагментов двух типов сосудов: толстостенных — кухонных (толщиной 1,2 см) и изящных, тонкостенных — столовых.

Материалы двух больших зольников позволяют составить правильное представление о жизни и быте поселенцев р. Атасу и сделать вывод, что эти насельники были не только хорошими ското-

геологических наук Академии наук Казахской ССР Т. А. Сатпаевой для химического анализа, результаты которого изложены в приложении 1 к первой части.

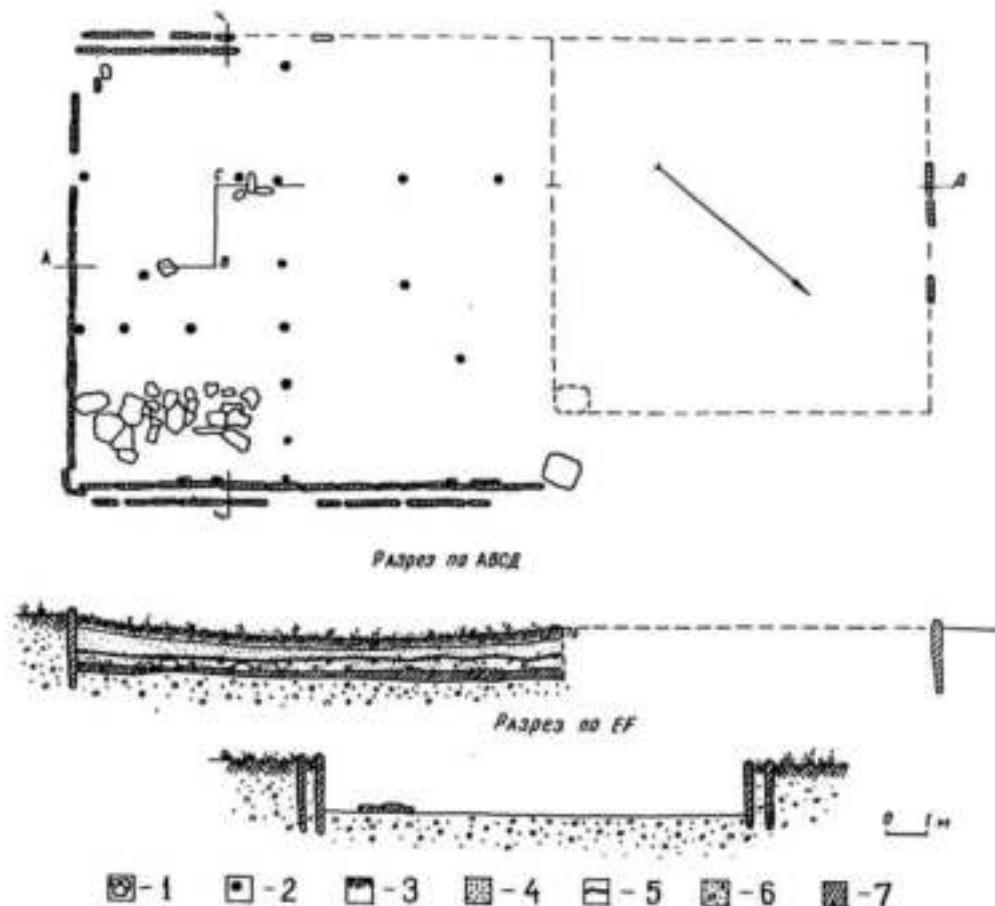

Рис. 107. План жилища № 4 из Атасуского поселения: 1 — очаг, 2 — жмы от столбов, 3 — почвенный слой, 4 — первый культурный слой, 5 — слой угля и золы от пожара, 6 — нижний культурный слой, 7 — толщина утрамбовки.

водами, но и превосходными рудокопами, о чем говорят богатые находки шлаков, ошлакованной руды и орудий труда, относящихся к горному делу и древней металлургии. Шлаки и часть ошлакованной руды из Атасуского поселения были переданы заведующей петрографической лабораторией Института

Жилище № 4 расположено в центре Атасуского поселения, в плане оно имеет форму неправильного круга или эллипсоида. С северной и восточной сторон к жилищу примыкают три сравнительно небольшие землянки, соединенные между собой общим ходом-коридором, южная сторона открытая. Судя по

устройству сооружений, они, вероятно, принадлежали родоначальнику большой патриархальной семьи, потомки которого хотя и жили в соседних помещениях, однако еще окончательно не отделились от главы рода и находились под общей кровлей. Данная группа землянок, видимо, была первоначальным ядром поселения, вокруг которого потом строили другие жилые сооружения. К западу и северо-западу от них расположены еще три землянки (№ 18, 19, 20), которые также являются основой поселения. Они тоже связаны между собой общим коридором. Жители второй группы землянок, видимо, были в родстве с жителями первой группы, что подтверждает общий огромный зольник, расположенный между землянками. В центре поселения оставлены незастроенными открытые площадки, предназначенные для размещения в летнее время мелкого и крупного рогатого скота, который таким образом защищали от волков.

Жилище № 4 — одно из самых крупных жилых строений в Атасуском поселении. Его размер без пристройки — 13×12 м, с пристройкой — 22×12 м. Оно ориентировано углами по странам света. Характерной особенностью конструкции является то, что все стены жилища, наподобие стен погребальных сооружений Центрального Казахстана эпохи бронзы, облицованы крупными плитами гранита, вертикально врыты в землю. Размер облицовочных плит варьирует от $1,7 \times 0,55 \times 0,2$ м до $2 \times 1,55 \times 0,2$ м. Примерно на одну треть они погружены в землю. Лучше других сохранились северо-восточная и юго-восточная стены, юго-западная уцелела только до половины. Четвертая — северо-западная стена, она же и наружная, замыкает пристройку, которая еще не исследована.

Жилище № 4 изучено поквратно-последовательным методом, который позволил уточнить процесс напластования, происходивший как в период жизни поселения, так и после его гибели. Первый, гумусовый слой, образовавшийся после оставления жилища, имеет толщину 20 см, в нем ничего не обнаружено.

Второй слой, более мощный (40 см), насыщен остатками хозяйственных и бытовых предметов. Третий, возникший в результате сгорания кровельного материала во время пожара, содержит большое количество золы, угля и глинистого мусора. Среди мусора встречаются отдельные вещи. Нижний горизонт толщиной 30 см оказался наиболее богатым находками. Он соприкасается с древним полом, имеющим толщину 30 см. Таким образом, абсолютная мощность напластования равна 1,22 м. Если учесть еще и пространство, образуемое перекрытием, то станет ясно, что сооружение было довольно просторным. О форме кровли данных пока нет. Однако на полу сохранились ямы глубиной до 25 см, диаметром 30 см. Они выкопаны в определенном направлении и свидетельствуют о том, что это следы не только от центральных опорных столбов, но и от перегородки, разделявшей жилище на две половины. В одной жили люди, в другой содержался скот. Пол жилой части земляной, ровный, утрамбован глинисто-песчаной смесью слоем до 30 см, а сверху покрыт коркой глины, которая несколько сглаживает его поверхность. В другой половине пол ниже, он не забутован и насыщен органическими остатками в виде наслоения кизяка.

При раскопке жилища, в его северо-восточном углу, выявлен большой очаг, выложенный из крупных обломков гранита. В плане он имеет вытянуто-продолговатую форму длиной 4 м, шириной от 0,8 до 1 м и разделен на три округлой формы ячейки, каждая из которых имела свое назначение. Судя по этому, очаг обогревал помещение, на нем готовили пищу и плавил медную руду. У очага обнаружено много медного шлака, медных слитков весом до 5 кг, форма для литья, обломки каменных и глиняных льячек и тиглей. Здесь же найдены каменные рудодробильные орудия, молотки, песты, колотушки, терочки, песчаные и гранитные плитки для дробления руды, ложила для полировки керамических изделий, каменные мотыги для огородного земледелия, рытья

Рис. 108. Жилище № 4 из Атасуского поселения: сверху — большой очаг, внизу — часть северо-западной и северо-восточной стен.

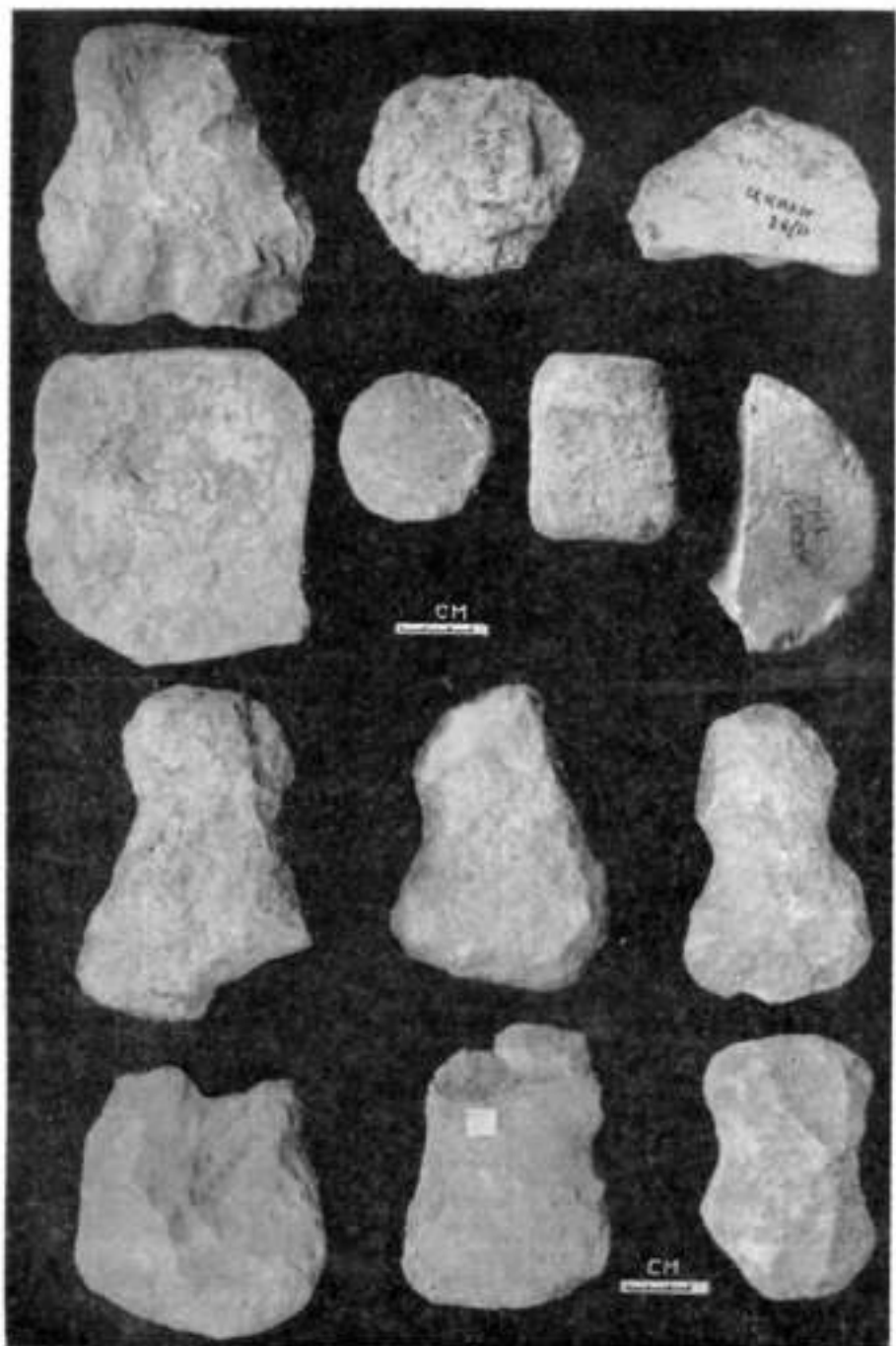

Табл. XXIII. Каменные топыги из Атауского поселения, жилище № 4.

канал, котлованов, колодцев и других земляных работ. Каменные орудия из Атасуского поселения несколько грубее, чем орудия из Улутауского и Каркаралинской группы поселений, но

Обломок рогового псаля найден только в карасукских памятниках в Минусинской степи¹⁵, а костяные псаля за-мараевского времени — в пос. Челкар Кокчетавской области¹⁶.

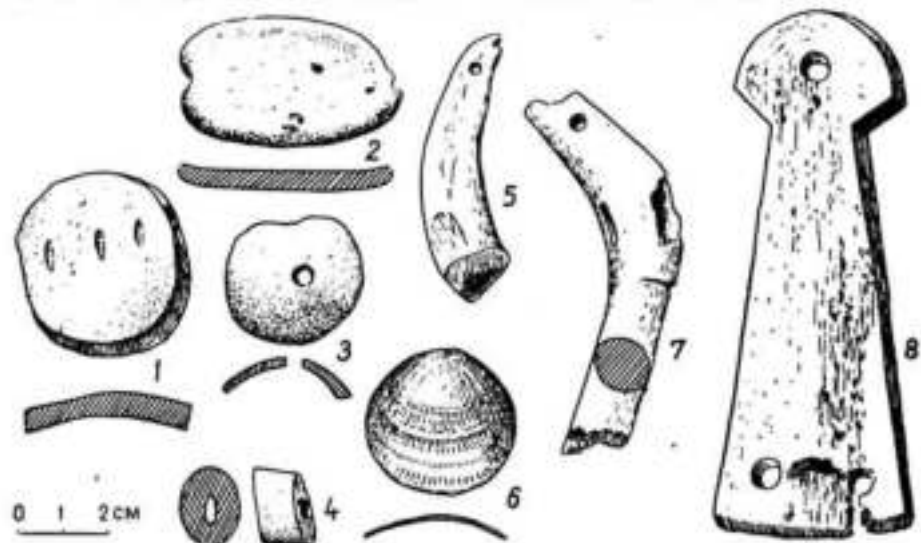

Табл. XXIV. Находки из жилища № 4 Атасуского поселения: 1—2 — тигельки, 3 — прислице, 4 — бусина, 5 — зуб лошади, 6 — раковина, 7—8 — псаля от узды.

форма их, в главных чертах, такая же, как и орудий из других поселений Центрального и Восточного Казахстана¹⁴.

Поселенцам р. Атасу было хорошо известно изготовление орудий труда и украшений из кости. Здесь найдены костяные пронолки и заготовки их, обломки костяного шила, тупик из челюсти лошади для обработки кожи. Об умении обрабатывать шерсть и производить грубую ткань говорит находка прислицы, сделанного из круглой головки трубчатой кости крупного животного (табл. XXIV).

Особый интерес представляют костяные (роговые) псаля от узды, впервые обнаруженные в памятниках андроновской культуры и не известные в других районах распространения этой культуры.

Находка костяных псаля в Атасуском поселении свидетельствует о том, что жители долины этой реки уже во втором тысячелетии до нашей эры использовали верхового коня как средство передвижения, что было значительным сдвигом вперед.

В культурном слое, на разной глубине, собраны многочисленные фрагменты гончарных сосудов, часто украшенных геометрическим орнаментом. Среди них имеются обломки грубой кухонной керамики без орнамента и фрагменты красивых андроновских горшков, характерных для атасуского этапа культуры бронзы Центрального Казахстана. В технике нанесения орнамента преобладает гладкий штамп, немало оттисков и

¹⁴ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М. — Л., 1960, стр. 242—243, табл. XLIX—L.

¹⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 52, табл. XI, 10.

¹⁶ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958, табл. IX, 1.

Табл. XXV. Керамика из жилища № 4 Атвеевского поселения.

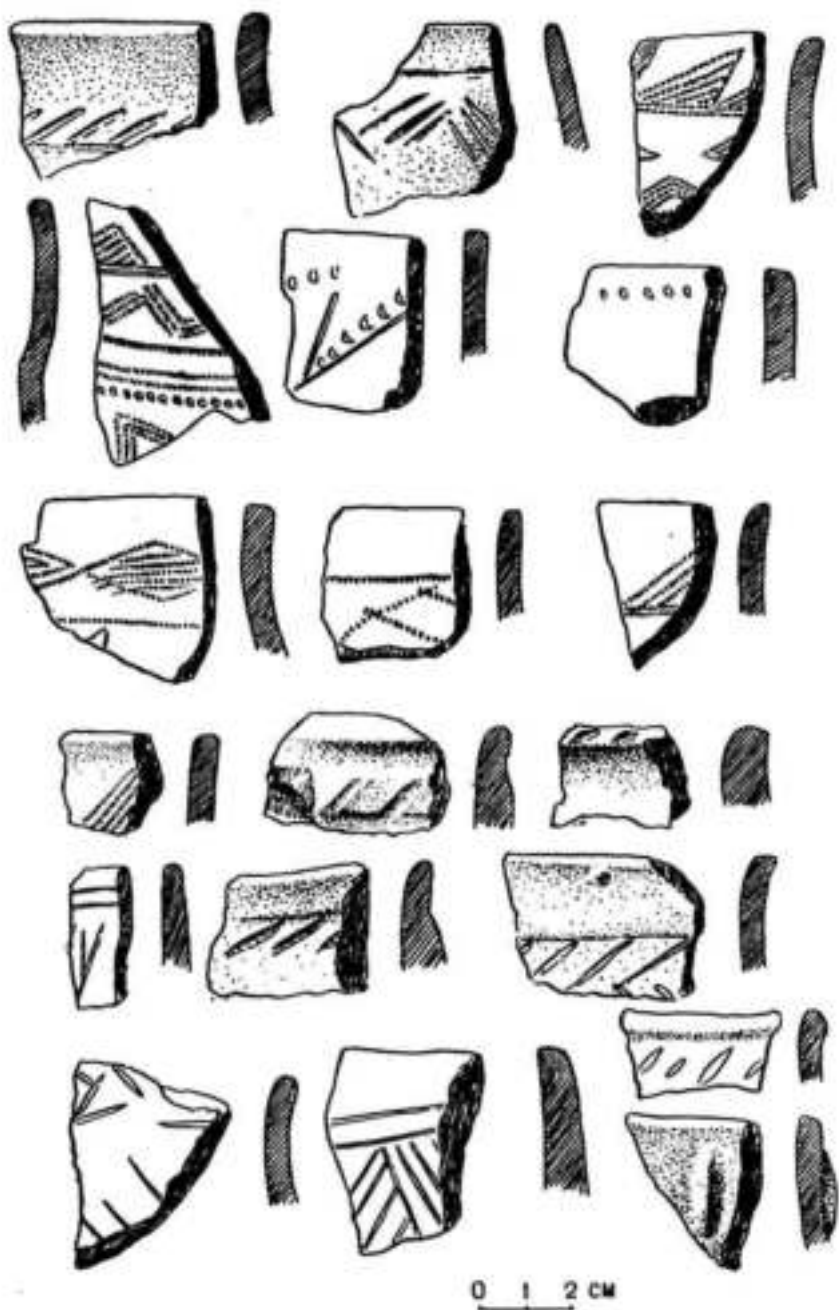

Табл. XXVI. Керамика из Атсуского поселения.

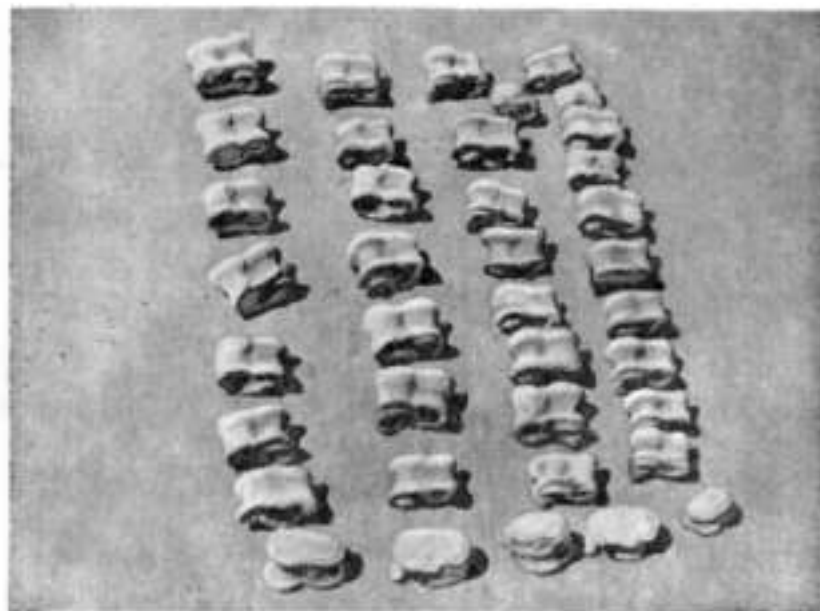

Табл. XXVII. Osteологический материал из жилища № 4 Атасусного поселения: сверху — кости лошади, внизу — астрагалы барана.

гребенчатого штампа, особенно на сосудах, сходных с керамикой из андроновских погребений Центрального Казахстана и других областей. Инередка встречаются и фрагменты горшковидных сосудов с налепным валиком на шейке. Орнамент в основном состоит из заштрихованных треугольников, зигзагов, елочек, каннелюр, круглых вдавлений, насечек. Венчики и шейки некоторых сосудов украшены заплатами, косыми вдавлениями, полосами, взаимопересекающимися линиями или крестообразными фигурами, а также валиками. Появление валика на сосудах говорит о принадлежности этой керамики к высшему этапу андроновской культуры.

При раскопке жилища и двух зольников найдено множество костей различных домашних животных (овец, лошадей, крупного рогатого скота). Особенно много костей обнаружено в юго-западном и юго-восточном углах жилища, в квадратах 1а, 7а. Значительными кучами они лежали вдоль юго-западной стены, у ее основания. В большом количестве встречены кости нижних конечностей лошади, коровы, видимо заготовленные для производства, а также астрагалы барана, служившие игральными бабками для детей. Об этом говорит красивая полировка с обеих сторон на некоторых из них. Такое громадное скопление костей свидетельствует не только о наличии развитой формы животноводства, но и позволяет получить представление о составе стада. Больше всего собрано костей лошади, овцы и затем коровы (табл. XXVII).

Жилище с мощными стенами из гранитных плит строилось с расчетом на долгую жизнь в нем. О длительном проживании людей на поселении говорит и большое количество зольников. Однако причина, заставившая жителей покинуть его, осталась невыясненной. Обгорелые остатки кровли, обнаруженные в толще культурного слоя, указывают на то, что после пожара жилище временно было оставлено жителями. О вторичной жизни жилища № 4 довольно убедительно говорит верхний культурный слой с мощными следами горного дела

и керамикой, характерной для атасуского этапа культуры бронзы Центрального Казахстана. Верхний культурный слой мог образоваться и за счет скопления хозяйственного мусора после гибели жилища № 4, ибо поселенцы соседних землянок могли использовать эту развалину в качестве мусорной ямы. Подобный случай зафиксирован М. П. Грязновым в землянках № 1 и 2 в Больше-реченском поселении на р. Оби¹⁷.

ПОСЕЛЕНИЕ ВУГУЛЫ II

Бугулинское поселение находится в Карагандинской области, в Шетском районе. Оно расположено на правом берегу речки Шопы, в небольшой долине, в ее северо-восточном конце, у подножья холма Каратумсык, своими шлейфами примыкающего к речке. Речка Шопы течет с юга на север и впадает в р. Шерубай-Нуру. Месторасположение поселения выбрано весьма удачно. Поселение окружено со всех сторон холмами и защищено от северо-западных ветров горой Вугулы, а северных и северо-восточных — группой холмов Каратумсык. В полутора километрах к югу от него находится самое обширное поселение эпохи бронзы Центрального Казахстана — Бугулы I. Возле этих поселений встречаются обширные могильники Вугулы I, II и III. Здесь же в горных долинах имеются две плотины (запруды) для задержания весенней талой воды, а на холмах — одиночные менгиры. Один из них воспроизводит образ медведя, другой — барана. В долине расположены большие ограды типа Бегазы, сложенные горизонтальной кладкой из камней с облицовкой из огромных гранитных плит. Две группы этих оград (Бугулы II и III) были исследованы в 1952 и 1956 гг. А. Х. Маргуланом. В долине попадаются курганы с «усами» или каменной насыпью. Все это говорит о том, что горные долины Вугулы — одно из основных мест обитания древних племен в Центральном Казахстане.

¹⁷ М. П. Грязнов. Древняя история племен Верхней Оби, стр. 53.

Судя по общей планировке, Бугульинское поселение II ориентировано с северо-запада на юго-восток, оно занимает площадь от берега реки до подножья горы Каратумсык. Благодаря такому расположению поселение всегда имело

Жилище М I. Оно имеет прямоугольную форму и вытянуто с юга на север. Размер его — 7×5 м. Стены жилища сооружены из крупных каменных блоков и облицованы большими гранитными плитами, поставленными на ребро,

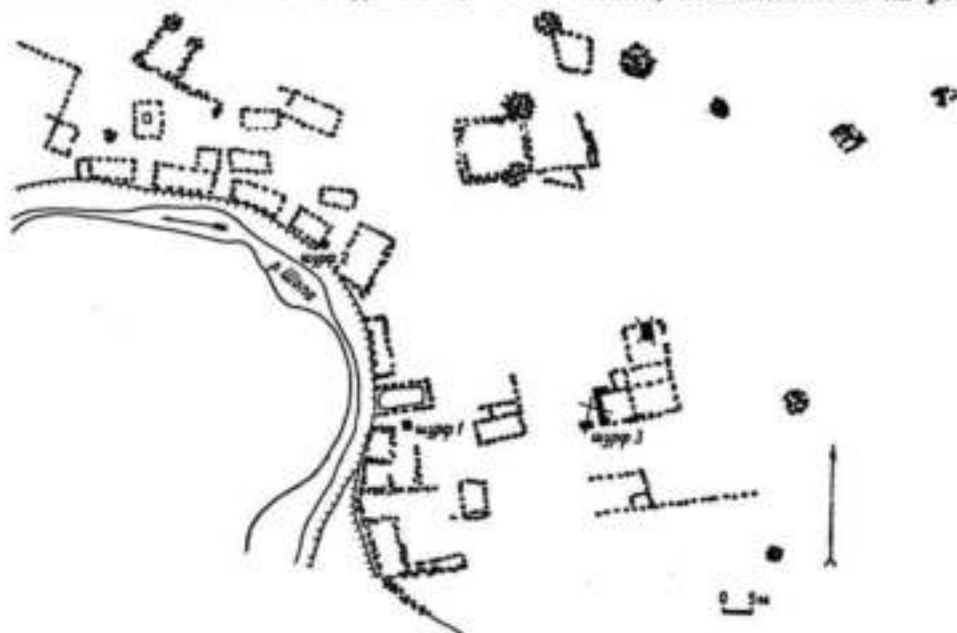

Рис. 109. Общий план поселения Бугулы II.

хорошую воду и постоянный источник питания — рыбу, пойма реки могла быть использована для посевов. Кроме этого, долина Шопы и горные участки являлись прекрасными пастбищами, что способствовало занятию пастушеским скотоводством. В далекие времена в горах Бугулы жили не только архары, елики, но и олени, о чем говорит само название Бугулы — Оленьи горы.

На территории поселения прослеживаются контуры нескольких жилищ, плиты облицовки стен которых выступают над поверхностью земли на 5—10 см. На поселении раскопаны две полуземлянки*.

* В 1956 г. А. Х. Маргуляном был снят план Бугульинских поселений I, II и III. Им же у западной части полуземлянки М I заложена траншея, позволявшая установить каменную

с небольшим наклоном на внешнюю сторону. Размер плит в среднем — от $65 \times 35 \times 10$ см до $160 \times 80 \times 15$ см. Первоначальная форма кладки и облицовка стен сохранились частично. Южная стена снаружи завалена каменными плитами и блоками, ширина завала — 35 см. Восточная стена сложена горизонтальной кладкой из каменных плит, положенных друг на друга, ее вертикальные облицовочные плиты остались только в средней части.

В северо-восточном углу землянки, на расстоянии 90 см, плиты отсутствовали, юго-восточный угол был заложен камнями. Размер завала — $1,45 \times 1,80$ м.

конструкцию жилища, состоящую из вертикальных облицовочных плит гранита.

Это говорит о том, что большая часть облицовочных плит либо была взята после разрушения жилища на постройку нового дома, либо их укладывали горизонтально. С южной стороны, на расстоянии 65—80 см от стены, во всю ее длину, была сделана кладка из камней, что создавало впечатление коридора. Несколько камней высотой 20—

Ширина его — 35—40 см, высота от поверхности до пода — 35—40 см, толщина зольного слоя — 15—20 см. Между камнями очага найдена бронзовая пластинка размером 8×5 см, с грубыми «гвоздями» для клепки. Около очага проступает зольное пятно размером 2×1,3 м. Внутри жилища обнаружено значительное количество керамики

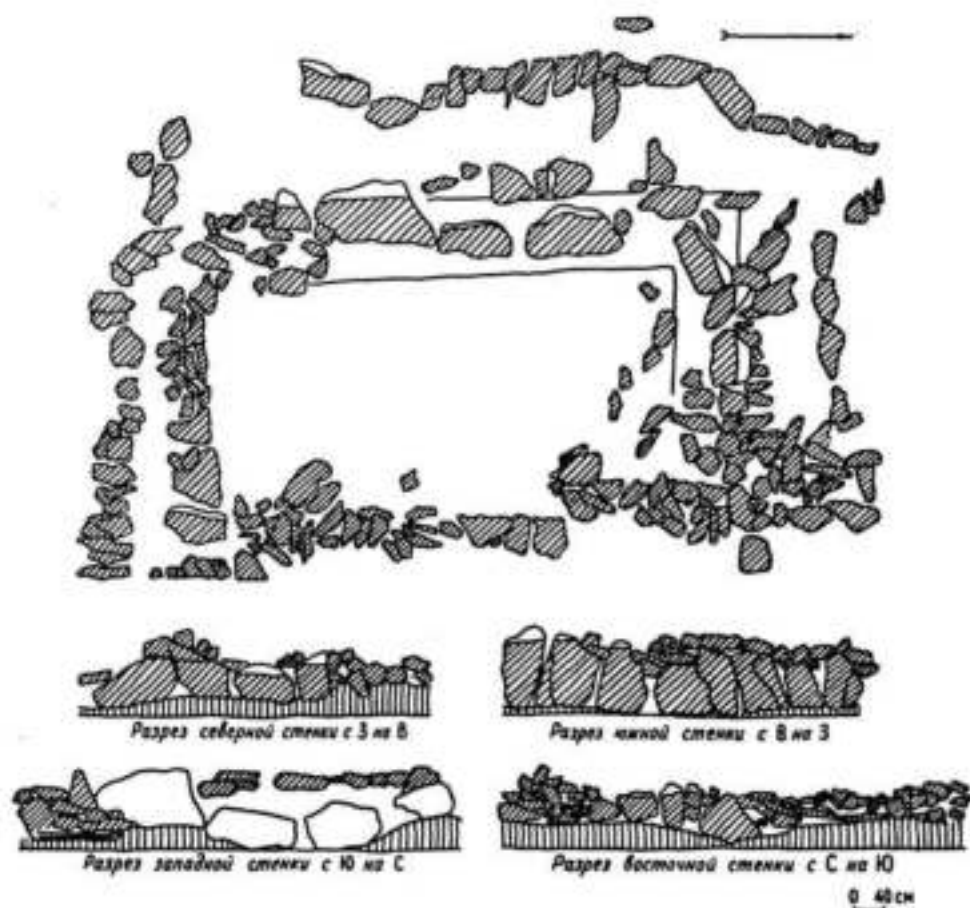

Рис. 110. План жилища № 1 из поселения Вугулы II.

30 см располагалось вдоль западной стенки, на расстоянии 1,2 м от нее. В юго-западном углу жилища имелся очаг, сооруженный из каменных плит, положенных параллельно в два ряда.

(табл. XXVIII—XXXI) и костей животных.

Жилище № 2. Оно расположено рядом с первым, на расстоянии 0,65—1,5 м к востоку от него, имеет прямоугольную

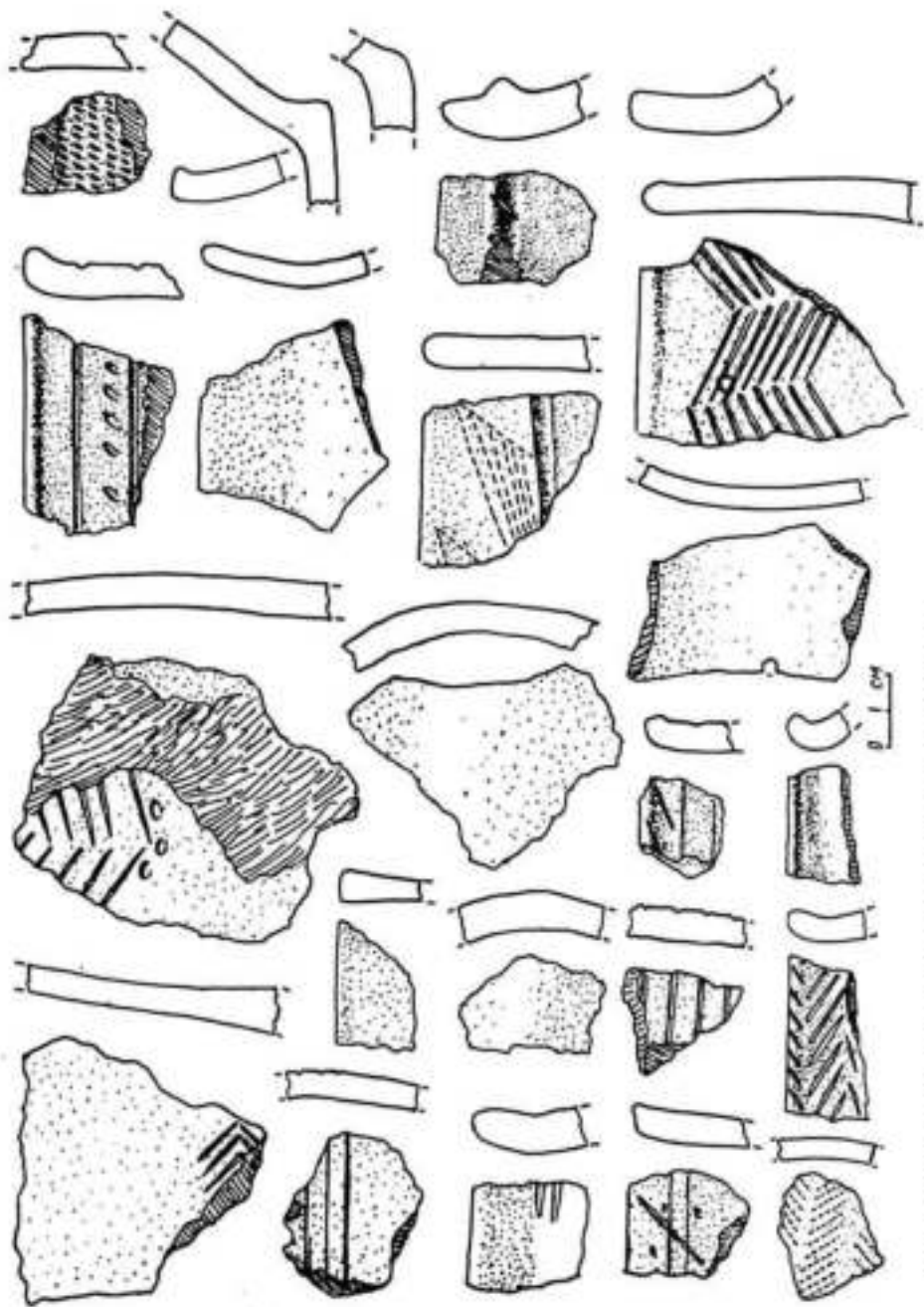
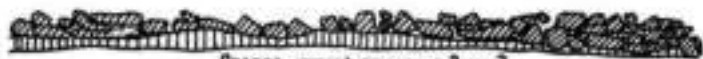
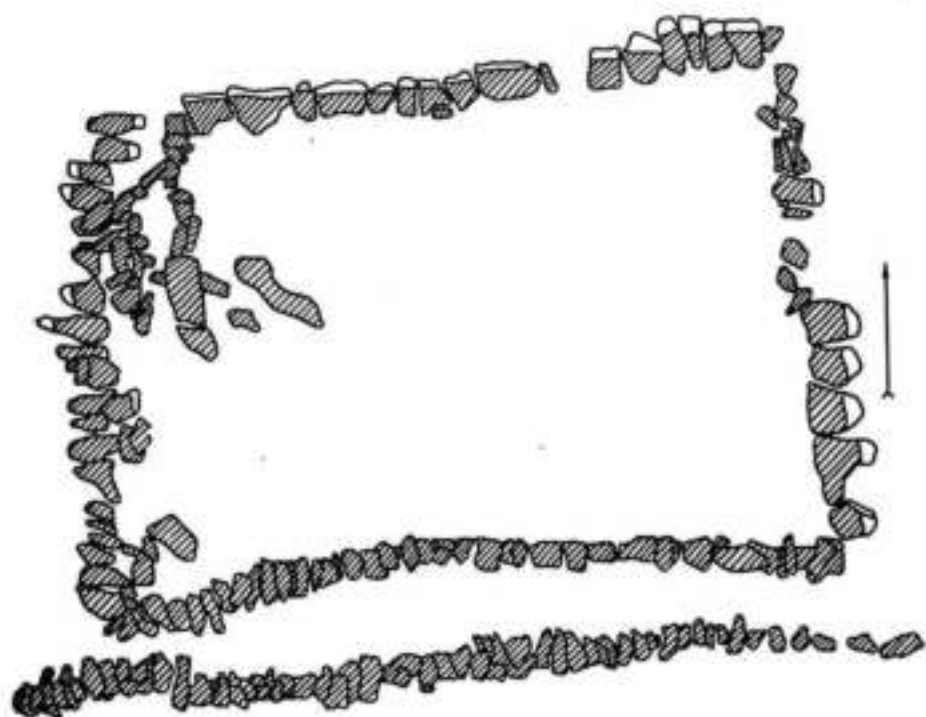

Табл. XXVIII. Керамика из жилища № 1 поселения Бугуза II.

Разрез южной стены с В на З

Разрез восточной стены с С на Ю

Разрез северной стены с З на В

Разрез западной стены с С на Ю

Разрез южной стены коридора с З на В

0 40 см

Рис. 111. План жилища № 2 на поселении Бугулы II.

форму, площадь — 10×8 м и углублено в землю на 60—70 см. Стены у основания укреплены каменными плитами, врытыми вертикально, с небольшим наклоном наружу. Облицовочные плиты

ной части жилища найдена каменная мотыга, вторая мотыга поднята в 60 см от северной стенки. В 2 м от северо-западного угла жилища обнаружены тупик, сделанный из нижней челюсти

Рис. 112. Очаг жилища № 2 из поселения Бугулы II.

выступают над поверхностью на 10—15 см. У основания южной стены и в юго-западном углу сохранилась кладка из каменных плит, высотой 25—30 см, ширина кладки — 60 см. В северо-западном углу жилища находился очаг, сооруженный из двух длинных плит размером $1,4 \times 0,4 \times 0,15$ м и $1,3 \times 0,3 \times 0,15$ м, положенных на небольшие камни на расстоянии 35 см друг от друга (рис. 112). Толщина зольного слоя в очаге — 20 см, земля в его средней части прокалена вглубь на 10 см.

Севернее этого очага обнаружен второй очаг в виде круглого сооружения из плиточных камней. Диаметр его — 1 м. В нем имелся небольшой слой золы.

В юго-восточной части жилища лежали камни, земля вокруг них содержала много золы. Вероятно, это был очаг. Площадь — $4,8 \times 2 \times 0,2$ м. В северо-восточ-

крупного животного, и небольшая дробилка или терочник, возможно употреблявшийся при растирании краски. Внутри жилища и коридора собрано значительное количество керамики (табл. XXVIII—XXXI) и костей животных (коровы, лошади, барана).

В юго-западном углу находился скелет человека, погребенного на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. Череп оказался полностью раздавленным, сохранилась лишь нижняя челюсть. Около скелета никаких вещей не обнаружено.

Северо-западный угол жилища разрушен в результате устройства позднего погребения. В нем найдены череп, несколько костей передних конечностей человека и горшок без орнамента. Около землянок, с северной стороны, были раскопаны четыре ямы овальной и непре-

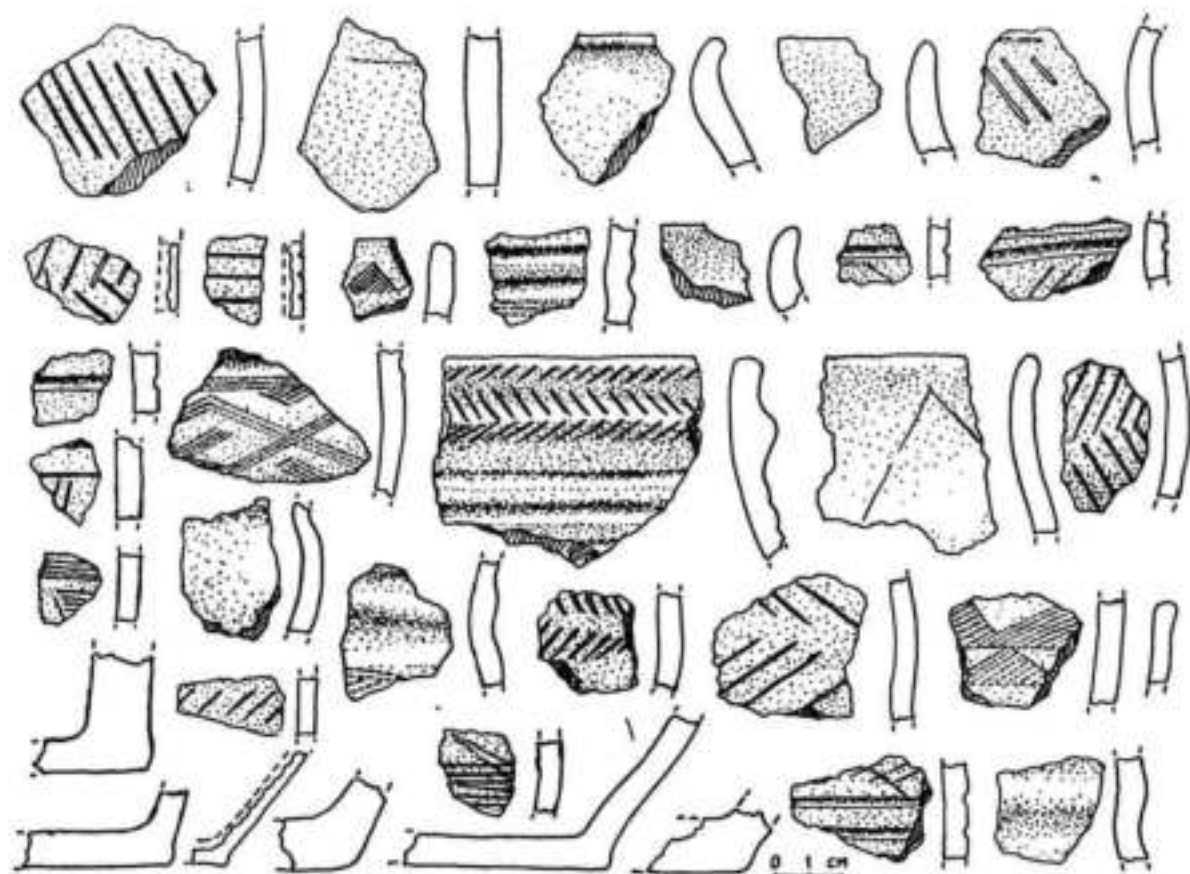

Табл. XXIX. Керамика из жилища № 2 поселения Вугулы II.

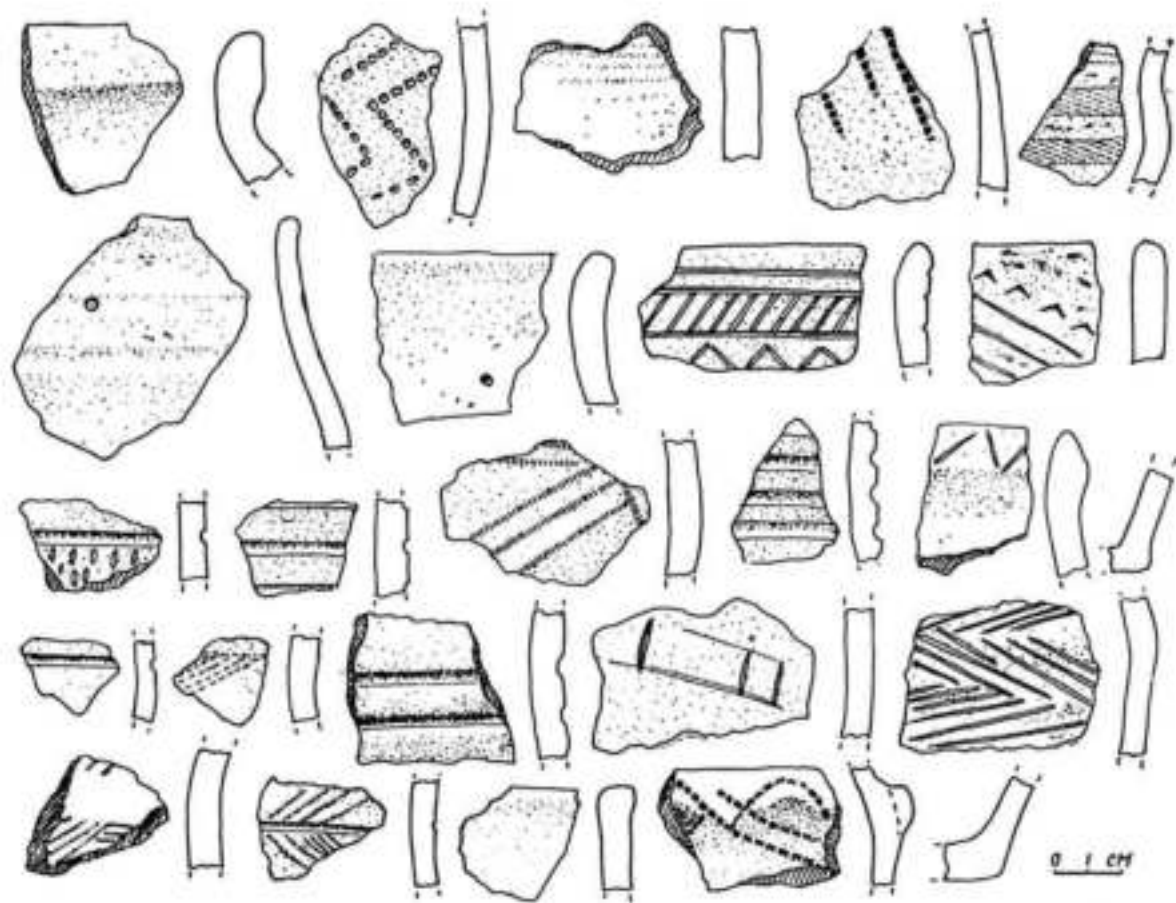

Табл. XXX. Керамика из жилища № 2 поселения Вугулы II.

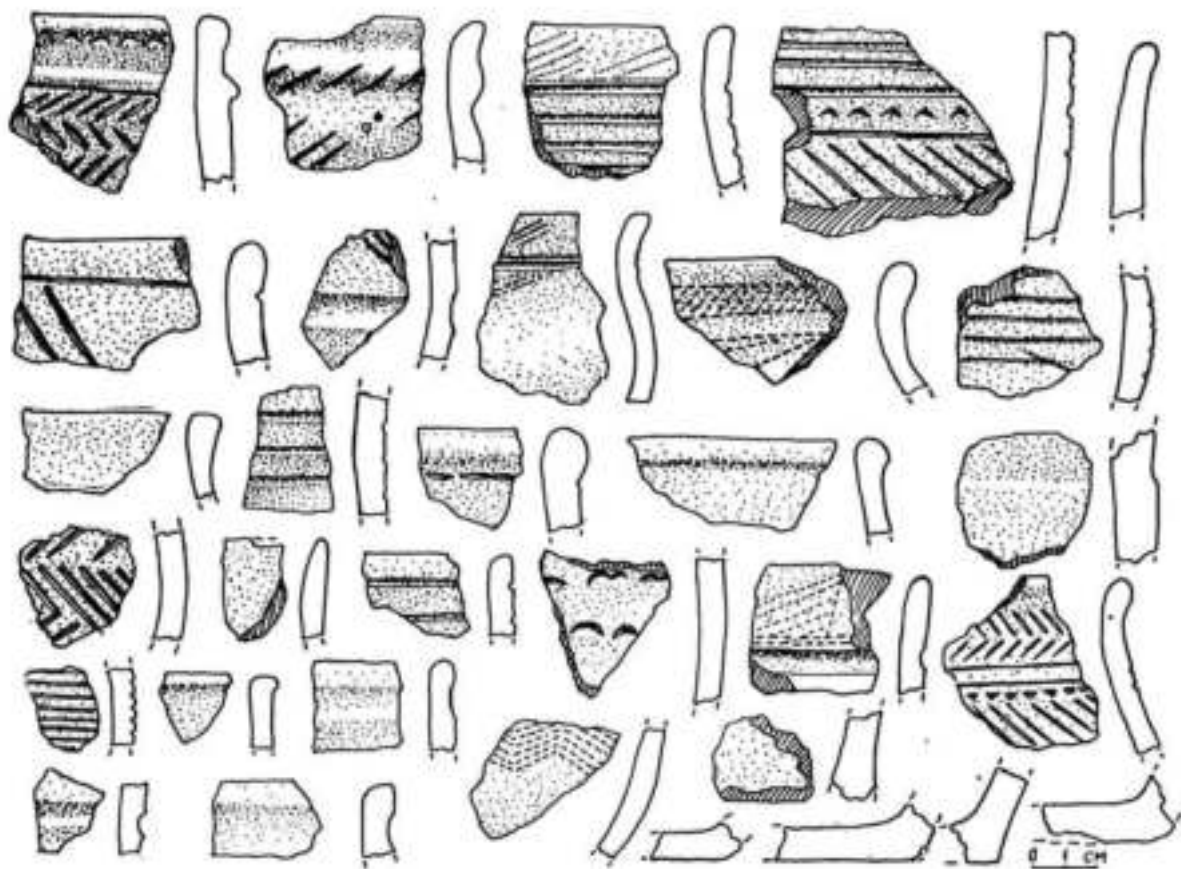

Табл. XXXI. Керамика из жилища № 2 поселения Вугулы II.

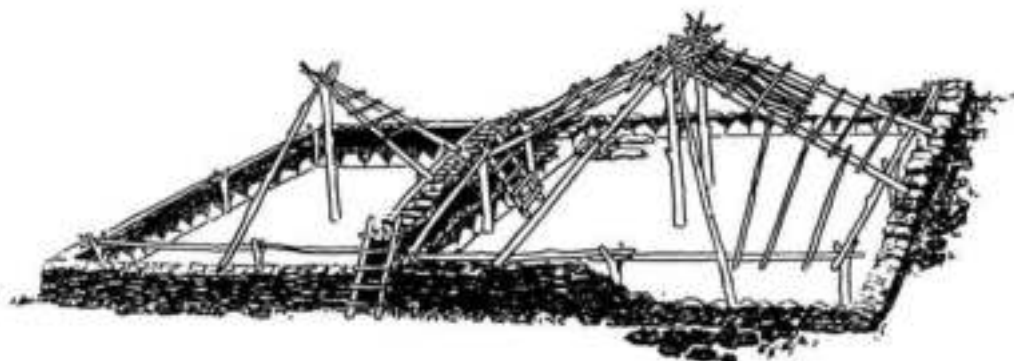

Рис. 113. Поселение Вугулы II. Вид жилищ № 1 и 2 (реконструкция).

Рис. 114. Поселение Вугулы II. Общий вид жилищ (реконструкция).

вильно-прямоугольной формы, обложенные по краям каменными глыбами. Размер ям — от $1,5 \times 0,65 \times 0,5$ м до $2,1 \times 1 \times 0,6$ м. При расчистке в них выявлены обломки керамики и кости животных. В яме № 2 под камнями западной стенки найдена нижняя челюсть коровы.

Все три ямы ориентированы с востока на запад. Первая — с юга на север. Описание жилищ мы дополняем предположительной реконструкцией их (см. рис. 113 и 114)*.

* Реконструкция жилищ сделана А. М. Оразбаевым и П. В. Агаповым.

КАРКАРАЛИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Поселение находится на правом берегу горной речки Каркаралинки (рис. 115). Оно почти со всех сторон окружено горами и только с востока имеет выход в долину. Поселение состоит из четырех

Жилище № 1. Оно расположено длинной осью с юга-запада на северо-восток. На поверхности земли хорошо видна западина подпрямоугольной формы, шириной 12 м, длиной 18 м (рис. 116), глубина западины в ее центральной

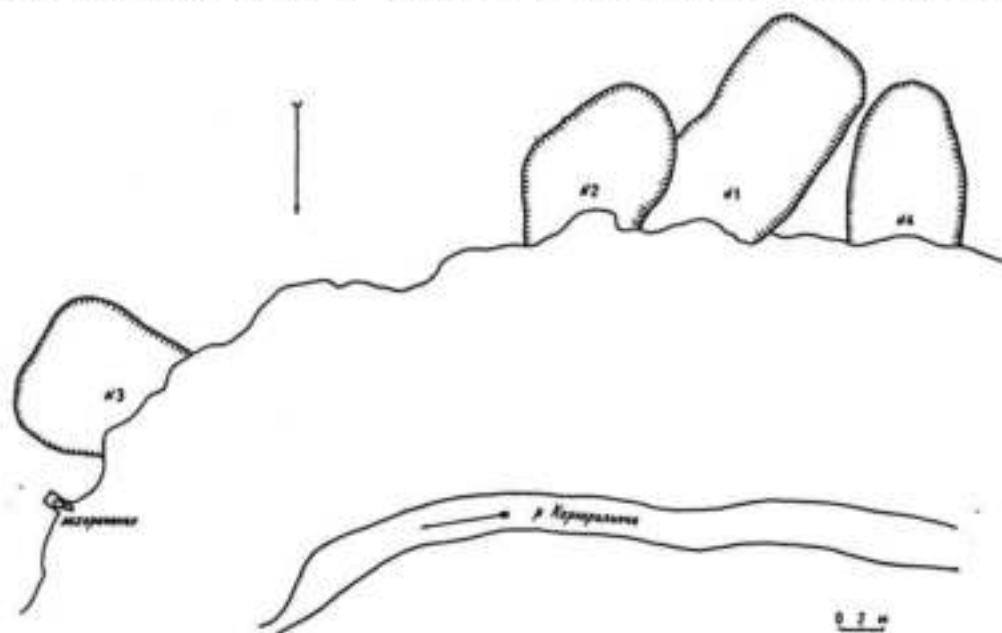

Рис. 115. Общий план Каркаралинского поселения II (съемка 1962 г.).

полуназемных жилищ, расположенных веерообразно вдоль берега речки. Они подверглись разрушению, лучше сохранились первое и второе жилища. При топографической съемке поселения в 1955 г. остатков жилых строений было больше. Особенно пострадала юго-восточная часть поселения, где сооружено водохранилище. Кроме того, площадь поселения изрыта жителями города Каркаралинска, которые ежегодно заготавливали там саманный кирпич. Учитывая эти обстоятельства, в 1962 г. Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция посвятила один сезон исследованию этого поселения. За полевой сезон было раскопано три полуназемных жилища. Приводим их описание.

части — 40—45 см. Полуназемное сооружение имело неправильно-прямоугольную форму. Стены жилища у основания, видимо, были защищены от разрушения деревянной обкладкой, о чем свидетельствуют следы сгнившего дерева на полу жилища в виде темно-коричневых полос и отдельных пятен. Полоса шириной 20—25 см тянется с перерывами на юго-запад 14—16 м. В юго-западной части жилища, на полосах, лежали куски березовой коры — очевидно, остатки деревянной обшивки стены.

У основания юго-западной стенки жилища также прослеживается слой сгнившего дерева, длиной около 4 м, юго-западный конец которого потревожен и сдвинут внутрь жилища. В юго-восточ-

ном углу след дерева под прямым углом поворачивает на северо-восток и встречается отдельными пятнами вдоль всей стены. У этих стенок зафиксированы еще круглые ямки от столбов, диаметром 35 см, глубиной 20—22 см. Пол жилища слегка углублен к центру. Из-под культурного слоя он выступает в виде крупного рыжеватого песка.

В северо-восточной части жилища находился огромный очаг округлой формы, наполовину разрушенный в результате обвала берега (рис. 116). Диаметр очага — около 2,8 м, глубина — 30—35 см. Очаг служил для варки пищи и одновременно обогрева. Поэтому, вероятно, он такого большого размера. Другого очага в жилище не обнаружено. Пол около очага в радиусе 2,5 м приподнят на 20—25 см, что выделяет очажную часть от основного помещения. На этом участке находок почти не было, основная их масса получена с центральной части жилища, где, очевидно, проходила в основном вся жизнедеятельность обитателей полуземного жилища. У задней, юго-западной стенки обнаружено также мало предметов, возможно, здесь только спали.

При раскопке жилища в культурном слое по всей его глубине встречались в большом количестве обломки глиняных горшков и кости домашних животных (коровы — 303 шт., лошади — 222 шт., овцы — 283 шт., один раз — нижняя челюсть марала). На полу жилища, в северо-западной части его, стояли два раздавленных глиняных горшка с плоским дном. Венчик одного из них отогнут наружу. На грани шейки и плечика имеется орнамент в виде цепочки крестиков. Другой горшок толстостенный, с валиками на грани шейки и тулова. На валик линейным штампом нанесен ромбовидный орнамент. Недалеко от второго горшка, восточнее его, найден однолезвийный бронзовый нож с отверстием на конце рукоятки, отлитый в форме. По форме и технике литья он очень близок североказахстанским¹⁹

¹⁹ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958, стр. 292, табл. X, 4—7.

и восточноказахстанским¹⁹ бронзовым ножам, характерным для первого тысячелетия до нашей эры. Видимо, более ранний тип этого ножа обнаружен в ортауском кургане с кольцевой оградой. В центральной части жилища среди многочисленных обломков керамики и костей в разных местах найдены куски железной руды, шлаки и каменные орудия — молоток, мотыга (табл. XXXII). Орудия из камня выявлены в юго-восточной и юго-западной частях жилища.

У восточной стенки жилища найдены два каменных точила из зеленоватого песчаника. Одно из них имеет маленькую головку — очевидно, для обвязывания ремешком (табл. XXXIII, 13). Размер его: длина — 8,5 см, ширина — 2,5 см, толщина — 1,7 см. Второе — длиной 16 см, шириной 5,5 см, толщиной 2 см. В северо-восточной части жилища был поднят каменный брусок. О наличии прядения и ткачества у насельников Каркаралинского поселения говорят находки костяных пряслиц, сделанных из головок бедренных костей крупных животных, и отпечаток ткани на внутренней стороне одного из фрагментов керамики. У юго-западного угла жилища обнаружено костяное орудие для обработки шкур — тупик из нижней челюсти коровы. Оно сломано, сохранились лишь рукоять и часть рабочей стороны. От долгого употребления орудие зашлифовано.

В северо-восточном углу жилища встречены три бронзовые поделки в виде шпильки с острыми концами, аналогичные найденным в Алексеевском поселении²⁰.

В культурном слое на полу жилища № 1 было собрано много фрагментов глиняной посуды, попадались и раздавленные горшки (табл. XXXIV—XXXVII). Сосу-

¹⁹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. «МИА», 1960, № 88, стр. 260, табл. XVII, 2; А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1960, стр. 161, табл. XXIII, 4—5.

²⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII, М., 1948, стр. 81, рис. 12, 3—4.

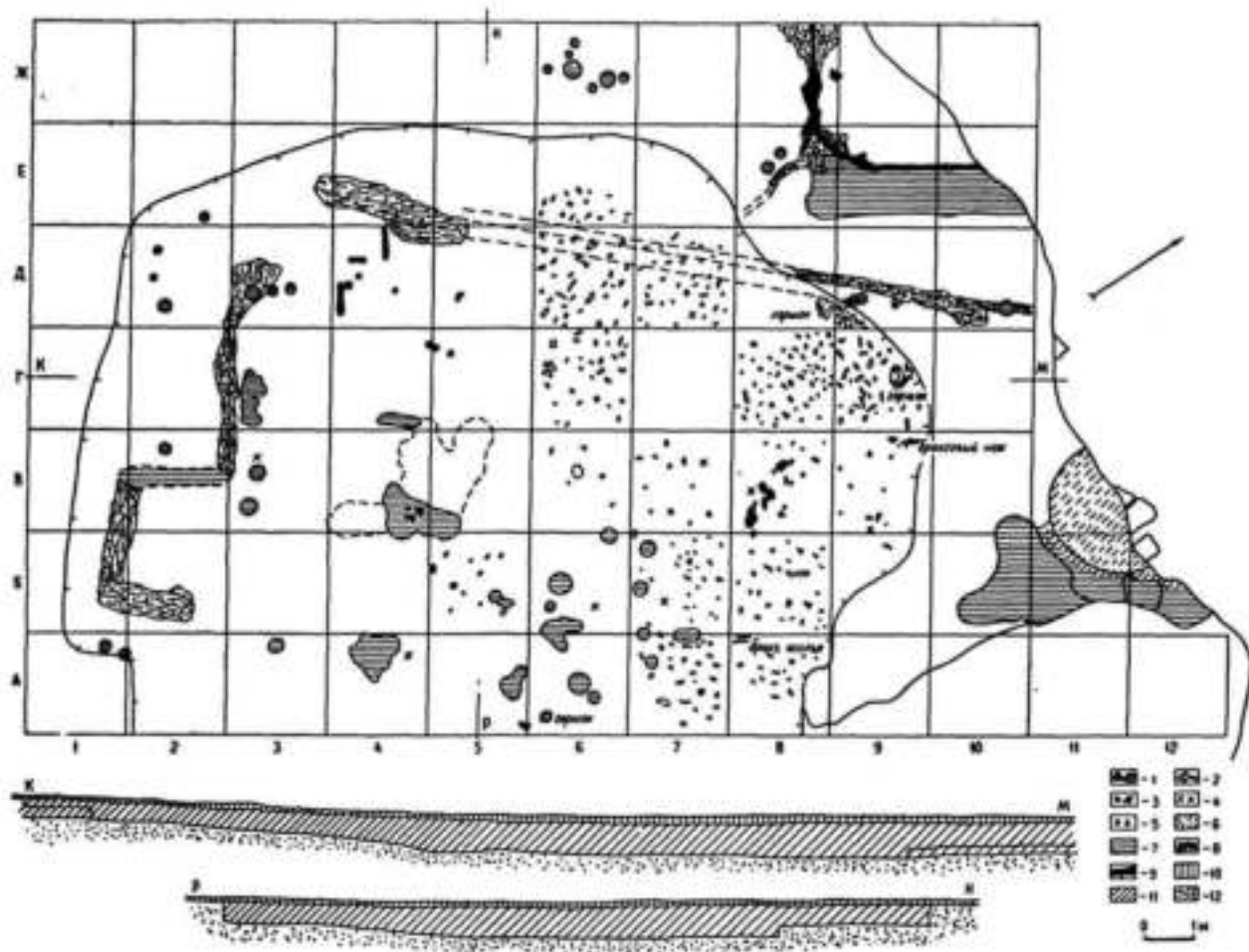

Рис. 116. План жилища № 1 Карнаралзинского поселения II: 1 — камни, 2 — кости, 3 — керамика, 4 — каменные орудия, 5 — руда, 6 — очаг с золой, 7 — темная полоса земли, 8 — остатки дерева, 9 — остатки сожженного дерева, 10 — почвенный слой, 11 — культурный слой, 12 — крупный песок.

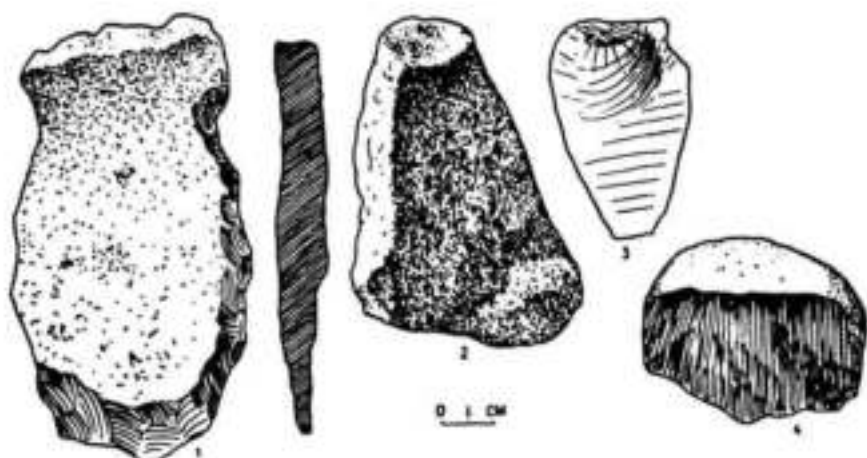

Табл. XXXII. Каменные орудия из жилища № 1 Каркаралинского поселения II: 1 — молоты, 2—3 — молотки, 4 — обломок терки.

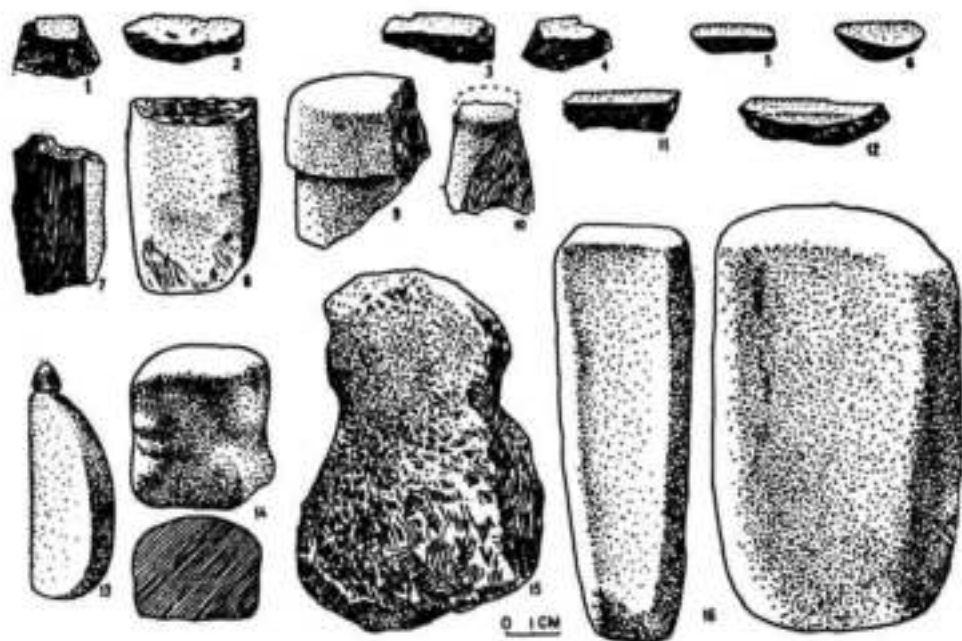

Табл. XXXIII. Каменные орудия из жилищ № 1 и 2 Каркаралинского поселения II: 1—7, 11, 12 — ложила, 8 — обломок песта, 9 — обломок каблуконподобного камня из жилища № 2 (Суук-Булак), 10 — обломок верхней части рукоятки песта, 13 — точило, 14 — молоток, 15 — молоты, 16 — рудодробилка.

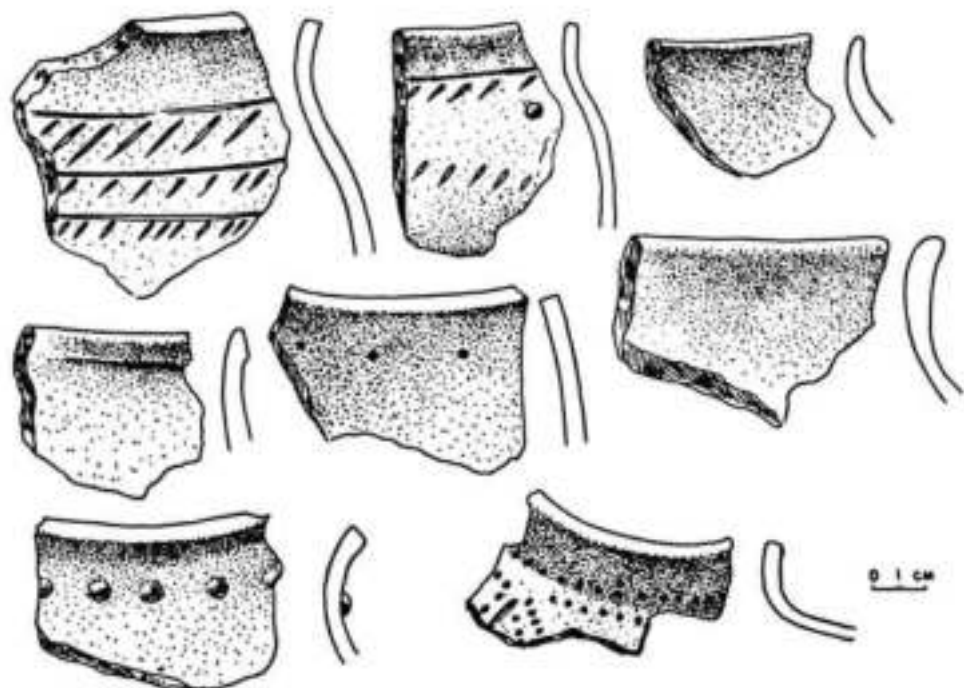

Табл. XXXIV. Керамика из жилища № 1 Каркаралинского поселения II.

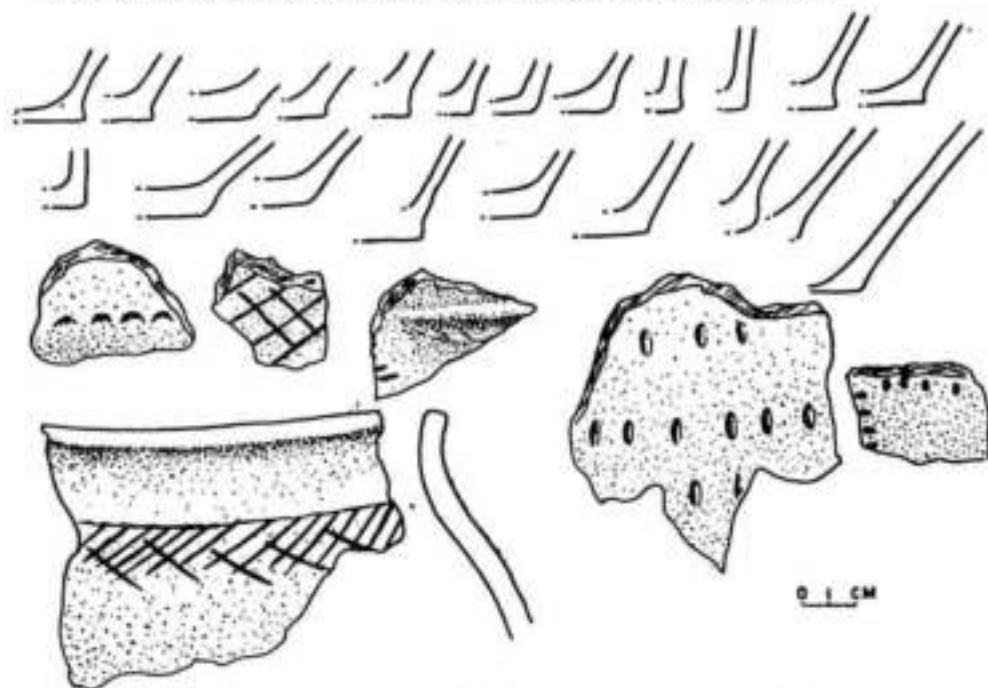

Табл. XXXV. Керамика из жилища № 1 Каркаралинского поселения II.

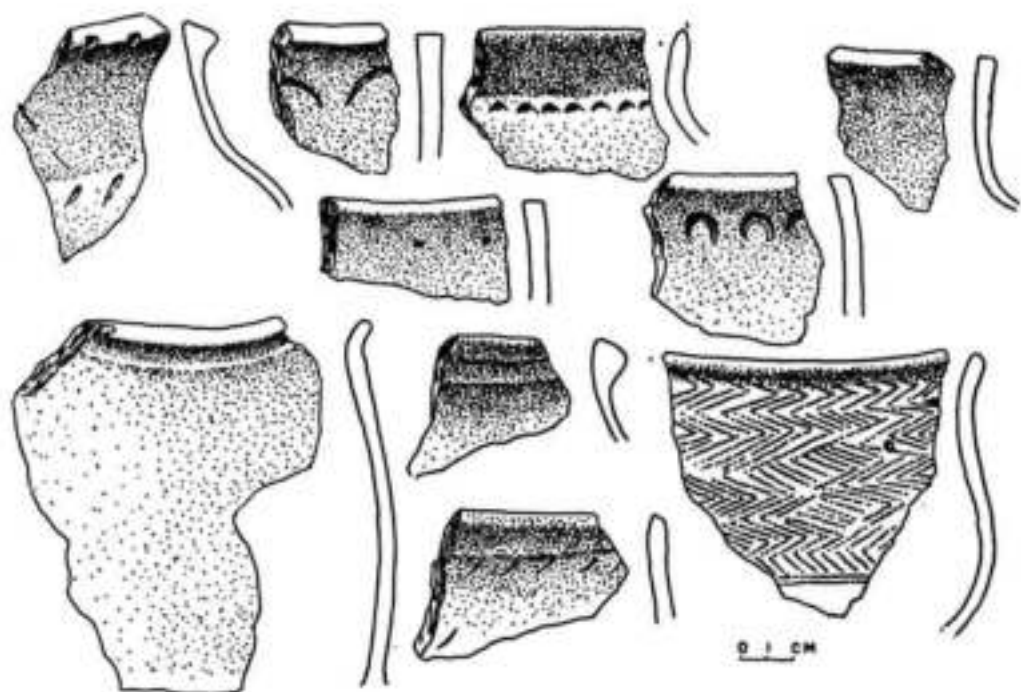

Табл. XXXVI. Керамика из жилища № 1 Каркаралинского поселения II.

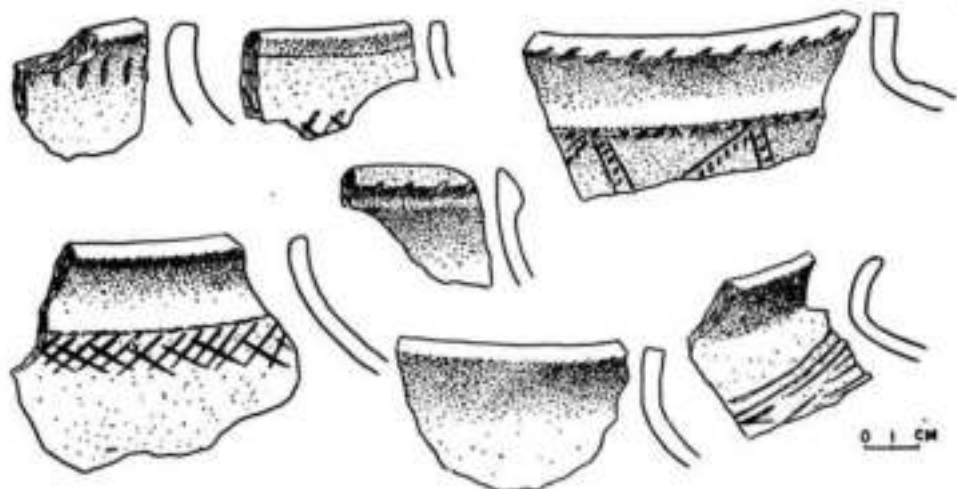

Табл. XXXVII. Керамика из жилища № 1 Каркаралинского поселения II.

ды грубой работы, сделаны из теста с большой примесью песка, слюды, шамота, ручным способом, ленточной техникой. Сосуды плоскодонные, их можно разделить на три группы: 1) горшки с сильно выпуклыми стенками, суживающимися к горлу, с короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком; 2) горшки с воротничком; 3) горшки с валиком на шейке.

Орнамент на сосудах обычно грубый, нанесен в основном гладким штампом в виде поясков из косых насечек, крестиков, перекрещивающихся прямых горизонтальных елочек. На некоторых горшках встречается ямочный, ногтевой, полудульный, семечковидный орнаменты, выполненные концом палочки. Иногда шейку сосуда украшают валик и «жемчужины».

На расстоянии 2,5 м от северо-западной стороны жилища № 1 находилось большое зольное пятно. При раскопке выяснилось, что это остаток прямоугольного строения с закругленными углами. Северо-западная сторона его была разрушена в результате обвала берега. Размер сохранившейся части строения: длина северо-восточной стороны — 3,6 м, юго-западной — 3,2 м, северо-западной — 1 м, толщина зольного заполнения — 15 см. В юго-западном углу строения стоял обугленный столбик диаметром 8 см, длиной 7 см. Контуры стен помещения были быстро выявлены по древесным угольным черным полоскам. На юго-восточной стене проступает след от обугленной жерди длиной 2,25 м, шириной 10 см. В юго-восточном углу и на южной стороне строения заметны следы сгоревшего дерева. Вероятно, сооружение имело хозяйственное назначение, так как в его заполнении ничего не обнаружено. Вдоль его северо-восточной стороны тянулась темная полоса длиной 3,7 м, шириной 80 см, толщиной 10—15 см.

Жилище № 2. Это жилище расположено восточнее первого. Его западная часть разрушена в результате оползней берега. В обрыве четко виден поперечный профиль жилища, имевшего корытообразную форму. Толщина культурного

слоя — 30—40 см. В нем, с западной стороны, кое-где проступают кости, угольки и черепки посуды. Сохранившаяся часть жилища на поверхности земли обозначилась западиной подпрямоугольной формы, размером 14×18 м (рис. 117). В северо-западном углу жилища, при входе, находилась зольная яма четырехугольной формы. В разрезе обрыва она смотрится как ящик. Ширина зольника — 1,9 м, толщина слоя — 45 см. За зольной ямой культурный слой продолжается 60—70 см. По дну и стенкам ямы прослеживается сильно потрескавшаяся полоса из плотной глины. Вероятно, дно ямы было обмазано глиной. Яма служила очагом. В жилище № 4 Атасуского поселения очаг помещался ближе к входу. Судя по описанию жилищ поздних казахов, расположение очага у входа целесообразно, так как благодаря этому в весеннее и летнее время температура воздуха в жилом помещении всегда постоянная. При раскопке жилища в центральной части обнаружена мусорная яма, но более позднего времени, которая прорезала культурный слой. При тщательной зачистке пола жилища следов от столбов не найдено. В культурном слое встречены обломки глиняных горшков, каменные орудия, костяные поделки, кости домашних животных (коровы — 96 шт., лошади — 52 шт., овцы — 115 шт., собаки — 5 шт.) и диких (кулана — 2 шт., лисицы — 1 шт., заяц — 2 шт., джейрана — 2 шт.). На полу жилища, в его юго-восточной части, скопилось много обломков глиняной посуды.

Основная масса находок в жилище сделана в его юго-восточной и юго-западной частях. Среди них имеются фрагменты раздавленных сосудов, каменные лошля, мотыги, тупки из нижней челюсти коровы. За пределами юго-восточной части жилища обнаружено погребение позднего времени. В культурном слое и на полу жилища найдено много обломков глиняной посуды (табл. XXXVIII). Керамика грубая, плоскодонная, с примесью песка, слюды, шамота в тесте. Керамика из жилища № 2 по форме, орнаменту, технике изготовления анало-

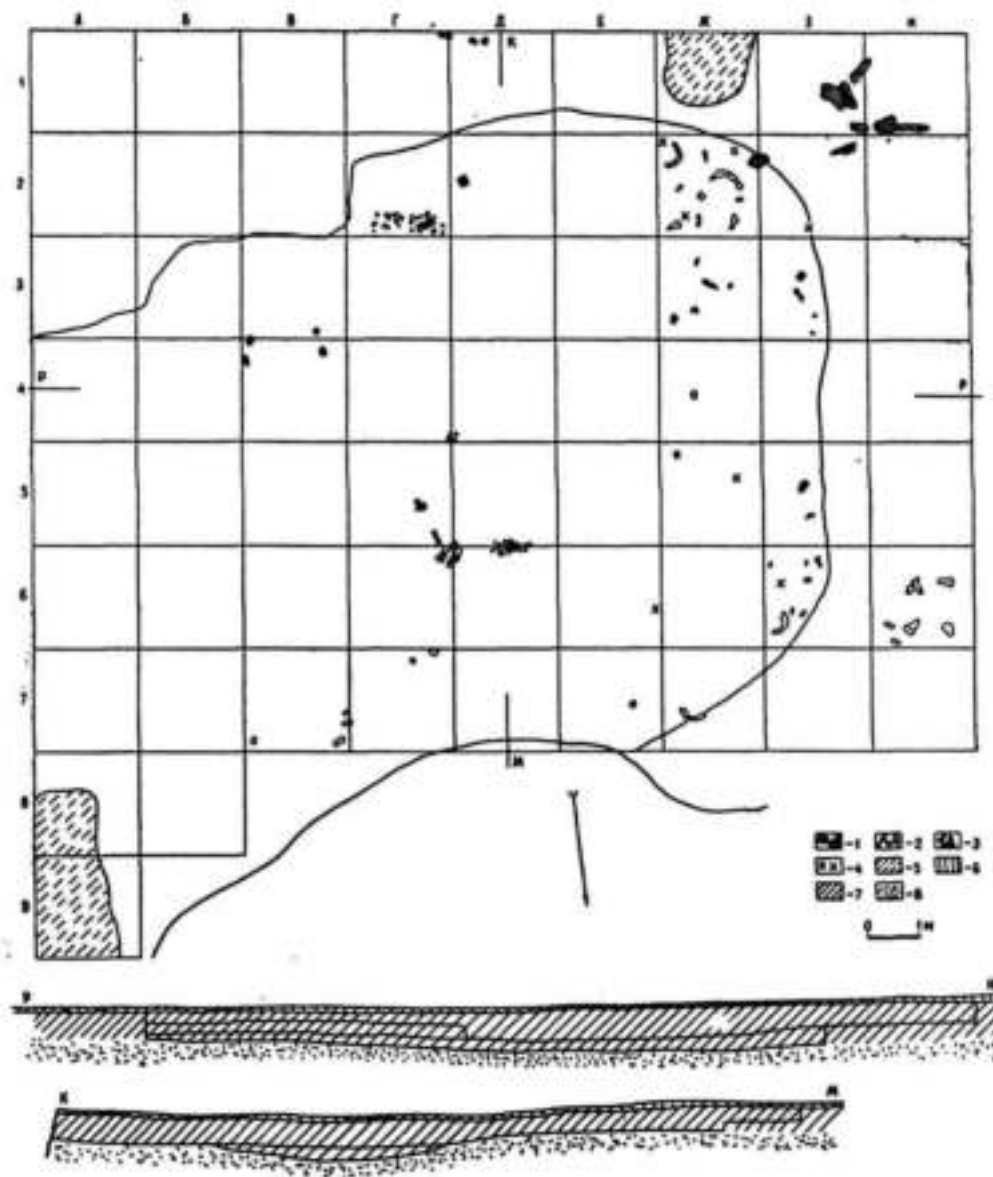

Рис. 117. План жилища № 2 из Каркалинского поселения II: 1 — камни, 2 — кости, 3 — керамика, 4 — каменные орудия, 5 — зола, 6 — почвенный слой, 7 — культурный слой, 8 — крупный песок.

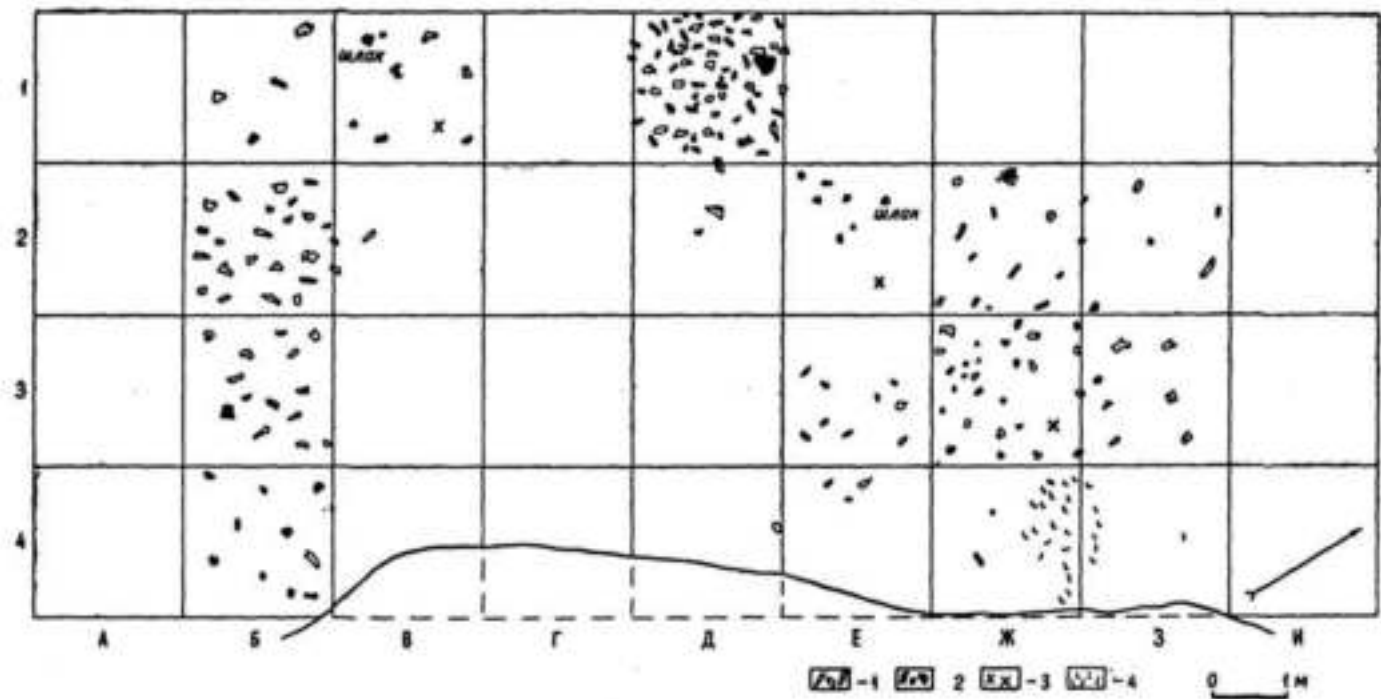

Рис. 118. План жилища № 3 из Кар'яралинского поселения II: 1 — камни, 2 — кости, 3 — керамика, 4 — угольки.

гична керамике из жилища № 1. Только в двух случаях встретились горшки с венчиками андроновского типа. На одном из сосудов на верхнюю часть прямого венчика был нанесен орнамент из ряда косых треугольников, под ним проходили две параллельные линии. Верхняя часть тулова украшена цепочкой вытянутых по горизонтали ромбиков. Другой горшок со слегка отогнутым венчиком и выпуклым туловом был весь покрыт зигзагообразными линиями, нанесенными гребенчатым штампом. У его края имелось отверстие, просверленное для починки горшка.

Жилище № 3. Оно находится в 40 м к северо-востоку от второго, ориентировано с востока на запад. Со стороны берега нарушено оползнями (рис. 118). Культурный слой в этом месте небольшой — 15 см. На поверхности земли заметна незначительная западина. Размер сохранившейся части: длина — 8 м, ширина — 14 м. Следов от столбов, а также от очага не обнаружено. Подъемный материал был собран в культурном слое. Это кости домашних животных, каменные орудия, шлаки, кусок обгорелого дерева, древесные угольки. В центральной части землянки никаких находок не было. Керамика из жилища № 3 по форме, характеру орнамента и технике изготовления не отличается от керамики первых двух жилищ Каркаралинского поселения (табл. XXXIX).

ПОСЕЛЕНИЕ УЛУТАУ

Поселение находится у юго-восточного подножья горы Улутау, на юго-западной окраине районного центра Улутау, на левом берегу вторичного русла горной речки, между поселком и районной больницей. Судя по частично сохранившейся землянке и большому количеству керамики и костей животных, которые собраны на территории поселка, очевидно, что основной жилой площадью было все левобережье на протяжении 800 м. Землянки располагались на левом берегу с запада на восток. Определить количество землянок на поселении не удалось, так как территория древнего поселения частью застроена, частью разрушена

паводковыми водами, которые текут бурными потоками во время весеннего таяния снегов с гор Улутау. Географическое расположение поселения очень удачное: у речки, в ущелье, благодаря чему оно защищено от холодных северных и северо-западных ветров. Древнее русло речки проходило в 50 м к югу от землянок.

На поселении собрано много подъемного материала в виде обломков глиняной посуды, костей животных и орудий труда. В поисках остатков других поселений были обследованы оба берега речки на протяжении 3—4 км, но ничего не обнаружено, хотя местные жители здесь часто находят обломки керамики и каменных рудодробильных орудий.

На территории поселения вскрыта площадь, равная 144 м², но удалось обнаружить и исследовать лишь небольшой участок жилища (рис. 119), остальная его часть нарушена обвалом берега. Территория других жилищ теперь занята современными постройками. Судя по оставшейся части жилища, оно было довольно обширное, примерно 12×14 м. В обнажении берега четко виден его поперечный профиль корытообразной формы. Толщина культурного слоя — 20—35 см. В разрезе культурного слоя, в обрыве реки, местами встречались кости и черепки. Форму и конструкцию жилища установить не удалось, так как никаких ям от столбов и следов от стен не обнаружено. Пол жилища из светло-серой материковой глины выявился на глубине 25—30 см от дневной поверхности, что позволяет предполагать, что это было наземное жилище.

Кости домашних животных и обломки глиняной посуды найдены на всей площади жилища. Проследить какую-либо закономерность в их расположении не удалось.

Наличие костей домашних животных свидетельствует о развитии скотоводства у насельников поселения (см. приложение 2). Они занимались в основном разведением мелкого рогатого скота и лошадей. Подсобное значение в хозяйстве имела охота, о чем говорит небольшое количество остатков костей диких

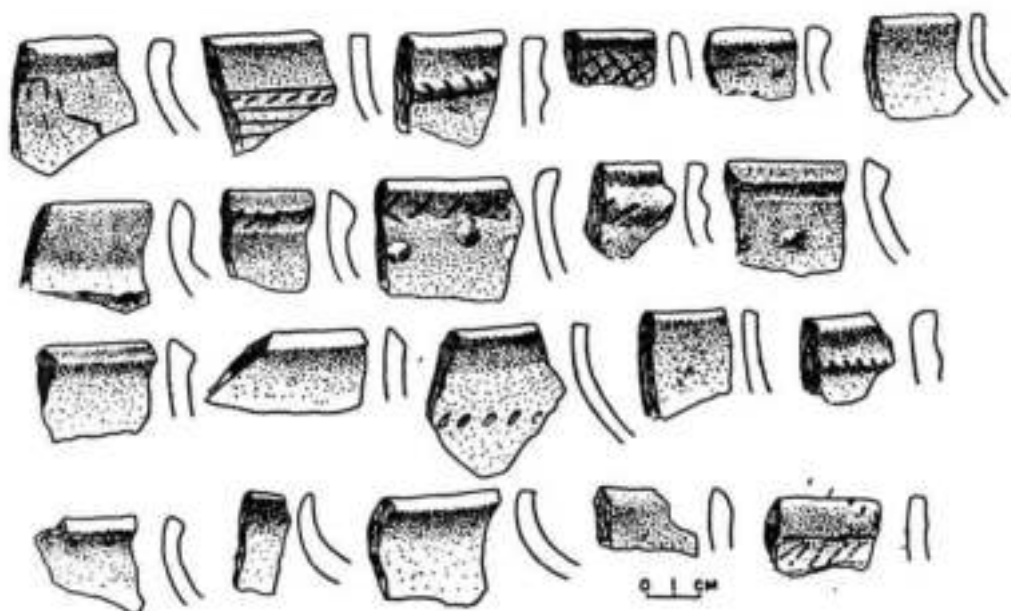

Табл. XXXVIII. Керамика из жилища № 2 Каркаралинского поселения II.

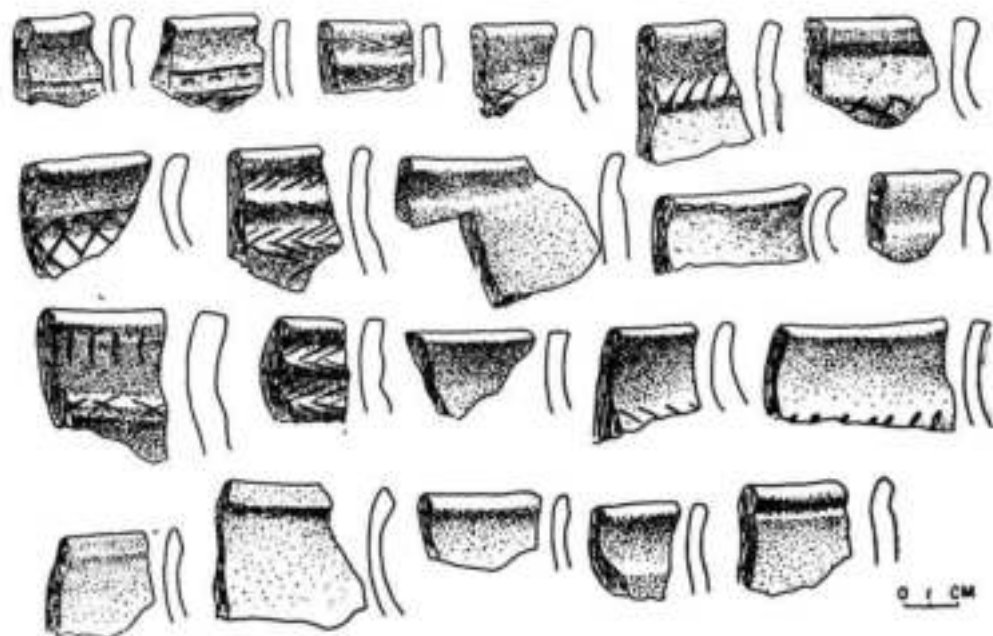

Табл. XXXIX. Керамика из жилища № 3 Каркаралинского поселения II.

животных: марала, джейрана, кулана. Следовательно, климат и ландшафт Центрального Казахстана за прошедшее время мало изменились. Куланы, джейраны и сайгаки — исконные обитатели

тый неправильно-яйцевидной формы, с хорошо обработанной поверхностью и узким выступающим пояском для привязывания, выбитым посередине. На внутренней стороне его расположена

Рис. 119. Поселение эпохи бронзы Улуту.

сухих степей — и поныне водятся в этой области. На лесистых склонах гор Улуту обитали маралы. Удобная для возделывания рыхлая почва поймы речки Улутуки использовалась под посевы. О развитии земледелия у древних жителей свидетельствуют находки каменной мотыги (табл. XLIII) и обломков зернотерки. Мотыга подпрямоугольной формы, с парными выемками по бокам для привязывания к рукоятке. Такое орудие обычно для поселений эпохи бронзы. Подобная мотыга найдена в Атауском, Вугулинском, Суук-Вулакском и Каркаралинском поселениях, а также в Трушникове²¹. Длина мотыги — 20 см, ширина — 12 см, толщина — 2 см. На площади жилища обнаружены еще каменные молотки, каменный топор, обломки небольших корытц из красноватого крупнозернистого гранита и два песта.

Молотков (табл. XL, 1) найдено пять штук. Длина их — от 10,5 до 14,3 см, ширина — от 5,7 до 8 см, толщина — от 4 до 5,8 см. Два из них овальной формы, массивные, по бокам имеют выемки для привязывания к рукоятке. Третий молоток близок к цилиндрической форме, с выемкой в средней части. Четвер-

круглая заглаженная площадка, в которую когда-то упирался конец рукоятки. Пятый молоток в сечении подпрямоугольной формы, он плохо обработан и с боков имеет слабо выраженные выемки. Рабочая часть всех молотков выщерблена вследствие долгого употребления.

Песты (две штуки) каменные, цилиндрической формы (табл. XL, 2). Размер первого: длина — 15 см, ширина — 5,5 см. Поверхность заглажена. Часть рабочего края отколота. Более интересен второй пест, сделанный из мелкозернистого песчаника. Он имеет конусовидную закругленную рукоятку с пятью выточеными кольцевыми желобками. Поверхность его тщательно зашлифована. Рабочая часть сильно выщерблена в процессе работы. Массивность каменных молотков и пестов, сильная сработанность их рабочей поверхности, наличие каменного корытца для дробления руды указывают на то, что эти орудия были орудиями металлургического производства. Это подтверждают и находки медной руды, шлака и медных слезок в жилище.

Кроме этих орудий найдены: каменный терочник шарообразной формы (табл. XLIII, 3), обломок каменного пряслица с

²¹ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 242, табл. XLIX, 3.

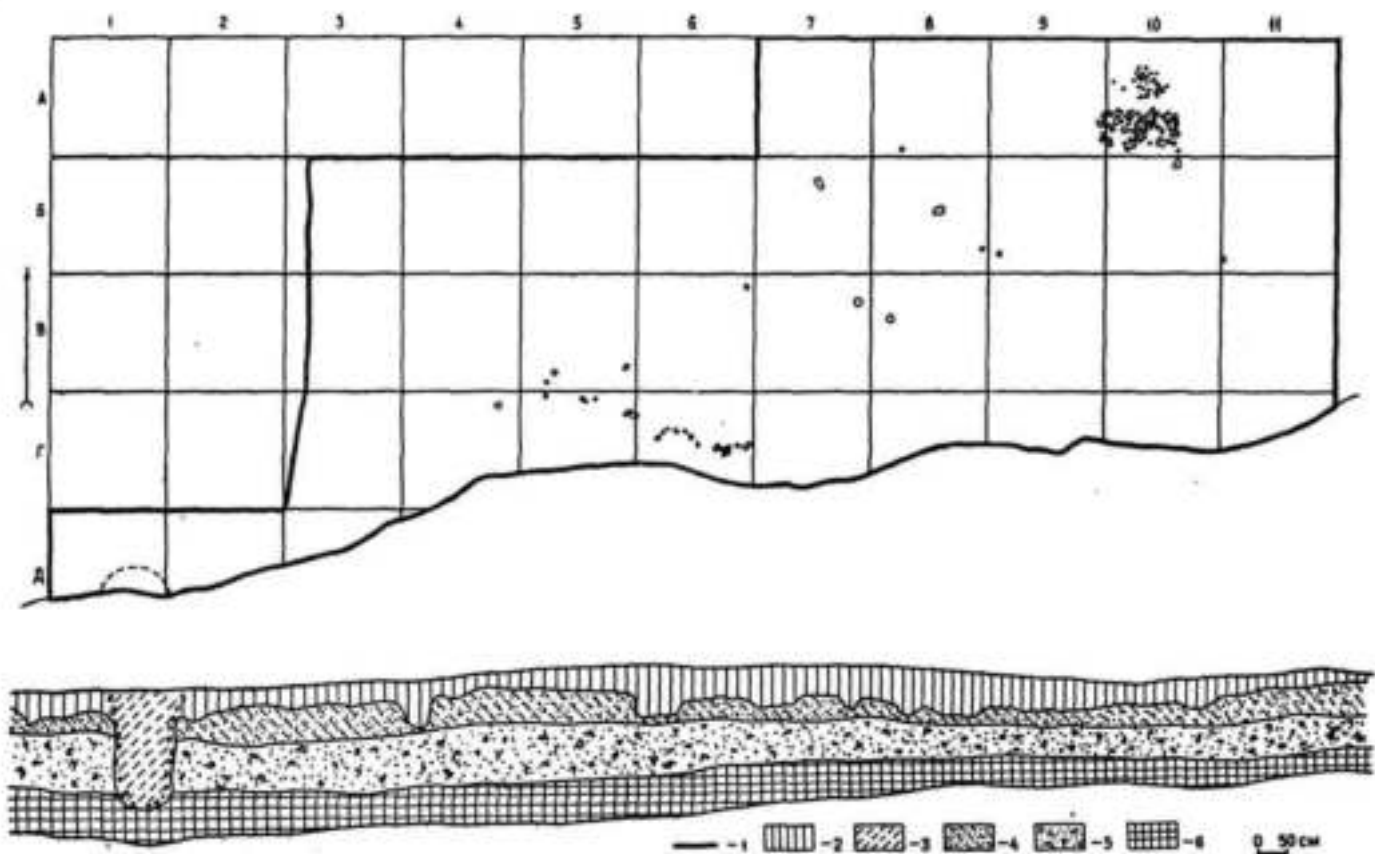

Рис. 120. План раскопанного участка жилища из поселения Улутку: 1 — линия раскопа, 2 — культурный слой, 3 — зола, 4 — глина с песком, 5 — галька с песком, 6 — желтая глина.

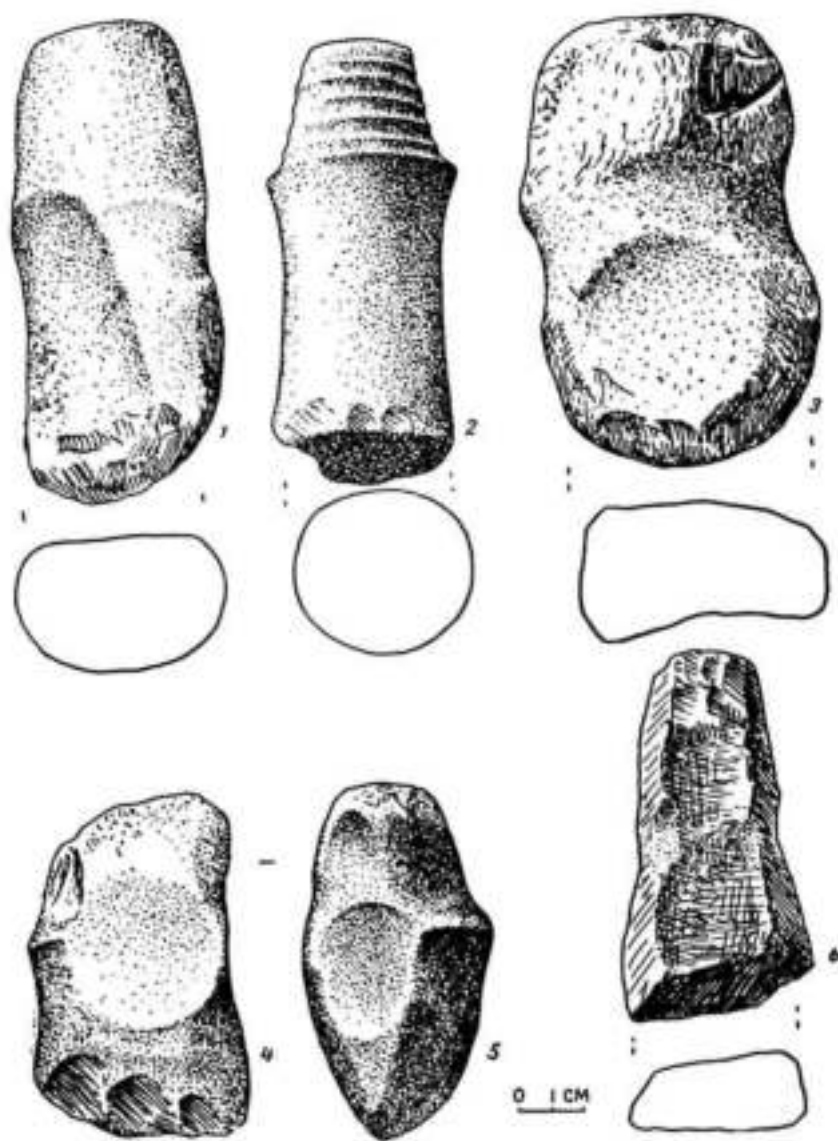

Табл. XI. Каменные орудия из поселения Улуту: 1, 3-6 — молотки, 2 — пест.

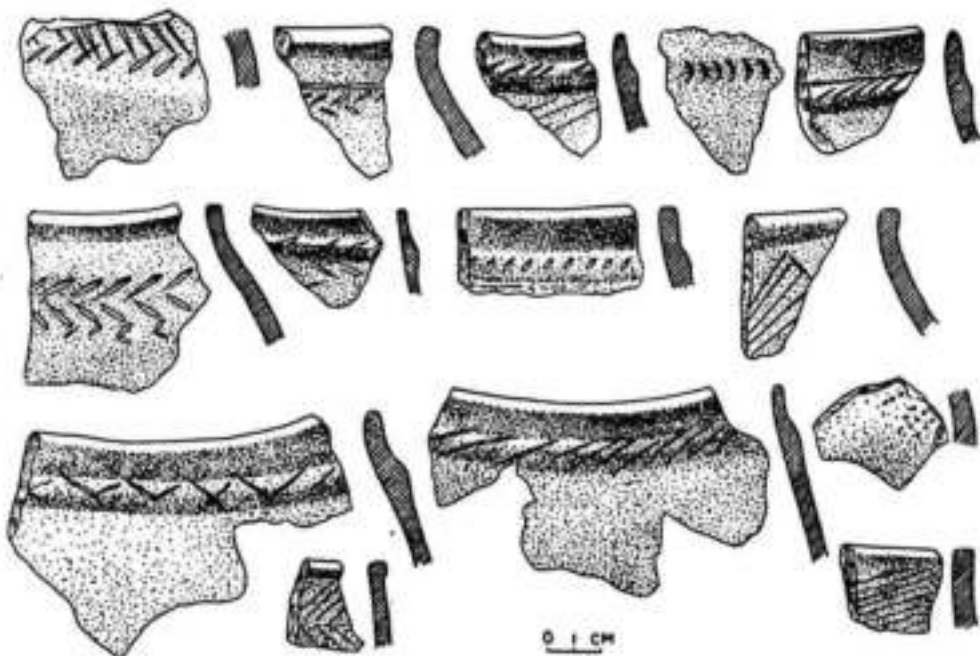

Табл. XXI. Керамика из поселения Улутау.

Табл. XXII. Керамика из поселения Улутау.

Рис. 121. Яма-колодец из поселения эпохи бронзы Улутку.

просверленным отверстием в центре и лощила.

В жилище собрано много керамического материала в виде обломков глиняной посуды (табл. ХLI, ХLII, ХLIV). Среди них

Западнее жилища, у обрыва, обнаружена яма глубиной 1 м, диаметром 80 см (рис. 121). На стенках и дне ямы сохранились камни, которыми, вероятно, она была выложена. При углублении дна на

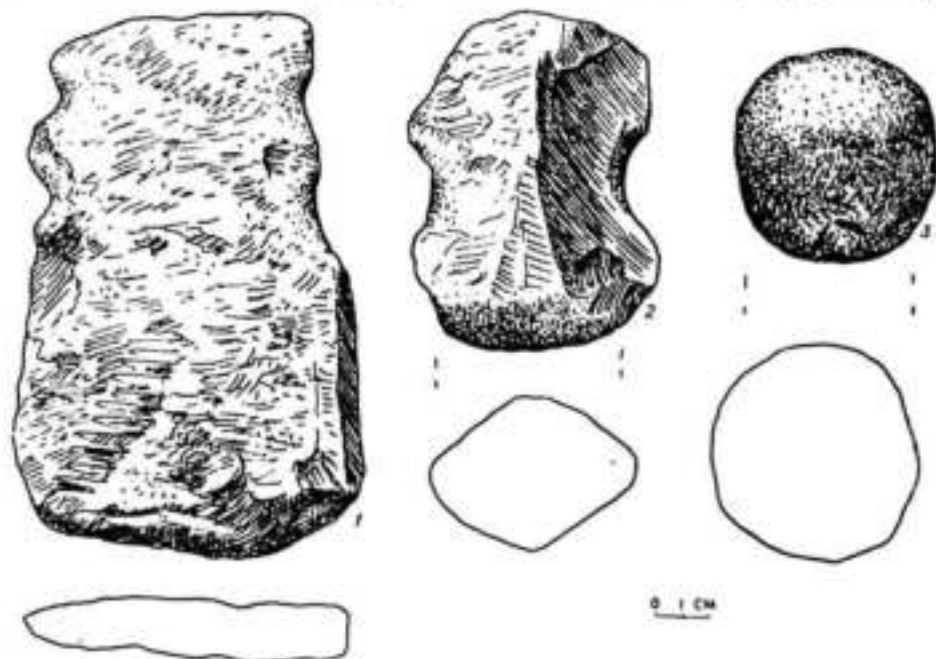

Табл. ХLIII. Каменные орудия на поселении Улуту: 1, 2 — ножи, 3 — каменный терочник.

преобладают черепки грубо выделанных сосудов, типичных по форме и орнаментации для эпохи поздней бронзы. По форме преобладают сосуды с отогнутым наружу венчиком, короткой шейкой и шаровидным туловом, орнаментированные гладким и резным штампом. На шейке сосуда часто делают валик, который украшают косыми крестиками или штрихами.

В меньшем количестве попадаются сосуды баночной формы с прямым венчиком и горшковидные с закругленным венчиком. Они орнаментированы косыми насечками, желобками, вертикальной и горизонтальной елочкой. Часто встречается неорнаментированная посуда.

30 см выступила вода. Возможно, это был колодец. Наличие колодцев на поселениях эпохи бронзы известно по раскопкам Тасты-Бутакского поселения в Актюбинской области²².

ПОСЕЛЕНИЕ СУУК-ВУЛАК

Поселение было исследовано в 1962 г. Оно находится в 2—2,5 км к югу от Каркаралинска, в долине речки Суук-Вулак, в 40—50 м от ее берега. Древнее поселение окружено лесистыми горами и имеет выход на равнину лишь по долине речки. В центре долины расположе-

²² В. С. Сорокин. Отчет о раскопках Тасты-Бутакского поселения в 1959—1961 гг. Архив ИИАЭ АН КазССР.

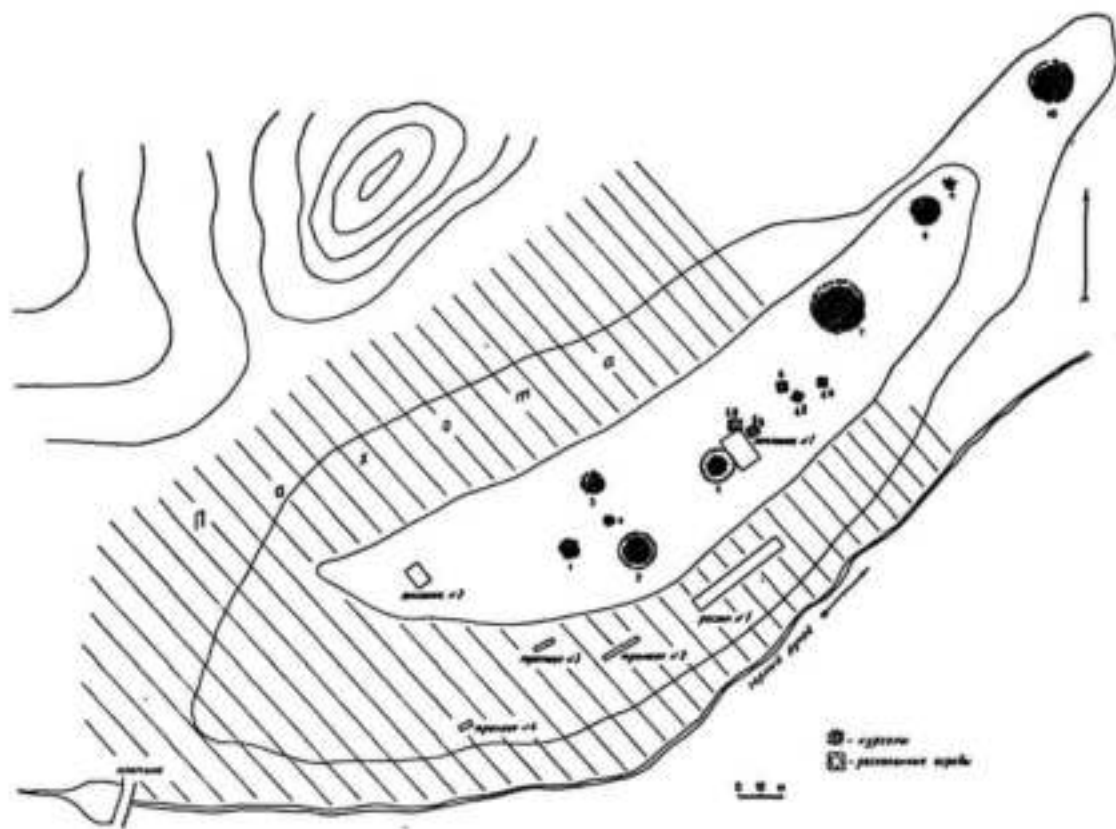

Рис. 122. Общий план поселения эпохи бронзы Суук-Булак.

на невысокая аккумулятивная терраса длиной около 1 км и шириной 200—250 м. На ней в древности и находилось поселение Суук-Вулак. Его местоположение очень выгодное: поблизости есть

Почти вся территория поселения распаханана под лесолитомник, лишь в середине долины уцелела узкая полоса земли. Вдоль северо-западной и юго-западной сторон участка, а также по ее южной

Табл. XLIV. Керамика из поселения Удуята.

пастбище, топливо и строительный материал. Кроме того, почва в долине мягкая, сильно пропитана влагой и легко поддается возделыванию. Для разрыхления почвы древние насельники наряду с каменными мотыгами применяли рога архаров и оленей. Рога крупного рогатого скота могли использоваться в качестве наконечников мотыг — «сохи». В долине р. Суук-Вулак жили и поздние кочевники.

На площади Суук-Вулакского поселения зафиксировано семь курганов, сооруженных из земли и камня. Они тянутся цепочкой с юго-запада на северо-восток, диаметр их — от 8 до 12 м. Большинство из них в центре имеют воронку. Недалеко от курганов лежат камни, которые создают впечатление ограды. Таких «оград» здесь шесть.

стороне (на пахоте) очень часто встречаются обломки керамики, кости животных и слои золистой земли. Полоса земли длиной 60—70 м, шириной 5—6 м, содержащая золу, тянется с юго-востока на северо-восток. Очевидно, на этом участке находился большой зольник. На полосе зольника и юго-западнее его, где на поверхности вспаханной земли часто попадались керамика и кости животных, для выяснения толщины культурного слоя, а также профили распаханых жилищ было заложено четыре траншеи. Толщина культурного слоя в заложённых траншеях определилась от 15 до 35 см. В нем найдены обломки глиняных горшков, кости животных и каменные орудия. Исследованная площадь траншей составляет около 500 м² (492), или 1/20 га. На Суук-Вулакском поселе-

нии, на нераспаханном участке, были обнаружены остатки двух жилищ. Приводим их описание.

Жилище № 1 расположено в 60—70 м от левого берега горной речки. На поверхности земли оно имеет вид овальной западины длиной 12 м, шириной 8 м. При раскопке, сразу же под дерновым слоем, обнажился культурный слой толщиной 20—25 см, в котором собраны

точный угол, т. е. на юго-восток. Здесь он теряется и появляется опять только в юго-восточном углу.

В южном углу жилища сохранились следы дерева в виде квадратной скобки, концы которой направлены к стенке. Возможно, это была кладовая, в которую входили из помещения. Размер «кладовой» — 2×2 м. Таким образом, следами дерева оконтуривается жили-

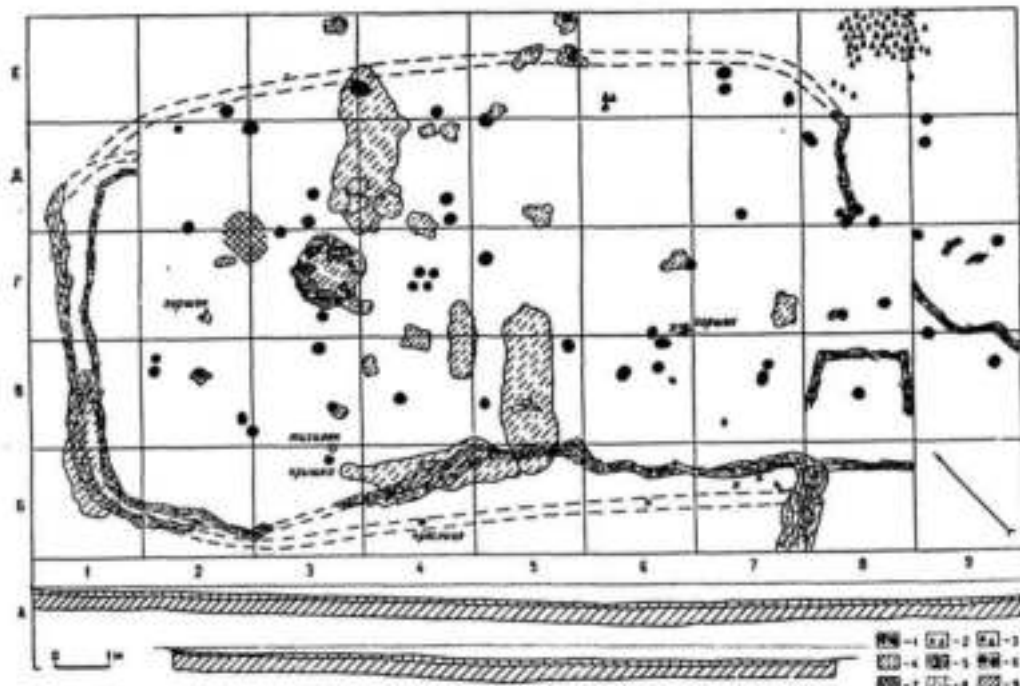

Рис. 123. План жилища № 1 из поселения Суук-Булак: 1 — камни, 2 — каменные орудия, 3 — руда, 4 — зола (очага), 5 — остатки дерева, 6 — ямки от столбов, 7 — остатки обломки, 8 — почвенный слой, 9 — культурный слой.

обломки керамики, кости животных и каменные орудия. Жилище подпрямоугольной формы и ориентировано с юго-востока на северо-запад (рис. 123). Стены жилища у основания, вероятно, были обложены деревом, о чем свидетельствует полоса шириной 15—20 см, длиной 11 м, тянущаяся на уровне пола с юго-запада на северо-запад. У северо-западной стенки след дерева идет в два ряда, затем поворачивает в северо-вос-

тце неправильно-прямоугольной формы, длиной 14 м и шириной 8 м. Внутри него, в полутора метрах от следа дерева, вдоль стен сохранились ямки от столбов, диаметром 15—18 см, глубиной 15—25 см. Помещение разделено перегородкой на две половины, о чем свидетельствуют ямки от столбов, расположенные поперек его длинной оси. Вход в жилище находился на юго-восточной стороне. В северо-западной половине со-

оружения за перегородкой имелся центральный очаг. Он представляет собой округлую яму, вырытую в полу, размером с юго-востока на северо-восток 1,30×1,25 м, глубиной 18—20 см (рис. 124). Яма с внутренней стороны вы-

сти красного цвета с сизоватым оттенком. К востоку от очага вывалены четыре небольшие округлые ямы, заполненные золой. Одна из них выложена камнями, в ней обнаружены лопатка коровы, черепки и каменная терка. В

Рис. 124. Очаг жилища № 1 из поселения Суук-Булак.

ложена каменными плитами. На юго-восточной стороне очага на протяжении 25 см камней не было. Очевидно, с этой стороны топили и выгребали золу. Камни очага, видимо, сильно прокалены:

другой яме нашли фрагмент сосуда с сильно отогнутым наружу венчиком и шарообразным туловом. Третья, расположенная к югу от очага, была заполнена золой и мелкими костями. При рас-

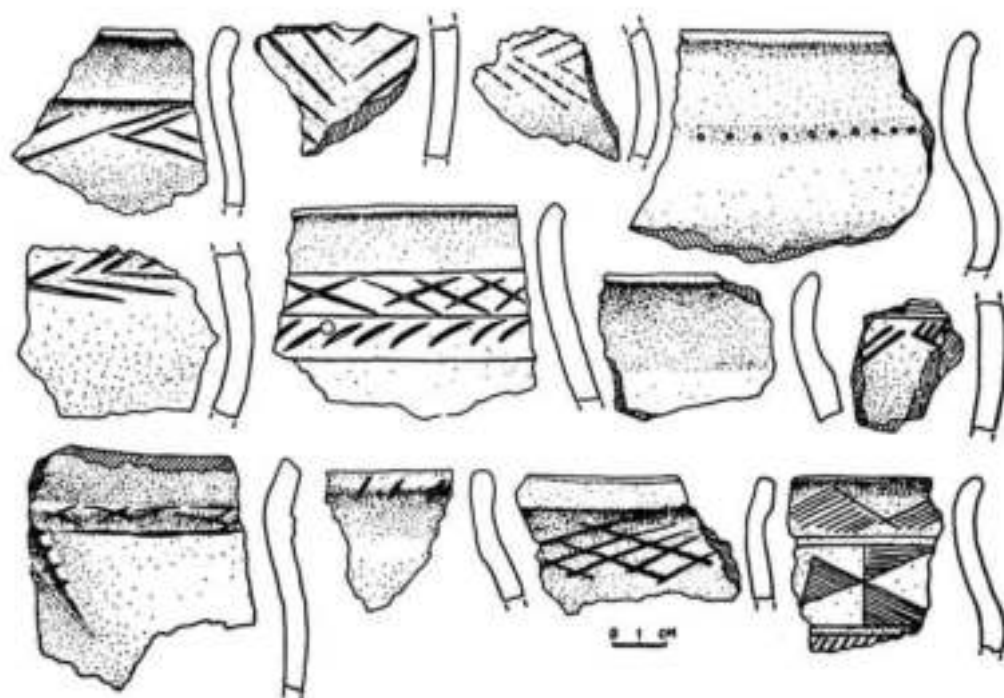

Табл. XLV. Керамика из жилища № 1 поселения Суук-Булак.

Табл. XLVI. Керамика из жилища № 1 поселения Суук-Булак.

Табл. XLVII. Каменные мотыги на поселении Суук-Булак.

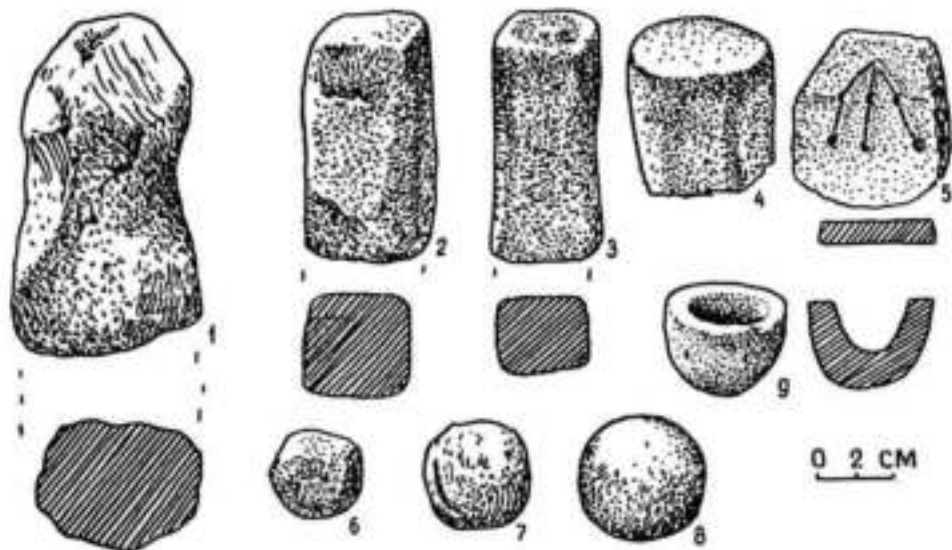

Табл. XLVIII. Каменные орудия из жилищ № 1 и 2 поселения Суук-Булак: 1 — мотыга, 2, 3 — молотки, 4 — обломок песта, 5 — литейная форма, 6—8 — терки, 9 — поделка из камня — «ляйчок».

чистке в ней найден обломок каменного песта. Северо-западнее центрального очага раскопана продолговатая яма (43 × 18 см). Местами она сильно прокалена и имеет красно-кирпичный цвет.

В юго-западной части жилища, у предполагаемой перегородки, находился очаг овальной формы, размером: длина — 2 м, ширина в средней части — 60 см. Он содержал золу, угольки и небольшие камни. Кроме того, в нем обнаружены обугленные рога архара и каблукообразный камень (табл. XXXIII). Одна сторона камня сильно заглажена и имеет небольшое углубление.

У юго-западной стенки жилища находилась еще одна продолговатая яма (1,95 × 0,90 м), заполненная золотой землей. При ее расчистке найден рог оленя, сильно пострадавший от огня. У основания рога имеются нарезки. Возможно, рога использовались во время совершения какого-то обряда.

На территории жилища кроме многочисленных фрагментов керамики (табл. XLV—XLVI) и костных остатков обнаружены изделия из камня и кости. Из орудий земледелия найдены каменные мотыги (5 шт.) (табл. XLVII), известные в поселениях поздней бронзы Казахстана²³, и обломки куранта. Никаких бронзовых орудий труда не встречено.

На поселении собран целый комплекс предметов, связанных с обработкой металла. К ним относятся каменные молотки (3 шт.), обломок песта, терки шаровидной формы (4 шт.). Особый интерес представляет плоский камень, на одной стороне которого вырезана неглубокая трехпалая матрица, посередине каждого ответвления и на концах его имеются ячейки полушаровидной формы. Такая матрица могла быть использована в качестве твердой основы, на которой вдавливалась тонкая металлическая пластинка с выпукло-вогнутым орнаментом (табл. XLVIII). Подобные матрицы известны в Алексеевском поселении²⁴ и Бугулы I.

²³ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 242, табл. XLIX, 2, 3.

²⁴ О. А. Крицкова-Грахова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 116, рис. 42.

С металлургическим производством, возможно, связаны две каменные поделки неизвестного назначения. Одна из них — в виде полого полушара, другая — подпрямоугольной формы, напоминающей миниатюрное корытце.

Наличие железной руды и шлака внутри жилища и у входа говорит о том, что насельники Суук-Булакского поселения уже были знакомы с плавкой железной руды.

При спектральном анализе суукбулакской руды установлено, что она по своему составу совпадает с железной рудой месторождения Тогай I, расположенного в 48 км к юго-востоку от Суук-Булака (см. приложение 3). Кроме орудий труда в жилище найдены каменные пряслица с отверстием посередине, ложила и костяные трепала.

Жилище № 2 расположено в центре террасы, в юго-западной части нераспаханного участка, в 100 м к северу от речки и в 150 м к юго-западу от жилища № 1. На поверхности земли видна слабая западина длиной 8 м, шириной 4—4,5 м (рис. 125). При раскопках под дерновым слоем подалась керамика и кости животных. Толщина культурного слоя в жилище — 20—25 см. На полу жилища заметны следы от столбов в виде темных округлых пятен диаметром от 20 до 40 см, глубиной от 15 до 40 см. Судя по ямкам, жилище имело в основании подпрямоугольную форму. Вход в жилище, по всей вероятности, был расположен с юго-восточной стороны. В северо-восточной части жилища выявлена яма диаметром 34 см, глубиной 7 см, заполненная сажистой землей. В ней найдены лопаточная кость барана, обломки ребер крупного рогатого скота. В восточной части жилища подняты челюсть барана и бабка лошади. Здесь же обнаружена яма диаметром 36 см, глубиной 12 см, заполненная золой черного цвета. В ней лежали прокаленные камни, покрытые сажей, и ребро барана.

В юго-восточной части жилища, на глубине 34 см от дневной поверхности, найден череп человека без нижней челюсти. Около черепа, с юго-восточной стороны, валялись обломки глиняного сосуда со

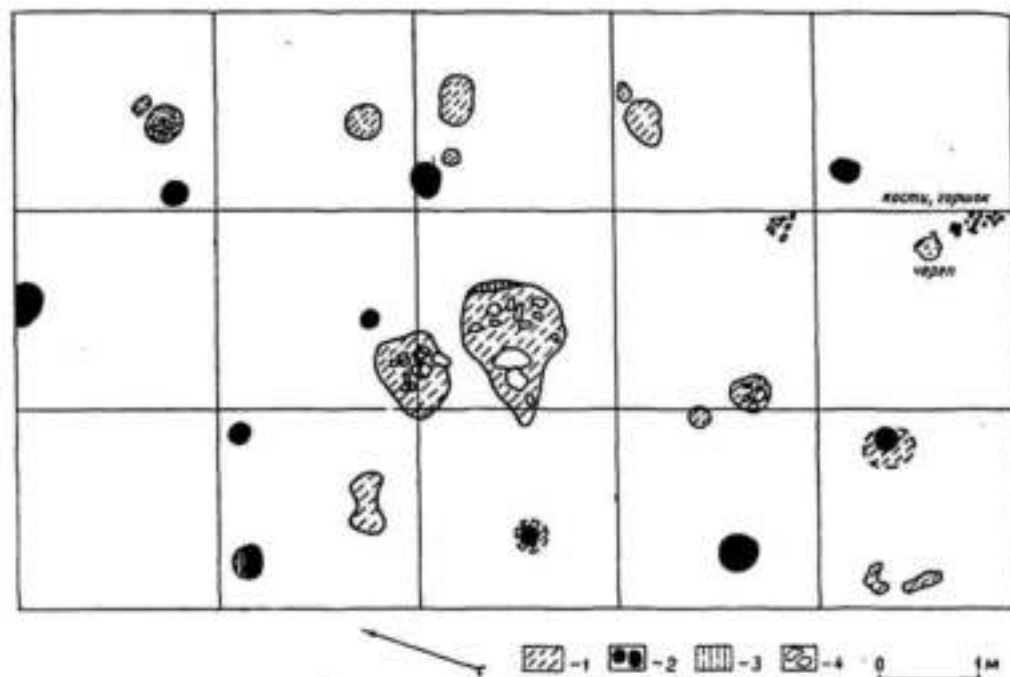

Рис. 125. План жилища № 2 поселения Суук-Булак: 1 — зола, 2 — ямы от столбов, 3 — продольная балка, 4 — камни.

слегка отогнутым наружу и закругленным венчиком. На грани тулова и шейки горшка имелся веревковидный валик, который был украшен цепочкой крестиков. Концы валика были загнуты в обратную сторону в виде крючков. Горшок с таким орнаментом найден в Алексеевском поселении, в землянке № 1²⁵. Подобного рода сосуд известен и из Трушиновского поселения Восточного Казахстана²⁶. Горшки такой формы и с таким орнаментом венчика встречались в Садчиковском поселении²⁷.

В центральной части жилища, на глубине 30 см от дневной поверхности, выявлено два очага из камней. Размер пер-

вого — 1,1×1 м, второго — 90×80 см. Земля с северо-восточного края большого очага сильно прокалена. Камни очагов также сильно закопчены. В северо-западном углу жилища проступало темное злистое пятно диаметром около 40 см. При расчистке обнаружены две ямы. Диаметр первой — 18 см, второй — 20 см, глубина соответственно — 10 и 18 см.

В северо-западном конце жилища выявлена яма диаметром 40 см, глубиной 20 см. Возможно, когда-то здесь был вырыт один из центральных столбов. Другой такой столб, очевидно, стоял в южной части жилища, так как там обнаружена яма диаметром 22 см, глубиной 41 см. Вполне вероятно, что на этих столбах покоилась продольная балка, державшая перекрытие из жердей, хвороста и соломы, засыпанных землей. Подобные крыши характерны для казахских построек и позднего времени.

²⁵ Там же, стр. 138, рис. 61.

²⁶ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 251, табл. LVIII, 4.

²⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. «МНА», 1951, № 31, стр. 173, рис. 15; стр. 174, рис. 23, 5; стр. 179, рис. 8.

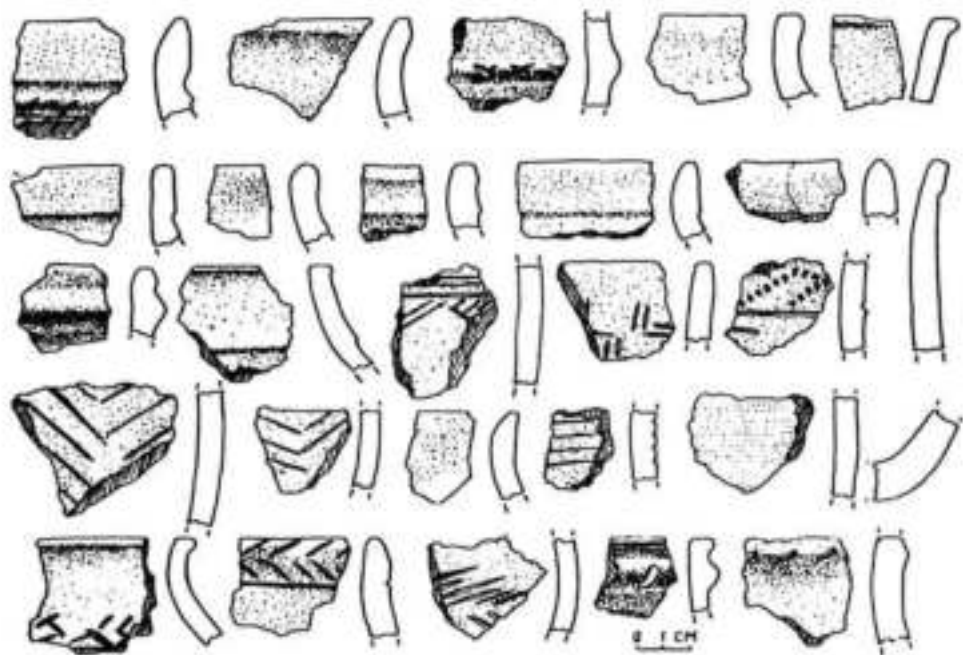

Табл. XLIX. Керамика из жилища № 2 поселения Суук-Булак.

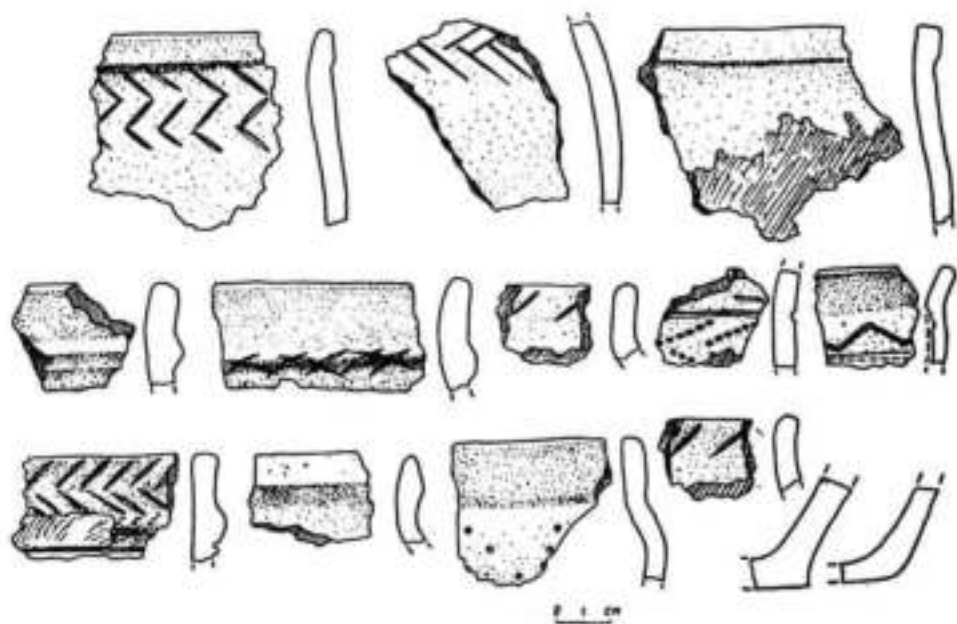

Табл. L. Керамика из жилища № 2 поселения Суук-Булак.

В хозяйстве насельников Суук-Булакского поселения немаловажное значение имело разведение домашних животных — прежде всего овец, затем крупного рогатого скота и лошадей. Полное представление о составе стада поселения

Наиболее часто встречаются сосуды из грубого теста с округлым, шарообразным туловом, короткой шейкой и слегка отогнутым венчиком, орнаментированные налепным валиком, покрытым узором из косых крестиков или нарезов.

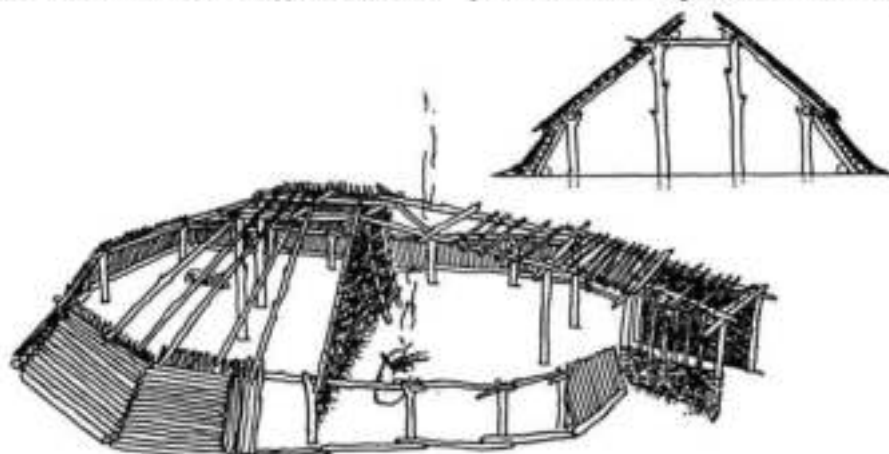

Рис. 126. Реконструкция жилища № 1 из поселения Суук-Булак.

дает подсчет костей животных. На поселении собраны 483 кости овцы (в том числе коз), 382 — крупного рогатого скота и 275 — лошади*.

Преобладание в стаде овец (и, может быть, коз) дает основание предполагать, что у племен этого поселения была развита являжная форма скотоводства.

Многочисленная керамика, найденная на поселении, идентична керамике других поселений Центрального Казахстана и относится к культуре поздней бронзы, синхронной Бегазы-Дандыбау.

Следует отметить, что сосудов баночной формы на поселении почти нет (найден всего один черепок, орнаментированный косой насечкой). Собрано много фрагментов неорнаментированных сосудов. Все это говорит о том, что древнее общество времен поселения Суук-Булак было уже на путях перехода к раннекочевническим формам хозяйства и быта. Описание жилищ мы дополняем предположительной реконструкцией жилища № 1 Суук-Булакского поселения (рис. 126).

§ 2. КЕРАМИКА С ПОСЕЛЕНИИ

Проанализировав керамический материал с поселений Центрального Казахстана, можно заметить его близкое сходство по технике изготовления, по форме

и орнаменту с керамикой поселений Алексеевского²⁸, Замараевского²⁹, Труш-

* Анализ остеологического материала сделала В. Кожамкуловой — научным сотрудником Института зоологии Академии наук Казахской ССР.

²⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 133—138, рис. 55—61; стр. 140, рис. 63—64; ее же. Садчиковское поселение, стр. 166, рис. 12; стр. 163, рис. 13; стр. 169, рис. 18; стр. 173, рис. 22; стр. 174, рис. 23, 4—11; стр. 179, рис. 28.

²⁹ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. «МНА», 1951, № 21, стр. 116, 117, рис. 7, 9; стр. 133—134, рис. 18, 19.

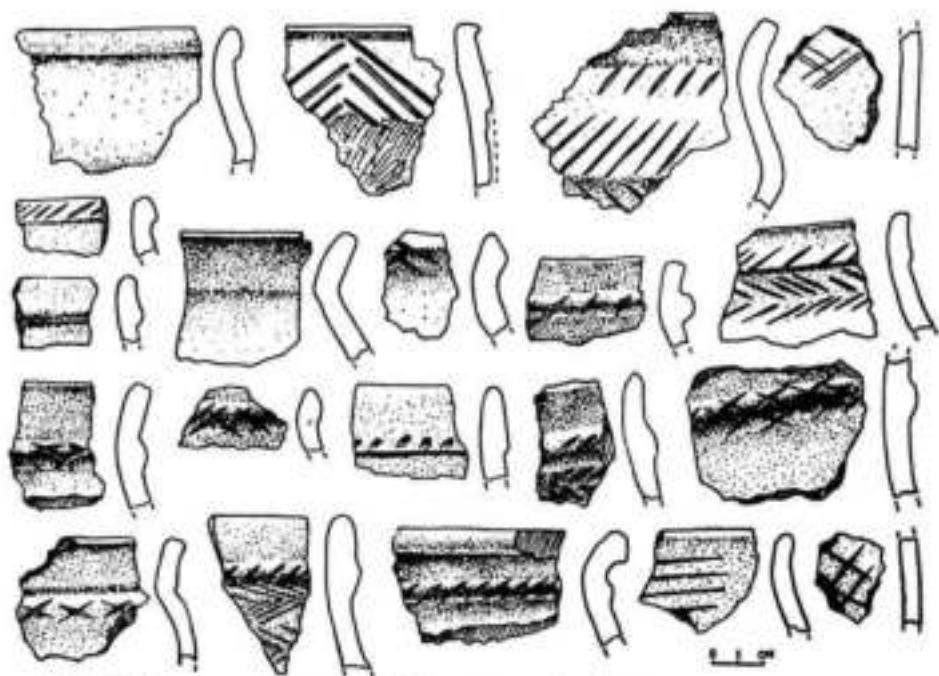

Табл. LI. Керамика из жилища № 1 поселения Суук-Булак.

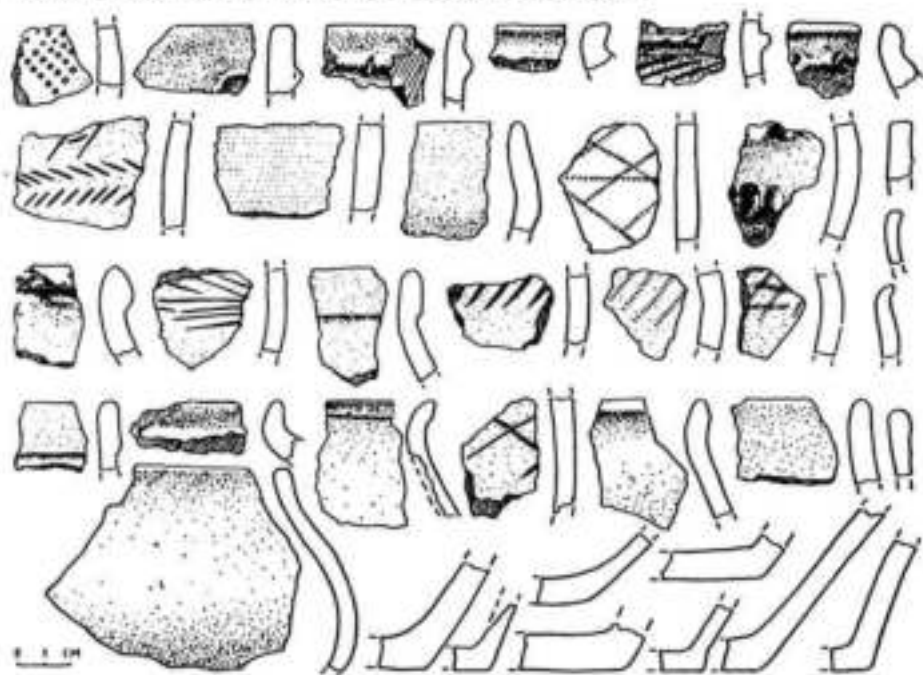

Табл. LII. Керамика из жилища № 1 поселения Суук-Булак.

никовского, Мало-Красноярского³⁰ и замараевской культуры Северного Казахстана³¹.

По форме преобладают сосуды с сильно выпуклыми стенками, суживающимися к горлу, короткой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Техника изготовления их — ручная лепка, ленточным способом. Только один раз в Каркаралинском поселении был найден фрагмент сосуда с отпечатками ткани на внутренней поверхности, изготовленного на матерчатом шаблоне. Тесто сосудов — в основном глина с примесью песка, слюды и шамота. На горшках преобладает резной орнамент. Часто встречается и желобчатый, в виде ряда из трех или четырех параллельных желобков. Обычно он располагается на шейке сосуда до плечиков и является его единственным украшением. В некоторых случаях желобки композиционно обрамляют узор из ямочек различной формы или сочетаются с узором из вертикальных или горизонтальных зигзагов.

Сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом, попадаются редко (всего

пять находок). Чаще всего их узор состоит из вертикальных или горизонтальных зигзагов, покрывающих все тулово. Типичный для орнаментики эпохи ранней бронзы рисунок из косых треугольников и меандра зарегистрирован лишь на пяти горшках. Часто встречаются сосуды с сильно выпуклым туловом, короткой шейкой, с налезным валиком, украшенным резным узором из косых насечек, крестиков или елочки.

Анализ всех материалов, в основном керамики, дает основание датировать поселение Центрального Казахстана I тысячелетием до нашей эры, т. е. отнести к позднему этапу эпохи бронзы, так называемой замараевской культуре.

Можно утверждать, что насельники Каркаралинского и Суук-Булакского поселений находились на стадии перехода в следующую историческую эпоху, эпоху железа. Об этом свидетельствует наличие железной руды и шлака в этих поселениях, хотя предметов из железа не найдено.

Это подтверждает остеологический материал, в котором преобладают кости овец и крупного рогатого скота, что характерно для эпохи ранних кочевников.

Кроме того, в керамическом материале поселений имеются фрагменты гладких, неорнаментированных сосудов, формой напоминающих керамику ранних кочевников.

³⁰ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 236, табл. XLI; стр. 237, табл. XLII, 3; стр. 248, табл. LXII, 1—4; стр. 252, табл. LIX; стр. 253, табл. LX, 1—7; А. Г. Макеимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана, табл. XVI—XIX.

³¹ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 294, табл. XII.

ХОЗЯЙСТВО И БЫТ ПЛЕМЕН ЭПОХИ БРОНЗЫ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

§ 1. ХОЗЯЙСТВО

Переход к одомашниванию диких животных был подготовлен всем ходом прогрессивного исторического развития древнего общества. Немалую роль в этом сыграли знания повадок и особенностей животных, приобретенные в процессе многовековой охоты.

Суровая борьба за существование, потребность иметь под рукой, около своего жилища, постоянные средства жизни, не зависящие от охоты или рыбной ловли, явились главной причиной приручения диких животных.

Вероятно, этот процесс начался на каком-то этапе исторического развития более или менее одновременно во всей степной полосе.

На территории Казахстана первые находки костей домашних животных относятся к энеолитической культуре. Мы имеем в виду сборы специалистов на дюнных стоянках Джеты-Конура, Джезказгана, Кустаная, Кзыл-Орды и Малых Барсуков. Причем на стоянке Саксаульской, около Кыл-Орды, выявлен значительный культурный слой, что свидетельствовало о долгом пребывании населения на одном месте.

На этих стоянках были обнаружены кости домашней коровы, лошади, овцы и, вероятно, козы. Однако большой процент костей диких животных в этих сбо-

рах говорит еще о значительной роли охоты в хозяйстве¹.

Надо предполагать, что на первом этапе приручения количество домашних животных было невелико и скотоводство не могло удовлетворить потребности общества. По-видимому, доить коров и готовить из молока продукты питания люди еще не умели и скот содержали лишь как запас мяса.

На этих же стоянках найдены глиняные напрасла и черепки глиняных сосудов с отпечатками ткани на внутренней поверхности, подтверждающие, что впоследствии скот разводили не только для того, чтобы потреблять мясо и молоко животных, но и получать шерсть для изготовления тканей.

В степной полосе земледелие «ручьевого» типа возникает, вероятно, одновременно с приручением животных, чему способствовал многовековой опыт собирательства. Однако большого значения в хозяйстве оно пока еще не имело.

В эпоху бронзы повсеместно, в том числе и в Центральном Казахстане, сложилось продуктивное скотоводство. Хозяйство этого периода можно рассматривать

¹ А. А. Формозов. Новые материалы о стоянках с мезолитическим инвентарем в Казахстане. «КСИММК», 1950, XXXI; его же. К вопросу о происхождении видроновской культуры. «КСИММК», 1951, XXXIX.

как оседлое, скотоводческо-земледельческое. Мы располагаем достаточным остеологическим материалом как с поселений, так и из могильников, чтобы охарактеризовать экономическую основу общества.

На ранних этапах развития эпохи бронзы основным продуктивным животным была корова, что подтверждается материалами с поселений Центрального Казахстана (приложение 3), а также с Алексеевского², Липичева хутора³, Кипельского селища⁴ и дер. Шляпово на Оби⁵.

В могильниках Центрального Казахстана, относящихся к раннему периоду эпохи бронзы, обнаружены преимущественно кости лошади, значительно меньше костей овцы и совершенно нет костей коровы. Однако это не означает, что на нуринском этапе андроновской культуры Центрального Казахстана корова еще не была одомашнена. Надо учитывать, что корова, являясь основным молочным животным, никогда не была как в древности, так и позднее у кочевых народов мясным и жертвенным животным. Корову резали в крайних случаях, либо при получении физических повреждений, либо при яловости. Кроме того, уход за коровой был более труден, чем за другими животными, особенно зимой, так как она нуждалась в стойловом содержании.

В синхронных Вугулы I могильниках Приуралья погребения также сопровождаются преимущественно кости лошади и овцы⁶. Преобладающее количество этих костей найдено и в могильниках Быкылдак I, II, III и, особенно, на Атасуском поселении.

² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», т. XVII, 1948.

³ М. П. Гризнов. Землянки бронзового века близ хут. Липичева на Дону. «КСИМК», 1953, I, стр. 142.

⁴ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. «МПА», 1952, № 24.

⁵ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. «МИА», 1953, № 35.

⁶ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. «МИА», 1951, № 21.

Все это свидетельствует о существовании в андроновское время определенной закономерности в разведении животных, по крайней мере на территории Центрального Казахстана, родине древнейшего скотоводства.

Количество скота, вероятно, было небольшое. Из года в год поддерживался не только постоянный состав, но и определенное поголовье всех трех основных видов животных.

Ежегодный приплод предназначался для заготовки мяса на зиму. Безусловно, часть молодняка оставалась в стаде, резали же соответствующее количество престарелых животных. Такая закономерность разведения скота диктовалась возможностями общества, ибо низкий уровень развития производительных сил не позволял организовать более высокую форму хозяйства.

Хотя подобным образом поступали и с крупным рогатым скотом, однако кости его очень редко попадали в могилы (Карабие), а оставались на местах поселений. В эпоху бронзы корова не была жертвенным животным. Им являлись лошадь и овца. Часть туши этих животных (ребра, лопатки, голова) опускали в могилу вместе с умершим как необходимую ему пищу. Это и фиксируют в раскопанных курганах и оградах.

Итак, несмотря на примитивность древнего общества, уже на нуринском этапе эпохи бронзы Центрального Казахстана началось первое крупное разделение труда — выделение пастушеских племен. Первые пастушеские племена были оседлыми и в основном занимались скотоводством. Значительную роль в их хозяйстве играло возделывание земли в небольших поймах степных рек.

Природные условия района, которые уже тогда были примерно такими же, как и в настоящее время, позволяют предположить, что земледелие в течение всего периода эпохи бронзы имело второстепенное значение. Поэтому продукты растительного происхождения были не основной пищей, а добавочной к мясу и молоку.

Для Центрального Казахстана нуринского периода эпохи бронзы не известны

находки земледельческих орудий. Племена этого времени, возможно, еще не знали сельскохозяйственных орудий и обрабатывали землю простейшим способом — заостренной палкой. Конечно, земля, обработанная так примитивно, давала урожай, которым нельзя было обеспечить потребности членов рода в пище.

Позднее, на атасуском и бегазы-дандыбаевском этапах, появляются более совершенные земледельческие орудия — мотыги и серпы.

Каменные мотыги найдены в районе Джеккагаана, в местах дробления руды и древних отвалах пород. В большом количестве каменные мотыги обнаружены в Атасуском, Улутауском, Вугулинском, Каркаралинском и Суук-Булакском поселениях. Они употреблялись для различных земляных работ: рытья ям водосборов, арыков, котлованов под землянки и т. д. Очевидно, каменные мотыги были основным орудием обработки земли под посевы.

О существовании земледелия в древнем Центральном Казахстане свидетельствуют остатки растительной пищи, зафиксированные на стенках и дне горшков. Хотя выявленные остатки мы не подвергали специальному анализу, однако можно утверждать, что это была пища типа каши из неочищенного проса, пшеницы или ячменя.

Остатки такой пищи в виде густого нагара обнаружены в сосудах Былкылдака I, II, Вугулы II и Айшрака. По некоторым отличиям в инвентаре и по расположению могильников и поселений можно предполагать, что сосуды принадлежали различным племенам.

Об обжитости районов Центрального Казахстана, существовании здесь земледелия и оседлости в эпоху бронзы ярко свидетельствуют остатки многочисленных поселений и обширных погребальных полей (могильников), расположенных вблизи поселений.

За последнее десятилетие в Центральном Казахстане выявлено до 30 поселений, из них наиболее крупные Вугулы I, II, Шортанды-Булак, Атасуское и Тагабай-Булак.

Изучение Атасуского, Улутауского, Вугулинского и некоторых других поселений позволило получить представление об уровне развития земледелия. Основным орудием, которым обрабатывали землю, была каменная мотыга, сделанная так же грубо, как и другие мотыги из различных районов нашей страны. Все они — почти одного размера и имеют боковые выемки для привязывания к рукояти. Подобные мотыги известны в поселениях Кустаная и Восточного Казахстана⁷. В Алексеевском поселении каменные мотыги обнаружены вместе с зернотерками и курантами для растирания зерна. В Центральном Казахстане зернотерки найдены в Атасуском поселении и в андроновском жертвеннике Боксай, в верховьях р. Атасу. Бесспорным доказательством существования земледелия являются и остатки сожженной пшеницы, зафиксированные в жертвенном холме Алексеевского поселения⁸.

В самом конце эпохи бронзы появляются бронзовые и медные серпы. Изогнутостью лезвия они несколько не похожи на современные, без рукоятки и с тупым концом. Серпы такого типа выявлены в районе Степняка (Сев. Казахстан)⁹, в поселении Мало-Красноярка (Восточный Казахстан)¹⁰ и в Семиречье¹¹. Казахские серпы по своей форме близки серпам Нижнего Поволжья и, возможно, Кавказа.

Совершенно аналогичны казахским серпам уральские, обнаруженные в 1935 г. В. Н. Граковым при раскопке Каратугайского могильника.

Таким образом, литые в форме серпы были широко распространены по всему Казахстану.

⁷ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. «МИА», 1960, № 88, стр. 242, табл. IX, X.

⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение, стр. 73.

⁹ Государственный Эрмитаж, № КЗ-6.

¹⁰ С. С. Черников. Восточный Казахстан, стр. 44.

¹¹ См.: «Чуйская долина», «МИА», 1950, № 14, табл. XXXV, XXXVI.

С появлением более совершенных орудий было связано, вероятно, и некоторое увеличение посевных площадей.

Каменная и костяная мотыги по сравнению с заостренной палкой были, безусловно, более производительными орудиями. Ими можно было обрабатывать не только больше земли, но и значительно лучше.

Табл. LIII. Костяные орудия из поселений: 2 — Суук-Булака; 1, 4—6 — Карааралинского II; 3, 7, 8 — Вугулы II.

Поэтому не случайно, что все известные находки остатков пшеницы и растительной пищи относятся именно к этому времени. Однако земледелие все же оставалось примитивным и малозначимым в хозяйстве местных племен.

Постепенно скотоводство начинает играть все большую роль в жизни и хозяйстве древнего населения Центрального Казахстана. Выгоды от него, возрастающие с ростом поголовья и расширением пастбищ, заставляли осваивать все бо-

лее широкие просторы степей, вплоть до северных пределов пустыни Ветпак-Дала (комплексы в долине р. Атасу, Вельсар, Джеты-Колтур), и создавать специализированное хозяйство, приспособленное к местным природным условиям. Придомное пастушеское скотоводство постепенно перерастает в свою следующую фазу и принимает форму яйлажного скотоводства с небольшими переходами с одного пастбища на другое, а в эпоху поздней бронзы — форму кочевого скотоводства.

В это же время в южных районах земледелие продолжает развиваться. Этому способствовали местные природные условия. Они были более благоприятны для развития поливного земледелия, чем скотоводства. Надо полагать, что хозяйственное различие, существовавшее позднее между земледельческими и скотоводческими районами, определилось уже в бегазы-дандыбаевское время.

Так, например, в иных по природным условиям земледельческих районах Средней Азии синхронная бегазинской культура крашеной керамики типа Анау IV, Яз I—III дает глубоко своеобразный и отличный материал, что объясняется спецификой хозяйства, иным образом жизни. Это наиболее ярко проявилось в период ведения кочевого хозяйства.

На последнем этапе эпохи бронзы Центрального Казахстана, как уже говорилось, скотоводство становится основной отраслью в хозяйстве общества.

Вместе с усовершенствованием способов обработки земли происходит рост поголовья скота и изменяется его состав. Углубляется и затем завершается процесс выделения пастушеских племен. Люди к этому времени уже научились заготавливать пищу впрок.

На Кипельском поселении Зауралья найден фрагмент толстостенного сосуда со множеством круглых отверстий на стенках и дне¹². Такие сосуды применялись для переработки молочных продуктов, в частности для изготовления творо-

¹² К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 124.

га. Если обитатели Кительского селища, жившие оседло, умели перерабатывать молочные продукты, то, безусловно, и пастушеские племена к моменту перехода к кочеванию уже были знакомы с их приготовлением. Однако навыки по изготовлению непортящейся пищи и устройству жилищ, соответствующих образу жизни, местные племена приобретали и совершенствовались в течение многих веков. Этот процесс завершился уже у кочевых народов. В курганах скифского периода Алтая впервые обнаружен настоящий сыр. Общество Алтая назырынского времени уже вело кочевой образ жизни¹⁵.

В могильниках и поселениях атасуского и особенно бегазинского времени встречается больше костей всех видов животных, чем в более ранних. Причем на Атасуском поселении основная масса костей принадлежала лошади (40 шт.), овце (38 шт.) и корове (19 шт.). Интересно отметить, что в составе костных материалов было немало костей жеребенка. Это говорит о том, что жители Атасуского поселения хорошо разбирались во вкусовых качествах мяса. В комплексах Былмылдака преобладают кости лошади. В плиточных оградах Бегазы кости барана составляли 80 проц., лошади — 12 проц. и коровы — 8 проц.

Надо сказать, что состояние развития общества этого времени позволяло содержать больше скота, чем в нуринский этап культуры бронзы Центрального Казахстана.

Основными мясными животными в быту и при жертвенных обрядах были овца и лошадь. К тому времени лошадь была уже освоена под верховую езду. Коровы оставались основным молочным животным, хотя, надо полагать, доили и овец, и коз. О доении кобыл и приготовлении кумыса сведений пока нет.

Об увеличении поголовья и изменении видового состава стада говорят материалы как с поселений, так и из могильников. Несколько иная картина наблюдалась на Алексеевском поселении. Там

преобладали кости овец и коз, в равном количестве были кости лошади и крупного рогатого скота.

В атасуский этап эпохи бронзы Центрального Казахстана произошло одомашнение дикого верблюда. При раскопке одной из оград Аксу-Аюлы II был обнаружен целый ислевший костяк верблюжонка. О приручении верблюда в это время свидетельствуют также остатки отдельных костей, выявленные на Алексеевском поселении¹⁶. Два полных костяка верблюда были найдены в Закавказье, но в кургане более позднего времени. Кости домашнего верблюда зафиксированы и на городище Каунчитепе I, датированном II—I вв. до н. э.¹⁷ Переход древних племен к продуктивному скотоводству был прогрессивным и важным явлением и сыграл большую роль в историческом развитии.

Скот на первых порах появления, как новое «средство труда»¹⁸, как мощное орудие производства, давал пастушеским племенам большие преимущества в производстве материальных благ. Скотоводческие племена стали употреблять не только мясо, сало, молоко, но и начали обрабатывать шкуру, шерсть, пух, изготавливать пряжу и ткани.

Таким образом, одним из следствий перехода к скотоводству явилось развитие домашнего ткацкого ремесла, начало которому было положено еще в нуринское время. О дальнейшем развитии ткачества говорят многочисленные находки каменных и костяных пряслиц от веретена в поселениях и могильниках Центрального Казахстана (Айшпрак, Атасу), в поселениях и погребениях соседних территорий (Жанай, Алексеевское и др.).

Кроме того, известно значительное количество сосудов или их фрагментов с отпечатками ткани на внутренней поверхности (Атасу, Алакуль и др.). И, наконец, в поселении срубной культуры юга

¹⁶ О. А. Кришова-Гракова. Алексеевское поселение, стр. 101.

¹⁷ Г. В. Григорьев. Кавказская степь в археологическом отношении. «Известия АН КазССР», серия археология, 1948, вып. 1, стр. 48.

¹⁸ К. Маркс. Капитал, т. 1, 1949, стр. 185.

России, у Ляпичева хутора, найден набор из 7 костяных спиц. На спицах заметны следы от натянутых на них тонких ниток¹⁷. Несомненно, костяные спицы были частью примитивного ткацкого приспособления — предка ткацкого станка. По-видимому, устройством оно мало чем отличалось от казахских ткацких станков (ормек), на которых и в настоящее время ткют ковровые дорожки, пестрые половики (баскур, бау, алаша).

Таким образом, во всех степных районах Казахстана после одомашнивания основных видов животных начало очень интенсивно развиваться скотоводство, оно стало ведущей отраслью хозяйства. Развитие его привело к накоплению излишков продуктов, к дальнейшему развитию и расширению обмена и, в конечном счете, к накоплению богатства и появлению частной собственности.

Уже в настоящее время собран огромный материал, характеризующий все стадии развития культуры эпохи бронзы во всех локальных районах ее распространения. На наш взгляд, этот материал показывает, что хозяйство андроновских племен в своем развитии прошло три формы скотоводства: придомное пастушеское, ийлажное и кочевое.

Это поступательное развитие хозяйства явилось основной причиной изменения материальной культуры андроновских племен на разных этапах ее эволюции — от нурийского до бегазы-дандыбаевской культуры.

На всей огромной территории распространения культуры андроновских племен общество развивалось неравномерно. По-видимому, несколько впереди шли племена Енисея и Оби и Центрального Казахстана. Известно, что культура андроновских племен только в этих двух районах достигла своей высшей ступени — карасукской и бегазы-дандыбаевской.

Подробная характеристика этих культур не входит в нашу задачу. Однако необходимо отметить, что памятники ка-

расукской и дандыбай-бегазынской культур настолько своеобразны, что сейчас уже почти ни у кого не вызывает сомнения правильность отнесения их к новой, отличной от андроновской, культуре. Коренное изменение культуры могло произойти только в результате резкой смены экономической основы общества, перехода к кочевому скотоводческому хозяйству. В Центральном Казахстане этот процесс произошел в X—IX вв. до н. э., поэтому бегазы-дандыбаевская культура — это культура кочевых андроновских племен. Появление именно в этот период новых специфических форм сосудов: узкогорлых с раздутым туловом (могилиник Сангру), шаровидных с выпуклым (круглым) дном (Бегазы, Дандыбай, Сангру, Айдарлы) свидетельствует о приспособлении населения к кочевому образу жизни. В это же время возникают новые формы бронзовых ножей и кинжалов (Степняк, Бегазы) и новые типы наконечников стрел — итульчатые с шипом (Бегазы, 2) и черешковые трехперье (Бегазы, Аленаул), получившие широкое распространение в скифо-сакское время, что, по-видимому, говорит о возросшей необходимости вооруженной охраны стад во время передвижения (перекочевков).

Нельзя утверждать, конечно, что все население в этот период сразу же перешло к кочевому образу жизни. Кочевали в первую очередь члены общества, владевшие значительным количеством скота, — крупные семейные общины, иногда целое племя. Вожди этих племен и старейшины общин, по-видимому, захоронены в таких памятниках, как Дандыбай, Бегазы, Сангру. Погребения рядовых кочевников-андроновцев, исследованные в могильнике Бугулы, гораздо проще и беднее, хотя и в них мы находим типичную посуду карасукского типа.

В других районах Казахстана (Западном, Северном и Восточном), как справедливо отмечают О. А. Кривцова-Гракова, С. С. Черников и другие, андроновская культура доживает до IX—VIII вв., и переход к кочевому скотоводческому

¹⁷ М. П. Грязнов. *Землики бронзового века*, стр. 142.

хозяйству происходит на ее последнем, замараевском этапе, что подтверждают находки среди посуды замараевского типа экземпляров, похожих по форме и

орнаменту на савроматские сосуды, а также общее изменение всей андроновской культуры на ее последнем этапе.

§ 2. БЫТ

Быт и культуру Центрального Казахстана эпохи бронзы лучше всего характеризует материал с поселений. Хотя исследования их только начались, но уже можно говорить о форме и размерах жилищ, технике строительства, планировке и т. д.

Имеется несколько реконструкций жилищ эпохи бронзы, но наиболее удачные и близкие к истине это реконструкции К. В. Сальникова и М. П. Грязнова¹⁸. Полуземлянки, по М. П. Грязнову, представляли собой низкие жилища площадью 120—150 м². Они наполовину выступали над поверхностью земли и сверху были покрыты округлой крышей. Высоту жилищу придавал идущий на сужение сруб из бревен. В разрезе они имели форму усеченной пирамиды. Крыша и стены были утеплены толстым слоем утрамбованной земли. Такое жилище надежно защищало людей от зимней стужи, ветров и спасало от осенних дождей.

Подобные примитивные жилища, видимо, характерны для степных районов, где не было строевого леса. Липичевская конструкция полуземлянок позволяла использовать для сооружения жилища местную древесину — стволы лоха (джиды).

В реконструкции К. В. Сальникова убедительна конструкция стен, обложенных плахами или большими гранитными плитами, а также расположение центральных опорных столбов, на которых покоилось перекрытие. Форма крыши, возможно, была другой. О перекрытии жилища можно судить по конструкции погребальных сооружений типа Аксу-Аюлы (курган 3), Дандыбай (курган 11), Бугулы III (курган 1), Ортау II

(курганы 1—3). Перекрытие в них сделано в виде сруба или пирамидально-ступенчатого сооружения из плит.

Характерно, что в древности человек использовал для своих нужд только местный материал и со временем в использовании его достиг совершенства. Поэтому не случайно, что на исследуемой территории для сооружения жилищ одновременно с древесиной употреблялся и камень. Прямоугольные плиты гранита применялись как для сооружения погребальных оград и ящиков, так и для облицовки стен землянок (поселения Атасу, Бугулы, I, II и Акбаур)¹⁹. Племена Центрального Казахстана накопили значительный опыт строительства из камня. Они использовали его для устройства цист (Бугулы I, Акшатау). Им были известны обработка плит, скрепление их глиной (Бегазы, Бугулы, I, III, Акшатау, Дандыбай).

Приемы использования камня были достижением не одного района, а всей области расселения племен древнего Центрального Казахстана, что говорит о твердо установившихся традициях употребления камня для строительных нужд.

Вместе с развитием хозяйства усложняются и бытовые условия, растут потребности общества. На ранних этапах развития племен эпохи бронзы появляются первые признаки деления посуды по назначению, ее бытовому употреблению. При осмотре некоторых сосудов оказалось, что стенки их сильно закопчены, дно основательно прогорело и в наломе имеет кирпичный цвет. Они почти всегда отличаются грубостью изготовления и простотой орнамента. Эта

¹⁸ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья, стр. 106—109. М. П. Грязнов. Землянки бронзового века, стр. 145.

¹⁹ А. Х. Маргулан. Архитектурные памятники в долине реки Кенгир. «Вестник АН КазССР», 1947, № 11.

посуда была предназначена для варки пищи и потому лишена изыска.

Напротив, другой вид сосудов выделяется законченностью форм, аккуратностью изготовления и имеет красивый ковровый орнамент. Такая посуда очень редко носит следы употребления надгробия. На дне ее встречаются остатки растительной или молочной пищи (Былылдак, Айшрак), кости барана — остатки мясной пищи (Карасай I). Эти сосуды использовали в основном для принятия пищи.

Третий вид посуды выделен О. А. Кривцовой-Граковой на Алексеевском поселении, его назначение — хранение запаса продуктов. В этом убеждает большая емкость подобных сосудов.

Усложнение быта особенно заметно на бегазы-дандыбаевском этапе. Меняются способ сооружения могил, техника изготовления керамических изделий, их форма и орнамент.

Кроме отмеченных видов посуды появляются другие, не известные до сих пор сосуды в виде кубков (Дандыбай), чаш (Бегазы) и миниатюрных горшков неизвестного назначения.

Посуда, вероятно, подразделяется уже по роду пищи. Возможно, кубки и чаши служили для напитков вроде кумыса, айрана.

Бегазинская чаша по форме напоминает деревянные тостаганы, из которых казахи иногда и сейчас пьют кумыс.

Скотоводство давало не только продукты питания, но и сырье для шитья одежды и обуви. О развитии примитивного ткачества уже говорилось. В тот период племена знали также обработку кожи. Из домашней ткани они шили одежду, а из кожи — обувь. Вероятно, для шитья одежды также употреблялись и обработанная кожа, и меха. Это предположение подтверждается единичными находками остатков одежды и обуви в андроновских могилах других районов.

В 1914 г. при раскопке могилы у дер. Андроновы были найдены остатки шерстяной шапочки с наушниками. Шапочка была сделана из отдельных узких

полос, сшитых вместе²⁰. Полуистлевшие обрывки шерстяных изделий, окрашенных красной растительной краской, обнаружены и в погребении около улуса Орак. Здесь же собраны остатки кожаной обуви и нескольких шапочек. Можно предположить, что «на головах мужчины и женщины носили шерстяные и кожаные шапочки» с наушниками. «Верхняя одежда их... состояла также из шерстяных тканей, по всей вероятности двубортная, или имела разрез в верхней части (застегиваясь на одну пуговицу с левой стороны). На ногах носили кожаную обувь»²¹.

По множеству предметов украшения, найденных преимущественно в женских погребениях, можно судить об убранстве одежды женщины. Она носила в ушах большие серьги и спиральные кольца, обложенные листовым золотом (Бегазы, Айшрак), на шее — гривну (Алексеевское) или низку из бронзовых бус и пронизок (Бугулы I), украшала свои руки браслетами и перстнями.

Разрез одежды вокруг шеи обшивали стеклянным бисером (Айшрак), на грудь нашивали круглые бляхи (Былылдак, Жамбай-Карасу и др.).

Широко были распространены лапчатые, округлые и ромбические привески, иногда орнаментированные, и поясные обоймочки, изредка покрытые тонким листовым золотом.

Кроме того, как украшение и обереги употреблялись различного рода раковины и клыки хищных животных. Эти вещи встречаются во всех могильниках, что говорит об их широком употреблении. Они имеют просверленные отверстия, и некоторые из них окрашены красной краской.

Верхнюю часть обуви у мужчин и женщин украшали бронзовыми бусами, о чем свидетельствуют частые находки скипевшихся бусин вокруг голеностопного сустава. Вероятно, это была мягкая

²⁰ А. Я. Тугаринов. Андроновские могилы. «Сибирская живая старина», т. 1, 1926, стр. 153—156.

²¹ Г. П. Сосновский. Древнейшие шерстяные ткани Сибири. «ПИДО», 1934, № 2, стр. 95—96.

без каблучков обувь, шпата сухожильной драгвой. Бусы нанизывали на реме-

шок, который и стягивал обувь у щиколоток.

§ 3. ДОБЫЧА РУДЫ, ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА, КАМНЯ И КОСТИ

Большие масштабы древних разработок Центрального Казахстана постоянно привлекали внимание специалистов.

В трудах путешественников и ученых XVIII—XIX вв. И. П. Фалька, П. И. Рычкова, Антипова и других можно найти сведения о древнем горном деле в районах Джезказгана, Кыл-Эспе, Каркаралинских гор, Акштатау.

Позднее, после Октября, наши знания пополнились данными более конкретного характера, которые имеются в трудах советских ученых: академика К. И. Сатпаева²², В. А. Пазухина²³, Н. В. Валуйкинского²⁴, непосредственно исследовавших эти районы.

Начало археологическим исследованиям рудных разработок было положено раскопками Н. В. Валуйкинского в урочище Милекудук, в южной части Джезказгана. Раскоп, заложенный на площади 16 м², обнаружил три культурных слоя, насыщенных мелкодробленой медной рудой, фрагментами тиглей, древесным углем местного кустарника — таволги (тобылгы), обломками костей животных. На этой площади были вскрыты три плавильные печи²⁵. Но Н. В. Валуйкинский, к сожалению, не успел завершить начатую работу. Сейчас эти памятники частично разрушены, а имеющиеся материалы недостаточны для полного восстановления картины прошлого. Но все же можно сказать, что древние работы на медь в районе Джезказгана иг-

рали важную роль в развитии производительных сил общества. Геологические изыскания показывают, что добыча и плавка медных окисленных руд здесь достигала огромных размеров. Самые скромные подсчеты говорят, что в древнем Джезказгане было добыто «не менее 1 000 000 тонн богатых медных руд»²⁶. По данным К. И. Сатпаева, древние рудокопы добывали руду с содержанием меди свыше 10—12 проц.²⁷ Таким образом, можно установить, что количество выплавленной в Джезказгане в древности меди составляет примерно 100 000 тонн. Эти колоссальные показатели добытой руды и выплавленной меди делают Джезказган одним из мировых центров древней металлургии.

На древних выработках в Успенском руднике было собрано 200 000 тонн руды²⁸.

Большие размеры горных работ и огромное количество вынуженной руды позволяют утверждать, что медные месторождения Джезказгана эксплуатировались в продолжение многих веков.

Несомненно, начало добычи меди было положено еще в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют найденные в нижних культурных слоях некоторых рудных районов фрагменты андроновской керамики.

Следы древней разработки сохранились не во всех 16 исследованных пунктах Джезказгана. Это произошло, вероятно, потому, что средневековые рудокопы шли по выработкам рудокопов эпохи бронзы, совершенно разрушая ценные для нас памятники. По-видимому, отсут-

²² К. И. Сатпаев. О развитии цветной и черной металлургии в районе Карагадинского бассейна. «Народное хозяйство Казахстана», 1929, № 6—7.

²³ В. А. Пазухин. Металлургия в Киргизской степи. М. — Л., 1926.

²⁴ Н. В. Валуйкинский. Древнее производство меди в районе Джезказгана. «Известия АН КазССР», серия археологии, 1948, вып. 1.

²⁵ Н. В. Валуйкинский. Раскопки в урочище Милекудук в южной части рудника Джезказгана. «Известия АН КазССР», серия археологическая, 1950, вып. 2.

²⁶ К. И. Сатпаев. Доисторические памятники в Джезказганском районе. «Народное хозяйство Казахстана», 1941, № 1, стр. 69.

²⁷ Там же, стр. 69.

²⁸ К. И. Сатпаев. О развитии цветной и черной металлургии.

стане бронзовых горных орудий в районе объясняется этой же причиной. Металлургия поздних времен могли пускать их в переплавку.

Наши знания об использовании меди восходят к более древнему времени, чем развитый период эпохи бронзы. Редкие находки вещей из этого металла известны из стоянок, датируемых энеолитом. В эту эпоху люди использовали, видимо, исключительно самородную медь, свободно встречающуюся на поверхности. Вероятно, древние мастера «каменной индустрии» прекрасно разбирались в полезных качествах нужного им материала. Свойство плющиться, легко коваться, красивый цвет, блеск самородной меди все больше привлекали людей.

Редкость находок медных вещей в энеолите, изготовление из меди преимущественно мелких предметов свидетельствуют о том, что металла было мало и он высоко ценился. Вполне понятно. Случайно находимая самородная медь не могла получить широкого распространения в быту и хозяйстве.

Все ныне известные вещи энеолита сделаны путем холоднойковки. Это в основном шилья четырехгранного или круглого сечения (Долинское, Кара-ой, Сага, Кара-Томар)²⁹, наконечник стрелы (Камышлы-баш) или медная проволока и пластинка (Затобольское)³⁰.

Позднее, в эпоху бронзы, люди научились уже выплавлять металл из окисленных медных руд.

Древние рудокопы по местам находок самородной меди или по геологическим особенностям обнаруживали места залежи руды, закладывали выработки (разносы) и приступали к добыче. Разрабатывали лишь окисленную руду с богатым содержанием меди. О большом количестве меди в выбираемых рудах можно судить по отвалам пород, где содержание меди в руде составляет 5—7 проц. (Джезказган). Процент меди в измельченной руде, являющейся отходами обогащения, достигает 8—10³¹.

Низкий уровень общественно-экономического развития, примитивность горных орудий не позволяли полностью использовать жилу окисленной руды и производить разработку в больших масштабах. При глубине залегания нижней границы руды 50—60 м глубина старых выработок равнялась 6—10 м. Следовательно, древняя добыча охватывала одну пятую — одну десятую часть запасов руды.

Форма и метод выработки всецело зависели от условия залегания рудного тела. Поэтому древние выработки, которые велись даже на небольшом расстоянии друг от друга и в одно и то же время, зачастую были разной формы и размера.

Так, в рудном районе Петро древние разработки представлены ямой длиной 16—18 м, шириной 8—10 м при глубине 1,5—2 м. В районе Кресто, в пункте III — это дудка диаметром 6 м, глубиной 1,5 м; в пункте II длина выработки была 30 м, ширина — 10 м и глубина — 4 м. Следы древних работ имеются в рудных районах Златоуст, Беловский и др.³² Самая крупная выработка в Джезказгане достигает размера 750×750 м при глубине 6—8 м³³.

В зависимости от плотности руд применялись различные способы добычи. Рыхлые руды добывались простым «кайлованием» отбойниками и топорами, изготовленными из вязких третичных пород и кварцитов. Это был самый примитивный и самый распространенный способ добычи.

В древних выработках Джезказгана так же, как и в Западном Алтае³⁴ и других местах, употреблялся способ огневой проходки. Он применялся в плотных рудах, не поддающихся кайлованию. Руды, подлежащие добыче, накачивали с

²⁹ К. И. Сатпаев. Доисторические памятники, стр. 70.

³⁰ Здесь и дальше использованы неопубликованные материалы Н. В. Валуйского, хранящиеся в архиве ИИАЭ АН КазССР и в Джезказгане.

³¹ К. И. Сатпаев. Указ. работа, стр. 69.

³² С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, стр. 42—43.

²⁸ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант». «Известия ГАИМК», 1931, вып. 110, стр. 41.

²⁹ А. А. Фермозов. Указанные работы.

помощью костров, а затем быстро охлаждали водой. В результате резкой смены температуры рудное тело в забое давало трещины и становилось доступным для добычи.

Вместе с огневой проходкой здесь использовали также подбой, следы которого сохранились в районе Петро, Анненском, Златоусте. Под площадку, на которой залегал крупный рудный камень, рудокопы делали подкопы, после чего ударами кварцитового молота весом от 5 до 40 кг отбивали нависшую над подбоем руду. Иногда подбой достигал глубины 1,5 м и высоты 0,5 м.

Рудоразработка, как установили К. И. Сатпаев и Н. В. Валукинский, производилась в стороне от места выработки, обычно у протоков весенних вод или специальных ям — водосборов. Вода была необходима для «мокрого» обогащения — первичного отделения руды от породы путем промывания. Это облегчало и ускоряло работы.

Места рудоразработки, датируемые по найденным фрагментам сосудов эпохой бронзы, находятся на участках Крестоцентр, южнее Кресто, Златоуста, Беловского. В некоторых из них (Златоуст) сохранилась целая система ям, соединенных между собой и с протоками весенних вод арыками. Около каждой ямы имеется отвал пустой породы, диаметром 40 м и высотой до 2 м²⁵.

В районе непосредственной добычи происходило лишь обжигание и размельчение медной руды, при этом рудо-содержащие породы разрыхлялись и частично сгорала сера. Процесс обжигания совершался в Милекудуке, где самый древний культурный слой (III) состоит исключительно из мелкой обожженной руды, в которой попадаются фрагменты сосудов, характерные для бронзовой культуры Центрального Казахстана. Мелкодробленую руду сгребали деревянными лопатами или тазовой костью крупных животных и, по-видимому, в кожаных сумках переносили в места плавки. Кости животных, которые служили совками, в большом коли-

честве встречаются в пунктах рудоразработки (Соркудук, Милекудук) и древних выработках (Кресто). Они сильно изношены и пропитаны медной зеленью. От долгого употребления места, где бралась рудой, отполированы до блеска.

Плавку руды на медь производили на поселениях, о чем свидетельствуют остатки плавильных печей в таких поселениях древних рудокопов, как Джезказган и Милекудук, а также шлаки из Атасуского и Суук-Вулакского поселений. О развитии плавки руды говорят находки медной руды, шлака и слитков меди в могильниках Вылмылдак I, Вугулы I.

В Алексеевском поселении также обнаружены шлак медной руды, обломки тиглей, литейные формы. Это явно доказывает, что руду плавил непосредственно на стоянке²⁶. Это же самое подтверждают материалы из Западного Алтая²⁷.

На местах добычи, разборки и обжигания руды найдено значительное количество каменных и костяных орудий горного дела. Каменные орудия делались преимущественно из местного материала — кварцита. Наиболее характерные из них:

1. Массивное кайло с выемками по бокам для прикрепления к рукоятке. Рабочий край сильно изношен. Длина 30 см.
2. Кайло с одним заостренным концом и боковыми выемками для привязывания к рукоятке. Длина 25—27 см.
3. Мотыга с полукруглой рабочей частью, напоминающей лезвие кетмена, и поперечными выемками для привязывания к рукоятке. Длина 22 см. Употреблялась для земляных работ.
4. Массивный кварцитовый молот. Длина 29 см. Применялся для дробления руды после подбоя, а также для ломки крупных глыб породы.
5. Легкий молот четырехугольной формы с боковым поперечным выемом. Длина 13 см.

²⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение, стр. 105—106.

²⁷ С. С. Черников. Древняя металлургия, стр. 50—51.

²⁶ К. И. Сатпаев. Доместорические памятники, стр. 69.

6. Молот из рога сайги (марала?). Рабочая часть сильно сработана, носит следы ударов. Часть короткой рукоятки, где бралась рукой, отполирована до блеска. Молот пропитан окисью меди. Служил для дробления рыхлых пород.

7. Клин из рога сайги. На поверхности отчетливо видны следы ударов острым орудием, по-видимому, бронзовым топором. Тонкий конец рога отрублен четырьмя ударами топора по сторонам. Конец, по которому били молотом, разрушен.

8. Плоская ступа из песчаника. Длина 26 см. Встречаются более крупных размеров.

9. Рудодробилка в виде песта из песчаника. Длина 22 см.

10. Рудодробилка округлой формы. Диаметр 8 см. Ступа и рудодробилка употреблялись для измельчения обожженной руды.

Все каменные орудия, за редким исключением, сделаны очень грубо, обработка их в основном сводилась к созданию выемов для прикрепления к рукоятке. Необходимости в тщательной отделке орудий не было, так как они быстро выходили из строя. Аккуратной отделкой отличаются лишь два прямоугольных отшлифованных молота из кварцита.

Единственным известным орудием из металла является бронзовая четырехгранная кирка из района Байн-Аула³⁸.

Древние горные выработки кроме окрестностей Джезказгана встречаются и во многих других районах Центрального Казахстана. Но о них имеются весьма отрывочные данные, которые не позволяют судить ни о масштабах разработок, ни о времени добычи.

В археологической и геологической литературе мало сведений о древних работах на олово, хотя высокоразвитая культура эпохи бронзы в Центральном Казахстане наводит на мысль о существ-

вовании местной рудной базы. Сомнительно, чтобы адешиные племена полностью удовлетворяли свои потребности в олове путем привоза из далеких месторождений Западного Алтая.

В Центральном Казахстане олово встречается в горах Атасу и Улутая. Это незначительные по запасам, но богатые по содержанию месторождения³⁹. В горах Атасу имеются древние выработки на касситерит⁴⁰, но, к сожалению, они еще не исследованы.

Интересный и важный вопрос об источниках снабжения оловом территории, где открыта развитая бронзовая культура, требует новых тщательных исследований по выявлению древних выработок на оловянную руду.

Для ответа на этот вопрос нами были сделаны химические анализы бронзовых вещей, преимущественно предметов украшения, найденных в изучаемом районе. Химические анализы производились в лаборатории Института геологических наук Академии наук Казахской ССР под наблюдением Т. А. Сапатовой. Мы ставили своей задачей выяснить, какой металл, кроме меди, использовали для получения бронзы, поэтому определялись только три наиболее вероятных компонента (Sn, Zn, Pb).

Результаты анализа установили большой процент содержания олова в металлических изделиях, что видно из таблицы 1*.

Таблица 1

Во всех предметах олова, %	В украшениях олова, %	В кинжалах, наконечниках стрел, иглах, шильях олова, %
От 0,01 до 13,50	От 7,60 до 13,50	От 0,01 до 11,70
ср. 7,95	ср. 10,70	ср. 2,93
31	20	11

³⁸ Г. Б. Жилинский. Оловоносность Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1959.

⁴⁰ Там же, стр. 3, 38.

* Верхние цифры — наименьший и наибольший процент содержания олова, нижние — средний процент. Под чертой дано число анализов.

³⁹ Д. Н. Лев. К истории древнего горного дела. «Труды Института антропологии». Л., 1934.

Говоря о процентном содержании олова в сплавах Центрального Казахстана, надо учитывать еще и то обстоятельство, что пробы были взяты не с основного тела предмета, а соскоблены с окисленной поверхности, поэтому сумма металла везде намного ниже ста. Вполне вероятно, что пробы, взятые не с окисленных частей, дадут больший процент содержания олова.

Следует отметить, что в бронзе из Центрального Казахстана имеется цинк, тогда как в бронзах из других районов его нет⁴¹.

Результаты анализа убеждают нас в том, что племена исследуемого района имели свою базу снабжения оловом. По предварительным данным, наиболее вероятным местом добычи этого металла были горы Атасу. При химическом анализе бронзовые вещи из могильников, расположенных в районе Атасу, дали самое высокое содержание олова. Кроме того, основная масса обнаруженных в могилах бронзовых вещей относится к могильникам долины Атасу. Это, по-видимому, объясняется близостью месторождений меди (Джезказган) и олова (Атасу).

Племена Центрального Казахстана умели прекрасно изготавливать бронзовые вещи. Все известные изделия сделаны путемковки, литья, тиснения и чеканки. К литым предметам относится бронзовый кинжал листовидной формы (Былылдак I).

Лезвие и черенок отлитого в форме кинжала подправлены посредствомковки. По середине лезвия проходит продольный валик. Черенок приспособлен для насадки на рукоятку. Сохранившаяся длина кинжала — 15 см. Былылдакский кинжал своеобразной формы, но все же аналогичен известным листовидным кинжалам из М. Койтаса, Кожамбердынского могильника⁴² и других мест.

К литым изделиям относятся также наконечники стрел (11 экз.), найден-

ные в могильниках Айшрак, Бегазы и других.

Айшракские стрелы двуперые, лавролистной формы, среди них были три втульчатых и два черешковых наконечника. Черешки откованные и на поверхности имеют косые поперечные насечки, сделанные острым предметом, видимо, для прочного закрепления в древке. Наконечники стрел в могилах и поселениях эпохи бронзы встречаются редко, но все же уже собрана целая серия стрел из различных районов, что позволяет их сравнивать. Айшракские наконечники аналогичны двуперым втульчатым наконечникам стрел, найденным в Алексеевском поселении и у с. Васильчиково. Наиболее близки они двуперым наконечникам с поселения Мало-Красноярка.

Двуперые, листовидной формы наконечники стрел типа айшракских нужно считать характерными для атасуского этапа эпохи бронзы Казахстана. Правда, они встречаются и в могильниках более позднего времени, но изредка и в несколько видоизмененной форме — меньше размером (Дандыбай, 11)⁴³ и иногда с шипом у основания втулки (Бегазы)⁴⁴.

Для бегазы-дандыбаевского времени типична иная форма наконечников — трехперые, с длинным кованым черешком стрелы (Бегазы⁴⁵ и Алепаул)⁴⁶.

Широкое распространение подобные трехлопастные наконечники стрел получают в раннесакское время в Казахстане, Сибири и Монголии. Относительная датировка атасуских и дандыбай-бегазинских наконечников стрел не выходит из рамок существующей классификации бронзовых наконечников стрел Казахстана⁴⁷.

⁴¹ М. П. Гризнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. «СА», 1952, XVI, стр. 134, рис. 3.

⁴² Л. Р. Кыласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. «КСИИМК», 1950, XXXII.

⁴³ Там же.

⁴⁴ П. С. Рыков. Указ. работа.

⁴⁵ К. А. Акишев, Г. А. Кушнеев. Древняя культура сагов и усудей долины реки Ил. Алма-Ата, 1963, стр. 117.

⁴¹ С. С. Черников. К вопросу о составе древних бронз Казахстана. «СА», 1951, XV.

⁴² О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение, стр. 165, рис. 74.

К отлитым в форме вещей кроме биконических бус, которые встречаются во всех могильниках, необходимо отнести неорнаментированные зеркала круглой формы (диаметр 6,5 см) с небольшой

Наряду с литыми изделиями в могильниках найдены вещи, изготовленные посредствомковки. Это прежде всего четырехгранные шилья (Атасу, Бегазы), иглы, скрепки для починки посуды.

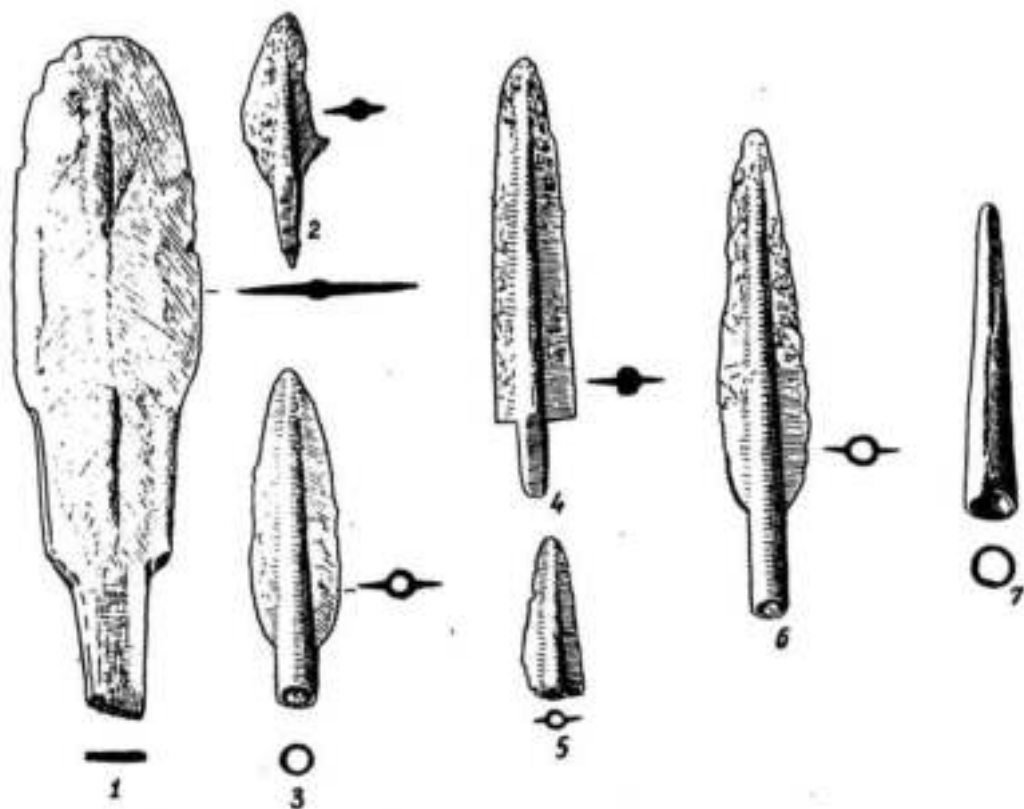

Табл. LIV. Бронзовое оружие из Центрального Казахстана: 1 — Выжмыдак I, 2—6 — Айшрак, 7 — Темир-Астау.

петлей посередине из Вугулы I. Подобные зеркала известны в Томском могильнике и из находок на р. Оби⁴⁸. Наиболее схоже бугулинское зеркало с зеркалом из с. Аскызского, которое тоже имело петлю⁴⁹.

⁴⁸ М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири. «МИА», 1952, № 24.

⁴⁹ С. А. Теплоухов. Древние погребения в Манусинском крае. Материалы по этнографии, 1927, т. III, вып. 2, стр. 96, табл. XI.

На Темир-Астау были найдены наконечник ступчатой стрелы, сделанный из листовой меди, и небольшой бронзовый вток. Медная пластинка сворачивалась на конус и ее поражающей части путемковки придавалась четырехгранная форма.

Остальные бронзовые изделия являются предметами украшения, сделанными посредствомковки, чеканки и тиснения.

Табл. LV. Бронзовые и золотые украшения андроновского времени из Центрального Казахстана: 1—6 — бронзовые обжимочки, 7 — обломок от украшения из бронзы с позолотой, 8, 9 — позолоченные височные кольца, 10 — бронзовая обжимочка с орнаментом, 11 — бронзовые бусы, 12—16 — бронзовые бляшки-нашивки, 17, 18 — бронзовые предметы с орнаментом, 19, 20 — бронзовые привески, 21, 22, 25—27 — бронзовые браслеты, 23 — бронзовая прошивка, 24 — бронзовая заколка, 28 — бронзовая игла, 29 — бронзовое шило, 30 — два завитка от очковидной привески.

Коваными были четыре целых и три в обломках выпукло-вогнутых браслета, концы которых завершались двумя спирально-коническими головками (Айшрак, Сангру II). Подобные браслеты характерны для западных районов андроновской культуры и имеют широкое распространение. Они встречаются в могильниках Тобола⁵⁰, Уралсае⁵¹, Алакуля⁵², Ори⁵³. Более поздние варианты такого браслета найдены в погребении срубной культуры Нижнего Поволжья, раскопанном П. Д. Рау⁵⁴ и М. Э. Воронцом в районе Ташкента. Аналог встречаются также в могильниках кобанской культуры⁵⁵, в каменных ящиках Вайдарской долины Крыма⁵⁶, в Томском могильнике⁵⁷ и т. д.

В могильниках Айшрак и Аксу-Аюлы I обнаружены две очковидные подвески, свернутые из откованной четырехгранной проволоки. Они бытуют не только в памятниках андроновской культуры, но и более позднего времени. Такие подвески известны на Уралсае, Тоболе, Алакуле. Их находят в Петропавловском, Абашевском могильниках⁵⁸. Очковидные подвески встречены также в Нестеровском могильнике VI—V вв. до н. э.⁵⁹, и, наконец, свернутые из серебряной проволоки подвески известны из

нового суджанского клада антского времени Курской области⁶⁰.

Во многих могилах атасуского этапа обнаружены небольшие полушаровые бляшки с двумя отверстиями (Айшрак) и лапчатые подвески (Вылкылдак II, Аксу-Аюлы I), которые, по-видимому, явились прототипом карасукских блях и лапчатых подвесок Сибири. В Центральном Казахстане они менее массивны и меньше размером, чем в других районах. Подвески вырезаны из тонкой листовой бронзы и на конце имеют отверстие для подвешивания. Полушаровые бляшки зафиксированы на Малом Койтасе В. И. Каменским⁶¹, в Алексеевском могильнике и в погребениях на Большом мысу⁶².

Большое распространение в Центральном Казахстане получили поясные обоймы с загнутыми концами (Вылкылдак I, Айшрак), подобные найденным в Петропавловском могильнике⁶³, в карасукской и срубной культурах. Бронзовая обойма из Вылкылдака I обтянута тонким листовым золотом, а между загнутыми ее концами сохранился кусочек дерева.

Присущими только атасускому этапу Казахстана и Урала надо считать круглые бляхи с тисненым рельефным орнаментом (Вылкылдак I, II, Айшрак). Найдено всего четыре бляхи, три из них целые, одна — обломок. На краях они имеют по две пары дырочек для пришивания к одежде. Орнамент их состоит из одного или двух выпуклых concentрических кругов, тесно прилегающих друг к другу, внутри которых расположены то четыре креста, то квадрат с тремя отходящими от середины сторон лучами, то шестиконечная звезда. Обломок четвертой бляхи украшен зубчатой розеткой. Орнамент на бляхах наносился следующим образом. На каменную или медную матрицу накладывали тон-

⁵⁰ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение, стр. 111.

⁵¹ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сборник «Казань», Л., 1927, вып. II.

⁵² К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуля, стр. 56.

⁵³ В. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. «Известия ГАНМК», 1935, вып. 110, стр. 105.

⁵⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение, стр. 109.

⁵⁵ А. С. Уваров. Могильники Северного Кавказа. Материалы по археологии Кавказа, 1900, вып. VIII.

⁵⁶ И. И. Репников. Каменные ящики Вайдарской долины. «ИАК», 1909, вып. 30.

⁵⁷ М. Н. Комарова. Томский могильник, стр. 31.

⁵⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Абашевский могильник. «КСИММК», 1947, XVII.

⁵⁹ Е. И. Крупнов. Северокавказская археологическая экспедиция. «КСИММК», 1947, XVII.

⁶⁰ П. А. Рыбаков. Новый суджанский клад антского времени. «КСИММК», 1949, XXVII.

⁶¹ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи, стр. 205.

⁶² М. Н. Комарова. Томский могильник, стр. 18.

⁶³ «Отчет археологической комиссии за 1911 г.»

кую бронзовую пластинку (в данном случае круглую), затем ее выдавливали, в результате получался требуемый рисунок. После этого насечкой узор четко контурировали.

Похожие на центральноказахстанские бляхи встречены в погребениях Алакульского и Алексеевского могильников.

Кроме большого количества бронзовых бус и ребристых пронизок, собранных в могилах, необходимо отметить ромбовидные и овально-продолговатые подвески (Вылкыдак I, Айшрак, Аксу-Аюлы I, Бегазы). Бегазинские подвески отличаются от остальных тем, что имеют выпуклый точечный орнамент.

Кроме Алексеевского могильника подобные подвески найдены на Малом Койтасе, Уралсае, в Томском могильнике.

Замечательными изделиями ювелирного искусства древних племен являются бронзовые украшения, обтянутые листовым золотом. Они поражают тонкостью работы. Среди них имеется шесть целых височных колец, свернутых в полтора оборота (Айшрак, Аксу-Аюлы I), и три обломка их (Вылкыдак I, Бегазы). Впервые такие кольца были найдены на Тоболе, в Кустанайской области, О. А. Крицовой-Граковой. Попадают они и среди инвентаря Нестеровского могильника Северного Кавказа⁶⁴. Отдаленно наши кольца напоминают височные кольца из Валановского могильника Чувашии⁶⁵.

К ювелирным изделиям, обтянутым листовым золотом, относятся большие серьги диаметром 6,5 см (Алепаул) и 4,5 см (Бегазы) и заколка лопатовидной формы длиной 6,5 см (Айшрак). На заостренной части заколки находился орнамент, вдавленный острым предметом, в виде четырех рядов поперечных линий.

Несмотря на широкое распространение металлических изделий, в обществе, даже в эпоху развитой бронзовой культу-

ры, еще бытовали орудия и предметы быта, сделанные из камня. Несомненно, к бронзовому веку относятся хорошо отшлифованные песты и молотки, найденные на местах древних горных выработок Джезказгана. Судя по их тщательной обработке, они в основном использовались в домашней работе, в хозяйстве.

В коллекциях Джезказганского музея имеется большая серия шлифованных камней и лошл. Чтобы ускорить обработку орудий, вероятно, применяли мокрый песок. Прекрасно отшлифованные песты хранятся и в музее Караганды. Хотя в эпоху металла каменные орудия продолжали играть значительную роль в хозяйстве и быту, но все же они не являлись основными режущими, колющими, рубящими орудиями. Из камня делали только те орудия, которые нельзя было изготовить из металла (ступки, бруски), или те, для изготовления которых требовалось очень много металла (молоты, песты, кайла).

Среди инвентаря могильников предметы из камня представлены весьма скромно. Это напрасло и две краскотерки (Айшрак), наконечник стрелы с черешком, обломок (половина) оселка с отверстием для подвешивания к ремню (Бегазы) и кремневое орудие трапециевидной формы со следами грубой ретуши по краям (Дандыбай III). Большое количество лошл, молотов, кайл и других каменных орудий найдено в поселениях Атасу, Вугулы, Улутау и Суук-Булак.

Довольно разнообразно каменные орудия представлены и в поселениях культуры бронзы Западного и Восточного Казахстана⁶⁶.

Наряду с металлическими и каменными орудиями в быту употреблялись и костяные предметы.

Изучение изделий из кости показывает, что была определенная методика обработки кости. Прежде чем приступить непосредственно к изготовлению вещи, кость распаривали в кипящей воде.

⁶⁴ Е. И. Крупнов. Указ. работа.

⁶⁵ М. С. Акимова. Валановский могильник. «КСИИМК», 1947, XVI.

⁶⁶ См. указ. работы О. А. Крицовой-Граковой и С. С. Чернякова.

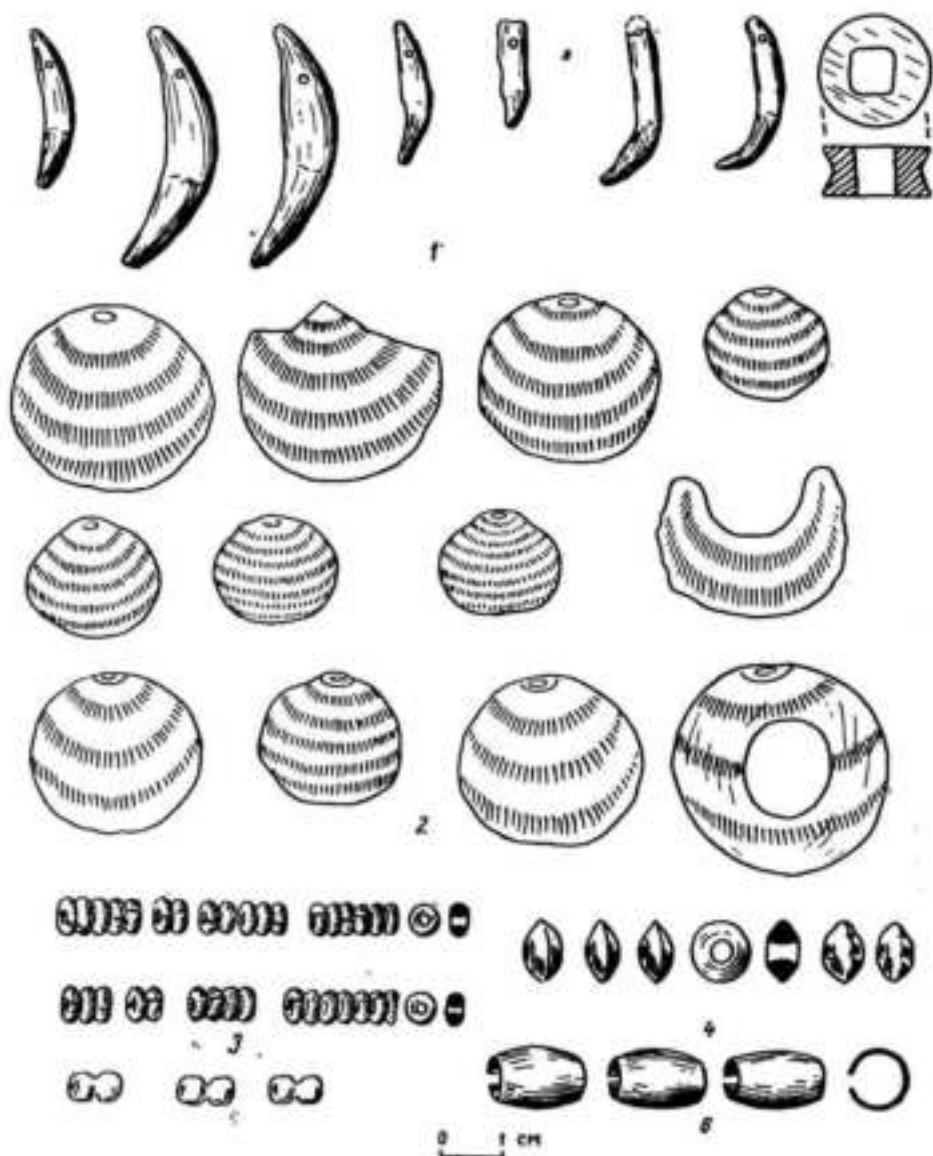

Табл. LVI. Украшения андроновского времени из Центрального Казахстана: 1 — кость, 2 — раковины, 3—4, 6 — бронза, 5 — глина.

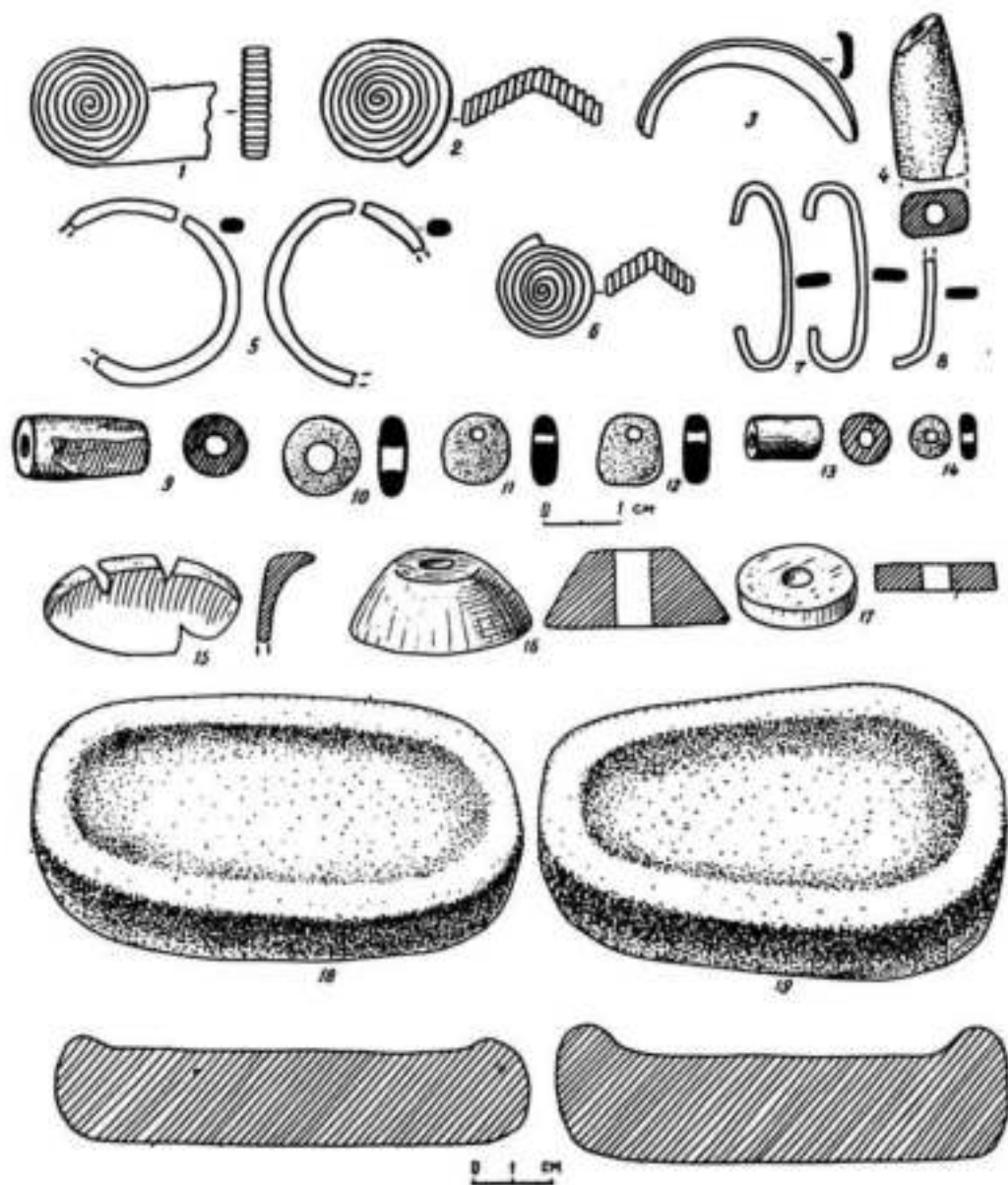

Табл. LVII. Находки из комплекса Айшран: 1-3 — бронза, 4, 9-14 — камень-змеяк, 5-8 — бронза, 15, 16 — кость, 17 — глина, 18, 19 — камень.

Только в размягченном виде она легко поддавалась обработке и ей можно было придать желаемую форму. Орнамент на такие изделия, как застёжка (Дандыбай), часть игольника (Бегазы), по-видимому, наносился пока кость была еще мягкой. На игольнике, например, ясно видно, что рисунок из цепочки вниз спускающихся кругов, покрывающий тремя полосами поверхность костяной полый трубочки, выполнен заостренным концом трубки, о чем говорит совершенно одинаковый диаметр кругов.

Уникальными предметами, которые не имеют пока аналогии, являются четыре черешковых наконечника стрел, найденные в Темир-Астау. Один из них восьмигранный в разрезе, остальные — четырехгранные.

Наконечники до сих пор сохранили блеск полировки на четких гранях и острым жалом. Они поражают тонкой обработкой, правильностью линий и изяществом формы. Длина трех — 14 см, одного — 10 см.

Два костяных наконечника стрелы, совершенно аналогичные описанным, в

1962 г. найдены Л. Ф. Семеновым в ур. Мырза-Шоқы, которое находится в 140 км от Корпетагских гор.

Из других поделок необходимо отметить напрясло, сделанное из головки трубчатой кости лошади, и поделку с четырехугольным отверстием и кольцевым желобом из Айшырака. Такая же поделка, но больше размером, с круглым отверстием, найдена на Былкылдаке I. Назначение этих поделок неизвестно. Для пряслиц они малы и слишком легки. В плиточных оградах Бегазы были обнаружены костяные бусы и гофрированная пронизка.

Перечисленные разнообразные изделия, сделанные из различного материала, свидетельствуют о том, что племена эпохи бронзы Центрального Казахстана достигли мастерства в изготовлении металлических, каменных и костяных предметов. Они прекрасно владели техникой шлифования и полирования камня и кости, техникой сверления, научились наносить орнамент на изделия из твердого материала.

§ 4. КЕРАМИКА

Значительное место среди инвентаря могильников и поселений занимают керамические изделия, которые широко употреблялись в быту и играли в нем большую роль.

Мы не сомневаемся, что сосуды, независимо от того, где они были найдены — в могилах или жертвенных местах, предназначались в основном для использования в хозяйстве и быту и редко изготовлялись специально для ритуальных или погребальных целей. Если даже иногда их и делали для иных целей, то они ничем не отличались от бытовых. До сих пор неизвестен тип посуды, характерный только для погребений. Например, в могилах часто встречаются горшки со следами неоднократной починки после поломки или сосуды с сильно закопченными стенками и прожженным докрасна дном — все это доказы-

вает, что они попали в могилу после долгого употребления в быту.

Вместе с тем необходимо отметить, что в большинстве случаев в могилу ставили богато орнаментированную столовую посуду, а не кухонную. Этим можно объяснить некоторое отличие сосудов из могил от найденных на поселениях. Посуду эпохи бронзы следует разделить на семь основных форм:

- 1) горшок с округлым плечом,
- 2) сосуд баночной формы с прямыми или слабо раздутыми боками,
- 3) горшок с уступчатым плечом,
- 4) горшок с прямым венчиком и шаровидным туловом,
- 5) кубовидный сосуд,
- 6) чаша,
- 7) сосуд с напелной ручкой,
- 8) сосуд с высокой шейкой (Саггру).

Сравнительное изучение формы, техники изготовления, орнамента сосудов поз-

волило установить, что для каждого хронологического этапа бронзовой культуры характерен определенный тип посуды. Для нуринского этапа культуры бронзы Центрального Казахстана типичны горшки с округлыми плечиками. В этот период не было того разнообразия форм сосудов, которое наблюдалось на двух последующих этапах.

В челябинских могильниках этого времени встречается посуда в виде прямоугольных блюд с лепешкообразными напольными ручками. Фрагмент совершенно подобного блюда найден в Томском могильнике на Малом мысу. Кроме этих двух пунктов, такие блюда пока нигде не обнаружены.

Нуринские сосуды — это горшки с отогнутым наружу венчиком, шейка которых плавно переходит в тулово. Дно плоское, бывает с поддоном. Высота сосуда чаще меньше диаметра венчика, иногда равна ему, редко больше его.

Большинство сосудов одного размера, одной емкости. Нет среди них больших, вместительных горшков, встречаемых в могильниках следующего, атасуского этапа. Орнамент в виде сочетания треугольников, меандра, параллельных каннелюр покрывает сосуд от венчика до половины тулова, изредка бывает украшена и вторая зона у дна.

Характерным только для посуды этого типа надо считать орнамент из косых треугольников и угловых, треугольных вдавлений палочкой. Вдавления наиболее часто встречаются в сочетании с другими мотивами рисунка. На посуде атасуского типа их почти не бывает, только иногда на горшках с округлыми плечиками (Быкылдак I, 9, Айшрак, 11).

Орнамент наносится гребенчатым и гладким штампом. Какой из них преобладает, определить трудно. Это можно сказать и о сосудах атасуского этапа. В бегазы-дандыбаевское время орнамент, выполненный гребенкой, попадает реже.

Нуринские сосуды Центрального Казахстана при всей близости к горшкам Зауралья имеют ряд своеобразных черт. Они выделяются изяществом и исключи-

тельной завершенностью форм, имеют сложный красивый ковровый орнамент, в котором сочетаются меандровые мотивы с комбинациями из треугольников и каннелюр. Для них характерен хорошо выраженный конический поддон. Внешним видом некоторые из этих горшков напоминают вазу. По четкости и правильности форм они не имеют себе равных ни среди сосудов из могильников Зауралья, ни среди уступчатых сосудов из других районов Казахстана. Нет их и среди многочисленных андроновских горшков Енисея и Оби и посуды срубной культуры Нижнего Поволжья.

Они отличаются от зауральских сосудов и часто встречающимся на них елочным орнаментом, выполненным мелкозубчатым и гладким штампом. По-видимому, сосуды нуринского этапа бронзовой культуры Центрального Казахстана наиболее близки сосудам из Боровского могильника⁶⁷.

На атасуском этапе сосуды с округлыми плечами еще сохраняются, но появляется посуда иного типа и иной формы, различной емкости и различного назначения. Это прежде всего горшки с уступом, отделяющим шейку от плечика, и сосуды простой баночной формы.

Горшки с уступом появляются и бытуют, но не преобладают над двумя другими типами.

Необходимо отметить, что среди атасуской посуды можно найти несколько промежуточных форм, которые выступают как переходный тип от одного к другому.

На этом этапе горшки с округлым плечом как бы грубеют, утрачивают изящество и завершенность формы. Высокое и узкое дно исчезает. Они становятся более близкими к челябинским сосудам и андроновской посуде. Орнамент располагается по трем зонам: венчику, верхней части тулова и у дна. Третья зона не всегда имеется. Вырабатывается традиция в расположении узоров для каждой зоны. Преобладающим мотивом рисунка на венчике горшка является це-

⁶⁷ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан, стр. 282—284, табл. I—III.

Табл. LVIII. Керамика атбашского этапа андроновской культуры Центрального Казахстана: 1—4 — Бегазы, 5—9, 15 — Вылдылдак I, II, 10—11 — Карсай, 12—14 — Айшрак.

почка из прямоугольных или равнобедренных треугольников вершинами вверх. На некоторых сосудах бывает вторая цепочка, расположенная под верхним рядом, состоящая из «падающих» (вершинами вниз) треугольников. Иногда треугольники заменяют ромбы, ломаные линии и др. Такой узор по венчику преобладает, но возможны и другие орнаменты.

Вторую зону орнамента составляют фестоны из треугольников, меандр, параллельные каннелюры. На богато украшенных сосудах эти узоры сочетаются, образуя пестрый ковровый орнамент. Зона у дна, как правило, украшается треугольниками вершинами вверх или опоясывающими параллельными линиями.

Богатая орнаментация характерна только для сосудов типа горшка, как с уступом, так и с округлым плечом. Простая баночная посуда никогда не имеет меандрового или фестонного рисунка, и для нее не обязательно зональное расположение орнамента. Она украшена по венчику и шейке крупными треугольниками, параллельными линиями, иногда елочным узором.

Специфической чертой атасуских сосудов Центрального Казахстана, да и по-видимому всего Казахстана, является отсутствие орнамента на шейке, что их отличает от минусинской посуды.

Андроновские горшки минусинской котловины, насколько можно судить по опубликованным материалам, все без исключения имеют орнаментированную шейку.

Однако если в Северном и Западном Казахстане горшки с неорнаментированной шейкой составляют большой процент, то в Центральном Казахстане и в районе Челябинска они не образуют большинства. У них на шейке имеется свой традиционный узор в виде Z-образной фигуры или другого меандрового узора, которые наиболее распространены.

Среди многочисленной атасуской посуды особо выделяются три сосуда, найденные в ограде 3 Былмылдак I. Они отличаются от остальных формой и орнамен-

том. Один из них имеет шаровидное тулово, заканчивающееся выпуклым дном. Шейка сосуда сильно вогнута внутрь, а верхний край венчика отогнут наружу. Шейка орнаментирована отделенными друг от друга столбиками, образованными пятью короткими горизонтальными линиями, нанесенными крупнозубчатым штампом. Орнамент на плечике состоит из двойного ряда коротких поперечных полос, выполненных тем же штампом.

Другой горшок несколько больше размером и имеет плоское дно. Шейка с уступом переходит в тулово, верхняя часть венчика заканчивается сильно выступающим наружу острым валиком. Орнамент на шейке расположен так же, как на первом сосуде, но здесь гладкий штамп и столбики состоят из семи линий. Плечико его украшает елочный узор.

Третий сосуд имеет форму низкого, приземистого (высота 8,5 см) горшка. Шейка при переходе в тулово образует хорошо выраженный уступ. На плечике расположен бедный гребенчатый орнамент в виде одного ряда елочки. Нижняя часть тулова орнаментирована резными крестиками.

Эти сосуды явно отличаются от типично андроновских, они несколько напоминают замараевские горшки.

На бегазы-дандыбаевском этапе совершенно исчезают баночные и уступчатые сосуды. Из старых типов сохраняются горшки с округлыми плечами атасуского времени и возникает много новых форм посуды.

Характерными для бегазинского времени являются горшки с прямым венчиком и шаровидным туловом. Дно у них преимущественно плоское, изредка выпуклое.

Как арханчешский элемент бегазинские сосуды сохраняют уступ в нижней части шейки, который на некоторых горшках резче выделен, чем на атасуских. Значительные изменения претерпевает техника нанесения орнамента, появляются новые элементы в мотивах рисунка и в их расположении на поверхности горшков.

На них нет тех традиционных геометрических и меандровых узоров, которые характерны для посуды прошедших этапов, а наблюдается большое многообразие видов орнамента. Вместе с тем форма

Способы нанесения орнамента самые различные: то это подковообразный гладкий штамп, то небольшие выступы, зацепленные пальцами, то нарезка и т. д.

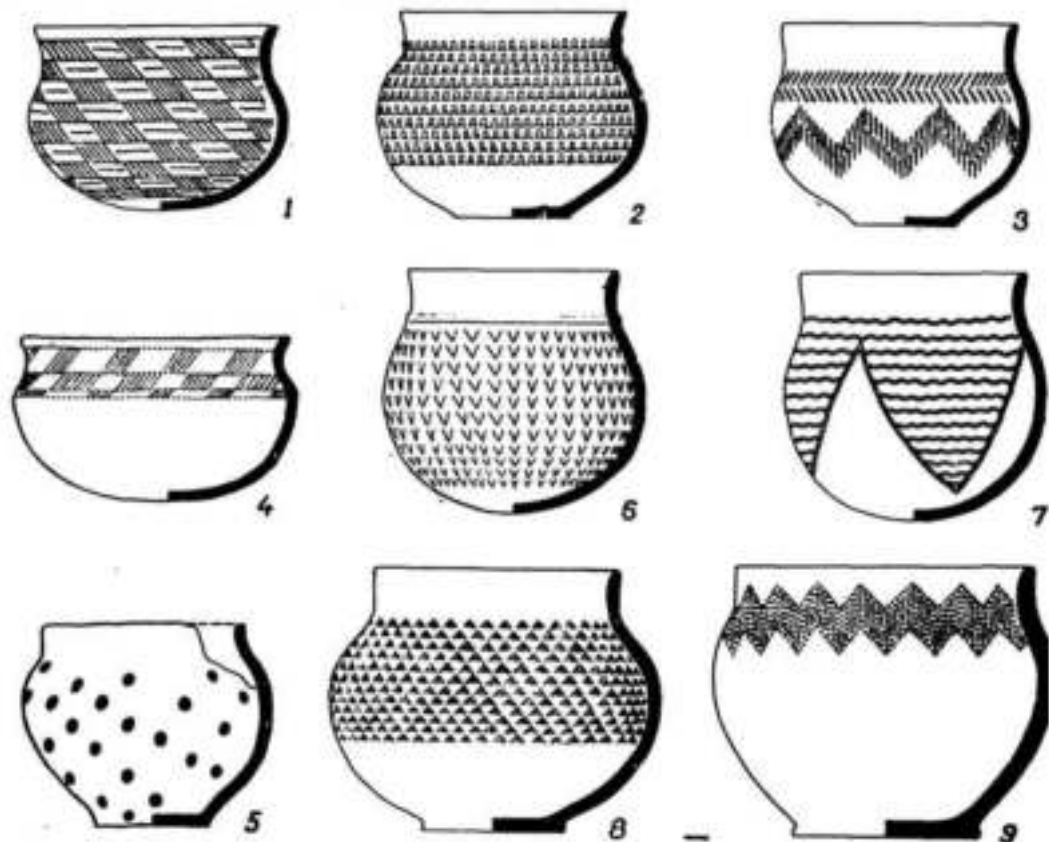

Табл. LIX. Керамика безыздандыбьевского времени из Центрального Казахстана: 1—3 — Дандыбай, 4—5 — Мирзашоки, 6—7 — Безызы, 8—9 — Бугулы II.

и орнамент сосудов вполне своеобразны, по форме они аналогичны карасукской керамике Южной Сибири. Даже при поверхностном осмотре их нельзя спутать с сосудами другой культуры. Орнамент в виде сосцевидных налепов, зацепов, подковообразных фестонов, широкой полосы из заштрихованных ломаных линий и других узоров покрывает большую часть тулова или располагается у плечика.

Элементы рисунка, выполненные гребенчатым штампом, встречаются на горшках с округлыми плечиками и реже на сосудах иной формы.

Каждый сосуд имеет присущие ему и не повторяющиеся на других элементы орнамента. Более того, даже внутри одного могильника редко удается выделить 2—3 сосуда, орнаментированных одинаково. На сосудах Дандыбай, например, встречаются следующие виды орнамен-

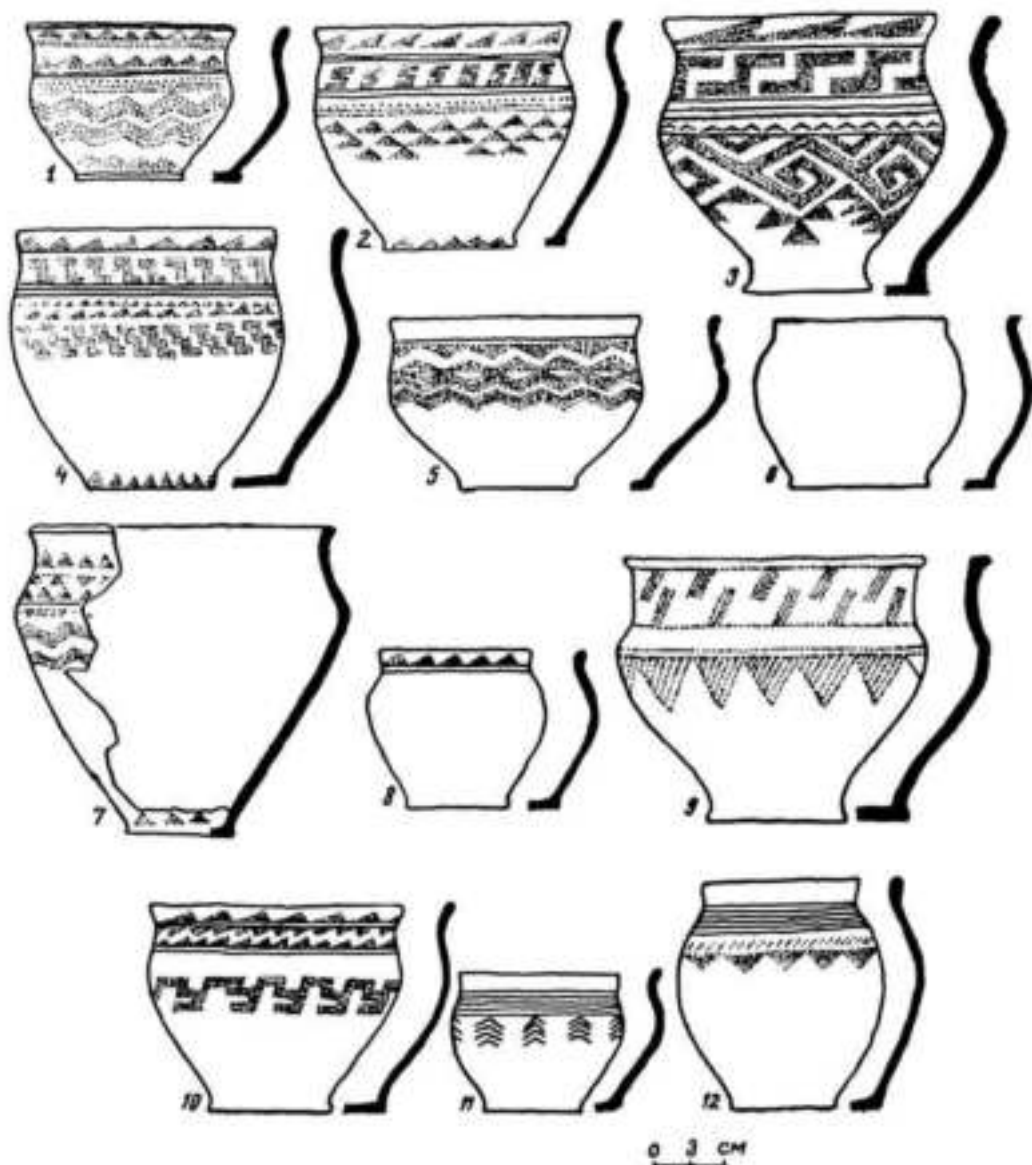

Табл. LX. Керамика поздненеуринского этапа из могильника Сангун II. 1, 2 — ящик 1, ограда 1; 3, 9 — курган 4; 4 — ящик 3, ограда 1; 5 — ящик 7, ограда 1; 6, 8, 10—12 — ограда В; 7 — ящик 5, ограда 1; 11 — ограда В.

та: защипы двумя пальцами, покрывающие все тулово; четыре крупных меандровых фестона по тулову, а по шейке — Z-образные знаки, нанесенные зубчатым штампом; 15 гребенчатых, идущих спиралью полос; четыре сосцевидных выступа, на основании которых расположено три концентрических штампования круга; три крупных треугольных фестона вершинами вниз, каждый из которых образован четырехрядными защипами двумя пальцами, и т. д.

На бегазинской посуде относительно часты различные комбинации из простого ногтевого орнамента. Другие элементы рисунка горшков представлены в виде фестонов из крупных «падающих» треугольников, заштрихованных гладким волнистым штампом, треугольников, «падающих» с уступа сосуда, покрытых рядами из подковообразных оттисков штампа, двух полос из двойной ломаной линии, промежутки между которыми заполнены тем же подковообразным штампом. Вершины как треугольников, так и линий завершаются оттиском круглого штампа.

На двух сосудах этого же рисунка сохранились темно-бурые следы тычка кисти и полосы, проведенные какой-то темной краской. Как можно судить по фрагментам, это была дополнительная разрисовка обожженного и орнаментированного горшка.

Сосуды из могильника Вугулы II часто украшены гребенчатым ромбовидным узором, расположенным по всему тулову в шахматном порядке, а иногда широкой полосой из двойного ряда ломаных линий, заполненных вертикальной заштриховкой, или пестрой мозаикой из рядов угловых оттисков штампа. Один из найденных горшков по всему тулову был орнаментирован роговидным штампом, напоминающим элементы казахского «рогового» орнамента «кошкар муиз».

Мы дали краткое описание орнамента сосудов, иначе пришлось бы харак-

теризовать каждый горшок в отдельности, так как каждый из них имеет только ему присущий рисунок.

Среди посуды бегазы-дандыбаевского типа известно несколько сосудов совершенно иной, чем описанная, формы. Это два кубковидных сосуда на высоком поддоне, найденные в кургане 11 могильника Дандыбай, и низкая, приземистая чашка из Бегазы. Орнаментированы они гребенчатой полоской, обвивающей тулово от венчика до начала поддона.

В бегазинском могильнике был также обнаружен фрагмент сосуда с ручкой в виде небольшого выступа и круглым отверстием, по-видимому, для подвешивания сосуда над огнем.

Дандыбаевская керамика довольно своеобразна и не имеет точных аналогов. Несмотря на это, она напоминает в первую очередь карасукскую посуду, хотя и не может быть причислена ни к типу томской, ни, тем более, минусинской и верхнеобской. Отличается она и от карасукских сосудов Алтая. Это новый вариант керамики эпохи поздней бронзы.

Техника изготовления керамических изделий в эпоху бронзы в Центральном Казахстане ничем не отличалась от способов формовки, распространенных в других районах андроновской культуры, поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно.

Все сосуды изготовлены ручной лепкой из местной глины и всегда имеют в большей или меньшей степени в тесте примесь кварцевого песка, иногда толченого ракушечника. Резко выделяются в этом отношении некоторые сосуды бегазы-дандыбаевского времени. Они сделаны из хорошо приготовленного теста, тонкостенны и отличного обжига.

Андроновская посуда целиком изготовлена ленточным способом, который был широко распространен по всем районам культуры эпохи бронзы.

Шаровидные сосуды Бегазы-Дандыбай сделаны иным способом. Их выдавлива-

ли из комка глины круглым булжником на мягкой основе, поэтому дно у них неровное. Такие сосуды, поставленные на ровную подставку, качаются, стоят

криво. Венчик и тулово их подправляли после выдавливания⁶⁶. Внешнюю поверхность вылащивали каменным лощилом, иногда даже до блеска.

§ 5. ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

Скотоводство, как уже отмечалось, было ведущей отраслью хозяйства населения Центрального Казахстана. Развитие его привело к большей обеспеченности общества продуктами и предметами потребления, к накоплению излишков продукции, к дальнейшему развитию и расширению обмена и, в конечном итоге, к накоплению богатства.

Интенсивное развитие скотоводства явилось основой первого крупного общественного разделения труда, выделения пастушеских племен из остальной массы варваров, а в дальнейшем — кочевых племен из среды пастушеских. Изменения в способе производства неизбежно должны были привести к изменениям в общественной организации, в действительности они произошли, что отразилось на археологическом материале, и в первую очередь на погребальном обряде.

В настоящее время большинство исследователей считают, что племена андроновской культуры находились на стадии патриархально-родовой организации, что, конечно, соответствует исторической действительности.

Падение матриархата было обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, в связи с переходом общества во втором тысячелетии до нашей эры от потребления готовых продуктов природы (присваивающее хозяйство), т. е. существования, всецело зависящего от случайностей, удач охоты, рыболовства, и собирательства к сознательному хозяйствованию (производящее хозяйство) — разведению скота и возделыванию посевов, дающему относительно гарантированные запасы пищи, старые матриархальные общественные отношения утратили свою экономическую основу и стали тормозом на пути развития новой формы хозяйства.

В период матриархата — в эпоху потребления готовых продуктов природы — и обществе и в семье женщина занимала господствующее положение. Она наравне с мужчиной участвовала в добычании пищи, распределяла ее среди членов рода, общины, изготовляла одежду и домашнюю утварь. Род создавался на основе родства по женской линии, по матери дети вели свое происхождение; женщина считалась главой семьи, она давала начало новой жизни и поэтому обожествлялась. (Вспомним трипольские женские статуэтки и статуэтки из Кара-Депе). Этим объясняется ее главная роль в первобытном обществе.

В эпоху сознательного ведения хозяйства, с переходом к скотоводству и земледелию и развитому обмену, положение женщины в обществе изменилось. Произошло разделение труда внутри членов семьи, между мужчиной и женщиной. Основная и наиболее тяжелая физическая работа — уход за скотом, возделывание посевов, добыча и плавка металла, изготовление металлических изделий — легла на плечи мужчины. Он также был воином, охранявшим родовую, общинную и семейную собственность. Кроме того, мужчина вел обмен с соседними племенами.

Таким образом, мужчина занял господствующее положение в производстве материальных благ.

Во-вторых, с развитием семейно-брачных отношений, выделением из родового коллектива и укреплением большой патриархальной семьи, упрочением парного брака, господствовавшего в общине, наметились ростки малой индивидуальной семьи и перехода к моногамному браку. Эти перемены явились

⁶⁶ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа, стр. 147.

причиной поражения женщины в семейно-брачных отношениях, она лишилась своего основного права, дававшего ей большие преимущества перед мужчиной, права определения происхождения детей по женской линии.

В период группового брака единственной возможностью определить, к какому роду относится ребенок, можно было только по матери. Парный брак при всей его непрочности и легкой расторгжимости супружеских уз давал мужу и жене примерно равные права на ребенка, так как двучленная семья предусматривала происхождение ребенка от определенного мужчины. Кроме того, после перехода племен к пастушескому скотоводству переход от парного брака к моногамной семье совершался быстро⁶⁹, что было связано с изменением формы собственности и необходимостью владельцу собственности — мужчине — иметь наследника. Дети стали вести свое происхождение по отцовской линии.

С утверждением господства мужчины в хозяйстве и в семье пали последние преграды на пути к его единовластию⁷⁰.

Мы уже отмечали, что падение матриархально-родового строя нашло отражение и в археологическом материале.

Изучение погребального обряда и его эволюции на основе археологического материала имеет особо важное значение для аргументации изменения положения женщины.

Общезвестно, да и общепринято, что наиболее характерным для погребений андроновской культуры является скорченное труположение, на левом боку, головой на запад. Такое положение костяка отмечают на всей обширной территории распространения бронзовой культуры. Зная это, следует обратить внимание на положение женских костяков в парных погребениях. В одиночных погребениях, независимо от пола, костяки лежат на левом боку. В период появления парных погребений мужчин хоронили на левом боку, а женщин — на

правом, что, по-видимому, свидетельствует о зависимом, подчиненном положении женщины в обществе.

Несмотря на появление признаков пришедшего отцовского права, традиции матриархата были еще сильны и бытовали в обществе не только в период бронзы. По-видимому, этим можно объяснить погребение матери с четырьмя детьми, исследованное в могильнике Вылкылдак II. Не вызывает сомнения, что детские могилы были сооружены не в одно время.

К эпохе разложения родового строя и выделения патриархальной семьи относятся большие многомогильные ограды или сложные сооружения, составленные из нескольких оград или кругов. Такие погребения являются усыпальницами патриархальных семей и широко распространены в могильниках Центрального Казахстана.

Как можно установить, выделение патриархальных семей начинается вместе с появлением пастушеских племен, т. е. уже на нуринском этапе. Однако на этом этапе известны лишь единичные сооружения большой семьи (Вугулы I, 4).

Такое положение вполне закономерно, если учесть, что нуринский этап был временем зарождения, становления больших патриархальных семей.

Резкое увеличение количества патриархальных усыпальниц наблюдается в период развитой бронзы. В каждом могильнике этого времени обнаружено от одного до трех сложных сооружений (Вылкылдак I, Айшрак, Талды, Аксу-Аюлы и др.). Именно на атасуском этапе происходит интенсивное выделение больших патриархальных семей. Отдельные семьи начинают выступать как самостоятельные хозяйственные единицы, противостоящие роду. Согласно своему новому положению, патриархальные семьи старались даже на родовом кладбище подчеркнуть свое некоторое отчуждение, свою независимость от рода.

Несомненно, положение таких семей в обществе было еще непрочным, и, вероятно, они старались упрочить его всеми средствами. Отражением этих стрем-

⁶⁹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1951, стр. 61.

⁷⁰ Там же.

лений и явилось сооружение усыпальниц отдельных патриархальных семей.

Дальнейшее развитие общественных отношений, укрепление экономического положения большой семьи привело к довольно быстрому накоплению богатств в руках отдельных малых семей общины и их постепенному обособлению и самостоятельности. Об этом свидетельствуют археологические данные, имеющиеся в нашем распоряжении, в частности обычай парного захоронения в сдвоенных каменных ящиках с одной общей стенкой, пока выявленный только в Центральном Казахстане.

В настоящее время парные захоронения в сдвоенных ящиках обнаружены в трех могильниках, расположенных друг от друга в нескольких сотнях километров. Это могильник Айшрак на северо-западе пустыни Бетпак-Дала, Бегазы и Кобдик в Прииртышье. Надо полагать, что сооружение сдвоенных ящиков — это не частный случай, а довольно широко распространенный обычай, связанный с каким-то историческим явлением.

Эти парные погребения зафиксированы в девяти оградках упомянутых могильников. Положение и пол погребенных удалось установить лишь в трех случаях (могильник Айшрак, ограды 2 и 6; могильник Бегазы, ограда 7). Костяки лежали в скорченном положении, на левом и правом боку, головой на запад, лицом друг к другу. Только в ограде 6 (Айшрак), где сохранился череп, представилось возможным определить пол и возраст погребенного. По определению В. В. Гинзбурга, череп принадлежал женщине возмужалого возраста, европеоидного антропологического типа⁷¹. Во всех остальных случаях пол захороненных устанавливали по тазовым костям (если они сохранились) или по находкам в ящике предметов украшения — пастовых и бронзовых бус, золотых височных колец, нашивных бляшек и т. д. Таким образом, сравнительно точно был опре-

делен пол погребенных из девяти раскопанных оград, причем наблюдается явная закономерность положения женского скелета по отношению к мужскому.

Так, среди раскопанных оград только в двух (Айшрак, 2 и Бегазы, 7) в обоих ящиках были обнаружены останки погребенных, причем в том и другом случае женские скелеты лежали в северных ящиках, на правом боку, а мужские — на левом. В ограде 6 (Айшрак) полный женский скелет также найден в северном ящике, на правом боку, а южный ящик оказался пустым, в нем не было никаких следов погребального ритуала. Такая же картина наблюдается в ограде 1 (Айшрак). В оставшихся трех оградах (Айшрак, 10, 12 и Бегазы, 11) следы захоронения (обломки человеческих костей и инвентарь) имелись в обоих ящиках, но нельзя было установить положение скелетов. Однако каждый раз удавалось определить, в каком из ящиков находилась женщина, так как атрибуты женской одежды и украшения (пастовые и бронзовые бусы, золотые височные кольца, бронзовые нашивные бляшки), как правило, лежали в северном ящике.

При изучении сдвоенных каменных ящиков выявляются две особенности: 1) все женские скелеты покоятся в северных ящиках; 2) нет одиночных мужских захоронений, но изредка встречаются одиночные женские.

Было бы неверно считать это простой случайностью, так как изменения, происшедшие в обществе, в социально-экономических и семейно-брачных отношениях, отразились и в погребальном обряде. Поэтому такой, казалось бы, маловажный факт, как устойчивое захоронение женщины в северном ящике, приобретает большое значение для изучения тех перемены в обществе, которые послужили причиной появления до сих пор неизвестного обычая погребения в сдвоенных ящиках.

Не случайно также, что этот обычай возник среди андроновских племен Центрального Казахстана, которые по темпам развития несколько опережали соседние племена.

⁷¹ В. В. Гинзбург. Антропологическая характеристика населения Казахстана в эпоху бронзы. «ТИАИЭ АН КазССР», т. 1, 1956, стр. 161.

Появление его было связано с развитием индивидуальной семейной собственности, зарождением частной и образованием института наследственности, а в семейном отношении — с возникновением моногамной семьи.

Моногамная семья превратила женщину в рабыню, в собственность мужа, мужчину, напротив, сделала господином; брачные узы стали нерасторжимыми для женщины, но легко расторгимыми для мужчины⁷².

Мы полагаем, что ограды со вдвоенными каменными ящиками — это погребальные памятники первых моногамных семей.

Погребения в вдвоенных ящиках свидетельствуют о том, что нерасторжимость супружеских уз в моногамной семье, существовавшая для жены при жизни, не обрывалась и после смерти мужа или ее самой.

Поэтому если раньше умирал муж, то и для его жены еще при ее жизни, в день похорон мужчины, сооружали каменный ящик, а позднее, после ее смерти, подхоранивали к давно умершему мужу. Как уже говорилось, женщина всегда погребалась в северном ящике, так как только в таком случае ее можно было положить на правый бок, лицом к мужчине. Этим как бы подчеркивалась ее полная зависимость от господина-мужа (Айшрак, 2 и Бегазы, 7).

Если же раньше умирала жена, то и тогда ее хоронили в северном ящике, на правом боку (Айшрак 1, 6), но второй ящик, по-видимому, не сооружали, так как мужчина при моногамии мог жениться второй раз. По этой причине в погребениях в вдвоенных ящиках нет одиночных мужских захоронений, но есть одиночные женские, что, вероятно, объясняется обычаем сооружения кенотафа мужчине-воину, погибшему в военных походах.

Возникновение малой семьи на определенном этапе развития было закономерным явлением для андроновского общества.

Если первым важным следствием занятия скотоводством был переход от матриархата к патриархату, то вторым — зарождение частной собственности и на ее основе социальной дифференциации.

Накопление излишка продуктов, развитие обмена способствовали появлению внутри рода, племени имущественного неравенства, собственности на производимые продукты. Это были первые признаки возникновения частной собственности и классов.

Каждый род или племя как общество людей, как коллектив непосредственных производителей в процессе своей жизни имеет целый ряд общих интересов хозяйственного и организационного характера и находится в каких-то взаимоотношениях с другими племенами. Защита интересов коллектива и возлагается на определенных лиц, которых наделяют общественными полномочиями.

Таким образом, в результате роста материальных благ и усложнения общественных функций появляются родовые и племенные вожди, жрецы и военачальники. Именно к этому периоду относятся одиночные богатые могилы, известные на р. Чаглинке близ Кокчетав⁷³ и на р. Ори около Орска⁷⁴, и грандиозные курганы типа Аксу-Аюлы II, Ортау II, Вайбала II, Бугулы III, которые, по-видимому, принадлежали представителям родовой и племенной знати.

Подобные погребения отличаются от основной массы могил тем, что располагаются обособленно, в стороне от других, на возвышенном берегу реки. В них в большом количестве встречаются каменное и бронзовое оружие и, как правило, конские костяки. Так, в Орской могиле были найдены 21 каменный наконечник стрелы, бронзовые наконечники, копья, два ножа, тесло и другие вещи.

Все это заставляет предполагать, что в них были захоронены вожди, которые

⁷² Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., стр. 62.

⁷³ М. Н. Лентовский. Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР. Кокчетав, 1929, стр. 21.

⁷⁴ А. А. Формозов. К вопросу о происхождении..., стр. 120.

выделялись среди членов рода своим общественным положением и, очевидно, имущественным превосходством.

Кроме того, появления вождей отчасти подтверждают находки в поселениях и погребениях Казахстана и в соседних районах каменных и бронзового наконечников, булавы (М. Красноярка, Алакуль, Шляпово, Томский могильник). Вероятно, владелец булавы имел какую-то власть, был наделен какими-то общественными полномочиями.

На Алексеевском поселении многочисленные и разнообразные находки в землянке № 1, место ее расположения в поселении и ряд других причин позволили О. А. Кривцовой-Граковой отметить «особое, по-видимому, положение обитателей этого жилища»⁷⁵. Характерно, что именно в этой землянке в числе других вещей найдена каменная хорошо заполированная булава, как бы свидетельствующая о том, что это было жилище вождя.

О разложении родового строя и возникновении имущественного неравенства говорят и материалы могильников.

Так, в обширных могильниках Айшрак, Талды-Нура, Дандыбай, Аксу-Аюлы наряду с бедными захоронениями рядовых членов общины встречаются богатые захоронения. Бедные погребения отличаются простотой устройства могильного сооружения. Их инвентарь состоит в основном из одного простого горшка, иногда даже без орнамента.

В богатых же погребениях находят золотые и бронзовые вещи, горшки с прекрасным сложным орнаментом. Плиты каменных ящичков этих могил основательно обработаны и хорошо пригнаны друг к другу, сами ящички — большого размера.

В бегазы-дандыбаевское время произошли резкие изменения в хозяйстве и общественных отношениях племен, связанные с переходом общества к новой форме хозяйства — кочевому скотоводству.

Сосредоточение в руках глав отдельных семей большого количества скота еще

больше усиливает социальную дифференциацию и неравенство.

Над могилой глав семьи, вождей теперь воздвигаются мощные земляные курганы (Дандыбай, Бугулы II) или ограды из массивных гранитных плит (Бегазы). Погребения их предвосхищают захоронения раннескифского периода.

Эта степень развития производительных сил общества нашла отражение в плеточных оградах бегазинского типа — в Дандыбае, 11, в курганах-оградах Ортау и Аксу-Аюлы. Их устройство, без сомнения, говорит о новой фазе в развитии общества, которое приближается к классовому.

В могильнике Ортау рядом с курганом высотой 2—3 м, диаметром 20—30 м с оградой из врытых на ребро больших гранитных плит, опоясывающих основание кургана, и громадным ящичком (размером 3×1 м) из четырех обтесанных и пригнанных гранитных плит были расположены небольшие скромные курганы рядовых членов общества. Все большие курганы разграблены, что говорит о богатстве инвентаря, тогда как курганы рядовых в большинстве случаев целы.

Развитие скотоводства, использование металла и другие изменения в добыче средств к жизни намного подняли производительность человеческого труда, привели к образованию некоторого избытка производимых продуктов, создали условия для их накопления и обмена. На более ранних ступенях обмен велся между общинами, родами, входящими в одно племя, или племенами-соседями и носил случайный характер.

Развитию и распространению обмена способствовала также разная географическая среда, в которой жили различные племена.

Природные условия в значительной степени определяли развитие того или иного вида производства. Так, например, в зависимости от географических условий в одних районах Казахстана раньше началось приручение животных, которое в дальнейшем переросло в скотоводство, а в других возникло и затем интенсивно развивалось примитивное мотыжное земледелие.

⁷⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 95.

Об этом же говорит К. Маркс, отмечая, что «различные общины находят различные жизненные средства среди окружающей их природы». И далее: «Они различаются поэтому между собой по

бах и регулярности обмена. Постоянно, регулярного обмена даже в период эпохи поздней бронзы, по-видимому, еще не было. Он получил широкое развитие в классовом обществе, со вре-

Табл. LX. Виды андроновского погребального ящика из Центрального Казахстана: слева — Бегазы, справа — Ортау I.

способу производства, образу жизни и производимым продуктам»⁷⁶. Эти различия в способе производства, в производимых продуктах и привели к развитию обмена между племенами одного района, но различной формы хозяйства, а также с племенами, населявшими соседние территории. Совершенно самостоятельным является вопрос о масшта-

мени второго крупного общественного разделения труда — отделения ремесла. Появление ремесленников уже говорит о производстве товара на рынок. Если до этого обмен носил характер продуктообмена, то в классовом обществе он перерастает в товарообмен.

О существовании связей, сношений, обмена между отдельными племенами свидетельствуют факты из археологического материала Казахстана и Южной Сибири.

⁷⁶ К. Маркс. Капитал. Т. I. М., 1949, стр. 359.

Так, среди инвентаря афанасьевских погребений Минусинска мы находим раковины *Carbicula fluminalis* из далекого Аральского моря. В большом количестве эти раковины встречаются в курганах эпохи бронзы на р. Нуре, Талды-Нуре, Атасу, Шерубай-Нуре. Во многих андроновских могилах попадаются мелкие бусы (бисер), сделанные из стекло-видной массы, изготовление которых для этого времени было известно только в Египте и Месопотамии.

Более широкий размах получает обмен в период эпохи поздней бронзы. Большое количество слитков меди, олова проникает из районов месторождений на территории, где их нет. В таких отдаленных местностях, как районы Белого моря, Онежского озера или север Сибири, встречаются не только готовые изделия, но и тигли, льячки, которые говорят о знакомстве местных племен с металлургическим производством. Очень интересным является вопрос о снабжении племен развитой бронзовой культуры оловом. Каким образом и как далеко слитки олова путем обмена проникали с места добычи в отдаленные районы потребления, пока не выяснено.

Огромное значение для развития и расширения обмена, особенно между отдаленными племенами, имело приручение коня под верховую езду, использование его как транспорт. Седло, по-видимому, заменяла мягкая подстилка (шкура), узда была без удила, о чем свидетельствуют находки костяных псалий в районе Семипалатинска⁷⁷, на Ишиме⁷⁸,

Тоболе⁷⁹ и на Атасуском поселении⁸⁰. Красочные примеры об обмена между соседними племенами приводит русский путешественник и исследователь Миклухо-Маклай, проживавший много лет среди папуасов Новой Гвинеи. Он пишет, что у папуасов Новой Гвинеи виды производственной деятельности у прибрежных жителей одни, в горных районах — другие, на островах — третьи. «Это те естественно выросшие различия, которые, — как указывает К. Маркс, — при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами»⁸¹. И действительно, жители небольших островков, не имея достаточно территории для земледелия, получали съестные припасы из береговых деревень путем обмена. Сами же занимались исключительно горшечным производством, выделыванием деревянной посуды, постройкой пирога и т. п.⁸² Следовательно, обмен для некоторых жителей Новой Гвинеи играл в жизни чрезвычайно важную роль.

Здесь общественное разделение труда между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства возникло на основе обмена.

Как уже говорилось, обмен в начале своего развития велся не отдельными лицами, а всем коллективом — общиной, родом и, безусловно, без всякого понятия о равноценности обмениваемых вещей. В то далекое время на одну вещь, на один предмет могли обменивать много вещей.

§ 6. ВЕРОВАНИЯ

Зарождение верований связано с представлениями первобытного человека о грозных и могущественных силах природы, перед которыми он был бессилён. Эти восприятия получали в сознании первобытного человека фантастическую окраску.

⁷⁷ Государственный Эрмитаж, коллекция Зимеровского.

⁷⁸ К. А. К и ш е в. Памятники старинной Северной Кавказа. «Труды ИИАЭ АН КазССР», 1959, т. 7, стр. 16.

⁷⁹ В. С. Сорокиным найдены на поселении Тасты-Булак.

⁸⁰ Архив ИИАЭ АН КазССР (дневник и полевые чертежи А. Х. Маргулана).

⁸¹ К. Маркс. Капитал, стр. 359.

⁸² Н. Н. Миклухо-Маклай. Путешествия. М., 1947, стр. 141—142.

дей анимистический взгляд на окружающий мир, развили у них представления о существовании духа, души у каждой вещи материального мира. Обожествляли и одухотворяли в первую очередь те элементы, от которых зависело существование человека. Это были прежде всего солнце, огонь, животный и растительный мир. Первобытный человек был беспомощен перед нередкими в его жизни неблагоприятными случайностями. Он не мог их устранить ни своей физической силой, ни ловкостью и хитростью, ни знанием привычек животных и птиц. В результате человек приходил к выводу, что существуют недоступные, неведомые ему силы, от которых зависит его успех или неудача. Крайне ограниченный ум его на каждом шагу отмечал неоспоримые доказательства существования каких-то превосходящих его сверхъестественных сил. Он не мог объяснить сновидений, болезни, обморока, смерти, почему вчера охота была удачной, а сегодня нет, и др. Во всем неизвестном ему из опыта и практики первобытный человек видел вмешательство могучей и вездесущей силы, способной в любой момент и в любом месте незримо, незаметно вмешаться в его жизнь и причинить всякие беды и страдания.

Хотя человек эпохи бронзы воспринимал еще всю природу как совокупность одушевленных существ, он все же уже выделял себя из растительного и животного мира.

Племена эпохи бронзы наиболее сильно почитали солнце и огонь, которые давали человеку тепло, свет и другие блага, столь необходимые в жизни. У них культ огня проявлялся в естественной форме и в виде символики огня — солнца. Например, некоторые трупы они считали нужным предать огню и заменяли его символом — красной краской (охрой), которой обсыпали умерших.

Для эпохи бронзы Центрального Казахстана характерно одновременно и труположение, и трупосожжение, это типично не только для атасуского и бега-

зы-дандымбаевского времени, но и более раннего курунского этапа. В эпоху бронзы существовала целая система представлений о загробной жизни, которую разные племена представляли по-разному, что выразилось в различном устройстве могил. Сожжение облагораживало покойника, и огонь, как высшее начало в глазах людей того времени, очищал тело от грехов, переводил в бестелесное состояние, и оно как бы следовало в мир духов за душой умершего. Обряд сжигания выполнял и другую роль: он охранял тело умершего от злых духов. Огонь — не только первейшая необходимость в жизни, но и охранитель от нечистых сил, духов. Огонь — это часть солнца. Как и солнце, он дает тепло, рассеивает мрак, это добрый и могущественный дух, которого боятся и темнота, и сильные дикие звери.

Культ огня широко распространен не только в погребениях курунского времени бронзовой культуры Центрального Казахстана, но и в погребениях последующих этапов. Почти во всех могилах встречаются следы огня в виде древесной золы и угля (Айшрак, Вылкылдак, Бегазы, Сангру и др.). У изголовья покойника обычно насыпали небольшую кучку золы и угля поминального костра, которые, как результат действия огня, вполне заменяли его. Символизация огня хорошо выражена в ограде 4 в комплексе Айшрак. В восьмом погребении этой ограды детский костяк лежал на толстом слое золы и угля и сверху был засыпан таким же слоем. Этот факт, несомненно, связан с представлением об охране детского погребения от вторжения злых духов, в борьбе с которыми надежной защитой считался священный огонь.

В других местах труп посыпали красной краской (крашенные костяки Нижнего Поволжья) или же в могилу опускали кусок охры (Алакуль, Петропавловский могильник). Красный цвет в сознании древних людей означал огонь, символ огня и солнца, и наравне с ними имел магическую силу, способность защитить от злых духов. Одновременно красная краска являлась символом крови, кото-

рая тоже наделялась сверхъестественной силой.

Наши исследования показывают, что замена огня краской была известна и племенам Центрального Казахстана, о чем свидетельствуют остатки охры в некоторых погребениях могильников Вылкылдак I и Бегазы.

Широко были распространены также культ предков и вера в загробную жизнь.

Дух предков старались умиловить, надеялись на его покровительство, помощь, защиту. Поэтому стремились как можно лучше снабдить покойника пищей, одеждой и украшениями для загробной жизни. Ему сооружали дом (могилу), который имитировал жилье, так как они считали, что души живут жизнью, во всем похожей на земную, и потому нуждаются в огне, одежде и т. д. Спустя определенное время к могиле умершего приносили дополнительную пищу, возобновляли запасы продуктов. Принесенную пищу зарывали снаружи около ящика (Вылкылдак III, 1; Воровое I)⁶³, у плит ограды (Алепаул, 5) или в насыпи кургана (Петропавловский могильник, 6, 7)⁶⁴.

Приношения «пищи» спустя какое-то время после совершения обряда погребения, по-видимому, свидетельствуют о зарождении в обществе андроновских племен Казахстана обычая поминок. В это же время появляется понятие о запретных местах.

Надо отметить, что различные ограждения и ограды впервые, вероятно, появляются при переходе к скотоводческо-земледельческому хозяйству. Скотоводы-земледельцы начали сооружать ограды, с одной стороны, для скота, а с другой — для защиты посевов от домашних и диких животных. Возникло понятие об ограде, которую нельзя перейти. Позднее стали делать ограды и на могилах умерших. Таким образом, у древних людей появляется понятие о священных местах. Так, в Алепауле, 5, как уже

отмечалось, принесенная пища была зарыта снаружи, около ограды, которую не смели перейти. Здесь у плит ограды найдено 9 горшков. Этим, вероятно, объясняется и то, что последующих покойников не вносили в ограду, а хоронили рядом, делая пристройки к первой ограде (Вылкылдак I, Айшрак).

В Алексеевском могильнике известен совершенно уникальный памятник — жертвенный холм, который, надо полагать, почитали священным, его осквернение считалось грехом. В холме обнаружено большое количество посуды, костей животных, обугленных зерен пшеницы — все это остатки жертвоприношения⁶⁵. Жертвенные места впоследствии были открыты во многих районах Центрального Казахстана, в частности в Боксае (верховье р. Атасу), в долине р. Карасу, на правом берегу р. Жарлы, в 5—7 км ниже совхоза «Нуркен» Каркаралинского района и на Бесобе (Жаман-Тас) в том же районе. В долине Боксай была исследована одна группа жертвенных холмов. При раскопке трех жертвенных кругов выявлены остатки обуглившегося зерна, зернотерки с курантами, кости животных, при исследовании двух жертвенных кругов на Бесобе — рудодробильные каменные орудия округлой формы и кости животных. В результате раскопок жертвенного круга на правом берегу р. Жарлы были обнаружены также каменные орудия и фрагменты отдельных горшков, характерных для атасуского этапа культуры бронзы Центрального Казахстана. Таким образом, в жертвенных холмах (кругах) Центрального Казахстана найдены в основном только орудия труда. Из этого видно, что первые орудия рудокопов и пахарей также были предметами культа, они символизировали силу, изобилие продуктов и богатство.

В Центральном Казахстане, а также в районе Челябинска существовал интересный обычай символического жертвоприношения.

⁶³ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 254.

⁶⁴ Там же, стр. 261.

⁶⁵ О. А. Крицова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник, стр. 114.

В ограде 2 могильника Вылкылдак II вне ящика, у его западной стенки, обнаружены череп и копыта лошади. Такие же находки были и в Алакульских курганах⁶⁶. В таких случаях могилу умершего закрывали шкурой с остатками копыт и головой животного и только после подобного обряда сооружали насыпь. Шкура символизировала жертвенное животное, принесенное в пищу покойнику.

Подобный обычай существовал еще в XVIII в. у казахов, у народов Алтая и Урала. Манси-вогулы, жившие на р. Чусовой, шкуры жертвенных животных, особенно лошадей, развешивали на деревьях, а мясо делили между собой. Кости зарывали в землю⁶⁷. На куполах старых казахских могил и до сих пор торчат концы длинных жердей, сделанных специально для вешания шкур жертвенных коней. Около мазаров и сейчас находят выветренные конские черепа.

Поведение и поступки древних людей при совершении различных обрядов, связанных с похоронами, определяло в значительной степени чувство страха перед умершими. Оставшиеся боялись и всеми силами старались предотвратить посещение души покойного. Как уже говорилось, в их понятии этого можно было достичь, совершив жертвоприношения и т. д. Избежать посещения души предка можно было и другим способом: связать покойника, сломать ноги, отчасти сжечь труп. Таким образом, при всех погребальных обрядах стремление умиловить дух предка сочеталось с боязнью перед ним. В сознании людей эти чувства тесно переплетались, и поэтому трудно сказать, какое было сильнее. Следовательно, устройство погребальных сооружений с массивными гранитными плитами-перекрытиями, которые иногда даже скреплялись (Вегазы), было следствием как заботы о покойнике, о его душе, так

и страха перед ним, желанием помешать ему выйти из могилы и беспокоить живущих. По-видимому, этими же причинами объясняется сооружение насыпи, завалов погребальной ямы громадными плитами.

Убедительным доказательством существования чувства страха перед покойником является обычай калечения, вторичного его умерщвления, который известен не только из этнографии многих народов, но и, что важно для археолога, из материала могильников. У древних литовцев был распространен подобный обычай. Они отрубали умершему голову и выбрасывали в кусты, а тело хоронили со всеми надлежащими почестями⁶⁸. В других районах этот обычай несколько изменен. Например, южноамериканские племена чуди прежде чем похоронить умершего, раздавливали ему голову⁶⁹.

В Алексеевском могильнике зафиксирован несколько иной обычай. О. А. Кривцова-Гракова отмечает несколько случаев, когда мертвецу придавали скорченное положение, а потом крепко связывали, перетягивали ремнями. Особенно интересно положение костяков в погребениях 4 и 15. Ноги у них были плотно прижаты к животу, руки — к грудной клетке. В области позвоночника имелся хорошо выраженный излом. Такое неестественное положение погребенных она объясняет «только тем, что покойница была связана или плотно спеленута»⁷⁰. Заключение О. А. Кривцовой-Граковой подтверждают этнографические данные.

Племена Маршалльских островов, как указывает Н. Харузин, скорченный труп заворачивают в гамак и крепко завязывают веревкой. Племена тупи (Юж. Америка) связывают только ноги трупа⁷¹.

⁶⁶ Н. Харузин. Этнография. Лекции, читанные в Московском университете. СПб., 1915, стр. 208.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. работа, стр. 65.

⁶⁹ Н. Харузин. Указ. работа, стр. 207.

⁶⁶ К. В. Сальников. Курганы на оз. Алакуль, стр. 63.

⁶⁷ П. А. Дмитриев. Культура населения Среднего Зауралья в эпоху бронзы, стр. 92—93.

Пережитки некоторых обычаев сохранились и у казахов. Приведем некоторые этнографические факты из прошлой жизни казахов, являющиеся пережитками древних верований.

У казахов существовал обычай оплакивания покойника, участие в этом принимали все родственники умершего, но основная роль отводилась вдове. Она, выражая усиленную горе, доводила себя до иступления, расцарапывала до крови лицо, вырывала волосы, все это сопровождая причитаниями, воплями и криком.

Этот обычай описан многими путешественниками, он характерен для тюркских племен, особенно периода Каганата. Затем этот обычай распространился на юг Средней Азии и нашел наиболее яркое выражение в живописи Панджикента.

Такой обычай был не только проявлением горя по поводу потери кормильца и защитника, но и желанием умиловать покойника, чтобы дух, душа его осталась довольна и не преследовала живущих. По старым понятиям казахов, душа умершего кроме явления во

сне приходила и наяву в облике птицы, волка, верблюда или скакуна. Такие священные птицы, как лебедь и ласточка, были главными носителями духов, их убийство расценивалось как убийство человека. Ежегодное возвращение ласточки к своему старому гнезду считали хорошей приметой. Это означало, что дух предка покровительствует дому и не покидает его.

В обычаях казахов можно найти сильные пережитки и культа огня. Например, нельзя было осквернять огонь разными нечистотами, мочиться на горящий костер и т. п. Это считалось кесыром, т. е. злом, грехом. Утверждали, что осквернение огня приведет к несчастью, к покраснению глаз или к увечью.

Приведенные примеры дают лишь некоторое отрывочное представление о верованиях, обычаях и обрядах древних племен исследуемого района. Как уже отмечалось, они прежде всего были связаны с анимистическими взглядами первобытных людей и объяснялись низким уровнем развития мышления и знаний.

ПРИЛОЖЕНИЯ

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБРАЗЦОВ ШЛАКА
И РУДЫ С ПОСЕЛЕНИЯ СУУК-БУЛАК**

Образец железной руды (крупночешуйчатая железная слюдка), взятый старшим научным сотрудником Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР А. М. Оразбековым в р-не Суук-Булака (г. Карнаралинск), по всей вероятности, добыт на месторождении Тогай I, расположенном в 48 км к востоку от г. Карнаралинска.

Это предположение основано на данных спектрального анализа, который показал, что образец содержит те же элементы примесей и в том же количестве, что и руды месторождения Тогай I.

Кроме того, макроскопическое сопоставление руд и изучение шлиффов под микроскопом также говорят об их идентичности.

Данные спектрального анализа

Местонахождение	Be	V	Ga	Co	Na	Mg	Mn	Sn	Pb	Zn	Cu	Ti	Cr
Тогай I, железная руда	—	—	—	—	—	0,08	0,01	0,05	0,001	0,02	0,08	0,02	—
Суук-Булак, железная руда	—	—	—	—	—	0,03	0,01	0,08	0,03	—	0,1	0,01	—
Суук-Булак, шлак	—	0,06—0,1	0,002	—	—	0,3	0,1	—	0,001	0,01	0,005	0,2	—

Ст. инженер ИГН им. К. Н. Сатпаева АН КазССР А. Курбанов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗЦОВ ШЛАКОВ С АТАСУСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Восемь образцов (№ 3, 6, 8, 9, 12, 13, 18 и 21) шлаков древних плавов из Атасуского поселения было передано академиком Академии наук Казахской ССР А. Х. Маргуланом для исследования. При микроскопическом осмотре оказалось, что семь из них, за исключением № 8, представляют собой крупнопористую спекшуюся массу с плотным внутренним строением и значительным удельным весом. Окраска их темная, красновато-бурая. Поры проявляются в виде округлых пустот диаметром 2—3 мм. В результате исследования шлаков в проходящем свете в прозрачных шлифах установлено стекловатое изотропное строение основной массы, неровно окрашенной в бледно-сероватый цвет. Изучение шлаков в поляризованных шлифах в отраженном свете выявило, что стекловатая основная масса густо пропитана купритом (окись меди состава — Cu_2O), который в виде изолиро-

Рис. 1. Прорастания куприта в шлаковой массе с образованием псевдодендритовой структуры. Обр. № 13, $\times 90$.

ванных округлых или несколько удлинённых капелек и их сростаний образует в шлаковой массе псевдодендритовую структуру (рис. 1). В образце № 18 куприт обособляется в шлаковой массе не только в форме капелек, собранных в мелкие гроздьи, но и выделяется в кристаллах с квадратными или ромбическими очертаниями в плоскости шлифа, что характерно для куприта, кристаллизующегося в кубической системе (рис. 2). Основная же масса куприта

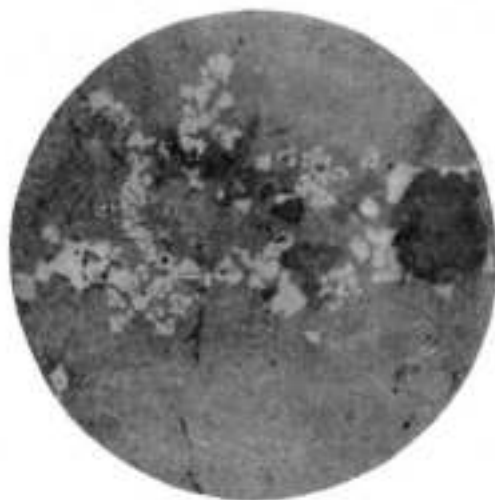

Рис. 2. Сростки кристаллов куприта в шлаковой массе. Обр. № 18, $\times 90$.

выкристаллизовывалась в виде игольчатых кристаллов (разновидность куприта — халькопирит). Игольчатые кристаллы куприта в отдельных участках собраны в пучки и лучистые агрегаты (рис. 3).

Количество куприта в отдельных образцах шлаков неодинаково, и он распределен внутри них неравномерно. Помимо куприта, в шлаковой массе имеются редкие шарообразные фор-

мы — включения самородной меди (рис. 4). Наиболее крупные включения самородной меди достигают 3 мм в диаметре, медные же —

Рис. 3. Сросстки мельчайших напелек куприта и иголки халькотрихита в шлаковой массе. Обр. № 18, $\times 90$.

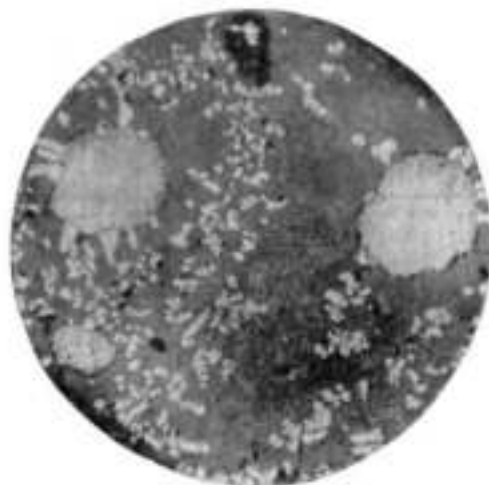

Рис. 4. Медь в крупных округлых включениях. Позднее вокруг меди в шлаковой массе отлагался куприт. Обр. № 9, $\times 90$.

едва ли десятых долей миллиметра. Иногда в шлифах встречаются более или менее правильные округлые пустоты, являющиеся гнездами выпавших включений меди. Отдельные

включения самородной меди с периферии замещаются купритом (рис. 5).

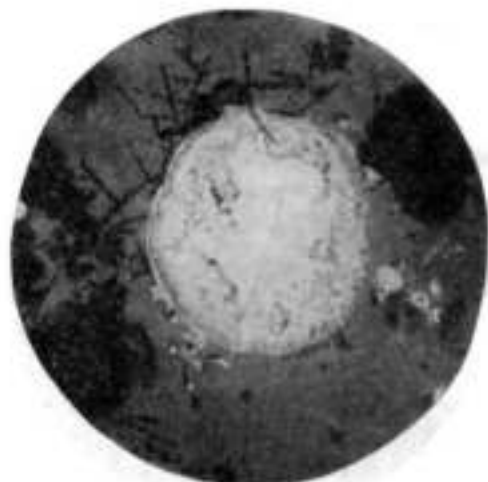

Рис. 5. Самородная медь замещается с краев купритом. Черные округлые пятна — пустоты от выпавших шарообразных включений меди. Обр. № 8, $\times 90$.

В образце № 1 было выявлено включение оплавленного кусочка сырой руды, представленной богатой вкрапленностью халькозина и ковеллина во вмещающей породе (рис. 6). Это говорит о том, что при плавке были использованы руды из зоны цементации медных месторождений как наиболее богатые и легко доступные для добычи.

Химические исследования на содержание меди в отдельных образцах шлаков, проведенные в химической лаборатории Института геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР методом полярографии, показали, что в них содержится много металла (см. таблицу).

Результаты определения меди в образцах шлаков древних плавок из Атауского поселения методом полярографии

№ пробы	Количество меди, %
3	29,2
6	29,7
8	2,1
9	30,3
12	37,3
13	47,3
18	25,0
21	32,5

Результаты исследований образцов шлаков указывают на то, что они являются низкотемпе-

ратурными образованиями. Соединения меди перачных руд местами в них даже полностью не расплавлены.

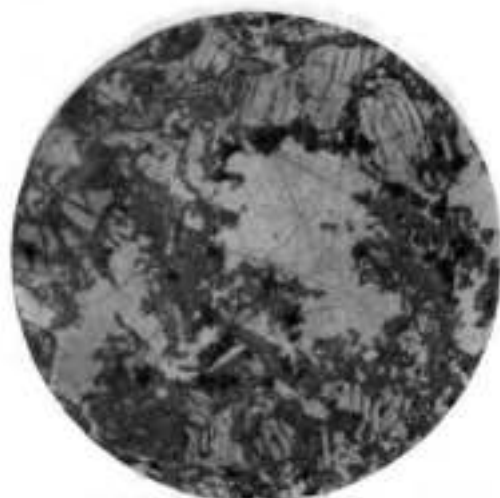

Рис. 6. Руда, состоящая из включений калькозина (гладкие зерна) и ковеллина (зерна со штриховкой). Обр. № 1, $\times 90$.

В начальном период плавки, когда было достаточное количество углестого вещества, за счет топлива, действующего как восстановитель, расплавленные соединения меди восстанавливались до чистой меди, обособлявшейся в форме округлых мелких образований. Далее из-за недостатка углерода плавка продолжалась в окислительной среде, и расплавленные соединения меди переходили в окислы с образованием куприта, тонко рассеянного в шлаковой массе. Высокое содержание меди в пробах, установленное химическими анализами, подтверждают исследования под микроскопом.

От описанных образцов особо отличается образец № 8. Он представляет собой плотную корку толщиной 1,5—2 мм, окрашенную в черный цвет. При исследовании в проходящем свете оказалось, что это образования совершенно непрозрачно из-за имеющегося в нем большого количества углестого вещества. В ограниченном свете в образце обнаружены редкие включения куприта в виде мелких кристалликов и мелкие включения самородной меди в округлых образованиях размером не более 0,1 мм. Содержание меди в образце № 8 очень незначительно. Вероятно, это объясняется тем, что произошло наиболее полное отделение меди вследствие восстанавливающего действия углестого вещества, которым сильно обогащен данный образец.

Г. А. Сагаева.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА КОСТЕЙ ЖИВОТНЫХ
С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Виды животных	Количество костей	Виды животных	Количество костей
Суук-Булак		Вугулы	
Крупный рогатый скот	382	Крупный рогатый скот	119
Мелкий рогатый скот (kozy и овцы)	483	Мелкий рогатый скот	890
Лошадь	275	Лошадь	40
Собака	2	Собака	2
Кулан	3	Кулан	10
Олень	2	Архар	17
Марал	1	Джейран	1
Джейран	1	Хищник	1
Волк	2	Костей домашних животных	491
Лисица	1	Костей диких животных	29
Костей домашних животных	1142	Алексеевка	
Костей диких животных	10	Крупный рогатый скот	302
Каркаралинское		Мелкий рогатый скот	468
Крупный рогатый скот	401	Лошадь	409
Мелкий рогатый скот	398	Собака	14
Лошадь	274	Верблюд	1
Собака	5	Тур	3
Кулан	2	Олень	2
Джейран	2	Байбак	2
Лисица	1	Заяц	2
Заяц	2	Лисица	1
Костей домашних животных	1078	Вобр	2
Костей диких животных	7	Костей домашних животных	1193
Улуту		Костей диких животных	13
Крупный рогатый скот	155	Кинель	
Мелкий рогатый скот	142	Крупный рогатый скот	405
Лошадь	173	Мелкий рогатый скот	189
Костей домашних животных	471	Лошадь	27
Костей диких животных	10	Собака	5
		Вобр	3
		Косуля	1
		Костей домашних животных	576
		Костей диких животных	4

Виды животных	Количество костей
Трушниково	
Крупный рогатый скот	323
Малкий рогатый скот	245
Лошадь	146
Собака	18
Лисица	11
Кабан	2
Косуля	17
Олень	14
Северный олень	2
Сурок	1
Вобр	3
Костей домашних живот- ных	727
Костей диких животных	50

Из таблицы видно, что в хозяйстве обитателей Суук-Булакского, Алексеевского и Мало-Красноярского поселений было больше мелкого рогатого скота, чем крупного, а в Карнаралинском они разводились в равных количествах.

Виды животных	Количество костей
Мало-Красноярка (1952—1956 гг.)	
Крупный рогатый скот	149
Малкий рогатый скот	253
Лошадь	65
Собака	1
Кабан	1
Косуля	2
Олень	8
Дикий баран	3
Сурок	4
Вобр	1
Костей домашних живот- ных	467
Костей диких животных	19

Преобладание мелкого рогатого скота над крупным указывает на ийлажный или кочевой характер хозяйства населения поселений эпохи поздней бронзы Казахстана.

ЧАСТЬ 2

ПАМЯТНИК
ТАСМОЛНІНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

Настоящий раздел посвящен памятникам раннежелезного века — исторической эпохе, сменившей в хронологическом и историко-культурном отношении бегазы-дандыбаевский период эпохи бронзы. За последние годы в Центральном Казахстане был открыт и исследован комплекс памятников, позволивший в совокупности с материалами предшествующих лет из других районов той же территории составить определенное представление об особенностях этнокультурной группы, сложившейся в степях Центрального Казахстана в сакское время. Специфические черты погребального обряда и некоторых форм инвентаря, характерные для основных районов Центрального Казахстана и наиболее ярко проявившиеся в материалах из шести курганных групп могильника Тасмола, дали возможность выделить на рассматриваемой территории особую археологическую культуру, названную нами тасмолинской. Обоснование необходимости выделения локальной группы памятников Центрального Казахстана из общей массы степных памятников скифо-сакской культурной общности, понятие и перечень характерных признаков тасмолинской культуры будут даны после анализа погребального обряда и инвентаря.

Изучение эпохи раннего железа имеет особенно большое значение, поскольку именно в то время сложилась особая форма хозяйства — кочевое скотоводство, определившая почти на три тысячелетия специфику исторического развития центральных районов Казахстана, а в результате развернувшихся крупнейших социально-экономических, политических и культурных событий возникли мощные союзы племен; началось параллельно с дальнейшим ростом металлургии бронзы постепенное освоение железа; произошел переход к военной демократии — последней ступени разлагающегося первобытно-общинного строя. Вместе с тем увеличившаяся в связи с новой формой хозяйства подвижность древнего населения казахстанских степей привела к расширению экономических и иных связей с соседними и более отдаленными племенами, государствами и созданию общекультурных элементов и ценностей, в которых, надо полагать, местным племенам принадлежала не последняя роль. В изучаемую эпоху, как ни в какую другую, пути исторического развития древнего населения Казахстана оказались тесно взаимосвязанными и переплетенными с судьбами других племен, населявших обширные пространства европейских и азиатских степей. В соответствии с этим

задача любого исследования, даже если оно ограничивается локальным районом и небольшим по объему археологическим материалом, должна заключаться не только в характеристике местных особенностей той или иной культуры, что, несомненно, является главным, но и в попытках показать то общее, что создала эта эпоха, и тот вклад, который внесли в это общее отдельные этнокультурные группы. Необходимость постановки вопроса в таком плане объясняется также тем, что изучение любой археологической культуры, относящейся к эпохе раннего железа, так или иначе затрагивает ряд вопросов, касающихся скифо-сакской проблемы, одной из самых древних, запутанных и в то же время важных страниц истории нашей Родины.

В настоящее время, несмотря на ряд вышедших ценных исследований по скифо-сарматской археологии, становится особенно очевидным, что дальнейшее разрешение ряда коренных вопросов скифо-сакской проблемы невозможно без большого накопления археологических материалов по восточной, заволжской зоне скотоводческих культур.

Еще в 1953 г. А. А. Иессен при классификации металлических утиль скифского времени обратил внимание на чуждую югу России форму утиль со стремечковидными внешними кольцами, предположив, что они восточного происхождения (Алтай)¹. В своей следующей статье он допускает, «что в их распространении мы можем усмотреть подтверждение геродотовского известия о приходе скифов из Азии»². Более определенно высказался А. И. Тереножкин, ранее придерживавшийся гипотезы срубного происхождения скифов. По его мнению, «изучение предскифского периода на юге России и на территории Украины приводит нас к выводу, что в разработке пробле-

мы происхождения скифов и сарматов, как она сложилась в настоящее время в археологии, оказались учтенными только местные факторы», но «достаточно яркие свидетельства о сибирском элементе в материальной культуре доскифского и раннескифского времени на нашем юге, распространяющемся вплоть до Средней Европы, говорит о том, что проблема происхождения собственно скифов должна прежде всего разрабатываться в свете археологических исследований Сибири, Казахстана и Алтая»³.

А. П. Смирнов также согласен с тем, что нынешние теории происхождения скифов «не объясняют исходных элементов блестящей скифской культуры»⁴, и, присоединяясь к А. И. Тереножкину, считает необходимым привлечь материал для разрешения данного вопроса из восточных районов азиатских степей. Таким образом, конкретное изучение памятников эпохи раннего железа Центрального Казахстана имеет важное значение не только для выяснения и заполнения имеющихся пробелов в древней истории республики. Дальнейшие археологические исследования должны помочь в разрешении ряда проблем, касающихся происхождения саков и скифов, взаимоотношений между отдельными племенами «Великого пояса степей». Огромной территории Центрального Казахстана, расположенной между «скифоидными» культурами Запада, Южной Сибири, Семиречья и Средней Азии, принадлежит в этом деле особая роль.

В Центральном Казахстане сходились и здесь же в связи с его неисследованностью «терялись» многочисленные и разнообразные связи между населением крупных культурных очагов скифо-сакского времени. Именно здесь уже в настоящий момент можно проследить отдельные звенья этих связей. Но не только в выявлении всевозможных контактов и связей между культурами сако-скиф-

¹ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. «СА», 1953, XVIII, стр. 106.

² А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 129.

³ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье, Киев, 1961, стр. 205.

⁴ А. П. Смирнов. Некоторые нерешенные задачи археологии раннего железного века. «КСИА», 1963, 94, стр. 4.

ского мира настоящее и будущее в изучении этого интересного района. Имеющиеся материалы уже сейчас полностью опровергают высказанное в свое время в археологической литературе мнение о Центральном Казахстане как «транзитной» или «пустышей» территории. Здесь как в эпоху бронзы, так и в последующее время существовала яркая и своеобразная культура, ничем не уступавшая другим культурам евразийских степей. Тасмолинские племена Центрального Казахстана, образуя вместе с алтайскими, южносибирскими и семиреченскими племенами группу родственных культур, отличались определенной самобытностью и, надо полагать, вместе с ними оказывали значительное влияние на формирование культур скифского запада.

Истоки самобытности тасмолинской культуры требуют специального изучения. Отметим, что, судя по некоторым традициям погребального обряда, строительной техники надмогильных сооружений антропологическим данным, они связаны с развитием племен в предшествующий безазы-дандыбаевский период эпохи поздней бронзы⁵.

Основной задачей настоящей работы автор считает описание памятников Центрального Казахстана VII—III вв. до н. э., выяснение места и роли тасмолинской культуры среди других культур скифского мира и характеристику основных черт исторического развития ее носителей.

Специальной литературы по исследуемому вопросу очень мало, если не считать многочисленных и в значительной части случайных сведений, сообщений, заметок, оставленных специалистами самых различных отраслей знаний. Поскольку исчерпывающую характеристику этих сведений в первой части дал А. Х. Маргулан, мы лишь коснемся истории открытий и изучения уникальных памятников Центрального Казахстана, так называемых курганов «с усами».

⁵ М. К. Кадирбаев. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана. Автореферат, Алма-Ата, 1959.

Первое краткое описание и схематический набросок плана кургана «с усами» сделал краевед Л. Ф. Семенов, приславший в 1927 г. в Государственную Академию истории материальной культуры письмо с просьбой о научной консультации по неизвестным памятникам Акмолинского округа⁶. В 1932 г. П. С. Рыков открыл, а позже совместно с И. В. Синицыным раскопал первую и вторую группы в урочище «Три брата» в Калмыцкой области. Они были изучены и «каменная дуга» длиной до 150 м, о которой местные жители «рассказывали, что она прежде была хорошо заметна и они считали ее дорогой от крайнего, юго-восточного большого кургана, одного из «Трех братьев», к одному из крайних курганов во второй группе»⁷. Исследователи связывали ее происхождение с ритуалом⁸. Позднее к аналогичному выводу пришел И. В. Синицын⁹.

В 1933 г. один курган «с усами» был раскопан экспедицией Государственной Академии истории материальной культуры в урочище Дандыбай на р. Шерубай-Нуре. Под насыпью кургана были обнаружены только следы разведения огня¹⁰.

Незадолго до Великой Отечественной войны в Карагандинской области побывал и С. В. Киселев, зафиксировавший подобный курган в могильнике Бесоба.

С 1946 г. начались планомерные работы Центрально-Казахстанской экспедиции под руководством А. Х. Маргулана, изучавшей памятники большого хронологического диапазона — от эпохи неолита до архитектурных сооружений позднего средневековья. Тогда же в различ-

⁶ Архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, 1927, д. 123.

⁷ П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата» в Калмыцкой области, произведенные в 1933—1934 гг. «СА», 1936, № 1, стр. 116.

⁸ Там же, стр. 274.

⁹ И. В. Синицын. Памятники предскифской эпохи. «СА», 1948, X, стр. 158.

¹⁰ Археологические работы Академии наук СССР на повостройках в 1932—1933 гг. «Известия Государственной Академии истории материальной культуры», 1935, 110, стр. 49.

ных районах Центрального Казахстана А. Х. Маргулаем была раскопана серия курганов «с усами» и определена на имеющемся в то время материале граница этого рода памятников от «Чингизского хребта до верховьев р. Тобола»¹¹. Заслугой А. Х. Маргулана в изучении эпохи раннего железа явилось то, что уже в те годы он выдвинул тезис о существовании в Центральном Казахстане особого типа археологических памятников, не встречающихся в таком количестве больше нигде. Однако, несмотря на некоторые успехи, вещественный материал из курганов «с усами» не был получен. В связи с этим данные памятники по-прежнему считали ритуальными¹², культовыми сооружениями¹³. Оставался невыясненным и главный вопрос — это датировка и культурная принадлежность «загадочных» курганов. Ответ на некоторые вопросы уже в то время мог дать материал В. Н. Жданова, копавшего в 1930 г. курган «с усами» на берегу Большого Чебацкого озера, но его данные оставались долгое время неизвещенными и потому не сыграли подобающей роли в выяснении особенностей культуры племен северных и центральных районов Казахстана.

¹¹ А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. «Известия АН КазССР», серия археологическая, 1950, вып. 2, стр. 9.

¹² А. Х. Маргулан. К изучению памятников района р. Сары-Су и Улутку. «Вестник АН КазССР», 1948, № 2(35); его же. Археологические разведки в Центральном Казахстане. «Известия АН КазССР», серия историческая, 1948, вып. 4, стр. 122.

¹³ Его же. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. «Известия АН КазССР», серия археологическая, 1951, вып. 3, стр. 32.

Большое значение для изучения рассматриваемого периода имела статья М. П. Грязнова, опубликовавшего результаты раскопок В. Н. Жданова и сделавшего на основе анализа небольшого вещественного материала выводы принципиального характера, касающиеся особенностей культуры ранних кочевников не только Северного, но и Центрального Казахстана¹⁴.

С 1957 г. в составе Центрально-Казахстанской экспедиции был организован отряд для изучения памятников раннего железа.

Его исследования продолжили работы, начатые А. Х. Маргулаем еще в 1946 г. Полученный в последние годы многочисленный и яркий археологический материал позволил высветить многие вопросы древней истории Центрального Казахстана скифо-сакского времени, определить характер и основные особенности археологических памятников этой территории и культуру скотоводческих племен, ее населявших. Этот материал подтверждает, а также значительно расширяет и дополняет предложенную ранее классификацию памятников и историческую характеристику ранних кочевников исследуемого района¹⁵.

В основу настоящей работы положены результаты пятилетних археологических изысканий, проведенных автором в северо-восточных районах Центрального Казахстана, в зоне строящегося ныне канала Иртыш — Караганда.

¹⁴ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. «КСИМЖ», 1956, LXI.

¹⁵ М. К. Кадырбаев. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. «Известия АН КазССР», серия история, археология и этнография, 1958, вып. 1 (6); его же. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959.

НАДМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ПОГРЕВАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Обширную территорию Центрального Казахстана в эпоху раннего железа населяли племена, оставившие удивительно однообразные и устойчивые по форме погребальные сооружения.

На западе и востоке, севере и юге Сары-Арки, в открытых степях, горных и речных долинах распространены курганы с насыпью из камня, земли и камня или глины и монументальные сооружения — лучившие в научной литературе не с. сем удачное название курганы «с усами». В отличие от других памятников Центрального Казахстана оба типа курганов не составляют больших могильников. В одном могильнике их бывает не больше 10—15. Соотношение первого и второго типов курганов в могильниках может быть выражено как один к пяти или десяти, иными словами, на каждый могильник, состоящий из 5—10 обычных курганов, приходится один курган с каменными грядами. Такая пропорция соблюдается не во всех районах Центрального Казахстана.

Больше могильников с курганами второго типа в Улутауском, Шетском, Актогайском и Каркаралинском районах Карагандинской области, т. е. в центральных районах Казахского мелкосопочника. В других, периферийных по отношению к ним районах количество их постепенно убывает. Вообще ареал кур-

ганов с каменными грядами вполне определен и охватывает на западе район Улутауских гор и верховья р. Ишима, на севере — южные районы Кокчетавской области, до Щучинска и озера Борового, на востоке — зону плоских увалов и низкого мелкосопочника Павлодарской области, до районов Чингизского хребта и его обрамлений. Южная граница доходит до северных районов Прибалхашья и Ветпак-Далы (рис. 1).

Само собой разумеется, что рассматриваемая территория является лишь областью наибольшей концентрации памятников данного типа, но не исключена возможность нахождения отдельных курганов за ее пределами. Известен, например, случай открытия подобного кургана в Поволжье¹. В Южном Казахстане и Семиречье также обнаружено несколько таких курганов (см. карту). Этот весьма своеобразный тип погребальных сооружений — один из основных отличительных признаков тасмолинской культуры, выделяющих ее из других культур скифского времени как сопредельных, так и более отдаленных территорий. Чем же он примечателен и каковы его особенности?

В настоящее время можно считать доказанным, что курганы «с усами» пред-

¹ П. С. Рымков. Археологические раскопки курганов в урочище «Три брата», стр. 116.

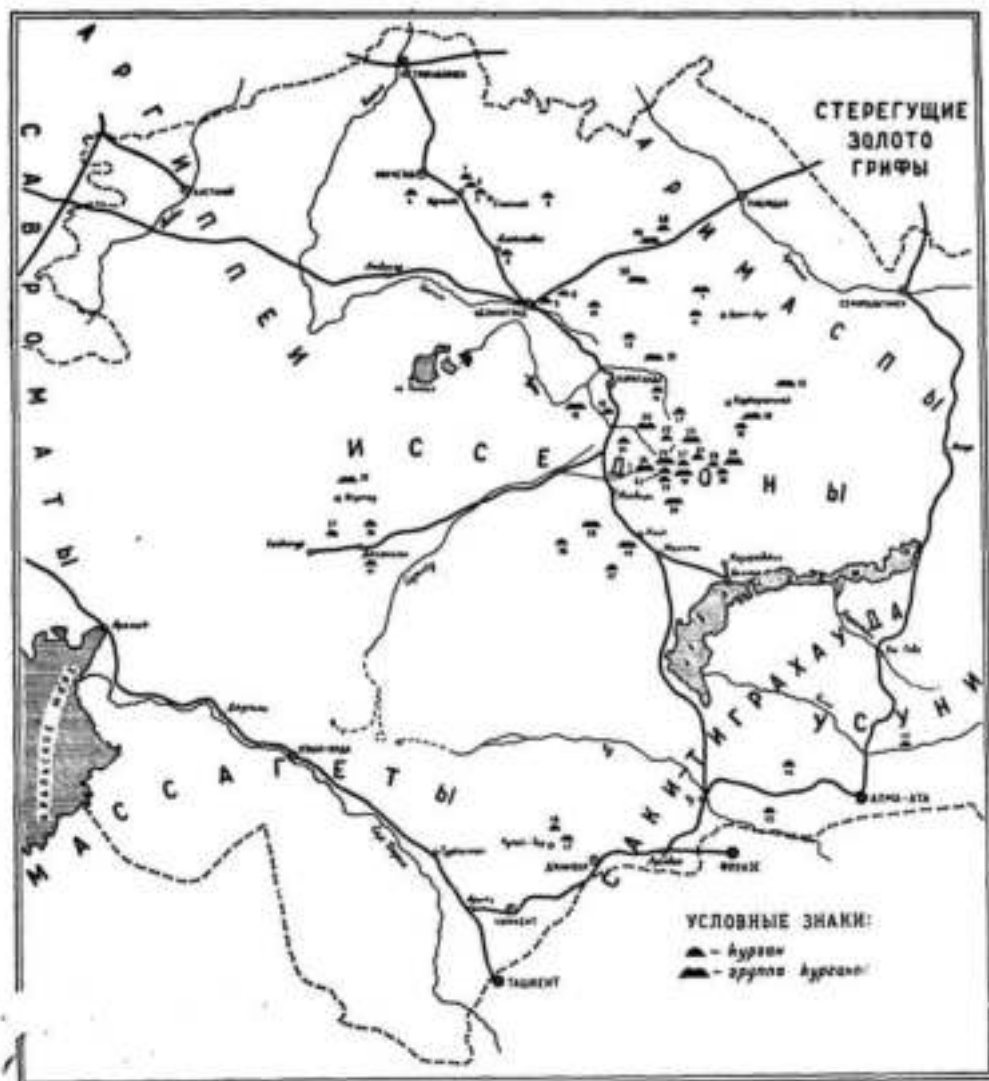

Рис. 1. Карта распространения курганов «с усамн» и расселения племен. 1 — оз. Б. Чебачье; 2 — оз. Котуркуль; 3 — ур. Маденикт; 4 — пос. Зеренда; 5 — ур. Кылбынт; 6 — пос. Алысеевка; 7 — колхоз «20-летие Казахстана»; 8 — горы Ерейментау; 9 — ур. Койсайган; 10 — р. Каратай; 11 — совхоз «Комдомбан»; 12 — колхоз «Алгубас»; 13 — колхоз им. Карла Маркса; 14 — ур. Снеготебе; 15 — ур. Кожды; 16 — ур. Дандыбай; 17 — ур. Весоба; 18 — северо-западное подножие Кентских гор; 19 — р. Кызылсу; 20 — совхоз Нуратадинский; 21 — ур. Вугулы; 22 — ур. Вылмылдак; 23 — ур. Сыпраоба и Егиз-Койтас; 24 — ур. Вылмылдак; 25 — ур. Каргалы; 26 — р. Аксу-Аюлы; 27 — колхоз им. Тельмана; 28 — ур. Вегалы; 29 — горы Кызыл-Арай; 30 — р. Джанишке; 31 — ур. Канаттас; 32 — колхоз им. Чинаева; 33 — комплекс «37 воинлов»; 34 — ур. Толгай; 35 — ур. Орезаир; 36 — р. Кенгир; 37 — ур. Домбаул; 38 — ур. Дарат; 39 — р. Ансай; 40 — р. Кияксу; 41 — в 20 км к юго-востоку от г. Диезкалгана; 42 — ур. Дүйсен-Булак; 43 — ур. Вешатыр; 44 — р. Алсай; 45 — пос. Отар; 46 — р. Костяк; 47 — ур. Ашкикур; 48 — ур. Тасмола; 49 — ур. Карамурун и Нурманбет; 50 — ур. Ак-Булак; 51 — ур. Ботанара.

ставляют собой сложный погребальный комплекс каменных сооружений, встречающийся в нескольких вариантах². Он состоит из основного кургана большого размера и примыкающего к нему с восточной стороны или расположенного на значительном расстоянии малого кургана небольшой высоты и отходящих от него на восток двух каменных гряд шириной 1,5—2 м и длиной от 20 до 200 и более метров. Каменные гряды имеют форму полудуг и часто в начале и конце ограничены круглыми каменными сооружениями курганного типа. Таким образом, в понятие курган «с усами» входят три составные части, или элемента искусственных сооружений: большой курган с погребением человека, малый с захоронением коня и глиняным сосудом и каменные гряды. Рассмотрение в отдельности какой-либо составной части в конечном счете приводит к неправильному пониманию всего комплекса в целом. Именно в этом и состоит основная ошибка исследователей, определявших курганы «с усами» как памятники только ритуального назначения.

Основной курган включает в себе погребение, которое сопровождается, если оно не разграблено, большим количеством разнообразного инвентаря. Малый курган не имеет могильной ямы. Под его насыпью, в центре, на уровне погребенной почвы обычно находят конский скелет или его отдельные кости (череп, кости ног), а в восточной части — один, реже — два глиняных сосуда. Описанный тип кургана «с усами» наиболее распространен, но встречаются и другие его варианты (рис. 2). Одним из них являются сдвоенные курганы, когда малый курган расположен не с восточной, а с южной стороны от большого кургана (рис. 2, II). В этом случае они, как правило, одинакового размера. Такая планировка памятника известна по раскопкам В. Н. Жданова. Курганы аналогичной планировки были изучены нами в 1957, 1958 и 1962 гг. в урочищах Егиз-Койтас, Коктал и Карамурун.

² М. К. Кадрыбаев. Исследование кургана с каменными грядами в Джамбулской области. «Вестник АН КазССР», 1959, № 7.

Другим вариантом надо считать совмещенный тип курганов «с усами», который имеет две разновидности: малый сооружен на вершине большого (рис. 2,

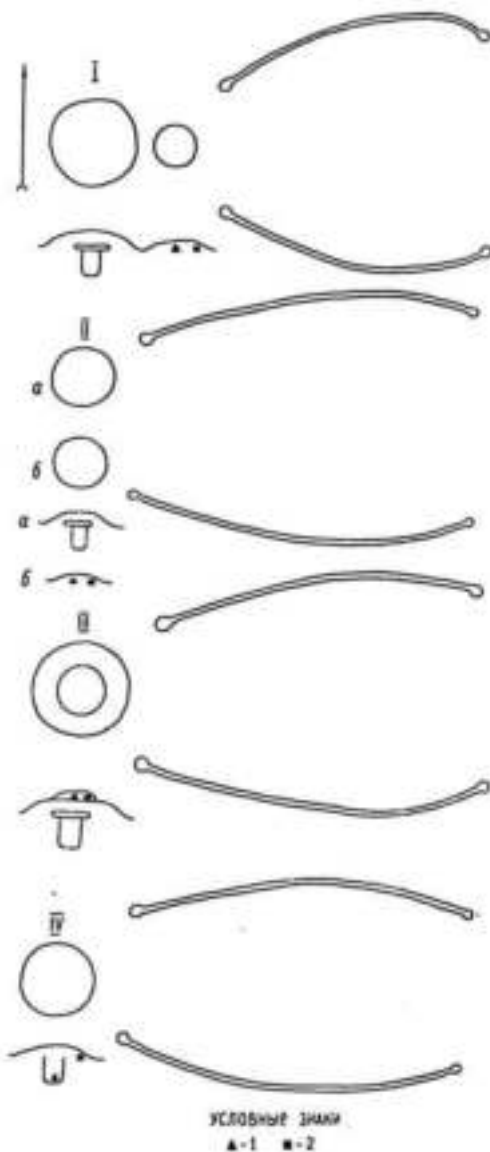

Рис. 2. Схематическая таблица основного типа курганов с каменными грядами (I) и его разновидностей (II, III, IV). 1 — скелет или отдельные кости лошади, 2 — глиняный сосуд.

III) и под одной насыпью сливаются два кургана (рис. 2, IV).

Следует особо отметить, что независимо от вариантов планировки любой из них состоит из тех же элементов, которые имеются в основном типе: курган, содержащий погребение человека, курган, заключающий захоронение коня или отдельных его костей, глиняный сосуд, и каменные гряды (усы), тянущиеся обязательно в восточном направлении.

В двоянных курганах погребение, как правило, было в северном кургане, а в южном находились отдельные части конского скелета и глиняный сосуд.

Единичный случай сооружения малого кургана на вершине большого зафиксирован в урочище Карабие³. Весьма интересно, что даже такое конструктивное изменение не отразилось на погребальном ритуале. Под насыпью малого кургана, несмотря на необычность его расположения, найден раздавленный глиняный сосуд.

Другой равновидностью этого же варианта следует считать курган 19 из могильника Тасмола⁴. Он не имел восточного (малого) кургана, функции которого выполнял основной курган. Под его насыпью, в восточной стороне, на древней поверхности лежали обломки двух глиняных сосудов, а в центральной части находилась погребальная камера. Курган подобной планировки, но значительно более позднего времени известен и из урочища Канаттас⁵.

В целом накопленный материал достаточно убедительно характеризует особенности погребального обряда древних племен Центрального Казахстана. Курганы «с усами» следует рассматривать как единый комплекс, состоящий из основного погребения в большом кургане и относящихся к нему сооружений ритуального характера. Однако, если одновременно этих сооружений с по-

гребением не вызывает сомнений, то конструктивные особенности каменных гряд остаются до сих пор в определенной степени загадкой. М. П. Грязнов высказал предположение, что это остатки невысоких стен с башенно-столбовыми сооружениями на концах⁶.

Летом 1958 г. автор специально изучал каменные гряды трех курганов «с усами» в урочище Сангру, однако их плохая сохранность не позволила уловить в деталях форму и порядок сооружения. Было лишь замечено, что каменные гряды не являются вымостками или дорожками из плоских камней, а состоят из отдельных звеньев, образующих гряду длиной в несколько десятков метров и шириной 1,5—2 м. Между этими звеньями иногда были вкопаны вертикально массивные каменные плиты (Карабие I). Каждое такое звено с длинных сторон ограничивали ряды каменных плит, врытых на глубину 10—15 см, а полутораметровый промежуток между ними закладывали бесформенными обломками камня. Сравнив количество камней с длиной и шириной гряд (60—80 небольших обломков камня на участок длиной 5 м, шириной 2 м), мы получили в среднем два ряда камней высотой 20—30 см. Совершенно другую конструкцию каменных гряд выявил в 1961 г. А. М. Оразбаев. На участке исследованной им гряды с круглым окончанием было два ряда каменных плит, перегороденных поперек торцовыми плитами. Гряда заканчивалась сооружением в виде круглой ограды из плашми положенных плит⁷.

Двумя годами позже в урочище Даныбай мною была изучена еще одна каменная гряда. Вскрытая гряда длиной 20 м состояла из примыкающих друг к другу 15 колец из крупного камня, положенного плашмя. Вся площадь колец была забита камнями, и так, что гряда каза-

³ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников, стр. 171, рис. 6.

⁴ См. «Известия АН КазССР», серия истории, археологии и этнографии, 1962, вып. 1 (18), стр. 73, рис. 2.

⁵ См. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 179—182.

⁶ Выступление по докладу автора на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР, 17 апреля 1958 г.

⁷ Сообщение А. М. Оразбаева на заседании отдела археологии ИИАЭ АН КазССР, посвященном отчетам о полевых исследованиях 1961 г. (март 1962 г.).

лась состоящей из цепочки небольших курганов, сомкнутых между собой. Диаметр самого большого кольца, которым оканчивалась восточная часть гряды, равнялся 2,5 м, все остальные кольца имели диаметр 1,5—2 м. Поскольку эти реконструкции основаны на единичных фактах, пока не следует делать каких-либо обобщений, хотя уже сейчас несомненно, что каменные гряды (усы) — это в какой-то степени архитектурные сооружения, построенные, как показали два примера, не везде одинаково.

Могильные ямы, которые устраивали, как уже говорилось, под насыпью большого, или основного кургана, имели овальную форму, их максимальный размер — 2×1 м при глубине до 2 м. Они всегда были перекрыты сверху массивными каменными плитами. В ямах находились одиночные погребения, на спине, в вытянутом положении.

Второй тип надмогильных сооружений представлен обычными курганами с каменной, смешанной и земляной насыпью. Под насыпью находились кольца из крупных обломков дикого камня, а основания их опоясывали рвы.

Рвы обычно встречаются у курганов с насыпью из земли или земли и щебня. Каменные кольца бывают под земляными, смешанными и каменными насыпями, хотя в последнем случае не всегда

легко обнаруживаются. Рвы и каменные кольца выявлены не у всех курганов.

В обоих основных типах курганных сооружений прослеживается один и тот же погребальный обряд. Курганы как первого, так и второго типа содержат под насыпью, как правило, одиночное погребение в грунтовой, овальной формы яме, перекрытой сверху каменными плитами. Погребенные в курганах второго типа зафиксированы в том же положении и имеют ту же ориентировку, что и в памятниках первого типа. Следует отметить чрезвычайно устойчивую конструкцию могильных сооружений и постоянство погребального обряда, бытующих с небольшими изменениями с VII по III в. до н. э. Несколько отличаются, помимо инвентаря, некоторые погребения могильников Тасмола I, V и VI, относящиеся, как мы увидим далее, к VII—VI вв. до н. э. В этих курганах ямы рыли с таким расчетом, чтобы третья часть ее площади оставалась свободной после захоронения человека.

Таковы в общих чертах особенности погребальных сооружений тасмолинской культуры Центрального Казахстана.

В настоящей главе дается характеристика курганов двух этапов тасмолинской культуры: первого, относящегося к VII—VI вв. до н. э., и второго, датированного V—III вв. до н. э.

§ 1. ПАМЯТНИКИ ПЕРВОГО ЭТАПА

К ним в первую очередь относятся шесть курганов (19, 20, 21, 22, 23, 24) могильника Тасмола I, пять (1, 2, 3, 4, 6) комплекса Тасмола V и три (1, 2, «а») Тасмола VI, а также несколько курганов могильника Карамурун I, Нурманбет I, II, IV.

ТАСМОЛА I

Могильник исследован в 1959 г. Находится на правом берегу степной реки Шидерты, в 8 км к юго-востоку от совхоза «Экибастуэский» (Куйбышевский район Павлодарской области), на невысоком холме, вытянутом юго-западным концом к реке. На уплощенной вершине этого холма расположено 36 разно-

временных погребальных сооружений: оградки эпохи бронзы, земляные курганы, один курган «с усам» и современные казахские погребения (рис. 3). Исследуемые курганы тянутся неправильной цепочкой с запада на восток. На западе эту цепочку замыкает курган 19.

Курган 19 (рис. 4) имеет оплывшую каменную насыпь диаметром 8 м, высотой 0,3 м. От него к ВЮВ отходят две каменные гряды: южная длиной 46 м, северная — 52 м, средняя ширина гряд — 1,5 м. Этот курган является вариантом основного типа двойных курганов с каменными грядами. Его особенность заключается в совмещении в одном кур-

гане функций двух курганов: основного и малого. Поэтому под насыпью кургана (глубина 0,3 м) в юго-восточной части найдены обломки двух сосудов в радиусе 1 м, а в центральной части кургана

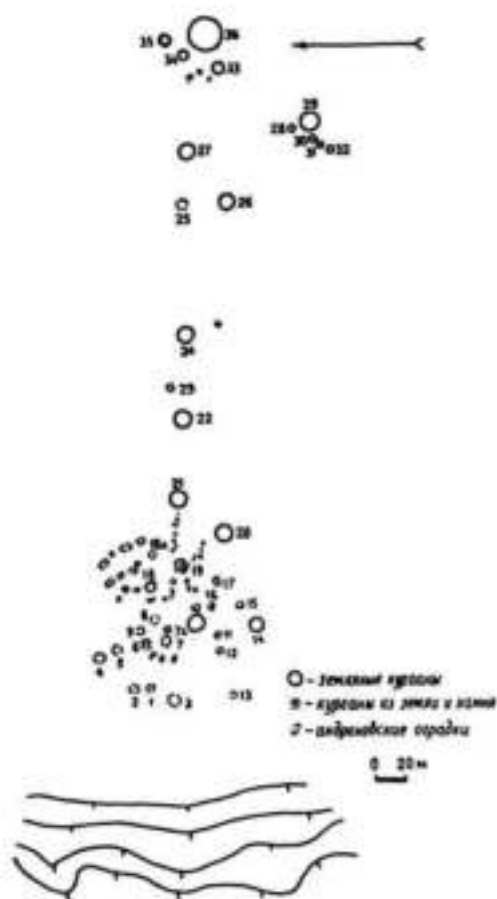

Рис. 3. План могильника Тасмоал I.

открыта могильная яма. Сосуды, обнаруженные в кургане, по форме, составу теста и цвету близки сосудам из курганов с грядками⁸. Они различаются между собой лишь формой венчика: в одном случае он имеет срез на внешнюю сторону, а в другом его нет.

⁸ См. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 192.

Могильная яма, четкие контуры которой удалось проследить только в северной части, на глубине 0,5 м от верха насыпи, наполовину забита обломками камня от перекрытия. Судя по выявленному контурам, она прямоугольной формы, шириной 1,8 м и ориентирована длинной осью с севера на юг, хотя фактическая длина ямы осталась невыясненной. На дне (глубина 1,2 м)* находился скелет женщины возмужалого возраста (расовый тип среднеазиатского междуречья, с монголоидной примесью)⁹, лежавший на спине, в вытянутом положении, головой на север, с вытянутыми и несколько раздвинутыми в стороны руками. Под скелетом сохранились остатки камышовой подстилки. На правой тазовой кости погребенной обнаружено круглое бронзовое зеркало диаметром 19 см, с петлей в центре на тыльной стороне и высоким бортиком по краю диска (рис. 5, 10). Тыльная сторона зеркала украшена замкнутой цепью рельефных полуовальных швов, направленных основанием к бортику. Пропорции орнамента, а также аккуратность, с которой он выполнен, указывают на то, что литейная форма, в которой отливалось зеркало, была с «рисунком». На тыльной стороне зеркала имеется тонкий кожаный ремень с бронзовой пуговицей и остатки шелковой материи и кожи от чехла.

У кости правой руки найдена лопатка, а под костями левой и правой стопы — плохо сохранившиеся черепа 2 баранов. С левой стороны скелета, между девятым ребром и тазовой костью, лежал точильный камень прямоугольной формы из мелкозернистого песчаника, с отверстием для подвешивания (рис. 6, 1). На нем находился железный пластинчатый нож плохой сохранности (рис. 5, 9). Вдоль левой ноги погребенной располагались череп и лопатка лошади. Череп

* Глубина могильных ям дается от верхнего края. В тех же случаях, когда верхний срез ямы определить не удалось, глубина ямы дается от верха насыпи, что оговаривается особо.

⁹ Все антропологические определения сделаны антропологом О. Исмагуловым, научным сотрудником ИИАЭ АН КазССР.

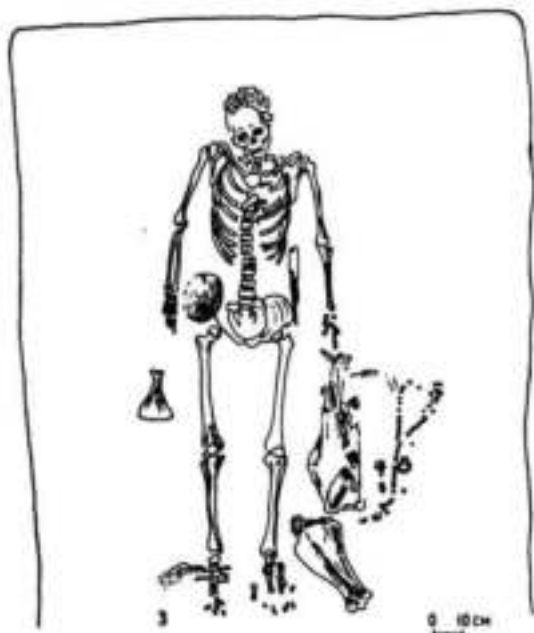
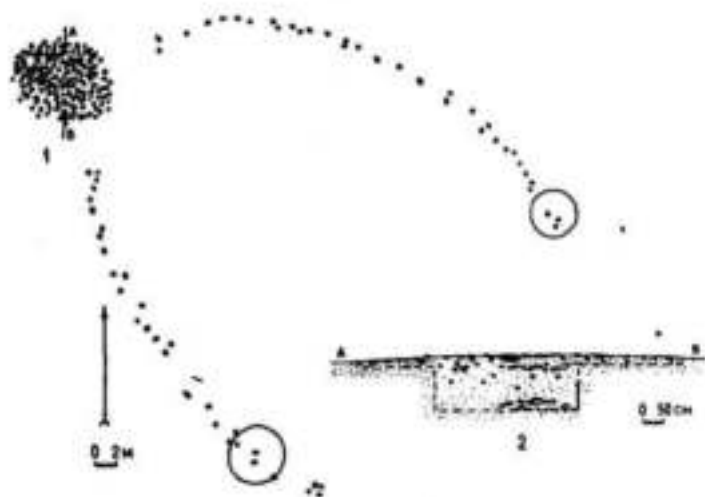
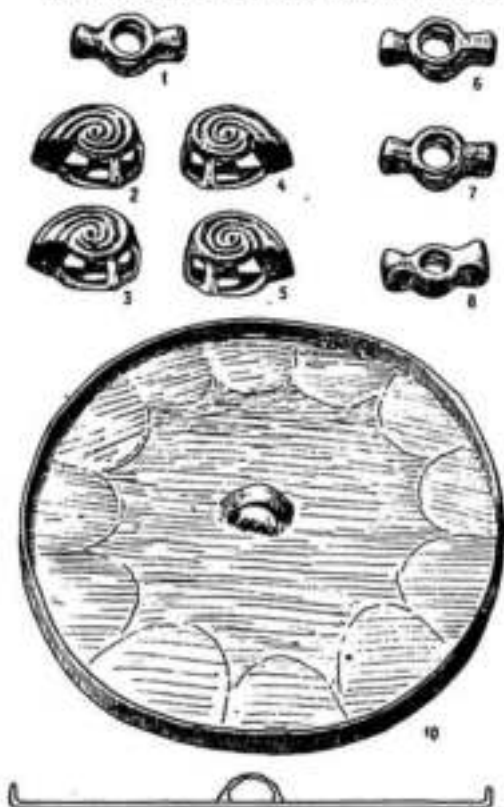

Рис. 4. Могильник Тасмола I, курган 19: 1—2 — план и разрез;
3 — могильная яма.

был повернут мордой к северу, а лобной костью вверх. В зубах лошади зажаты бронзовые стремевидные удила с насеченными на них трехдырчатыми псалля-

повода или, точнее, чумбура с нанизанными на него бронзовыми крупными бочонковидными бусами (рис. 7, 5) и бронзовыми бляшками, из которых наиболее интересна одна двухсторон-

0 1 см

рис. 5. Инвентарь из кургана 19 могильника Тасмола I: — 8, 10 — бронза; 9 — железо.

ми (рис. 7, 2), внешняя поверхность которых украшена двумя рядами желобков. В 10 см от удила, в месте перекрестия суголовного и намордного ремней, с обеих сторон черепа лежали бронзовые пронызы с четырьмя отверстиями для перекрестия ремней и рельефным спиралеобразным орнаментом на внешней поверхности (рис. 5, 2, 4). Такие же пронызы найдены по обеим сторонам черепа лошади, в месте пересечения суголовного и налобного ремней (рис. 5, 3, 5). Справа от черепа обнаружены скрученные в виде восьмерки остатки кожаного

повода или, точнее, чумбура с нанизанными на него бронзовыми крупными бочонковидными бусами (рис. 7, 5) и бронзовыми бляшками, из которых наиболее интересна одна двухсторонняя бляшка с изображением головы лося. На ней хорошо видны характерный лосяный нос с горбинкой, часть рога, нависающего над лбом, глаз и ухо (рис. 7, 1). Однако изображение неполное: не хватает разветвленной части рогов. Остальные находки представлены рамковидными прижками, пуговицеобразными пронызами и бляшкой листовидной формы с петлей на тупом конце и прорезным орнаментом в виде запятой (рис. 8). Несколько других бронзовых изделий тех же форм собрано в разных частях погребальной камеры.

Курган 20. Находится в 30 м к юго-востоку от предыдущего, на его южной «гряде», и имеет насыпь из земли и щебня. Диаметр — 7 м, высота — 0,4 м. Могильная яма перекопана грабителями. Погребения или его следов не обнаружено.

Курган 22 (рис. 9, 3—4) расположен в 70 м к северо-востоку от кургана 20. Структура насыпи та же, диаметр — 8 м, высота — 0,35 м. Могильная яма выявлена в центре кургана, под разрушенным перекрытием из каменных плит. Она имеет овальную форму (2,2 × 0,6 м) и ориентирована длинной осью с севера на юг. На дне ямы (глубина 1,3 м) в неповрежденном состоянии сохранились 6 позвонков и грудная кость человека, а также левая сторона грудной клетки. По ним можно установить, что погребенный лежал на спине, головой на север. Остальные части скелета встречены в разных местах в заполнении ямы.

Под сохранившейся левой плечевой костью погребенного лежал овальной формы жертвенник из мелкозернистого песчаника желтого цвета с темными диагональными прожилками (рис. 10, 2). Он имеет небольшой, но хорошо выраженный бортик по краю, а на тыльной

стороне — четыре продольных валика. В южном конце могильной ямы прослеживаются остатки конского черепа в

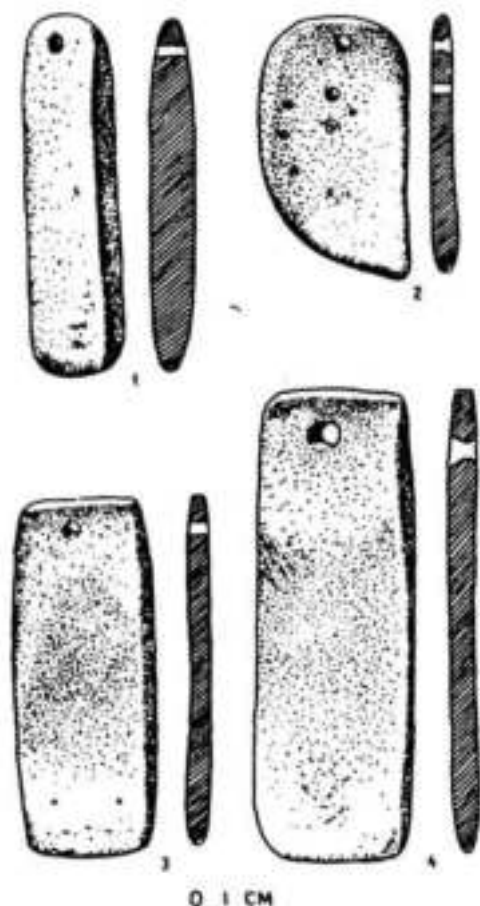

Рис. 6. Точильные камни: 1 — курган 19, Тасмола I; 2 — курган 24, Тасмола I; 3 — курган 1, Тасмола VI; 4 — курган 5а, Кармурун I.

виде обломков нижней челюсти с зубами. Здесь же найдены две круглые бронзовые пряжки с рамковидным выступом (рис. 8, 15, 18), бронзовые бочонковидные бусы, аналогичные собранным в кургане 19, проныз для перекрестия ремней и две пуговицевидные бляшки, из которых одна имела уплощенное кольцо на стержне, а другая — овалный щип-

ток, пропущенный через стержень (рис. 8, 4, 6).

Курган 24 (рис. 9, 1, 2) расположен в 30 м к востоку от предыдущего. Насыпь эллипсоидной формы, диаметром с севера на юг 9 м, с запада на восток — 11 м, высота — 0,3 м. Могильная яма (2,3×0,9 м) вытянута по длинной оси с севера на юг. На дне ямы (глубина 1,2 м) обнаружен полуразбросанный скелет мужчины зрелого возраста европеоидного типа. Непотревоженными оказались череп, правая плечевая кость, малые и большие берцовые кости. Судя по ним, скелет погребенного лежал вытянуто, на спине, головой на север.

Возле левой локтевой кости найден точильный камень из мелкозернистого песчаника (рис. 6, 2). Он саблевидной формы и имеет два сквозных отверстия (верхнее диаметром 6 мм, нижнее — 5 мм), расположенных одно над другим в широкой части камня. Между берцовыми костями человека оказались череп лошади и лопатка. Череп лежал лбом вверх, носовой частью на юг, а в зубах у него были зажаты бронзовые удила со стремевидными окончаниями (рис. 7, 4). У затылочной части конского черепа были по две бронзовых пряжки и бляшки, формы которых аналогичны описанным, и бронзовая пронызка с остатками перекрещивающихся ремней (рис. 8, 9). В южном конце ямы носовыми частями к югу располагались черепа барана и козленка.

ТАСМОЛА V

Могильник исследован в 1961 г. Находится в 1,8 км к северо-востоку от Тасмолы I и в 2 км к востоку от реки Шидерты. Состоит из пяти курганов, вытянутых ломаной цепочкой с севера на юг (рис. 11). Насыпи курганов земляные со щебнем. Один из курганов (1) опоясан по основанию кольцом из вертикально вкопанных в землю камней. Остальные четыре имеют широкие заплывшие рвы.

Курган 1 (рис. 12, 3, 4) — самый южный курган цепочки. Его диаметр с севера на юг — 6,7 м, с востока на запад — 6 м, высота — 0,6 м. Камни от опоясывающе-

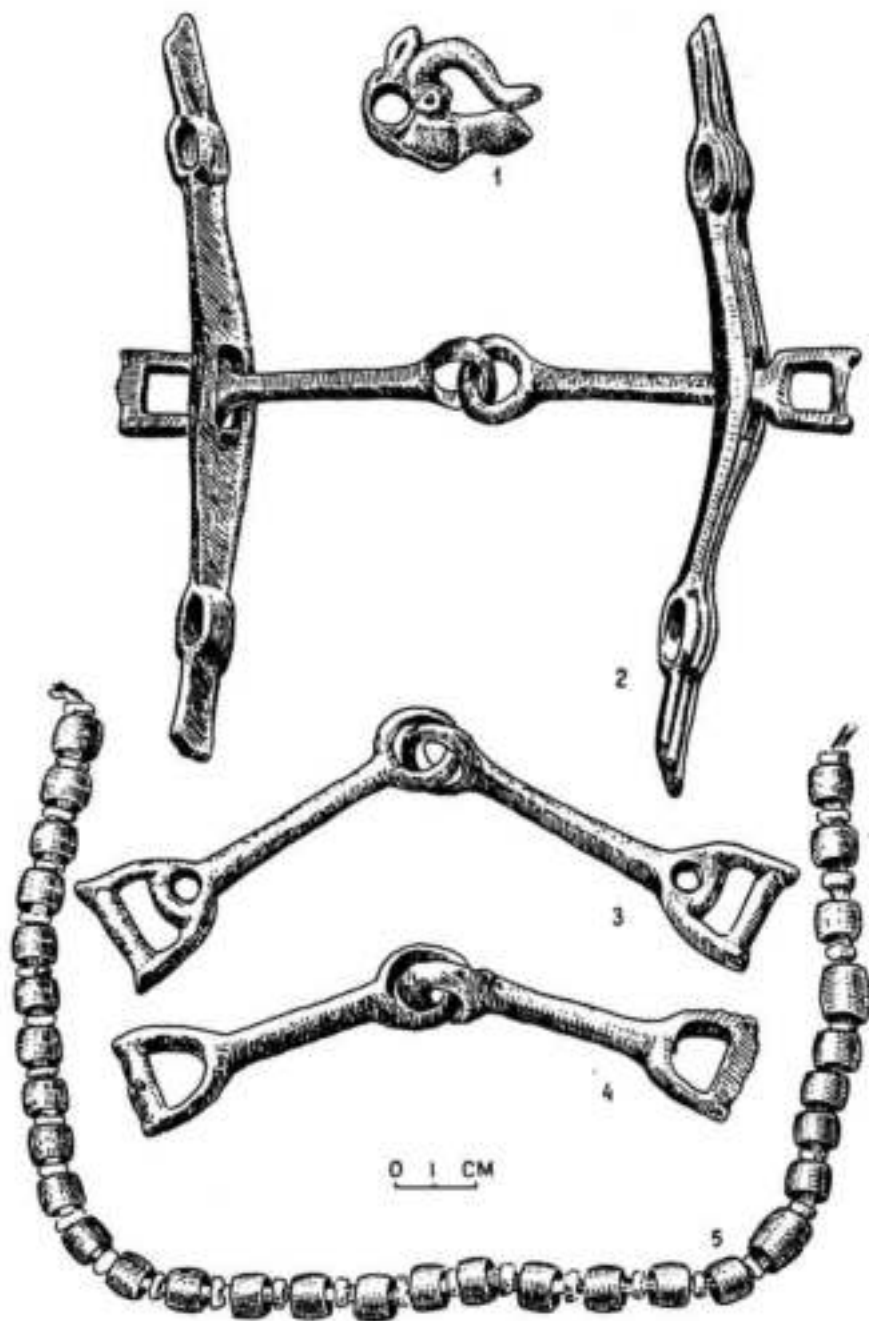

Рис. 7. Бронзовые наделки от уады лошади: 1—2, 5 — курган 19, Тасмола I; 3 — Толкагай; 4 — курган 24, Тасмола I.

Рис. 8. Могильник Тасмола I, бронзовые изделия: 1, 5, 7-9, 10-14, 16, 20 — курган 19; 2-3, 6, 17, 19 — курган 24; 4, 6, 15, 18 — курган 22.

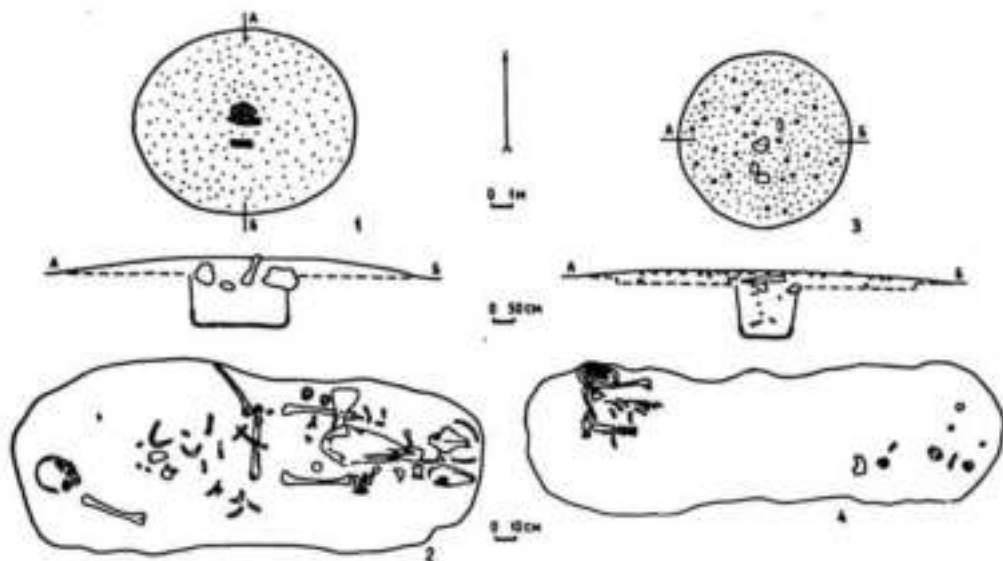

Рис. 9. Могильник Тасмола I: 1—2 — курган 24; 3—4 — курган 22.

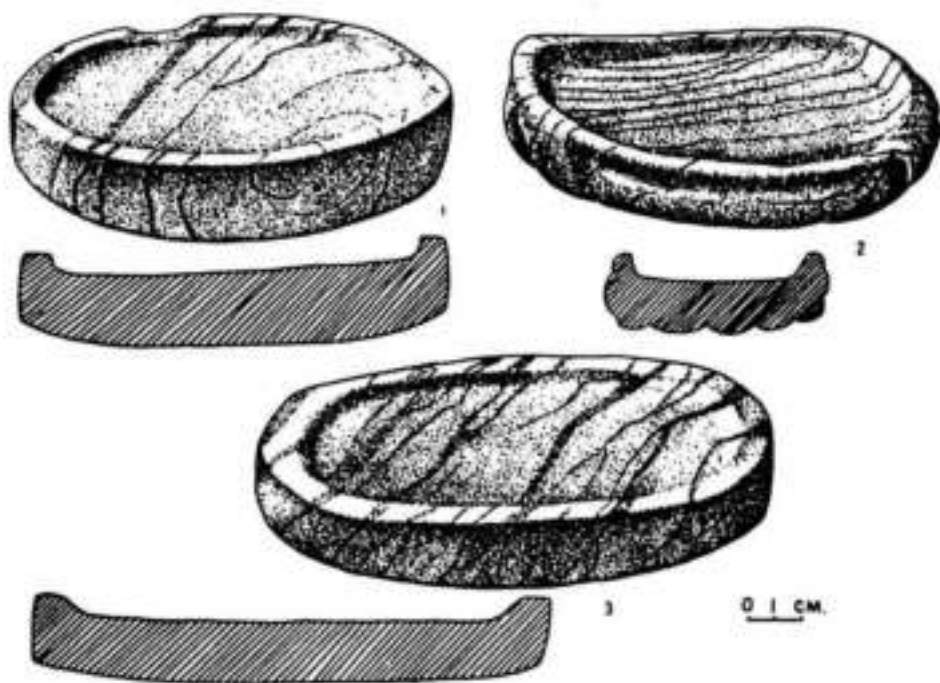

Рис. 10. Каменные жертвенники: 1 — курган 10, Карамурун I; 2 — курган 22, Тасмола I; 3 — курган 9, Карамурун I.

го кольца выступают на поверхности лишь с северо-восточной и юго-западной сторон. В насыпи кургана, на разной глубине и в разных ее концах, попада-

Рис. 11. План могильника Тасмо-лу V.

лись мелкие кости ног и зубы лошади, кости барана (ребра, мелкие кости ног).

Могильная яма, вскрытая в центральной части кургана, овальной формы ($1,5 \times 0,8$ м), ориентирована по длинной оси с северо-запада на юго-восток и перекрыта тремя каменными плитами. На дне (глубина 1,5 м) были разбросаны кости

подростка, а в юго-восточной части ямы найден череп барана.

Курган 2 (рис. 13) расположен в 12 м к северу от первого кургана. Диаметр с севера на юг — 17,5 м, с запада на восток — 18 м, высота — 1,2 м. Могильная яма овальной формы ($2,5 \times 0,8$ м) ориентирована также с северо-запада на юго-восток и перекрыта сверху каменными плитами. На дне (глубина 1,8 м) найдены разбросанные кости погребенного. Череп и большая часть костей туловища отсутствовали. По сохранившимся в нетронутом положении костям ног следует, что погребенный лежал головой на северо-запад.

У правой бедренной кости находился жертвенник из серого тонкозернистого песчаника с бортиком по краю и четырьмя выступами на коротких и длинных сторонах изделия (рис. 14, I). В южном углу ямы лежали череп барана и лопатка. Здесь же, в южной части ямы, когда-то находилось семь черепов лошадей и три черепа баранов, впоследствии выброшенные грабителями за северный борт могильной ямы. Установлено, что ограбление кургана производилось широким квадратом с захватом двухметровой площади за северным бортом могилы.

Расположение удила в зубах лошадей и уздечного набора близ черепов свидетельствует о том, что могила была ограблена вскоре после захоронения, т. е. до того как сгнили ремни уздечного набора.

У первого черепа лошади (северо-западный угол раскопа) найдены массивная бронзовая проныза для перекрестия ремней (рис. 15, I) и пять фигурных бронзовых обоймочек (рис. 16). Здесь же обнаружены лопатка и копыто лошади.

В зубах второго черепа (северная часть раскопа) найдены бронзовые кольчатые удила (рис. 15, 5), а в промежутке между головным позвонком и лопаткой имелись две бронзовые обоймочки прямоугольной формы (рис. 16). Слева от лопатки лежали массивная бронзовая фигурная проныза весом 81 г, состоящая из трех прямоугольных в сечении трубок, отлитых в одной литейной форме,

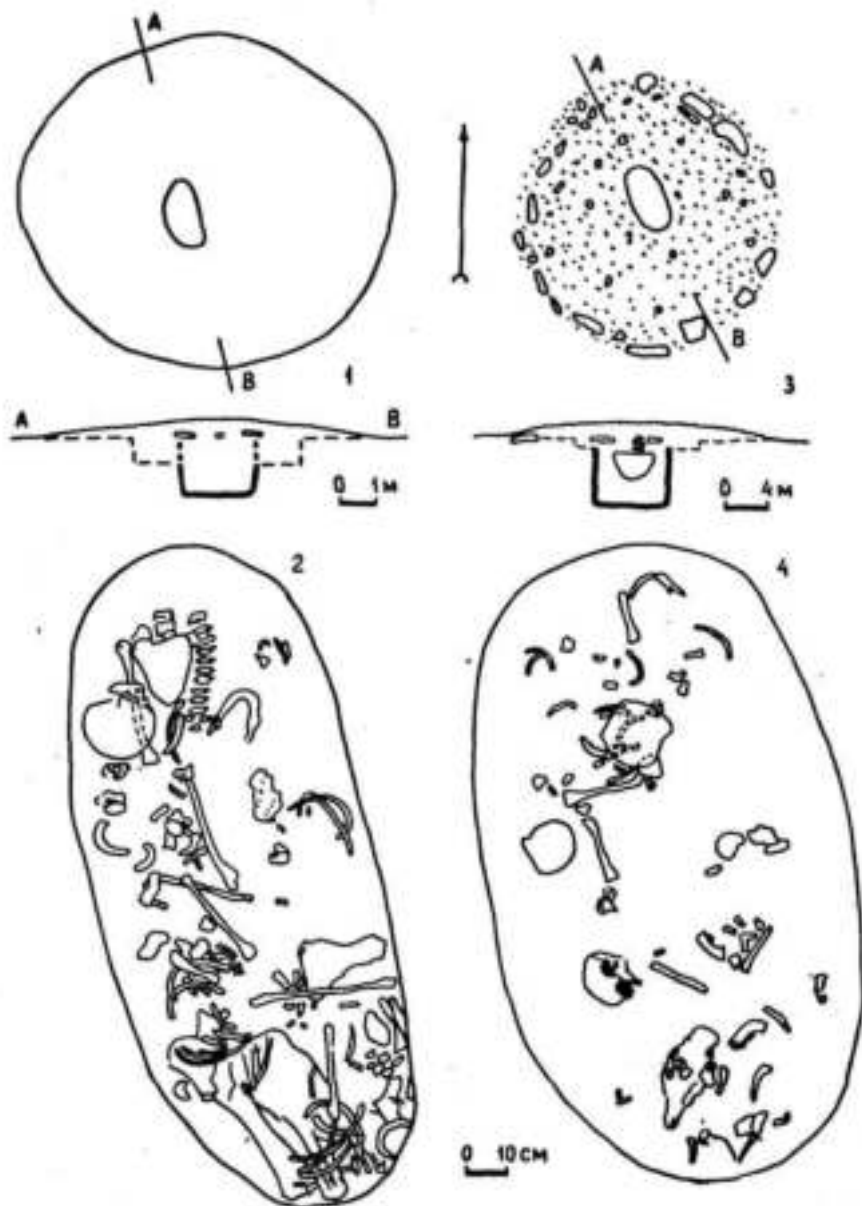

Рис. 12. 1—2 — курган 2, Тасмола VI; 3—4 — курган 1, Тасмола V.

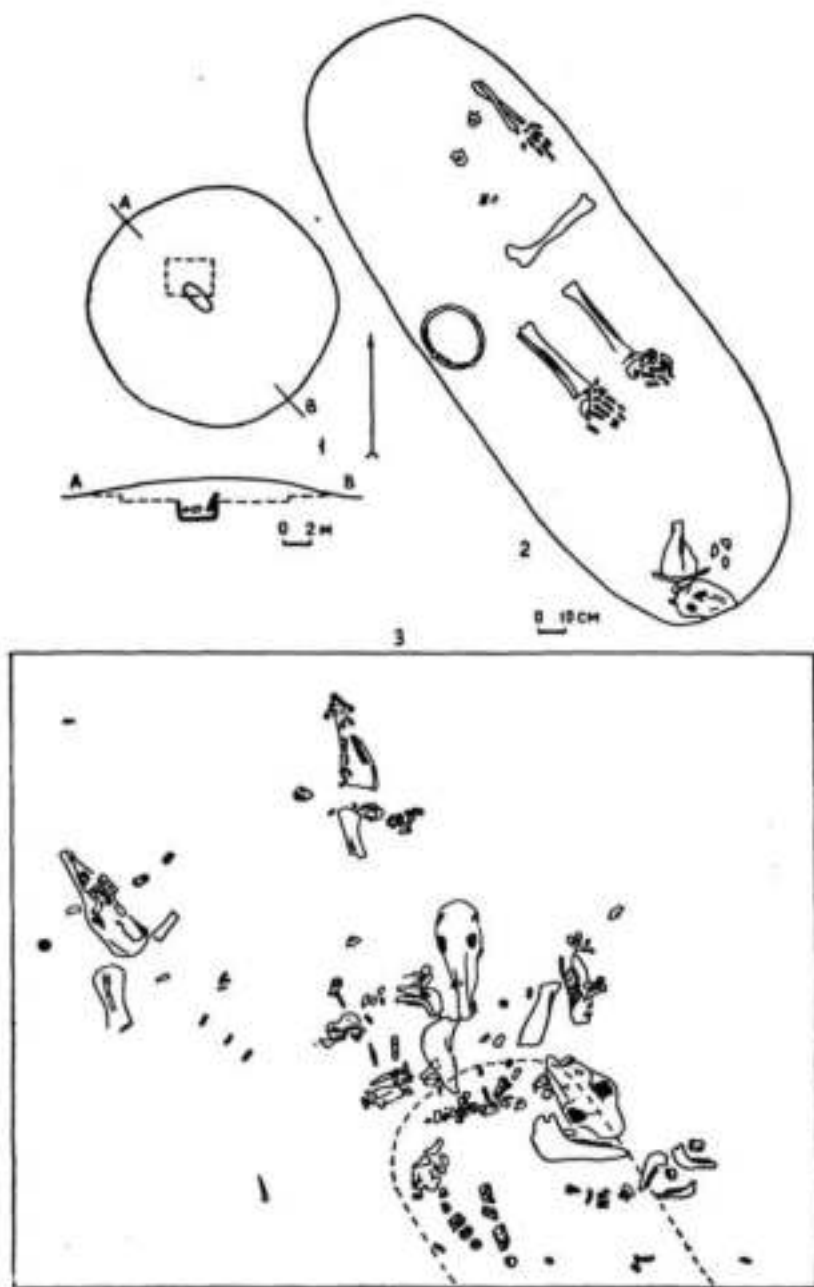

Рис. 13. Курган 2, Тасмола V: 1 — план и разрез; 2 — могильная яма; 3 — грабительский выброс.

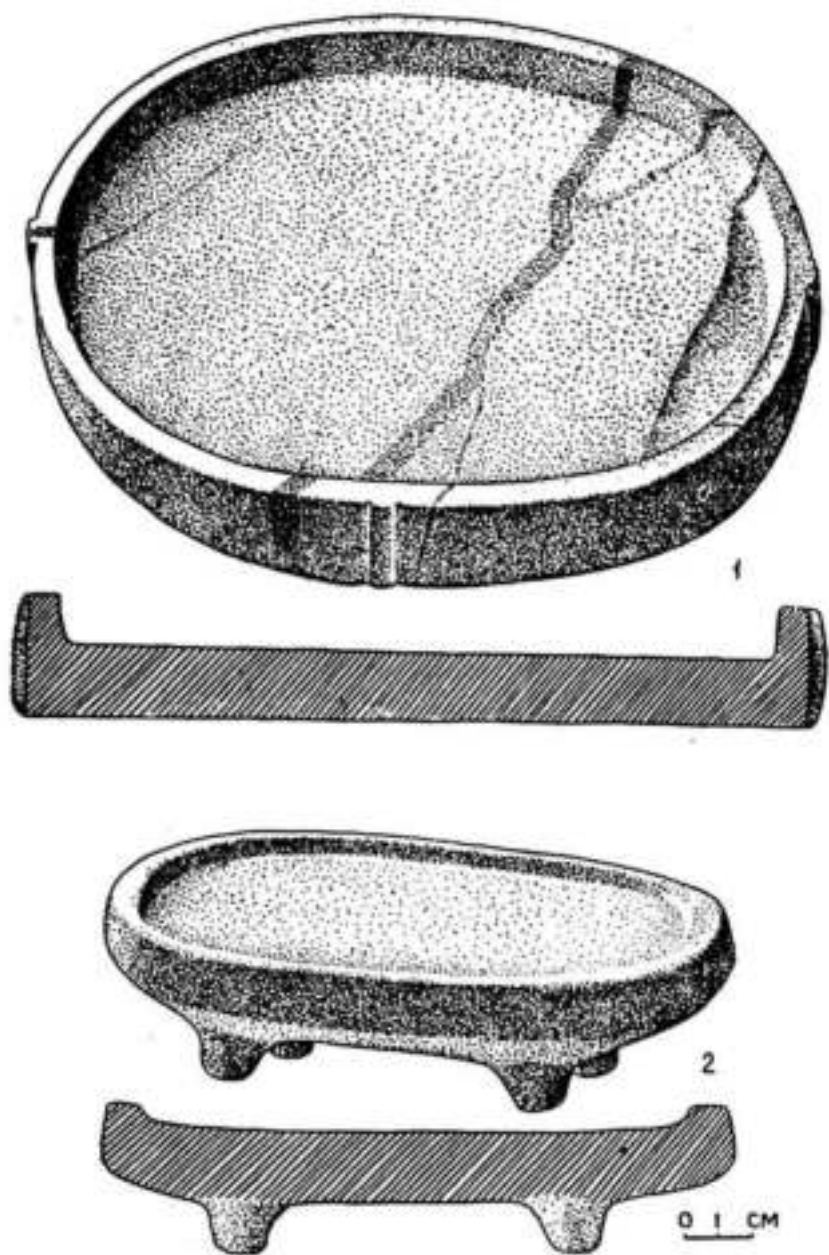

Рис. 14. Каменные жертвенники: 1 — курган 2, Тасмола V; 2 — курган 3, Даялбай.

Рис. 15. Бронзовые изделия из кургана 2, Тасмола V.

и массивный бронзовый колокольчик весом 260 г (рис. 17, 1).

От узды третьего черепа сохранилась только круглая бронзовая бляшка с неглубоким круглым вдавлением по центру и отверстием посередине (рис. 15, 3). В зубах развалившейся верхней челюсти четвертого черепа находились бронзовые стремявидные удила без дополнительного отверстия (рис. 15, 6), рядом — трехдырчатый роговой псалий (рис. 19, 3), а чуть дальше, у лба, — бронзовое скульптурное навершие козла.

Скульптура козла, изображающая его в момент приготовления к прыжку, покоится на двуколычатой стойке — основе (рис. 18).

Пятый и шестой конские черепа сильно разрушены. Между ними лежал бронзовый колокольчик (вес 140,5 г) такой же формы, что и описанный, но немного меньше и с ободкой прямоугольной формы (рис. 17, 3). Южнее на полметра, у оплывшего края могильной ямы, находилась фигурная проноза, аналогичная пронозе первого колокольчика. В заполнении могилы выявлен третий колокольчик (вес 201,5 г) такого же размера, как и первый (рис. 17, 4).

В зубах седьмого черепа обнаружены бронзовые стремявидные удила с дополнительными отверстиями (табл. 15, 7). Здесь же лежало несколько пронозок, бляшек, роговых поделок (рис. 15, 2, 4; 19, 1, 2), недалеко — второе бронзовое навершие козла (рис. 18) и обломок ро-

Рис. 16. Бронзовые изделия от узды лошади из кургана 2, Тасмола V. Уменьшено на 1/5.

гового псаля (рис. 19, 4). Этот псаля, сделанный, как и первый, из маральего рога, имел, по-видимому, три отверстия.

Всего в кургане найдено 40 различных изделий.

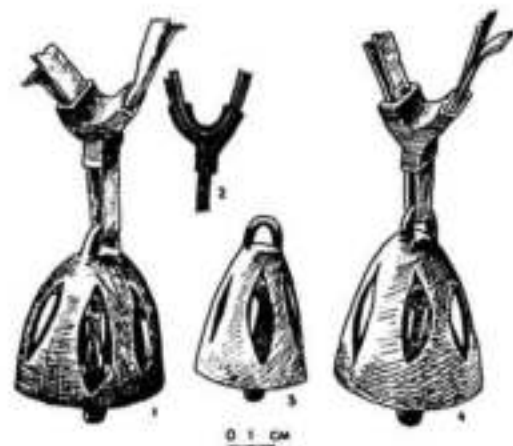

Рис. 17. Бронзовые колокольчики с обоями из кургана 2, Тасмола V.

Курган 3 (рис. 20, 3, 4; 21) находится в 20 м к северо-востоку от второго кургана. Диаметр — 20 м, высота — 1,6 м. Под насыпью кургана, по основанию, прослеживается кольцо из камня. Насыпь опоясывал широкий ров.

Могильная яма овальной формы (3,5 × 1,1 м) ориентирована длинной осью с севера на юг. На дне ее (глубина 1,5 м) находились разбросанный скелет погребенного, два конских и пять бараньих черепов.

Скелет человека занимал северную часть ямы. Судя по сохранившимся в неповрежденном состоянии костям ног и правой руки, погребенный лежал вытянуто, головой на север. В области его грудной клетки найдены четыре костяные фигурные накладки в виде колец, соединенных друг с другом (рис. 22). В одном из средних позвонков торчал бронзовый трехгранный черешковый наконечник стрелы (рис. 46, 14).

У правой плечевой кости лежала застежка из оленьего рога, выполненная в виде

стилизованной головы грифона. Наибольшая ее ширина — 4,2 см, длина — 5,2 см, толщина — 1,1 см. На ее внешней выпуклой поверхности вырезаны фигура мчащегося кабана, три головы козлов, головы волка и, вероятно, лось (рис. 62). Застегивающаяся часть пряжки оформлена в виде пяти смыкающихся колец.

Следует отметить, что «смыкающиеся кольца», известные нам по описанной пряжке и роговым накладкам, являются ни чем иным, как стилизованным изображением оленьих рогов. Именно таким приемом выполнены рога ордоского, чулымского, саянского и многих других оленей, исчерпывающую характеристику которым дала в своей работе Н. Л. Членова¹⁰.

У правой кисти руки погребенного найдено роговое изделие в виде звена стремевидных удил (рис. 23), ниже, у бедренной кости, располагался предмет из рога с вырезанным отверстием в полую часть и вторым фигурным отверстием в выпуклой части (рис. 19, 6). Рядом подняты три костяные пронизки: одна в виде уплощенного кольца с тремя валками по одной из длинных сторон, а две другие — фигурные, в виде радиально расходящихся лепестков, ворворки (рис. 22).

У ног скелета и вдоль его правой руки собраны кусочки железа и остатки дерева.

Южная часть ямы занята двумя черепами, двумя лопатками лошадей и пятью черепами и лопатками баранов. Черепа лошадей и баранов лежали веерообразно, мордами на восток, на них покоился скелет барана. На лбу восточного черепа лошади найдена золотая барельефная фигура хищника весом 7,1 г (рис. 63, 3), в зубах лошади зажатые бронзовые стремевидные удила (рис. 24, 8) с остатками пластинчатых железных псаля, украшенных по внешней стороне орнаментом из золотого листа толщиной 0,5 мм. Судя по сохранившимся фрагментам, псаля имел ширину около 2 см и тол-

¹⁰ Н. Л. Членова. Скифский олень. «МИА», 1962, № 115, табл. III, 4; IV, 12 и др.

щину 0,5 см. Края его украшены волнообразными золотыми лентами шириной до 3 и более миллиметров, а середина — зигзагом из таких же лент.

Ввиду сильной коррозионности и фрагментарности точно реконструировать псални не удалось. Однако можно предположить, судя по накипи железа на верхней дужке стремевидного окончания удила, что они насаживались на стремевидные кольца удила так же, как и псални из кургана 19 могильника Тасмола I.

Слева и у затылочной части черепа этой же лошади собрано 11 круглых железных бляшек, выпуклая поверхность которых украшена различными спиралеобразно-вихревого орнамента из того же золотого листа, каким были украшены и псални (рис. 71—72). Две из них служили пронизями для перекрестия суголовного и наморднного ремней, остальные, по-видимому, относились к уздечным украшениям.

У лопатки лошади лежала семитранная ворворка с остатками кожаного ремня в отверстиях (рис. 24, 5). Чуть севернее обнаружены парные бронзовые круглые пряжки с рамковидным выступом (рис. 24, 1, 2).

В зубах западного черепа также найдены стремевидные удила с остатками ремней на верхних дужках (рис. 24, 9). У затылочной части подняты бронзовая пряжка, скреплявшая на затылке суголовные ремни, две фигурные ворворки и бляха с ромбовидным штырьком (рис. 24, 3, 4, 6, 7).

Всего из могилы извлечено 34 предмета из бронзы, золота, кости и железа.

Курган 4 (рис. 25, 3—4) расположен в 50 м к северо-западу от предыдущего. Диаметр с севера на юг — 12,5 м, с запада на восток — 13,5 м, высота — 0,5 м. Могильная яма овальной формы (2,8 × 1,2 м) ориентирована по длинной оси с севера на юг.

На каменном перекрытии ямы обнаружены обломки длинных костей и позвонков лошади, кости ног и хвостовой позвонков барана.

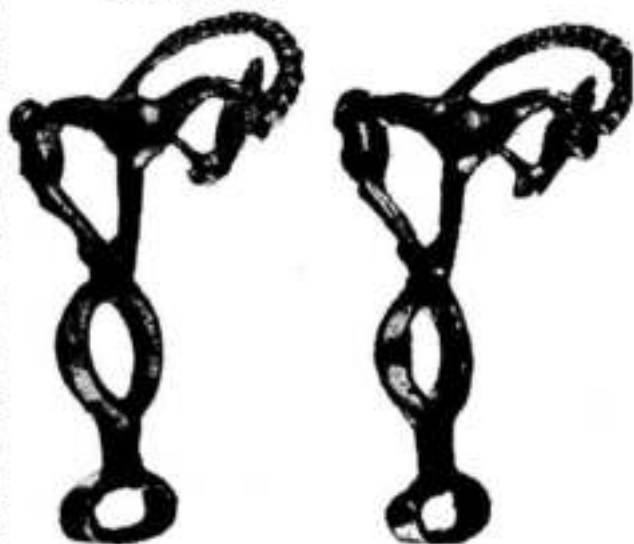

Рис. 18. Бронзовые скульптуры козлов из кургана 2, Тасмола V. Уменьшено на 1/2.

При расчистке заполнения могилы найдены три фигурные бронзовые пронизы от узды лошади.

На дне ямы (глубина 2,4 м) лежал скелет погребенного, на спине, головой на север. Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста европеоидного, близкого к андроновскому, типа. Кости туловища и ноги располагались не по центру ямы, а по диагонали с северо-запада на юго-восток, череп же находился точно в середине северного конца ямы. Кости рук согнуты в локтях, левая рука покоится на грудной клетке, правая откинута в сторону.

За черепом погребенного, у северного борта ямы, обнаружены обломки костей ног лошади. У правой тазовой кости кучкой лежали 27 пастовых светло-голубых бусин, а рядом придавленная тазовыми костями золотая барельефная фигурка хищника (вес 8,7 г), по краям которой были сделаны миллиметровые отверстия для нашивания, по три с каждой длин-

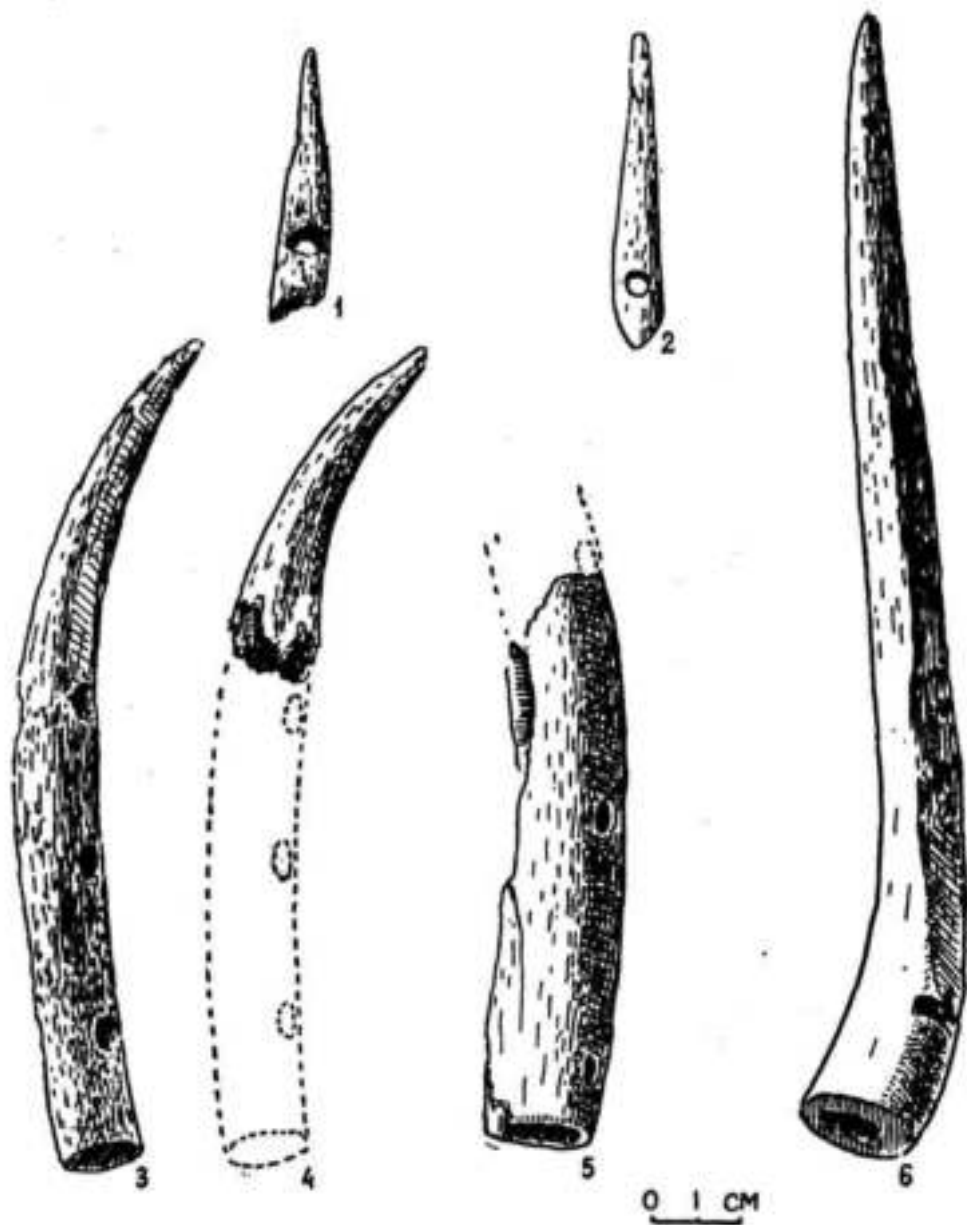

Рис. 19. Наделки на рога и кости: 1—4 — курган 2, Тасмола V; 5 — курган 1, Тасмола VI; 6 — курган 3, Тасмола V.

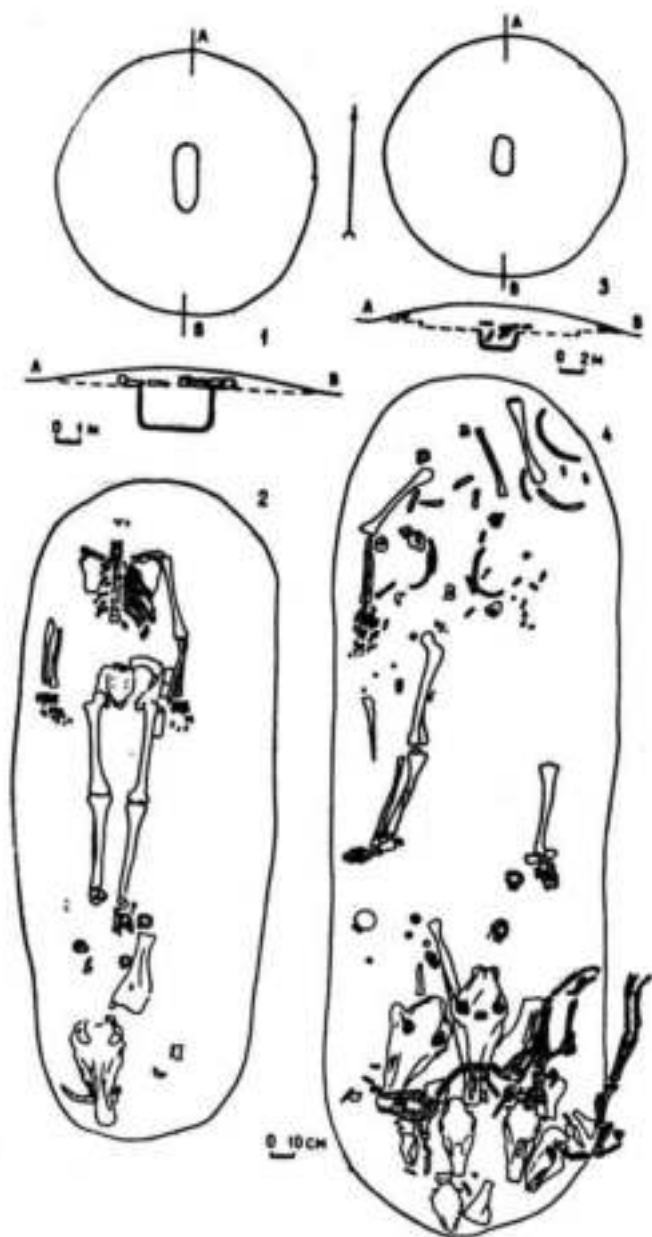

Рис. 20. 1—2 — курган 1, Тасмола VI; 3—4 — курган 3, Тасмола V.

ной стороны. Длина бляшки— 6,5 см, ширина — 4,3 см, толщина золотого листа — 0,2 мм (рис. 63, 4). Она на 2 см длиннее и на 1,3 см шире фигуры из кургана 3. Изображения на них чрезвычай-

размеров отличалась от бляшки из кургана 4 иным практическим назначением. Если последняя служила украшением пояса или платья, то первая являлась налобной бляшкой узды лошади. По

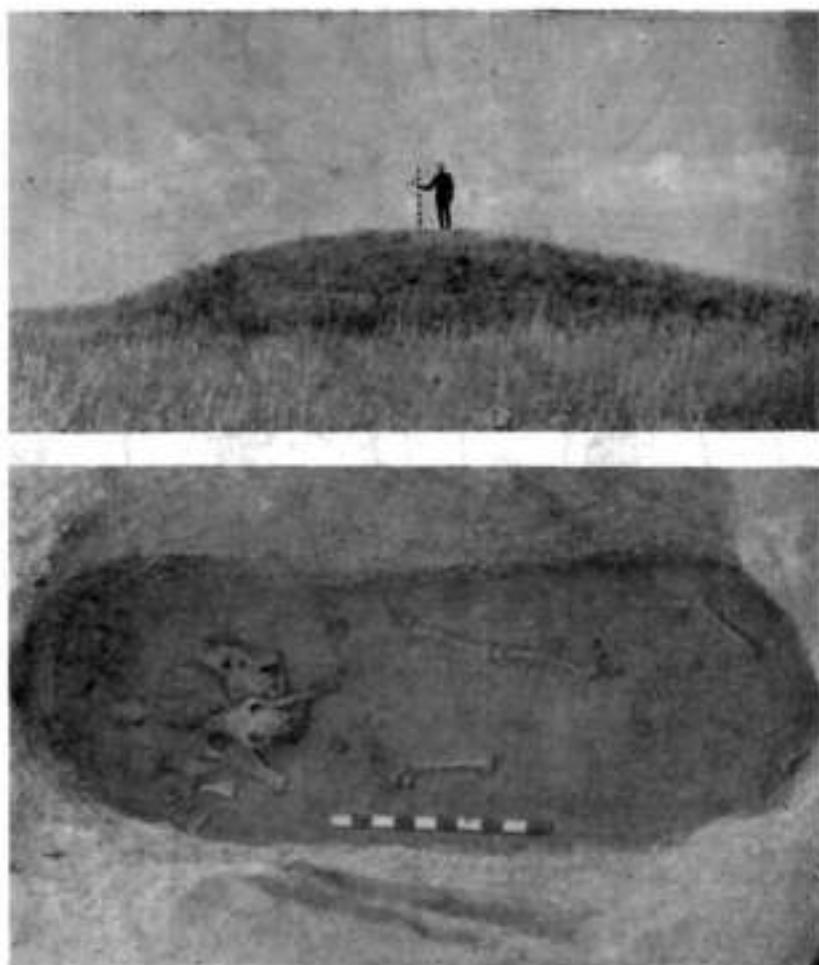

Рис. 21. Внешний вид и земляная яма кургана 3, Тасмола V.

но сходны: на обеих мы видим фигуру тигра в спокойной позе с повернутой направо головой и вытянутыми передними лапами, туловище дано в профиль, а хвост на конце закручен в кольцо. Фигурка хищника из кургана 3 помимо

краям ее имелось 13 отверстий, а на тыльной стороне, в верхней части,— петля из золотого листа шириной 0,5 см.

Курган 6 (рис. 25, 1, 2) находится в 40 м к северу от кургана 4. Диаметр —

Рис. 22. Изделия из кости. *Натуральная величина.*

13 м, высота — 0,6 м. Под насыпью, в центре кургана, выявлено перекрытие из каменных плит, на нем прослеживается слой древесного угля толщиной 1,5 см. Могильная яма овальной формы (2,6 × 0,9 м) ориентирована по длинной оси с севера на юг. На дне (глубина 2,1 м) находились в беспорядке кости погребенного, а в южной части — череп лошади, лопатка, копытная кость и два черепа баранов и их лопатки. Сохранившиеся в неповрежденном состоянии кости ног и правой руки человеческого скелета свидетельствуют о том, что умерший был погребен на спине, головой на север.

Слева от скелета, в месте левой плечевой кости, кучкой лежали 146 каменных и пастовых бусин самой разнообразной формы: плоской, бочонковидной, ребристой, биконической и круглой в сечении. Наиболее крупные плоские бусы сделаны из морских раковин¹¹. Большинство составляют пастовые бусины, покрытые иногда лимонитовой окраской (желтая краска из охристого бурого железняка). Часть пастовых ребристых бу-

си имеет ярко серебристый цвет. Небольшое количество материала не позволило специалистам точно определить состав этой окраски. Предполагают, что это или белая слюда (мусковит), или бокситы.

Значительное количество бус сделано из бирюзы двух цветов: голубого и голубовато-зеленого, а также из сердолика. Сердоликовые бусы украшены разнообразными узорами, нанесенными содовым раствором. Этот орнамент может быть разделен на несколько групп: елочный узор и змейчатый в одну или две полосы, в виде круглых глазков с точкой посредине и без нее (рис. 69).

Рядом с бусами находились две золотые барельефные фигурки хищников (рис. 63, 1, 2). Одна из них имеет длину 3,8 см, ширину 3 см и весит 4,5 г. Вторая фигурка миниатюрнее, длина ее — 1,9 см, ширина — 1,5 см, вес — 1,2 г.

Хищники изображены в тех же позах, что и на двух описанных бляшках.

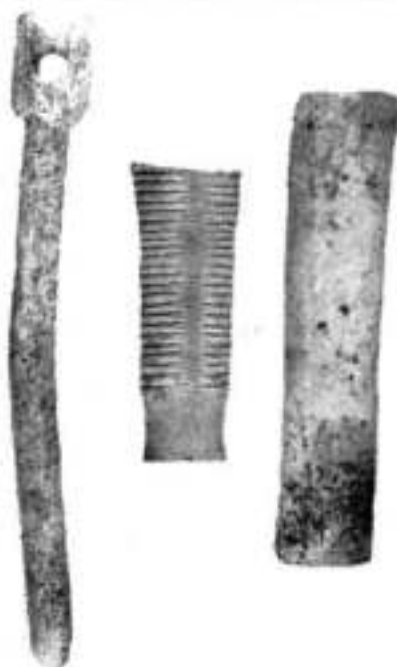

Рис. 23. Изделия из рога и кости. *Натуральная величина.*

¹¹ Материал бус был определен петрографом Т. В. Кравченко (Институт геологических наук АН КазССР).

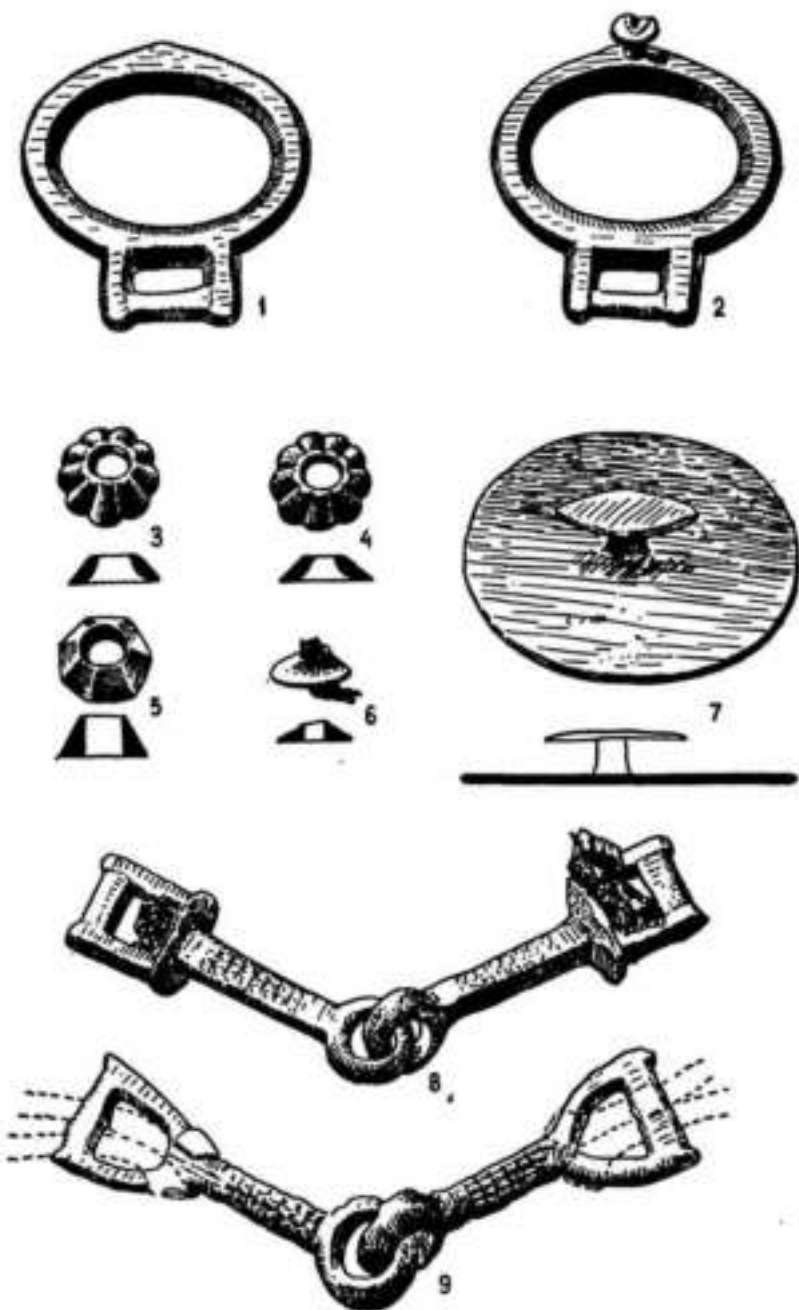

Рис. 24. Бронзовые предметы из кургана 3, Тасмола V.

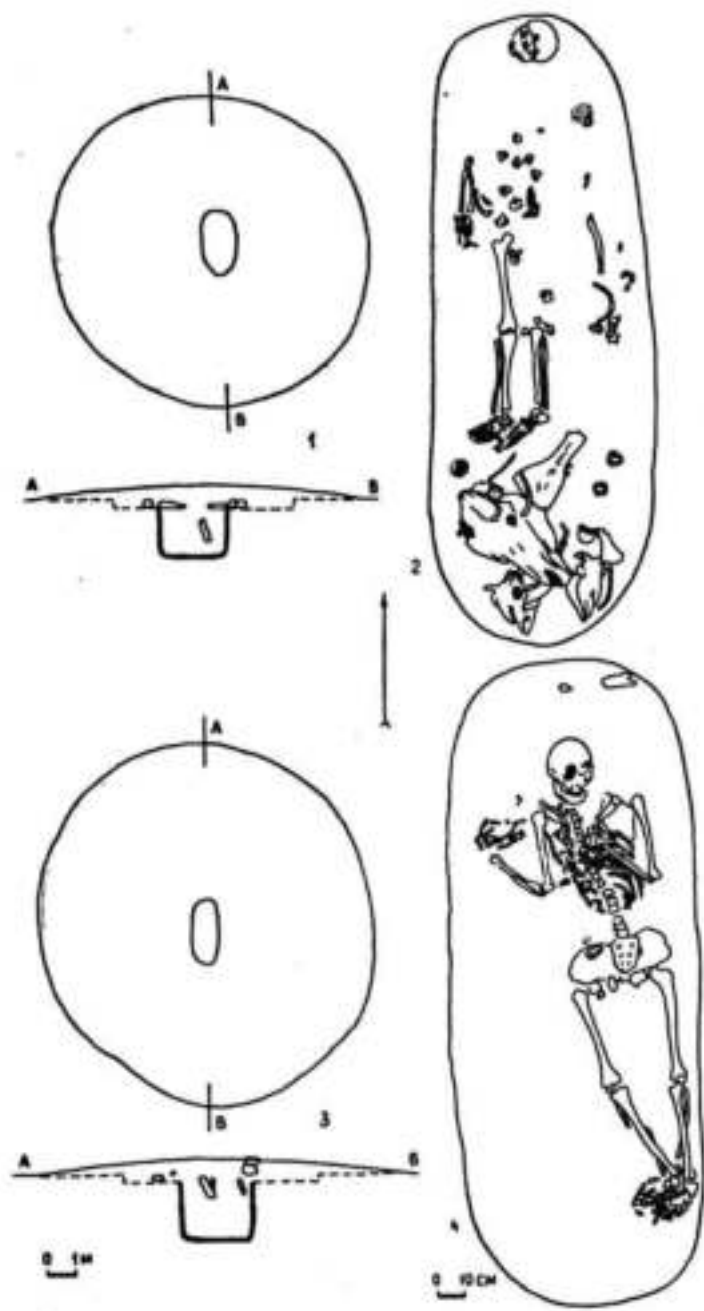

Рис. 25. Тасмола V: 1-2 — курган 6; 3-4 — курган 4.

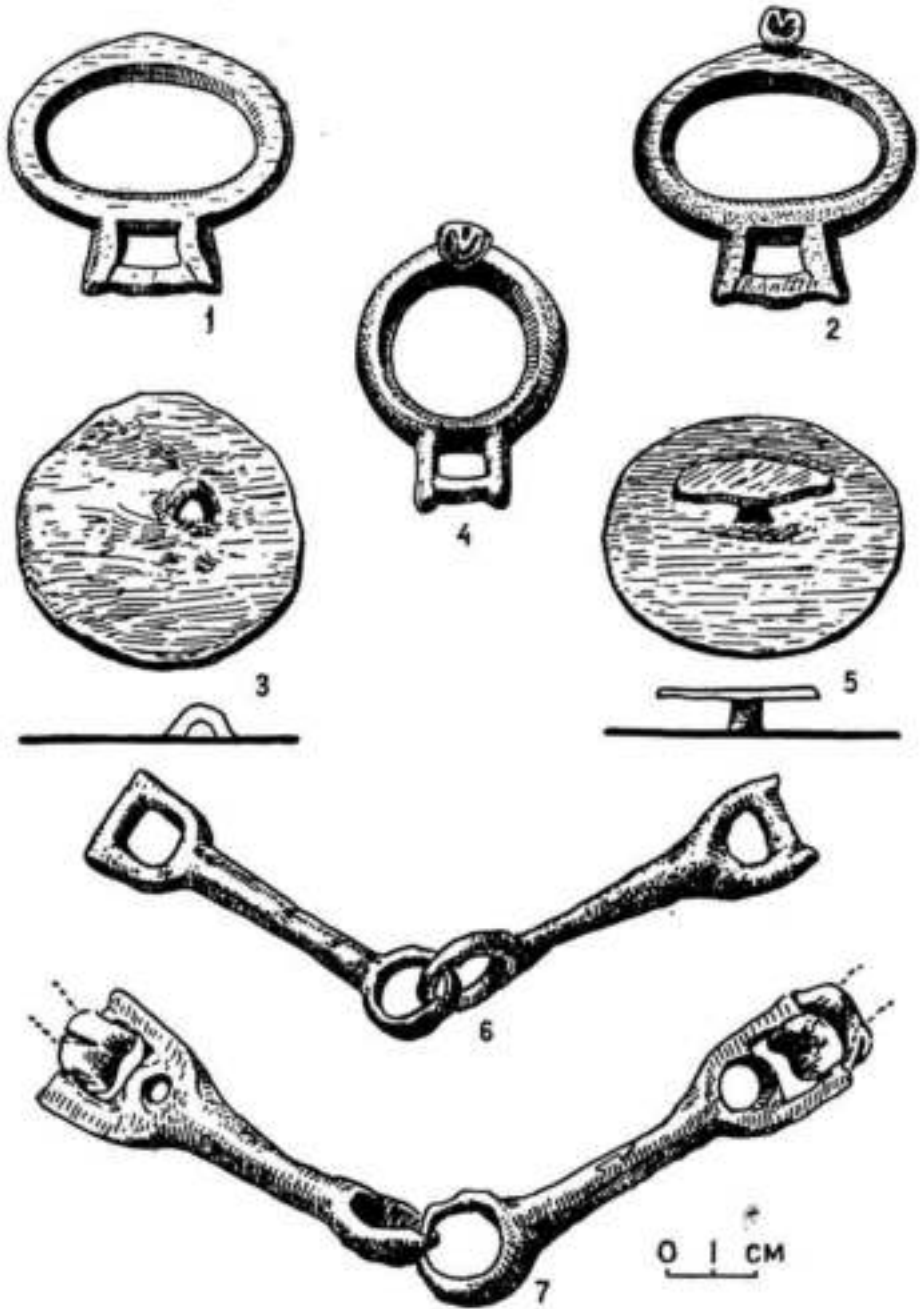

Рис. 26. Бронзовые предметы: 1—2, 5, 7 — курган 6, Тасмола V; 3 — курган «а»; 6 — курган 2, Тасмола VI; 4 — курган 4, Нурманбет II.

По краям этих бляшек ироделаны такие же миллиметровые отверстия: на большой — восемь, по четыре на каждой длинной стороне, на малой — пять, одно снизу и три сверху.

У левой локтевой кости погребенного лежало фигурное золотое изделие весом 5,6 г, напоминавшее навершие или миниатюрную рукоятку какого-то предмета (рис. 68). Оно состояло из свернутого в трубку золотого листа толщиной 0,5 мм, верхний конец которого был украшен навершием из шести прямоугольных в сечении проволочек (толщина 2 мм), спаянных между собой и образовавших сложную восьмеркообразную фигуру из трех проволочек внизу и столько же проволочек сверху. Все изделие покрыто ромбовидными вдавлениями с горизонтальными линиями впадин, что придает этому предмету особую привлекательность.

Южная половина могильной ямы занята конским черепом и двумя черепами баранов, повернутыми мордами к югу. В зубах лошади зажаты бронзовые стремевидные удила с дополнительным отверстием и остатками на планках ремня от повода (рис. 26, 7). Около внешних колец удила сохранились фрагменты сильно корродированных железных псалнев с золотой инкрустацией, аналогичных псалням из кургана 3. У затылочной части конского черепа лежали две бронзовые пряжки с рамковидным выступом (рис. 26, 1, 2), бляшка с ромбовидной «запонкой» на стойке (рис. 26, 5) и четыре железные бляшки круглой формы, которые, как и бляшки из кургана 3, инкрустированы спиралевидным орнаментом из золотого листа.

Всего в кургане кроме 146 бусин найдено 12 бронзовых, золотых и железных изделий.

ТАСМОЛА VI

Могильник находится в 300 м к северо-востоку от предыдущего и состоит из двух курганов, вытянутых по линии с северо-запада на юго-восток и отстоящих друг от друга на расстояние 24 м, и одного погребения без насыпи, расположенного между ними (рис. 27).

Курган 1 (рис. 20, 1, 2) — крайний северо-западный. Диаметр — 11 м, высота — 0,8 м. Под насыпью кургана обнаружен каменный завал, занимающий центр кургана с севера на юг на 5,9 м, с запада на восток — на 3,7 м.

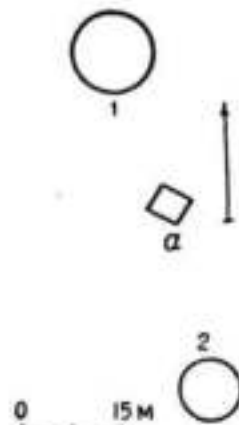

Рис. 27. План могильника Тасмола VI.

Могильная яма, обозначившаяся в центре завала, свободного от камней, овальной формы (2,7×1,1 м) и ориентирована длинной осью с севера на юг. На дне ее (глубина 1,6 м) лежал скелет человека, на спине, в вытянутом положении, головой на север. Череп отсутствовал. У левой бедренной кости находился точильный камень из топкизернистого песчаника с отверстием для подвешивания (рис. 6, 3). Слева у пояса сохранились остатки ткани грубого плетения, шелкового шнура и кожи, на которой лежала бронзовая двухпластинчатая обоймочка с петлей (рис. 28, 1). Через прониз обоймы протет двухслойный кожаный ремень.

Около точильного камня, в сохранившемся куске древесной коры и материи, обнаружена бронзовая прониз-подвеска с петлей на одной из коротких сторон и остатками кожаного ремня (рис. 28, 7). Древесная кора и материя остались, по-видимому, от колчана. Вероятно, и про-

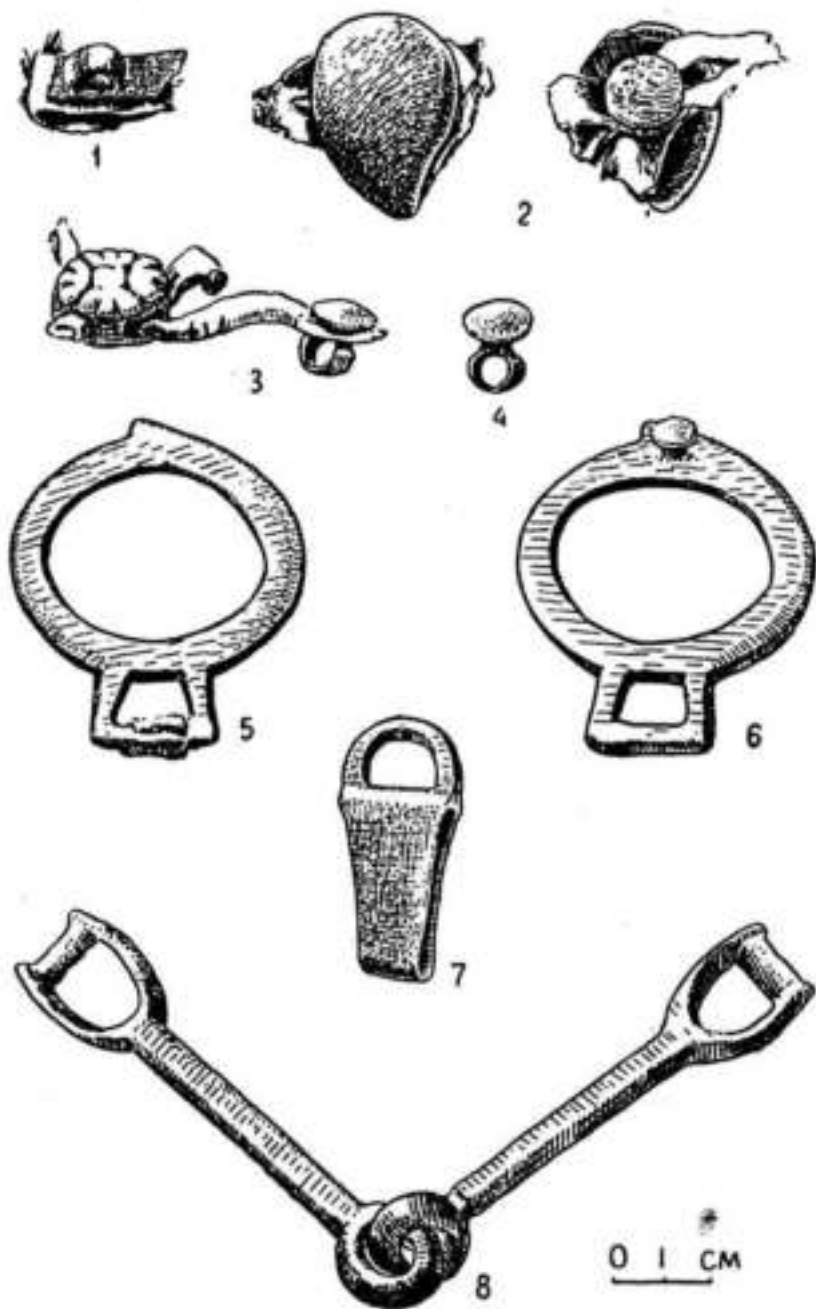

Рис. 28. Инвентарь из кургана 1, Тасмола VI.

низь-обойма предназначалась для подвешивания колчана к поясу.

Интересна техника изготовления прои-зи-подвески. В форме отливалось полукольцо вместе с прямой пластиной, суживающейся в средней части и расширяющейся к концам. Свободный конец пластины после извлечения из формы в узкой средней части сгибали и крепили широким концом с прямым окончанием полукольцу.

Южную половину ямы занимали череп лошади, лежавший мордой на юг, ее лопатка, два позвонка и копыточная кость. В зубах лошади находились бронзовые стременидные удила (рис. 28, 8), с правой стороны черепа обнаружен трехдырчатый псалий из трубчатой кости (рис. 19, 5). На лопатке лошади лежала бронзовая пуговицевидная бляшка (рис. 28, 4), рядом — две бронзовые пряжки с рамковидными выступами (рис. 28, 5, 6). На одной из них сохранился кусок ремня. Он опоясывал рамковидную планку, а два его конца были сшиты с внешней стороны планки сухжилем.

Здесь же располагалась бронзовая бляшка в форме запятой, с остатками ремней (рис. 28, 2). Ремни крепились с бляшкой следующим образом: первый ремень шириной 2,5 см имел закругленный конец, разрезанный для насадки на стойку, второй же насаживался через шляпку и выходил за пределы бляшки в обе стороны.

Рядом найдены бронзовая прои-за для перекрестия ремней и пуговицевидная бляшка, соединенные между собой ремнями. Прои-за сохранила два перекрещивающихся ремня. Один из них проходил к пуговицевидной бляшке и насаживался на ее стержень. В кольцо же бляшки пропускался второй ремень и завязывался улом со стороны, обращенной к прои-зе (рис. 28, 3).

Всего в кургане выявлено 12 бронзовых, каменных и костяных изделий.

Курган 2 (рис. 12, 1, 2), диаметр по линии с севера на юг — 9 м, с запада на восток — 10 м, высота — 0,6 м. Могильная яма овальной формы (1,7 × 0,7 м) ориентирована по длинной оси

с СЗС на ЮВЮ. Две меньшие стороны ямы покрыты каменными плитами. Центральная часть свободна, плита, находившаяся здесь, откинута grabителями в сторону.

На дне ямы (глубина 1,5 м) в беспорядке лежали кости человека. По позвоночным костям, оказавшимся непогребенными, видно, что погребенный был ориентирован головой на СЗС.

Южную часть ямы занимали череп и лопатка лошади, череп и лопатка барана.

В зубах конского черепа зажаты бронзовые стременидные удила (рис. 26, 6). По сточенному на $\frac{2}{3}$ толщины внутреннему кольцу одного из звеньев видно, что удила были долго в употреблении.

Погребение «а» (рис. 29, 1, 2). Как уже отмечалось, оно не имело надмогильной насыпи и его нельзя назвать в полном смысле курганом. Но по конструкции могильной ямы и обряду погребения оно ничем не отличается от описываемых памятников.

Погребение отмечено на поверхности двумя массивными каменными плитами, под которыми обнаружена могильная яма овальной формы (1,8 × 0,6 м), ориентированная по длинной оси с севера на юг. На дне ее (глубина 1,6 м) лежал скелет мужчины возмужалого возраста (европеоидный тип, близкий к андроновскому), на спине, вытянуто, головой на север. У нижней челюсти погребенного, в третьем шейном позвонке, торчал бронзовый однолезвийный нож с кольцевидным окончанием (рис. 43, 11).

Между правой рукой и тазовой костью среди остатков кожи и ткани лежала бронзовая круглая бляшка с ушком на тыльной стороне (рис. 26, 3). Между левой тазовой костью и рукой найден каменный жертвенник овальной формы с бортиком по верхнему краю (рис. 30, 3). На дне его сохранились остатки древесных угольков. Сверху он был покрыт точильным камнем со сквозным отверстием для подвешивания (рис. 31, 3).

У ног скелета лежал предмет из трубчатой кости (длина 8,4 см), закупоренный

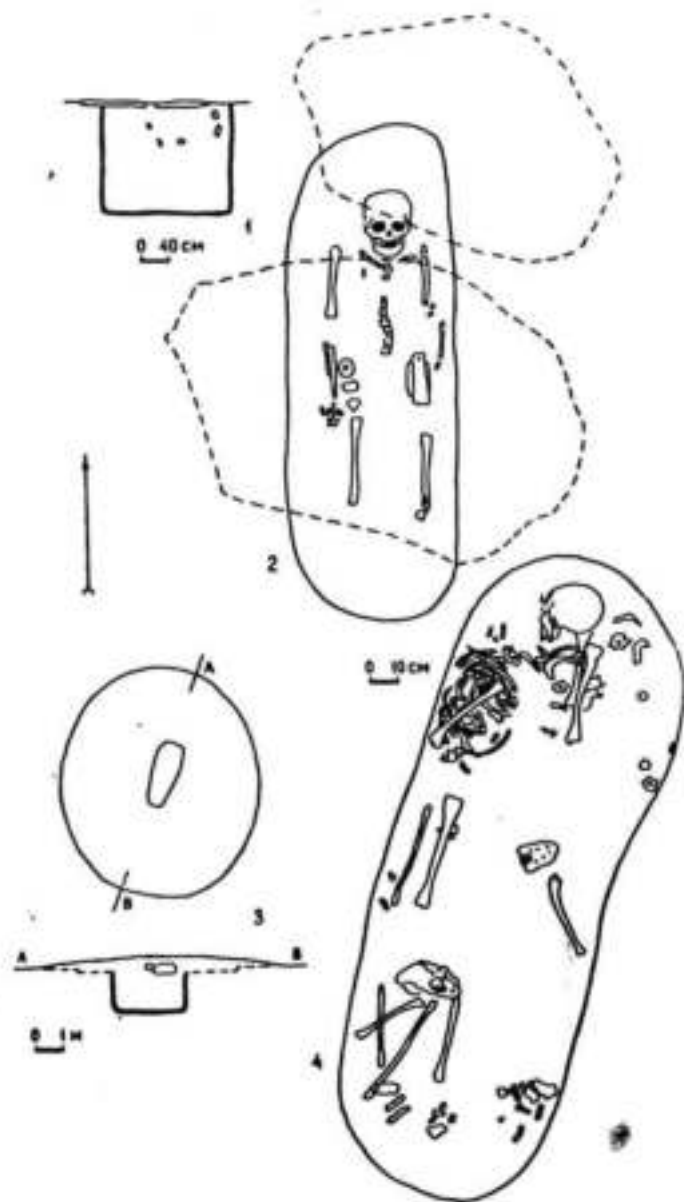

Рис. 29. Тасмола VI: 1—2 — курган «а»; 3—4 — курган 3.

с одного конца миниатюрной деревянной пробкой (рис. 23). Всего в кургане найдено пять изделий.

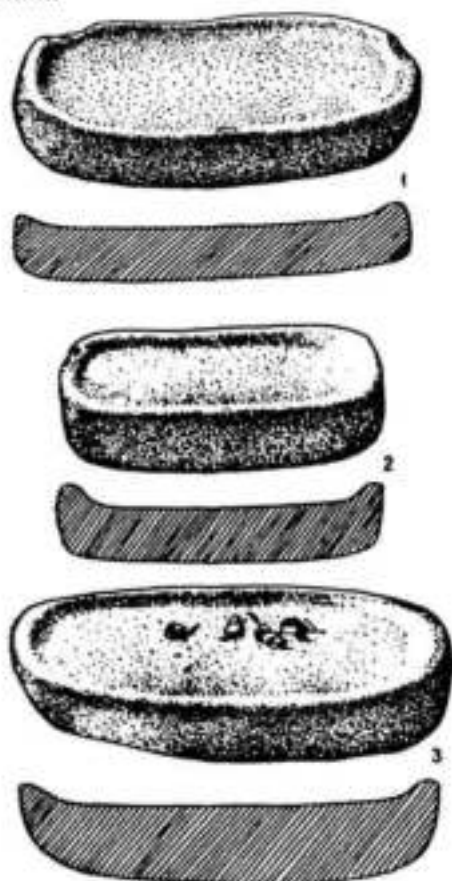

Рис. 30. Каменные жертвенники: 1 — курган 5а, Карамурун I; 2 — курган 5б, Карамурун I; 3 — курган «а», Тасмола VI.

В 1962 г. отрядом были произведены раскопки нескольких курганных групп могильников Карамурун и Нурманбет, расположенных по обеим берегам р. Шидерты. Большинство погребений относится ко второму этапу тасмолинской культуры, однако среди них есть и более ранние памятники. Это прежде всего курган 5ж в группе Карамурун I. Курган 5ж (рис. 32) имеет каменную насыпь диаметром с севера на юг 8 м,

с запада на восток — 7 м, высотой 0,3 м. Под насыпью, в центральной части, вскрыта яма, ориентированная по длинной оси с СЗС на ЮВЮ. В восточно-северо-восточную стенку ямы уходил подбой (2,3×1 м), ориентированный в том же направлении, что и яма. Горловина его была высотой 0,6 м.

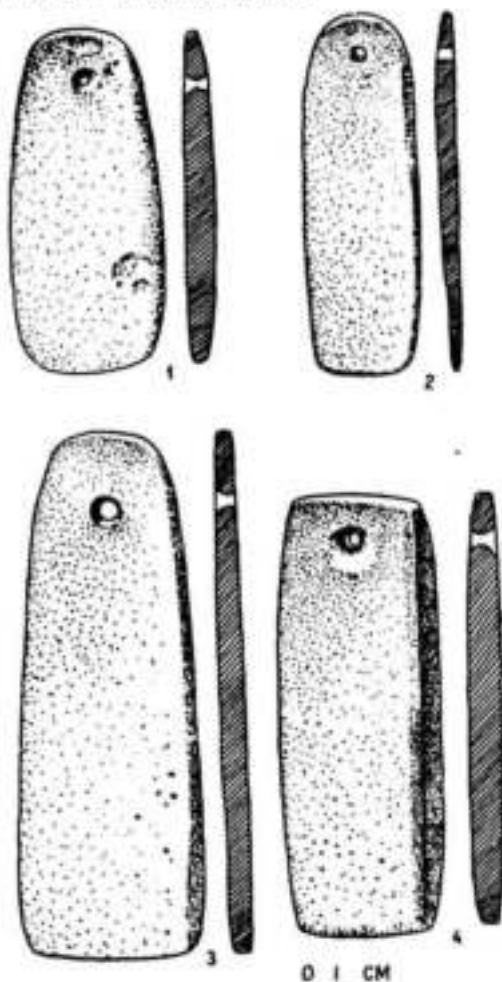

Рис. 31. Точильные камни: 1 — курган 3, Карамурун II; 2 — курган 2, Карамурун I; 3 — курган «а», Тасмола VI; 4 — курган 2, Вугулы.

Найденные в заполнении центральной камеры обломки каменных плит служили, по-видимому, заставкой подбоя. На

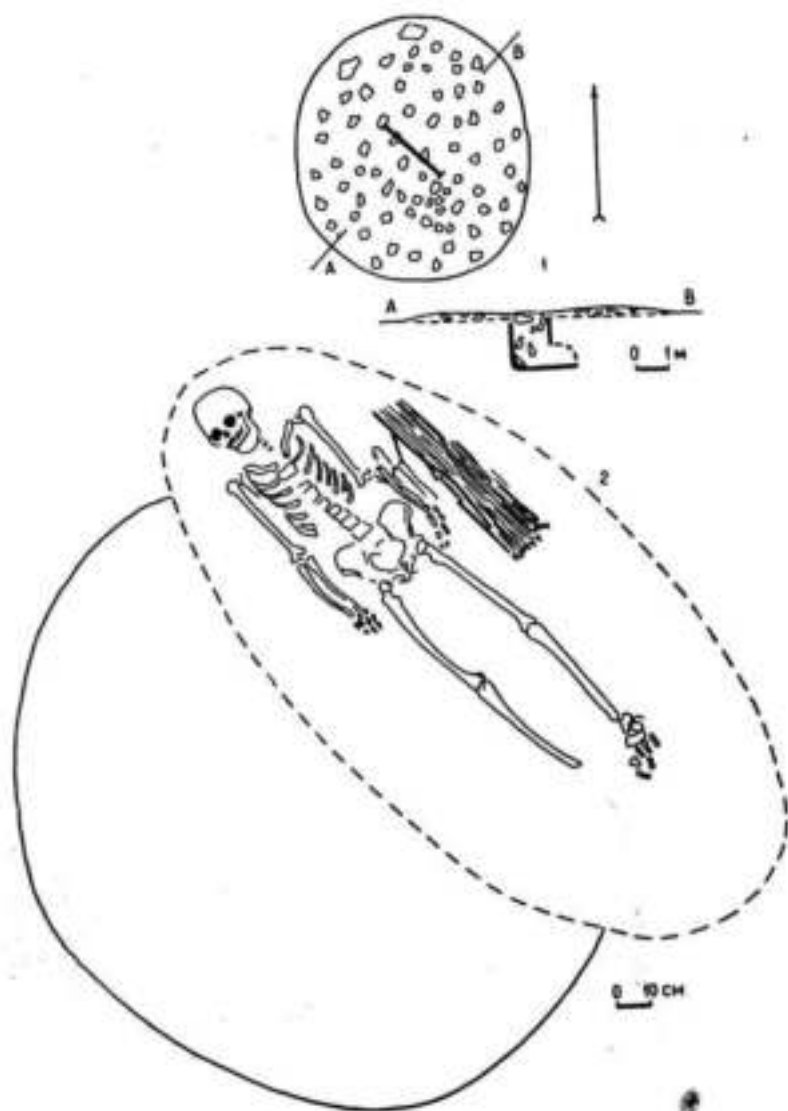

Рис. 32. Карамурун I, курган 5 ж.

дне его, в вытянутом положении, на спине, лежал скелет погребенного, головой на северо-запад. Это был мужчина зрелого возраста, европеоидного, близкого к андроновскому, типа.

Слева от него находились остатки колчана с большим набором стрел, обращенных наконечниками к ногам (рис. 33, 2). От колчана сохранились фрагмент нижней расширенной части, сделанной из шкуры лошади, деревянная накладка и бронзовая пронызь (рис. 34, 1, 11, 12). Длина колчана со стрелами равна 0,65 м. Деревянная накладка представляет собой изогнутый кусок гладко выструганной березы (*Betula*) длиной 24,3 см, шириной 2,7 см, толщиной 1 см, посредине которого вырезан небольшой паз (2,2×0,5 см). Бронзовая ребристая пронызь, имеющая форму усеченного конуса, найдена рядом с накладкой.

Древки стрел прекрасно сохранились. Средняя длина древка стрелы вместе с наконечником — 0,6 м, толщина — 7 мм.

Все древки сделаны из местной березы, рощи которой и до сих пор имеются в Павлодарской области¹². Стрелы были уложены в три ряда. В верхнем ряду находилось 13 стрел. Всего в колчане 46 наконечников стрел, из них 30 с древками.

На некоторых из них хорошо прослеживается техника насадки наконечников. Для насадки втульчатого наконечника конец древка обтачивали, как карандаш, и затем вставляли во втулку на 1,2—2 см (рис. 34, 10). Для прикрепления черешковых наконечников древко расщепляли пополам на 2,5—3 см, зажимали плоский черешок и затем натуго обматывали сухожильной ниткой (рис. 34, 9). Таким же образом скрепляли, по-видимому, с древком и оперение стрелы, поскольку на ряде тупых концов древков сохранились сантиметровые палы. На нескольких экземплярах заметны следы окольцовки древков в

виде 2—3 полосок красной охры, расположенных чуть ниже пазов.

В 2 км к югу от этого кургана и в 500 м к западу от р. Шидерты в том же году был раскопан самый крупный курган урочища Нурманбет. Он находится в стороне от цепочки курганов, описание которых будет дано во второй части настоящей главы.

Курган 1 имеет земляную насыпь диаметром 16 м, высотой 1,2 м и в центре большую оплывшую грабительскую воронку с выступающими кое-где камнями. Курган опоясан рвом полуметровой глубины и двухметровой ширины.

Под насыпью, в центре, оконтурилась могильная яма неправильно-овальной формы (длина 2,4 м), ориентированная по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Восточная часть могилы оказалась перекопанной грабителями. Сломано и осело также перекрытие, состоящее из массивных каменных плит толщиной 20—30 см. В заполнении грабительской западины и в могильной яме встречены кости человеческого скелета, копыто лошади и сильно коррозированный обломок железного предмета.

На дне ямы (глубина 1,15 м) в непо потревоженном состоянии сохранились только берцовые кости погребенного. По их расположению можно судить, что покойник лежал на спине, головой на северо-запад.

У левой берцовой кости лежали три бронзовых трехперых черешковых наконечника стрел (рис. 46, 1, 2, 4).

Курган 3 находится в противоположном берегу реки Шидерты, напротив предыдущего кургана, и условно входит в группу Нурманбет II.

Насыпь эллипсоидной формы из земли с камнем, диаметром по линии с севера на юг 12 м, с запада на восток — 10 м, высотой 0,6 м. В южной части прослеживается кольцо из крупного камня, идущее по основанию кургана.

Под насыпью, в центре, выявлена могильная яма, приобретающая в результате раскопа грабителей неправильно-овальную форму.

¹² Определение дерева произведено научным сотрудником отдела палеоботаники Института зоологии АН КазССР А. Макулбековым.

Рис. 33. Внешний вид кургана 5 ж: могильника Карамурун I и погребение.

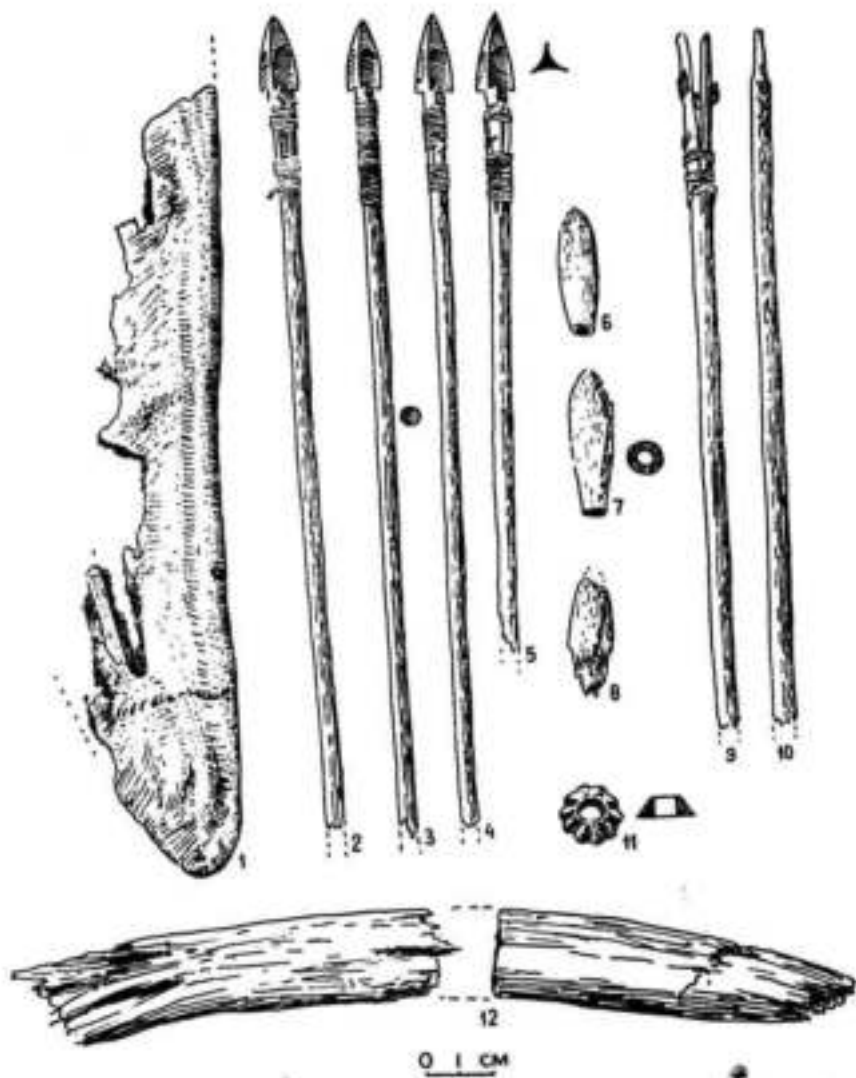

Рис. 34. Предметы вооружения из кургана 5 ж могильника Карамурун I.

Рис. 35. Внешняя и оборотная сторона роговой пронизы из кургана 3 могильника Нурмаибет II. *Натуральная величина.*

Кости скелета погребенного разбросаны по всей яме. В заполнении найдена фигурная пронизь от узды из маральего рога с реалистично выполненным изображением «свернувшегося» кабана (рис. 35). Пронизь изображает в крупном плане голову кабана, небольшое сильно согнутое туловище и левую заднюю ногу, поджатую к нижней челюсти.

Такая диспропорция между туловищем и головой не случайна. Мастер, создавший эту фигуру, стремился подчеркнуть главное в животном — его могучую голову с клыками, увеличив ее до нереальных размеров. Подчеркивание наиболее характерных частей тела иногда в ущерб реальным пропорциям являлось одной

из особенностей скифского звериного стиля, заключающейся в стремлении наиболее выразительно изобразить то или иное животное путем выделения присущих только ему черт.

Других изделий в этой могиле не обнаружено. На глубине 1,5 м, в юго-западной части ямы, найден перевернутый череп лошади. В процессе дальнейшей работы было выяснено, что могильная яма ориентирована с СЗС на ЮВЮ.

К памятникам конца первого этапа следует также отнести исследованные в 1962 г. курганы в могильнике Нурман-

~~бет II~~

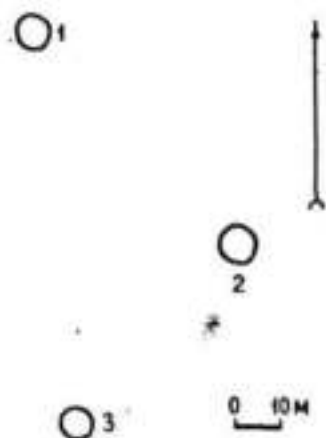

Рис. 36. План могильника Нурмаибет IV.

бет IV, находящиеся на левом берегу р. Шидерты, в 3 км к северо-западу от правобережного кургана 5 ж.

НУРМАНБЕТ IV

Могильник состоит из четырех курганов, расположенных в форме неправильного ромба, длинная осевая линия которого ориентирована с СВС на ЮВЮ (рис. 36). Расстояние между курганами — 60—120 м.

Курган 1 (рис. 37, 3, 4) — самый западный в группе. Имеет насыпь из земли с камнем, диаметром с севера на юг

На тазовых костях скелета находился бронзовый наборный пояс, состоящий из десяти прямоугольных полых массивных обойм (рис. 39, 2). Пять из них имели на широкой тыльной плоскости петли с сохранившимся в одной из них куском тонкого кожаного ремешка. Петельчатые обоймы чередовались через одну с беспетельчатыми. Длина обойм — 3,5—4 см, ширина — 1,5—2 см, толщина пластины, из которой сделаны полые обоймы, — 2—3 мм. На месте пряжки найдена самая крупная бронзовая обойма — длиной 4,3 см, шириной 2,7 см.

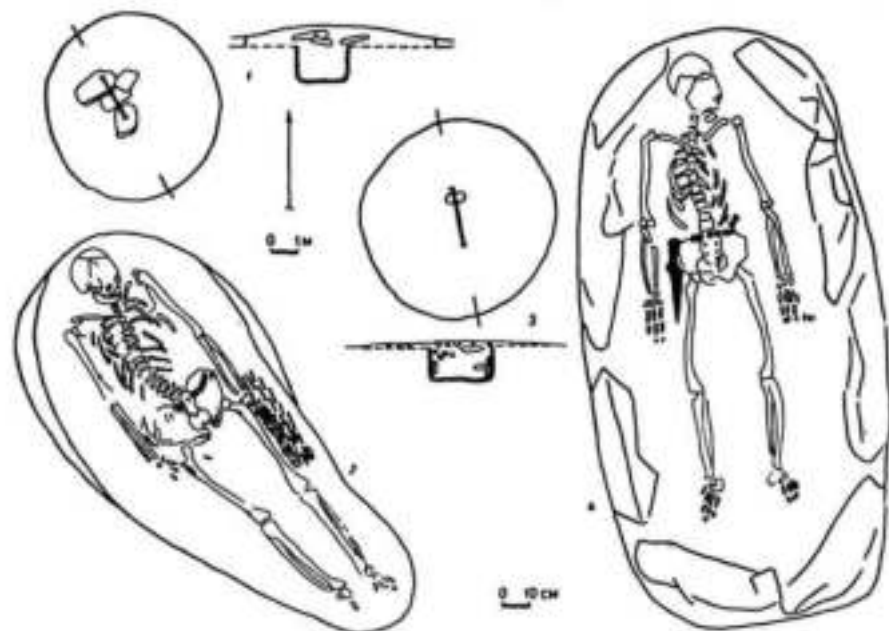

Рис. 37. Планы, разрезы курганов и погребения: 1—2 — курган 1, Тасмола II; 3—4 — курган 1, Нурманбет IV.

7,2 м, с запада на восток — 7,5 м, высотой 0,5 м. Под насыпью, в центре, околнута могила овальной формы (2,2×1,1 м), ориентированная длинной осью с севера на юг, с небольшим отклонением к западу. Яма завалена обломками камня.

На дне (глубина 1,1 м) лежал скелет погребенного, на спине, головой на север. Нижние стенки ямы облицованы массивными каменными плитами.

У пояса, с правой стороны погребенного, лежал бронзовый кинжал с массивной фигурной рукояткой (рис. 38, 1). Вес его 420 г. Общая длина кинжала — 32 см, клинка — 18,5 см, рукоятки — 13,5 см. Клинок акибака обоюдоострый, в центре — рельефный валик, образованный двумя желобками. В 7 см от острия на участке в два сантиметра клинок заточен с двух сторон так, что не видно желобков и валика, а двумя сантимет-

рами ниже вместо рельефного валика имеется желобок. На клинке сохранились остатки дерева, по-видимому, от ножен.

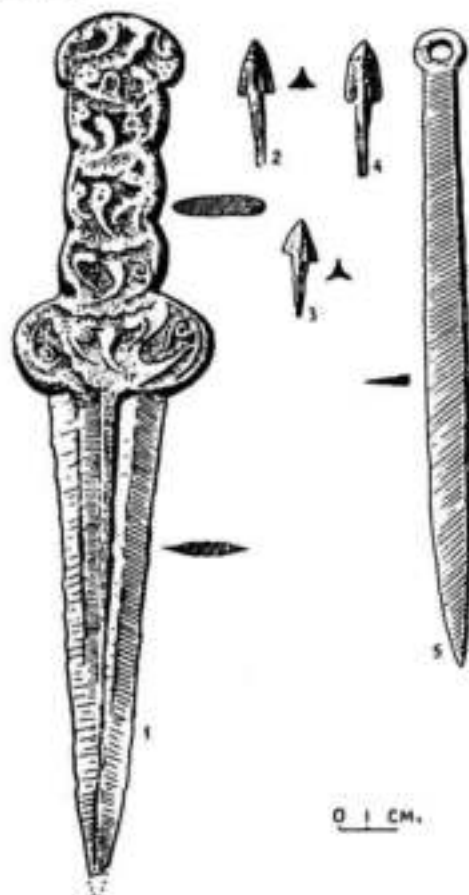

Рис. 38. Предметы вооружения из кургана 1 могильника Нурмабет IV.

Под кинжалом находился бронзовый нож с кольцевидным навершием, который так же прекрасно сохранился, как и кинжал. Его длина 23 см (рис. 38, 5).

У кисти левой руки покойника лежали три бронзовых трехперых черешковых наконечника стрел остриями к ногам (рис. 38, 2—4).

Курган 2 — восточный в группе. Насыпь его — из земли с камнем, диа-

метр — 7 м, высота — 0,2 м. Следов могильной ямы не обнаружено.

Курган 3 (рис. 40, 3, 4) расположен в 80 м к юго-востоку от кургана 1. Насыпь состоит из земли и камня, диаметром 7 м, высотой 0,2 м.

Под насыпью выявлена могильная яма овальной формы (2×1 м), ориентированная по длинной оси с северо-запада на юго-восток.

В заполнении ямы обнаружены обломки каменных плит от перекрытия.

На дне (глубина 1,2 м) лежал скелет человека, на спине, головой на северо-запад. Череп покоился на каменной плите. На тазовых костях здесь так же, как и в кургане 1, располагался бронзовый наборный пояс, но несколько другого типа и хуже сохранившийся (рис. 39, 1). Полые, прямоугольной формы обоймочки были длиной 3,5 см и шириной 1,3 см. Они украшены тремя поперечными углубленными полосами с круглыми выступами, по три на каждой полосе. Всего на поясе 10 обоймочек, большинство из них сломано.

Вместе с поясным набором лежал обломок бронзовой прямоугольной планки, а слева, у таза, — пуговицевидная бляшка с плоским кольцом на стойке (рис. 39, 1).

Курган 4 — северо-восточный в группе. Имеет насыпь из земли с камнем, диаметром 8 м, высотой 0,2 м.

Могильная яма овальной формы (2×1 м) ориентирована длинной осью с СЗС на ЮВЮ. В заполнении ямы обнаружены кости человеческого скелета. По положению правой берцовой кости можно судить об ориентировке погребенного, который лежал головой на северо-запад. Вещей нет.

Целый ряд курганов не дал достаточно надежного датирующего материала, позволяющего их отнести к первому или к началу второго этапа тасмолинской культуры. Однако некоторые признаки как будто бы свидетельствуют о принадлежности их к первому этапу. Приводим описание курганов, датировка которых в значительной степени условна.

БОТАКАРА

Могильник исследован в 1959 г. Находится в 6 км к западу от с. Ульяновское, на верхней террасе левого берега старицы Нуры. Насчитывается 58 разновременных памятников.

В топографическом отношении могильник четко разделен на две группы: памятники эпохи бронзы и ранних кочевников. Первая группа — оградки эпохи бронзы — расположена цепочкой с запада на восток, в южной части долины, в 100 м от берега.

Курганы с каменными насыпями (8 шт.) занимают северную часть долины и также вытянуты цепочкой с запада на восток. Пять из них — с каменными грядами. Раскопано четыре кургана, из которых три — с каменными грядами.

Курган 1. Замыкает цепочку с запада и состоит из двух каменных насыпей и каменных гряд, сильно разрушенных в результате распахивания всей долины.

Этот памятник принадлежит к наиболее распространенному типу курганов «с усами».

Диаметр большого кургана с севера на юг — 15 м, с запада на восток — 11 м, высота — 1 м. Диаметр восточного кургана — 5 м, высота незначительная.

Под насыпью основного кургана, на глубине 0,8 м от верха насыпи, обнаружено разрушенное перекрытие могильной ямы, состоящее из обломков крупных каменных плит, ориентированное по длинной оси с ЗСЗ на ВЮВ. Его размер — 5×1,4 м.

Грунтовая могильная яма, открывшаяся под завалом, имеет овальную форму (длина 3,6 м, ширина ВСВ конца — 1,6 м, ЗСЗ конца — 1,3 м). На дне ее (глубина 1,9 м) находился ящик, составленный из каменных плит. Длина ящика — 3,4 м, ширина ЗСЗ стороны — 0,5 м, ВЮВ — 0,8 м, средняя высота — 0,7 м.

Каждая длинная сторона ящика состоит из трех плит, стыки между которыми заполнены небольшими плоскими плитами. Торцовые стенки ящика имеют: восточно-юго-восточная — одну плиту, западно-северо-западная — две пли-

ты. На дне ящика, в центральной части, лежали остатки полупережженного черепа человека. Дно и стенки его оказались прокаленными. Других находок не обнаружено.

Сооружение каменного ящика под насыпью кургана — не единственный случай подобного захоронения в Центральном Казахстане. Еще в 1951 и 1952 гг. А. Х. Маргулаем в Актогайском районе Карагандинской области было исследовано два таких памятника. Один из них — курган 1 на р. Карасай — имел каменную насыпь диаметром 20 м и высотой 1,4 м. Под насыпью, в центре кургана, находился большой ящик, сложенный из нескольких каменных плит (длина 4,1 м, ширина 2,7 м, высота 0,6 м) и ориентированный длинной осью с северо-запада на юго-восток. В заполнении его обнаружены кости барана, собаки (?) и орла (?), а у восточной стенки — восемь шейных позвонков лошади.

В других курганах (*37 воинов*), во втором и пятом, А. Х. Маргулаем выявил под насыпями каменные ящики из гранитных плит, ориентированные по длинной оси с северо-запада на юго-восток, в которых были найдены отдельные кости баранов.

Ботакаринский курган 1 является абсолютной копией кургана 1 на р. Карасай с той лишь разницей, что каменный ящик первого кургана находился в могильной яме, в то время как каменные ящики второго и корпетаевских курганов 2, 5 не углублены в грунт. Это свидетельствует о том, что в конструкции ботакаринского каменного ящика прослеживаются те же традиции строительной техники центральноказахстанских племен эпохи бронзы, которые отмечались в других памятниках первого этапа эпохи ранних кочевников¹³. В связи с этим их можно датировать VII—VI вв. до н. э.

Курган 48 находится в 460 м к востоку от предыдущего. Состоит из двух курганов, расположенных по линии с се-

¹³ М. К. Кадырбаев. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э.). Автореферат. Алма-Ата, 1959, стр. 4.

вера на юг на расстоянии 10 м друг от друга, и двух распаханных каменных гряд, отходящих от них в восточном направлении. Курган 1 (южный) имеет диаметр с севера на юг 5 м, с запада на восток — 10 м, высоту 0,4 м.

Курган 2 — северный, диаметром с севера на юг 4 м, с запада на восток — 5 м, высотой 0,4 м. Под его насыпью, также на уровне погребенной почвы, в том же положении обнаружен скелет лошади, головой на северо-восток. В

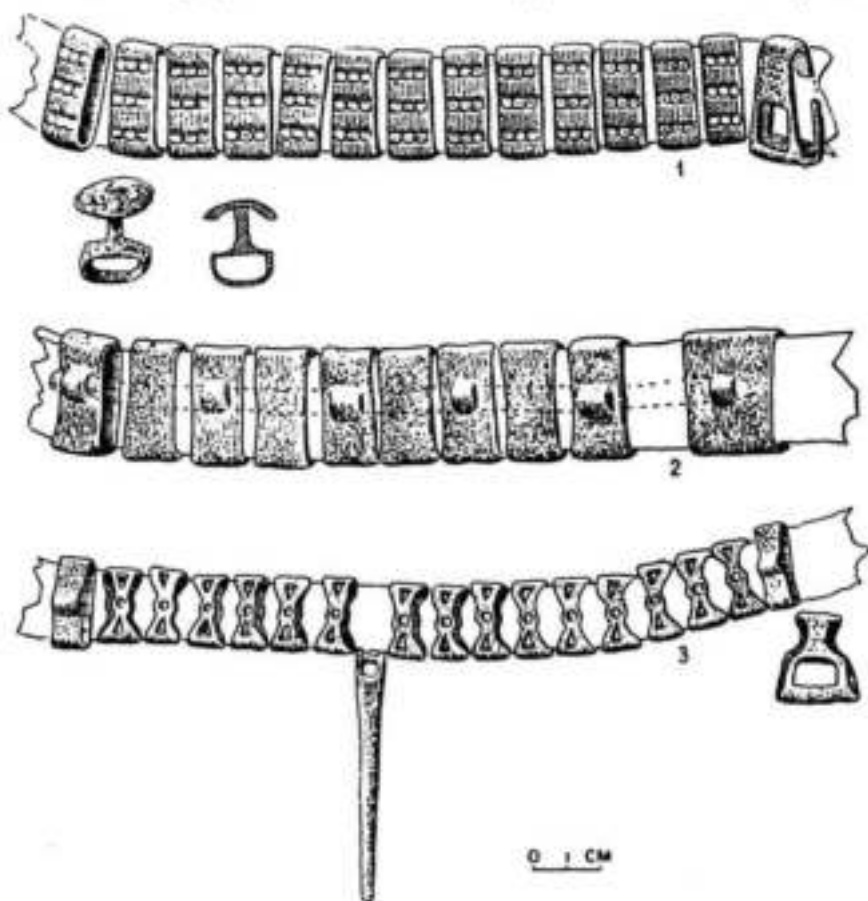

Рис. 39. Бронзовые наборные пояса: 1 — курган 3, Нурмаибет IV; 2 — курган 1, Нурмаибет IV; 3 — курган 1, Тасмола II.

Под его насыпью, в западной половине, лежал истлевший скелет лошади, на правом боку, с вытнутыми передними и задними ногами, головой на север (рис. 41). В полутора метрах северо-восточнее костяка находился раздавленный глиняный сосуд серого цвета из слонстого, плохого промеса, теста.

0,9 м к востоку от него найден раздавленный глиняный сосуд, аналогичный первому.

Курган 55 расположен в 200 м к юго-востоку от кургана 48. Имеет диаметр 8 м, высоту 0,2 м, от него в восточном направлении отходят две каменные гряды с круглыми сооружениями на кон-

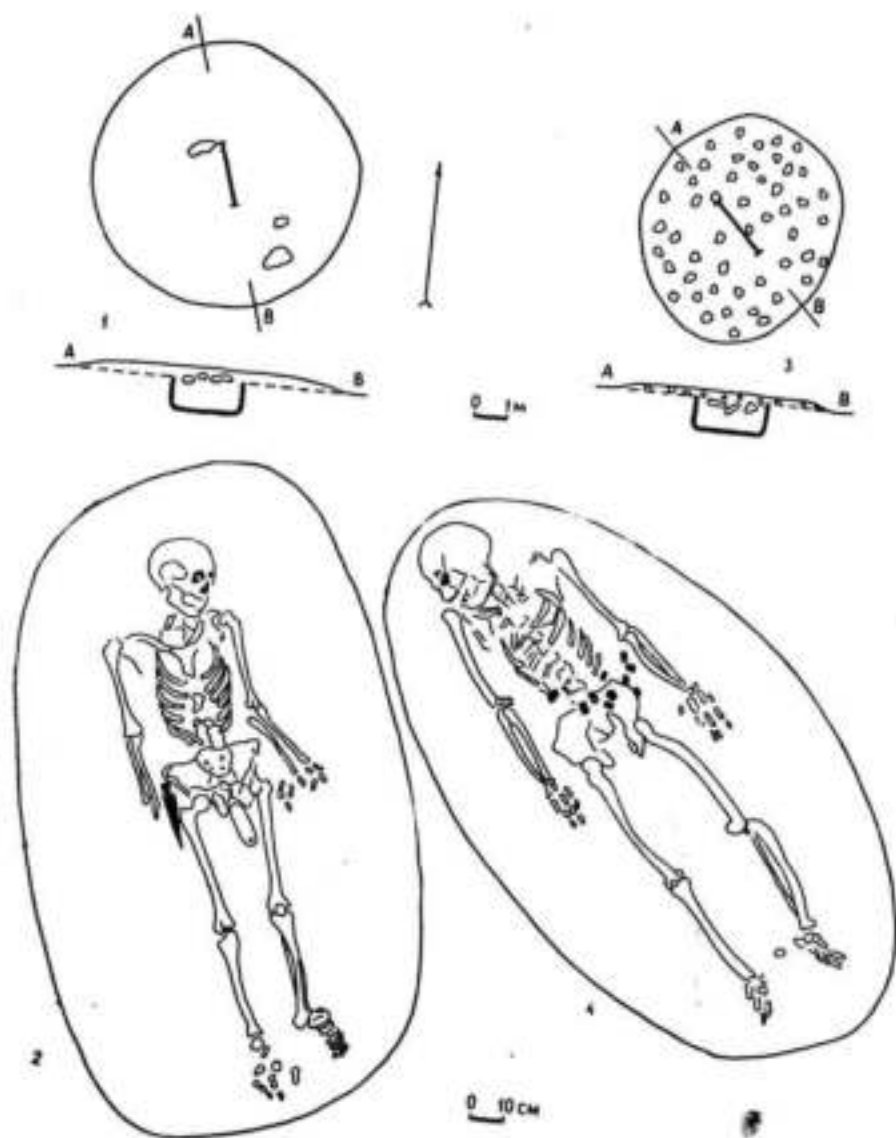

Рис. 40. Планы, разрезы и погребения: 1—2 — курган 2, могильни Карамурун I; 3—4 — курган 3, могильни Нурманбет IV.

цах. Длина северной гряды — 54 м, южной — 44 м, средняя ширина гряд — 1,5 м. Под насыпью кургана, в одном

Рис. 41. Погребение коня из кургана 48 могильника Ботанара.

метре к северо-востоку от центральной точки, найдены истлевшие остатки верхней и нижней челюстей лошади с хорошо сохранившимися зубами. Здесь же в радиусе 1 м прослежены истлевшие остатки конских трубчатых костей.

В одном метре юго-восточнее остатков черепа находился глиняный сосуд с чуть отогнутым наружу венчиком, по внешней стороне которого проходил валик, изогнутой шейкой, крутым плечиком и плоским дном. Тесто сосуда плохого промеса, слонится и имеет значительную примесь дресвы и крупного песка. Обжиг неравномерный, сосуд серого цвета.

В том же 1959 г. курганным отрядом были раскопаны два кургана в могильниках Ак-Булак I и II, находившиеся близ оградок эпохи бронзы.

АК-БУЛАК I, II

Курган I могильника Ак-Булак I. Он расположен на холме, в 600 м к северо-востоку от центральной усадьбы совхоза «Тракторист» (Осакаровский район Карагандинской области), в 3 км от ле-

вого берега р. Шидерты (рис. 42), и замыкает с северной стороны цепочку из двух андроновских оград.

Насыпь его из земли со щебнем, диаметром 12 м, высотой 0,8 м. В центральной части насыпи, в 10 см от верха, найден бронзовый трехперый черешковый наконечник стрелы. Под насыпью был обнаружен завал из сломанных каменных плит перекрытия могильной ямы. Здесь же в разбросанном состоянии находились кости верхней половины скелета погребенного (ребра, ключицы, позвонки).

Могильная яма, открывавшаяся под завалом, имеет овальную форму и ориентирована по длинной оси с запада на восток. Незначительная глубина ямы (0,6 м) объясняется тем, что под полуметровым «земляным чехлом» был цоколь из коренных пород камня. На дне ямы лежал неполный скелет человека. Судя по неповрежденным правой бедренной и берцовой костям, человек был погребен вытянуто, на спине, головой на запад. На дне, у северного борта ямы, обнаружено еще два бронзовых трехперых черешковых наконечника стрел (рис. 46, 3, 5). У противоположной стенки поднят небольшой обломок какого-то железного предмета.

Курган I могильника Ак-Булак II. Находится в 4 км к юго-востоку от того же совхоза, на левом берегу реки Шидерты, в южной части андроновского

Рис. 42. Разрез кургана I могильника Ак-Булак.

могильника. Состоит из двух курганов: первого, диаметром 9 м, и примыкающего к нему с востока малого, диаметром 7,5 м, от которого на восток отходят каменные гряды длиной 38 м при средней ширине 2 м.

Оба кургана имеют каменные насыпи незначительной высоты. Между концевыми сооружениями гряд расположено несколько небольших овальной и подпрямоугольной формы выкладок в один

ряд камней. Раскопки показали, что под камнями грунт не нарушен. В одной из них прослежены прокаленный грунт и остатки древесных угольков.

Ввиду сильной разграбленности погребения четкие контуры могильной ямы не удалось установить.

Под насыпью малого кургана в восточной половине находился глиняный сосуд той же формы и из такого же теста, что и ботакаринские.

§ 2. ПАМЯТНИКИ ВТОРОГО ЭТАПА

К настоящему времени в Центральном Казахстане исследовано 65 курганов, относящихся к этому этапу. Более трети из них дали датирующий вещественный материал. Мы дадим описание отдельных, наиболее характерных комплексов, исследуемых с 1959 г. в северо-восточных районах Центрального Казахстана. Материал до 1959 г. из других районов Центрального Казахстана был опубликован автором ранее¹⁴.

ТАСМОЛА II

Могильник раскопан в 1960—1961 гг. Находится в 70 м к северо-востоку от группы Тасмола I. Объединяет четыре разновременных кургана. Интересующие нас два кургана имеют невысокие насыпи из земли с мелким камнем и отстоят друг от друга на расстоянии 15 м.

Курган 1 (рис. 37, 1, 2) диаметром с севера на юг 8,5 м, с запада на восток — 9 м, высотой — 0,6 м. Под насыпью, в центральной части кургана, имелось перекрытие могильной ямы, состоящее из четырех массивных каменных плит. Могила длиной 1,8 м ориентирована по длинной оси с северо-запада на юго-восток и имеет глубину 1,3 м. На дне ее лежал скелет погребенного, на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Череп покоился на каменной

плите. Дно ямы у изголовья шириной 0,7 м, у ног — 0,4 м.

Между девятым и десятым ребрами правой стороны грудной клетки погребенного торчал бронзовый трехгранный наконечник стрелы башневидной формы, со скрытой втулкой и оттянутыми жальцами (рис. 43, 7). На тазовых костях находился наборный пояс из фигурных обоймочек в виде римской цифры X с кружком посредине и поперечными планками, соединяющими длинные радиальные концы обоймочки (рис. 39, 3). В центральной части пояса (в области живота) имелся бронзовый стержень, круглый в сечении, один конец которого оформлен в виде звена стрелевидных удил.

С левой стороны пояса лежали остатки берестяного колчана, прикреплявшегося к поясу при помощи двух обоймочек и безязычковой пряжки. В колчане, острием к ногам, было повернуто пять наконечников стрел. Из них два бронзовых двуперых со втулкой, доходящей до острия (рис. 43, 5, 6), два деревянных: один втульчатый, круглый в сечении, и другой черешковый, большего размера, боевая часть его заострена посредством трех затесов, сходящихся в центре (рис. 43, 2, 3). Пятый наконечник сделан из небольшой трубчатой кости, расколотой пополам, и имеет двуперую форму и черешок (рис. 43, 8).

На колчане лежал также бронзовый однолезвийный нож с кольцевидным окончанием (рис. 43, 12), а в области таза находилось несколько бронзовых обоймочек прямоугольной формы. Поми-

¹⁴ М. К. Кадырбаев. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана; его же. Памятники ранних кочевников.

Рис. 43. Предметы вооружения и быта: 1 — курган 2, Карамурун I; 2—8, 12, 15 — курган 1, Тасмола II; 9 — курган 5а, Карамурун I; 10 — курган 2, Тасмола II; 11 — курган «а», Тасмола VI; 13 — курган 2, Вугулы; 14 — курган 6, Карамурун I; 16 — курган 3, Карамурун I.

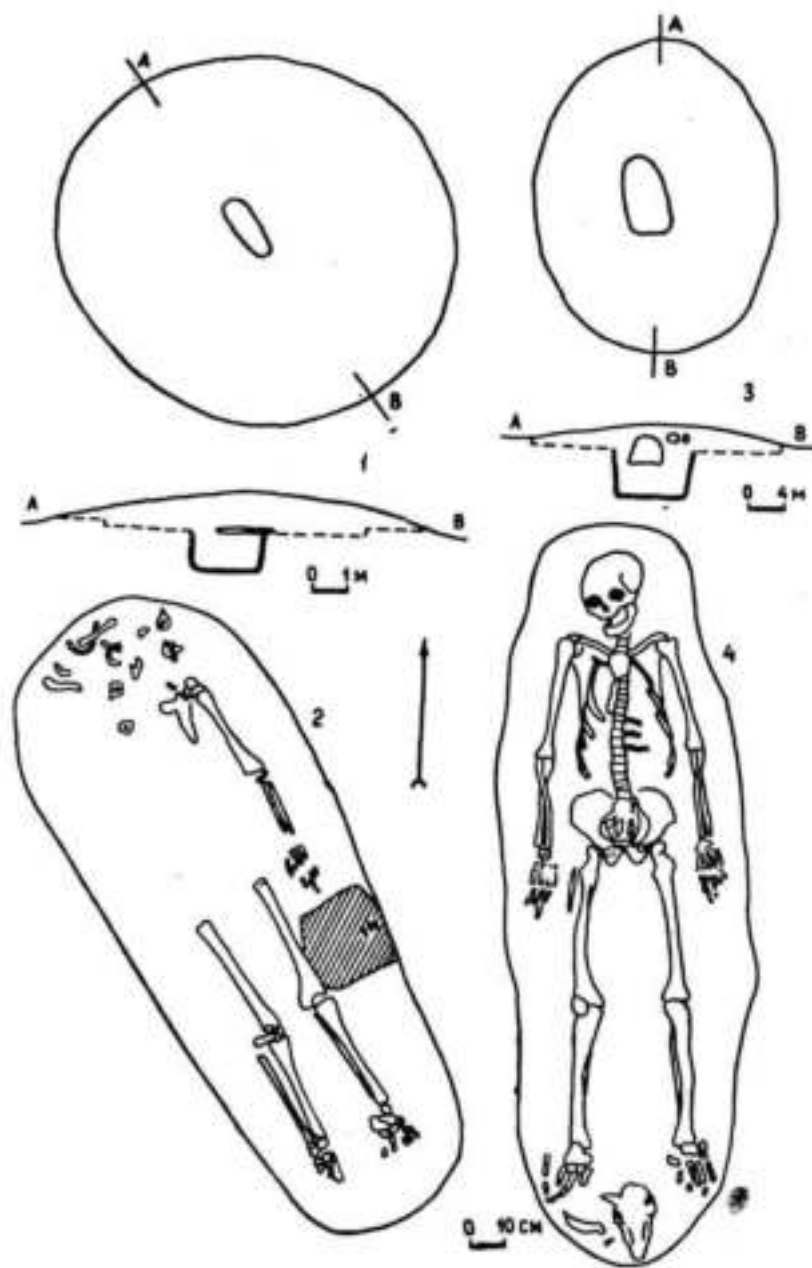

Рис. 44. Планы, разрезы курганов и погребения: 1—2 — курган 2, Тасмола III; 3—4 — курган 2, Тасмола II.

мо этого под правой плечевой костью найден бронзовый трехперый черешковый наконечник стрелы (рис. 43, 4), а у правой тазовой кости — шерстяной витой шнур, скрученный из семи тонких шнуров (рис. 43, 15).

Курган 2 (рис. 44, 3, 4) имеет форму овала. Диаметр по линии с севера на юг — 9 м, с запада на восток — 7 м, высота — 0,5 м. Под насыпью выявилась могильная яма с обрушившимся перекрытием из каменных плит. Могила овальной формы (2,1—0,7 м), глубиной 1,2 м, ориентирована по длинной оси с севера на юг. На дне ее, на спине, вытянуто, головой на север, лежал скелет женщины зрелого возраста европеоидного типа (среднеазиатское междуречье). В ногах у нее располагались череп, лопатка и ребро барана. Справа у бедренной кости находился бронзовый однолезвийный нож на деревянной фигурно вырезанной основе (рис. 43, 10). Нож и березовая основа наискось перевязаны берестяным ремнем, следы которого отчетливо видны на одной из сторон ножа и деревянной пластинке. Острие ножа упирается в специально сделанное утолщение на конце пластинки.

ТАСМОЛА III

Могильник раскопан в 1960—1961 гг. Расположен в 430 м к северо-востоку от предыдущего могильника. Состоит из пяти земляных, со щебнем, курганов, вытянутых в цепочку с севера на юг, с небольшим отклонением ее северного конца к востоку. Курганы находятся друг от друга в 7—10 м и имеют оплывшие, опоясывающие их рвы. Диаметр курганов колеблется от 8 до 14 м, высота — от 0,6 до 0,9 м (рис. 45).

Курган 2 (рис. 44, 1, 2) — самый северный в цепочке. Диаметр его с севера на юг — 11 м, с запада на восток — 11,5 м, высота — 1 м. Ширина рва — от 1,8 до 2,3 м. Под насыпью кургана выявлена могильная яма овальной формы, ориентированная длинной осью с северо-запада на юго-восток. Сверху сохранилось перекрытие из двух массивных каменных плит, лежащих поперек ямы. На дне могилы (глубина 1,4 м) находился

потревоженный скелет человека, ориентированный головой на северо-запад. Череп и правая половина костей туловища с позвонками отсутствуют.

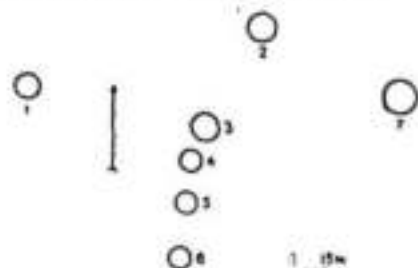

Рис. 45. План могильника Тасмола III.

У левой бедренной кости обнаружены три бронзовых втульчатых наконечника стрел, остатки бересты и дерева, по-видимому, от колчана. Все наконечники трехлопастные с выступающей наружу втулкой (рис. 46, 12, 15, 20). Один из них имеет две одинаковые лопасти и овальное отверстие в верхней части втулки; два других — одну удлиненную лопасть, переходящую в шип, около которого находится овальное отверстие.

Следует отметить, что втульчатые стрелы с узкими лопастями и вытянутой треугольной частью боевых головок могут быть в настоящее время, благодаря сводке К. Ф. Смирнова¹⁵, датированы с достаточной точностью. Указывая, что этот тип стрел (9 тип 2-го отдела первой группы) появился на территории Евразии с VII в. до н. э., а на Иранском Востоке даже раньше, К. Ф. Смирнов отмечает, что такие наконечники у приуральских лучников бытовали в основном в IV — III вв. до н. э.¹⁶

Этим же временем следует датировать и наши наконечники, расширив, может быть, только нижнюю границу до V в. до н. э. Это обусловлено тем, что тасмолинские наконечники имеют некоторые архаические признаки: у двух из них втулки несколько глубже входят в бое-

¹⁵ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. «МИА», 1961, 101, табл. III.

¹⁶ Там же, стр. 48—49.

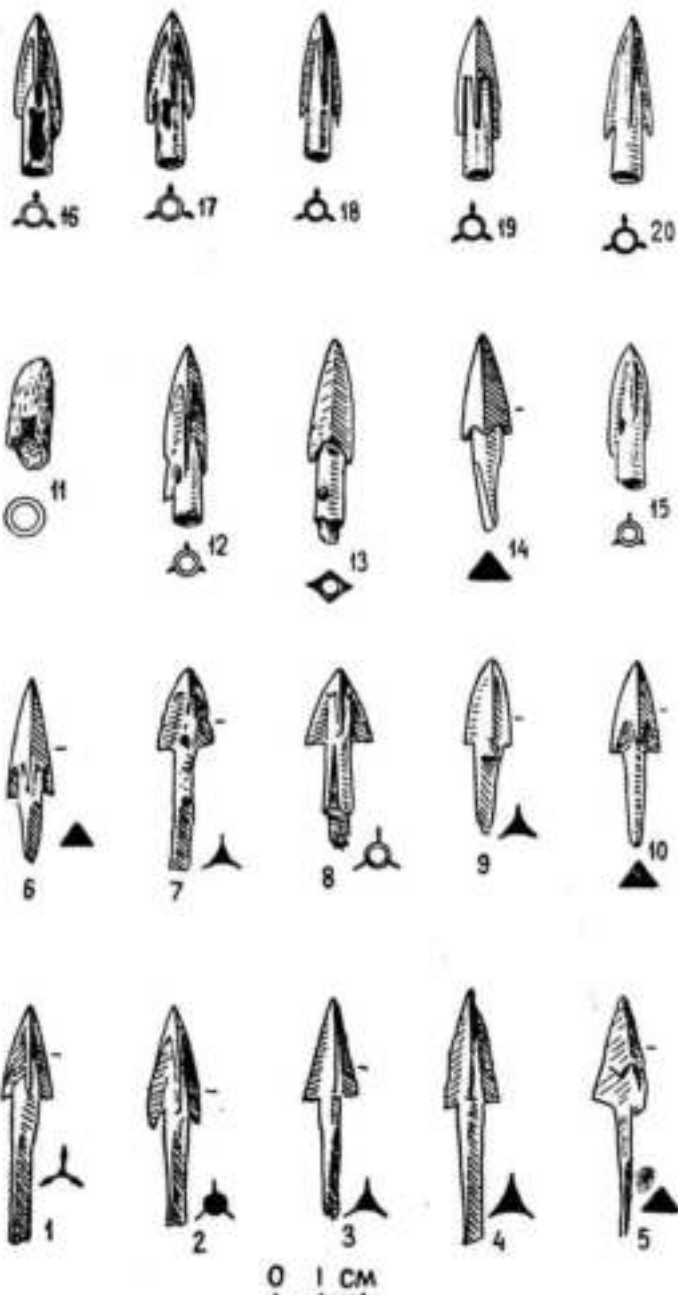

Рис. 46. Наконечники стрел: 1—2, 4 — курган 1, Нурмамбет I; 3, 5, 7 — курган 1, Ан-Булак I; 6 — курган 16, Капалтас; 8, 10, 11, 13, 19 — курган 3, Карамурун II; 9 — курган 5, Кижинсу; 12, 15, 20 — курган 2, Тасмола III; 14 — курган 3, Тасмола V; 16—18 — курган 5а, Карамурун I.

вую часть, а оперение в результате косо срезающих выступов напоминает форму, приближающуюся к более ранней, лавролистной.

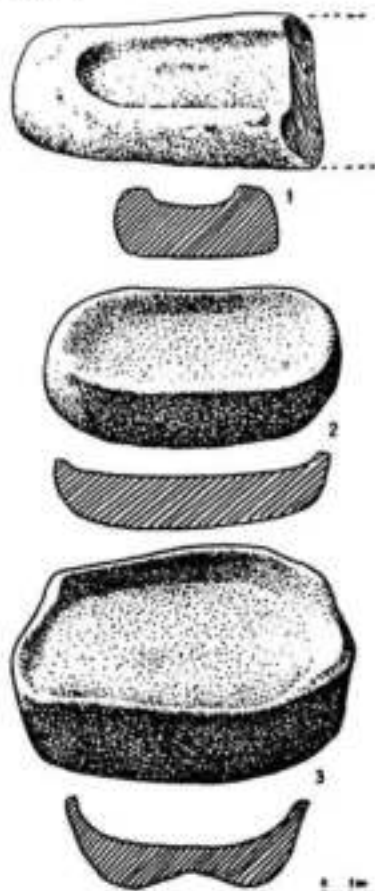

Рис. 47. Каменные жертвенники: 1 — курган 1, Карамурун II; 2 — курган 2, Нурмабет I; 3 — курган 4, Тасмола III.

Курган 3. Второй в цепочке. Диаметр его — 9 м, высота — 0,7 м. В насыпи, на разных горизонтах и в разных ее частях, попадались сломанные кости ног лошади. Под насыпью — могильная яма овальной формы, вытянутая длинной осью с северо-запада на юго-восток, со сломанным перекрытием из двух массивных каменных плит. На дне мо-

гила (глубина 0,8 м) лежал неполный скелет человека. В непотревоженном состоянии сохранились кости грудной клетки, правой ноги и левых плечевой и берцовых костей. Остальные части скелета оказались в запольнении могильной ямы. Череп отсутствует. Общая ориентировка скелета — головой на северо-запад. Инвентарь не обнаружен.

Курган 4. Диаметр с севера на юг — 8,6 м, с запада на восток — 9,5 м, высота — 0,9 м. Курган опоясан рвом такого же размера, как и курган 2. В насыпи попадались отдельные кости ног барана. На дне могильной ямы (глубина 1,4 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток и также сохранившей часть перекрытия из каменных плит, находились разбросанные кости погребенного. Судя по непотревоженным костям ног, человек первоначально лежал на спине, головой на северо-запад. У правой бедренной кости найден жертвенник из серого песчаника с выступающим бортиком по краю и овальным углублением на внешней стороне дна (рис. 47, 3). У левой берцовой кости обнаружена лопатка лошади.

Курган 5. Диаметр с севера на юг — 8 м, с запада на восток — 7 м, высота — 0,7 м. Под насыпью — могильная яма овальной формы, ориентированная с северо-запада на юго-восток. На дне (глубина 1,1 м) находились разбросанные кости погребенного. По положению черепа у северо-западного угла ямы и по аналогии с другими захоронениями цепочки можно сказать, что скелет лежал головой на северо-запад.

Курган 6 — самый южный в цепочке. Диаметр с севера на юг — 8 м, с запада на восток — 9 м, высота — 0,5 м. Курган также имеет ров. В насыпи попадались кости ног барана. Могильная яма овальной формы, вытянута по длинной оси с севера на юг и сохранила остатки перекрытия из каменных плит. В средней части ее было два круговых уступа, образовавшихся в результате ограбления кургана. Об этом свидетельствует и череп, найденный на южном продольном уступе. Судя по сохранившимся

левой части грудной клетки и костям руки, покойник был ориентирован головой на север. Других находок не обнаружено.

описания. Первая концентрируется вокруг кургана с каменными грядами и насчитывает 13 курганов (рис. 48). Два из них образуют курган с грядами, осталь-

Рис. 48. План группы 5 могильника Карамурун I.

КАРАМУРУН I

Могильник исследован в 1962 г. Находится в 20 км к юго-востоку от совхоза «Экибастузский», в 500 м от правого берега р. Шидерты. По своему рельефу этот район напоминает урочище Тасмола. Здесь также левый берег реки равнинный, а правый холмистый, обрывающийся к реке, и на травянистой поверхности его то там, то здесь «прорываются» выходы камня. Могильник условно разбит на две группы: Карамурун I и II, отстоящие одна от другой на 500 м.

Карамурун I также состоит из двух групп, объединенных в одну для удобства

описания. Первая концентрируется вокруг кургана с каменными грядами и насчитывает 13 курганов (рис. 48). Два из них образуют курган с грядами, остальные более мелкие (11 шт.) компактной группой расположены с его западной стороны, причем настолько близко друг к другу, что иногда сливаются в один. Эти курганы имеют каменные насыпи небольшого диаметра (4—8 м) и незначительной высоты (0,2—0,3 м), сооружены в одно время, за исключением кургана Б, относящегося к более раннему времени и уже описанного выше. Остальные курганы второй группы разбросаны вокруг этого компактного могильника и отдалены друг от друга на 30—60 м (рис. 49). Они имеют каменные насыпи вперемежку с землей. По основанию большинства из них просле-

живаются кольца из крупного камня. Диаметр курганов колеблется в пределах 8—12 м, высота — 0,4—0,6 м.

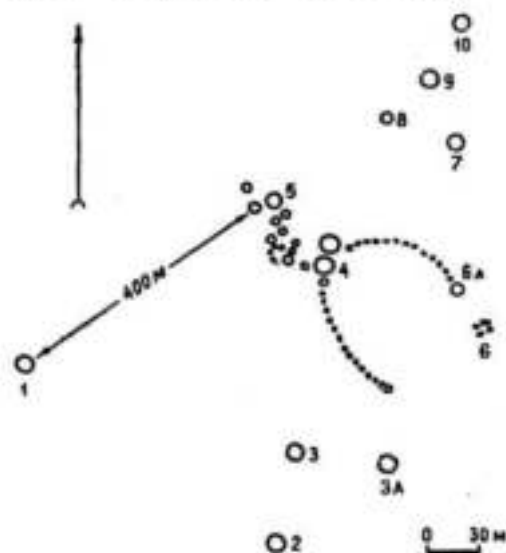

Рис. 49. План могильника Каранурук I.

Курган 1 — самый юго-западный в могильнике. Диаметр — 9 м, высота — 0,7 м. Под насыпью — могильная яма (2,1×1,1 м) овальной формы, ориентированная длинной осью с северо-запада на юго-восток. Сверху ямы обнаружено разбросанное перекрытие из четырех каменных плит. Погребение ограблено. Судя по сохранившимся в неповрежденном положении берцовым костям, скелет был ориентирован головой на северо-запад.

Курган 2 (рис. 40, 1, 2) — самый южный в группе. Расположен на холме и поэтому немного возвышается над могильным полем. Диаметр — 8 м, высота — 0,3 м. Могилка овальной формы и ориентирована по длинной оси с СЗС на ЮВЮ. На дне (глубина 1,2 м) лежал скелет мужчины старческого возраста, европеоидного типа (среднеазиатское междуречье), на спине, вытянуто, головой на СЗС. У его правой тазовой кости, на деревянной (березовой) основе, найден бронзовый нож с кольцевидным

навершием (рис. 43, Г). Нож и деревянная пластина были перевиты сыромятным ремешком, остатки которого шириной 1 см сохранились на ноже.

Аналогичное переплетение ножа с деревянной основой встречается второй раз. Впервые подобная техника переплетения наблюдалась в кургане 2 могильника Тасмола II.

Длина каранурукского ножа — 16,2 см, ширина в верхней части — 1,2 см. Между бедренными костями погребенного находился точильный камень из плотной кристаллической породы розового цвета, прямоугольной формы, с отверстием по верхнему краю. Размеры его: длина 12,9 см, ширина 3,9 см (рис. 31, 2).

Курган 3 расположен в 40 м к северу от предыдущего. Насыпь земляная, округлой формы, диаметром с севера на юг 9 м, с запада на восток — 10 м, высотой 0,3 м. В профильном разрезе насыпи видны четкие границы грабительского раскопа. Контуров могильной ямы проследить не удалось. В подпрямоугольной форме яме, образовавшейся в результате перекопа могилы, на разных уровнях и в разных ее частях были разбросаны кости скелета погребенного (плечевые, берцовые, ребра, позвонки, обломки черепа), а также кости ног лошади и позвонок барана. В заполнении ямы найден кусок бронзового изделия, по-видимому, обломок книжала. В юго-восточной части ямы прослежены небольшие кусочки истлевшего дерева.

Курган 4 находится в 90 м к северу от кургана 3. Состоит из двух курганов с каменными насыпями, вытянутыми с севера на юг и отстоящими друг от друга на 5 м. Курган А (северный) диаметром с севера на юг 10 м, с запада на восток — 9 м, высотой 0,6 м. Диаметр кургана В (южный) — 9 м, высота незначительная. От курганов в восточном направлении отходят две каменные гряды: северная длиной 70 м, южная — 67 м; ширина гряд — 1,5—2 м. На концах их имеются круглые каменные сооружения курганного типа.

Под насыпью кургана А, в восточной части, находились обломки глиняного сосуда (часть дна и тулова). Сосуд обычной для кургана с грядами формы, темно-серого цвета, из теста плохого промеса, с крупным песком и дресвой. Стенки сосуда толстые (1,5 см). На этом же уровне, в центре кургана, выявлена могильная яма (2,2×1 м) с разбросанными каменными плитами перекрытия, ориентированная по длинной оси с северо-запада на юго-восток. На дне ямы (глубина 1 м) и в ее заполнении попадались кости погребенного. Здесь же обнаружена костяная игла с навершием в виде стилизованной головы хищной птицы (рис. 70, 1). Врезные линии навершия окрашены красной охрой.

Под насыпью кургана В, ближе к восточной стороне, лежали обломки глиняного сосуда с сильно отогнутым венчиком, короткой горловиной, резко переходящей в широкое тулово с плоским дном. Сосуд также толстостенный, сделан из теста с примесью песка. По всей площади кургана прослежены зольные полосы шириной от 3 до 4 см, мощностью 3—5 см.

Курган 5 — первый из группы курганов, сосредоточенных западнее кургана с каменными грядами. Находится в 17 м к западу от кургана 4.

Насыпь из земли с камнем, диаметр с севера на юг — 6,7 м, с запада на восток — 5,5 м, высота — 0,3 м. По основанию проходит кольцо из обломков камня. Под насыпью околонурилась могильная яма неправильно-овальной формы, ориентированная по длинной оси с севера на юг. Края ямы, в особенности ее западная часть, разрушены грабителями. В заполнении ямы найдены отдельные кости погребенного. Вещей нет.

Курган 5а (рис. 50, 3, 4). Все курганы этой группы, помимо описанного, обозначены через цифру 5 с последующим добавлением порядковой буквы алфавита. Рассматриваемый курган расположен в 18 м к северу от предыдущего. Имеет насыпь из земли с камнем, по основанию которой прослеживается коль-

цо из камня. Диаметр — 8 м, высота — 0,3 м. Могильная яма, открывшаяся под насыпью, овальной формы (2,1×1 м), ориентирована по длинной оси с севера на юг и сохранила частично перекрытие из каменных плит.

На дне ямы лежал скелет погребенного, вытянуто, на спине, головой на север. Скелет принадлежал мужчине зрелого возраста европеоидного типа (среднеазиатское междуречье). У левой бедренной кости обнаружен точильный камень из серого песчаника, прямоугольной формы, с отверстием для подвешивания (рис. 6, 4), на нем находился бронзовый нож с остатками кожаного ремешка, перевитого вокруг ножа (рис. 43, 9). Чуть южнее лежали три бронзовых трехперых итульчатых наконечника стрел с остатками древков, обращенные остриями к ногам (рис. 46, 16—18).

Курган 5б (рис. 50, 1, 2) находится в 9 м к северо-западу от предыдущего. Насыпь из земли с камнем. Кольцо по основанию кургана не прослеживается. Диаметр — 4 м, высота — 0,2 м. Могильная яма овальной формы (2×1 м), ориентирована по длинной оси с СЗС на ЮВЮ и перекрыта сверху массивными каменными плитами. На дне ямы лежал скелет погребенного, на спине, вытянуто, головой на СЗС. Слева от черепа, у плеча, находился каменный жертвенник овальной формы, с бортиком по краю, сделанный из серого тонкозернистого песчаника (рис. 30, 2), а у левой тазовой кости — круглая белая пастовая бусина. У изголовья обнаружено несколько древесных угольков.

Курган 5в расположен в 4 м к югу от кургана 5б. Насыпь почти не видна. На поверхности выступает только каменное кольцо и две центральные плиты. Могильная яма, открывшаяся под разбросанными плитами перекрытия, имеет овальную форму (2,1×0,9 м) и ориентирована по длинной оси с северо-запада на юго-восток. На дне ямы (глубина 0,7 м) находился неполный скелет погребенного. В непотревоженном состоянии сохранились только кости ног. По ним видно, что покойника хоронили в вы-

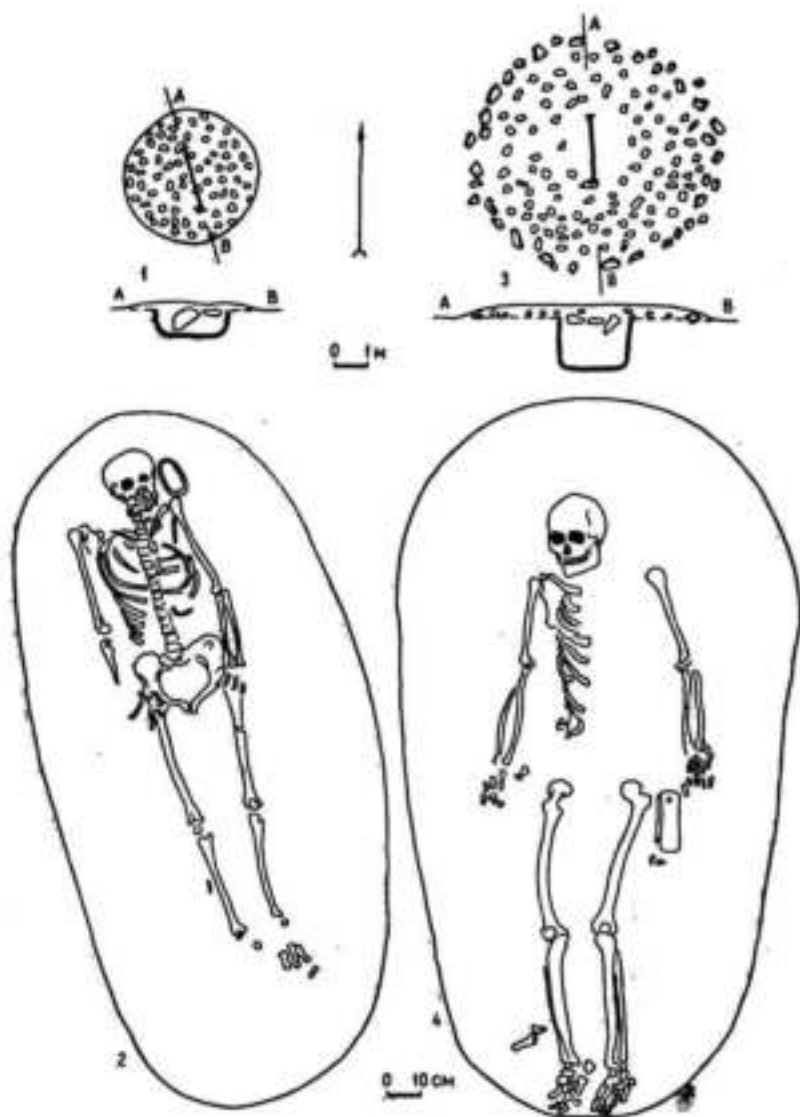

Рис. 50. Планы, разрезы курганов и погребения: 1—2 — курган 56; 3—4 — курган 5а, могильник Карамурун I.

тянутом положении, головой на северо-запад.

Курган 5г находится в 10 м к юго-востоку от кургана 5. Насыпь из земли с камнем, диаметром 4 м и незначительной высоты. Могила овальной формы (2,2×0,9 м), ориентирована по длинной оси с северо-запада на юго-восток, сверху перекрыта массивными каменными плитами. На дне, в вытянутом положении, на спине, головой на северо-запад, лежал скелет мужчины возмужалого возраста, европеоидного типа (среднеазиатское междуречье). На кисти его левой руки находилось костяное изделие длиной 5,6 см, шириной 2 см, сделанное из трубчатой кости какого-то животного (рис. 23). Предмет имел форму цилиндра, но был несколько расширен в нижней части. Внутренняя его часть отполирована и окрашена в голубой цвет. Внешняя поверхность имеет гофрировку, получающуюся в результате круговой горизонтальной резьбы. У расширенного конца изделия находился деревянный кружок, служивший пробкой. Несомненно, что этот тщательно выделанный и богато украшенный предмет был предназначен для хранения какой-то краски или жидкости. На берцовых костях левой ноги найден повернутый вверх дном каменный жертвенник из розового мелкозернистого песчаника (рис. 30, 1).

Курган 5д расположен в 5 м к северу от предыдущего. Диаметр его с севера на юг — 5 м, с запада на восток — 4 м, высота незначительная. Могильная яма овальной формы (1,6×0,8 м), ориентирована по длинной оси с северо-запада на юго-восток. На дне ямы покоился ребенок 8—10 лет, европеоидного типа, на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад. Вещей нет.

Курган 5е находится в 3 м к северо-западу от кургана 5д. Диаметр — 4 м, высота незначительная. Могильная яма овальной формы (1,9×0,8 м), ориентирована по длинной оси с ЗСЗ на ЮЮВ. На дне ямы были разбросаны кости человека. Судя по сохранившимся в неповрежденном положении костям ног и правой руки, погребенный лежал

головой на ЗСЗ. Инвентарь не обнаружен.

Курган 5з. Диаметр — 4 м, высота незначительная. Могильная яма овальной формы (2,1×0,9 м), ориентирована по длинной оси с северо-запада на юго-восток. Погребение оgrabлено, на дне находился разрозненный скелет человека.

По сохранившимся в анатомическом порядке костям ног можно судить, что погребенный ориентирован головой на северо-запад.

Курган 5и находится в 3 м к югу от кургана 5а. Диаметр его с севера на юг — 4 м, с запада на восток — 3,5 м. В могильной яме овальной формы (1,5×0,8 м), ориентированной длинной осью с востока на запад, были разбросаны кости погребенного.

Курган 6 расположен в 15 м к юго-востоку от оконечности левой гряды кургана 5. Диаметр — 9 м, высота — 0,5 м. По основанию имеется кольцо из крупного камня. Под насыпью выявлена могильная яма овальной формы (1,9×0,8 м), ориентированная по длинной оси с СЗС на ЮВЮ. В заполнении ямы находились обломки камня от перекрытия, кости человеческого скелета, обломок костяной шпильки, бронзовая тонкая игла длиной 8,4 см. Относительная неповрежденность костей ног позволяет определить ориентировку погребенного головой на СЗС.

Курган 6а находится на самом конце левой гряды кургана 5. Диаметр его с севера на юг — 7,5 м, с запада на восток — 5,3 м, высота — 0,4 м. По основанию проходит кольцо из крупного камня. На дне могильной ямы, овальной формы (2×1,1 м) и ориентированной по длинной оси с СЗС на ЮВЮ, лежал скелет человека, на спине, головой на северо-запад. Череп погребенного покоился на куске камня. Бедренные и берцовые кости его сильно искривлены.

Курган 7 расположен в 80 м к северу от предыдущего. Диаметр — 7 м, высота — 0,3 м. Основание кургана опоясано кольцом из крупного камня. Могильная яма, открывшаяся под насыпью,

имеет овальные очертания (1,8×1,2 м) и вытянута длинной осью с СЗС на ЮВЮ. Яма заполнена обломками камня от перекрытия. На дне ее (глубина 1,3 м) в вытянутом положении, на спине, лежал скелет мужчины возмужалого возраста. У левой руки и в верхней части

яме. В заполнении найдена кость ноги барана.

Курган 9 (рис. 52, 1, 2) отстоит от кургана 8 на 18 м к северо-востоку. Диаметр с севера на юг — 10 м, с запада на восток — 10,5 м, высота — 0,8 м. По основанию он также имеет кольцо из

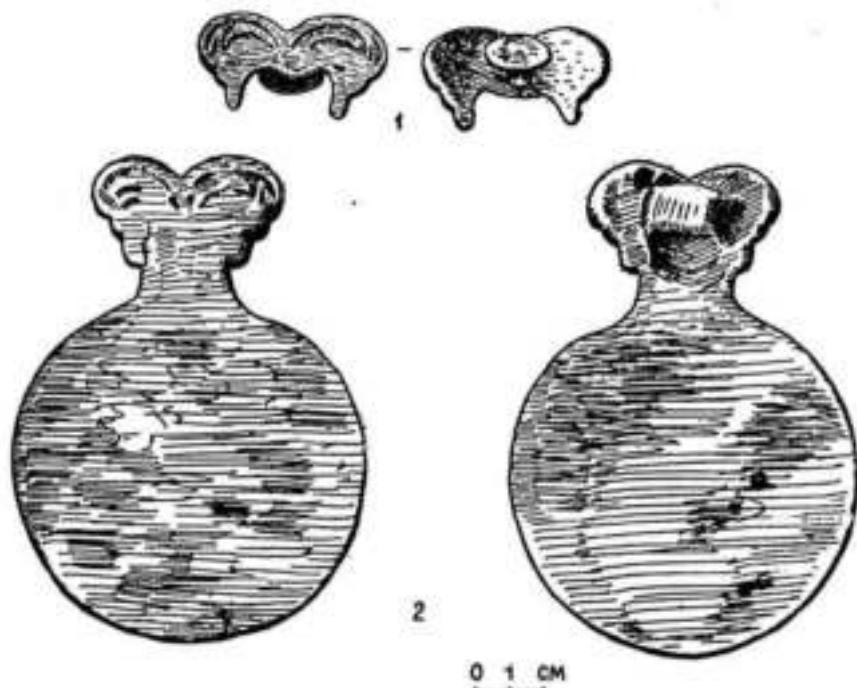

Рис. 51. Бронзовые зеркало и бланка из кургана 10 могильника Карамурун I.

позвоночного столба погребенного находились мелкие обрывки золотой фольги (3 шт.). Череп скелета отсутствует, нижняя челюсть найдена выше скелета, в заполнении ямы.

Курган 8 находится в 30 м к северо-западу от предыдущего. Диаметр с севера на юг — 4,7 м, с запада на восток — 5,5 м, высота — 0,25 м. По основанию идет кольцо из крупного камня. Могила овальной формы (1,7×0,9 м), ориентирована по длинной оси с запада на восток. Погребение ограблено, кости женщины возмужалого возраста разбросаны в беспорядке по всей могильной

ямки. В насыпи обнаружены обломки костей ног и ребер лошади. В верхней части могильной ямы овальной формы (2,15×1,1 м), ориентированной с северо-запада на юго-восток, и в ее заполнении находились кости скелета женщины европеоидного типа: черепная коробка, нижняя челюсть, плечевая кость.

По дну ямы (глубина 1 м) разбросаны остальные кости скелета. Справа лежал жертвенник из серого мелкозернистого песчаника с темно-коричневыми «разводами» (рис. 10, 3), а в северо-западной части ямы — костяная шпилька, круглая в сечении, заостренная на одном

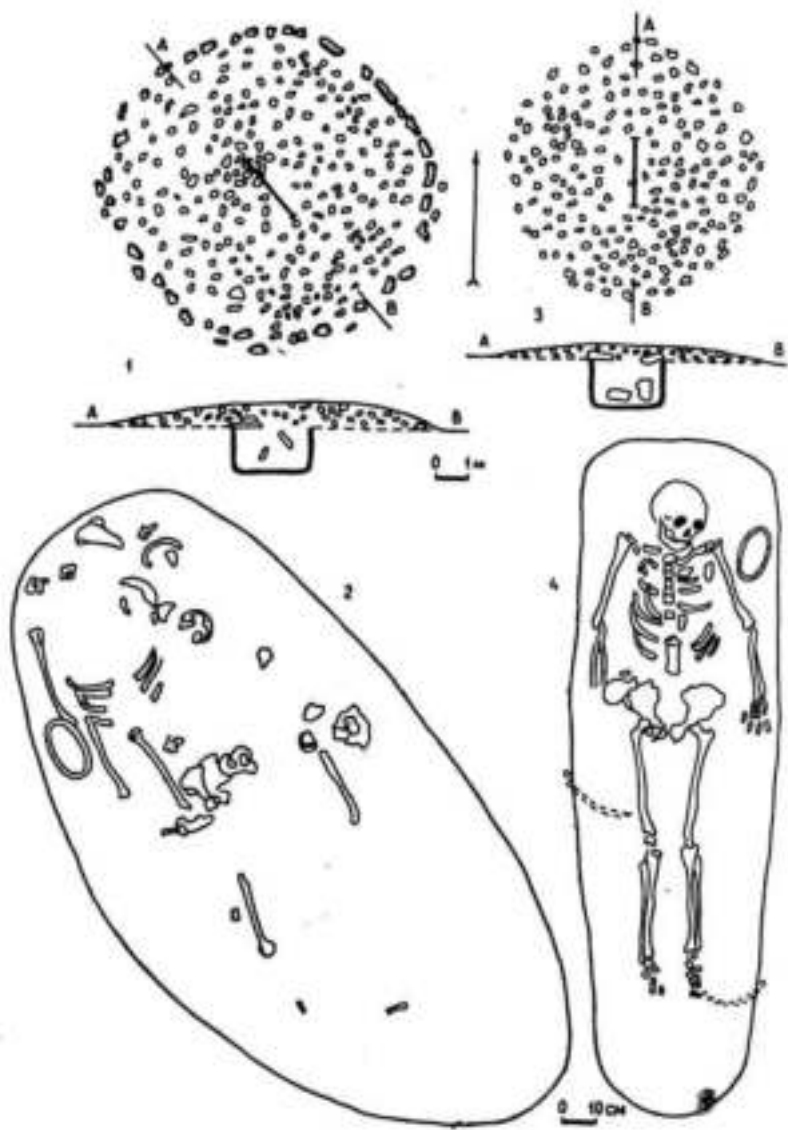

Рис. 52. Карамурун I: 1—2 — курган 9; 3—4 — курган 10.

конце и фигурно утолщенная на другом (рис. 70, 2). В заполнении ямы, в восточной ее части, в 15 см от дна найдены кости барана.

Курган 10 (рис. 52, 3, 4)— самый северный в цепочке, отстоит от предыдущего на 26 м. Диаметр — 8 м, высота — 0,4 м. В насыпи обнаружен обломок кости ноги лошади. В заполнении могильной ямы овальной формы (2,1 × 0,6 м), ориентированной с севера на юг, вместе с обломками каменных плит от перекрытия находились ребра барана. На дне ее (глубина 1,4 м) лежал скелет женщины старческого возраста, андроновского типа, на спине, головой на север. Руки покойницы слегка согнуты в локтях.

В носовой перегородке черепа торчала костяная шпилька. У левой плечевой кости лежал жертвенник из серого крупнозернистого песчаника, с теми же коричневыми разводами (рис. 10, 1). Справа от черепа находилась еще одна костяная шпилька (рис. 70, 5). На правой тазовой кости располагалось круглое бронзовое зеркало с рукояткой, украшенной изображениями голов двух козлов, повернутых в противоположные стороны (рис. 51, 2). Диаметр диска — 10,5 см, вес — 160 г. Наиболее рельефно выполнены рога козлов, закрученные книзу, внутрь рукоятки, и голова левого козла. Изображение головы правого козла передано нечетко, что произошло, по-видимому, вследствие дефекта литейной формы или, что наиболее вероятно, явилось результатом трения этой части зеркала о пояс или какую-то другую часть одежды. Тыльная сторона рукоятки имеет петлю, в которой сохранились остатки двуслойного ремня. На зеркале также сохранились остатки кожи и материи тонкого плетения.

Рядом с рукояткой зеркала лежала бронзовая фигурная бляшка, на тыльной стороне которой были штырек со шляпкой и остатки продетого через него ремня. На бляшке также изображены головы двух козлов затылками друг к другу (рис. 51, 1). По форме, технике изготовления эта бляшка является копией верхней части ручки зеркала, с

той лишь разницей, что она чуть изящнее и немного меньше размером. Сходство их объясняется тем, что бляшка и навершие зеркала отливались в одной форме, а некоторое несоответствие размеров явилось результатом заточки краев бляшки после ее отливки.

КАРАМУРУН II

Могильник состоит из шести курганов, вытянутых ломаной цепочкой с СВС на ЮЗЮ, и расположен в 500 м к востоку от Карамурун I (рис. 53). Пять курганов

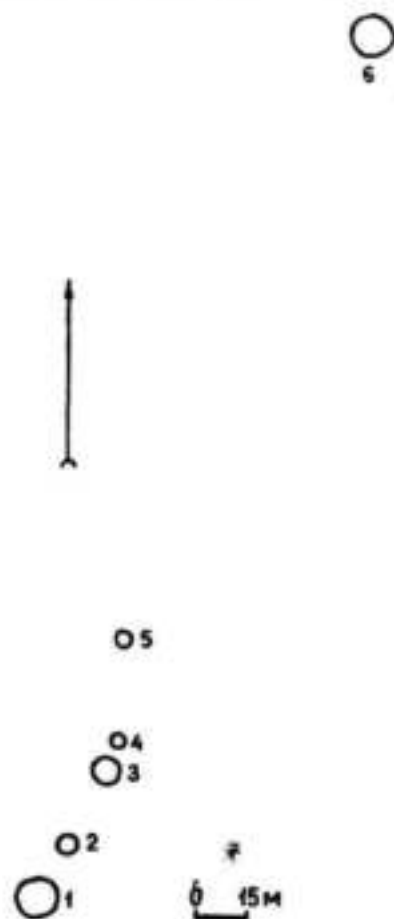

Рис. 53. План могильника Карамурун II.

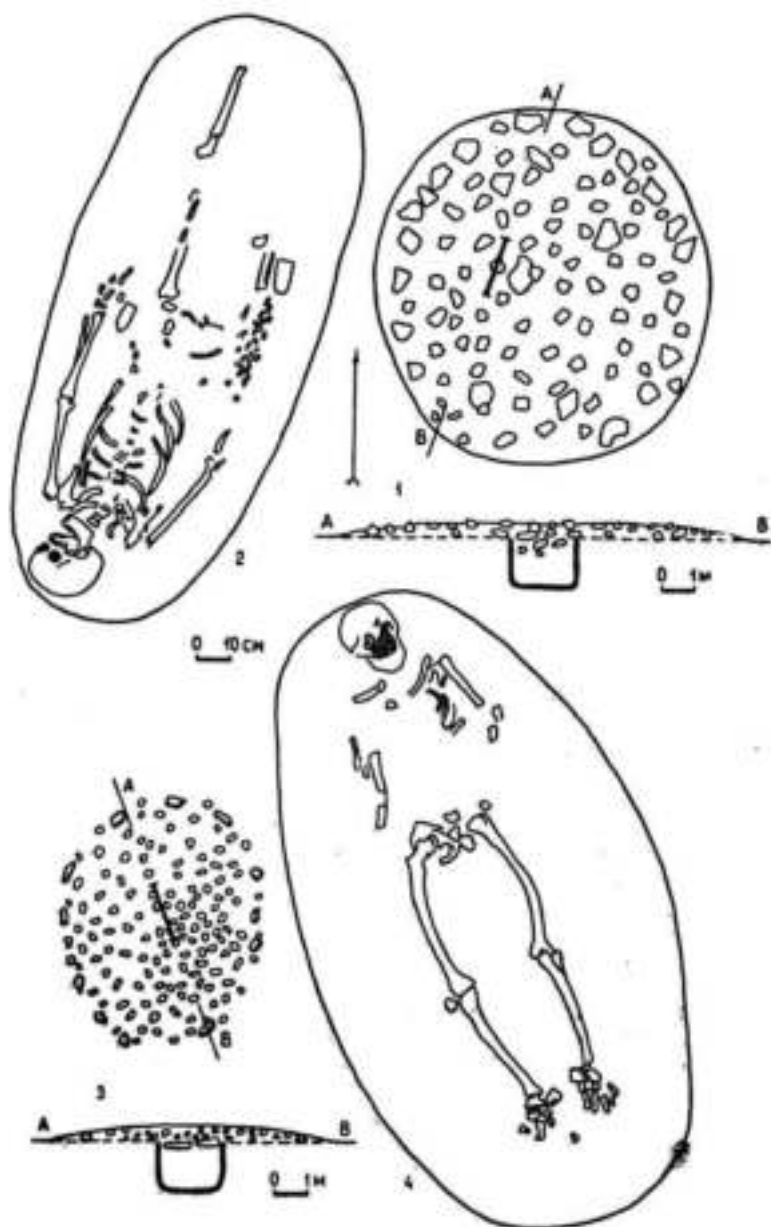

Рис. 54. Каракум II: 1—2 — курган 1; 3—4 — курган 6.

этой цепочки отстоят на 10—15 м друг от друга, а шестой находится в 180 м к северо-востоку от кургана 5. Все курганы, кроме пятого и шестого, имеют насыпи на земли с камнем, диаметром 8—14 м, высотой 0,5—0,8 м. Некоторые из них по основанию опоясаны кольцом из крупного камня.

Курган 1 (рис. 54, 1, 2) — самый юго-западный в цепочке. Диаметр — 10 м, высота — 0,4 м. Могильная яма смещена к западу от центра кургана. Контуры ее сразу определить не удалось, поскольку верхняя ее часть вместе с перекрытием оказалась разрушенной грабительским раскопом. Могила имеет овальную форму (1,9×0,8 м) и ориентирована длинной осью с северо-востока на юго-запад. На дне ямы (глубина 1,2 м) находился скелет мужчины возмужалого возраста (европеоид, долихокраи), на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад.

Вдоль правой руки располагался железный сильно коррозированный предмет непонятного назначения. Он состоял из каких-то железных пластинок, к сожалению, плохо сохранившихся. На конце этого предмета, у бедренной кости, найден кусочек железного острия с остатками грубой ткани. Здесь же, у северо-восточного края изделия, лежал на ребре обломок каменного жертвенника из серого песчаника (рис. 47, 1). Он отличается от более ранних типов вытянутостью. На левой тазовой кости обнаружены три обломка от рукоятки железного меча. Два из них, круглые в сечении, служили серповидным навершием. Третий обломок являлся верхней частью рукоятки меча (рис. 55, 8). В области брюшины, по правую сторону от позвоночного столба, находился бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы плохой сохранности (рис. 55, 5).

Между левой тазовой и локтевой костями лежала бронзовая литая поясная пряжка прямоугольной формы с закругленными углами (рис. 64). На углах были пробиты небольшие отверстия, посредством которых она скреплялась с ремнем.

Рядом, чуть ближе к ногам, находился крупный костяной двуперый втульчатый наконечник стрелы (рис. 55, 4). Перья его опущены вниз, а втулка его так мала, что трудно предположить реальный способ скрепления ее с древком.

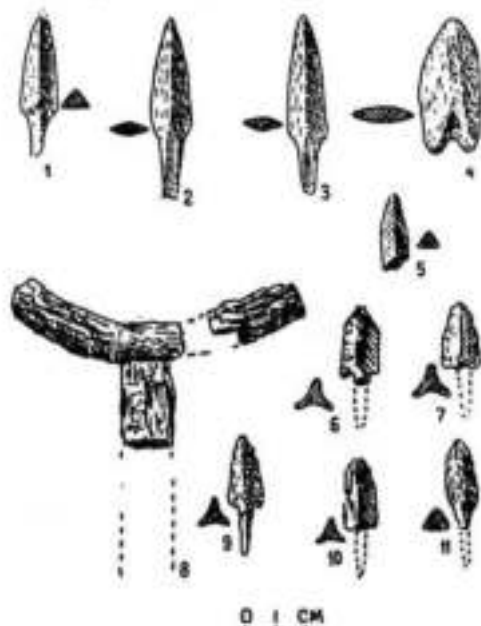

Рис. 55. Инвентарь из кургана 1 могильная Карамурун II.

У кисти левой руки обнаружены три костяных и шесть железных черешковых наконечников стрел (рис. 55, 1—3, 6—7, 9—11). Здесь же едва прослежены их истлевшие древки. Два костяных наконечника имеют ромбовидное сечение, а третий — трехгранное. Железные наконечники плохой сохранности, пять из них трехперые и один трехгранный. Все они черешковые и небольшого размера.

Курган 2 расположен в 7 м к северу от кургана 1. Диаметр с севера на юг — 5,5 м, с запада на восток — 5 м, высота — 0,4 м. По основанию имеет каменное кольцо.

Могильная яма овальной формы (1,7×0,8 м) вытянута с северо-запада на юго-восток. В заполнении ее встречены

кость ноги барана и обломки черепа человека. Погребение разграблено.

Курган 3 находится в 22 м к северо-востоку от предыдущего кургана. Диаметр с севера на юг — 8,7 м, с запада на восток — 7,4 м, высота — 0,3 м. По основанию проходит кольцо из крупного камня. Под насыпью — могильная яма овальной формы (2×0,9 м), ориентированная длинной осью с СЗС на ЮВЮ. Перекрытие ямы, состоящее из каменных плит, разрушено, на дне (глубина 1,2 м) оказался разбросанным скелет человека. Он принадлежал мужчине зрелого возраста, европеоидного типа (может быть, переходный от андроновского к среднеазиатскому междуручью). Сохранившиеся в неповрежденном состоянии череп и берцовые кости показывают первоначальное его погребение на спине, вытянуто, головой на северо-запад.

На дне лежал точильный камень с отверстием для подвешивания (рис. 31, 1), а с левой стороны, у таза, — четыре бронзовых наконечника стрел с остатками древков. Первый наконечник втульчатый двуперый (4, 3 см), второй — втульчатый трехгранный, третий — черепковый трехгранный, четвертый — втульчатый трехперый с резко выступающей и раздвоенной втулкой. Здесь же найден роговой наконечник стрелы, круглый в сечении (рис. 46, 8, 10, 11, 13, 19).

Курган 4 расположен в 6 м к северу от предыдущего. Диаметр — 4 м, высота — 0,3 м. По основанию также проходит кольцо. Верхние края ямы прослежены только с глубины 0,8 м от верха насыпи. Она имеет овальную форму (1,6×0,8 м), ориентирована по длинной оси с северо-запада на юго-восток. На дне обнаружен истлевший скелет ребенка (8—10 лет), на спине, головой на северо-запад. Вещей нет.

Курган 5. Находится в 22 м к северо-востоку от кургана 4. Насыпь земляная, диаметром 9 м, высотой 0,3 м. Могила ориентирована с СВС на ЮВЮ, погребение ограблено.

Курган 6 — самый северо-восточный в цепочке. Насыпь из земли с камнем.

Ориентировка могилы — с северо-запада на юго-восток. Погребение разграблено. Кроме отдельных костей барана и человека, ничего не найдено. Ориентировка погребенного — головой на северо-запад.

НУРМАНБЕТ I

Могильник находится в 2 км к югу от урочища Карамурун, на том же правом берегу Шидерты, в 650 м от старицы. Группа состоит из семи курганов. К интересующему нас времени относятся три кургана (2, 3, 4).

Курган 2 (рис. 56, 1—3). Имеет насыпь из земли с камнем, диаметр с севера на юг — 11,5 м, с запада на восток — 10 м, высота — 0,3 м. По основанию проходит кольцо из крупного камня, кое-где пррывающееся. В этом кургане заключены два одновременных погребения, из которых верхнее, частично разрушившееся, нижнее, относится к тюркскому времени, а нижнее датируется поаднескифским временем.

Курган с кольцевой оградой сооружался для нижнего погребения, которое, как обычно, имело овальной формы грунтовою яму (2,1×0,6 м), ориентированную длинной осью с северо-запада на юго-восток. На дне ее (глубина 1,5 м), на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад, лежал скелет погребенного. У левой его руки находился жертвеник из светло-серого мелкозернистого песчаника. Рядом найдена бронзовая фигурная накладка (рис. 65). Эта литая бляшка (длина 10,1 см, ширина 2,8 см) изображает грифона с зачям туловищем и длинной изогнутой назад шеей. Короткие концы бляхи оформлены в виде противопоставленных голов грифонов, по две с каждой стороны. Клювы их удлинены и соприкасаются загнутыми концами, образуя внутреннее пространство в форме сердца.

У правой тазовой кости найдена бронзовая кольцеобразная прокизка, а на кисти правой руки — зеленая пастовая бусина. Юго-западная длинная стенка могильной ямы была разрушена вторичным и, как уже указывалось, более поздним погребением. По-видимому, это

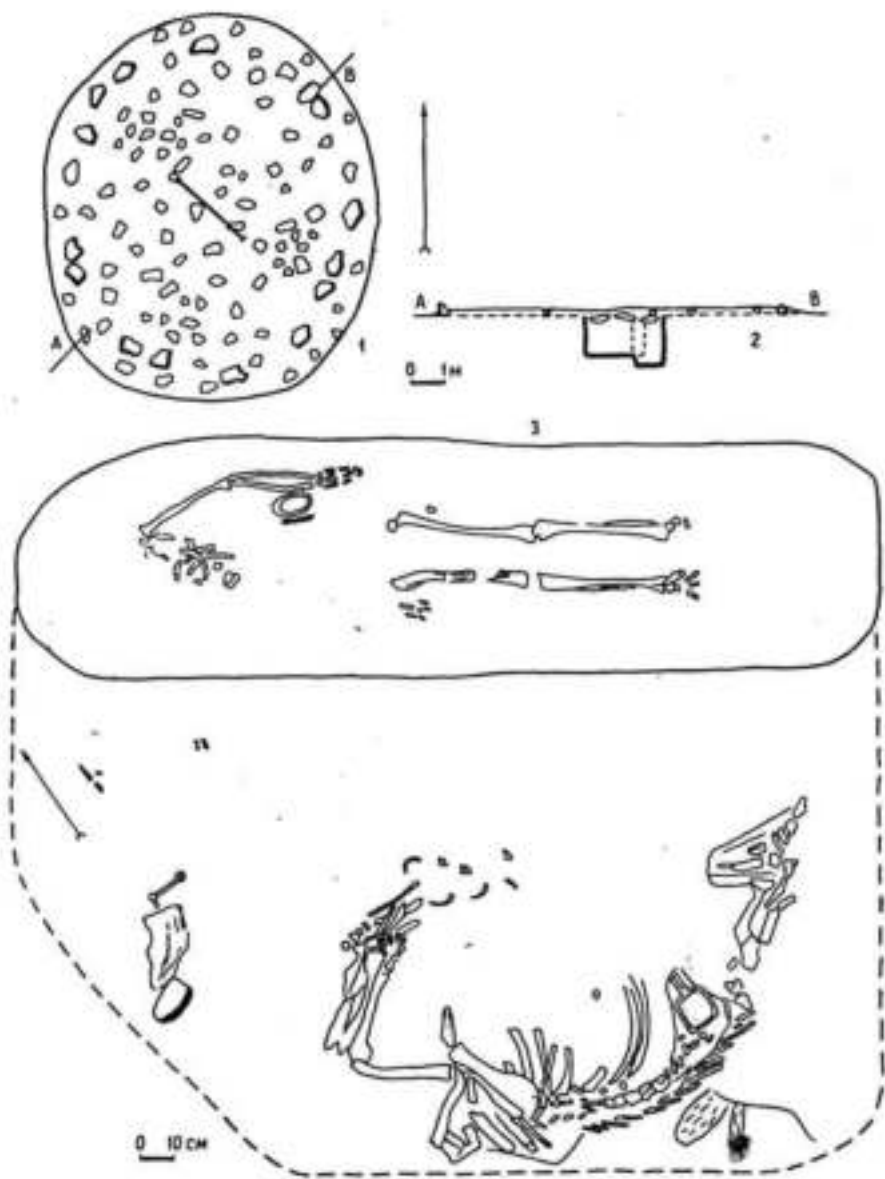

Рис. 56. План, разрез и погребение кургана 2 могильника Нурманбет I.

вторичное тюркское захоронение случайное. Об этом в первую очередь говорит разница в уровнях дна могильной ямы. Новая яма, выкопанная в старой, не доходила до дна первого погребения на 30 см.

Курган 3 расположен в 15 м к СВС от предыдущего. Диаметр с севера на юг — 10 м, с запада на восток — 9,5 м, высота незначительная. Насыпь из земли с камнем. По основанию также прослеживается кольцо из небольших каменных плит.

Под насыпью открыта могильная яма овальной формы (2,15×0,7 м), ориентированная по длинной оси с северо-запада на юго-восток и заваленная обломками каменных плит перекрытия. На дне (глубина 1,2 м) лежал скелет мужчины старческого возраста, европеоидного типа (среднеазиатское междуречье), на спине, головой на северо-запад. Вещей нет.

Курган 4 находится рядом с третьим. Он меньше размером (диаметр 6,5 м). Следов могильной ямы не обнаружено.

Два других кургана этого же могильника (5,7) аналогичны по обряду погребения. Датирующего материала в них не выявлено. Антропологическое определение показало, что в кургане 5 захоронен мужчина старческого возраста, европеоидного типа (близкий к андроновскому), а в кургане 7 — мужчина зрелого возраста, также андроновского типа.

НУРМАНБЕТ II

Могильник насчитывает 16 разновременных курганов, тянущихся километровой полосой по левому берегу р. Шидерты. Они расположены напротив могильника Нурманбет I (рис. 57). Курганы разбросаны группами по 2—3 и находятся на значительном расстоянии друг от друга. Приведем описание некоторых из них.

Курган 2. Насыпь из земли с камнем, диаметром 10 м, высотой 0,3 м. По основанию проходит кольцо из камня. Могильная яма овальной формы (2,4×1,2 м), ориентирована по длинной оси

с северо-запада на юго-восток и заполнена обломками каменных плит от перекрытия. Погребение разграблено. По уцелевшей верхней половине скелета можно судить, что погребенный лежал на спине, головой на северо-запад.

Рис. 57. План могильника Нурманбет II.

Курган 4 состоит из основного кургана и примыкающего к нему с востока малого кургана, от которого в восточном направлении отходят две каменные гря-

ды шириной 1,5—2,5 м при длине северной гряды 56 м, южной — 46 м. Оба кургана с насыпью из земли с камнем и по основанию их прослеживается кольцо из крупного камня. Диаметр большого кургана — 12 м, высота — 0,3 м. Диаметр малого с севера на юг — 9 м, с запада на восток — 10 м, высота — 0,4 м.

Основной курган имеет в центральной части впадину от грабительского раскопа. Под насыпью, в восточной части кургана, найдены фрагменты глиняного сосуда: часть венчика и несколько обломков тулова. Судя по ним, сосуд имел чуть отогнутый наружу венчик и широкую горловину, плавно переходящую во в меру вздутое тулово. Тесто его с примесью песка, плохого промеса, слабого обжига, темно-серого цвета. В месте перехода горловины в тулово сделано круглое отверстие диаметром 6 мм.

Сосуд входит в категорию обычных для курганов «с усами» форм.

Могильная яма, контуры которой удалось проследить с глубины 0,45 м, овальная (2,5×1,5 м) и ориентирована длинной осью с севера на юг. В заполнении могилы, на разной глубине, попадались обломки скелета человека. В северной части могильной ямы лежал раздавленный череп погребенного, а в южной — череп барана, повернутый мордой на юг, и зубы лошади. В восточной части ямы найдена бронзовая круглая, с рамковидным выступом и штырьком на кольце пряжка от узды лошади. На штырьке имеется вдавление в форме копыта (рис. 26, 4).

Под насыпью малого кургана зафиксирован ненарушенный грунт.

Курган 6. Насыпь из земли с камнем, диаметром с севера на юг 10 м, с запада на восток — 9 м, высотой 0,3 м. Могильная яма, открывшаяся под насыпью, имеет неправильно-овальную форму (1,7×1,1 м) и ориентирована по длинной оси с СЗС на ЮВЮ. На дне ямы (глубина 1,1 м) в разрушенном состоянии лежала верхняя часть скелета человека. По ней можно судить об ориентировке погребенного головой на СЗС.

Остальные кости скелета попадались в заполнении ямы.

Курган 15. Диаметр — 7 м, высота — 0,3 м. По основанию насыпи из земли с камнем проходит кольцо из крупного камня. Могильная яма овальной очертания (2,1×1,7 м), вытянута длинной осью с северо-запада на юго-восток. В заполнении могилы и на дне ее встречены разрозненные кости скелета человека. Предположительная ориентировка погребенного — головой на северо-запад.

Подобные курганы раскопаны и в других группах могильника Нурманбет. Так, в могильнике Нурманбет IV был вскрыт курган 1 диаметром с севера на юг 13 м, с запада на восток — 12 м, высотой 0,4 м. Могильная яма была ориентирована с северо-запада на юго-восток. Здесь также кости скелета человека были перемешаны с обломками обрушившегося перекрытия. Погребение ограблено.

Помимо перечисленных памятников ко второму этапу тасмолинской культуры относится большая серия курганов, раскопанных в 1957 г. в Шетском и Актогайском районах Карагандинской области (Кинксу, 1, 2; Ельшибек, Карабие, 1, 4, 8, 15; Егиз-Койтас, 4, 5; Канатас, 16, 20). Погребальный инвентарь этих курганов также представлен глиняными сосудами из курганов с каменными грядами, бронзовыми черешковыми и одним втульчатым наконечниками стрел, бирюзовыми бусами, железными ножами и креслом, золотыми наделиями (ворворка, прямоугольные накладки)¹⁷.

***

Таков погребальный обряд центральноказахстанских племен, конкретная характеристика которого дана по материалам, полученным в последние пять лет из северо-восточных районов Казахского мелкосопочника.

¹⁷ М. Кадырбаев. Памятники ранних новочинников, стр. 162—179.

Материалы раскопок из других районов, опубликованные ранее, расширяют в территориальном отношении эту характеристику, делая ее в основных чертах общей для всего Центрального Казахстана.

Особенности погребального обряда племен тасмолинской культуры наиболее отчетливо выявляются при сравнении с обрядом захоронений других близких или родственных культур.

В настоящее время имеется достаточное количество материалов по многим районам распространения культур сакского времени. Для рассматриваемой темы наибольший интерес представляют погребальные обряды савромато-сарматской, майэмирской и тагарской культур, а также памятники Монголии и Тувы, саков Семиречья и Восточного Памира. Приведем их краткую характеристику. Майэмирская культура на Алтае знакома нам в основном по раскопкам А. В. Адрианова¹⁸, С. В. Киселева¹⁹ и С. И. Руденко²⁰. Погребальные сооружения, представленные здесь теми же курганами, имеют насыпь из крупных обломков скал или же из земли с камнем. Под насыпями вскрывают прямоугольные или квадратные ямы, ориентированные в широтном направлении. Южная часть ямы часто бывает углублена, в ней поставлены небольшие деревянные срубы, северная половина ямы обычно занята одной или двумя лошадьми, ориентированными головой на запад или восток²¹. Встречены также прямоугольные ямы, обложенные деревом и перекрытые сверху бревнами (майэмирские курганы)²². Как исключение известен курган с подбойным погребением на дне квадратной ямы, перекрытой сверху

накатом из березовых бревен (курган I под Солонечным белком)²³.

В Центральном Казахстане обнаружено пока три погребения в подбоях: Айдабуль II, курган 1²⁴, Канаттас, курган 16²⁵ и Карамурун, курган 5 ж.

Положение погребенных в курганах майэмирской культуры в большинстве случаев не установлено вследствие сильной разграбленности могил и разбросанности в них костей. Однако в тех случаях, когда его удалось определить, скелеты лежали в вытянутом положении и были ориентированы в широтном направлении: головой на запад (курган 3 под Солонечным белком) или на восток (Арагольский курган 1, курган 2 на р. Катунь и др.). Зафиксирован также случай скорченного погребения человека в Тузуктинском кургане 6, ориентированного головой на восток²⁶.

Погребальные сооружения первой стадии тагарской культуры, распространенные в южной части Красноярского края и частично в Кемеровской и Томской областях, представлены земляными курганами с расположенными на насыпях четырехугольными оградками из поставленных на ребро плит. Под насыпями выявлены четырехугольные ямы, ориентированные в широтном направлении, с небольшими отклонениями к югу или северу. Таких ям, по подсчетам С. В. Киселева, было 94 проц.²⁷ На дне большинства могил устанавливали срубы в один-два венца лиственничных бревен. Характерное положение погребенных — вытянутое, на спине, головой на запад, встречается и на восток. В тагарских памятниках бывают случаи ориентировки погребенного головой на север (2 проц.). Эта деталь имела бы значительный интерес, однако С. В. Кисе-

¹⁸ А. В. Адрианов. К археологии Западного Алтая. «ИАН», 1916, вып. 62.

¹⁹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 292—298.

²⁰ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, стр. 13—16, и др.

²¹ С. В. Киселев. Древняя история..., стр. 289, 293.

²² С. И. Руденко. Культура населения..., стр. 11.

²³ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. «КСИИМК», 1947, XVIII, стр. 12.

²⁴ К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 19, рис. 14.

²⁵ М. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Там же, стр. 179, рис. 12.

²⁶ С. В. Киселев. Укал. работа, стр. 293.

²⁷ Там же, стр. 224.

лев объясняет, что подобная ориентировка случайна и встречается «лишь в тех случаях, когда площадь кургана, уже занятая могилами, не позволяла устраивать новые с нормальной ориентировкой».

Погребальный обряд Тувы и особенно Монголии изучен недостаточно. Для нас особый интерес представляет работа по Туве Н. Л. Членовой²².

Погребальные сооружения уюкской, по Л. Р. Кыласову²³, или кызылганской, по С. И. Вайнштейну²⁴, культуры Тувы характеризуются курганами с земляной и каменной насыпями. Земляные курганы имеют каменные кольца.

Погребальный обряд обнаряживает значительное сходство с погребальным обрядом алтайских памятников пазырыкского времени. Судя по последним материалам А. Д. Грача, они имеют те же прямоугольные ямы с деревянными срубам, погребения с конем и широтную ориентировку покойников. Большинство погребенных уюкской культуры укладывали в скорченном положении²⁵.

Н. Л. Членова вслед за С. В. Киселевым²² отмечает родство уюкских памятников с пазырыкскими на Алтае и считает это результатом прямых связей населения двух территорий через южные районы Саян.

Для Монголии и Забайкалья характерен, как известно, особый тип погребальных сооружений — плиточные могилы²⁶.

Погребальные сооружения Семиречья представлены курганами с земляной (Джувантобе) и каменной насыпями (Бешпатыр, курган 15) и земляными насыпями с широкими кольцами из мел-

кого камня под ними (могильник 29В, курган 12).

Могильные ямы большинства курганов грунтовые, прямоугольной или овальной формы, перекрытые сверху деревянным накатом. Погребения одиночные, парные и тройные. Под одной насыпью встречается до четырех могильных ям двух форм.

Ямы прямоугольной или подпрямоугольной формы делались обычно для парных и тройных погребений (могильник 29В, курганы 7, 9)²⁴. Встречены погребения с конем (Джувантобе, курган 12)²⁵. Особенность этого кургана заключается в том, что для коня рыли отдельную прямоугольную яму рядом с овальной ямой человека.

Во всех захоронениях сакского времени в Семиречье погребенные лежат вытянуто, на спине, головой на запад. В широтном направлении ориентированы и все могильные ямы.

Поэтому устроены погребальные сооружения у савков Восточного Памира²⁶. Среди сооружений разных типов выделяются два: каменные выкладки и курганы из земли с крупным камнем. Ямы грунтовые, тех же двух типов, что и в Семиречье. Погребения также встречаются одиночные, парные разнополюе и тройные. Однако большинство покойников лежат скорченно и ориентированы головой на восток. Конских погребений, насколько мне известно, здесь не найдено, однако все конские атрибуты налично; узда, различные сбруйные пряжки находятся с погребенным.

Весьма сложны и на разных территориях неодинаковы могильные сооружения и погребальный обряд у савроматских племен.

Характерные черты савроматского погребального обряда, выделенные К. Ф.

²² Н. Л. Членова. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии. «Ученые записки ТНННЯЛИ», вып. IX. Кызыл, 1961.

²³ Л. Р. Кыласов. Этапы древней истории Тувы. «Вестник МГУ», 1958, № 4.

²⁴ С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. «Ученые записки ТНННЯЛИ», вып. VI. Кызыл, 1958.

²⁵ Н. Л. Членова. Указ. работа, стр. 146.

²⁶ С. В. Киселев. Указ. работа, стр. 301.

²⁷ Г. П. Сосновский. Ранние кочевники Забайкалья. «КСИМЖ», 1940, VIII, стр. 36.

²⁴ К. А. Акишев. Саян Семиречья. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 211, табл. II, стр. 212, табл. III.

²⁵ А. Г. Максимов. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. «КСИМЖ», 1960, LXXX, стр. 61, рис. 11.

²⁶ А. Н. Верштан. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. «МИА», 1952, 26, стр. 286—302.

Смирновым³⁷ по бассейну Нижней Волги, следующие: 1) могилы прямоугольной формы с устройством в них деревянных сооружений, подстилок и намогильных конструкций из дерева; 2) захоронение покойников близ одной из стенок могилы; 3) захоронение коней и частей конской сбруи; 4) посыпка дна могилы мелом. Положение погребенных вытянутое или скорченное (на спине или на боку), в том и другом случае ориентировка широтная. Западную ориентировку К. Ф. Смирнов считает прямым наследием андроновской культуры, а восточную результатом влияния срубной культуры Дона и Поволжья.

В Куйбышевской и Уральской областях часты случаи трупосождения в могильных ямах и труположения на древних горизонтах, под насыпью. Встречены также погребения с северной ориентировкой покойников, что особенно характерно для северных районов Челябинской области³⁸. Однако в целом погребальный обряд здесь имеет мало общего с центральноказахстанским.

Большинство раннескифских погребений степного Поднепровья и Приазовья, т. е. собственно тех районов, которые теперь многими археологами определяются как собственно скифские³⁹, не

имеет самостоятельных погребальных сооружений. Наиболее точно датированные из них являются впускными в курганы бронзовой эпохи (Малая Цимбалка, погребение у села Кут)⁴⁰. Это обстоятельство чрезвычайно интересно. Оно, возможно, свидетельствует о том, что население, оставившее впускные погребения, не является этническим преемником местных племен эпохи бронзы: очевидно, оно пришлое.

Приведенные материалы по другим районам расселения племен скифо-сакской культурной общности говорят о серьезных и принципиальных отличиях, существующих между погребальным обрядом центральноказахстанских племен и любой из перечисленных родственных культур.

Несмотря на некоторые общности и вполне закономерные черты сходства форм намогильных сооружений и другое, особенности погребального обряда племен тасмолинской культуры настолько очевидны, что с ними нельзя не считаться. Это своеобразие, как можно заключить по изложенным в настоящей главе материалам, главным образом сводится к существованию на территории Центрального Казахстана в историческом периоде VII—III вв. до н. э. особого типа памятников — курганов «с усами», к северной ориентировке большинства погребенных в курганах первого и второго этапов и весьма специфичной серии глиняных сосудов, характеристика которых будет дана позже.

³⁷ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. «СА», 1957, № 3, стр. 9.

³⁸ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. «КСИМК», 1950, XXXIV, стр. 98.

³⁹ В. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.

⁴⁰ И. В. Яценко. Скифия VII—V веков до нашей эры. «Труды ГИМ», вып. 36. М., 1959, стр. 38—39.

ТАСМОЛИНСКАЯ КУЛЬТУРА В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКАЛЕ ПАМЯТНИКОВ СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ

В результате раскопок курганных групп тасмолинского могильника и других погребений Центрального Казахстана получено большое количество разнообразного вещественного материала, который не только дополняет имевшиеся до сих пор крайне скудные коллекции сакского времени, но и в значительной степени расширяет наши представления о культурно-хозяйственном уровне древних скотоводческих племен Казахстана. Но в отличие от погребального обряда он обнаруживает большее сходство с инвентарем других культур, и потому его характеристику следует начать с краткого рассмотрения некоторых общих вопросов.

Почти все исследователи, занимавшиеся в той или иной степени памятниками скифо-сарматской, сакской и близкими им по времени культурами, не раз отмечали поразительное единообразие форм матеральной культуры, причем тех ее элементов, которые более всего связаны с изменениями в хозяйстве, происшедшими в результате перехода населения евразийских степей к кочевому и полукочевому скотоводству. И действительно, в Монголии и Туве, на Алтае и в Восточном Казахстане, в Семиречье и ряде районов Средней Азии, на Северном Кавказе и в Причерноморье, там, где население в первой половине первого тыся-

челетия до нашей эры окончательно перешло к новой форме ведения хозяйства — скотоводству, в его различных видах и формах, там мы наблюдаем большое сходство трех элементов матеральной культуры, связанных с вооружением скотоводческих племен, конским убранством и «звериным стилем», фигурально названных В. Н. Граковым «скифской триадой»¹.

По этому вопросу имеется множество разнообразных точек зрения, связанных главным образом с проблемой происхождения скифской культуры.

Долгое время, как известно, при изучении скифской культуры учитывали не целиком весь сложный комплекс матеральной культуры, а ее отдельные элементы. Чаще всего при толковании теории происхождения скифской культуры брали за основу «скифский звериный стиль». М. И. Ростовцев исключал возникновение этого стиля «на почве древней Скифии» и считал его явившимся в Скифию в готовом виде². Наиболее четко он сформулировал свою точку зрения о происхождении скифской культуры в

¹ В. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях в лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 93.

² М. И. Ростовцев. Эллинизм и краинство на юге России. Пр., 1918, стр. 45.

другой работе, в которой рассмотрел ее как результат столкновения в Северном Причерноморье двух этнокультурных элементов: иранского, в его представлении, собственно персидского, и греческого³. Третий выделенный им элемент скифской культуры — местный он серьезно не исследует, считая основным началом скифской культуры иранский этнокультурный массив. На основании учета предметов вооружения и украшения он первый дает расширительное толкование скифской культуры, географические границы которой охватывают на юге Причерноморье, на западе — почти все южные районы Средней Европы, на востоке — Приуралье, Нижнее Поволжье и Прикубанье⁴. Так сложилась и приобрела много последователей точка зрения, связывающая происхождение «скифского звериного стиля» с предметами «архаического Элама, родоначальника иранского искусства вообще...»⁵, и скифской культуры с влиянием иранского этнокультурного начала.

Противоположного мнения придерживался А. А. Спицын, считавший, что скифская культура возникла на основе местных генетических корней, и связывавший сведения Геродотовой истории с конкретными археологическими материалами⁶.

Параллельно с этими двумя точками зрения существовали также и другие, казавшиеся не проблемы происхождения скифской культуры в целом, а вопросов происхождения ее отдельных компонентов. Несмотря на такое, казалось бы, более узкое русло избранной тематики, нередко разбираемые вопросы приводили к обсуждению всей проблемы в целом⁷.

В противоположность теории М. И. Ростовцева об иранских истоках скифского искусства Г. О. Боровка видит корни происхождения скифского звериного стиля в другом.

Вслед за Е. Минном⁸, считавшим скифов кочевниками урало-каспийского происхождения и видевшим истоки скифского искусства в памятниках Сибири, он связал возникновение скифского звериного стиля с неолитическими культурами Севера и минусинской бронзой⁹. Позже эту мысль поддержала В. В. Гольмстен¹⁰, связывая «звериный стиль» ордосских бронз с местной тотемической традицией.

Наиболее ярким исследованием, в котором отстаиваются связи скифского искусства с предшествующими культурами лесной полосы Евразии, является работа Д. Н. Эдинга. В ней он на основании анализа деревянных скульптур уральских торфяников сделал вывод, что древнейшей стадией «звериного стиля» является реалистическая скульптура, воспроизводящая в дереве, роге, камне и металле местную фауну леса и степи¹¹. Общее в концепциях исследователей — расширительное толкование скифской культуры и распространение этого понятия на огромную территорию от Причерноморья до Южной Сибири. Разница в их точках зрения заключается лишь в том, что одни ученые искали истоки возникновения обширной скифской культуры в североиранских этнокультурных группах, другие — в высокогорной области, граничащей с древневосточной и кочевнической культурами, а третьи видели этот источник в северных культурах лесной полосы Евразии.

М. И. Артамонов, не считая скифскую культуру этническим признаком, также

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Восток. Пр., 1925.

⁴ М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство..., стр. 34—35.

⁵ Там же, стр. 45.

⁶ А. А. Спицын. Курганы скифов-пахарей. «ИАН», 1918, вып. 65, стр. 87.

⁷ K. Scheffold. Der skythische Tierstil in Südrussland. «ESA», 1936, XII. См. также рецензию: Н. Н. Погребова. К вопросу о скифском зверином стиле. «КСИИМК», 1950, XXXIV, стр. 129—138.

⁸ E. Minna. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. См. также: М. И. Ростовцев. Ellis H. Minna. Scythians and Greeks. рецензия, отделок из «Журнала Министерства народного просвещения», стр. 173—194.

⁹ G. Vогоwka. Scythian Art. London, 1928.

¹⁰ В. В. Гольмстен. Из области культуры древней Сибири. Из истории докапиталистических формаций. «Сборник и XLV-летию научной деятельности Н. Я. Марра». Л., 1933.

¹¹ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. М., 1940, стр. 87.

допускал, основываясь на «скифской триаде», ее широкое распространение, но в отличие от других появлений одинаковых форм культуры на Алтае и в Причерноморье объяснял развитием племен в сходных исторических условиях¹².

Значительный вклад в вопросы изучения скифской культуры внесла конференция Института истории материальной культуры, состоявшаяся в 1952 г. Она была посвящена обсуждению проблем скифо-сарматской археологии¹³.

В своем докладе В. Н. Граков на основании анализа всего комплекса письменного и археологического материала показал, что границы собственно скифской культуры охватывают «сравнительно небольшую территорию в Северо-Западном Причерноморье и Приазовье»¹⁴. Для всех же остальных культур Причерноморья и прилегающих областей, отличающихся от собственно скифской, предложено в целях ликвидации расширительного толкования термина «скифская культура» выработать другие названия, вроде «савроматской», сарматской археологии¹⁵.

В отношении таких составных элементов скифской культуры, как вооружение, конский убор и звериный стиль, было высказано мнение, что поскольку «триада» в полном «составе» встречается только в Причерноморье, то роднику ее следует искать там же, а распространение этих элементов шире — считать результатом взаимосвязей, усилившихся в связи с переходом к кочевому быту большинства населения евразийских степей¹⁶.

Однако и после конференции с повестки дня не был снят ряд принципиальных вопросов, касающихся как скифской проблемы в целом, так и отдельных ее частей. После короткого «затишья» вновь вспыхнули дискуссии по пробле-

мам происхождения скифов, скифской культуры, и особенно по ее отдельным вопросам, главным образом о скифском искусстве.

Немалую роль в этом сыграла коллекция предметов, найденных в 1947 г. в местности Зивие (40 км от г. Саккыза), в Иранском Курдистане. Изучение этого клада, по А. Годару¹⁷ и Р. Гиришману¹⁸, или богатого погребения, по К. Варнету,¹⁹ возродило те же две концепции происхождения скифского искусства, которые существовали до скифо-сарматской конференции.

А. Годар, автор основной публикации по Саккызскому кладу, исходя из хронологического несоответствия изделий скифских форм этого клада и временем первого появления скифов в Передней Азии, доказывает, что скифы заимствовали маннейское искусство, «геральдические темы и простое изображение которого они выразили в своем зверином стиле»²⁰. Об общей североиранской основе искусства Ахеменидской Персии и Скифии говорит Х. Потратц²¹. Таким образом, новый материал в значительной степени усиливает концепцию, существовавшую в принципе со времени М. И. Ростовцева.

К этой же точке зрения, отказавшись от прежней, присоединился и М. И. Артамонов, который теперь считает, что в основу искусства и европейских скифов, и азиатских савков легло маннейское искусство, являвшееся общим для всех народов Северного Ирана²².

Эта концепция происхождения скифо-сакского искусства становится в настоящее время господствующей. К тому же этот вопрос сейчас ставится гораздо ши-

¹² A. Godard. Le trésor de Ziwiyé (Kurdistan), 1950.

¹³ R. Chirschman. Le trésor de Sakkez, les origines de l'art Méde et les bronzes du Luristan. «Artibus Asiae», XIII, 3, 1950, pp. 181—206.

¹⁴ R. D. Barnett. The treasure of Ziwiye. Iraq. XVIII, 2, 1956.

¹⁵ A. Godard. Op. cit., p. 59.

¹⁶ H. A. Potratz. Die Skythen und Vorderasien. «Orientalia», 28, Roma, 1959.

¹⁷ М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифского искусства. «Сообщения Государственного Эрмитажа», XXII, Л., 1962, стр. 35.

¹² М. И. Артамонов. К вопросу о происхождении скифов. «ВДИ», 1950, № 2, стр. 40.

¹³ «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.

¹⁴ В. Н. Граков и А. И. Мелюкова. Об этнических и культурных различиях, стр. 93.

¹⁵ Там же, стр. 92.

¹⁶ Там же, стр. 93.

ре. Некоторые исследователи видят в памятниках Передней Азии, Ирана, источник происхождения целого ряда компонентов культур скифского времени не только Причерноморья, но и более отдаленных территорий, включая Южную Сибирь. Так, Н. Л. Членова, различая тагарские племена в этническом и культурном отношении, считает «раннетагарскую триаду» (оружие, конский убор и украшающий их «звериный стиль») наследницей карасукской культуры, «принесенной, по-видимому, с территории Среднего и Ближнего Востока»²³.

Теория заимствования или привнесения из Передней Азии в среду скотоводческих племен евразийских степей предметов вооружения, конского снаряжения и так называемого «скифо-сибирского звериного стиля» нам кажется неубедительной.

Перечисленные категории предметов являются вещественной формой выражения социально-экономических изменений, происшедших у определенной части племен в связи с переходом к кочевому и полукочевому скотоводству. Без этих атрибутов война-кочевника не мог быть подготовлен и осуществлен переход к качественно новой системе ведения хозяйства. Создание и совершенствование вооружения и конского снаряжения являлось составной частью общего процесса образования у скотоводческо-земледельческих племен предпосылок для перехода к кочевому скотоводству. Поскольку этот процесс наиболее активно протекал в восточных, более засушливых районах евразийских степей, и в первую очередь в Казахстане, то истоки «кочевнической триады», надо полагать, возникли в среде древних скотоводов-андроновцев середины II тысячелетия до нашей эры.

Таким образом, концепция местных генетических корней «триады», разумеется с учетом взаимных проникновений некоторых категорий вещей, нам кажется более приемлемой.

²³ Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1962, стр. 283.

В самом деле, если придерживаться целиком и полностью первой точки зрения, то чем в таком случае обусловлено широкое распространение в Казахстане и на Алтае своеобразной формы стрелевидных удили и соответствующего им уздечного крепления? Насколько известно, в Передней Азии таких форм нет, а относительно небольшому их количеству, зафиксированному в южных районах России, исследователи не могут найти объяснения, предполагая, что эти формы проникли из Южной Сибири и Казахстана²⁴.

Не могут также найти объяснения некоторым вопросам, связанным с вооружением. Какими заимствованиями или привнесениями можно, например, объяснить сосуществование в Центральном и Восточном Казахстане двух ведущих типов наконечников стрел: атулчатого и черешкового, известных здесь по крайней мере с алакульского времени андроновской культуры, а также распространение в этих районах своеобразных княжалов и других предметов.

И, наконец, нельзя отрицать также возможности нахождения местной подосновы «скифского» прикладного искусства.

Едва ли появление звериного стиля у многочисленных скотоводческих племен от Причерноморья до Сибири было только следствием походов ранних кочевников в Переднюю Азию, после которых, пользуясь образным выражением Д. Н. Эдингга, произошло вхождение животных в тематику скифского искусства, как «на старых фресках изображается чинное шествие зверей и птиц в «Ноев ковчег»²⁵.

Означительное решение этого вопроса в значительной степени будет зависеть от новых материалов по эпохе поздней бронзы Казахстана, Алтая и других районов.

Эти районы могут дать несравненно больше материала, чем тот, который исполь-

²⁴ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. «СА», 1953, XVIII, стр. 105.

²⁵ Д. Н. Эдингг. Указ. работа, стр. 86.

зовали для своих выводов Д. Н. Эдинг и С. В. Киселев²⁶, стоявшие в вопросах происхождения скифо-сибирского искусства на правильном пути. Переходим к рассмотрению тасмолин-

ского инвентаря, условно разделенного для удобства характеристики на три категории: предметы вооружения, конского снаряжения, украшения и бытовая утварь.

§ 1. ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Среди предметов вооружения больше всего наконечников стрел.

В Центральном Казахстане их известно около сотни. Все они извлечены из погребений. Количество их недостаточно для того, чтобы дать полную характеристику развитию этого вида вооружения на всей территории Центрального Казахстана в VII—III вв. до н. э. Однако общие законы эволюции основных типов наконечников стрел прослеживаются довольно хорошо.

В Центральном Казахстане, а теперь, после детального исследования К. А. Акишева²⁷, следует включить и весь Казахстан, в раннескифское время существовали две ведущие группы наконечников стрел: двуперый с выступающей втулкой и трехперый черешковый.

Для характеристики этих групп и многочисленных разновидностей наиболее полный материал дает исследованный в 1962 г. в могильнике Карамурун I (р. Шидерты) курган 5 ж.

В нем с левой стороны погребенного были обнаружены остатки кожаного колчана, в котором находилось 46 стрел, уложенных в 3 ряда. Тридцать из них были с древками, что позволило установить общую длину стрелы — 60 см. Из общего числа наконечников: бронзовых — 42 шт., костяных — 3, деревянных — 1 (рис. 58). Бронзовых наконечников первой группы — 22 экз., второй — 19 экз.

Один наконечник стрелы нельзя причислить ни к этим двум группам, ни к их разновидностям (рис. 58, левый в нижнем ряду). Он имеет двуперую форму ударной головки, равную по длине боевым головкам трехперых черешковых наконечников стрел, и обычный черешок, характерный для второй группы.

Его происхождение в настоящее время нельзя выяснить на казахстанском материале, поскольку нам не известны ни его особый источник, ни последующие дериваты. Можно было бы предполагать, что он возник в результате смешения двух групп: двуперого втульчатого и трехперого черешкового и употреблялся для какой-то специальной цели. Однако этот тип наконечника встречается в Юго-Западной Туркмении, Мадау-тепе, а В. М. Массон, развивая аналогию дальше, связывает его с луристанскими наконечниками начала I тысячелетия до нашей эры из Тепе-Сиялка (некрополь В) и др.²⁸ В. А. Литвинский знакомит еще с четырьмя экземплярами сходных наконечников (из своих раскопок в Кайрак-Кумах, из раскопок В. И. Спришевского на Чусте, В. А. Ранова в пещере Куртеке на Восточном Памире, в слое поздней бронзы, и из старых раскопок на Большом Ферганском канале²⁹) и определяет на основании анализа наконечников этого типа границы его распространения «от Прикаспия до границ Китая и далее на юг — в Индию»³⁰.

Первая группа карамурунской коллекции представлена тремя типами или разновидностями (рис. 59, I а — в): а) наконечники с листовидной формой

²⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 250; В. В. Гольмстен. По поводу книги Д. Н. Эдлинга «Реальная скульптура Урала» (место рецензии). «КСИИМК», 1946, XII; С. В. Киселев, В. Н. Чернецов. Д. Н. Эдинг. Реальная скульптура Урала. Там же. [Рецензия].

²⁷ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 117.

²⁸ В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Марганы. «МИА», 1959, 73, стр. 48.

²⁹ В. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 221—222 и табл. 45/3.

³⁰ Там же, стр. 222.

пера и шипом на втулке, выходящим за ее нижний обрез; б) наконечники с асимметрично-ромбовидной формой пера и втулкой, доходящей до острия бое-

7,5 г). Остальные два типа немного меньше размером (4 см) и весом (7 г). Некоторые наконечники первых двух типов имеют на втулках отверстия.

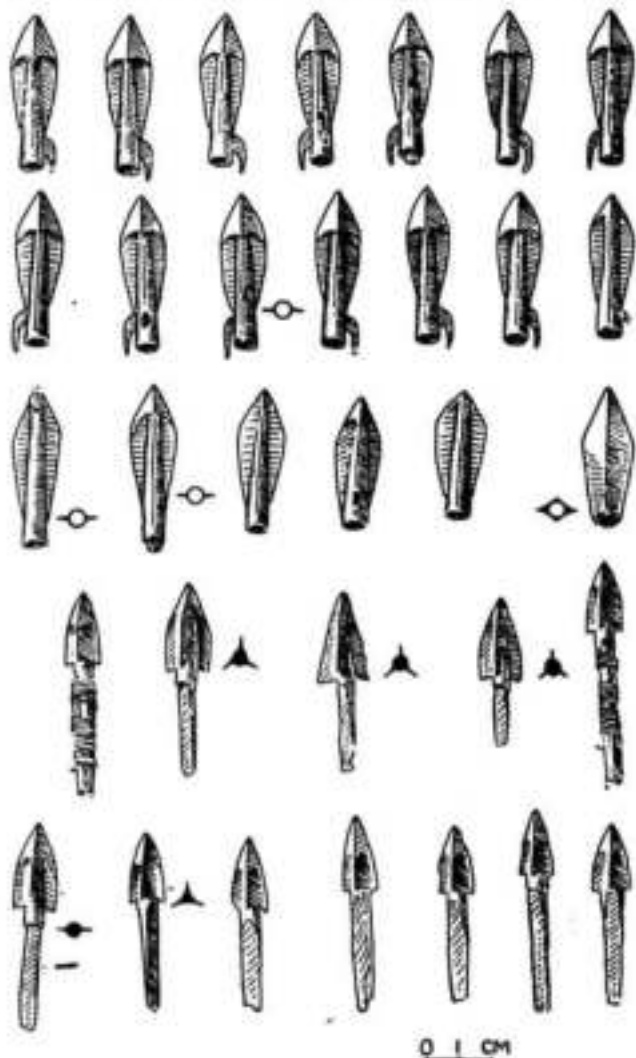

Рис. 58. Бронзовые наконечники стрел из кургана 5 ж могильника Карамуун I.

вой головки; в) наконечники ромбовидной формы со сглаженными плоскостями и без рельефной втулки. Первый тип наконечников более крупный и тяжелый (средняя длина — 4,5—4,6 см, вес —

Вторая группа трехперых черешковых наконечников также состоит из трех основных типов (рис. 59, II а — в): а) наконечники с лопастями, почти доходящими до острия; б) наконечники с вмеща-

ками в нижней части боевой головки; в) наконечники с зубчатыми выемками.

Наиболее тяжелые и крупные в этой группе также наконечники первого типа (длина до 6 см, вес — 7,5 г).

Морфологической особенностью наконечников этой группы является округленность контуров боевой головки.

Карамурунская коллекция наконечников датируется VII—VI вв. до н. э. Нижнюю границу этой датировки определяют первые два типа из двух групп: втульчатые наконечники с листовидной формой пера и шипом и трехлопастные черешковые.

Следует поставить два вопроса: 1) в чем заключается особенность развития этого вида вооружения в Казахстане, 2) можно ли считать первую группу наконечников собственно скифскими, а затем распространившимися в Казахстане и Южной Сибири.

1. Как уже упоминалось, эта местная особенность заключалась в сосуществовании двух разных групп наконечников стрел: втульчатой и черешковой. В этом отношении Казахстан резко отличается от савроматских районов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, и тем более от Скифии, где еще В. Н. Граков, а затем К. Ф. Смирнов отметили последовательное развитие арханческой группы наконечников — втульчатых двуперых различных типов и разновидности. Эти и другие исследователи считают, что для описанных районов скифо-сарматской культуры вторая группа наконечников не характерна³¹.

С другой стороны, эта особенность сближает Центральный Казахстан с рядом восточных районов. В Монголии, например, так же, как и в Казахстане, распространены обе группы³². С. В. Киселев

подсчитал, что в Монголии 41 проц., а в Сибири 24 проц. составляют трехперые черешковые наконечники стрел³³. Обе эти группы широко бытуют также на Алтае³⁴, в Восточном Казахстане (Усть-

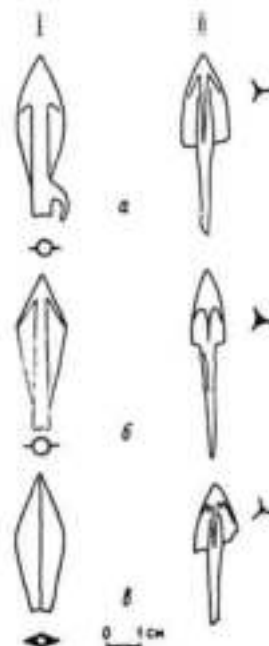

Рис. 59. Таблица бронзовых наконечников стрел из Центрального Казахстана VII—VI вв. до н. э. I — первая группа: втульчатые двуперые; II — вторая группа: черешковые трехперые. а — первый тип, б — второй тип, в — третий тип.

Букошь³⁵ и на Восточном Памире (Айдын-Куль, Памирская 10)³⁶.

³¹ С. В. Киселев. Монголия в древности. «Известия АН СССР», серия истории и философия, 1947, т. IV, № 4, стр. 365, рис. 3к.

³² М. П. Грязнов. Памятники майзаирского этапа, стр. 12, рис. 5 (2); С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая, табл. XIX, рис. 1.

³³ С. С. Черников. Работы ВИАЭ в 1956 г. «КСИМК», 1959, LXXIII, стр. 105, рис. 40 (7).

³⁴ В. А. Литвинский. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. «Труды Ин-та истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР», т. XXXI, 1961, стр. 56, рис. 5; А. Н. Берштам. Историко-археологические очерки, стр. 309, рис. 135.

³¹ В. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. «Труды секции археологии РАНИОН», М., 1930, стр. 73; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. «МИА», 1961, 101, стр. 110, рис. 11; стр. 111, рис. 12.

³² В. В. Волков. Бронзовые наконечники стрел из музея МНР. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 19, рис. 3; стр. 23, рис. 4.

Поскольку наиболее ранняя дата появления трехперых черешковых наконечников известна в Центральном Казахстане³⁷, то не исключена возможность, что эта территория была одним из районов возникновения данной формы. Вместе с тем по западным районам Центрального Казахстана проходила западная граница массового распространения этих наконечников.

2. Первая группа двухперых втульчатых наконечников с шипом была широко известна у всех скотоводческих племен VII—VI вв. до н. э.

Истоки этой группы, по имеющимся данным, опять-таки прослеживаются не в собственно Скифии, а в Казахстане. Как можно судить по работе К. Ф. Смирнова, наиболее ранние скифские и савроматские наконечники стрел с овальной, лавролистной или асимметрично-ромбической головками датируются исследователями VII в. до н. э.³⁸ В Казахстане же наблюдается редкая пока картина их прямой преемственности с наконечниками эпохи поздней бронзы. Прототипом этой группы стрел является бегазский лавролистный наконечник стрелы с шипом³⁹, относящийся к эпохе поздней бронзы, точнее к X—VIII вв. до н. э.

Известные сейчас ранние формы этой группы, представленные десятью втульчатыми двухперыми с узкой конической втулкой наконечниками типа дандыбаевских⁴⁰, уходят своими корнями в андроновскую культуру. В Северном Казахстане один такой наконечник найден в погребении федоровского этапа (Боровской могильник)⁴¹.

³⁷ М. П. Грязнов. Памятники жарсуковского этапа в Центральном Казахстане. «СА», 1952, XVI, стр. 157.

³⁸ К. Ф. Смирнов. Указ. работа, табл. IV.

³⁹ Л. Р. Кызыласов и А. Х. Маргулан. Плечевые оградки могильника Бегазы. «КСИММК», 1950, XXXII, рис. 42 (2).

⁴⁰ М. П. Грязнов. Памятники жарсуковского этапа в Центральном Казахстане, рис. 3; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. «МИА», 1960, 88, стр. 79; стр. 255, табл. LXII, 3.

⁴¹ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. «ТИАЭ АН КазССР», т. 5, 1958, табл. IV, рис. 17.

Дальнейшая последовательность хронологической смены бронзовых наконечников следующая.

Во второй половине и конце VI в. до н. э. наряду с этими двумя группами появляется новая форма трехперых втульчатых наконечников, которая во второй половине V и в IV в. до н. э. становится господствующей по всему Казахстану.

Происхождение этой группы наконечников Г. Шмидт, Р. Помпелли, А. Тальгрэн, М. И. Ростовцев связывали с югом России⁴². Судя по Таманскому и Мельгуновскому комплексам, а также по ряду коллекций Поволжья и Южного Приуралья, эта форма возникает у скифов и савроматов в VII в. и широко распространяется в VI в. до н. э. Наиболее ранние формы этой группы отличаются полуовальным, полуяйцевидным контуром лопастей или граней и наличием шипа на втулке⁴³.

Во второй половине и конце VI в. до н. э. эта группа наконечников начинает вытеснять обе ранние группы. Первая группа исчезает в своих «классических» формах уже к концу VI в. до н. э. В V в. до н. э. мы находим ее уже сильно измененной и в единичных экземплярах (Кинксу, 5)⁴⁴.

Вторая группа ранних наконечников трансформируется значительно медленнее. Ее эволюция начинается с наконечников с овальными выемками в нижней части боевой головки и зубчатыми выемками типа Нурманбет IV, 3. Однако параллельно с ними существует какое-то время и «классическая» трехперая форма.

В V в. до н. э. бытуют все три формы, которые отличаются от ранних прототипов

⁴² H. Schmidt y R. Pumpelly. Exploration in Turkestan. т. I, ч. 2. Washington, 1908, стр. 183—184; A. M. Tallgren. Collection Tovostine..., p. 48 и след.; М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. «МАР», 1918, 37, стр. 63.

⁴³ В. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел, стр. 73, рис. 2; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, табл. II А, В.

⁴⁴ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников, стр. 166, рис. 2.

прямыми контурами боевой части (Канаттас, 16). Где-то во второй половине V и в начале IV в. до н. э. они исчезают, их заменяет трехгранная черешковая форма (Кинксу, 5). О сравнительно долговременном бытовании трехперой черешковой формы на соседних территориях свидетельствует материал из Кунгайского могильника (Фергана), относящийся к V—III вв. до н. э.⁴⁵

Таким образом, V в. до н. э. является временем смены форм этого вида вооружения: две ранние группы наконечников сменяются наиболее распространенной трехперой втульчатой формой.

Наряду с нею распространяются также и трехгранные наконечники со скрытой втулкой и выступающими шипами.

Одновременно продолжает существовать и трехгранно-трехперая черешковая форма наконечников. Непосредственными преемниками ее являются, видимо, железные трехперые черешковые стрелы, появившиеся в Центральном Казахстане в конце III в. до н. э. (Карамун I, II).

Обратимся к коллекциям из Центрального Казахстана, с датировкой которых первой половиной второго этапа тасмолинской культуры (V—III вв. до н. э.)⁴⁶ не согласны. При составлении хронологической таблицы казахстанских наконечников К. А. Акишев передатировал кинксускую и канаттаскую коллекции VI в. до н. э. и пересмотрел свою датировку айдабульского погребения, отнесенного ранее к V—IV вв. до н. э.⁴⁷

Действительно, начиная с V в. до н. э. господствующим типом становится втульчатые наконечники с трехперыми и трехгранными боевыми головками. Однако и в Казахстане, и в других восточных районах они не были в это время единственными. Развитие и исчезно-

вание того или иного типа и замена его другим, более совершенным, не были кратковременным процессом, что, на наш взгляд, обязательно надо учитывать при датировке такого вида вооружения, как наконечники.

Ранние группы наконечников зачастую продолжают существовать и после смены форм, лишь несколько видоизменяясь и деформируясь. К такой категории наконечников и принадлежат перечисленные коллекции. Черешковые наконечники из Кинксу, Канаттаса и Айдабуля являются пережиточной формой второй группы наконечников VII—VI вв. до н. э. Все они имеют более прямые контуры ударных головок, трехгранное или близкое к нему сечение, более малые размеры и меньший вес.

Сравнение втульчатого наконечника из Кинксу с ранними прототипами первой группы показывает ту же измельченность формы, аморфность граней и также свидетельствует о более позднем его изготовлении, не ранее V в. до н. э. Кстати, к аналогичному заключению можно прийти из классификационной таблицы К. А. Акишева, поместившего несколько подобных наконечников в хронологические колонки V и IV—III вв. до н. э.⁴⁸ Датировка айдабульского и двух центральноказахстанских погребений V—IV вв. до н. э. кажется более убедительной и по остальному инвентарю, извлеченному из этих и соседних погребений: плоскому зеркалу небольшого размера с петлей на тыльной стороне, железному акинаку с рожковидным навершием⁴⁹, в какой-то степени разновидности сарматского антенного навершия, железному кресалу⁵⁰ и др.

В заключение раздела еще раз подчеркнем, что отличает этот вид вооружения в Центральном Казахстане от скифо-сарматского: 1) сосуществование на раннем этапе двух основных групп наконечников: втульчатых *Жуперых* и че-

⁴⁵ Н. Г. Горбунова. Кунгайский могильник. Археологический сборник № 3, 1961. Л., стр. 182, рис. 8 (8, 9) и стр. 191.

⁴⁶ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних веков, стр. 192.

⁴⁷ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуйев, стр. 119—120; К. А. Акишев. Памятники старинны Северного Казахстана. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 20—21, табл. VI.

⁴⁸ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. работа, стр. 117, таблица V а.—рис. 5, 6; IV—III вв.—рис. 16.

⁴⁹ К. А. Акишев. Памятники старинны, рис. 15 и табл. VI.

⁵⁰ М. К. Кадырбаев. Указ. работа, рис. 2.

решковых трехперых; 2) отсутствие в раннескифское время железных наконечников; 3) сравнительно позднее появление трехперых втульчатых наконечников, причем в формах, отличных от типично скифских (отсутствие шипа на втулках); 4) сравнительно долгое временное бытование в видоизмененных формах бронзовых трехгранно-трехперых черешковых наконечников стрел.

Все эти особенности, наиболее четко прослеживающиеся в Центральном Казахстане, резко отличают его от территории распространения племен скифо-сарматской культуры. В то же время сосуществование втульчатых и черешковых наконечников стрел рассмотренных типов сближает Казахстан с Алтаем, Минусинской котловиной⁵¹ и Монголией⁵².

Другим видом вооружения у центральноказахстанских скотоводов были бронзовые кинжалы весьма своеобразной формы.

Кинжал из могильника Нурманбет IV датируется по трехперым черешковым наконечникам второй половины VI в. до н. э. Рукоять кинжала чрезвычайно массивна, шире клинка и всего на 5 см короче его. Общий вес кинжала 420 г. Его рукоять имеет волнистые края, грибовидное навершие и широкое овальное перекрестие. С обеих сторон она украшена рельефным орнаментом в виде запятых различных сочетаний и волнообразных линий, напоминающих петушиные гребешки.

Точных аналогий этого уникального кинжала пока нет. Однако сейчас благодаря сводке М. П. Грязнова⁵³ появилась возможность отметить своеобразие этого вида вооружения в Казахстане и на Алтае.

На территории Казахстана и Алтая найдено три кинжала, аналогичных по фор-

ме нурманбетовскому (близ Павлодара, Кокчетова и Змеиногорска). Они сходны с ним по строению навершия, форме рукоятки и криволинейным перекрестиям, как уже отмечал М. П. Грязнов⁵⁴, что говорит о наличии у населения Казахстана своих особенностей в оформлении бронзового оружия. Правда, в Алтаинском и Котловском⁵⁵ могильниках Прикамья и в Средней Азии найдено три кинжала со сходной формой навершия и перекрестия⁵⁶. Однако рукоятки у них прямые, без волнистых краев в отличие от четырех перечисленных. Кроме того, орнамент, сечение рукоятки и другие особенности еще более уменьшают их сходство с кинжалом из Нурманбета.

Из Сибири известен еще кинжал с фигурной рукоятью, но и он отличается от казахстанской серии зооморфным навершием из сопоставленных грифонов голов, иным оформлением рукоятки и перекрестия⁵⁷.

Другие кинжалы из Центрального Казахстана, найденные на р. Шидерты близ г. Павлодара⁵⁸ и в г. Степняке⁵⁹, также

⁵⁴ М. П. Грязнов. Указ. работа, стр. 12.

⁵⁵ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1894 г. Материалы по археологии восточных губерний. т. III. М., 1899, табл. 10, рис. 1.

⁵⁶ А. В. Збруева. История населения Прикамья в алтаинскую эпоху. «ИИА», 1952, 30, табл. XXI, рис. 1—3; В. А. Литвинский, недавно вновь опубликовавший рисунок кинжала с Ташкентского кавала, сближает этот кинжал с котловским и кочетавским и считает их вариантами каких-то прототипов, аналогичных ташкентскому кинжалу (В. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Рязнов. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, стр. 201—202 и табл. 40/10). Нам представляется, что кочетавский кинжал, несмотря на типологическое сходство, все же должен быть объединен не с ними, а с другой группой, представленной кинжалами с фигурными рукоятками из Нурманбета, села Песчаного близ Павлодара, Змеиногорска.

⁵⁷ «Альбом фотографий медных и бронзовых экспонатов» № 1 по 10, 126 археологического отдела Государственного музея им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске. МАЭ, Ленинград, археологический отдел, коллекция 4022—1 (№ 867).

⁵⁸ П. М. Грязнов. Указ. работа, стр. 12, рис. 3 (3).

⁵⁹ С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. «КСИММК», 1954, LIII, стр. 65, рис. 22 (5).

⁵¹ Н. Л. Членова. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири. Сборник «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 1962, стр. 280—281.

⁵² В. В. Волков. Бронзовые наконечники стрел из музея МНР, стр. 23, рис. 4.

⁵³ М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. «КСИММК», 1956, LXI, стр. 11—12, рис. 3.

выделяются более широкой рукояткой и своеобразной комбинацией перекрестия и навершия.

Известен еще один акинак из Казахстана, относящийся к V в. до н. э., из могильника Айдабуль II (курган 1)⁶⁰. Рукоятка его, равная ширине лезвия, имеет по краям два продольных валика. Рожковидное навершие в месте соединения его с рукояткой перехвачено бронзовой обоймой; бабочковидное перекрестие заключает внутри бронзовую пластинку.

Если рассматривать отдельные детали айдабульского кинжала, то им можно найти ряд прямых аналогий. Так, продольные валики по краям рукоятки встречаются у савроматских мечей⁶¹, а также у восточноазиатских акинаков из раскопок А. Н. Вернштама и В. А. Литвинского⁶², форма навершия и некоторые другие детали (бронзовые обоймочки) находят параллели среди акинаков из Памирской, 9 и 10⁶³. Однако в целом он так же оригинален, как и описанные формы бронзовых кинжалов, и отличается своеобразным сочетанием перекрестия и навершия.

Вследствие малочисленности центральноказахстанских находок еще нельзя определить все формы кинжалов, существовавшие на этой территории. Со временем будут, конечно, найдены и другие экземпляры этого вида вооружения. Новые находки в Казахстане наверняка объяснят, например, абсолютное сходство некоторых форм кинжалов Южной Сибири и Причерноморья (кинжалы с рубчатой рукояткой, валиковым навершием и сердцевидным перекрестием).

⁶⁰ К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана, стр. 20, рис. 15.

⁶¹ К. Ф. Смирнов. Указ. работа, рис. 2 (5), 3 (7).

⁶² В. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. Доклады делегации СССР на XXV международном конгрессе востоковедов. М., 1960, стр. 2, рис. 1 (18).

⁶³ А. Н. Вернштам. Историко-археологические очерки, стр. 306, рис. 132 (5, 7, 9).

Существует также вероятность выявления промежуточных форм, как-то связывавших южносибирские и савроматские кинжалы. К. Ф. Смирнов, например, допускает влияние майэмирско-тагарских кинжалов с узкими перекрестиями на уральские мечи со «сломажной» или дуговидной крестовиной⁶⁴. Вместе с тем он еще раз подчеркивает, что, несмотря на многочисленные взаимосвязи, развитие форм этого вида вооружения как в Сарматии, так и в Южной Сибири шло самостоятельным путем⁶⁵.

Центральный Казахстан, как можно было убедиться, также имеет свою специфику.

Значительный интерес представляет и небольшая серия бронзовых наборных поясов, найденная в погребениях (рис. 39).

К концу первого периода (VII—VI вв. до н. э.) относятся два пояса (Нурманбет IV, 1, 3). Первый состоит из массивных прямоугольных обойм, полых внутри, второй более изящен и гораздо меньше размером. Внешняя его сторона украшена орнаментом из поперечных полос в комбинации с круглыми выступами. Абсолютных аналогий этим поясам мне не известно.

Напротив, третий наборный пояс, относящийся ко второму периоду (V—III вв. до н. э.), из могильника Тасмола II (курган 1), его фигурные обоймы в виде римской цифры X находят прямые аналогии с поясом из вавилонского кургана, раскопанного у Семицалатинска в 1927 г. С. И. Руденко⁶⁶. Разница заключается лишь в том, что обоймы тасмолинского пояса имеют в центральной части кружки.

Поскольку все наборные пояса встречаются в погребениях вместе с массивными кинжалами (Нурманбет, Вавилово) или колчанами со стрелами (Тасмола), их следует считать составной частью вооружения древнего воина.

⁶⁴ К. Ф. Смирнов. Указ. работа, стр. 31.

⁶⁵ Там же, стр. 30.

⁶⁶ С. В. Киселев. Алтай в скифское время. «ВДИ», 1947, № 2, рис. 8 (17).

§ 2. ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Лишь в сравнительно недавнее время огромное количество материала по конскому убранству, накопившегося от случайных находок и раскопок на юге Европейской части нашей страны, а также в Южной Сибири, подверглось тщательному изучению. Материал с первой территории исследовал А. А. Иессен, со второй — М. П. Грязнов.

А. А. Иессен выделил, как известно, четыре типа бронзовых двусоставных удиц: 1) удила с концами из двух последовательно расположенных колец; 2) удила с одинарными наружными кольцами; 3) удила со стремевидными кольцами; 4) удила с концами из перевернутого прямой стороной внутрь стремечка⁶⁷.

Этим ранним формам удиц соответствуют и ранние формы псалнев, особенностью которых является наличие трех отверстий или петель для соединения с ремнями оголовья.

А. А. Иессен также убедительно доказывает местное происхождение первого типа удиц, показывает их эволюцию ко второму типу, считая, что первые удила появились в VIII в. до н. э.⁶⁸

Вместе с тем он не находит местного источника для возникновения новой формы стремевидных удиц, появившейся во второй половине VII в. до н. э. в южных районах Европейской части СССР, и обращает внимание на Южную Сибирь, где удила третьего типа господствуют⁶⁹.

А. И. Тереножкин⁷⁰ не соглашается с А. А. Иессеном и на основании находок псалнев, обычно сопутствующих стремевидным удилам, делает вывод, что последние синхронны по времени двукольчатым и возникают также в VIII в. до н. э. Однако эта, возможно, и верная поправка все же не разрешает вопроса о происхождении такого типа удиц.

⁶⁷ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. «СА», 1953, XVIII, стр. 52, рис. 2.

⁶⁸ Там же, стр. 93.

⁶⁹ Там же, стр. 105.

⁷⁰ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском правобережье. Киев, 1961, стр. 187—190.

Несмотря на довольно широкое распространение на Северном Кавказе и в Подипровье⁷¹ третьего типа удиц, там до сих пор не найдена его исходная форма — стремевидные удила с дополнительным отверстием, имеется лишь одна пара их из беспаспортной коллекции Днепропетровского музея⁷².

М. П. Грязнов выделит наиболее раннюю группу памятников скифского времени на Алтае, взяв в качестве одного из признаков стремевидную конструкцию внешних колец удиц⁷³. Эта форма удиц в настоящее время характеризует ранние группы памятников скифского времени не только на Алтае, но и в Казахстане и Южной Сибири.

Сейчас в Центральном Казахстане известно 13 пар удиц раннего типа, из них: две пары являются случайными находками из Каркаралинского района Карагандинской области⁷⁴ и из северной части Акмолинской области⁷⁵, одна пара найдена в 1957 г. в каменной ограде у кургана «с усами» в урочище Толагай⁷⁶. Остальные десять происходят из погребений могильника Тасмола, который копали в 1959 и 1961 гг.

Несмотря на их незначительное количество, формы их настолько устойчивы, что уже сейчас можно наметить четыре основных типа удиц (рис. 60, 2): 1) удила со стремевидными окончаниями и дополнительным отверстием; 2) удила со стремевидными окончаниями, но без дополнительного отверстия; 3) удила

⁷¹ А. А. Иессен. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», стр. 128, рис. 17.

⁷² А. А. Иессен. К вопросу о памятниках, стр. 85.

⁷³ М. П. Грязнов. Памятники майамирского этапа, стр. 10, рис. 3.

⁷⁴ М. К. Кадырбаев. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. «Известия АН КазССР», серия истории, археологии и этнографии, 1958, вып. 1 (6), стр. 98, табл. II, рис. 1.

⁷⁵ М. П. Грязнов. Северный Казахстан, стр. 12, рис. 3 (13).

⁷⁶ М. К. Кадырбаев. Указ. работа, стр. 98, табл. II, 2.

со стремевидно-прямоугольными окончаниями; 4) удила кольчатые.

Удила I типа — 4, II — 6, III — 2, IV — один экземпляр.

матной пешки⁷⁸. С Енисея известны удила, на которых в одном случае дополнительное отверстие было в несколько раз больше основного⁷⁹, а в другом — стре-

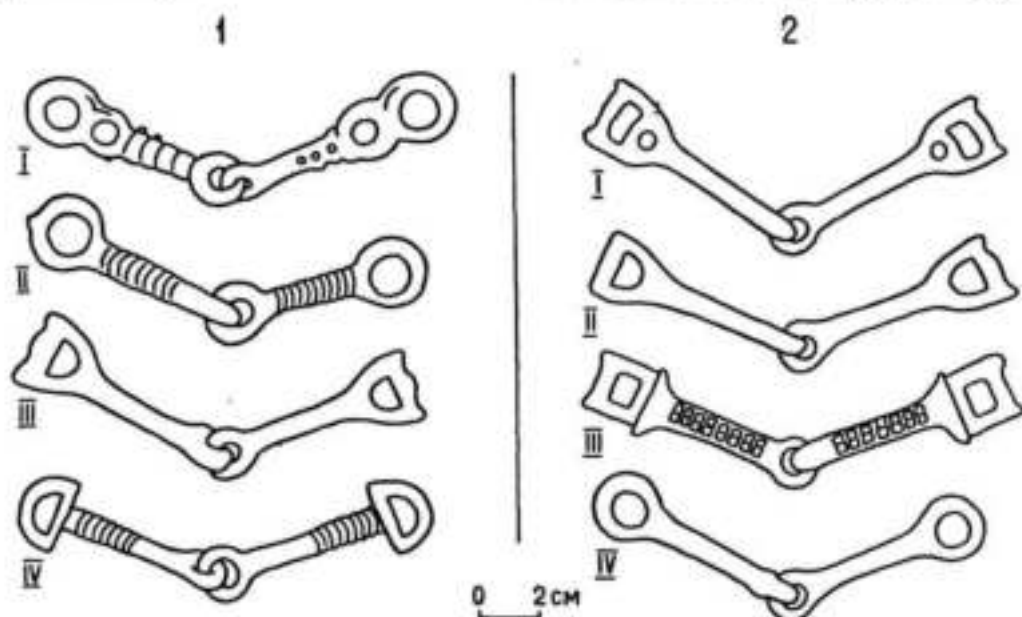

Рис. 60. Сравнительная таблица типов бронзовых удил: 1 — Северный Кавказ, Подонье и Украина (по А. А. Нессену). Типы: I — из Геледждина, музей Грузии; II — из Кисловодока, Эрмитаж; III — из Черняхова, исторический музей в Киеве; IV — из Ростова, Ростовский музей. 2 — Казахстан. Типы: I, II, IV — могильники Тасмола, курган 2; III — Тасмола V, курган 3.

Первый, второй и четвертый типы удил не являются специфичными только для Центрального Казахстана. Они широко распространены на Алтае, в Южной Сибири, известны в Семиречье и на Восточном Памире. Например, для Южной Сибири Ю. С. Гришнин насчитал 148 удил I и II типов и 96 удил IV типа⁷⁷.

Удила со стремевидными окончаниями и дополнительным отверстием имеют некоторые разновидности. Так, в Змеингорске найден экземпляр, в котором дополнительное отверстие без перегородки, сливаясь с большим отверстием, образует одно общее отверстие в форме шах-

мевидная форма очень приближена к двукольчатой⁸⁰. Подобное видоизменение стремевидной формы отмечено и на экземпляре из Минусинского музея⁸¹. Эти два примера показывают, что, несмотря на наличие разновидностей, в них всегда угадывается источник, все они — производные формы I типа. Хронологическая последовательность сменяемости типов удил в Центральном Казахстане та же, что и на Алтае.

⁷⁷ Ю. С. Гришнин и В. Г. Тихонов. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА, 1960, 90, стр. 129, своска 68.

⁷⁸ I. R. Aspelin. Antiquites du Nord Finno — Ougriens. Helsingfors, 1877, p. 65, fig. 285.

⁷⁹ F. R. Martin. L'age du bronze au musée de Minoussinak. Stockholm, 1893, pl. 28 (5).

⁸⁰ F. R. Martin. Указ. работа, pl. 28 (8).

⁸¹ Ю. С. Гришнин и В. Г. Тихонов. Указ. работа, стр. 128, рис. 2 (1).

Наиболее архаическим типом являются стремевидные удила с дополнительным отверстием. В настоящее время этот тип трудно отделать от II типа. В Центральном Казахстане оба типа встречаются в погребениях с одинаковым обрядом, и нижняя граница их может быть определена началом VII в. до н. э.

Факт находки в одном погребении (Тасмола V, курган 2) удила I, II и IV типов показывает, что верхняя хронологическая граница I типа определяется серединой или второй половиной VI в. до нашей эры.

Это же свидетельствует и о появлении в Казахстане удила с кольчатыми окончаниями не позже второй половины VI в. до н. э.

Судя по Арагольским курганам⁶², ту же датировку, а не V в. до н. э., как предлагает Ю. С. Гришин⁶³, следует, видимо, принять и для некоторых южносибирских кольчатых удила.

В Казахстане в настоящее время известны псални пяти типов: I — трехдырчатые роговые и костяные (рис. 66, 29, 30); II — двухдырчато-крючковидные (рис. 66, 37); III — трехдырчатые бронзовые, особенность которых заключается в перпендикулярном расположении центрального отверстия к боковым (рис. 66, 24); IV — трехпетельчатые (рис. 66, 31); V — железные с золотой инкрустацией (рис. 66, 32).

Помимо этих выявленных вариантов, возможны находки псалиев, сочетающих признаки двух типов. Так, например, псални Тюпской коллекции, о которых мы будем говорить дальше, сделаны по принципу комбинации двух петель для суголовья и центрального отверстия для насадки на удила.

За исключением II и IV типов, которые являются случайными находками и нам неизвестно их точное местонахождение⁶⁴, все остальные найдены *in situ* в погребениях.

Уже доказано, а по первому типу мы могли убедиться на казахстанском материале, что псални I, II, IV типов относятся к стремевидным удилам и составляют вместе с ними ранний тип уады.

Известно, что конструкция уады VII—VI вв. до н. э. отличается от последующей вертикальным расположением колец удила стремевидной формы позади трехдырчатых псалиев и принципом соединения последних с оголовьем⁶⁵.

Эта конструкция одинаково широко распространена в Сибири и на юге России. Но есть и ее местные варианты.

В Казахстане и на Алтае, например, среднее отверстие псалиев часто соединяется со средней лентой суголовального ремня через дополнительное отверстие стремевидных удила. На юге России такая разновидность не встречается. Нет там и псалиев с крючками, на которые надевались стремевидные концы удила.

Помимо этих двух особенностей, в Центральном Казахстане выявляется теперь новый вариант конструкции удила и псалиев, не имеющий себе аналогий ни в Южной Сибири, ни в Скифии. Он представлен удилами и псалиями III типа.

Удила из кургана 19 могильника Тасмола I имеют стремевидную форму, но дужки их не выпуклые, а прямые. Псални — бронзовые, внешняя поверхность — рифленая. Их особенность состоит в том, что они центрального, прямоугольной формы отверстием насаживались на стремевидные окончания и скреплялись с ремнями оголовья ремнем, разрезанным надвое, а не натрое, как обычно. Два отверстия для суголовального ремня делались в стержне псалия и находились по отношению к центральному отверстию перпендикулярно.

Другие удила этого же типа из кургана 3 могильника Тасмола V имели более массивные прямоугольные концы. Верхняя дужка у них отгорожена от прямоугольного в сечении стержня планкой, препятствовавшей смещению псалия к стержню.

Здесь же были найдены железные сильно коррозированные псални, инкрусти-

⁶² С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая, стр. 336 и табл. XXIII, рис. 1.

⁶³ Ю. С. Гришин и В. Г. Тихонов. Указ. работа, стр. 129.

⁶⁴ М. П. Грязнов. Северный Казахстан, стр. 13.

⁶⁵ М. П. Грязнов. Памятники маймирского этапа, стр. 10, рис. 3 (2, 3).

рованные золотым листом миллиметровой толщины. Инкрустация произведена по краям псалиев в виде волнообразных линий, а свободную центральную часть занимал зигзаг. Псални найдены во фрагментах и потому точную их форму восстановить не удалось, однако сохранившийся на одном конце удила фрагмент показывает, что центральное отверстие тут было такое же, как у бронзовых псалиев из кургана 19. Следовательно, и в техническом отношении они аналогичны III типу.

Обломки второй пары железных псалиев найдены в кургане 6 могильника Тасмола V вместе со стремевидными удилами. Их точная форма неясна. Некоторые детали (фрагмент с оплывшим отверстием), а также отсутствие следов железа на удилах говорят о том, что, возможно, они были трехдырчатыми.

Какие же аналоги можно подобрать этой своеобразной конструкции (удила III типа, псални III и V типов).

В годовщину образования Московского исторического музея его экспозиция пополнилась коллекцией, преподнесенной в качестве дара Археологической комиссии. Эта коллекция происходила из Семиреченской области и была найдена, как записано в Указателе памятников, «в озере Иссык-Куле при впадении реки Кутургу»⁸⁵.

Коллекция, названная А. Н. Бернштамом Тюпской, насчитывает 20 бронзовых предметов. Все они являются элементами конской узда и, возможно, седла. Среди них восемь фигурных проносок, шесть ворворок, две пряжки и наременная бляха прекрасного качества работы. Внешняя ее часть украшена четырьмя бегущими козлами и двумя львами. Рисунок воспроизводит охоту на козлов.

Несколько вещей этой коллекции описал А. Н. Бернштам и датировал их VIII—VI вв. до н. э.⁸⁷ Три предмета из

⁸⁵ «Указатель памятников». Императорский Российский исторический музей, второе дополненное издание. М., 1893, стр. 349. Примечание.

⁸⁷ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. «СА», 1949, XI, стр. 346, рис. 4; ато же. «Чуйская долина». «МНА», 1950, 14, табл. XCV.

них были опубликованы в последнем издании «Истории Казахской ССР»⁸⁸.

Удила и псални Тюпской коллекции являются ближайшей и единственной известной нам аналогией центральноказахстанской конструкции.

Эти удила сделаны так же, как и тасмолинские (курган 3), из бронзовых брусков, прямоугольных в сечении, внешние кольца их той же стремевидно-прямоугольной формы, а верхняя часть имеет те же литые планки. Техника насадки псалиев на удила повторяет тасмолинскую. Разница лишь в том, что псални тюпской узды меньше размером, внешние стороны их украшены другим орнаментом (две параллельные полосы спиралеобразно-вихревых выпуклостей) и суголовные ремни узды соединяются с ними не через отверстия, как в тасмолинском кургане 19, а через петли, расположенные перпендикулярно центральному отверстию.

Удила и псални III типа в Центральном Казахстане, судя по их совместной находке со стремевидными (Тасмола V, курган 3), датируются тем же VII—VI вв. до н. э.

Источник происхождения удила и псалиев III типа в настоящее время, видимо, следует искать не в Казахстане и Сибири, а в Закавказье и вообще в Передней Азии, где в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры были распространены бронзовые удила с напускными псалнями самой разнообразной формы — от наиболее древних, когда псални и удила составляли одно целое (удила из Ксанского ущелья)⁸⁹, до удила начала VIII в. до нашей эры (из Кармирблур)⁹⁰, принадлежавших урартскому царю Менуа. Знакомство ранних кочевников Казахстана с этим

⁸⁸ «История Казахской ССР», т. 1. Алма-Ата, 1957, стр. 33, рис. 10, 14.

⁸⁹ Е. И. Кружков. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 436, табл. XIV, рис. 7.

⁹⁰ В. В. Пыотровский. Ванское царство. М., 1959, стр. 156, рис. 23. Правда, в Миксинском крае есть одна находка удила с напускными неразъемными псалнями, но этот единственный и весьма своеобразный экземпляр не меняет дела. См.: В. В. Радлов. Сибирские древности. «МАР», № 15, стр. 131. Дополнение.

типом узды могло произойти в VII в. до н. э., во время походов скифо-сакских племен в Переднюю Азию. Не исключена, однако, возможность и более раннего проникновения этой формы в Среднюю Азию и Казахстан. Особенно важно, что сакские племена Семиречья и Центрального Казахстана не просто скопировали переднеазиатские образцы, а изготовляли узду в своем вкусе, приспособив для этого местную стремевидную форму удила. Вот почему тасмолинская и тюпская узды не имеют абсолютных аналогий в Передней Азии⁹¹.

В настоящее время уточняются, хотя и неполностью, границы распространения той конструкции узды, которая еще в 1947 г. была выявлена М. П. Грязновым для майамирских памятников Алтая.

Ее южный ареал охватывает сейчас Восточный Памир (Памирская 10),* Семиречье (Джувантобе), частично Приаралье (имеется в виду недавно открытая Хорезмской экспедицией коллекция из могильника Уйгарак). К этим же районам относятся Центральный Казахстан, Алтай и Южная Сибирь.

Для этой территории характерными являются удила I и II типов с соответствующими типами псалмев. Здесь в отличие от южных районов Европейской части СССР развивается своя фор-

ма узды, наиболее ранними образцами которой следует считать удила I типа.

Откуда произошли удила со стремевидными кольцами?

Окончательное решение этого вопроса зависит от накопления материалов, прежде всего по погребениям конца VIII—VII вв. до н. э. Огромная серия разнообразных удил из Минусинского

⁹¹ Теперь известен еще один экземпляр сходных удил из беспаспортной коллекции музея истории УзССР. См.: В. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Указ. работа, стр. 230 и табл. 40/11 на стр. 339. Точное его местонахождение не установлено, но если учесть, что значительное количество коллекций Туркестанского кружка любителей археологии происходит из Семиречья, то не исключена возможность отнесения и этой находки к Семиречью.

* Здесь уместно отметить следующее. При сравнительном анализе материалов раннескифского времени исследователи не раз сталкивались с интересным комплексом из кургана 10, расположенным А. Н. Вернштамом в Восточном Памире (А. Н. Вернштам, Историко-археологические очерки, стр. 295—325).

Большой материал, накопленный после выхода в свет работы А. Н. Вернштама, а также ряд недавно опубликованных классификационных работ позволяют изменить первоначальную датировку этого комплекса. Основания для этого следующие:

1. Бронзовые стремечковидные удила с дополнительным отверстием и трехпальчатые псалмы (А. Н. Вернштам..., рис. 128, 7, 8) составляют наиболее раннюю конструкцию сакской узды и найдены позже VI в. до н. э. не встречаются.

2. Двуклопастные черешковые наконечники стрел (там же, рис. 135, 1—5) исследователи относят к IX—VII вв. до н. э. (В. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов. Древности Кайрак-Кумов, стр. 221—222); трехгранные черешковые наконечники с выемками в нижней части (А. Н. Вернштам, рис. 135, 6—10) аналогичны третьему типу II группы казахстанских стрел и в целом датируются VI в. до н. э.; двушерные ступльчатые наконечники с крышевидной головкой (там же, рис. 135, 11, 12) особого развития не получают и позже VII в. до н. э. не встречаются (К. Ф. Смирнов. Вооружение сарматов, стр. 42, рис. 12 Д, Е и табл. I Б).

3. Железные акынаков и наконечники из кургана 10 в коллекции Эрмитажа нет, и, как мне любезно сообщил С. С. Соронин, они из-за плохой сохранности были оставлены на месте раскопок. Два плоских железных наконечника (рис. 135, 17, 18) включены в таблицу, по-видимому, ошибочно, поскольку в описании кургана 10 они не фигурируют.

Опубликованные рисунки княжалов являются, таким образом, единственным сохранившимся источником. Однако один из них не может дать представления о форме перекрестия и навершия (А. Н. Вернштам, рис. 132, 7), а рисунок второго скорее всего говорит о княжале с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием, что, как известно, характерно для VII—VI или VII—V вв. до н. э. (К. Ф. Смирнов, стр. 10 и след., стр. 101, рис. 1).

4. Прижка с головой и передней лапой медведя, две полные фигуры медведей и близка с козлом (А. Н. Вернштам, рис. 139) относятся к ранним образцам скифо-сибирского звериного стиля (ср., напр. С. В. Кнѳе л е в, Древняя история, стр. 238 и табл. XXIII, 2, XXV, 2, 3; М. П. Грязнов. Памятники майамирского отряда..., стр. 12, рис. 5 (4)).

Таким образом, коллекция из кургана 10 может быть датирована не V—IV вв. до н. э., а в пределах VII—VI вв. до н. э. и ее замечательные изделия следует отнести к образцам раннесакского искусства.

музея, не раз привлекавшая внимание исследователей, также не может дать ответа на поставленный вопрос, поскольку она состоит из случайных сборов и такие удила в раннетагарских погребениях не встречаются. Вместе с тем наиболее широкое распространение в Казахстане, на Алтае и в Минусинской котловине удила I типа со стремечковидными кольцами и дополнительным отверстием — достаточно основательное свидетельство о местных казахстано-алтайских истоках этой формы.

Где-то в конце VI в. до н. э. по всей полосе евразийских степей происходит смена конструкции узды⁹². Удила и в Южной Сибири, и в районах распространения скифо-сарматской культуры становятся кольчатыми. Им соответствуют двудырчатые псални, которые теперь продаются сквозь внешние кольца удила.

В V в. до н. э. уже нет той ощутимой разницы в формах удила, которая достаточно четко разделяла две культурные зоны: восточную — казахстано-сибирскую группу сакских культур и западную — группу скифо-сарматских племен. Во всех этих районах господствует единая форма удила. А. А. Иессен отметил в упомянутых двух группах лишь разницу в материале, из которого изготавливалась узда: на Алтае железо появляется после смены конструктивных типов, в то время как в Причерноморье и на Северном Кавказе оно широко внедряется при ранних типах узды⁹³. Наши находки железных псалней вместе с архаической формой удила делают, по-видимому, это различие менее ощутимым.

Полное отсутствие железа на Алтае является одним из главных признаков маймиргской культуры⁹⁴. В этом отношении, действительно, население северных районов Центральной Азии отставало в какой-то степени от скифских и сарматских племен Запада.

⁹² М. П. Грязнов. Памятники маймиргского этапа, стр. 9—10.

⁹³ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках, стр. 106.

⁹⁴ М. П. Грязнов. Указ. работа, стр. 10.

Причины такого отставания объясняются прежде всего богатством и мощностью восточного очага бронзовой индустрии. Это положение давно обосновано и доказано⁹⁵. Однако железо было все же хорошо известно населению маймиргского времени, во всяком случае, в Центральном Казахстане дело обстояло именно так. Находки уникальных железных псалней и наременных бляшек, инкрустированных золотом (Тасмола V, курганы 3, 6), с удилами I и III типов и железных ножей (Тасмола I, курган 19) показывают, что скотоводам Центрального Казахстана в VII—VI вв. до н. э. был не только знаком этот металл, но они делали из него достаточно сложные изделия вроде псалней и наременных уздечных бляшек, украшая их притом редкой спиралеобразной инкрустацией. Датировка их VII—VI вв. до н. э. не вызывает сомнения, и вместе с тем инкрустация железа золотом для этого времени настолько неожиданна, что нуждается в самостоятельном рассмотрении в будущем.

Некоторые новые факты как будто бы говорят о том, что железо как металл было известно в этих районах и раньше VII—VI вв. до н. э. Можно сослаться на находки железного шлака и каменной литейной формы для бронзового трехдырчатого псалня в культурном слое конца второго — начала первого тысячелетия до нашей эры, по Ю. А. Заднепровскому, на городище Дальверзин⁹⁶. Следует, вероятно, учесть и находку железной руды у Каркаралинского жилища, относящегося к поздней бронзе. Во всяком случае, нахождение железных изделий в VII—VI вв. до н. э. в Центральном Казахстане — явление примечательное.

⁹⁵ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949; см. также: «Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР». М., 1956, стр. 250—251.

⁹⁶ Доклад Ю. А. Заднепровского на заседании отдела археологии ИИАЭ АН КазССР в сентябре 1962 г.

§ 3. ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ И ВЫТОВОЙ УТВАРИ

Рассмотрение этой категории следует начать с наиболее простой ее группы — предметов личного пользования. В нее входят бронзовые и железные ножи, зеркала, глиняные сосуды, точильные камни и др.

Бронзовые ножи, найденные в погребениях Центрального Казахстана, можно разделить на два типа: I — ножи с кольцом на рукоятке (4 экз.) и II — ножи без выделенной рукоятки (2 экз.).

Второй тип ножей (рис. 43, 9, 10) широко распространен в скифское время и на Алтае, и в Южной Сибири⁹⁷. Его ранние формы известны везде с эпохи поздней бронзы, в том числе и в Казахстане.

Первый тип (рис. 43, 1, 11, 12) менее распространен. Наиболее близких аналогий нашим ножам две: одна из аламышского кургана на Тянь-Шане⁹⁸, другая из Тувы⁹⁹. Ножи с кольцевидным навершием, правда, несколько отличающиеся от казахстанских, известны также в двух погребениях большереченской культуры¹⁰⁰.

Наибольшее количество ножей с кольцом с наименее изученной территории и отсутствие их в таком количестве в других районах должно, видимо, свидетельствовать о большой популярности этого типа в Центральном Казахстане.

К сожалению, на этой территории до сих пор мы не знаем исходной его формы. Надо полагать, что истоками центральноказахстанских кольчатых ножей явились те же формы, которые наблюдаются у карасукских ножей с кольцевыми навершиями и кольцевыми расширениями¹⁰¹.

⁹⁷ Н. Л. Членова. Место культуры Тувы, стр. 137.

⁹⁸ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки, стр. 31, рис. 12 (1).

⁹⁹ Н. Л. Членова. Указ. работа, стр. 137.

¹⁰⁰ М. Н. Комарова. Томский могильник. «МИА», 1952, 24, стр. 31, 35.

¹⁰¹ М. Д. Хлобыстина. Бронзовые ножи Мусусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л., 1962, стр. 14, рис. 5 (1, 2); стр. 16, рис. 6 (3).

Находки ножей обоих типов в погребениях как VII—V вв. до н. э., так и V—III вв. до н. э. (рис. 66) показывают, что их датировку можно уточнить только на основании анализа всего вещественного материала. Следует только сказать, что они исчезают в конце второго периода.

Железные ножи представлены теми же двумя типами. Уже отмечалось, что изредка они стали встречаться на первом этапе тасмолинской культуры. Массовое же их изготовление приходится на V—III вв. до н. э., причем в формах, полностью копирующих бронзовые прототипы.

Бронзовые зеркала, найденные в Центральном Казахстане, имеют несколько форм: 1) зеркала с высоким бортиком по краю диска и петлей посредине (рис. 66, 75); 2) зеркала с петлей посредине и ровным диском (рис. 66, 53); 3) зеркала с фигурной рукояткой (рис. 66, 51); 4) зеркала с сильно выступающей рукояткой (рис. 66, 55); 5) зеркала с боковой петлей или прямоугольным выступом (рис. 66, 54).

Все это многообразие форм является по существу разновидностями двух основных типов: зеркал с бортиком по краю и петлей посредине и зеркал с рукояткой у края диска.

Первый тип — наиболее архаичный. Сравнив его с серией раннескифских зеркал юга России, можно совершенно точно определить верхнюю хронологическую границу не позже VI в. до нашей эры.

В то же время в типологическом отношении центральноказахстанские зеркала (Чебачье, Тасмола) отличаются от раннескифских главным образом оформлением петель.

В Поднепровье, Прикубанье и прилегающих к ним областях Восточной Европы петли у раннескифских зеркал оформлены в виде двух столбиков, сверху которых расположена бляшка, украшенная или геометрическим орнаментом (Пятигорск), или стоящим кабаном (с. Вобрицы), или лежащим козлом и лошадейю

(Аксютинцы, Герасимовка). В. Рабинович, исследовавший десять зеркал с перпендикулярными диску ручками, покрытыми указанными бляшками, ни у одного из них не отметил что-либо аналогичное казахстанским формам петель¹⁰².

Зеркала с таким оформлением ручки, по-видимому, были в Центральном Казахстане, поскольку далее на восток (тагарская и кызылганская культуры) Н. Л. Членова отмечает их позднейшие дериваты¹⁰³. Однако здесь же бытовала и менее распространенная форма с простой широкой петлей, имеющая прямые аналоги только в майэмирских памятниках Алтая (курган 1 на р. Маймири и курган 3 на р. Солонечная)¹⁰⁴.

В конце VI и начале V в. до н. э. встречается форма, которую можно считать самостоятельным вариантом, ведущим свое происхождение от прямоугольных и круглых зеркал эпохи бронзы. Она без бортика, имеет меньший размер диска и узкую низкую петлю на тыльной стороне (Жолкудук, 10 и др.)¹⁰⁵.

Второй тип зеркал появляется в основном с V в. до н. э. В Центральном Казахстане известны три формы зеркал с рукояткой. Первой форме, являющейся случайной находкой из-под Кокчетавы¹⁰⁶, присуща длинная рукоятка, превышающая диаметр зеркала в полтора раза, и небольшая петля, расположенная перпендикулярно рукоятке. Такие петли на рукоятке встречены еще на

двух экземплярах из Восточного Казахстана (Вавилонка, Кулажурга I)¹⁰⁷. Вторая форма имеет небольшой прямоугольный выступ по краю диска и сквозное отверстие (Жолкудук, 14)¹⁰⁸. Эта форма встречается на Алтае, в Поволжье и не является казахстанской особенностью.

Весьма своеобразно одно зеркало из могильника Карамурун I (курган 10). Его прямоугольная рукоятка оканчивается изогнутым голом двух козлов (рис. 66, 51). С тыльной стороны рукоятки, поперек нее, есть низкая и широкая петля. Этот мотив широко распространен в тагарских зеркалах II типа. Однако головы козлов на всех известных нам экземплярах образуют петлю для подвешивания, т. е. имеют чисто практическое назначение¹⁰⁹. То же самое назначение имеют изогнутые фигуры хищников на зеркалах Ордоса¹¹⁰. Карамурунское же навершие на рукоятке является чисто декоративным, рабочую функцию выполняет петля. Эта весьма существенная деталь свидетельствует, несомненно, о том, что карамурунское зеркало — изделие местных мастеров, пользовавшихся в своем творчестве теми же образами, что и их соседи тагарцы.

Точильных камней в Центральном Казахстане известно более десяти. Все они обнаружены у полей погребенных вместе с бронзовыми и железными ножами.

Эта категория предметов распространена как в VII—VI, так и в V—III вв. до н. э. (рис. 66). Ареал точильных камней также широк. Они известны в погребениях скифо-сарматской культуры и в Южной Сибири.

Скифские изделия подобного типа имеют в большинстве сигаровидную форму,

¹⁰² В. Рабинович. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья. «СА», 1936, 1, стр. 83—90. Уместно напомнить, что находки на юге России нескольких зеркал с закраиной и петлей, оканчивающейся изображением животных, позволили еще М. И. Ростовцеву сделать вывод о происхождении этого типа из Южной Сибири (М. И. Ростовцев. Курганские находки, стр. 71).

¹⁰³ Н. Л. Членова. Указ. работа, стр. 142, 150, табл. II, рис. 1—4.

¹⁰⁴ МАЭ АН СССР, Ленинград. Коллекция № 2406 (35, 60).

¹⁰⁵ Е. И. Агеева и А. Г. Максимова. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, табл. I, рис. 56—57.

¹⁰⁶ М. П. Грязнов. Северный Казахстан, стр. 12, рис. 3 (8).

¹⁰⁷ С. В. Киселев. Алтай в скифское время. «ВДИ», 1947, № 2, рис. 9; С. С. Черников. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. «Известия АН КазССР», 1951, № 108, табл. VIII.

¹⁰⁸ Е. И. Агеева и А. Г. Максимова. Указ. работа, стр. 57, табл. I, рис. 58.

¹⁰⁹ С. В. Киселев. Древняя история, стр. 235, табл. XXI, рис. 3.

¹¹⁰ Там же, табл. XXI, рис. 2.

а минусинские — подтреугольную или прямоугольную, но с сильно скошенными верхними частями. Материалом у тех и других в основном служили красивые цветные породы камня: яшма, порфир и др.¹¹¹

М. П. Грязнов специально исследовал недавно скифские и енисейские оселки и на основании отсутствия на них следов сточенности, а также характера материала и форм, неудобных для использования их в качестве оселков, пришел к выводу, что это не точильные камни, а предметы ритуально-магического назначения¹¹².

Центральноказахстанские оселки отличаются от скифо-сарматских и минусинских большим размером и прямоугольной формой. Материалом для их изготовления служили тонкозернистый и мелкозернистый песчаник и песчаниковый сланец.

Отверстия точильных камней имеют следы скошенности, полностью соответствующие первым трем способам подвешивания их к поясу, реконструированным М. П. Грязновым: при помощи широкой петли из ремешка или шнура, при помощи ремешка, оба конца которого укреплены на поясе на некотором расстоянии друг от друга, и, наконец, подвешивание оселка на ремешке, конец которого завязан узлом¹¹³.

В некоторых случаях совершенно отчетливо прослеживается сточенность тыльной стороны верхней части оселка, свидетельствующая о долговременном ношении его на поясе. Следы такой сточенности на одном оселке (Тасмола V, погребение «а») позволяют установить его точное расположение на поясе. Этот оселок висел на левом боку, ближе к пряжке пояса.

Являлись ли центральноказахстанские оселки также амулетами? По-видимому, нет. На четырех камнях в нижней половине отчетливо видны углубления, свидетельствующие о точении на этих

оселках каких-то орудий. То же самое отмечено Ф. Х. Арслановой на серии оселков из погребений правобережья Иртыша¹¹⁴. Правда, на некоторых камнях нет никаких следов употребления их в качестве оселков, но на них очень часто не видно также и следов ношения их на поясе. В таких случаях можно предположить, что с погребенным клали новый точильный камень.

Прямоугольная форма камней шириной до 8 см, а также материал — песчаниковые конгломераты, использующийся и сейчас в качестве точил, также говорят о том, что в Центральном Казахстане точильные камни употреблялись по своему прямому назначению.

В могильниках северо-восточных районов Центрального Казахстана в большом количестве встречаются каменные изделия самой разнообразной выделки (рис. 10, 14). Большинство их сделано из различных видов песчаника и имеет овальную форму. Самые маленькие экземпляры длиной 11 см, шириной 6 см, самые большие достигают 25 см в длину при ширине 10—15 см. Центральная часть их выдолблена и всегда имеет более или менее выраженные бортики. Некоторые из них украшены по бокам и дну рельефными валиками (Тасмола I, 19; V, 2).

Особую «нарядность» этим предметам придавал материал, из которого они выделывались. Мастера, как правило, выбирали песчаник с различными прожилками и разводами. Ряд этих изделий настолько совершенен, с таким вкусом и богатой фантазией подобран материал, что не сразу можно определить, из чего они сделаны: из камня или из какой-то ценной породы дерева (рис. 10, 1—3).

Эти изделия встречены почти во всех женских погребениях у изголовья или у верхней половины туловища.

Сейчас уже достаточно ясно, что распространение их в могилках северо-восточ-

¹¹¹ М. П. Грязнов. Так называемые оселки скифо-сарматского времени. «Исследования по археологии СССР», Л., 1961, стр. 143.

¹¹² Там же, стр. 139—143.

¹¹³ Там же, стр. 140—141.

¹¹⁴ Ф. Х. Арсланова. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша. «Известия АН КазССР», серия истории, археологии и этнографии, 1962, вып. 2 (19), стр. 92.

ных районов Центрального Казахстана в таком количестве и ассортименте свидетельствует о том, что эти изделия не являлись прерогативой только савроматских племен. Они были широко распространены и у племен тасмолинской культуры.

На дне углублений у некоторых из этих предметов иногда заметны следы растирания каких-то красок, а в одном случае (Тасмола VI, погребение «а») отмечены остатки древесных угольков. На большинстве предметов следов какого-либо практического использования не обнаружено. Перед нами, по-видимому, жертвенники наподобие женских алтарей савроматского времени из Оренбургской области¹¹⁵. Савроматские блюда-алтари подчеркивают роль женщины как жрицы домашнего очага и огня¹¹⁶.

Правда, казахстанские жертвенники в общей массе мало походят на савроматские. Савроматские каменные блюда, за исключением нескольких экземпляров¹¹⁷, имеют другие формы¹¹⁸. Это обстоятельство говорит о том, что казахстанские племена выделяли жертвенники соответственно своим вкусам.

Помимо каменных изделий, в Центральном Казахстане выявлена также значительная серия глиняных сосудов, аналогии которых мне не известны.

Особенность их состоит в том, что все они найдены в малых, восточных курганах комплекса курганов с каменными грядами. Вне этого комплекса глиняная посуда почти не встречается.

Сосуды, оставшиеся под насыпями, мало отличаются друг от друга как формой, так и размером (рис. 61). Они имеют прямые или чуть отогнутые на внешнюю сторону венчики, недлинные шейки, переходящие плавной линией

в полусферическое тулово с плоским дном. В верхней части тулова линия несколько круче, чем у дна.

Все без исключения сосуды выполнены небрежно, методом ручной ленточной налепки. Это видно с внутренней стороны по линиям сращивания лент на боковинах и той асимметричности формы, которая столь характерна для такой техники. В глиняной массе имеется 25—30 проц. отощителя, представленного толченым гранитом и кварцевым песком с небольшими примесями слюды. Большая слоистость теста говорит о низком качестве обжига. Этим объясняется и большое количество песка, толченого камня в тесте, ибо, как пишет А. И. Августиник: «Возань за целостность сосуда, который мог легко треснуть при сушке, и особенно в условиях неравномерного обжига в кострищах при неодинаковой усадке в разных своих частях, толкала гончара на путь чрезмерного отощения глины»¹¹⁹.

И причина этого, конечно, не в том, что скотоводы не имели технических навыков в производстве глиняной посуды.

Изменения в технике изготовления и качестве керамических изделий по сравнению с предшествующей эпохой были следствием нового, кочевого образа жизни, при котором богатство орнамента и прежние технические приемы практически были не нужны.

Еще из сведений Геродота известно, что в быту азиатских скотоводов имела широкое хождение деревянная и металлическая посуда. Скотоводческие племена употребляли в быту и хозяйстве, безусловно, глиняную посуду, но других форм, приземистых и шаровидных, удобных для перевозок. Образцом подобных форм может служить сако-усульская посуда.

Чем же тогда можно объяснить существование у классических скотоводов Центрального Казахстана громоздкой, до 30—40 см высоты, плоскостонной и хрупкой посуды? Вполне вероятно, что такая посуда не имела чисто практиче-

¹¹⁵ Ф. Д. Нефедов. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье летом 1887 и 1888 гг. Материалы по археологии восточных губерний, т. III. М., 1899, табл. 9 (1, 2).

¹¹⁶ В. Н. Граков. Две заметки по скифо-сарматской археологии. «КСИА», 1962, 89, стр. 40—41, рис. 14.

¹¹⁷ К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963, табл. 20, 1, 5.

¹¹⁸ Там же, табл. 30.

¹¹⁹ А. И. Августиник. К вопросу о методах исследования древней керамики. «КСИМК», 1956, LXIV, стр. 150.

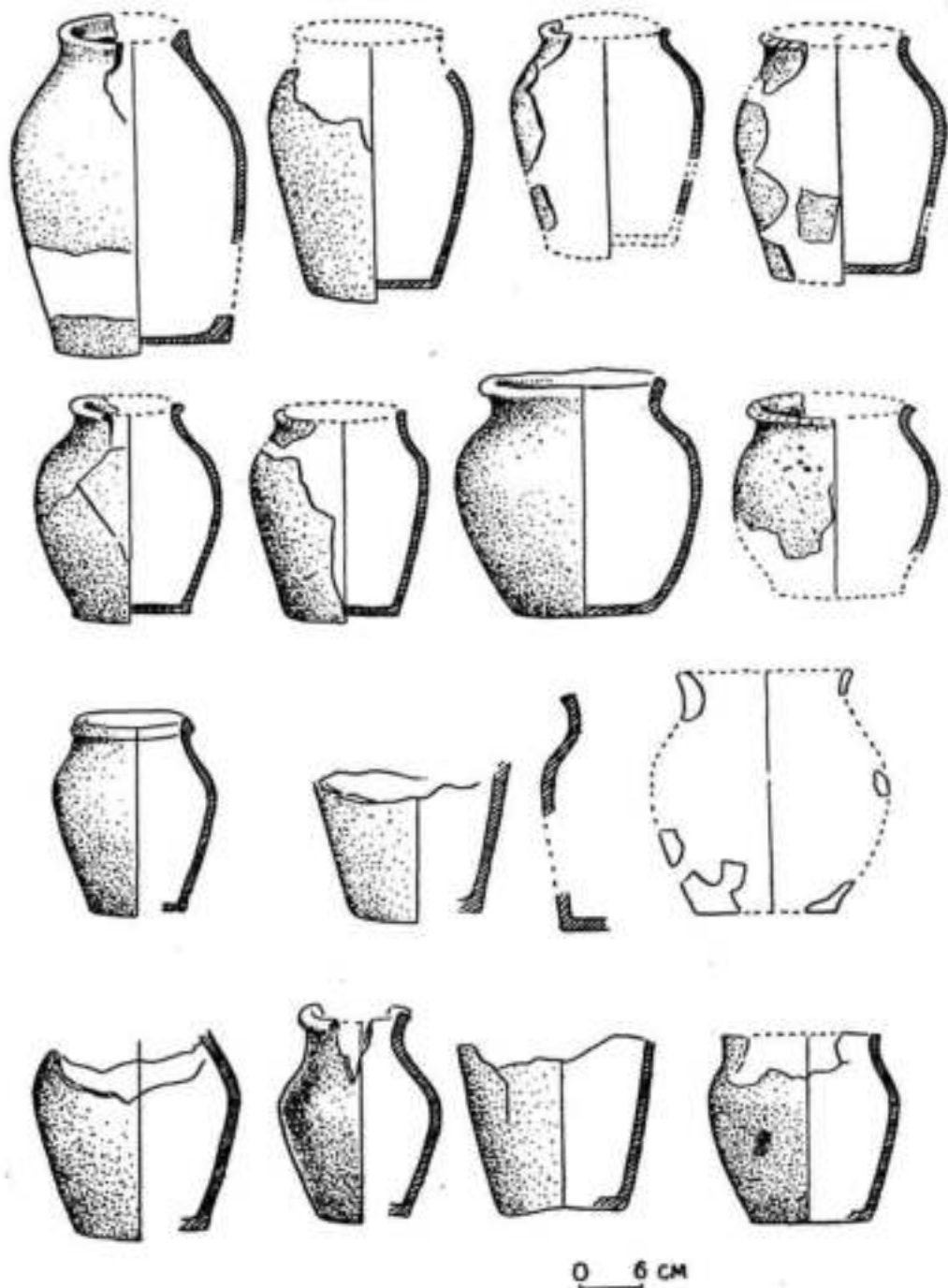

Рис. 61. Глиняные сосуды из курганов «с усам».

ского назначения. Она была ритуальной и изготавливалась специально для погребенных в курганах с каменными грядами. Вот почему эти громоздкие, плохого качества сосуды настолько однообразны, что поддаются хронологическому членению только в связи с анализом всего погребального инвентаря того или иного захоронения и бытуют вплоть до середины первого тысячелетия нашей эры, исчезая вместе с исчезновением курганов с каменными грядами.

Особый интерес вызывают предметы прикладного искусства. Они являются вещами практического назначения. Как и в других местах распространения скифо-сакских культур, оружие, конское снаряжение и одежду украшает звериный стиль.

В Центральном Казахстане известны изделия из бронзы, золота, рога и кости, выполненные в скульптуре и рельефе.

Этим изделиям присущи те же закономерности, что и всему скифо-сакскому искусству в целом, они выполнены в том же стиле, для которого характерна целеустремленность и внутреннее единство художественного творения. Все образительные приемы используются для украшения заранее данных форм вещей. В этом заключается основная черта скифского искусства, являющегося искусством прикладным, декоративным, но находящимся в то же время в живом и многообразном взаимодействии с конкретными и реальными образами окружающего животного мира.

С другой стороны, именно скифский звериный стиль, пронизанный единым художественным идеалом, является основным источником теорий, связанных с расширительным толкованием скифской культуры.

Там, где это удается установить, достаточно хорошо видны и общие черты, присущие скифскому искусству в целом, и конкретные особенности развития отдельных групп изделий, связанных с местными традициями и сделанных местными мастерами.

Наиболее ранняя группа центральноказахстанских изделий звериного стиля

относится к концу VII и началу VI вв. до н. э. Она представлена скульптурными фигурами козлов, барельефными фигурками кабанов, бляшкой, изображающей голову лося, и др.

В Центральном Казахстане известно пять бронзовых скульптурных фигур козлов. Две из них, найденные в погребении у черепов лошадей, имеют основу из двух крупных колец: нижнего — сильно уплощенного и верхнего — круглого.

Обе скульптуры отлиты в одной литевой форме, об этом говорит их одинаковый вес (126 и 128 г) и сходство размеров до деталей (рис. 18). Изделия после отливки подвергнуты дополнительной обработке. Идеальная сохранность обоих экземпляров позволяет предположить, что меньший на 2 г вес одного предмета по сравнению с другим объясняется более тщательной дополнительной обработкой.

У обоих горных козлов (тау-теке) ноги сгруппированы (эта поза обусловлена заданной формой основы), а головы наклонены. Рога, сливающиеся с туловищем козла за лопатками, умело и четко выделены как наиболее характерная черта в облике животного. Эти изделия отличают цельность и простота изображения.

Аналогий тасмолинские козлы пока не имеют. Они отличаются от всех известных наивысшей формой и техникой выполнения и практическим назначением.

Фигурам этих козлов присуща уплощенность форм и отсутствие пустотелости, столь характерной для скифских и тасмолинских скульптур.

Две другие скульптуры козлов (одна сломанная) являются случайными находками (рис. 66, 78). Они найдены при строительстве плотины в урочище Мурзашоки под Каркаралинском и в свое время были описаны¹²⁰. ♀

¹²⁰ Е. И. Агеева. Хроника археологических раскопок и находок в Казахстане в 1948—1949 гг. «Известия АН КазССР», 1951, № 108, табл. II; М. П. Грязнов. Северный Казахстан, стр. 14—15, рис. 4; М. К. Кадырбаев. О некоторых памятниках, стр. 98, табл. II.

Каркаралинские козлы изображены в той же позе, что и тасмолинские, но у них нет бороды, они пустотелы, приземисты и у них по другому оформлены рога. Основой для скульптуры служит высокая коническая втулка с продольной лопастью в форме лука.

Пятая фигура барана, украшавшая бронзовый чекан, случайно найдена в районе оз. Боровое¹²¹. Она также пустотела. По форме рогов в этой фигуре можно безошибочно угадать архара (рис. 66, 79).

М. П. Грязнов уже убедительно доказал, что каркаралинские козлы и боровской баран являются произведениями местных мастеров. Следует только отметить, что казахстанские фигуры козлов по стилю должны быть объединены с тагарскими скульптурами. Для обоих районов характерен, правда, в разных вариантах, мотив стоящего козла. В этом, как справедливо отмечал С. В. Киселев¹²², заключается основное отличие архаических скульптур Южной Сибири от Скифии.

Казахстанские скульптуры не принадлежат к категории ранних образцов скифо-сибирской архаики. Они относятся к концу VII и VI вв. до н. э., т. е. ко времени, когда уже были широко распространены зрелые, чеканные формы изолированного образа животного, еще не отягощенные различными воздействиями и взаимодействиями извне.

Мы пока не знаем местных прототипов, однако связь древнейших тагарских скульптур с карасукской основой¹²³ показывает, что источник следует искать в памятниках эпохи поздней бронзы, и в частности в дандыбай-бегазинском периоде.

По поводу практического назначения наверхий типа каркаралинских суще-

ствует большая и противоречивая литература.

Специалисты, рассматривавшие скифские наверхия, пришли к разным выводам. Д. Я. Самоквасов считал их символическими знаками власти¹²⁴, И. Е. Забелин, И. Толстой и Н. Кондаков — украшениями кузова и дышла погребальных колесниц¹²⁵, А. С. Лаппо-Данилевский, описавший прекрасную серию скифских предметов, — наверхиями древков знамен¹²⁶, а М. И. Ростовцев видел в них предметы, связанные с погребальным ритуалом¹²⁷.

В специальном исследовании по этому вопросу все известные скифские наверхия были подвергнуты В. В. Шлеевым подробному анализу¹²⁸. Он сделал вывод, что все наверхия являются украшениями колесниц, а там, где их не было, они выполняли роль апотропических предметов, оберегавших лошадь в загробном мире так же, как и в земном¹²⁹.

По-видимому, каркаралинские наверхия, подобно большинству наверхий Минусинской котловины, имели те же функции.

Б. Н. Граков, соглашаясь с В. В. Шлеевым по поводу отнесения их в основном к шумящим украшениям скифских колесниц, однако замечает, ссылаясь на находки из Александропольского кургана и кургана Слоновская близница, что наверхия с плоскими двусторонними ажурными фигурами могли иметь и другое назначение¹³⁰. Эту поправку подтверждает и наш материал.

Характер тасмолинских изделий не позволяет видеть в них ни наверхий, ни распределителей поводьев, как на мно-

¹²¹ М. П. Грязнов. Северный Казахстан, стр. 13—14.

¹²² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, стр. 243.

¹²³ См., например, недавно опубликованный рисунок карасукского позма из Монголии, увенчанного головой козла. См.: Э. Невгородова. Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири. Монгольский археологический сборник. М., 1962, стр. 12, рис. 1 (16).

¹²⁴ Д. Я. Самоквасов. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892, стр. 29.

¹²⁵ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2, СПб., 1889, стр. 92—93.

¹²⁶ А. С. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПб., 1887, стр. 95—96.

¹²⁷ М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918, стр. 46.

¹²⁸ В. В. Шлеев. К вопросу о скифских наверхиях. «ИСИИМК», 1950, XXXIV.

¹²⁹ Там же, стр. 60.

¹³⁰ В. Н. Граков. Скифский Геракл. «ИСИИМК», 1950, XXXIV, стр. 13.

гочисленных колесницах из Передней и Малой Азии, из псалиев.

В качестве двух первых предметов они не могли применяться по двум причинам: 1) в кургане, где, несмотря на ограбление, сохранились куски кожаных ремней и обрывки ткани, никаких следов колесницы или ее отдельных частей не обнаружено; 2) тасмолинские скульптуры на двукольчатой основе найдены непосредственно у конских черепов.

Как псалии они также не могли быть использованы: слишком большим у них был диаметр колец, через которые они не могут быть ни продеты на внешние стременидные кольца удила, ни каким-либо образом с ними соединены. Кроме того, у четвертого и седьмого конских черепов, где и были найдены эти изделия, вместе со стременидными удилами лежали трехдырчатые псалии: роговой и из трубчатой кости.

Тасмолинские изделия, на наш взгляд, являются одним из ранних типов султанов-начальников. Точная реконструкция крепления их на голове лошади сейчас не может быть воспроизведена ввиду отсутствия на них остатков ремней и оригинальности самой конструкции. Очевидно, принцип крепления тасмолинских султанов-начальников был таким же, как и в Передней Азии¹³¹.

На этой территории они известны по рельефным изображениям из Кузунджика, относящимся к 668—626 годам до нашей эры (сцена воинов с конями)¹³², разные виды и формы султанов-начальников, расположенных между ушами лошадей, представлены также на нимрудском¹³³ и ниневийском¹³⁴ рельефах в сценах нападения Ассурназирпала на

неприятельскую крепость и охоты ассирийского царя. И, наконец, тех же султанов-начальников на лошадях находим на ворсовом ковре из пятого Пазырыкского кургана¹³⁵.

Все отмеченное свидетельствует о некотором конструктивном сходстве, не больше. В Передней Азии нет ни одного султана-начальника, который был бы увенчан изображением животного. Эта особенность тасмолинского начальника отличает его от переднеазиатских образцов и сближает с Алтаем. Здесь с V в. до н. э. известны войлочные конские головные уборы с наверху из головы козла и птицы (второй Пазырыкский курган)¹³⁶. Вероятно, у казахстано-алтайских племен тип начальников с изображением животных развивался своим путем.

Отсутствие следов потертости и вообще какого-либо намека на практическое употребление позволяет предположить, что тасмолинские султаны-начальники не имели чисто практического назначения, а были изготовлены специально для погребения.

Бляшек с изображением кабана и лося в Центральном Казахстане слишком мало, чтобы сделать какие-либо сравнения с материалом соседних территорий. Остается лишь отметить, что бляшки с изображением лосиных голов достаточно широко распространены в Скифии¹³⁷. Но там не встречено изображения, похожего на тасмолинское, а вот в Минусинской котловине имеются бляшки, правда, с головками козлов, стилистически сходные с нашей¹³⁸. В бассейне Камы

¹³¹ С. И. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961, рис. 14.

¹³² С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 223, рис. 137.

¹³³ См., например, Мариупольскую бляшку (И. В. Яценко. Скифия VII—V вв., стр. 59, табл. V, рис. 4, 6), бронзовые бляшки головы лося из Криворожско и парные изображения голов в Жуковском могильнике (А. Вобрицкий. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии. «НАК», 1906, 14, стр. 16, рис. 33; стр. 29, рис. 59).

¹³⁸ Н. Л. Членова. Указ. работа, табл. II, рис. 60.

¹³¹ G. Ferrot et Ch. Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. II. Chaldée et Assyrie, Paris, 1884, p. 283, fig. 115.

¹³² М. В. Алпатов. Всеобщая история искусства, т. I. М.—Л., 1948, рис. 49.

¹³³ Гунгер и Г. Ламер. Культура Древнего Востока в картинах. М., Издательство «Фарос», 1913, рис. 131—132.

¹³⁴ «Древний Восток». Атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая. Сост. Н. Л. Смигирев. Под ред. В. В. Струве. Л., 1937, табл. 152.

изображения лося известны с эпохи бронзы¹²⁹.

К концу периода (VII—VI вв. до н. э.) следует отнести, на основании находок стремевидных удил, уникальную застеж-

ки. Кроме кабана на ней изображены головы трех козлов, волка и, по-видимому, оленя.

Стремление использовать каждый миллиметр свободной площади заставило

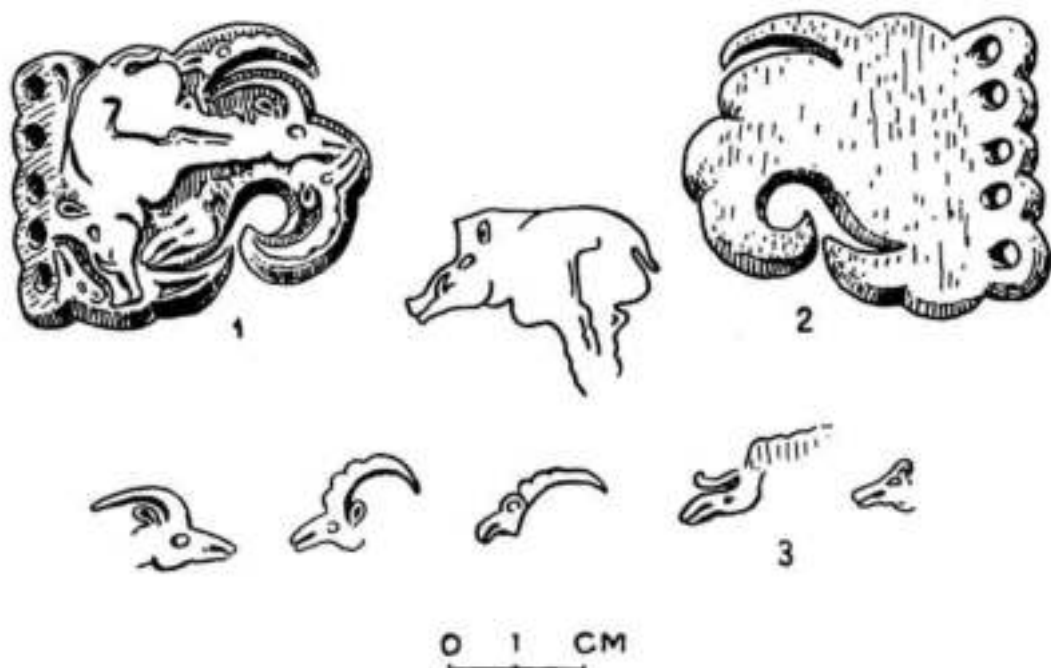

Рис. 62. Роговая застежка из кургана 3 могильника Тасмола V. 1—2 — прямая и обратная стороны; 3 — прорисовка изображений.

ку из маральего рога, употреблявшуюся, очевидно, для скрепления верхней одежды (рис. 62).

На застежке, оформленной в виде сильно стилизованной головы грифона, имеющей длину 5 см, ширину 4 см и толщину 0,7 см, выгравирован многофигурный рисунок. Центральную часть внешней поверхности пряжки занимает фигура мчащегося кабана.

Особенностью этого рисунка является то, что мастер, его создавший, стремился заполнить всю полезную площадь пряж-

мастера располагать фигуры так, чтобы линия, ограничивающая одно изображение, в то же время являлась составной частью другого изображения.

Боязнь оставить неиспользованным хотя бы небольшой участок поверхности привела к композиции, лишенной всякого видимого содержания. Несмотря на реалистическое изображение каждого животного в отдельности, вся композиция приобрела вид затейливого и малопонятного орнамента.

В этой пряжке, как в зеркале, отразились две, казалось бы, несопоставимые и разновременные черты: реализм в изображении животного местной фауны, совершенство в знании его повадок и

¹²⁹ А. В. Збруева. Идеология населения Прикамья в алякинскую эпоху. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», Новая серия, т. I, 1947, стр. 45.

изменение композиции рисунка в целом до декоративно-орнаментальных форм. Вторая черта указывает на то, что где-то в конце VI и в начале V в. до н. э. в Центральном Казахстане начался процесс разложения естественных форм раннескифского искусства, который происходил и у скифов, и у племен Южной Сибири.

Тем же временем, что и пряжку, следует датировать четыре тисненых фигурки хищников (рис. 63). Одна употреблялась

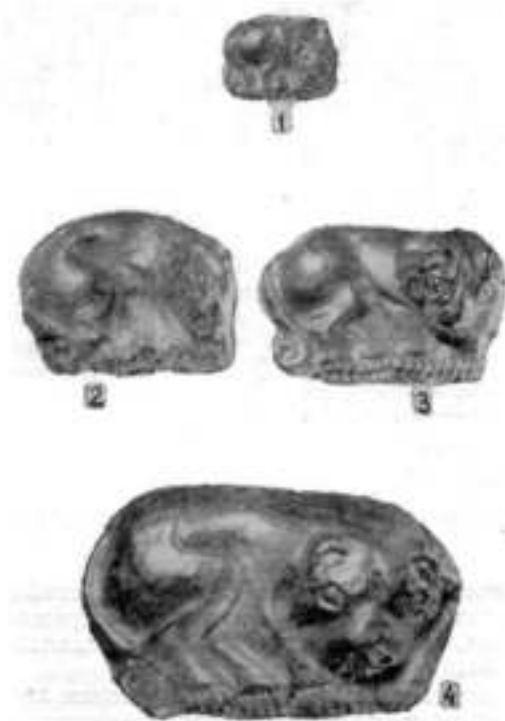

Рис. 63. Золотые фигурки хищников из могильника Тасмола V. Чуть больше nat. вел. 1—2 — курган 6; 3 — курган 3; 4 — курган 4.

как украшение налобного ремня лошади (Тасмола V, 3), остальные служили украшением одежды (Тасмола V, 4, 6). Все хищники (по-видимому, тигры) изображены стоящими в спокойных позах, с поворотом головы направо. Очень близ-

ка тасмолинским тиграм фигурка хищника из недавних раскопок Хорезмской экспедицией могильника Тагискен. Удивительно похожая поза зверя была на кнопке бронзового зеркала из Минусинского музея¹⁴⁰. В более позднее время подобное изображение встречается на трех предметах из Южной Сибири¹⁴¹. В Скифии сходных изображений гораздо меньше¹⁴². Обращает на себя внимание в тасмолинских бляшках четкая проработка когтей и глаз в виде двойных колец. Последняя деталь особенно распространена в скифском и ассирийском искусстве¹⁴³.

Ко второму периоду (V—III вв. до н. э.) относится небольшое количество предметов. Из них помимо бляшки с сопоставленными головами козлов (рис. 66, 52), которая принадлежит к типу, наиболее широко распространенному в Южной Сибири и Туве¹⁴⁴, и уже была рассмотрена в связи с анализом зеркал II типа, вызывают интерес навершие костяной булавки (Карамурун I, курган 4) и две бронзовые поясные пряжки.

Отличительной особенностью этих изделий является стилизация и схематизация реальных образов животного мира. Навершие костяной шпильки из Карамуруна представляет собой не что иное, как стилизованную голову орла (рис. 70, 1). От действительных очертаний головы хищной птицы здесь остался только загнутый клюв и глаз, обозначенный врезной точкой и усиленный двумя врезными же линиями, заканчивающимися у клюва.

Подобные украшения, представляющие собой стилизованную до предела голову скифского грифона, часто встречаются на Алтае и в Южной Сибири. Там они известны как отдельные бронзовые

¹⁴⁰ Альбом фотографий медных и бронзовых экспонатов, № 4655.

¹⁴¹ С. В. Киселев. Древняя история, стр. 334 и табл. 30, 8.

¹⁴² А. Вобрицкий. Отчет о раскопках, стр. 276, рис. 64.

¹⁴³ A. Godard. Le trésor de Ziwiyé (Kurdistan). Haarlem, 1950, fig. 18, 33.

¹⁴⁴ Н. Л. Членова. Место культуры Тувы, стр. 150, табл. II.

предметы¹⁴⁵ и украшения конской узда¹⁴⁶.

Но не только этими районами ограничиваются наши аналогии. Образ орлиноголового грифона принадлежит к наиболее распространенному числу изображений в Скифии (например, жаботинские пластины и псалми)¹⁴⁷. Встречается он широко и в более отдаленных районах¹⁴⁸.

Н. Н. Погребова справедливо считает, что в основу этого мотива положен образ обычного орла, стилизация которого создала фантастическую голову грифона. Вслед за В. Гольмстен она верно по-

прямоугольную форму (9×4 см) с несколько закругленными краями. Одна ее сторона обломана. На ней передана сцена нападения хищника на верблюда (рис. 64).

Хищник (тигр?) напал спереди и схватил верблюда за передний горб. Верблюд в свою очередь схватил тигра за заднюю ногу.

Сцен борьбы верблюда с тигром известно немного. Одна бляха случайно найдена близ Челябинска¹⁵⁰, несколько золотых бляшек с подобными сюжетами имеется и в Сибирской коллекции Петра I¹⁵¹. Н. Феттих датировет эти бляшки

Рис. 64. Бронзовая пряжка из кургана I могильника Карамурун II. Увеличено в 1,5 раза.

лагала, что получившийся таким образом «скифский грифон» представляет собой явление самобытное, уходящее своими корнями в далекое прошлое¹⁴⁹.

К концу периода относятся две бронзовые поясные пряжки. Пряжка из кургана I могильника Карамурун II имеет

¹⁴⁵ F. R. Martin. *L'age du bronze*, pl. 30 (23, 30).

¹⁴⁶ С. И. Руденко. Указ. работа, табл. I, рис. 8, 9.

¹⁴⁷ М. И. Вязмитина. Ранние памятники скифского звериного стиля. «СА», 1963, № 2, рис. 3, 5.

¹⁴⁸ В. В. Пиотровский. Скифы и Древний Восток. «СА», 1954, XIX, рис. 5, 8; его же. Кармирблур I. Ереван, 1950, рис. 64; II, 1953, рис. 27.

¹⁴⁹ Н. Н. Погребова. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху арканки. «КСИММК», 1948, XXII, стр. 66—67.

рубежом IV—III вв. до н. э.¹⁵², а С. И. Руденко относит их к IV—III вв. до н. э., без уточнения¹⁵³.

Карамурунская бляха не имеет прямых аналогий. Наиболее близкие к ней в композиционном отношении сибирские бляшки из Петровской коллекции отличаются, с одной стороны, тщательной проработкой отдельных деталей (шкура тигра, глаза, уши и др.), а с другой —

¹⁵⁰ A. Heikel. *Antiquites de la Sibirie occidentale. Mémoires de la Société finno-ougrienne*, VI. Helsingfors, 1894, fig. XV, 4.

¹⁵¹ С. И. Руденко. Сибирская коллекция Петра I. М.—Л., 1962, табл. V, рис. 1—3.

¹⁵² N. Fettiich. *Zur Chronologie der Sibirischen Goldfund der Ermitage. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, II, 4, 1952, p. 260—266.

¹⁵³ С. И. Руденко. Указ. работа, стр. 35.

менее пропорциональными размерами тигра и верблюда: тигр почти в два раза больше верблюда. Кроме того, сцена борьбы проходит здесь на фоне деревьев.

Вместе с тем, кроме общего композиционного сходства, о чем уже говорилось, эти бляхи объединяет одна деталь. Все верблюды Сибирской коллекции имеют четко выраженную подшейную гривку. Эта же деталь особо подчеркнута насечками и на карамурунской пряжке, причем сделанными специально после отливки всего предмета. Перед нами

носибирскими племенами значительный вклад в расцвет скифо-сибирского звериного стиля.

***

Какой же общий вывод можно сделать из анализа материалов по погребальному обряду и инвентарю?

Прежде всего, приведенные в двух главах археологические данные достаточно убедительно, на наш взгляд, показывают особенности развития племен Центрального Казахстана в эпоху раннего железа.

Рис. 65. Бронзовая накладка из кургана 2 могильника Нурманбет I. Увеличено в 1,5 раза.

налицо общие стилевые принципы казахского и, возможно, алтайского мастеров.

Вторая бронзовая пряжка, или, вернее, накладка (рис. 65), оформлена в виде четырех сопоставленных грифоновых голов, образующих сердцевидные проемы по концам. В центре изображено фантастическое животное с грифонецкой головой, повернутой назад, длинной шеей и заячьим туловищем. Эта бляшка также уникальна.

Эти грифонецкие головы являются стилизацией уже известной орлиной головы и на них распространяется та характеристика, которая была дана при анализе навершия костяной шпильки.

Идеи казахстанских мастеров, рассмотренные в настоящей главе, показывают, что древние скотоводы Центрального Казахстана имели все необходимые технические средства и навыки для самостоятельного изготовления предметов прикладного искусства и тем самым вносили наряду со скифами, саками и юж-

Предлагаемое мною название памятников этой территории — тасмолинская культура требует объяснения и определения ее места среди других культур скифо-сакского времени.

Выше при сравнении погребального инвентаря неоднократно говорилось об обширных связях центральноказахстанских племен с соседними и более отдаленными племенами. В то же время подчеркивалось, что население исследуемого района в раннесакское время было наиболее тесно связано с племенами Семиречья, Алтая, Минусинской котловины и Тувы и, несмотря на значительные особенности, составляло с ними в целом компактную группу культур, значительно отличающуюся от основных культур областей Восточной Европы и Приуралья. Некоторые исследователи объясняют это сходство (правда, исключая тагарскую культуру) тем, что восточная зона евразийских степей была населена саками и родственными им племенами, между которыми существовали

постоянные контакты в разных направлениях¹²⁴.

Эта точка зрения, безусловно, верная. Действительно, районы Семиречья, Центрального Казахстана, Алтая и Южной Сибири населяли родственные племена со сходной хозяйственной базой, материальной культурой и общественной организацией. И не случайно даже в так называемой «скифской триаде» — категории, менее всего пригодной для определения каких-либо локальных вариантов, можно выявить особенности, присущие этой обширной культурной области. Они заключаются, например, в сосуществовании в раннесакское время двух групп бронзовых наконечников: двуперых втульчатых и трехперых черешковых и, кроме того, в широком распространении в Казахстане, на Алтае и Енисее стремечковидных удил, существенной особенностью которых является дополнительное отверстие.

Наиболее подходящим условным термином, подчеркивающим особенности восточного очага степных культур скифского времени, мы считаем термин «сакская культурная общность». Ядро этой культурной области составляли прежде всего племена Казахстана и Алтая, исторические судьбы которых переплелись раньше VII—VI вв. до н. э. и культуры которых базировались на одной и той же андроновской основе.

Все сказанное, однако, не мешает выделить особенности каждой группы племен, входящей в эту общность. К таким культурам и относятся тасмолинские памятники Центрального Казахстана.

Напомним, что тасмолинская культура характеризуется своеобразным типом археологических памятников — так называемыми курганами «с усами», распространенными, как отмечалось, в центральной части Казахстана.

Вторая особенность заключается в конструкции могильных камер и ориентировке погребенных. Могильные ямы имеют овальную форму, вытянутую по

длинной оси с севера на юг, и покрыты сверху массивными каменными плитами. Все захоронения одиночные, погребенные лежат вытянуто, на спине, головой на север.

Существенной чертой тасмолинской культуры является своеобразная форма глиняных сосудов, находимых только в восточных или малых курганах комплекса курганов «с усами».

Эти особенности погребального обряда относятся к категории характерных признаков на всем протяжении существования тасмолинской культуры (VII—III вв. до н. э.). Само собой разумеется, что, являясь главными, они не исчерпывают все возможные варианты погребального обряда. На такой огромной территории, как Центральный Казахстан, существовали, конечно, памятники, выделяющиеся своими индивидуальными чертами и признаками.

Углубленное изучение нужно также для выявления характерных черт и особенностей погребального обряда на первом и втором этапах тасмолинской культуры. Имеющийся в настоящее время материал показывает, что первый тип памятников (курганы «с усами») с погребением человека в основном и коня с сосудом в малых курганах бытует без каких-либо изменений на первом и втором этапах. Датировка этих памятников основывается в каждом конкретном случае на анализе инвентаря.

Иное дело со II типом курганов (без каменных гряд), по крайней мере в северо-восточных районах Центрального Казахстана. Помимо инвентаря, курганы VII—VI вв. до н. э. отличаются от курганов последующего этапа одной существенной деталью погребального ритуала: у ног погребенных, в южной стороне, находят конские и бараньи головы (Тасмола I, V, VI).

В памятниках второго этапа (V—III вв. до н. э.) могильные ямы заняты скелетом человека с инвентарем, свободной площади в южном конце ямы нет. Можно ли эту особенность распространить на более широкую территорию, чем прибрежные районы р. Шидерты, покажут дальнейшие раскопки.

¹²⁴ Н. Л. Членова. Место культуры Тузм., стр. 146—151.

Достаточно четкое хронологическое деление тасмолинской культуры на два этапа позволяет сделать погребальный инвентарь. Для первого этапа (VII—VI вв. до н. э.) характерны: а) две основные группы бронзовых наконечников стрел: двуперые с выступающей ступкой и трехперые черешковые (рис. 66, 1, 4), книжалы с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием (рис. 66, 10); б) бронзовые стремечковидные удила с трехдырчатыми псалями разных вариантов, составляющие раннюю конструкцию узды (рис. 66, 22, 29); в) бронзовые зеркала с высоким бортиком по краю и петлей посередине (рис. 66, 75).

Эти основные категории определяют датировку и остального инвентаря, найденного в погребениях. Для прикладного искусства первого этапа наиболее типичен изолированный образ животного, стоящего в спокойной позе (рис. 66, 77—78).

Второму этапу тасмолинской культуры (V—III вв. до н. э.) присущи: а) наибольшее распространение стандартной формы бронзовых втульчатых трехгранных наконечников стрел (рис. 66, 2, 9, 18 и др.); б) новая конструкция узды (кольчатые удила и двудырчатые псаля); в) бронзовые зеркала II типа (рис. 66, 51, 53—55).

В прикладном искусстве тасмолинских племен наблюдается дальнейшее развитие многофигурной композиции, зародившейся еще на первом этапе (рис. 68, 80), и углубляющийся процесс стилизации и схематизации реалистических образов животного мира (рис. 66, 47—48, 51—52).

Самым концом второго этапа, а возможно и II в. до н. э., можно датировать коллекцию вещей из кургана 1 могильника Карамурун II (рис. 66, 26—32).

Уже отмечалось, что некоторые категории изделий, такие, как точильные камни, жертвенники, бронзовые и железные

ножи без выделенной рукоятки и с кольцом на рукоятке, одинаково широко распространены в погребениях первого и второго этапов.

Рассмотренный вещественный комплекс не только определяет хронологические рамки памятников тасмолинской культуры, но в значительной степени подчеркивает и дополняет особенности культуры древних скотоводов Центрального Казахстана.

При анализе погребального инвентаря неоднократно обращалось внимание на своеобразие большинства изделий, являющихся результатом творчества древних мастеров исследуемой территории, поэтому нет необходимости на этом еще раз подробно останавливаться.

Бронзовые книжалы с фигурными рукоятками и массивные пояса, уникальные бронзовые псаля с крючком посередине (рис. 66, 37), железные псаля и бляшки с золотой инкрустацией (рис. 66, 32, 58), формы и технические приемы изготовления многочисленных изделий от узды и седла (включая удила и псаля), скульптурные и барельефные произведения искусства — все это вместе взятое и каждое в отдельности имеет на себе отпечаток самобытности и в совокупности с погребальным обрядом в конечном счете определяет особенности тасмолинской культуры.

Таким образом, под тасмолинской культурой следует понимать единство археологических памятников, расположенных в границах Казахского мелкосопочника (Центральный Казахстан), объединенных общими чертами (погребальный обряд I и II типов курганов) и одним временем (VII—III вв. до н. э.). Она синхронна скифской и савроматской культурам западных районов евразийских степей, майэмирскому и пазыркскому этапам Алтая, двум стадиям тагарской культуры Южной Сибири и сако-усуньской культуре (до III в. до н. э. включительно) Семиречья.

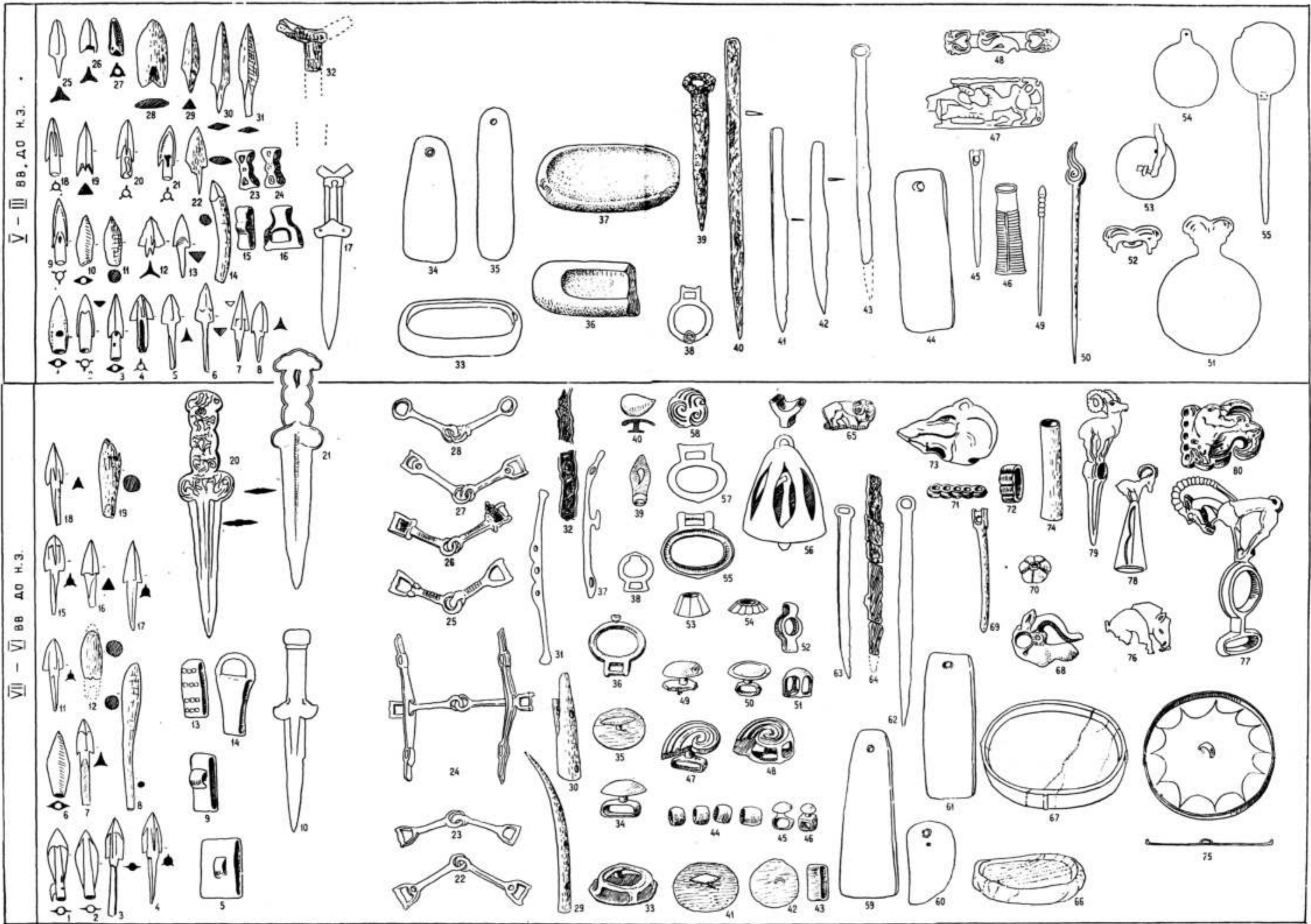

Рис. 66. Классификационная таблица наметников тасмолинской культуры VII—VI вв. до н.э.: 1—4, 6—8, 12, 19 — Карамурун I, курган 5; 5, 9, 11, 15, 20, 62 — Нурманбет IV, курган 1; 10 — случайная находка близ Павлодара; 13 — Нурманбет IV, курган 3; 14, 30, 40, 57 — Тасмола VI, курган 1; 16 — Тасмола V, курган 3; 17—18 — Нурманбет I, курган 1; 21 — с. Маринское, близ Кокчетова, случайная находка; 22 — Толагай; 23, 60 — Тасмола I, курган 24; 24, 38—39, 44—51, 57, 61, 64, 68, 75 — Тасмола I, курган 19; 25—26, 32, 53—55, 58, 65, 69—72, 80 — Тасмола V, курган 3; 27—29, 33—34, 43, 52, 56, 67, 77 — Тасмола V, курган 2; 31, 37 — случайные находки (М. П. Грязнов, Северный Казахстан, стр. 13); 35—36, 41 — Тасмола V, курган 6; 42, 59, 63, 74 — Тасмола VI, погребение «а»; 66 — Тасмола I, курган 22; 73 — Нурманбет II, курган 3; 76, 78 — случайная находка близ Каркыралинска; 79 — случайная находка из Борового. V—III вв. до н.э.: 1, 8 — Кинис у, курган 5; 2—4, 13, 34 — Карамурун II, курган 3; 5—8 — Ан-Булак, курган 1; 7 — Канаттас, курган 16; 9, 18 — Тасмола III, курган 2; 10—12, 14—16, 19, 22—24, 43, 45 — Тасмола II, курган 1; 17 — Айдабул II, курган 1; 20—21, 42, 44 — Карамурун I, курган 5а; 25—32, 36, 47 — Карамурун II, курган 1; 33, 37 — Карамурун I, курганы 5б и 5г; 35 — Карамурун I, курган 2; 38 — Нурманбет II, курган 4; 39 — Вугулы, курган 2; 40 — Карабие, курган 4; 41 — Тасмола II, курган 2; 46 — Карамурун I, курган 5г; 48 — Нурманбет I, курган 2; 49 — Карамурун I, курган 9; 50 — Карамурун I, курган 4; 51, 52 — Карамурун I, курган 10; 53 — Жолкудук, курган 10; 54 — Жолкудук, курган 14; 55 — случайная находка, с. Маринское, близ Кокчетова.

ДРЕВНИЕ СКОТОВОДЫ САРЫ-АРКИ

§ 1. ВОПРОСЫ ЭТНОГЕОГРАФИИ ЦЕНТРАЛЬНОГО
КАЗАХСТАНА

С каким племенем или племенами следует связать то сравнительное единство археологической культуры, которое наблюдается в эпоху раннего железа в Центральном Казахстане?

На этот вопрос до сих пор еще не получен исчерпывающий ответ. Не может быть он окончательно решен и сегодня, поскольку в наших руках нет такого критерия, с помощью которого можно было бы увязать отрывочные сведения письменных источников с археологическим комплексом на этой территории.

Кроме того, в настоящее время еще неясно, отражает ли тасмолинская культура особенности какой-то одной этнической группы или в ее создании приняло участие несколько родственных племенных группировок. Решение этих вопросов затрудняется почти полным отсутствием сведений письменных источников по этому району. И дело, конечно, не столько в том, что скотоводческие племена Центрального Казахстана были далекой кочевой периферией скифо-сакского мира и потому оставались вне поля зрения древнегреческих и персидских авторов, сколько в тех расширительных толкованиях терминов «скифы», «саки», под которыми «скрывались» десятки больших и малых, слабых и могущественных племен, лишь изредка в связи с какими-то событиями

упоминавшихся у отдельных авторов на фоне тех же собирательных имен. Такая терминологическая нивелировка древними авторами скотоводческих племен евразийских степей вполне объяснима и имеет ряд объективных причин.

Древнегреческий термин «скиф» и древнеперсидский «сак» являлись для авторов, живших в условиях древневосточной оседло-земледельческой культуры, синонимами человека другого мира, связанного с другим, чем у них, хозяйственным и общественно-политическим укладом. Это был для них мир иной, не греческий и не персидский, и потому названия своих соседних племен они часто переносили на другие, более отдаленные и малоизвестные племена, если они, по сведениям очевидцев, чем-то напоминали их соседей.

Впечатление сплошного единообразия скифской или сакской культуры в известной степени создавала и сама форма хозяйства скотоводческих племен. Кочевой и полукочевой образ жизни евразийских племен вносит много сходных черт в культуру и быт населения, а если учесть различного рода контакты, получившие в этот период в связи с подвижностью быта особенно широкий размах, то выявление конкретных этнокультурных групп становится еще более трудным делом, и напротив — увеличи-

ваются возможности употребления указанных собирательных терминов.

Чрезвычайно показательно в этой связи одно замечание в «Истории» Геродота. Он говорит: «Численность скифов и не имел возможности узнать достоверно, но слышал об этом два различных мнения: одно — что их очень много, и другое — что собственно скифов мало»¹. И далее он приводит широко распространенный рассказ о бронзовой чаше, превосходящей в шесть раз Понтийскую, вылитую из наконечников стрел, доставленных отдельно каждым скифом. И хотя известно, что Геродот принадлежал к числу тех немногих авторов, которые локализовали скифов достаточно достоверно, сам по себе рассказ (его первая часть) как нельзя лучше отражает распространенную в те времена тенденцию расширительного толкования термина «скиф».

Та же двойственность вкладывалась и в понятие термина «сак». В этом имени также общее определение, охватывающее большинство племен северной части Центральной Азии, покрывает самую суть термина, связанного с конкретным этническим названием. И если такое расширительное значение термина и следует допускать, то только в связи с объяснением политической гегемонии племен савков и хронологическим определением периода VII—III вв. до н. э. С другой стороны, надо искать для этнокультурных групп, входивших в сакский племенной союз, имена собственные, упоминавшиеся в письменных источниках, а когда нельзя это достаточно обосновать, то следует оставлять за ними конкретные названия археологических культур.

Какие данные можно извлечь из письменных источников для Центрального Казахстана?

Из дошедших до нас источников первое упоминание о племенах, связываемых рядом исследователей с северными или западными районами Казахстана, принадлежит Аристее Проконесскому —

автору «Аримаспей». В сохранившихся 2 и 4 фрагментах «Аримаспей» он дает такую характеристику исседонам: «... чванящиеся длинными волосами (собственно гривами). — Эти люди живут вверху, в соседстве с Бореем, многочисленными и очень доблестными воины, богатые конями и стадами овец и быков. Каждый из них имеет один глаз на милом челе; они носят косматые волосы и являются самыми могучими из всех мужей»². Следующее упоминание об этом племени мы находим у Гекатея Милетского: «исседоны — народ скифский»³.

Значительно больше сведений о племенах, живущих «выше» скифов и савроматов, содержит «История» Геродота. Касаясь методики работы над геродотовыми сведениями, Ф. Г. Мищенко писал: «Извлечение исторических данных из «Истории» Геродота производится обыкновенно не каким-либо иным путем, а как можно более точным и последовательным толкованием его текста. Если тот или другой вывод согласуется, по мнению исследователя, с соответствующим местом сочинения эллинского историка и не находится в противоречии с другими относящимися к тому же предмету местами «Истории», вывод признается правильным и удовлетворяющим требованию научной достоверности»⁴.

Геродот так описывает северные и северо-восточные племена. Над савроматами, территорию которых почти все современные исследователи ограничивают устьем Дона, дельтой Волги и Приуральем⁵, живут будины, населяющие район, «весь покрытый густым разнообразным лесом»⁶. К северу от них, в 300 км, если учитывать дневной путь

¹ Аристей Проконесский. Аримаспей, фр. 2—4, перевод В. В. Латышева. См.: «ВДИ», 1947, № 1.

² Гекатей Милетский. Землеописание, фр. 168, в том же переводе.

³ Ф. Г. Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом. См.: Геродот. История в девяти книгах, т. II, М., 1888, стр. 1.

⁴ К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов. «СА», 1957, № 3, стр. 16—17.

⁵ Геродот. История, IV, 21.

¹ Геродот. История, IV, 81, в переводе Ф. Г. Мищенко. М., 1888.

Геродота в 200 стадий⁷, жили охотничьи племена тиссагетов и ирков.

В той же 22-й главе он указывает, что восточнее их «живут другие скифы, прибывшие в эту местность по отделении от царственных скифов». Из следующей главы видно, что ирков и отделившихся скифов, проживавших в «каменистой и неровной стране», разделяет «равнина с глубоким черноземом», а по соседству с последними живут обитатели подножий высоких гор, о которых Геродот приводит рассказ, «что все они, как мужчины так и женщины, плешивы от рождения, плосконосые и с большими челюстями; речь у них особая; одеваются по-скифски...», «скота у них мало, потому что тамошние пастбища скудны. Каждый из них поселяется под деревом, которое на зиму прикрывается толстым белым войлоком, а на лето оставляется открытым. Никто из людей не обижает их, потому что они считаются священными; нет у них никакого вооружения... Название этого народа аргишней».

Следующие племена исседонов, название которых Геродоту «в точности известно»⁸, он помещает к востоку от аргишней и пишет: «Таким образом, этот народ известен еще, а выше его, по рассказам исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов исседонов повторяют это скифы, а от скифов знаем и мы...»⁹.

В другом месте (13), повторяя Аристей, он дополнительно называет гипербореев, живущих выше грифов и «простирающихся до моря».

Как объяснить различную характеристику исседонов, даваемую Аристеем и Геродотом?

Первый, как это видно из сохранившихся второго и четвертого фрагментов его поэмы, смешивает исседонов с аримаспами, второй же достаточно четко их различает, приводит их взаиморасположение, не путая аримаспов и исседонов,

и в то же время оговаривает, что это сведения Аристей.

Причина, очевидно, заключается в том, что дошедшие до нас фрагменты «Аримаспей» не были единственными, в которых давалась характеристика исседонов. Приведенные фрагменты не были, видимо, для Геродота, знакомого с полным текстом Аристеевой поэмы, достаточно убедительными, и он их оставил без внимания, используя в своей «Истории» другой, более правдоподобный отрывок из «Аримаспей», где исседоны и аримаспы характеризовались как отдельные племена¹⁰.

Каким образом исследователи размещают геродотовы племена на географической карте?

Ф. Г. Мищенко помещал ирков в соседстве с тиссагетами, к востоку от Волги, приблизительно в тогдашних Симбирской и Пензенской губерниях, аргишней — у Уральских гор, в пределах Оренбургской губернии, исседонов — в северной части Урало-Каспийских степей, к северу от массагетов, живших между Каспийским и Аральским морями¹¹. Локализацию аримаспов и грифов он не дает.

Примерно в этой же северной части Уральских степей и в Северном Казахстане поместил исседонов и К. Ф. Смирнов, развивающий гипотезу заволжского происхождения скифов. Кроме того, он склонен видеть в исседонах носителей андроновской культуры позднего этапа ее развития¹².

По-иному локализовал эти племена А. Н. Верштам. Утверждая, что ни Аристей, ни Геродот не дают точного местопребывания исседонов, а лишь упоминают, что их соседями были богатые золотом племена, и считая греческий термин «исседон» наряду с ассирами, памирами, усунями разными вариантами одного и того же названия, имеющего

⁷ Геродот, IV, 101.

⁸ Геродот, IV, 25.

⁹ Геродот, IV, 27.

¹⁰ Геродот, IV, 13, ср.: Аристей. Аримаспей, фр. 2—4 в переводе В. В. Латышева.

¹¹ Ф. Г. Мищенко. Указатель имен и предметов с примечаниями. См.: Геродот. История, стр. 397, 464, 466.

¹² К. Ф. Смирнов. Указ. работа, стр. 13—14.

основу *ас*, *ис* или *ус*¹³, А. Н. Вернштам помещает исседонов в Семиречье¹⁴. При этом он исходит из объяснения этнонима «усунь» как китайской транскрипции греческого термина «исседон»¹⁵.

Ирков А. Н. Вернштам помещает в верховьях р. Урала, а аримаспов — в Северном Прибалхашье¹⁶. То же расположение исседонов, к югу от Балхаша, дает И. И. Копылов, а аргипшеев и аримаспов он размещает соответственно в Северном и Восточном Казахстане¹⁷. Иное место исседонам отводит С. П. Толстов, помещая их в диагональном направлении между Аральским морем и оз. Балхаш¹⁸.

Свой вариант размещения нескифских племен Геродота предложил С. И. Руденко. Ирков он локализует в южной части бассейна Тобола, аргипшеев — «обитателей подножия высоких гор» — в западных предгорьях Тарбагатай и верховьях Иртыша, т. е. чуть севернее Черного Иртыша, куда помещал их еще Е. Н. Минин. Исседонам он также отводит северные районы Семиречья, а аримаспов и «стерегущих золото грифов», живших, по Геродоту, выше исседонов, он локализует: первых южнее оз. Зайсан, вторых в Горном Алтае.

Следует отметить, что, пользуясь в сущности одними и теми же источниками в двух своих картах, составленных в 1952 и 1960 гг., С. И. Руденко допускает непонятные «передвижки» племен, не оговаривая и не объясняя это ничем. Так, в первой карте он помещает исседонов южнее Иссык-Куля¹⁹, во второй — на

правобережье р. Или²⁰. То же самое он делает с аргипшееями, размещенными во второй карте значительно восточнее, чем в первой.

Заметим, что почти все исследователи при географической локализации немногочисленных племенных названий, известных нам по античным источникам, старательно обходили такую огромную территорию, как Центральный Казахстан. Такая «осторожность» объяснялась слабой археологической изученностью края, породившей широко распространенное мнение о Центральном Казахстане как необжитой территории, являвшейся лишь местом стыка различных культур.

Археологические исследования этого района лишней раз подтвердили научную истину, что неизвестное — это всего лишь временный пробел в наших знаниях, а не абсолют, на основании которого можно делать какие-либо серьезные выводы.

Если признать размещение тиссагетов и ирков — этих охотничьих, по Геродоту, племен — в верховьях Волго-Уральского междуречья и Прикамья, как это делал Ф. Г. Мищенко, а позднее и целый ряд исследователей²¹, то аргипшеев, отождествляемых С. И. Руденко с племенами «отделившимися от скифов царских», следует локализовать в Приуралье и северо-западных районах Казахстана.

О расселении исседонов Геродот, как известно, дает два свидетельства. В одном фрагменте, связанном с подготовкой Кира к походу на массагетов, он говорит, что эти племена живут «на востоке по ту сторону реки Аракса против исседонов»²², а в другом, что «земля к востоку от плешивых населена исседонами»²³.

Эти два свидетельства послужили для А. Н. Вернштама и С. И. Руденко основанием для утверждения, что у Геродота

¹³ А. Н. Вернштам. Основные этапы истории, стр. 358.

¹⁴ А. Н. Вернштам. Историко-археологические очерки, рис. 87.

¹⁵ А. Н. Вернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941.

¹⁶ А. Н. Вернштам. Историко-археологические очерки, рис. 87.

¹⁷ «История Казахской ССР», т. I, стр. 31.

¹⁸ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, карта 1 на стр. 102.

¹⁹ С. И. Руденко. Горноалтайские находки и скифы. М.—Л., 1952, рис. 7.

²⁰ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, рис. 108.

²¹ «Всемирная история», т. II, М., 1956, стр. 138.

²² Геродот, I, 201.

²³ Геродот, IV, 25.

нет точной локализации исседонов²⁴. Однако никакой путаницы и противоречия между этими замечаниями нет. Вполне правильно предположение К. Ф. Смирнова, что выражение Геродота «напротив» говорит о меридиональном, северном размещении исседонов²⁵ по отношению к массагетам, которые занимали территорию между Каспийским и Аральским морями. Что же касается второй версии, то она прямо указывает на локализацию исседонов восточнее аргипеев. Таким образом, из обеих версий следует, что исседоны жили в степях Центрального Казахстана. Этой точки зрения придерживается и К. А. Акишев, поместивший исседонов в Центральном Казахстане²⁶.

В резком противоречии с данными Геродота находятся, как известно, сведения Птолемея. Исследователь его И. А. Бертелло²⁷ отмечает, что Птоломеем различал две группы исседонов: скифских и серских, живущих в Восточном Туркестане. А. Н. Бернштам, мотивируя тем, что Птоломеем в ряде случаев брал сведения у Геродота и согласовывал их со своими, помещает геродотовских исседонов вслед за И. А. Бертелло в Восточном Тянь-Шане²⁸. Здесь гипотеза А. Н. Бернштама о термине «усунь» как китайском варианте греческого термина «исседон» как будто находит дополнительное подтверждение.

К. А. Акишев разделяет точку зрения А. Н. Бернштама об эквивалентности терминов «усунь» — «исседон», но объясняет противоречия Геродота — Птолемея по-другому. Он считает, что во времена Геродота исседоны действительно жили в Центральном Казахстане, но затем за пятьсот лет, прошедшие со времени Геродота до Птолемея, они передвинулись в Семиречье и Восточный Туркестан,

что и нашло отражение в «Географии» Птолемея²⁹.

Следует заметить, что различную локализацию исседонов у Геродота и Птолемея отмечали и раньше, но тогда еще не было достоверных археологических данных, чтобы твердо решить вопрос о миграции исседонов³⁰. С тех пор никаких серьезных изменений в этом вопросе не произошло.

Несмотря на несомненный интерес выдвинутой К. А. Акишевым точки зрения о массовом переселении центральноказахстанских племен в Семиречье в VII—VI вв. до н. э., она в настоящее время не может быть подкреплена археологическим материалом. Передвижение групп населения в другие районы, не говоря уже о массовом переселении племен «с почти сформировавшейся культурой сакского типа»³¹, обычно устанавливается по выявлению там нового, не свойственного этой территории погребального обряда и других особенностей культуры пришлового населения. Однако ни в Семиречье, ни в Южном Казахстане памятников тасмолинской культуры, отличающихся довольно определенными признаками, пока не обнаружено. Курган «с усами», раскопанный мною в Таласской долине³² и относящийся к более позднему времени (IV—V вв. н. э.), также не подтверждает высказанной гипотезы, поскольку этот тип изредка встречается не только здесь, но и в других районах, например в Поволжье³³.

Не может также, по нашему мнению, считаться окончательно доказанной и интересная гипотеза А. Н. Бернштама, поскольку отождествление этнонимов «усунь» и «исседон» не дает, пользуясь выражением И. И. Умнякова, каких-либо исторических доказательств, «кроме

²⁴ А. Н. Бернштам. Основные этапы, стр. 358; С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая, стр. 176.

²⁵ К. Ф. Смирнов. Указ. работа, стр. 13—14.

²⁶ К. А. Акишев и Г. А. Кушаев. Указ. работа, стр. 16.

²⁷ I. A. Berthelot. L'Asie ancienne centrale et Sud-orientale d'après Ptolemée. Paris, 1930.

²⁸ А. Н. Бернштам. Указ. работа, стр. 359.

²⁹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. работа, стр. 15.

³⁰ «Очерки истории СССР», т. I, М., 1956, стр. 252.

³¹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. работа, стр. 134—135.

³² М. К. Кадырбаев. Исследование кургана с каменными грядками в Джамбулской области, стр. 89—97.

³³ И. В. Сивиницк. Памятники предскифской эпохи, стр. 158.

сходства звуков»³⁴, а некоторые исследователи прямо заявляют, что «ни одно из племенных названий, встречающихся у греко-римских авторов, не может быть даже приблизительно сопоставлено с термином усунь»³⁵.

Представляется, что данные Птоломея в различной интерпретации не могут в настоящее время объяснить ни отождествления исседонов с усунями, ни миграцию геродотовских исседонов из Центрального Казахстана в Семиречье и Восточный Туркестан.

В локализации аримаспов, этих легендарных племен Геродота, мы следуем за С. С. Черниковым³⁶.

Как известно, Геродот дает весьма неопределенную характеристику аримаспам и «стерегущим золото грифам», однако в двух местах четвертой книги (13, 26) он постоянно, вслед за Аристеем, помещает первых «над исседонами», что дает основание локализовать аримаспов в восточных районах Центрального Казахстана, вплоть до Иртыша. «Стерегищих золото грифов» — соседей аримаспов — почти все исследователи связывают с Алтаем³⁷.

Таким образом, краткий обзор наиболее достоверных, хотя и очень скудных, источников позволяет связать с Центральным Казахстаном три племенных названия: в северо-западной части — аргиппеев, в центральной части — исседонов и в восточной — аримаспов (рис. 1).

Следовательно, к носителям тасмолинской культуры можно отнести исседонов и аримаспов, допуская также возможность определения их как прямых потомков андроновских племен.

Вполне вероятно, что в создании тасмолинской культуры Центрального Казах-

стана активное участие принимали и аргиппеев.

Выяснение степени участия последних осложняется, как известно, той характеристикой, которую им дал Геродот: «говорят, что все они, как мужчины, так и женщины, плешивы от рождения, плосконосые и с большими челюстями...»³⁸.

Те монголоидные признаки, которыми Геродот наделил аргиппеев, пока не подтверждаются имеющимся антропологическим материалом. Правда, О. Исмагулов, изучивший небольшую крадио-логическую серию из Центрального Казахстана, отмечает на одном черепе, типа среднеазиатского междуречья, монголоидную примесь³⁹, но там она незначительна и не доминирует над европеоидной основой.

Может быть, в скором будущем, по мере накопления антропологического материала, специалисты вернуться к этому вопросу, поскольку значительное количество черепов с монголоидными примесями обнаружено недавно далеко на юге, в аспанакских памятниках Средней Азии⁴⁰.

В настоящее же время по интересующему нас периоду имеется 23 черепа разной степени сохранности. Предварительное определение О. Исмагулова показывает, что все они относятся к большой европеоидной расе.

Он же отмечает, что в основе антропологического типа местного населения эпохи раннего железа лежит тип, характерный для андроновского времени, постепенно подвергавшийся процессу грацилизации. Здесь речь идет об антропологической преемственности между населением андроновской культуры и племенами тасмолинской культуры.

Наблюдается также наибольшая морфологическая близость центральноказахстанских черепов с синхронной крадио-

³⁴ И. И. Умняков. Тохарская проблема. «ВДИ», 1940, № 3—4, стр. 186.

³⁵ Ю. А. Зуев. К этнической истории усуней. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. «ТИАЭ АН КазССР», т. 8, 1960, стр. 19.

³⁶ С. С. Черников. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. «КСИИМК», 1954, ЛП, стр. 49.

³⁷ С. И. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961, стр. 6.

³⁸ Геродот, IV, 23.

³⁹ Выражаю признательность О. Исмагулову, ознакомившему меня со своей рукописью «Череп из раннежелезного кургана «с усунями» Центрального Казахстана».

⁴⁰ С. П. Толстов. По древним дельтам Оксы и Яксарта. М., 1962, стр. 201.

логической серией из Восточного Казахстана и Алтая, а один из черепов, определенный вначале В. В. Гинзбургом, а затем и О. Исмагуловым, по ряду признаков занимает даже промежуточное положение между андроновским и тагарским типами.

Вместе с тем эта серия из Центрального Казахстана характеризуется смешанностью расового состава, что особенно заметно на женских черепах.

Возможно, в эпоху поздней бронзы происходили какие-то серьезные события, но для таких выводов нужна более многочисленная краниологическая серия.

Из определений антропологов наиболее важны для нас следующие три момента: во-первых, в изученных черепах наблюдается антропологическая преемственность племен тасмолинской культуры с предшественниками — андроновскими племенами; во-вторых, между

ними и серией черепов из Восточного Казахстана и Алтая имеется наибольшее морфологическое сходство, и, в-третьих, погребенные в курганах с каменными грядками не выделяются какими-либо особыми антропологическими вариациями, а составляют вместе с другим населением Центрального Казахстана единую этническую группу.

Как видно, антропологические данные в определенной степени подтверждают вывод, что создателями тасмолинской культуры следует считать местные европеоидные племена исседонов и аримаспов — прямых наследников андроновской культуры.

Кроме того, антропологическая характеристика в совокупности с археологическими данными свидетельствует о теснейших этнокультурных связях племен Центрального Казахстана с населением Восточного Казахстана и Алтая.

§ 2. СКОТОВОДСТВО И ВСАДНИЧЕСТВО

Со скифо-сакским временем связана целая эпоха освоения древним населением обширных степных и полупустынных пространств, господства у многочисленных племен, населявших европейские и азиатские степи, новой формы хозяйственной деятельности — скотоводства в его различных видах и формах.

Большое количество общих сведений о скотоводстве скифо-сакских племен дают античные и китайские письменные источники, начиная с Гомеровой «Илиады», упоминавшей гиппомологов — «донгелей кобылиц, питающихся кобыльим молоком»⁴¹, гесиодовского «Родословия богов». Геродот и Гиппократ, Эсхил, Аристотель и Аполлоний Родосский, Страбон⁴² и другие греческие авторы, а также многочисленные состав-

ители китайских хроник⁴³ при описании деталей быта, хозяйства скифов, саков, ирков, хуннов, усуней и т. п. неоднократно указывали не только на скотоводческое направление хозяйства многих племен, но и зачастую подробно описывали состав стада, отдельные виды животных, способы приготовления продуктов питания, обряды, жертвоприношения и т. д.

Все перечисленные и многие другие сведения, на которых нет необходимости в связи с настоящей темой останавливаться, страдают, как известно, отсутствием дифференцированности, они могут принести ощутимую пользу в том случае, если для каждого конкретного района их подкрепят вещественным, прежде всего остеологическим материалом.

Археологические исследования последнего времени показывают, что определения многочисленных скотоводческих племен только как кочевников, переходящих с места на место, «смотря по

⁴¹ Гомер. Илиада, гл. 18. М.—Л., 1935, стр. 355.

⁴² Геродот. История, IV, 26, 28, 46, 61, 63 и др.; Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 25; Эсхил. Прикованный Прометей, 735; Аристотель, VIII, 25; Страбон, VII, 3, 7. Цит. соч. в переводах В. В. Латышева. См.: «ВДИ», 1947, № 1.

⁴³ Н. Я. Вичурки. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. М.—Л., ч. I, II, 1950.

приволью в воде и траве», или повторяющиеся у античных авторов в различных вариациях фразы: «не земледельцы ведь они, а кочевники», «образ жизни ведут кочевой, скифский» являются слишком общими и не всегда дают правильное представление о типах и формах скотоводческого хозяйства.

Широко известно, что скотоводческое хозяйство как у древних, так и у более поздних племен и народов обширной зоны евразийских степей было не однотипным. Выбор той или иной формы скотоводческого хозяйства зависел от многих факторов, таких, как природные условия, степень и темпы социально-экономического развития, влияние оседлоземледельческих центров и др.

С. И. Руденко, основываясь на этнографических материалах, хорошо показывает различия между пастушеским (отгонным), полукочевым и кочевым скотоводством.

Если первые два типа основаны на постоянной оседлости и различаются тем, что у пастушеских племен со стадами кочевало сравнительно небольшое количество людей (пастухов), «а у полукочевых племен со стадами кочевали целые семьи (аулы) со всем движимым имуществом» с ранней весны до поздней осени, на небольшом расстоянии, то третий тип скотоводческого хозяйства отличается от первых двух большим радиусом кочевания всего рода или племени вслед за скотом⁴⁴.

Полукочевой тип скотоводческого хозяйства, если судить по довольно значительному количеству поселений и высокому проценту крупного рогатого скота в составе стада, был широко распространен у скифов Северного Причерноморья⁴⁵.

Наличие бревенчатых зимних сооружений, отмечаемое некоторыми исследователями Семиречья, и ряд других осо-

бенностей также свидетельствуют о полукочевом типе скотоводства у саков и усуней⁴⁶. У древних горноалтайцев, по С. И. Руденко, основной хозяйственной базой являлось пастушеское скотоводство⁴⁷.

Помимо этих типов, несомненно, существовали и другие варианты скотоводческого хозяйства. На один из них, основанный «на своеобразной кооперации его с земледельческим хозяйством...» Ферганской долины, обращает внимание С. С. Сорокин⁴⁸.

Однако перечисленные типы скотоводческого хозяйства — это лишь начало большой работы по выявлению многообразия вариантов и форм древней кочевой системы скотоводства у различных племен и народов.

Какой тип скотоводческого хозяйства существовал у населения Центрального Казахстана?

Здесь прежде всего необходимо учитывать физико-географические особенности района.

Территория Центрального Казахстана занята Казахской складчатой страной, состоящей из бесчисленного множества холмов, сопок, увалов и горных массивов. Самые значительные из них — Кызыл-Арай, Кент, Куу, Улутау, Каркаралыкские — достигают высоты 1300 и более метров над уровнем моря.

Большая часть складчатой страны расчленена многочисленными ущельями, межгорными понижениями, долинами рек, защищенными горами от ветров и богатыми травяным покровом (рис. 67).

Довольно многочисленные реки Центрального Казахстана, такие, как Нура, Ишим, Сары-Су, Токраун, Моңыты, Джамши, Оленты и некоторые другие, в большинстве непригодны для орошаемого земледелия, но благоприятствуют развитию скотоводства. Все они сравнительно неглубокие, с пологими берегами,

⁴⁴ С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. «МЭ», 1961, вып. 1, стр. 3—4.

⁴⁵ П. Д. Либеров. К истории скотоводства и охоты на территории Северного Причерноморья. «МИА», 1960, 53.

⁴⁶ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. работа.

⁴⁷ С. И. Руденко. Горноалтайские находки, стр. 50.

⁴⁸ С. С. Сорокин. Древние скотоводы Ферганских предгорий. «МЭ», 1961, вып. 1, стр. 31.

медленным течением, большим количеством плёсов. Доминирующим растительным компонентом степей Центрального Казахстана являются типчак и ковыль.

Климат Центрального Казахстана резко континентальный, зима здесь длится четыре-пять месяцев, однако снеговой покров незначительный, достигает в среднем около 20 см толщины и очень часто сдувается ветрами в межсочные понижения. Средняя температура воздуха самого жаркого месяца — июля — в южной и юго-западных частях +24—25°, на севере и северо-востоке +18,5—20°, а самого холодного месяца — января — соответственно — 13 и —15,6°. Средняя скорость ветра в северных районах Центрального Казахстана равна 4 м/сек, в южных — 5 м/сек⁴⁹.

Большая площадь злаковых степей, простирающаяся в широтном направлении, расчлененный рельеф, позволяющий при сильном ветре и непогоде укрывать в межгорных и межсочных долинах практически неограниченное количество скота, достаточное количество удобных водных источников, небольшой снежный покров, да и то сдуваемый с возвышенностей на пониженные места, — все это вместе взятое создавало благоприятные условия для развития кочевого скотоводческого хозяйства. Такое определение формы хозяйственной деятельности древних племен Центрального Казахстана подкрепляется и археологическим материалом.

При раскопках многочисленных курганов в насыпи, на перекрытии могильных ям или в захоронениях вместе с погребенными обычно находили кости двух видов животных: барана и лошади. И если определять видовое соотношение древнего стада по костному материалу, оставшемуся в погребениях, а

для нас это единственная возможность, то такой состав стада являет собой классический пример развития здесь кочевого скотоводства, близкого к той форме,

Рис. 67. Долина р. Шидерты.

которая господствовала в степях Северной Монголии, а до недавнего прошлого и у адаевцев Мангышлака.

Кочевое скотоводство, законченные и отчетливые формы которого известны в Центральном Казахстане с VII в. до н. э., уходит своими корнями (через предшествующий бегазы-дандыбаевский период) в андроновское время. Этот тип скотоводческого хозяйства явился объективным следствием поисков такой формы производства, при которой относительно низкий уровень техники не препятствовал дальнейшему социально-экономическому развитию всего общества в целом.

Выше уже говорилось, что при раскопках курганов обнаружено значительное количество костей лошади и барана. Наиболее определяемые из них подверглись изучению специалистов и представляют в связи с рассмотрением хозяйства большой интерес.

Ю. Н. Варминцев исследовал 12 конских черепов из жертвенника у с. Васильевки Целиноградской области (раскопки К. А. Акишева), несколько черепов и костей конских скелетов из моих раскопок

⁴⁹ См.: В. М. Кокорыгина. Карагандинская область. Алма-Ата, 1954, стр. 24.

1957 и 1958 гг. и часть скелета лошади из погребения у с. Малокрасноярки, раскопанного в 1952 г. С. С. Черниковым⁵⁰.

В. Ф. Матвиенко недавно изучила еще два конских и два бараньих черепа из раскопанных автором в 1960—1961 гг. курганов могильника Тасмола⁵¹.

Весь описываемый здесь остеологический материал относится к сакскому времени.

Лошади Васильевского жертвенника отличались большой, массивной головой и имели рост в холке 128—134 см, 135—140 см. Большинство из них было в возрасте от одного до четырех лет⁵². К этому же рядовому типу степной лошади относятся и кости из кургана 20 могильника Канаттас⁵³.

Иными оказались лошади из Малокрасноярского кургана и могильника Тасмола. Они были крупнее, в холке — 140—144 см.

Особенный интерес представляют два черепа из Тасмола. Оба они принадлежат жеребцам или меринам, причем возраст одного — 14—15 лет, другого 17—18 лет. Вазиллярная длина первого черепа, равная 500 мм, и второго — 495 мм, говорит нам, согласно таблице определения крупности форм В. О. Витта, о росте лошадей в холке 142—144 см⁵⁴. В. Ф. Матвиенко отмечает, что обе особи имели узкую и сравнительно легкую голову с круглыми и подвижными глазами, были приспособлены к пастбищному содержанию и в то же время относились к верховому типу лошадей, сходных с лучшими из современных адаевских жеребцов.

Таким образом, перед нами налицо два различных типа лошадей: один тип —

низкорослый, толстоногий, с массивной головой и широким туловищем, другой — сравнительно рослый, находившийся под седлом конного воина.

Чем объяснить такое различие? В определенной степени ответ на этот вопрос дает В. О. Витт, изучивший 56 лошадей из шести Пазырыкских курганов.

Всех пазырыкских лошадей он делит на четыре группы: первая группа состоит из лошадей ростом в холке от 146 до 150 см, вторая — от 140 до 146 см, третья — от 136 до 140 см и четвертая — менее 136 см⁵⁵. Как видно из изложенного, наиболее крупные из пока известных в Центральном Казахстане лошадей относятся ко второй группе В. О. Витта.

По вопросу происхождения первого и четвертого типов, т. е. рослых и мелких лошадей, существуют две точки зрения. С. В. Афанасьев⁵⁶ выдвинул гипотезу, согласно которой лошади среднего роста (136—144 см в холке) являются продуктом скрещивания местных лошадей (130—135 см) с крупными лошадьми, ввозимыми из Средней Азии и достигающими высоты 145—150 см.

Совершенно противоположное мнение о происхождении средних и рослых типов пазырыкских лошадей высказал В. О. Витт. Он считает, что местными алтайскими видами были лошади среднего, по его классификации, третьего типа (136—140 см), из которых выделились «в силу присущей виду изменчивости и в силу различных условий существования типы крайние (группы I и IV), поражающие нас своим контрастом». Появление крупных верховых лошадей он объясняет лучшими условиями кормления и содержания, отбором самых крупных экземпляров из молодняка под седло вожда и кастрацией жеребцов в молодом возрасте, что прибавляло 4—6 см роста вследствие увеличения длины конечностей⁵⁷.

⁵⁰ Ю. Н. Барминцев. Эволюция конских пород в Казахстане. Алма-Ата, 1958.

⁵¹ Приношу В. Ф. Матвиенко, ст. научному сотруднику Института экспериментальной биологии АН КазССР, глубокую благодарность за ее труд по изучению указанного краиологического материала.

⁵² Ю. Н. Барминцев. Указ. работа, стр. 21—22.

⁵³ Там же, стр. 23—24.

⁵⁴ В. О. Витт. Лошади Пазырыкских курганов. «СА», 1952, XVI, табл. 1 на стр. 172—173.

⁵⁵ Там же, стр. 173 и табл. 1.

⁵⁶ С. В. Афанасьев. К вопросу о происхождении типов лошадей. «Записки Детскосельской зоотехнической лаборатории», вып. 15, 1936.

⁵⁷ В. О. Витт. Указ. работа, стр. 177—178.

Надо отметить, что последнее замечание В. О. Витта совпадает с указанием Страбона, что у всех скифских и сарматских племен существовал обычай кастрации жеребцов⁵⁸. Это заявление Страбона подтверждает и археологический материал: в богатых погребениях всегда находят кости наиболее крупных коней.

Гипотезу С. В. Афанасьева в последнее время поддержал В. И. Цалкин. Он усомнился, что методом искусственного отбора можно создать из грубой степной лошади коней, экстерьер которых приближается к высокопородным лошадям Средней Азии⁵⁹.

Промежуточную позицию по вопросу происхождения крупного типа лошадей занял Ю. Н. Варминцев. Отмечая, что характерной чертой современного породообразования лошадей в Казахстане является скрещивание местных степных форм с завозными среднеазиатскими, он в то же время считает, что «если в более позднее время из местных степных форм не возникали формы крупных верховых лошадей, то это еще не означает, что такое явление было невозможно в период расцвета экономики и культуры кочевого хозяйства»⁶⁰.

Несомненно, ранние кочевники Центрального Казахстана были прекрасно осведомлены о «небесных» конях Давани⁶¹, высокопородных скаковых «золотисто-конных» лошадях Вактрии и какое-то количество подобных им лошадей ввозили, но главным источником производства строевых коней, таких как тасмолинские, мы также считаем искусственный отбор, производившийся в среде степных, табунных лошадей.

Еще одним подтверждением этого является проведенное Ю. Н. Варминцевым определение отдельных частей конских скелетов из могильника Лосевка (раскопки К. А. Акшлева, 1956), относяще-

гося к алакульскому времени андроновской культуры.

Исследование показывает, что уже в то время, отдаленное от рассматриваемого периода на 600—700 лет, на той же территории тип лошадей как по величине, так и по телосложению не был единым. Особенно важно, что различная высота в холке андроновских лошадей, колеблющаяся от 136 до 152 см⁶², говорит о существовании в предшествующий период тех же двух типов мелкой и крупной лошади, а это в свою очередь свидетельствует о богатом опыте породообразования, которым владели древние племена Центрального Казахстана задолго до перехода к кочевому скотоводству.

Лучшие строевые лошади ценились кочевниками чрезвычайно высоко и были, по-видимому, доступны только местной родоплеменной знати. Они являлись собственностью знатных конных воинов и доживали, как правило, до естественного возрастного предела. В случае смерти своего хозяина такие лошади сопровождали его в «потусторонний мир». Только этим можно объяснить захоронение в богатых тасмолинских курганах крупных старых лошадей 15—18-летнего возраста.

Некоторые центральноказахстанские лошади являлись лучшими центральноазиатскими экземплярами и уступали только некоторым наиболее крупным коням Пазырыка. Таких лошадей древняя Европа почти не знала. В. О. Витт⁶³, а за ним и В. И. Цалкин⁶⁴ упоминают раскопки в Витциле, по которым можно судить, что лошади римской кавалерии имели высоту в холке 136—140 см, и только самые крупные из них — цирковые лошади Виндониса — близки по размерам к центральноазиатским. Необходимо остановиться еще на одном существенном обстоятельстве.

Дифференцированным породообразованием местные племена исследуемой территории занимались и в послесакский период, в отличие от пазырыкских пле-

⁵⁸ Страбон. География, VII, фр. 4, 8.

⁵⁹ В. И. Цалкин. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МНА, 1960, 53, стр. 48.

⁶⁰ Ю. Н. Варминцев. Указ. работа, стр. 32.

⁶¹ Н. Я. Вичурин. Собрание сведений, 1, стр. 162.

⁶² Ю. Н. Варминцев. Указ. работа, стр. 18.

⁶³ В. О. Витт. Указ. работа, стр. 187.

⁶⁴ В. И. Цалкин. Указ. работа, стр. 44.

мен, у которых конское поголовье начало ухудшаться, мельчать в течение одного-двух поколений.

Что же произошло там, на Алтае?

В. О. Витт считает, что родиной древнего коневодства были районы, лежащие на параллели приуртышских степей, т. е., согласно древним преданиям Авесты, страна, «где самый длинный летний день равен двум самым коротким зимним». Именно оттуда, как он утверждает, пазырыкские племена привели с собой строевых коней, деградировавших вследствие суровых природных условий Алтая в очень короткий срок⁶⁶.

По-иному обстояло дело в «стране длинных летних дней», под которой можно подразумевать Центральный Казахстан.

Здесь верховой, улучшенный тип лошади известен даже для тюркского времени. Именно таким следует считать строевого мерина из Егиз-Койтаса. Это был конь под седлом, высотой в холке около 144 см, со сравнительно широкой, но легкой головой⁶⁷, ничем по существу не отличающийся от своих предшественников сакского времени — тасмолинских экземпляров.

Из изложенного следует, что на территории Центрального Казахстана начиная с эпохи бронзы существовала многовековая традиция искусственного выведения из ридовой массы степных лошадей верховых коней улучшенного качества. Эти навыки совершенствовались, видимо, вплоть до монгольского нашествия, когда общий упадок экономики скотоводческого хозяйства привел к деградации конского поголовья и исчезновению опыта дифференцированного породообразования.

В настоящее время у нас слишком мало остеологического материала, чтобы

судить о том, являлся ли Центральный Казахстан в сакское время поставщиком верховых коней, скажем, на Алтай. Там еще не обнаружены наиболее рослые лошади, подобные первому типу пазырыкских коней. Однако это вопрос времени и его выяснение зависит от накопления раскопочного материала, особенно по богатым курганам.

Не будет ничего неожиданного, если последующие археологические исследования на нашей территории подтвердят центральноказахстанское происхождение крупных лошадей Пазырыка.

Мы подробно остановились на характеристике одного, верхового типа лошадей. Но не этот тип, конечно, являлся определяющим в кочевом хозяйстве древних скотоводов. Им была сравнительно невысокая степная лошадь с довольно массивной головой, относительно короткими ногами, длинным и широким туловищем с пышным кожным покровом. По всем своим статьям она соответствовала обычной степной казахской лошади центральноказахстанского типа, всесторонне изученной Ю. Н. Варминцевым⁶⁷.

Находки большого количества бараньих костей в самых различных местах погребальных сооружений свидетельствуют о широком разведении овец, служивших основной мясной пищей тасмолинских скотоводов и, кроме того, дававших им шерсть, молоко и шкуры.

Два черепа, изученных специалистами, дали следующую картину.

Оба экземпляра принадлежат овцам (самкам) в возрасте около 4 лет. Основные промеры черепов (общая длина первого и второго соответственно 270 и 265 мм, основная — 256 и 250 мм, кондиллярная — 265 и 260 мм) показывают, что это были весьма крупные животные. Сильно выраженная горбоносость, вытянутость лицевого отдела и соотношение промеров с современными бараньими черепами позволили В. Ф. Матвиенко сделать вывод о их

⁶⁶ В. О. Витт. Указ. работа, стр. 190.

⁶⁷ Ю. Н. Варминцев допустил при описании егиз-койтасского коня ошибку, отнес его к погребению ранних кочевников. См.: Ю. Н. Варминцев. Указ. работа, стр. 22. Между тем это погребение VI—VII вв. н. э. Инвентарь и датировку погребения см. в моей статье: «Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана». «ТИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 184—186, 199.

⁶⁷ Ю. Н. Варминцев. Указ. работа, стр. 36 и след.

близости к современным казахским курдючным овцам.

Таким образом, овцам из тасмолинских курганов была присуща морфологическая приспособляемость к достаточно суровым климатическим условиям Казахского мелкосопочника. Им были свойственны типические черты, характерные для всех отродий курдючных овец: «курдюк, хорошие мясо-сальные качества, сезонно-возрастная скороспелость, стойкость в перенесении суровых условий, неутомимость в больших перегонах, способность к тебеневке и использованию скудных пастбищ, быстрый нагул, значительная молочность...»⁶⁸. Тот же исследователь заметил у тасмолинских черепов и другую чрезвычайно любопытную особенность.

Сравнение тасмолинских экземпляров с черепами современных курдючных овец показало, что они имеют более узкий лицевой и мозговой отделы, сильно развитые верхнечелюстные бугры и костные лицевые гребни, говорящие о довольно мощном развитии лицевых и жевательных мускулов. Кроме того, изученные овцы отличаются сравнительно большими глазными орбитами (43 × 48 мм) и хорошо развитыми бугорками косых глазных мускулов.

Эти особенности сближают их в зоологическом отношении (по строению черепа и сильно развитым рогам) с архаром (*ovis ammon*). По строению рогов они, вероятно, близки первому подвиду *ovis ammon* L., отмеченному для Казахстана А. В. Афанасьевым⁶⁹.

Таким образом, курдючные овцы в раннесакское время общераспространяют значительное сходство с дикими формами и, в частности, с архаром.

В настоящее время еще недостаточно материала для ответа на вопрос, чем объяснить подобную близость: искусственным породообразованием путем скрещивания диких форм с каким-то домашним видом или чем-либо другим.

⁶⁸ С. Н. Боголюбовский. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959, стр. 150—151.

⁶⁹ А. В. Афанасьев. Зоогеография Казахстана. Алма-Ата, 1960, стр. 98—99.

Отметим только, что архары как в древности, так и сейчас широко распространены в Центральном Казахстане: в горах Улутау, Кзыл-Арай, Чингизтау⁷⁰, а до недавнего прошлого их встречали и в более северных районах Казахского мелкосопочника⁷¹.

Носители тасмолинской культуры Центрального Казахстана были прежде всего пастухами и конными воинами. Поэтому в погребениях в большом количестве мы находим предметы конского убранства и вооружение. Как показывает инвентарь, для нашей территории характерна та же последовательность в развитии конского снаряжения и вооружения и та же хронологическая сменяемость конструктивных типов, что и для других скотоводческих культур евразийских степей.

М. П. Грязнов первый в отечественной археологии реконструировал древнее конское убранство. В двух своих работах⁷² он дал последовательное описание узды VII—VI и V—III вв. до н. э. на Алтае. Исследования в других районах нашей страны полностью подтвердили его выводы и, кроме того, позволили заметить различные местные варианты двух общих конструктивных типов узды. В настоящий момент, пожалуй, нет ни одного района распространения степных культур скифского времени, где бы исследователями не была создана реконструкция узды на местном археологическом материале. Для савроматов это сделано К. Ф. Смирновым⁷³, для племен южных районов Европейской территории СССР — А. А. Иессеном⁷⁴, для населения днепровского лесостепного левобережья — В. А. Ильинской⁷⁵.

В Центральном Казахстане в деталях известен пока первый, ранний конструк-

⁷⁰ Там же, стр. 99.

⁷¹ В. М. Алтунин. Млекопитающие Казахстана, т. 3. Копытные, Алма-Ата, 1941.

⁷² М. П. Грязнов. Памятники майянского этапа; его же. Первый Назарынский курган. Л., 1950.

⁷³ К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов, стр. 146, рис. 44.

⁷⁴ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках.

⁷⁵ В. А. Ильинская. Скифская узда VI ст. до н. э. (за материалами Посулла). «Археология», т. XIII, Киев, 1961, рис. 1 и 4.

тивный тип узды, датируемый VII—VI вв. до н. э. Он состоит также из двух ремней суголовья, скрепляющихся на затылке сложным узлом, намордного и подбородочного ремней.

На тасмолинских уздах прослежено несколько вариантов соединения суголовных ремней с удилами и псалиями. При первом варианте, когда имелись стремевидные удила с дополнительным отверстием и трехдырчатые псалии, суголовный ремень в щечной части разрезался на три полосы. Две полосы пропускали через крайние отверстия псалия и завязывали с внешней стороны простым узлом, а третью, среднюю, продевали сквозь дополнительное отверстие удила и закрепляли тем же простым узлом с внешней стороны среднего же отверстия псалия. Этот вариант является копией первого майэмирского типа⁷⁸. Ремень переноса в этом случае не скреплялся с псалиями, а сшивался с суголовным ремнем. К внешнему кольцу стремевидных удила прикрепляли повод.

В одном из курганов (Тасмола V, курган 6) сохранился кусок повода, благодаря чему можно восстановить технику крепления его с удильным кольцом. Плоский ремень шириной 2,5 см продевали через внешнее кольцо удила и складывали вдвое. В вдвоенном конце прорезали отверстие, сквозь которое пропускали второй, свободный конец повода. Проходя через полторасантиметровое отверстие, повод приобретал округлую форму сечением 1 см.

Второй вариант соединения суголовных ремней с удилами ничем принципиально не отличался от первого. Разница заключалась лишь в том, что стремевидные удила не имели дополнительного отверстия и средняя лента суголовного ремня соединялась со средним отверстием псалия прямо через стремевидное окончание.

Третий вариант хорошо известен по кургану 19 могильника Тасмола I и двум курганам из Тасмола V. Здесь

псалий своим центральным прямоугольным отверстием насаживался прямо на стремевидное окончание и скреплялся с ремнями суголовья только через два крайних отверстия (рис. 66, 24).

В курганах 2 и 3 могильника Тасмола V встречается своеобразная узда без псалиев. На одном экземпляре верхняя дужка стремевидных удила была перехвачена суголовным ремнем, оба конца которого выходили через удильное кольцо со щечной (внутренней) стороны головы лошади. Один конец становился суголовным ремнем, другой, переплетаясь с ним, уходил на переносе. По существу в скреплении с удилами участвовал целый суголовный ремень, один конец которого захватывал «полуудавкой» сначала одну верхнюю дужку удила, затем, уходя через переносе, второе кольцо удила и только после этого скреплялся на затылке лошади со вторым концом суголовного ремня. Другой экземпляр стремевидных удила, но с дополнительным отверстием также не имел псалиев. Суголовный ремень разрезали на две ленты. Одну из них продевали через дополнительное отверстие и там завязывали простым узлом, другая переходила на переносе и скреплялась со второй лентой другой половины суголовного ремня. Имели ли эти узды без псалиев какое-либо практическое назначение или они были сделаны на скорую руку специально для погребения, судить трудно.

Находки на лбу черепа лошади из кургана 3 (Тасмола V) золотой барельефной бляшки хищника и двух бронзовых наверший козлов у черепов лошадей из кургана 2 (Тасмола V) показывают, что в системе узды определенную роль играл налобный ремень. Когда он участвовал в сложной системе удержания массивных фигурок козлов на голове, он не уступал по ширине остальным ремням узды. Чаще всего налобный ремень, как и в пазырыкской узде, был тоньше других ремней, имел вспомогательный характер и употреблялся только для поддержания легких налобных украшений, таких, как тасмолинская золотая фигурка хищника.

⁷⁸ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа, стр. 10, рис. 3 (1).

При исследовании конских захоронений всегда бросается в глаза множество всевозможных пряжек, бляшек, пронизок и других предметов узда и сбруи. Общий вес некоторых уздечных наборов из могильника Тасмола достигает иногда одного килограмма и более (курган 19, Тасмола I и курган 2, Тасмола V).

В какой степени погребальная узда и седло отражают действительное применение этих предметов в жизни древних кочевников?

М. П. Грязнов, изучая богатый и многочисленный набор уздечек из первого Пазырыкского кургана, пришел к выводу, что они, как и седла, сделаны специально для погребений⁷⁷. С. И. Руденко считает, что в могилы клали подлинные узду и седло, а специально для погребений изготавливали только немногочисленные их декор⁷⁸.

Несомненно, что весь инвентарь конских захоронений независимо от того, делали ли его специально для погребений или в них клали чисто бытовой прибор управления конем, был адекватен вещам практического назначения. Другой вопрос, что не все они употреблялись в

тех комбинациях и в таком количестве, какими мы находим их в погребениях. Так, например, в кургане 19 (Тасмола I) удила имели явные признаки употребления их в жизни (сильная потертость внутренних колец), в то время как сплошная низка бронзовых бочонковидных бус (около 100 шт.) и бляшка с головой лося, разнообразные пряжки, найденные здесь, никаких следов износа не имели. То же самое мы наблюдали в кургане 2 группы Тасмола V, где укреплявшиеся на конских головах бронзовые навершия козлов не носили на себе следов употребления, а удила оказались потертыми. Находившийся здесь же псалий из маральего рога, материал которого в большей степени, чем бронзовые удила, подвержен износу, никаких следов его не имел.

Таким образом, определенная часть предметов богатого конского набора специально изготавливалась для погребения и дублировала действительно существовавшие в быту образцы конского убранства, но, несомненно, и в этом С. И. Руденко прав, что главные части узды до погребения нередко находились в употреблении.

§ 3. БРОНЗОЛИТЕЙНОЕ ИСКУССТВО И ТЕХНИКА ОБРАБОТКИ РАЗЛИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Разнообразные бронзовые, золотые, костяные, деревянные, железные изделия и украшения, находящиеся в большом количестве в курганах Центрального Казахстана, являются наглядным свидетельством высокого уровня развития металлургического производства, доставшегося в наследие от предшествующей эпохи бронзы, а также косторезного и деревообделочного искусства. В этом отношении население Центрального Казахстана не отставало от других скотоводческих племен скифо-сакского времени, а по интенсивности разработки богатых запасов медных, оловянных и золотых месторождений даже ушло вперед.

⁷⁷ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 54.

⁷⁸ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая, стр. 230.

Слава о металлических изделиях из бронзы и золота далеко перешагнула границы казахстанских очагов металлургии. Геродот, например, рассказывая со слов Аристея о легендарных аримасах, писал, что «вообще крайние страны, замыкающие и ограничивающие собой остальную землю, содержат в себе те предметы, которые считаются у нас самыми драгоценными и наиболее редкими»⁷⁹.

Приблизительные подсчеты, сделанные в разное время и различными специалистами, говорят об огромном масштабе работ, произведенных в древности по добыче меди, олова, золота. Так, И. П. Шангин вычислил, что из древних выработок Иммантауского месторождения вынута

⁷⁹ Геродот. История, III, 116.

3 миллиона пудов медной руды⁶⁰, а из Джезказганского и Успенского — соответственно 10 000⁶¹ и 200 000⁶² тонн. Следует отметить, что наибольшее количество этих руд добыто в раннесакское время. В работах о восточных районах Центрального Казахстана и Алтая С. С. Черников⁶³ показал, что древние скотоводы могли целиком удовлетворять свои потребности в меди, золоте и олове, эксплуатируя местные рудные месторождения. Нам нечего добавлять к той характеристике техники горного дела, приемов металлургии, которая известна по работам И. А. Антипова⁶⁴, Г. Н. Щербы⁶⁵, И. В. Валукинского⁶⁶ и др.

Литье — основной прием металлургии населения эпохи бронзы — продолжает существовать и у ранних кочевников, достигая совершенства.

Для отливки разнообразных бронзовых предметов использовали формы, сделанные из различного материала: глины, металла, резе камня.

О высоком мастерстве литейщиков свидетельствуют многочисленные и разнообразные формы удил, псалий, блюшек, художественных изделий, найденных в погребениях Центрального Казахстана.

⁶⁰ И. П. Шангин. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргиз-Кайсацкой степи в 1816 г. «Сибирский вестник», 1820, ч. IX, кн. 1, стр. 28.

⁶¹ В. А. Пазухин. Металлургия в Киргизской степи. М. — Л., 1926, стр. 143.

⁶² К. И. Сатпаев. О развитии цветной и черной металлургии в районе Карагандинского бассейна. «Народное хозяйство Казахстана», 1929, № 6—7.

⁶³ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

⁶⁴ И. А. Антипов. Рудные и каменноугольные месторождения Киргизской степи. «Горный журнал», 1892, т. I.

⁶⁵ Г. Н. Щерба. К истории горного промысла в Казахстане. «Вестник АН КазССР», 1946, № 1.

⁶⁶ И. В. Валукинский. Древнее производство меди в районе Джезказгана. «Известия АН КазССР», серия археологии, 1948, вып. 1; Л. Ф. Семенов. Наша область, стр. 27 и др.; С. В. Лопатин. Археологические памятники в Центральном Казахстане. «ТИАЭ АН КазССР», т. I, 1957, стр. 266.

Еще В. В. Радлов⁶⁷, А. М. Талыгрин⁶⁸ и М. П. Грязнов⁶⁹ установили достаточно сложное устройство литейных форм для отливки бронзовых стременидных и кольчатых удил. Реконструкция, данная ими, полностью подтверждается центральноказахстанским материалом. Все удила отливались в глиняных формах, которые затем разбивали, чтобы извлечь изделие. Именно поэтому нет экземпляров, абсолютно копирующих друг друга, что могло быть доказательством изготовления их в металлических или каменных формах.

Напротив, несколько обоймочек для перекрестия уздечных ремней настолько стандартно, что не возникает сомнения в их отливке в одной форме из какого-то твердого материала. В этом отношении особенно показательны две скульптурные фигуры тау-теке (Тасмола V, курган 2) на двукольчатой основе. Оба козла идентичны вплоть до мельчайших деталей. По этим изделиям можно познакомиться со способом их изготовления. Они создавались в два приема. Первоначально отливалась двукольчатая стойка-основа. Затем в двусторонней форме, на внутренних сторонах которой имелись неглубокие негативные изображения получаемого изделия и выступы, соответствующие свободному пространству между рогами и туловищем, между передними и задними ногами, отливалась фигурка козла. После этого первая форма или, скорее всего, уже извлеченная из нее двукольчатая стойка вводилась в небольшое литниковое углубление, имевшееся во второй форме, и таким образом соединялась с ногами козла. После остывания металла вторую разъемную форму снимали и все изделие подвергали дополнительной обработке. Вторая фигура козла была отлита тем же способом и в той же литейной форме.

⁶⁷ В. В. Радлов. Сибирские древности. «Материалы по археологии России», 1894, 15, стр. 119—121.

⁶⁸ А. М. Talligrin. Collection Tavostine des antiquites préhistoriques de Minoussinsk. Helsingfors, 1917, p. 53—54.

⁶⁹ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 45, рис. 18.

Разница в весе (2 г) между первым и вторым изделем объясняется более тщательной дополнительной обработкой одного из них.

Из какого материала изготавливались формы, подобные описанной?

М. П. Грязнов, исследуя минусинскую бронзу, пришел к выводу, что в тагарское время в качестве материала для литейных форм камень уже не употребляли⁹⁰. Ю. С. Гришина, изучив сотни бронзовых изделий на Южной Сибири, также не нашел явных доказательств употребления в тагарскую эпоху каменных литейных форм. Это объясняется трудоемкостью их изготовления и быстрым выходом таких форм из строя⁹¹. В этот период наибольшее распространение получают глиняные и металлические формы.

То же происходило и в Центральном Казахстане, но все же для изготовления небольшой части предметов каменные литейные формы еще продолжали употребляться, например формы из мягкого камня для отливки бронзовых наконечников стрел, на что уже давно обратил внимание В. Н. Граков⁹². Возможно, что и для изготовления тасмолинских козлов была использована каменная форма.

Нас убеждает в этом следующее. Во-первых, на фигурах козлов резко подчеркнуты выпуклые части плечевого пояса, ног, головы и угловатые грани на рогах. Кроме того, литейные швы имеют прямые четкие линии, что, по мнению М. П. Грязнова и Ю. С. Гришина, указывает на употребление камня в качестве материала для литейных форм. Во-вторых, небольшая глубина негативных изображений на обеих створках формы, всего по 0,5 см, способствовала более продолжительной эксплуатации формы,

она меньше была подвержена трещинам, чем другие каменные формы с более тонкими створками и большими углублениями.

Из более чем двухсот просмотренных бронзовых предметов, происходящих в настоящее время из Центрального Казахстана, можно допустить употребление каменной литейной формы для отливки еще одного предмета — головки лося из кургана 19 (Тасмола I). Во всех остальных случаях использовались глина и металл.

Помимо разнообразных сбруйных и уздечных плоских пряжек с рамковидными выступами и штырьками, литье которых производилось в простейших формах, многочисленных пронизок и обойм, отлитых в глиняных формах с разнофигурными сердечниками, нам известны бронзовые изделия сложной техники литья. К ним относятся три тасмолинских массивных бронзовых колокольчика с крупными, каплевидной формы язычками, подвешенными на поперечной планке круглого сечения, каркаралинские навершия козлов с длинными коническими втулками и боровской чекан, украшенный фигурой архара.

Бронзовые колокольчики отливали так называемым методом «утраченной модели». Сущность этого метода заключалась в первоначальном изготовлении восковой или из сальной модели, которую затем обкладывали слоем глины. После подсыхания глины вся форма нагревалась и место растопившегося оригинала занимал заливаемый металл. Такая техника литья бронзовых колоколов, достигавших иногда гигантских размеров, была широко распространена в средневековье⁹³.

Следует отметить, что тасмолинские колокольчики после отливки подвергались большой дополнительной обработке. Нужно было прежде всего пробить ромбовидные отверстия, на месте которых после извлечения из формы были только небольшие вдавления, углубленные на половину толщины тулова коло-

⁹⁰ М. П. Грязнов. Древняя бронза Минусинских степей. «Труды ОИПК». Эрмитаж, т. I. Л., 1941.

⁹¹ Б. Г. Тихонов и Ю. С. Гришина. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. «МИА», 1960, 90, стр. 147.

⁹² В. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел, стр. 79.

⁹³ Н. Оловягиншиков. История колоколов и колоколотейное искусство. М., 1912.

кольчиков. Изделие охлаждали, а затем пробивали отверстия, причем небрежно, что приводило к их неодинаковым размерам. Два больших колокольчика крепились на груди лошади при помощи массивных фигурных обойм. Через каждую пропускали по два ремня: первый занимал только широкую часть обоймы и выходил через два отверстия наружу; второй проходил через верхнее и нижнее отверстия, продевался сквозь ушко колокольчика и таким же путем возвращался обратно (рис. 17).

Иным способом, чем колокольчики, отлиты два каркаралинских наверший со втулками. Ю. С. Гришин подробно описывает технику изготовления минусинских колоколовидных наверший с фигурами стоящих козлов, чрезвычайно близких каркаралинским. В Южной Сибири в двустворчатую глиняную литейную форму, на обеих половинках которой воспроизведены симметричные половинки фигуры козла и втулки, вкладывалась глина — сердечник для получения пустого пространства как внутри самой скульптуры, так и во втулке и для расчленения отдельных частей тела животного⁹⁴. Надо полагать, что этот метод был известен не только в Южной Сибири, он был распространен и на других территориях, в том числе и в Центральном Казахстане.

Пока же мы можем сказать, что каркаралинские изделия отлиты несколько иначе, был применен более сложный вариант отливки. Здесь фигуры изготавливались также в двустворчатой форме, но не посредством введения вставки, а путем отдельной отливки правой и левой сторон предмета. В правую и левую створки, воспроизводящие соответствующие половинки изделия, вводили воск или сало, часть которого вытесняли накладываемой сверху глиняной матрицей. После нагревания обеих створок и удаления сала или воска туда вливали металл. После отливки двух половинок их спаивали. Только при такой технике отливки могли получиться ниспадающие

валики на обеих половинках предмета в тех местах, где их спаивали, и некоторая асимметричность самой фигурки, особенно заметная на втором полуразрушенном изделии.

Наш материал позволяет также воспроизвести довольно простой способ изготовления бронзовых зеркал. Для зеркал, по краю диска которых желали получить закраину, на одной половинке глиняной формы вытескивали круг глубиной 1—1,5 см. На второй делали круглый выступ чуть меньше диаметром, чем на первой створке, ровно настолько, насколько этого требовала толщина получаемого бортика. Тут же, в центральной части верхней створки, имелись углубление для ушка и стерженек. Сложенные вместе створки не соприкасались друг с другом из-за выступов нижней половины, служивших опорой для выемок верхней створки. Расплавленный металл заливали через льячную воронку, расположенную в верхней створке, в месте ушковой впадины. На верхней же створке, как показывает зеркало из кургана 19 (Тасмола I), делали негативные углубления, благодаря которым на тыльной стороне зеркала получался орнамент в виде выпуклых полуовальных швов (рис. 5, 10). Видимо, такой же техникой выполнены и другие, подобные тасмолинскому зеркалу, например майэмирского этапа на Алтае⁹⁵.

По-иному отлито зеркало с рукояткой, украшенной сверху сопоставленными головками козлов (курган 10, Карамурун I). Углубления для зеркала и рукоятки делались в одной створке, вторая же имела гладкую поверхность, за исключением небольшой впадины с вставленным в нее плоским стерженьком для получения ушка. Для изготовления козлиных голов предназначалась другая двустворчатая форма, плотно и тщательно подогнанная к первой в месте окончания рукоятки зеркала. Эта вторая, приставочная формочка имела и самостоятельное назначение. В ней, например, была отлита бляшка с тем же

⁹⁴ В. Г. Тихонов и Ю. С. Гришин. Указ. работа, стр. 166—167.

⁹⁵ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа, рис. 4 (10, 11, 12) на стр. 11.

изображением сопоставленных голов козлов (рис. 51, I).

Некоторые изделия художественной бронзы изготовлялись в двусторчатых формочках по готовому оригиналу. Примером может служить рамковидная блиха со сценой нападения хищника на верблюда из кургана I могильника Карамурун II (рис. 64). Изображение получали путем вытискивания на матрице выпуклой, а на патрице — вогнутой стороны блихи, после чего в соединенные створки заливали металл.

Техника литья бронзового оружия не имела в Центральном Казахстане каких-то особых, присущих только ей черт. Так же, как и в скифо-сарматском вооружении, тут использовали двусторчатые и трехстворчатые литейные формы, наиболее полная реконструкция которых была предложена В. Н. Граковым еще в тридцатых годах⁹⁶.

Первая, двусторчатая форма применялась для изготовления двуперых втульчатых наконечников стрел разнообразной формы. Во второй, трехстворчатой форме отливались трехперые и трехгранные наконечники. Следует добавить, что обе формы в Центральном Казахстане были распространены одинаково и в более раннее время, чем в собственно Скифии и Сарматии.

На многих втульчатых двуперых и трехперых наконечниках Центрального Казахстана также имеются рваные отверстия, по поводу которых в свое время шла широкая дискуссия. Эти отверстия большинство авторов считали результатом сознательной работы литейщика, и весь спор велся по существу из-за их практического назначения.

Д. Н. Анучин⁹⁷ и Э. Э. Ленц⁹⁸ полагали, что отверстия предназначались не для яда, а для привязывания наконечника жилами к древку. В качестве дополни-

тельного доказательства Э. Э. Ленц приводит отрывок из «Илиады», где раненого Менелая успокаивает то, что стрела воцелилась в него только острием, а «жила и зубы» остались снаружи⁹⁹. Разделяла их мнение и Е. Придик, изучившая инвентарь Мельгуновского клада¹⁰⁰.

Е. Е. Тевяшов, напротив, утверждал, что эти отверстия предназначались для выталкивания из наконечника сломанного древка¹⁰¹. В ответной статье Э. Э. Ленц высказал предположение, что эти отверстия — результат литейного брака¹⁰².

В. Н. Граков после тщательного исследования убедился в правоте последней гипотезы Э. Э. Ленца и привел ряд важных дополнительных доказательств¹⁰³. В своей работе он приводит реконструкцию двух приемов изготовления втулок: при первом глиняный стержень вводился в виде остро отточенного карандаша в двусторчатую литейную форму; при втором, описанном еще А. М. Тальгреном, формочка сама насаживалась на глиняные конусовидные стержни, закрепленные на подставке¹⁰⁴.

В обоих случаях изготовления втулок, особенно в первом, самый незначительный переко стержня приводил к образованию отверстий различной формы и диаметра. Только так можно объяснить разнообразие форм и различное расположение отверстий на втулках центральноказахстанских наконечников. Следует добавить, что на этой территории нам неизвестны наконечники, отверстия которых хотя бы приблизительно совпадали друг с другом. Конечно, не исключена возможность употребления таких дефектных наконечников для привязывания их к древкам или использования в качестве ядовитых стрел, однако это

⁹⁶ Э. Ленц. Указ. работа, стр. 66, сноска 2.

⁹⁷ Е. Придик. Мельгуновский клад 1763 г. «МАР», 1911, 31, стр. 19.

⁹⁸ Е. Е. Тевяшов. О назначении боковых отверстий на втулках бронзовых наконечников скифских стрел. «ЖМНП», 1910, стр. 61—79.

⁹⁹ Э. Ленц, Н. Веселовский. По поводу статьи Е. Е. Тевяшова. «ИАН», 1911, 40, стр. 163—164.

¹⁰⁰ В. Н. Граков. Указ. работа, стр. 83.

¹⁰¹ Там же, рисунок на стр. 8 и рис. 9.

⁹⁶ В. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел.

⁹⁷ Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах. «Труды V Археологического съезда в Тифлисе», т. I, стр. 405.

⁹⁸ Э. Ленц. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ села Журовки Киевской губернии. «ИАН», 1905, 14.

уже другое, вторичное, «внеплановое» использование.

Для раннесакского времени известны и случаи отливки некоторых типов вооружения со втулками, в которых специально были предусмотрены отверстия. Примером могут служить два втульчатых наконечника копий из случайных находок Якутии¹⁰⁵. В. Г. Борисов, ознакомившись нас с ними, считает, что они были сделаны для навешивания сломанного древка из длинной втулки копья. Действительно, для такого крупного вида оружия, как копье, необходимы отверстия для выталкивания сломанного древка. Но В. Г. Борисов неправ, когда, ссылаясь на Е. Е. Тевяшова, говорит то же самое о наконечниках стрел¹⁰⁶.

Возвращаясь к технике изготовления наконечников стрел, отметим, что большинство центральноказахстанских наконечников по выходе из формы подвергалось дополнительной заточке и подправке. Заточка лопастей производилась, как полагает В. Н. Граков, на шероховатом точиле или напильником¹⁰⁷. В Центральном Казахстане, в отличие от Скифии, затачивали не только двухлопастные, но и трехлопастные черешковые наконечники. Нет следов подправки только на двухлопастных с шипом и на наконечниках со сглаженными лопастями, а из второй группы — на трехгранно-треперых и трехгранных черешковых. Именно двум последним формам наконечников, не требующим большой дополнительной обработки, и суждена была относительно долгая жизнь, вплоть до V и IV вв. до н. э., когда они были окончательно вытеснены трехперыми втульчатыми наконечниками стрел упрощенного типа.

Определенных успехов древние скотоводы достигли и в производстве золотых ювелирных изделий, хотя последних известно небольшое количество. При изготовлении золотых украшений широко использовалось дерево.

¹⁰⁵ А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. 1, М. — Л., 1955, стр. 178, рис. 61(3); В. Г. Борисов. Меч и копье из Якутии. «СА», 1961, № 2, рис. 2.

¹⁰⁶ В. Г. Борисов. Меч и копье, стр. 240.

¹⁰⁷ В. Н. Граков. Указ. работа, стр. 83—84.

Судя по четырем золотым односторонним фигуркам хищников из курганов группы Тасмола V (рис. 63), этот процесс происходил следующим образом. Первоначально из дерева вырезали барельефную фигурку хищника, затем клали на нее тонко прокатанный золотой лист самой разнообразной толщины, от 0,3 до 0,1 мм, и выдвигали изображение, имевшееся на деревянной основе.

Для всех четырех тасмолинских предметов были сделаны самостоятельные деревянные матрицы различного размера. Самая большая из них достигла 20 см², самая малая — 2,5 см². В трех фигурах заметна некоторая небрежность при изготовлении, явившаяся результатом накладки золотого листа несколько больших размеров, чем этого требовала деревянная основа.

Получившиеся при этом складки при дополнительной обработке заглаживались в трехслойные подборы. На две выпукло-вогнутые золотые бляшки впоследствии были напаяны с тыльной стороны небольшие петельки (для подвешивания) из плоской ленты.

Техника обкладки золотым листом деревянных предметов и украшение их пунсоным геометрическим орнаментом, выбитым на деревянной подставке, известны также по раскопкам Сыра-обы¹⁰⁸.

Древние скотоводы были также знакомы с техникой прокатки и спайки довольно толстого золотого листа (0,6 мм), равно-

Рис. 68. Золотое навершие из кургана 6 могильника Тасмола V. Натуральная величина.

¹⁰⁸ М. К. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников, рис. 23.

мерным вытягиванием круглой в сечении золотой проволоки и украшением полученных предметов ромбовидными вдавлениями в сложном шахматном порядке (рис. 68).

Широкое распространение в быту получило также камнерезное и косторезное искусство. Уже говорилось о большом количестве точильных камней и каменных блюд, найденных в курганах. Следует сказать, что резьба по камню достигла в

жила стекловидная паста сложного обжига с добавлением окиси меди и охристого состава и какая-то фарфоровидная масса типа египетского фаянса. Пастовые бусины — преимущественно биколической и шаровидной формы, с сильно усеченными торцовыми поверхностями, но есть несколько бусин цилиндрической и шаровидной формы. Некоторые бусы шаровидной формы имеют желобчатую поверхность и покрыты свер-

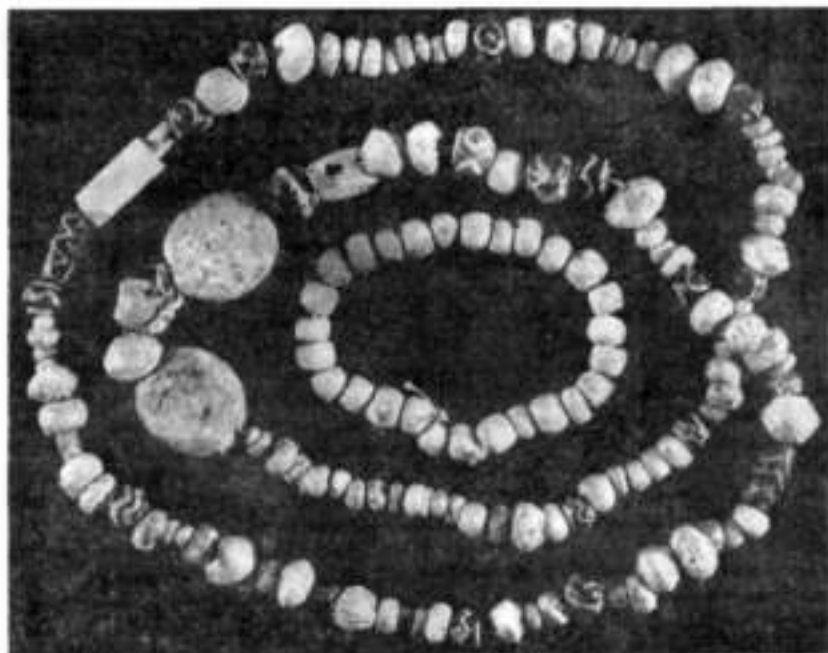

Рис. 69. Ожерелье из бус, курган 6 могильника Тасмола V. Чуть меньше натуральной величины.

раннесакское время совершенства. Древнему населению Центрального Казахстана была широко известна техника одно- и двустороннего сверления и шлифовки абразивных материалов, а также искусный выбор и обработка песчаника для выделки жертвенников.

Вызывает интерес коллекция бус из Центрального Казахстана, насчитывающая более 200 разнообразных по форме и материалу экземпляров (рис. 69). Материалом для большинства из них слу-

жу, при помощи клея, каким-то составом серебристого цвета, возможно, мусковитом (белая слюда), придающим бусинам особенно привлекательный и нарядный вид. Наиболее крупные бусины плоской эллипсоидной формы сделаны из крупных морских раковин.

В ожерельях из пастовых бус встречается значительное количество каменных бусин из бирюзы, голубого и голубовато-зеленого цвета и сердолика. За исключением нескольких, довольно крупных ци-

цилиндрической формы бусин, вся остальная бирюза представлена миниатюрным бисером диаметром до 2—3 мм. Судя по нескольким разрезам, бусины из раковины и крупной бирюзы были просверлены штифтовым стержнем или трубкой, рабочая поверхность которой затравлена абразивным порошком. Подобные методы сверления, установленные Г. Г. Леммлейном¹⁰⁹, были широко распространены на Кавказе, в Причерноморье, Месопотамии и Индии задолго до раннесакского времени.

Особый интерес представляет серия из 30 сердоликовых бусин. Большинство из них шаровидной формы и только две — цилиндрической. Малый диаметр отверстия (1 мм), ровные и длинные стенки канала указывают на то, что сверление их производилось металлическим штифтом или трубкой с закрепленным на конце алмазным осколком. Поверхность всех бус ornamentирована белыми линиями геометрического рисунка различных сочетаний. Технике изготовления бус из сердолика, халцедона, агата и других материалов, характеристике и классификации форм их посвящено большое количество литературы¹¹⁰. Очень внимательно этот вопрос изучал Г. Бек, составивший на основе исследования коллекции из раскопок Таксилы (Индия) таблицу по классификации типов и форм бус¹¹¹.

Одним из первых, кто заинтересовался технологией изготовления бус из полудрагоценного камня с нанесенным на них белым рисунком, был Е. Маккей. Он

описал способ нанесения белого рисунка на сердоликовые бусы¹¹².

Г. Беком позже были установлены три варианта техники нанесения рисунка на поверхность каменных бус¹¹³.

Геометрический орнамент на тасмолинских сердоликовых бусах был сделан методом, получившим в Месопотамии (Киш, Ур) и в Индии (Чанху-Даро, Таксила) наибольшее распространение. Сущность его (первый вариант, по Г. Беку) состояла в том, что на гладкую поверхность бусины сильным содовым раствором с последующим обжигом наносили рисунок. Г. Бек добавляет, что щелочь при таком технологическом способе проникала иногда столь глубоко в материал, что это приводило к ошибочному мнению, будто для таких белых узоров сначала требовалась гравировка¹¹⁴.

Каково происхождение каменных рисунчатых бус?

Прежде всего сердоликовые бусы, ornamentированные содовым раствором, являются одним из наиболее ранних типов на территории нашей страны. Они датируются по инвентарю VII—VI вв. до н. э., среди которого находятся бронзовые стремевидные удила с дополнительным отверстием (Тасмола V, курган 6). Только крайне небольшое количество их известно на территории Советского Союза в столь раннее время¹¹⁵. Такого типа бусы в массе появляются в Закавказье, Причерноморье и других районах, если судить по Г. Г. Леммлейну¹¹⁶ и Н. Н. Погребовой¹¹⁷, только в позднеэллинистическое время наряду с огромным количеством полихромных стеклянных бус.

¹⁰⁹ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. «КСИММК», 1947, XVIII, стр. 24, рис. 7 (2—3).

¹¹⁰ I. D. Mc Guire. A study of the Primitive Methods of Drilling. Report U. S. Nat. Mus., 1894; H. C. Beck. Classification and Nomenclature of Beads and Pendant. Archaeologia, t. 77, 1928; H. C. Beck. Ethed carnelian Beads. Antiquaries Journal, vol. XIII, 1933, № 4, p. 382—398; Г. Г. Леммлейн. Опыт классификации форм каменных бус. «КСИММК», 1950, XXXII; M. G. Dikshit. Ethed beads in India. Deccan college Monograph series, 4. Poona, 1949.

¹¹¹ H. C. Beck. The beads from Taxila. Memoire of the Archaeological survey of India, № 65, Calcutta, 1941, pl. XI—XII.

¹¹² E. Mackay. Decourated carnelian beads. Man. XXXII, № 150, 1933; его же. Beads making in ancient Sind India. Am. orient... 1937, S. 57.

¹¹³ H. C. Beck. The beads from Taxila... p. 2—5.

¹¹⁴ Op. cit..., p. 2—3.

¹¹⁵ К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. Сарматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963, табл. 27(28).

¹¹⁶ Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус, стр. 29.

¹¹⁷ Н. Н. Погребова. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского. «МИА», 1961, 96, рис. 38(24) на стр. 170 и 173.

Все известные аналогии тасмолинским бусам уводят в Индию, где в интересующий нас период и много раньше существовало большое количество мастерских по производству бус подобного типа. Приведенные в книге Г. Века образцы убеждают, что именно оттуда путем обмена попадали в Центральный Казахстан рисунчатые бусы¹¹⁸. Находка А. Н. Верштамом на Памире (Чон-алай, Дараут, курган 2; Ак-бейт II, 7) нескольких сердоликовых бусин в курганах II—I вв. до н. э.¹¹⁹ показывает, что они проникали из Индии и в более позднее время.

Некоторые мотивы индийского орнамента, видимо, не исчезли окончательно и после замены каменных бус в начале I тысячелетия нашей эры более дешевым и массовым стеклянным материалом, а продолжали существовать в новом качестве. Я имею в виду орнамент, состоящий из круга с точкой посередине, известный еще по тасмолинским архаичным бусам и часто встречающийся на позднейших стеклянных бусах, например в Таджикистане. Е. М. Пещерева показывает, что здесь, вплоть до последнего времени, цветные глазчатые стеклянные бусы носят название «чашми» (от таджикского «чашм» — глаз, сглаз) и употребляются в качестве оберега для детей¹²⁰.

Несколько десятков костяных изделий, добытых из погребений, позволяют судить о технике обработки кости и развитии косторезного искусства у населения Центрального Казахстана.

Древние скотоводы использовали в качестве материала неисчерпаемое сырье, которое им давала сама форма хозяйст-

ва. Дополнительным источником добычания кости и рога была охота.

Естественно, что находки костяных изделий в погребениях являются лишь небольшой частью того многообразия предметов, которое существовало в действительности, и не могут полностью отобразить набор употребившихся в древности форм и видов косторезного искусства. И тем не менее они дополняют наши скудные знания по этому вопросу.

Не весь костяной материал легко поддается видовому определению. Некоторые предметы настолько зашлифованы и отделаны, что трудно узнать, материалом какого животного пользовался мастер, например, при изготовлении костяных фигурных накладок из пяти сомкнутых колец (рис. 22). То, что удалось определить, показывает, что в обработку шли прежде всего трубчатые кости лошадей, баранов и маралов, грифельные косточки лошадей и рога маралов и диких коз.

Все кости перед обработкой распаривали, чтобы достичь наибольшего производственного эффекта при их резке. Так делали, согласно Павсанию и Плутарху, со слоновой костью древние греки, племена дьяковской культуры¹²¹, а в недавнем прошлом — многие народы Севера¹²².

При выделке разнообразных украшений использовался набор острорежущих металлических орудий, следы которых впоследствии уничтожались тщательной шлифовкой на песчаниковых точилах. Такой техникой выполнены все плоско-рельефные и полуюбъемные накладки, пронизки, костяные проколки и т. д. На вершине одной из костяных проколок (Карамурун I, курган 4) после резьбы ножом было дополнено двумя тонкими гравированными линиями в виде стилизованных глаза и клюва, заполненных затем охрой (рис. 70). ♣

¹¹⁸ Н. С. Век. *Op. cit.*, pl. II, 9—10.

¹¹⁹ А. Н. Верштам. Историко-археологические очерки... вклейка на стр. 300—301 (129). Любопытна абсолютная аналогия восьмеркообразного орнамента на памирской бусине, которую А. Н. Верштам считает «амулетом от глаза» (Указ. работа, стр. 302 и рис. 2 на вклейке), орнаменту на сердоликовой бусине из Таксилы у Г. Века, *op. cit.*, pl. II, 15.

¹²⁰ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии. «Труды ИЭ им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. X, II, М.—Л., 1959, стр. 80.

¹²¹ С. А. Изюмова. Техника обработки кости в дьяковское время и в Древней Руси. «КСИМК», 1949, XXX.

¹²² В. Богораз. Очерк материального быта оленных чукчей. СПб., 1901.

Особенным совершенством выделки, тонкой ювелирной работой отличается роговая пряжка из кургана 3 могильника

Рис. 70. Изделия из рога и кости. В 1,5 раза больше натур. величины.

Тасмола V (рис. 62). Материалом для нее послужила наиболее широкая часть марального рога. От него был отколот и затем обработан подправкой кусок дли-

ной 5,5 см, шириной 4 см и толщиной 0,6 см, причем вся естественная конфигурация этой части рога была сохранена. Из полученного куска ножом вырезали фигуру в виде стилизованной головы грифона. Затем на отшлифованной выпуклой поверхности изделия намечали контуры мчащегося кабана, голов трех козлов, волка и, возможно, лося. После этого линии нанесенных изображений с обеих сторон вырезали острым орудием до глубины 1—1,5 мм. О мастерстве древнего умельца, создавшего эту пряжку, говорит сама система расположения фигур животных. Ни один сантиметр площади не оказался свободным.

Помимо таких плоскорельефных, слабо моделированных украшений известны и более грубые костяные изделия практического назначения. К ним прежде всего относятся псалли с тремя просверленными отверстиями, делавшиеся из оленьих, срезанных в периферийной части рогов и трубчатых костей лошади (рис. 19, 3, 4). Поскольку концы оленьих рогов имеют довольно плотную структуру и с трудом поддаются обработке, то вначале их, очевидно, распаривали так же, как и трубчатые кости.

Появление в могилах железных изделий служит неоспоримым доказательством знакомства населения Центрального Казахстана с этим металлом по крайней мере с VII—VI вв. до н. э. В настоящее время, в связи с относительно небольшим количеством найденных железных предметов, трудно судить о масштабах обработки железа и его распространении. Тем не менее уже сейчас известны две сферы его применения. Из железа способомковки изготовляли ножи двух типов: с кольцом на рукоятке и без него, а также псалли и уздечные блишки.

Уникальными являются железные псалли, блишки для перекрестия ремней и другие железные уздечные украшения, инкрустированные фигурными золотыми полосками толщиной до 1 мм (рис. 71, 72). Техника изготовления этих железных блишек со спирально-вихревым орнаментом не представляла чего-то необычайно сложного. Сначала при

помощи ювелирного зубильца и молоточка на внешней поверхности железной бляшки выбивали неглубокие спиралеобразные желобки. В подготовленное таким образом «спирально-вихревое ложе» вставляли тонко прокатанные и фигурно вырезанные золотые полоски и затем вбивали молоточком. Техника насечки, первые образцы которой известны теперь для VI в. до н. э., широко практиковалась и в последующее, более позднее время. Через два с лишним тысячелетия мы видим ее, без каких-либо существенных изменений, в числе основных видов ювелирного производства у

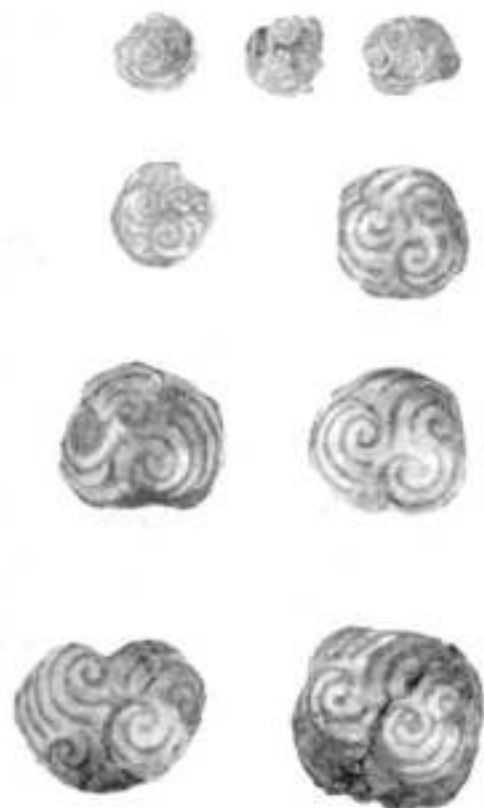

Рис. 71. Железные удочные бляшки, инкрустированные золотом, из кургана 3 могильника Тасмола V. *Итур, величина.*

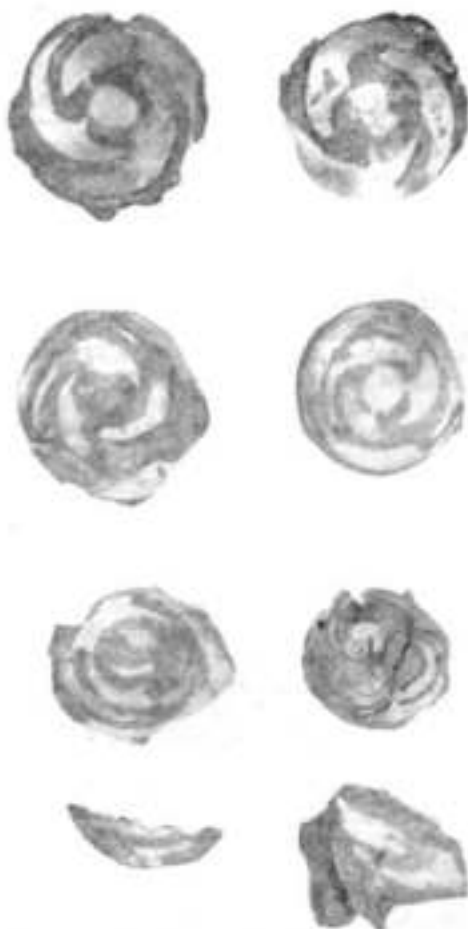

Рис. 72. Железные удочные бляшки, инкрустированные золотом, из кургана 3 могильника Тасмола V. *Итур, величина.*

казахских мастеров-зергеров (ювелиров)¹²².

Великолепная серия современных ювелирных изделий подобного типа является своеобразным венцом достижений древнего прикладного искусства, бережно передаваемого «золотых рук» мастерами из поколения в поколение.

¹²² В. В. Востров. Некоторые изделия казахских мастеров-зергеров. «ТННАО АН КазССР», 1959, т. 6; Э. А. Масанов. Кузнечное и ювелирное ремесла в казахском дуле. «ТННАО АН КазССР», т. 12, 1961.

Переход к качественно новой системе хозяйства — кочевому скотоводству — повлек за собой крупные коренные изменения не только в хозяйственной деятельности, материальной культуре, быте, но и в социальных отношениях и мировоззрении древних скотоводов Центрального Казахстана.

В раннесакское время на исследуемой территории уже не встречаются обширные родовые кладбища, столь характерные для эпохи бронзы. Топографической особенностью отдельных могильников рассматриваемого времени является сравнительно небольшое количество составляющих их курганов.

И здесь мы сталкиваемся с, казалось бы, противоречивым явлением. Если подсчитать количество андроновских погребений в каком-либо могильнике, то их будет всегда больше, чем курганов в могильнике ранних кочевников. Более того, в настоящее время на территории Центрального Казахстана андроновских погребений открыто и исследовано намного больше, чем курганов эпохи раннего железа.

Между тем хорошо известно, что с переходом к кочевому скотоводству, в силу его экстенсивности и возможности более полного удовлетворения потребностей населения в мясе, молоке и других продуктах, должен был происходить более значительный прирост населения.

Может ли такое положение свидетельствовать о «запустении» этой территории в сакское время? Нет, поскольку оно лишь указывает на различную топографию курганных могильников ранних кочевников и андроновских кладбищ.

Известно, что все могильники и поселения андроновской культуры локализируются непосредственно по краю надпойменных террас небольших степных рек. Там их действительно больше, чем памятников любой другой эпохи. Напротив, основным районом расположения курганов эпохи раннего железа является открытая степь. Тут налицо обратное количественное соотношение. И если мо-

гильники ранних кочевников все же встречаются в значительном количестве у берегов степных рек, то поселений и погребений эпохи бронзы, удаленных от берегов на 1—2 км, как правило, нет. Так, например, А. М. Оразбаевым, исследовавшим в течение двух полевых сезонов 150-километровый прибрежный участок р. Шидерты (Карагандинская и Павлодарская области), был открыт и раскопан только один могильник андроновского времени, насчитывающий около 60 погребений в каменных ящиках. На том же участке мною обнаружено и раскопано несколько разбросанных курганных групп, объединявших более 200 памятников. Из них 63 кургана, относящиеся к сакскому времени, были описаны в первой главе. К тому же, если учесть, что поиски курганов производились в двухкилометровой зоне по обоим берегам р. Шидерты (зона строительства трассы канала Иртыш — Караганда) и не охватывали других курганов, отдаленных от берегов, то количество погребений сакского времени возрастет во много раз.

Однако для нас важен сейчас такой вопрос: чем объяснить сравнительно небольшое количество курганов в каждом отдельном могильнике ранних кочевников?

Как показывают новейшие исследования, в предшествующее рассматриваемой эпохе время первичной ячейкой андроновского общества являлась большая патриархальная семья, или, что одно и то же, патриархальная семейная община, внутри которой, по крайней мере в позднеандоновское время, намечался процесс частичного обособления индивидуальной или малой семьи¹²⁴.

В эпоху бронзы произошло еще одно важное событие — возникла личная и затем отдельная собственность. Первым некоторые заключения по этому вопросу

¹²⁴ В. С. Сорокин и др. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутақ I в Западном Казахстане. «МИА», 1962, 120, стр. 93—101.

сделал М. П. Грязнов, он зафиксировал единственный случай разграбления дадыбаевского погребения современниками захороненного и обратил внимание на тамги — знаки личной собственности на глиняных сосудах и некоторых бронзовых предметах карасукского времени¹²⁵.

Позднее В. С. Сорокин на новом материале выявил факт семейного производства целой серии глиняных сосудов и, таким образом, установил существование индивидуальной семьи в составе патриархально-семейной общины для более раннего андроновского времени¹²⁶.

Нет необходимости подробно останавливаться на результатах, полученных исследователями при изучении социально-экономической структуры андроновского общества. Отметим только как доказанное, что большая патриархальная семья в эпоху бронзы являлась не только господствующей формой хозяйственных и семейно-брачных отношений, но и была вовлечена в общий поток дальнейшего социально-экономического развития¹²⁷. Хозяйственная обособленность семейной общины в рамках старой родовой организации была закреплена и в погребальном обряде, когда на общем родовом кладбище андроновского времени стали сооружать отдельные усыпальницы большой патриархальной семьи.

Более глубокие сдвиги в социальной структуре древнего общества произошли в эпоху ранних кочевников. К этому времени в Центральном Казахстане уже исчезают обширные родовые кладбища, уступая место небольшим курганным группам, являвшимся погребальными комплексами семейной общины. Небольшая концентрация курганов в отдельных могильниках, удаленных друг от друга на значительные расстояния, отражает уже совершившийся акт хозяйственного обособления патриархальной семьи от родового коллектива, и если в эпоху бронзы такое обособление

было условным, мало затрагивающим наиболее консервативную сторону — погребальный обряд, то в эпоху ранних кочевников оно стало безусловным.

Кроме того, для этого времени можно предположить и изменение самого характера семейной общины. В условиях экстенсивной формы ведения скотоводческого хозяйства семейная община образовалась из совокупности малых, индивидуальных семей и явилась своеобразной кочевой патримонией, сохранявшей «в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство»¹²⁸. Такое определение в значительной степени объясняет двойственный характер общественной структуры, сложившейся у ранних кочевников в период окончательного разложения первобытнообщинного строя и возникновения классовых отношений и характеризующейся борьбой двух начал: частнособственнического и коллективистического. Археологическим свидетельством развития в этот период частной собственности у отдельных семей являются многочисленные факты разграбления могил современниками¹²⁹. Подобное наблюдалось и в Казахстане (Тасмола V, курган 2). Такая система могла существовать только в том случае, если награбленные ценности владелец мог сбыть, минуя общиннородовой обмен¹³⁰.

Выделение и обособление индивидуальных семей в составе общины должно было наложить какой-то отпечаток на погребальный обряд и топографию могильников, однако уловить это на имеющемся материале пока не удается. В этой связи определенный интерес мог бы представить такой, например, могильник, как Кзылауз в Семиречье¹³¹, если рассматривать его как кладбище семейной общины.

¹²⁵ М. П. Грязнов. Памятники карасукского времени в Центральном Казахстане. «СА», 1952, XVI, стр. 160.

¹²⁶ В. С. Сорокин. Указ. работа, стр. 99—101.

¹²⁷ Там же, стр. 90 и след.

¹²⁸ М. О. Косвен. Семейная община и патримония. М., 1963, стр. 97, 109—110.

¹²⁹ С. В. Киселев. Древняя история, стр. 225—226.

¹³⁰ М. П. Грязнов. Первый Пазырыкский курган, стр. 64.

¹³¹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Указ. работа, стр. 91—105.

Каким был общественный строй у скотоводческих племен Центрального Казахстана в рассматриваемый период? Надо полагать, что общественное устройство у населения исследуемой территории мало чем отличалось от скифов¹²², савроматов, саков и других скотоводческих объединений Евразии.

Археологический материал по Центральному Казахстану и другим районам расселения родственных племен говорит о подалении имущественного неравенства между отдельными семьями и общинами и внутри их, о резком развитии и совершенствовании различных видов вооружения на базе расширения металлургического производства, зарождении частной собственности на скот и землю; письменные источники рассказывают о возникновении крупных племенных объединений, межродовой и межплеменной борьбе, военных походах и организованных военных набегах и т. д. Все это вместе взятое убеждает в существовании на территории Центрального Казахстана в сакское время военно-демократического строя, конечным этапом которого является переход к классовому государству¹²³.

Основным источником для изучения религиозных представлений у скотоводов Центрального Казахстана являются погребальный обряд и письменные свидетельства, оставленные древнегреческими, персидскими и китайскими авторами. Помимо специальных работ, посвященных этим вопросам, как, например, исследования М. О. Косвена, М. И. Артамонова, В. В. Гольмстен и многих других¹²⁴, в каждой монографии по эпо-

хе раннего железа им отведены разделы и главы¹²⁵. Все это освобождает нас от необходимости еще раз останавливаться и рассматривать одни и те же источники и общие положения.

Обычай захоронения с погребенным принадлежащего ему оружия, бытового инвентаря, верховых лошадей подтверждает существование у древних скотоводов Центрального Казахстана архаического культа умерших предков. Многочисленные остатки ритуальной пищи в виде костей барана, находящихся в погребениях и насыпях, следы разведения огня на перекрытиях могильных ям и вблизи курганов также свидетельствуют о дальнейшем развитии поминальных обрядов и обычаев очищения умерших огнем. Несомненно бытование и таких древнейших верований, как культ небесных светил, и прежде всего поклонение солнцу.

Археологические памятники изучаемой территории показывают, что, несмотря на общую для многих скотоводческих племен религиозную основу различных верований и культов, идеологическая трактовка их была не везде одинаковой. Очень своеобразным и специфичным для Центрального Казахстана следует считать обычай захоронения с умершим хозяином конских и бараньих голов. Как видно на примере курганов тасмолинского могильника, отрубленная по первый или второй шейный позвонок голова коня была полностью занузана и

проблемам в общих работах: I. Frazer. Les origines de la famille et du clan. P. 1922; А. Н. Максимов. К вопросу о тотемизме у народов Сибири. «Ученые записки РАИОН», 1928, т. 7; А. М. Золотарев. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934; Л. Морган. Древнее общество. Л., 1934; М. Ковалевский. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М., 1939; Д. Е. Хайтун. Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана. «Ученые записки Таджикского государственного университета», т. XIV, Душанбе, 1956.

¹²⁵ См., например, самые последние работы: С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, гл. VIII, X; его же. Культура населения Центрального Алтая, гл. XII, XIV; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, гл. VII, IX.

¹²² М. И. Артамонов. Общественный строй скифов. «Вестник ЛГОЛУ», 1947, № 9.

¹²³ М. О. Косвен. К вопросу о военной демократии. «Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», новая серия, т. LIV, М. — Л., 1960, стр. 250.

¹²⁴ М. О. Косвен. История первобытной культуры. М., 1953; М. И. Артамонов. Общественный строй скифов; В. В. Гольмстен. Из области культа древней Сибири; А. П. Круглов, Г. В. Подгаецкий. Родовое общество степей Восточной Европы. «Известия ГАИМК», 1938, № 119, и др. См. также ряд ценных замечаний по религиозным верованиям, социальным

положена у ног погребенного, мордой к югу. То, что погребалась именно голова, а не очищенный череп лошади, подтверждают оставшиеся под бронзовыми наделими узды куски кожи от головы, а в одном случае (Тасмола V, 3) благодаря сильному окислению сохранилась вся кожа с морды лошади. Ничего подобного у других скотоводческих племен мы не встречаем. У скифов, если судить по Геродоту, захоронения лошадей в богатых царских курганах производились по-иному. Там погребали не головы, а ставили чучела лошадей с уздечками и удилами¹³⁶. Этому «универсальному» обычаю, отмеченному Геродотом, суждено было долго существовать в разных вариантах почти на всей территории распространения скотоводческих племен в самое разное время: от эпохи бронзы¹³⁷ до средневековья¹³⁸. Параллельно с особым обрядом захоронения лошадей и баранов в Центральном Казахстане бытовал и только что описанный обычай. Впрочем, тут прослеживается определенная закономерность. Отрубленные конские головы, иногда с одной лопаткой, явно имевшей ритуально-магическое значение, помещали не где-либо в другом месте, а только рядом с умершим. По-иному обстояло дело с захоронениями лошадей вне погребений.

В первой главе уже отмечалось, что в малых (восточных) курганах из комплексов курганов с каменными грядками обычно погребали целые костяки лошадей и глиняный сосуд. В этом случае захоронивали целые конские трупы без какого-либо углубления в грунт.

Параллельное существование двух обычаев захоронения коня или его части яв-

ляется отражением сложной и не до конца еще понятной и исследованной системы религиозного мировоззрения древних скотоводов Центрального Казахстана. В нем переплетаются старые традиционные обычаи, известные на этой территории еще с эпохи бронзы (захоронение шкуры лошади из Былкылдака II), и новые явления, отражающие изменения, происшедшие в быту.

Мы подошли еще к одному вопросу, связанному с трактовкой уникальных комплексов — курганов с каменными грядками. Уже говорилось, что классический их образец представлен большим курганом, примыкающим к нему с восточной стороны малым курганом с захоронением лошади и глиняного сосуда и каменными грядками, отходящими в форме полудуг от малого кургана в восточном направлении.

Прежде всего эти комплексы по трудоемкости создания, своему богатству и пышности, несомненно, являлись погребениями крупной родоплеменной знати: вождей племен, глав патриархальных семей, старейшин рода, наиболее выдающихся воинов.

Анализ погребального инвентаря из курганов с грядками, антропологические данные не вскрывают каких-либо различий между ними и рядовыми погребениями, кроме социальных. Все пристройки к большому кургану с человеческим погребением (малый курган и каменные грядки) носят сугубо ритуальный характер и являются отражением определенного культа — вероятнее всего, солярного. Античные авторы оставили достаточно точные сведения о широком распространении в сако-массагетском мире культа небесных светил, и прежде всего солнца, как главного объекта религиозных верований.

Так, Геродот, описывая обычаи массагетов, соседей племен тасмолинской культуры, сообщает: «Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подбавляет быстрейшее животное»¹³⁹. В дру-

¹³⁶ Геродот. IV, 71—72.

¹³⁷ См.: К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. «МИА», 1951, 21, стр. 123—124; К. Ф. Смирнов. Погребения эпохи бронзы в Нижнем Поволжье. «СА», XXVII, стр. 216.

¹³⁸ М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. «МИА», 1956, 48, стр. 107; Н. В. Синицын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, 1947, стр. 128, рис. 86; «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М., 1939, стр. 63; В. Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1910, стр. 80.

¹³⁹ Геродот. История, I, 216.

гом месте он приводит письмо массагетской царицы Томирис Киру, захватившему ее сына: «... возврати мне моего сына и удайся из нашей страны... Если же не сделаешь этого, клянусь солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду кровью»¹⁴⁰. Поскольку значительная часть степных массагетов, которых в данном случае и имеет в виду Геродот, была скотоводами с культурой, родственной тасмолинским племенам, то следует допустить широкое распространение того же солнечного культа и у населения Центрального Казахстана. В курганах с каменными грядками видны все необходимые атрибуты солнечного культа Геродота: конь, как жертва «быстрейшему светилу», и каменные гряды, всегда открытые «входом» на восток.

С древними верованиями и культом предков связан один из интереснейших и широко распространенных обычаев — бльзамирование тел и трепанация черепов. Этот обычай, зафиксированный впервые для территории Южной Сибири и Казахстана М. П. Грязновым в Шибинском кургане¹⁴¹ и затем неоднократно отмеченный С. И. Руденко¹⁴² в Пазырыкских курганах, бытовал, очевидно, везде, где хоронили знатных лиц.

Строго говоря, обычай трепанировать черепа не был каким-то локальным явлением, подчеркивающим особенности верований определенных этнических групп раннесакского времени. Трепанация черепов возникла гораздо раньше и была широко распространена. Природа бытования ее различна.

Болгарский антрополог П. Боев, подробно исследовавший вопросы исторической трепанации, отмечает несколько географических ареалов существования трепанированных черепов: 1) Европа, Передняя Азия и Северная Африка (Египет, Алжир), где они особенно часто встречаются с эпохи неолита и раннего ме-

талла; 2) Северная и Южная Америка — со II тысячелетия до н. э. до XV в. н. э.; 3) Меланезия и Полинезия — от начала новой эры до XX в. Помимо этого П. Боев говорит о нахождении подобных черепов и в других районах, в частности на территории СССР (Армения, Литва, Минусинская котловина)¹⁴³.

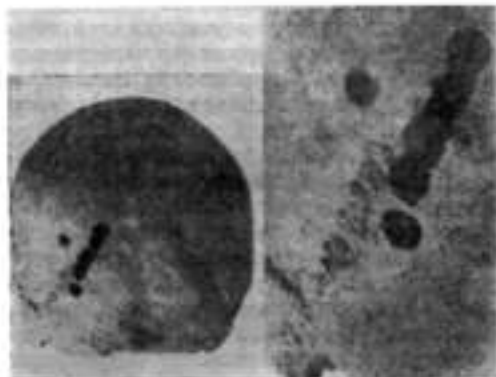

Рис. 73. Трепанированный череп из кургана I могильника Карабеге (по П. Боеву и О. Исмагулову).

Трепанация имела несколько видов и назначений. На один из них, не связанный с верованиями, указывает знаменитый греческий врач и естествоиспытатель IV в. до н. э. Гиппократ. Эллиские медики, по свидетельству Гиппократа, широко применяли трепанацию черепов в качестве метода лечения от таких заболеваний, как эпилепсия¹⁴⁴. П. Брока, один из первых исследователей, обобщивших большую серию трепанированных черепов неолитического времени, дает характеристику трем видам трепанации: хирургической, совершенной с лечебной целью над живыми; посмертной для получения амулетов круглой или овальной формы и связанной с му-

¹⁴⁰ Геродот, I, 212.

¹⁴¹ М. П. Грязнов. Раскопки княжеской могилы на Алтае. «Человек», 1928, № 2—4.

¹⁴² С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая, стр. 326—332; его же. Культура населения Центрального Алтая, стр. 329—334.

¹⁴³ П. Боев. Върху историческите трепанации. «Известия на Института по морфология», т. III, София, 1959, стр. 197—198.

¹⁴⁴ Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, гл. 21.

мифифицированием и бальзамированием трупов умерших¹⁴⁵.

Второй и третий виды исторической трепанации, как показывают материалы Шибе и Пазырыка, были довольно распространены в северных районах центральноазиатских степей, среди богатых погребений сакского времени. Теперь, после раскопок 1957 г., в Центральном Казахстане известен и первый вид.

Череп, о котором идет речь, происходил из погребения, относящегося к комплексу курганов с каменными грядками в урочище Карабие (Коунрадский район, Карагандинская область), и был продатирован V—IV вв. до н. э.¹⁴⁶ На нем сохранились следы уникальной трепанации. По определению В. В. Гиназбурга, О. Исмагулова и П. Боева, череп довольно крупного размера, с высокой мозговой коробкой брахианального типа, принадлежал мужчине европеоидного типа, по ряду признаков занимающего как бы промежуточное положение между известными андроновскими и тагарскими кракиологическими сериями.

Для последних автора в статье, посвященной черепу из Карабие, определяют возраст погребенного 35—40 лет и в то же время отмечают, что, судя по полной облитерации швов, соответствующих 60-летнему возрасту, индивид страдал эндокринным заболеванием¹⁴⁷. На левой части затылочной и задней части левой височной кости череп имел трепанацию

в виде пяти высверленных друг за другом отверстий, образовавших узкую щель с волнообразными краями (длина — 33 мм, наибольшая ширина — 7 мм), и двух отверстий несколько в стороне, диаметром 7,5 и 7 мм. Последнее отверстие пробито только наполовину.

П. Боев и О. Исмагулов, тщательно изучив череп, установили, что трепанация производилась металлическим сверлом в виде острия копыя и еще каким-то острым металлическим инструментом. Кроме того, они убедительно доказали медицинский характер трепанации при жизни индивида с целью лечения эндокринного заболевания и одновременно ответили на вопрос, почему не было высверлено до конца одно из отверстий. «По всей вероятности, оператор затронул *sinus transversus sinister*, и наступило большое кровоизлияние, явившееся причиной смерти. При этом проложении операция стала бессмысленной и не была окончена»¹⁴⁸. Еще одним доказательством своего заключения авторы считают оставшиеся открытыми стенки отверстий черепа, клетки губчатого вещества которых не имеют следов какого-либо оздоровления. Однако не все операции подобного типа кончались столь неудачно и плачевно для пациентов.

Е. Гийяр, изучавший еще в 30-х годах при помощи рентгенографических снимков края трепанированных черепов неолитического времени, доказал, что уже в то время многие операции давали положительный результат¹⁴⁹. П. Боев также приводит данные, например, по алжирским берберам III в. до н. э., у которых трепанации делали даже по несколько раз на одном и том же индивиде.

¹⁴⁵ P. Broca. Sur la trépanation du crâne et les amulettes crâniennes à l'époque néolithique. «RA». 1. Ser. 1, t. 6, 1877.

¹⁴⁶ Подробное описание и датировку этого памятника см. в моей статье. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. 7, 1959, стр. 170—173, рис. 7, на стр. 172 и 192.

¹⁴⁷ П. Боев, О. Исмагулов. Трепанированный череп из Казахской ССР. «СЗ», 1962, 2, стр. 131. Следует только отметить, что отнесение его к тюрку-кочевнику является недоразумением.

¹⁴⁸ Там же, стр. 132.

¹⁴⁹ E. Guillard. La trépanation crânienne chez les néolithiques et chez les primitifs modernes. Masson, 1930, p. 1—126.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5	Жертвенные круги Карасу	156
Часть первая. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КА- ЗАХСТАНА		Жертвенные круги Калмак-Кырган	159
ВВЕДЕНИЕ. История археологического ис- следования Центрального Казах- стана	9	Жертвенные круги Жарлы	159
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Вопросы периодизации культур эпохи бронзы	58	ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Бегзам-дандыбаевская культура	160
ГЛАВА ВТОРАЯ. Памятники андронов- ской культуры Центрального Ка- захстана	71	§ 1. Памятники раннебегзаминского време- ни Центрального Казахстана	160
§ 1. Нурунский этап андроновской куль- туры	71	Комплекс Аксу-Аюлы II	164
Группа Акшатау	71	Комплекс Ортау II	176
Группа Бугулы I	73	Комплекс Вайбала II	181
Группа Вайбала I	78	Комплекс Айдарлы	183
Группа Косагал	81	Комплекс Кусмурук (Бугулы II)	186
Комплекс Канаттас	82	ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Поселения и жи- лища	197
Комплекс Вотакара	89	§ 1. Характеристика поселений и жилых построек	204
§ 2. Атасуский этап андроновской куль- туры	91	Атасуское поселение	207
Комплекс Айтрак	91	Поселение Бугулы II	219
Комплекс Сангру II	100	Каркаралинское поселение	229
Комплекс Вылжылдак I	104	Поселение Улутуа	238
Комплекс Вылжылдак II	112	Поселение Суук-Булак	245
Комплекс Вылжылдак III	114	§ 2. Керамика с поселений	256
Комплекс Шерубай-Нура	116	ГЛАВА ПЯТАЯ. Хозяйство и быт племен эпохи бронзы Центрального Ка- захстана	258
Группа Карасай	116	§ 1. Хозяйство	258
Группа Темир-Астау	117	§ 2. Быт	264
Группа Карабие	118	§ 3. Добыча руды, обработка металла, камня и кости	266
Комплекс Аксу-Аюлы I	118	§ 4. Керамика	277
Комплекс Бегазы	125	§ 5. Общественное устройство	284
Комплекс Ельшибек	134	§ 6. Верования	290
Комплекс Вельсар	140	ПРИЛОЖЕНИЯ	295
Комплекс Егиз-Койтас	141	Приложение 1. Результаты исследо- ваний образцов шлана и руды с поселения Суук-Булак	297
Комплекс Жамбай-Карасу	143	Приложение 2. Результаты исследова- ний образцов шланов с Атасу- ского поселения	298
Комплекс Васбалдак	150		
Комплекс Алтынесу	151		
Комплекс Жанайдар	151		
§ 3. Жертвенные сооружения	154		
Жертвенные круги Воксай	155		
Жертвенные круги Талды	156		

Приложение 3. Сравнительная таблица костей животных с поселений эпохи поздней бронзы	301
--	-----

Часть вторая. ПАМЯТНИКИ ТАСМОЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ	303
---------------------------	-----

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Надмогильные сооружения и погребальный обряд 307

§ 1. Памятники первого этапа	311
Тасмола I	311
Тасмола V	315
Тасмола VI	333
Нурмабет IV	343
Боткара	345
Ак-Булак I, II	348
§ 2. Памятники второго этапа	349
Тасмола II	349
Тасмола III	352
Карамурун I	355
Карамурун II	362

Нурмабет I	365
Нурмабет II	367

ГЛАВА ВТОРАЯ. Тасмолинская культура в хронологической шкале памятников скифо-сагского времени 372

§ 1. Предметы вооружения	376
§ 2. Предметы конского снаряжения	383
§ 3. Предметы украшения и бытовой утвари	389

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Древние скотоводы Сары-Арки 403

§ 1. Вопросы этногеографии Центрального Казахстана	403
§ 2. Скотоводство и всадничество	409
§ 3. Бронзолитейное искусство и техника обработки различных материалов.	417
§ 4. Заметки по общественному устройству, обряду, верованиям и древней медицине	428

МАРГУЛАН Альей Хакимович
АКИШЕВ Кемаль Акишевич
КАДЫРБАЕВ Мир Касымович
ОРАЗБАЕВ Абдулманап Медеуович

**ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО
КАЗАХСТАНА**

Редактор
Н. Н. КОРОЛЕВА
Худ. редактор
Н. Д. СУЩИХ
Тех. редактор
П. Ф. АЛФЕРОВА
Корректоры
В. В. ХАРЧЕНКО, Э. А. ПЕРЕСВЕТОВА
Художник
Л. В. КОЗИН

• • •

Сдано в набор 18/IX 1965 г. Подписано к печати
14/II 1966 г.
Бумага № 1. Формат 84×108^{1/2}. Физ. л. 27,25 +
+5 вклеек. Усл. печ. л. 44,69. Уч.-изд. л. 44.
Тираж 1500, УГО3309. Цена 3 р. 05 к.

• • •

Типография издательства «Наука» Казахской
ССР, г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28. Зам. 202.

ПОПРАВКА

На стр. 374, в правой колонке, 27 строке сверху, напечатано: «сарматской археологии»¹², следует читать: «мзотской» и т. д.¹³

Зак. 202

В книге обобщены итоги многолетних археологических исследований Центрального Казахстана. Она состоит из двух частей. Первая посвящена памятникам эпохи бронзы, вторая — памятникам эпохи раннего железа.

В первом разделе на основе описания и изучения могильников и поселений дается периодизация памятников двух культур: андроновской и белазинской, освещаются вопросы хозяйства, быта и религиозных представлений местных племен.

Во втором разделе приводятся результаты раскопок 120 курганов, дается характеристика памятников двух исторических периодов: VII—VI и V—III вв. до н. э., исследуются вопросы хозяйства, культуры и этногеографии племен, населявших эту территорию в эпоху раннего железа.

Все памятники Центрального Казахстана рассматриваются в сравнении с памятниками культуры племен и народностей Алтая, Южной Сибири, Семиречья, Поволжья и южных районов России. Работы иллюстрированы. Рассчитана на научных работников — историков, преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов вузов.

